ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

filclass.ru

Том 26 • 2021 • № 4

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС
PHILOLOGICAL CLASS

Том 26 · 2021 • № 4
Vol. 26 • 2021 • No. 4

filclass.ru

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Registration certificate ПИ № ФС77-76120
of 24.06.2019

Учредитель – ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (УРГПУ)
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – FSBEO HE "Ural State Pedagogical University" (USPU)
620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS

Входит в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the lof the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog "Russian Press", Index 84587

Адрес редакции:
Уральский государственный педагогический университет.
Россия, 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 279

E-mail: edit@filclass.ru

Editorial Board postal address:
Russia, 620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 279

E-mail: edit@filclass.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: Professor **N. P. Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th–early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in German-language literature of Modernism (Germany, Austria, Switzerland), theory and practice of translation, and comparative-historical and typological linguistics: Professor **Pestova Natal'ya Vasil'evna** (Russia, Ekaterinburg, Private education institution "Sirius"); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Doctor of Philology, Leading Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLI); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); executive editor: Associate Professor **Skripova Ol'ga Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); Guest editor: **Petkova Galina** (Bulgaria, Sofia, Sofia University St. Kliment Ohridski); academic secretary: Associate Professor **Skripova Ol'ga Aleksandrovna**

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. Emer. **H. Guenther** (Germany, Bielefeld, Bielefeld University); Prof. **E. Dobrenko** (Great Britain, Sheffield, University of Sheffield); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Zhitenev** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Prof. **G. M. Ibatullina** (Russia, Sterlitamak, Sterlitamak Branch of Bashkir State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Cand. Sc. Kukulin I. V. (Russia, Sankt-Petersburg, Higher School of Economics); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **N. L. Mark** (USA, New York, Columbia University); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltzin); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University "St. Kliment Ohridski"); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Dr. hab. **A. Skotnicka** (Poland, Krakow, Jagiellonian University); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscov, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **P. Fast** (Poland, Katowice, University of Silesia in Katowice); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **H. Jens** (Switzerland, Fribourg, University of Fribourg); Prof. **H. Robert** (Germany, Hamburg, University of Hamburg)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: проф. **Н. П. Хрящева** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX вв.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по немецкоязычной литературе модернизма (Германия, Австрия, Швейцария), теории и практике перевода, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию: проф. **Пестова Наталья Васильевна** (Россия, Екатеринбург, ЧОУ ДПО «СИРИУС»); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, вед. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматике: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); приглашенный редактор: **Петкова Галина** (Болгария, София, Софийский университет Св. Климент Охридский); ответственный секретарь: доц. **Скрипова Ольга Александровна**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); профессор-эметериус **Х. Гюнтер** (Германия, Билефельд, Билефельдский университет); проф. **Е. Добренко** (Великобритания, Шеффилд, Университет Шеффилда); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **Г. М. Ибатуллина** (Россия, Стерлитамак, Башкирский государственный университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); канд. филол. наук **И. В. Кукулин** (Россия, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. Н. Липовецкий** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); хабил. д-р **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); хабил. д-р **А. Скотницка** (Польша, Краков, Ягеллонский университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **П. Фаст** (Польша, Катовице, Силезский университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Й. Херльт** (Швейцария, Фрибур, Фрибурский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

9 Danilina G. I., Khromova E. O. Transitive Literary Discourse in the Modern Novel

19 Никитин О. В. Энциклопедический словарь «Русский язык» и история его изданий в контексте филологической критики

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ РУСИСТИКА СЕГОДНЯ

34 Petkova G. Bulgarian Academic Studies in Russian Literature: Tendencies and Interests

35 Петкова Г. Болгарская академическая литературоведческая русистика: тенденции и интересы

36 Нейчев Н. Кайротизация времени в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского

50 Манолакев Х. Порфирий Петрович и Раскольников: герменевтика двойничества

63 Димитров Л. Выстрел как память, или работа актрисы над собой. Наброски на полях чеховской «Чайки»

76 Чавдарова Д. Книга / литература / библиотека как антиценность в творчестве В. Брюсова и А. Блока

85 Petkova G. An Unrealised in Sofia *Collection of Studies on Gogol* (1932?): An Attempt at Reconstruction

96 Lyutskanov Y. Early Gulag Studies Between Ostracism and Forgetfulness

«ЯЗЫК НАРОДА… ГЛАВНЕЙШИЙ И НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ РОДНИК НАШ»: К ЮБИЛЕЮ В. И. ДАЛЯ

107 Рут М. Э. Даль – человек и словарь (к 220-летию со дня рождения)

117 Гридина Т. А. Словарь В. И. Даля и современная ассоциативная лексикография

127 Коновалова Н. И. Семантизация сакральной лексики в словаре В. И. Даля

136 Михайлова О. А. Ограничительные компоненты в словаре В. И. Даля

143 Никитин О. В. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына как лексикографический эксперимент

156 Осипова К. В. Этнолингвистические словари и перспективы этнолингвистической лексикографии

168 Никитина Т. Г., Рогалёва Е. И. Пословица в современном учебном словаре

CONTENT

PROJECTS. PROGRAMS. HYPOTHESES

9 Danilina G. I., Khromova E. O. Transitive Literary Discourse in the Modern Novel

19 Nikitin O. V. The Encyclopedic Dictionary "Russian Language" and the History of Its Publications in the Context of Philological Criticism

BULGARIAN STUDIES OF RUSSIAN LITERATURE TODAY

34 Petkova G. Bulgarian Academic Studies in Russian Literature: Tendencies and Interests

36 Neychev N. Kairotization of time in "Crime and punishment" by F. M. Dostoevsky

50 Manolakev H. Porfiry Petrovich and Raskolnikov: Hermeneutics of doubles

63 Dimitrov L. The Shot as a Memory, Or an Actress's Work. Sketches on Chekhov's "The Seagull"

76 Chavdarova D. The Book / Literature / Library as a Anti-Value in the Works of V. Bryusov and A. Blok

85 Petkova G. An Unrealised in Sofia *Collection of Studies on Gogol* (1932?): An Attempt at Reconstruction

96 Lyutskanov Y. Early Gulag Studies Between Ostracism and Forgetfulness

"THE LANGUAGE OF THE PEOPLE… IS THE MOST IMPORTANT AND INEXHAUSTIBLE SOURCE OF OUR INSPIRATION": TO THE ANNIVERSARY OF V. I. DAHL'S BIRTHDAY

107 Ruth M. E. Dahl – a Man and a Dictionary (for the 220th Anniversary of the Birth)

117 Gridina T. A. V. I. Dahl's Dictionary and Modern Associative Lexicography

127 Konovalova N. I. Semantization of the Sacred Vocabulary in the Dictionary of V. I. Dahl

136 Mikhailova O. A. Restrictive Components in the Dictionary of V. I. Dahl

143 Nikitin O. V. A. I. Solzhenitsyn's "Russian Dictionary of Language Expansion" as a Lexicographical Experiment

156 Osipova K. V. Ethnolinguistic Dictionaries and Prospects of Ethnolinguistic Lexicography

168 Nikitina T. G., Rogaleva E. I. A Proverb in the Modern Learner's Dictionary

182 Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. «Словарь юридических терминов в российских СМИ XXI века» как новый лексикографический продукт

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВЕКОВ

195 Romanovska A. Social and Psychological Contexts of the Soviet Period in Latvian Detective Novels

206 Колесникова Е. И. Ленинградский Сизиф: творческая судьба Рида Грачева

219 Созина Е. К. Актуальность Решетникова: стиль писателя в современной литературе Урала

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

230 Купина Н. А. Прецедентный фонд русской культуры и языковая личность школьника

241 Федотова Т. В. Тенденции варьирования вокативных форм в молодежной языковой среде

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА

249 Панов С. И., Панова О. Ю. Теодор Драйзер – «советский зарубежный классик»

263 Antsyferova O. Yu. Woody Allen and Theodor Dreiser: Paradoxes of Negated Affinity

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

273 Polyakov O. Y. "Pathetic" Literary Criticism in the Essays by Joseph Warton: a Compromise Between Augustanism and Pre-Romanticism

284 Щербинина О. И. Советский Союз в мемуарах Лилиан Хеллман

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

291 Литовская Е. В. Литературные «эстетики» в помощь школьникам

302 Григорян А. А., Попкова Е. Б. Обучение русскому языку студентов из Туркменистана

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

316 Полева Е. А., Левченко М. Л. Итоги I Всероссийской научно-практической конференции «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения»

182 Kondratyeva O. N., Ignatova Yu. S. "The Dictionary of Legal Terms in the Russian Mass-Media of 21St Century" as a New Lexicographical Product

TRAJECTORIES OF THE LITERARY PROCESS OF THE 20TH – 21ST CENTURIES

195 Romanovska A. Social and Psychological Contexts of the Soviet Period in Latvian Detective Novels

206 Kolesnikova E. I. Sisyphus from Leningrad: the Creative Life of Reed Grachev

219 Sozina E. K. The Relevance of Reshetnikov's Creative Activity: The Author's Writing in Modern Ural Literature

PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

230 Kupina N. A. Precedent Texts of Russian Culture and Linguistic Personality of a Schoolchild

241 Fedotova T. V. Trends in the Use of Vocative Forms in the Youth Language Environment

TO THE 150TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THEODORE DREIZER

249 Panov S. I., Panova O. Yu. Theodore Dreiser as a "Soviet Foreign Classic"

263 Antsyferova O. Yu. Woody Allen and Theodor Dreiser: Paradoxes of Negated Affinity

ISSUES OF GLOBAL LITERATURE POETICS

273 Polyakov O. Y. "Pathetic" Literary Criticism in the Essays by Joseph Warton: a Compromise Between Augustanism and Pre-Romanticism

284 Shcherbinina O. I. Soviet Union in Lilian Hellman's Memoirs

THEORY AND METHODS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES AT HIGHER AND SECONDARY SCHOOL

291 Litovskaia E. V. Literary "Aesthetics" to Help Students

302 Grigoryan A. A., Popkova E. B. Teaching Russian Language to Students from Turkmenistan

REVIEWS

316 Poleva E. A., Levchenko M. L. Results of the First Russian National Scientific-Practical Conference "Literature for Children and Teenagers: Approaches to Analysis, Reading Practices, And Regional Context of Study"

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 82-31:81'42. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-01. ББК Ш33(4)64-44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

TRANSITIVE LITERARY DISCOURSE IN THE MODERN NOVEL

Galina I. Danilina
University of Tyumen (Tyumen, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0100-0948

Ekaterina O. Khromova
University of Hamburg (Hamburg, Germany)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9467-3024

Abstract. The novels of W. G. Sebald, Vladimir Vertlib, Alexei Makushinsky, and many other contemporary writers around the world challenge both readers and researchers. These authors tend to have a (trans)migrant background and establish their texts at the intersection of many cultural codes, languages, and sign systems. Literary translingualism and multimodality from particular stylistic techniques are becoming dominant writing strategies for an entire corpus of outstanding fictional texts for which previous analytical approaches become irrelevant. This is new literature that needs to be addressed and discussed in a new way. This article hypothesizes that in such novels, a new – transitive – discursive practice is taking shape. The article presents the concept of transitive literary discourse and reveals some of its common features based on the three translingual novels. These are "Austerlitz" (2001) by W. G. Sebald (Germany – UK), "Way Stations" (1999) by Vladimir Vertlib (Russia – Austria), and "Steamship to Argentina" (2014) by Alexei Makushinsky (Russia – Germany). The authors of the article combine the methods of discourse analysis, historical and theoretical poetics. Mikhail Bakhtin's works on the aesthetics of verbal creativity provide the methodological basis of the study. The intellectual toolkit of the transnational and visual methodological turns is also engaged. The study reflects a set of topical issues of modern literary theory aimed at understanding the language of literature and art at the turn of the 20th and 21st centuries (the era of globalization). Transitive literary texts actualize the problem of the language of description, methodology and analysis technique of a new literary discourse.

Keywords: literature studies; literary theory; transitive literary discourse; literary translingualism; multimodality; W. G. Sebald; V. Vertlib; A. Makushinsky

© Г. И. Данилина, Е. А. Хромова, 2021

ТРАНЗИТИВНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ

Данилина Г. И.
Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0100-0948

Хромова Е. О.
Университет Гамбурга (Гамбург, Германия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9467-3024

Аннотация. Романы В. Г. Зебальда, Владимира Вертлиба, Алексея Макушинского и многих других современных писателей по всему миру бросают вызов и читателям, и исследователям. Такие авторы, как правило, имеют (транс)мигрантский бэкграунд и создают свои тексты на пересечении разных культурных кодов, языков и знаковых систем. Литературная транслингвальность и мультимодальность из частных стилистических приемов становятся доминирующими стратегиями письма для целого корпуса выдающихся художественных текстов, по отношению к которым предыдущие аналитические подходы утрачивают свою релевантность. Это новая литература, которую необходимо рассматривать и обсуждать по-новому. Мы выдвигаем гипотезу о том, что в таких романах складывается новая – транзитивная – дискурсивная практика. В настоящей статье вводится понятие транзитивного литературного дискурса и выделяются его некоторые характерные черты на материале трех транслингвальных романов. Это «Аустерлиц» (2001) В. Г. Зебальда (Германия-Великобритания), «Промежуточные станции» (1999) Владимира Вертлиба (Россия-Австрия) и «Пароход в Аргентину» (2014) Алексея Макушинского (Россия-Германия). В своем исследовании авторы статьи используют сочетание методов дискурс-анализа, исторической и теоретической поэтики. Методологическую основу исследования составляют работы Михаила Бахтина по эстетике словесного творчества. Также задействован интеллектуальный инструментарий транснационального и визуального методологических поворотов. Исследование отражает комплекс актуальных вопросов современной теории литературы, направленных на осмысление языка литературы и искусства рубежа XX–XXI вв. (эпохи глобализации). В первую очередь эти вопросы касаются формирования поэтики, основанной на кросс-культурной интеграции разных языков – как национальных, так и языков культуры. Тексты, носящие транзитивный характер, ставят перед современным литературоведением проблему языка описания, методологии и методики анализа нового литературного дискурса.

Ключевые слова: литературоведение; теория литературы; транзитивный литературный дискурс; литературная транслингвальность; мультимодальность; В. Г. Зебальд, Вл. Вертлиб; А. Макушинский

Для цитирования: Данилина, Г. И. Транзитивный литературный дискурс в современном романе / Г. И. Данилина, Е. О. Хромова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 9–18. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-01.

For citation: Danilina, G. I., Khromova, E. O. (2021). Transitive Literary Discourse in the Modern Novel. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 9–18. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-01.

1. Introduction

Both translingualism and multimodality are among the dominant features of the contemporary literary process and have been privately and independently studied under different methodological applications. Our research **aims** to propose a theoretical approach that allows considering these and some other properties of contemporary literature as a single phenomenon, resulting in different manifestations in the aesthetics of verbal creativity. This phenomenon can be understood as the global search for a new literary language in the era of post-information and de-territorialization. Additionally, it can be assumed that we are concerned here not only with an interesting literary phenomenon but also with the manifestation of deep meaningful transformations of artistic consciousness in the literary form.

We propose to introduce the category of *transitive literary discourse* into the theoretical apparatus of literary studies. Literary translingualism and multimodality in transitive discourse present a change in the writing type, a transition of metaphoric and poetic language traits. Transitive literary discourse is often present in the works of writers with a (trans)migrant background – this will be demonstrated. However, it can also be found in the texts of authors who biographi-

cally seem to fit into the "national literature" of their home country (e. g. Olga Tokarczuk, Robert Menasse, etc.). Their texts reflect the understanding of the global world, transforming constantly and rapidly, and become their unique artistic statement (text as a statement [Bakhtin 2012]). Therefore, literary translingualism is the process of verbal formation of a non-static, cross-border – t r a n s i t i v e – picture of the world. We will examine this and some other attributes of transitive literary discourse based on the translingual novels of three European (trans) migrant writers: "Zwischenstationen" (1999) / *Way Stations* by Vladimir Vertlib (Russia – Austria), "Austerlitz" (2001) by Winfried Sebald (Germany – UK), and "Пароход в Аргентину" (2014) / *Steamship to Argentina* by Alexei Makushinsky (Russia – Germany).

2. Translingualism – Multimodality – Transitivity

Translingual fictional text is frequently used as research material in studies of various disciplinary fields, and this might give the impression that the phenomenon of translingual literature has already been sufficiently investigated. However, since each field (including inter-, multi-, and postdisciplinary areas of knowledge) has its problems as well as research objects, many projects involving translingual literature explore the author's linguistic personality, didactic toolkit, linguistic processes, cultural realities, and so on, rather than consider the literary text as such (that is, as an aesthetic statement). Meanwhile, the translingual fictional text is a matter of formation of a new literary practice, which requires a focused theoretical reflection.

The relatively new term *translingualism* has significant interpretational differences in various disciplines. This is especially important to consider when it comes to related research areas, such as linguistics and literary studies. From a linguistic perspective, literary translingualism is primarily related to the personality of authors (and not to the text) who turn to more than one language in their work or completely transition to a second language [Killman 2019]. Conceived as a fact of literature rather than language, the phenomenon of translinguality has a different meaning. According to the definition in "Handbuch Literatur und Transnationalität" (2019), the concept of translingualism describes and emphasizes the intersection, interweaving, and mutual penetration of languages ("die Kreuzung, Verflechtung und wechselseitige Durchdringung von Sprachen") [Bischoff & Komfort-Hein 2019: 492]. Therefore, as a term for literature studies, *translingualism* conveys, first, a new kind of relationship between languages (it is no longer the sum of L1, L2, L3 …, but a constant transition from one to another) and second, a distinct linguistic hierarchy within the text (the language prevailing quantitatively is no longer dominant). This distinguishes translingual literature from multilingual, multicultural literature. Multiculturalism is understood as a juxtaposition of strictly separate cultures, in which the guiding distinctions of "one's own" and "alien" make cultural exchange (still) *a special case*. However, in the era of globalization, culture constitutes differently. It is "a kind of cultural hypertext" of multiple de-limitation and de-location [Han 2005: 59]. This axiological shift results both in new research optics and in new aesthetic principles of creativity.

One of the key challenges in the investigating of translingual texts is the search for a relevant method of analysis that would allow the consideration of the function of literary translingualism in the implementation of the author's *architectonic task* [Bakhtin 2012]. Since the early 2000s, Western literary scholars have already taken significant steps in describing the aforementioned phenomenon as a category of literary studies. Summarizing the results of these efforts, Esther Kilchmann lists the following concepts: E x o p h o n i e / 'exophony' by Susan Arndt, Dirk Naguschewski, and Robert Stockhammer; L i t e r a t u r e n o h n e f e s t e n W o h n s i t z / 'literatures without a permanent residence' by Ottmar Ette; and p o s t m o n o l i n g u a l c o n d i t i o n by Yasemin Yildiz [Kilchmann 2019: 85]. However, Kilchmann also notes that none of these conceptual approaches has been able to gain general and wide acceptance: „Aus Sicht von Autorinnen und Autoren scheint der Reiz mehrsprachiger Schreibweisen allerdings auch gerade darin zu bestehen, dass dadurch ein standiger Wechsel inszeniert werden kann, der sich festen Zuschreibungen entzieht" [Kilchmann 2019: 85].

In practical research, such a methodological gap may result in a contextual reduction. It occurs when the researcher considers translinguality as a feature of the poetics of a particular author without correlating it with the literary process and

cultural context. Another problem is that studies often focus on interlingual insertions or cross-lingual allusions as independent artistic techniques. This perspective impedes the revelation of the differences between modern translingual practices on the one hand and past forms of literary multilingualism and bilingual creativity on the other. Consequently, it might seem that we are dealing only with a repetition of well-known literary devices rather than a new phenomenon in world literature.

In contrast, the situation with theoretical comprehension of *multimodality* in the modern novel – another notable trend – is relatively better. For instance, the formal distinction between multimodality and the conceptually close technique of *intermediality* is well established. In a literary text such as a novel, intermediality implies the "translation" of units of the non-verbal semiotic system (architecture, music, painting, and so on) into a verbal one. In contrast, the multimodal component is non-verbal and easily "separable" from the verbal fabric of the novel. These include photographs, graphically highlighted text inclusions, reproductions of printed texts from other sources, various discursive modulations (e. g. the transcript of a telephone conversation) that the author systematically introduces in the text. Furthermore, the principle of separation of multimodal insertions and illustrations in the text is also clear. The illustration is facultative and optional, but the multimodal component is directly involved in the process of meaning formation in the novel. Therefore, compared to literary translingualism, multimodal writing strategies are easier to capture, and their connection precisely with the effects of today's globalizing world is evident.

Translingualism and multimodality are striking, though not the only, features of transitive discourse. They ensure the "movement" between languages and sign systems, and thus the unsteadiness and variability of the fabric of the text, which seems to "avoid fixation". The emergence of such writing strategies and transitive imagery is associated with a qualitative shift in artistic and generally cultural consciousness, which has been actively explored over the past 20 years within the framework of the so-called transnational methodological turn:

> To think of literature from a transnational perspective is to put an emphasis on transit – on mobility, migration, travel, and exchange, forms of experience that create bonds between people that, while fostering a sense of national unity, also connect people and their cultural practices across, over, and through geographic and human-made borders [Jay 2021: 10].

The transnational turn is thus based on the idea of a porous border as a space of dialogue, and translingualism and multimodality are writing strategies that recreate this new cultural "Selbstverständnis" ('self-understanding') in the literary text [Curtius 1975].

3. Alexei Makushinsky's translingual poetics

Alexei Makushinsky (b. 1960, Moscow) is a famous Russian-speaking writer fluent in German, English, and French, who has been living in Germany since the late 1990s. The author of four novels, one non-fiction book, and poetry and essay collections, Makushinsky is regularly in the spotlight of critics and has received various literary awards including audience prizes. However, his translingual texts are only just beginning to become objects of directed scholarly interest.

Steamship to Argentina (2014) is the third novel by Makushinsky, the most celebrated and the most formally multilingual one: over 300 fragments in seven languages – French, German, English, Spanish, Italian, Latin, and Latvian – are consistently and evenly introduced into the main text in Russian. These are individual words and phrases that repeat the Russian fragments and are separated from them by commas:

> Лютеция, сказал проводник моего сна, окончательно переходя на латынь, – величайший и прекраснейший на земле город, Lutetia Parisiorum, сказал и повторил проводник, urbs grandissima atque pulcherrima est / 'Lutetia, said the train conductor in my dream, switching completely to Latin, is the greatest and most beautiful city on earth, **Lutetia Parisiorum,** said and repeated the conductor, **urbs grandissima atque pulcherrima est**'[1];
>
> Чего вы ищете в архитектуре? <…> Как можно ответить на такой вопрос, such a question? Как бы мы на него ни ответили, любой ответ будет только словами, более ничем, just words, nothing more / 'what are you looking for in architecture? <…> How can we answer such a question,

[1] Hereafter, the English translation and bolding are ours.

such a question? No matter how we answer it, any answer would be just words, nothing more, **just words, nothing more**';

Природа вещей, la nature des choses, раскрывалась перед его внутренним взглядом, son regard intérieur / 'The nature of things, **la nature des choses**, unfolded before his inner gaze, **son regard intérieur**' [Makushinsky 2018: 14, 128, 68].

Or in brackets:

и я выбрал такой бетон, такой грубый, с таким крупным наполнителем, таким большим содержанием щебня (grobe und große Gesteinkörnung), что он выглядит как природный материал / 'and I chose such concrete, so coarse, with so much filler, so much gravel (**grobe und große Gesteinkörnung**), that it looks like a natural material';

Мы обречены, говорит он, на поиски некоего смысла (a sort of sense). <…> Мы не можем его высказать, но можем его осуществить (realise) / 'we are condemned, he says, to search for a sort of sense (**a sort of sense**). We cannot articulate it, but we can realise (**realise**) it';

фотографии Музея современного искусства в Осаке, построенного в виде яйца, лежащего на боку <…> – одна из самых смелых, как сказано было в комментариях к картинке, и самых безумных его построек, шедевр сумасшедшей архитектуры (**architecture folle**) / 'the photos of the Osaka Museum of Contemporary Art, built in the shape of an egg lying on its side <…> – one of his boldest, as it was said in the comments to the picture, and his craziest constructions, a masterpiece of crazy architecture (**architecture folle**)' [Makushinsky 2018: 154–155, 130, 47].

In rare cases, foreign-language fragments do not have equivalents in Russian in the text of the novel. First, when the reader can "guess" the meaning of the word from the context – «Я плыл в Аргентину по делам, disons, своей фирмы» / 'I was sailing to Argentina on business, **disons**, for my firm' [Makushinsky 2018: 38]. Second, when it is a precedent text: «Самой важной для него цитатой, когда он работал, было чудесное стихотворение Поля Валери о колоннах (douces colonnes, ô l'orchestre de fuseau… chacun immole son silence a l'unisson…)» / 'the most important quote for him while he was working was Paul Valéry's wonderful poem about columns **(douces colonnes, ô l'orchestre de fuseau… chacun immole son silence a l'unisson…)**' [Makushinsky 2018: 127]. Finally, if the Russian version of the fragment is not quite "safe", as it potentially leads to new (unwanted) meanings – "So we just did it in the car and then in the cabin, and I came three times consequently (twice with the clitoris and at the end with the uterus… it's a sort of a poem, isn't it?), screaming and biting him like a whore" [Makushinsky 2018: 259].

Since the plot of "Steamship to Argentina" is devoted to the fate of emigrant characters (the first and second waves of Russian emigration) and all the major shocks of the 20th century, there is a temptation to explain the formal multilingualism in the novel by the need to portray interlingual interference in the speech of people who have long lived outside their native language environment. However, analysis of the text points to a different function of literary multilingualism in "Steamship to Argentina". This novel is m e a n i n g f u l l y translingual: foreign-language inclusions are stylistic dominants of the text through which the author recreates certain images of the world, character, and language. This world is dynamic and escapes fixation by the boundaries of nation-states: the characters walk down a German *Straße*, French *rue* and find themselves on an Argentine *avenida*. This character has a multiple identity to which, as the plot develops, he adds new dimensions, and his very name changes its "nationality" from time to time: *Александр Николаевич Воскобойников* in Russia, *Alex Vosco* in France, and *Alejandro* in Argentina. This language is the intersection of languages, a continuous transition from one to another.

Another crucial element of the translingual poetics in this novel is the actualization of the architectural code, which can be seen as an additional language. From a semiotic perspective, architecture is a universal sign system that does not require translation and prompts certain actions (climbing stairs, looking out the window) [Eco 2006: 262]. Architect Voskoboynikov speaks this language around the world, and the recognition and demand he receives according to the plot indicate that his a r c h i t e c t u r a l s t a t e m e n t s have been heard.

Voskoboynikov's architectural constructions appear as philosophical theses that rhyme with both the plot and the semantic level of the novel, and thus are available for translation into the verbal sign system. Some of them literally correspond

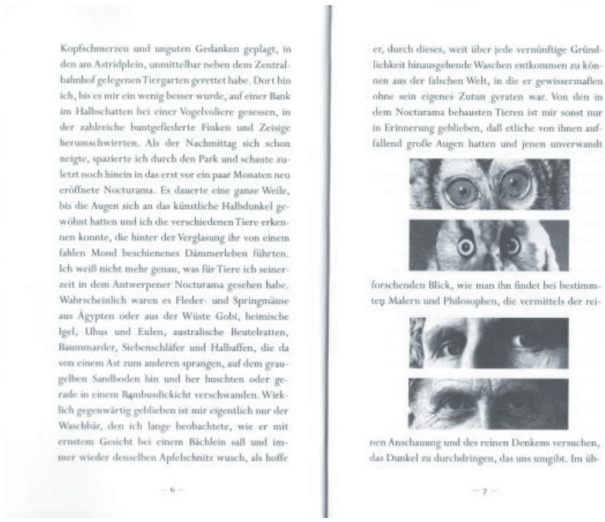
to the phrases from the architect's diaries, articles and interviews. For instance, the egg-shaped museum of contemporary art mentioned in the quote above is one of the most important theses of the novel: «Все устроено не так, как мы думаем» / 'Everything is not arranged the way we think it is' [Makushinsky 2018: 199]. Other architectural projects of the main character can be interpreted as "Harmony of text and context", "Fighting the forces of anonymity", "Rethinking the past as an alternative to denying it". At the same time, all of them are characterized by the modality of motion: the bridge f l i e s over the bay; the university s l i d e s d o w n the slope; the new residential area d e s c e n d s in ledges and, when viewed from above, resembles the curves and loops of a river.

4. W. G. Sebald's Photo Narrative

Of all the authors discussed in this article, it is concerning Sebald's work that researchers often use the notion of 'transitivity' and in different contexts: *poetics of transitive memory* [Wollf 2009], *transitive identity* [Clingman 2009], the *transitive activity of construction* [Williams 2019]. Thus, by proposing the concept of a transitive literary discourse, in a sense, we continue the already outlined research logic. The optic we propose makes it possible to reveal the manifestation of transitional poetics in their interrelation at all levels of the fiction text: formal and stylistic, thematic, semantic, figurative and metaphorical, and character level.

The German-British poet, novelist, essayist, and literary historian Winfried Georg Maximilian Sebald (1944–2001) is one of the most revered authors of the late twentieth century. He was born and spent his childhood in the Bavarian fairground community of Wertach. He studied German philology at universities in Germany, Switzerland, and UK, where he later moved permanently in 1970. In his fiction texts, which some researchers prefer to call books rather than novels [Zilcosky 2006], Sebald developed themes of memory, forgetting, silence, and national trauma associated with the events of the Second World War and the Holocaust. The main language of Sebald's work is German. His most recognizable techniques are the documentary and, at times, encyclopedic factuality of the fiction, translingualism, and the introduction of a visual element that we will focus on in our article.

In his books (both in novels and nonfiction), Sebald places images (indistinct black and white photographs, drawings, newspaper clippings, and other documents) the connection of which to the text seems contingent. The writer works hard to strip the image of its illustrative function such that the picture becomes a supplement to (and confirmation of) the written words. Thus, for instance, visual insertions are placed in the fabric of the text in seemingly inappropriate places, not at the moment of an intonation pause but often "in the middle" of a word. Simultaneously, as the researchers of the photopoetics of Sebald have pointed out, images have new functions: to unite the stories in the novel; to discover a deeper connection between the stories than the narrator shows; to fill in information that is missing in the text [Zozulia 2018]:


Kopfschmerzen und unguten Gedanken geplagt, in den am Astridplein, unmittelbar neben dem Zentralbahnhof gelegenen Tiergarten gerettet habe. Dort bin ich, bis es mir ein wenig besser wurde, auf einer Bank im Halbschatten bei einer Vogelvoliere gesessen, in der zahlreiche buntgefiederte Finken und Zeisige herumschwirrten. Als der Nachmittag sich schon neigte, spazierte ich durch den Park und schaute zuletzt noch hinein in das erst vor ein paar Monaten neu eröffnete Nocturama. Es dauerte eine ganze Weile, bis die Augen sich an das künstliche Halbdunkel gewöhnt hatten und ich die verschiedenen Tiere erkennen konnte, die hinter der Verglasung ihr von einem fahlen Mond beschienenes Dämmerleben führten. Ich weiß nicht mehr genau, was für Tiere ich seinerzeit in dem Antwerpener Nocturama gesehen habe. Wahrscheinlich waren es Fleder- und Springmäuse aus Ägypten oder aus der Wüste Gobi, heimische Igel, Uhus und Eulen, australische Beutelratten, Baummarder, Siebenschläfer und Halbaffen, die da von einem Ast zum anderen sprangen, auf dem graugelben Sandboden hin und her huschten oder gerade in einem Bambusdickicht verschwanden. Wirklich gegenwärtig geblieben ist mir eigentlich nur der Waschbär, den ich lange beobachtete, wie er mit ernstem Gesicht bei einem Bächlein saß und immer wieder denselben Apfelschnitz wusch, als hoffe

– 6 –

er, durch dieses, weit über jede vernünftige Gründlichkeit hinausgehende Waschen entkommen zu können aus der falschen Welt, in die er gewissermaßen ohne sein eigenes Zutun geraten war. Von den in dem Nocturama behausten Tieren ist mir sonst nur in Erinnerung geblieben, daß etliche von ihnen auffallend große Augen hatten und jenen unverwandt

forschenden Blick, wie man ihn findet bei bestimmten Malern und Philosophen, die vermittels der rei-

nen Anschauung und des reinen Denkens versuchen, das Dunkel zu durchdringen, das uns umgibt. Im üb-

– 7 –

Pic. 1. Fragment of the novel "Austerlitz", German edition

The result is a photo narrative that tells a separate story and thus the reader is in constant transition between two sign systems. By breaking the narrative link between text and photographic image, Sebald manages to achieve a dialogue of two narratives. In this dialogue, images are given a "voice" and we can speak of the presence of an independent language in the novels – photography.

In the novel "Austerlitz" (2001) there are 86 visual inclusions. Comparison of the German (original), English (authorized), and Russian editions of the novel [Sebald 2019; Sebald 2011; Zebald 2019] showed that the size of the visual fragments and their place in the text coincide as much as possible given the translation and the differences in the "size" of graphic signs and semantic units in different languages.

Pic.1 shows the first elements of photopoetics that the reader of "Austerlitz" sees (except for the cover photo, which, however, at the beginning of reading the novel is not yet perceived as part of the narrative). "Austerlitz" opens with a description of the storyteller's visit to the pavilion of nocturnal animals (Nocturama) in the Belgian city of Antwerp. And then goes on:

> Von den in dem Nocturama behausten Tieren ist mir sonst nur in Erinnerung geblieben, daß etliche von ihnen auffallend große Augen hatten und jenen unverwandt
> < *photo of the eyes of "animals"* >
> forschenden Blick, wie man ihn findet bei bestimmten Malern und Philosophen, die vermittels der reinen Anschauung und des rei-
> < *photo of human eyes*>
> nen Denkens versuchen, das Dunkel zu durchdringen, das uns umgibt[1] [Sebald 2001: 7–8].

In Sebald's novels there are no image captions clarifying the content of the photograph, and therefore researchers and commentators are engaged in the "unraveling" of the photographs on their own. In particular, it has been established [Malikova 2008] that in the fragment in question the eyes "belong" to 1) a lemur, 2) an owl, 3) a close friend of the writer – the artist and photographer Jan Peter Tripp, 4) the philosopher Ludwig Wittgenstein (who "appears" again a few pages later – this time in the verbal text – when portraying of Austerlitz).

The appearance of all these "eyes" in the novel (as well as other visual fragments in Sebald's work) does not seem justified through the verbal narrative. It surprises readers and, in a sense, confuses them [Hills 2012]. Examining instances of the "invasion" of the visual in Sebald's novels, Helen Hills observes that through this kind of interaction between text and image, the writer makes visible "the great difficulty and the responsibility of enunciating". The researcher goes on to explain as follows:

> His writing demonstrates the extremely problematic relationship between writing and speaking, images and memory, and the obliteration of other stories or other versions of the same story that his words necessarily and inevitably represent, even in their arduous task of searching to remember something and to restore something that has been willfully obliterated [Hills 2012: 63].

The "hybrid" interplay of verbal and visual codes in Sebald's novels are suspended in a relationship of compromise, and this potentially removes the problem Hills speaks of: any story told necessarily and inevitably erases other stories. The writer destroys the integrity and harmony of his artistic statement, thereby depriving it of its ability to be termed/considered a story and to claim truthfulness. In this manner, the destruction of subjectivity through the image of "text-ruin" actualizes the architectural code in W. G. Sebald's novels [Schauss 2021; Ward 2006].

The same function is inherent in the translingual component in the novel "Austerlitz". Foreign-language inclusions in six languages – French, English, Czech, Dutch, Valais, and Latin – can be seen as compromising literary discourse, refuting of the sustained integrity and objectivity of the artistic statement; as an attempt to ruin the mythology of a monolithic national literatures based on the idea of "national language". This is the crucial distinction between translingualism in "Steamship to Argentina" and "Austerlitz". Makushinsky's translingual narrative is a dynamic recreation of a multilingual and transitive artistic world and the image of man in it; national languages in their transition from one to another is an image of the

[1] "Otherwise, all I remember of the denizens of the Nocturama is that several of them had strikingly large eyes, and the fixed, <*photo*> inquiring gaze found in certain painters and philosophers who seek to penetrate the darkness <*photo*> which surrounds us purely by means of looking and thinking" [Sebald 2001: 3].

global language. Conversely, Sebald's artistic world disintegrates into multiple worlds, and this is also a manifestation of transitivity.

5. 'Zwischenbereich' of Vladimir Vertlib

Vladimir Vertlib was born in Leningrad (now St. Petersburg) in 1966. When he was five, his family moved from the USSR to Israel. He subsequently lived in Austria, the Netherlands, the *United States*, Italy, and finally, in 1981, returned to Austria. Vertlib currently holds Austrian citizenship. The main language of his work is German. According to Vertlib (the essay "Spiegel im fremden Wort"), for people who emigrated, the homeland is a kind of fictitious "inter-world" since "emigration is international" [Vertlib 2012: 15]. He further adds, "It is an intensified form of experience of another existence and of loss of identity, which has become a sign of our time" and "making this global aspect of emigration visible seems to me as one of the most important tasks of contemporary art". This is the primary theme of Vertlib's creative work, which we prescribe should determine the way of studying his works. Vertlib insists, „Sincetherearenо 'pure' nation-states, therearenomore national literatures" („...da es keine reinen Nationalstaaten gibt, gibt es auch keine Nationalliteraturen mehr") [Vertlib 2012: 37].

The writer highlights that in the works of migrant writers, there is no semantic unambiguity; they refer to a special area of culture which can be termed interethnic (Zwischenbereich) [Vertlib 2012: 39]. This forms a border area where different languages of different cultures coexist and converge: "Meine schriftstellerische Heimat ist der Grenzbereich, die Gleichzeitigkeit und das Nebenein ander" ("My literary home is the border area, the simultaneity, and the juxtaposition") [Vertlib 2012: 59]. Therefore, migrant authors assume multiple identity (Mehrfachidentität), which enables them to create new forms of multilingualism. According to Vertlib, his narrative discourse has the "German surface, under which – rather unconsciously than consciously – there is an interaction of the sentence structure, the melody and the idiomatic of the Russian language" ("eine deutsche Oberfläche, unter der oft, eherunbewusstalsgewollt, Satzbau, Melodie und Idiomatik des Russischenmitschwingen") [Vertlib 2005: 59]. Hence, one can imagine the immense creative potential of this writing concept, how brightly and creatively the poetics of a literary text can be outlined at several levels.

In this regard, Vladimir Vertlib's novel "Zwischenstationen" (Intermediate Stations) is representative. Different countries and cities are depicted in the novel's flickering pictures. There is no single holistic image as there are no specific landscape descriptions. There are only fragments and shreds of countries and cities – a piece of a street, a corridor in a block of flats, an elevator cab, a room, or part of a room, representing a fragmentary space, however, simultaneously, a strikingly whole one. The wholeness is created by the novel's language – by languages and by the discordance of immigrants of different nationalities whose paths intersect during their endless movement.

The unique artistic transitivity penetrates the level of characters as well. In the series of events, the actions of the characters are only outlined and not described in detail. They remain quite monotonous and faceless. Their impulses and dreams do not indicate their individuality either, contrary to the traditional "monolingual" realistic prose. Therefore, in Vertlib's novel, life activity is expressed differently: each character is determined by their relation to the language (in its mental and existential frame). The characters are divided into types – those who are locked in their native language (and in once and for all a certain worldview) and those who can adopt a different viewpoint on things and thus become freer [Vertlib 2005].

6. Conclusions

According to Mikhail Bakhtin, the picture of the world represented in the works of various epochs is different. At the same time, Bakhtin looks at the history of the novel not chronologically in the narrow sense, but in the "great time" of poetics [Bakhtin 2010: 10–59], and hence, the novelty of each of the literary worlds appears clearly and expressively in his conceptualization. Bakhtin deploys the picture of the world in the work from a dual perspective – as "the world depicted" and "the world depicting". "The world depicting" is the writer's creative principles related to the perception of time in their epoch. "The world depicted" is "the time-space and the image of man in the novel" [Bakhtin 2010: 19]. As is well known, Mikhail Bakhtin has developed a detailed classification of spatio-temporal novel structures, but the principle

of transitivity was not involved in their organization; the picture of the world was always framed within the boundaries of one national and mental language. Today, there is a new mobile chronotope, and the form of representation of the new literary worlds is translingualism and multimodality.

The concept of transitive literary discourse is a theoretical tool, sufficiently specific and yet flexible. It allows the main trends of newer literature to be considered in their potential unity from the point of view of the aesthetics of verbal creativity. Following this logic, literary translingualism and multimodality appear as ideologically close forms of representing the transitive, non-static picture of the world in the novel. To see this in practice, we propose a three-part analysis strategy for the transitive literary texts: character–world–narrative. This means that it is necessary to identify the translingual and/or multimodal component for designing the literary characters, the surrounding artistic space, and the choice of narrative strategy.

Литература

Бахтин, М. М. Слово в романе / М. М. Бахтин // Собрание сочинений в 7-ми томах. Том 3: Теория романа (1930–1961 гг.). – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 9–179.

Зебальд, В. Г. Аустерлиц / В. Г. Зебальд ; пер. с нем. М. Коренева. – М. : Новое издательство, 2019. – 362 с.

Зозуля, Н. М. Нарратологические функции фотографии в романе В. Г. Зебальда «Аустерлиц» / Н. М. Зозуля // Вестник Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. – 2018. – № 4. – С. 111–116.

Макушинский, А. Пароход в Аргентину / А. Макушинский. – М. : Издательство «Э», 2018. – 320 с.

Маликова, М. В. Увидеть прошлое: изображение и взгляд. Творчество В. Г. Зебальда / М. В. Маликова. – Текст : электронный // Отечественные записки. – 2008. – № 4 (43). URL: strana-oz.ru/2008/4/uvidet-proshloe-izobrazhenie-i-vzglyad-tvorchestvo-v-g-zebalda (дата обращения: 12.08.2021).

Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; пер. с ит. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 544 с.

Bakhtin, M. M. Speech genres and other late essays / M. M. Bakhtin. – 12th ed. – Austin : University of Texas Press, 2010. – 177 p.

Clingman, S. The grammar of identity: Transnational fiction and the nature of the boundary / S. Clingman. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 288 p.

Curtius, E. R. Die französische Kultur. Eine Einführung / E. R. Curtius. – Bern : Francke, 1975. – xvi, 195 S.

Han, Byung-Chul. Hyperkulturalitat. Kultur und Globalisierung / Byung-Chul Han. – Berlin : Merve, 2005. – 86 S.

Handbuch Literatur & Transnationalität / ed. by D. Bischoff, S. Komfort-Hein. – Berlin : De Gruyter, 2019. – 545 p.

Hills, H. The Uses of Images: T. J. Clark & W. G. Sebald / H. Hills // Melilah: Manchester Journal of Jewish Studies. – 2012. – No. 2. – P. 57–80.

Jay, P. Transnational literature: The Basics / P. Jay. – Routledge. 2021. – 214 p.

Kilchmann, E. (2019). Mehrsprachige Literatur und Transnationalität / E. Kilchmann // Handbuch Literatur & Transnationalität / ed. by D. Bischoff and S. Komfort-Hein. – Berlin : De Gruyter, 2019. – P. 79–89.

Killman, S. G. Literary Translingualism: What and Why? / S. G. Killman // Polilinguality and Transcultural Practices. – 2019. – No. 16 (3). – P. 337–346.

Schauss, M. "With an Eye to Their Later Existence as Ruins": Language, Materiality, and the Ruin in the Work of W. G. Sebald / M. Schauss. – Text : electronic // Critique: Studies in Contemporary Fiction. – URL: tandfonline.com/doi/full/10.1080/00111619.2020.1871314 (mode of access: 12.08.2021).

Sebald, W. G. Austerlitz / / W. G. Sebald ; transl. A. Bell. – London : Pinguin Books, 2011. – 414 p.

Sebald, W. G. Austerlitz / W. G. Sebald. – München : Carl Hanser Verlag, 2019. – 416 S.

Vertlib, V. Spiegel im Fremden Wort / V. Vertlib. – Dresden : Tehlem Verlag, 2012. – 253 S.

Vertlib, V. Zwischenstationen / V. Vertlib. – München : Dt. Taschenbuch-Verl, 2005. – 300 S.

Ward, S. Responsible Ruins? W. G. Sebald and the Responsibility of the German Writer / S. Ward // Forum for Modern Language Studies. – 2006. – No. 42 (2). – P. 183–199.

Williams, B. L. Tourists of the Past: Topographies of Memory in W. G. Sebald's Austerlitz, Ana Menéndez's Loving Che, and Teju Cole's Open City / B. L. Williams. – 2019. – URL: scholarworks.utep.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1187&context=open_etd (mode of access: 12.08.2021). – Text : electronic.

Wolff, L. Literary Historiography: W. G. Sebald's Fiction / L. Wolff // Amsterdamer Beiträge zur Neueren Germanistik. – 2009. – No. 72 (1). – P. 317–330.

Zilcosky, J. (2006). Lost and Found: Disorientation, Nostalgia, and Holocaust Melodrama in Sebald's "Austerlitz" / J. Zilcosky // Modern Language Notes. – 2006. – No. 121 (3). – P. 679–698.

References

Bakhtin, M. M. (2010). *Speech Genres and Other Late Essays*. 12th edition. Austin, University of Texas Press. 177 p.

Bakhtin, M. M. (2012). Estetika slovesnogo tvorchestva [Discourse in the Novel] / In *Sobranie sochinenii v 7-mi tomakh. Tom 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 9–179.

Bischoff, D. & Komfort-Hein, S. (Eds.). (2019). *Handbuch Literatur & Transnationalität*. Berlin, De Gruyter. 545 p.

Clingman, S. (2009). *The Grammar of Identity: Transnational Fiction and the Nature of the Boundary*. Oxford, Oxford University Press. 288 p.

Curtius, E. R. (1975). *Die französische Kultur. Eine Einführung*. Bern, Francke. xvi, 195 S.

Eco, U. (2006). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The Absent Structure. Introduction to Semiotics]. Saint Petersburg, Simposium. 544 p.

Han, Byung-Chul. (2005). *Hyperkulturalitat. Kultur und Globalisierung*. Berlin, Merve. 86 S.

Hills, H. (2012). The Uses of Images: T. J. Clark & W. G. Sebald. In *Melilah: Manchester Journal of Jewish Studies*. No. 2, pp. 57–80.

Jay, P. (2021). *Transnational Literature: The Basics.* Routledge. 214 p.

Kilchmann, E. (2019). Mehrsprachige Literatur und Transnationalität. In D. Bischoff, S. Komfort-Hein (Eds.). *Handbuch Literatur & Transnationalität*. Berlin, De Gruyter, pp. 79–89.

Killman, S. G. (2019). Literary Translingualism: What and Why? In *Polilinguality and Transcultural Practices*. No. 16 (3), pp. 337–346.

Makushinsky, A. (2018). *Parokhod d Argentine* [Steamship to Argentina]. Moscow, Izdatel'stvo «E». 320 p.

Malikova, M. V. (2008). Uvidet' proshloe: izobrazhenie i vzglyad. Tvorchestvo V. G. Zebalda [Seeing the Past: an Image and a Glance. The Work of W. G. Sebald]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 4 (43). URL: strana-oz.ru/2008/4/uvidet-proshloe-izobrazhenie-i-vzglyad-tvorchestvo-v-g-zebalda (mode of access: 12.08.2021).

Schauss, M. (2021). "With an Eye to Their Later Existence as Ruins": Language, Materiality, and the Ruin in the Work of W. G. Sebald. In *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. URL: tandfonline.com/doi/full/10.1080/00111619.2020.1871314 (mode of access: 12.08.2021).

Sebald, W. G. (2011). *Austerlitz* / transl. A. Bell. London, Pinguin Books. 414 p.

Sebald, W. G. (2019). *Austerlitz*. München, Carl Hanser Verlag. 416 S.

Vertlib, V. (2005). *Zwischenstationen*. München, Dt. Taschenbuch-Verl. 300 S.

Vertlib, V. (2012). *Spiegel im Fremden Wort*. Dresden, Tehlem Verlag. 253 S.

Ward, S. (2006). Responsible Ruins? W. G. Sebald and the Responsibility of the German Writer. In *Forum for Modern Language Studies*. No. 42 (2), pp. 183–199.

Williams, B. L. (2019). *Tourists of the Past: Topographies of Memory in W. G. Sebald's Austerlitz, Ana Menéndez's Loving Che, and Teju Cole's Open City*. URL: scholarworks.utep.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1187&context=open_etd (mode of access: 12.08.2021).

Wolff, L. (2009). Literary Historiography: W. G. Sebald's Fiction. In *Amsterdamer Beiträge zur Neueren Germanistik*. No. 72 (1), pp. 317–330.

Zebald, V. G. (2019). *Austerlits* [Austerlitz] / transl. M. Korenev. Moscow, Novoe Izdatel'stvo. 362 p.

Zilcosky, J. (2006). Lost and Found: Disorientation, Nostalgia, and Holocaust Melodrama in Sebald's "Austerlitz". In *Modern Language Notes*. No. 121 (3), pp. 679–698.

Zozulya, N. M. (2018). Narratologicheskie funktsii fotografii v romane V. G. Zebal'da «Austerlic» [The Narratological Functions of the Photograph in W. G. Sebald's Novel "Austerlitz"]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2. Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki*. No. 2 (4), pp. 111–116.

Данные об авторах

Данилина Галина Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

Адрес: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6.

E-mail: gdanilina@yandex.ru.

Хромова Екатерина Олеговна – кандидат филологических наук, докторант, Университет Гамбурга (Гамбург, Германия).

E-mail: katerina.hromova@gmail.com.

Authors' information

Danilina Galina Ivanovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, University of Tyumen (Tyumen, Russia).

Khromova Ekaterina Olegovna – Candidate of Philology, PhD Student, University of Hamburg (Hamburg, Germany).

УДК 811.161.1'374. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-02. ББК Ш141.12-4.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 10.02.01 (5.9.5)

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «РУССКИЙ ЯЗЫК» И ИСТОРИЯ ЕГО ИЗДАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Никитин О. В.
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2815-6691

Аннотация. Целью статьи является анализ нового издания энциклопедии «Русский язык» в русле традиции отечественной лексикографии и терминологии. Отмечается преемственность подготовки словарей лингвистических понятий, начиная с первого «Грамматического словаря» Н. Н. Дурново. Указывается на отличие исследуемой книги от предшествовавших и типовых по жанру энциклопедий. Обращается внимание на роль экстралингвистических факторов, и прежде всего идеологии, в формировании системы научных взглядов в советскую эпоху. В ходе достижения поставленной цели применяются следующие методы: историко-лингвистический, сравнительно-сопоставительный, контекстный, метод критического анализа, социолингвистический метод. Они позволили автору выявить и охарактеризовать наиболее содержательные и ценные словарные статьи, сравнить их с предшествующими изданиями энциклопедии «Русский язык», указать на сильные и слабые стороны в подготовке терминологического материала, отметить актуальность новых подходов в лексикографическом описании языковой системы. В статье подробно рассматриваются концепции энциклопедии и словника. Говорится об оригинальности отдельных элементов книги и своевременности представления обновленного образа языка в лингвистической терминологии и дискурсе филологической науки XXI века. Делается акцент на нешаблонности статей по истории русского языка и глубине аналитического описания частей речи и грамматических категорий в диахронии. Значительное внимание уделено критической оценке очерков о персоналиях русистов, разбору непоследовательности редакторского выбора фамилий, неполноты статей и их библиографического сопровождения. Указывается на очевидные пропуски известных имен и неточности в описании. Проводится мысль об антропоцентричности концепции терминологического словника, который является полноценным предметом исследования с точки зрения филологической критики научного знания. Предлагаются конкретные идеи по улучшению структуры и содержания издания. Подчеркивается актуальность энциклопедии для изучения и обобщения сведений о метаязыке науки. Результаты проведенного анализа могут использоваться в теории и практике лексикографии, в терминоведении, в методике обучения языку как системе понятий, формирующей мировоззрение филолога.

Ключевые слова: русский язык; лексикография; лингвистические традиции; история русского языка; теория языка; терминология; персоналии; филологическая критика

THE ENCYCLOPEDIC DICTIONARY "RUSSIAN LANGUAGE" AND THE HISTORY OF ITS PUBLICATIONS IN THE CONTEXT OF PHILOLOGICAL CRITICISM

Oleg V. Nikitin
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2815-6691

Abstract. The purpose of the article is to analyze the new edition of the encyclopedia "The Russian Language" of the point of view of the traditional Russian lexicography and terminology. The article mentions the continuity of the compilation of dictionaries of linguistic concepts, starting with the first "Grammatical Dictionary" by N. N. Durnovo. It is noted that the book under analysis differs from the previous encyclopedias, typical by genre. Attention is drawn to the role of extralinguistic factors, and above all ideology, in the formation of the system of scientific views in the Soviet era. The achieve this goal, the following methods are used: historical-linguistic, comparative, contextual, method of critical analysis, sociolinguistic method. They allowed the author to identify and characterize the most informative and valuable dictionary entries, compare them with previous editions of the encyclopedia "The Russian Language", point out the strengths and weaknesses in the preparation of terminological material,

© О. В. Никитин, 2021

note the urgency of new approaches in the lexicographic description of the language system. The article dwells on the concepts of the encyclopedia and the dictionary in detail. said the author speaks about the innovative nature of some elements of the book. It is stressed that the updated image of the language in the linguistic terminology and discourse of philological science of the 21st century was presented at the right time. Emphasis is placed on the unconventionality of the entires on the history of the Russian language and the depth of analytical description of parts of speech and grammatical categories in diachrony. Considerable attention is paid to the critical assessment of essays on the personalities of Russian linguists. The author of the article criticizes the inconsistency of the editorial choice of surnames, the lack of completeness of the entries and insufficient bibliographic support. The author points out obvious omissions of well-known names and inaccuracies in the description. The author argues that the concept of a terminological dictionary is anthropocentric, and that the dictionary is an independent object of research from the point of view of philological criticism of scientific knowledge. The author suggests concrete ideas to improve the structure and content of the publication. The urgency of the encyclopedia for the study and generalization of information about the metalanguage of science is emphasized. The results of the analysis can be used in the theory and practice of lexicography, in terminology, in the theory of methods of language teaching as a system of concepts that forms the philologist's worldview.

Keywords: Russian language; lexicography; linguistic tradition; language history; language theory; terminology; personalities; philological critics

Для цитирования: Никитин, О. В. Энциклопедический словарь «Русский язык» и история его изданий в контексте филологической критики / О. В. Никитин // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 19–33. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-02.

For citation: Nikitin, O. V. (2021). The Encyclopedic Dictionary "Russian Language" and the History of Its Publications in the Context of Philological Criticism. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 19–33. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-02.

1. Введение: энциклопедический словарь как предмет лингвистического исследования.

Лингвистические энциклопедии и словари довольно редко привлекают внимание ученых с точки зрения истории их создания и филологической критики научного текста (см., например: [Никитин 2001: 150–164]). Между тем процесс освоения и актуализации терминологии в лексикографических источниках, неравномерность ее представления и некоторая степень идеологичности текста всегда отличали наши издания советского и даже постсоветского времени, во многом опиравшиеся на сложившуюся практику и зависевшие как от экстралингвистических факторов, так и от личностей редакторов и составителей. И все же лингвистическая энциклопедия как особый тип словаря – в известной мере памятник науки. В этом смысле считаем целесообразным рассмотреть один из таких компендиумов, энциклопедический словарь «Русский язык», как особый жанр научного исследования, его терминологический словник, как он менялся от первого издания к третьему, и обозначить главные моменты новой концепции словаря в XXI веке.

Третье переработанное и дополненное издание энциклопедии «Русский язык» [Русский язык… 2020] (далее – ЭРЯ) выходит в то время, когда отечественная филология пребывает на пересечении традиционных и новаторских проблем, связанных с включением слова в информационное пространство, с расширением социокультурных функций языка, и откликается на вызовы XXI века (глобализация, «нервные срывы», «карнавализация» речи и т. д.). Границы этой науки в наше время и полстолетия тому назад не всегда сопоставимы. Изменяются содержание имеющегося языкового материала, методология и технология исследования, уровень исполнения лингвистических проектов. Русистика XXI века разрабатывает другие, более совершенные инструменты с привлечением компьютерных ресурсов и баз данных нового поколения. Ученые создают фундаментальные труды и современные типы словарей, участвуют в программе формирования масштабного корпуса родного языка, активно изучают и издают памятники письменности, исследуют проблемы социо- и этнокультуры современного общества. И в то же время русистика развивается *по традиции*, заложенной предшественниками, – филологами, прозревавшими будущее этой науки (И. А. Бодуэном де Куртенэ, А. А. Шахматовым, Н. Н. Дурново, Л. В. Щербой, Е. Д. Поливановым и др.).

2. Энциклопедия «Русский язык» и другие терминологические словари по лингвистике.

Ко времени появления первого издания энциклопедии [Русский язык… 1979] у нас в стране не было справочных книг по русистике такого объема и жанра, за исключением лингвистических терминологических словарей, ограниченных, в силу преимущественно прикладного понимания этой науки, определенным набором терминов и их консервативной, но по-советски отточенной и безупречной интерпретацией. Исключением из лексикографической практики надо признать «Грамматический словарь» Н. Н. Дурново, выпущенный первым изданием в 1924 году, на заре идеологических перемен, и потому не испорченный социологизаторством советской науки. Он не испытал печальной участи быть отвергнутым как образец научного знания дореволюционной школы, хотя во второй половине 1930-х годов получал в свой адрес неодобрительные реплики вроде «отличается невразумительной краткостью, не говоря уж о том, что составлен в духе младограмматического направления» [Архив РАН 677: 6: 224: 2]. Еще одно исключение – разгромленный марристской критикой оригинальный «Словарь» Е. Д. Поливанова[1], о котором можно написать отдельный очерк. Книга Н. Н. Дурново впервые дала ясную терминологическую картину состояния прежде всего русского языкознания рубежа XIX–XX вв., структурировала и объяснила основные понятия Московской лингвистической школы, какие сложились под влиянием идей Ф. Ф. Фортунатова и модных формалистских течений в грамматике начала 1920-х годов, и в этом смысле утвердила позиции отечественной терминологической школы. «Словарь» имел больше прикладной характер, но в школьной и вузовской практике конца 1920-х – 1950-х гг. не использовался по понятным причинам: 1) его автор был репрессирован и погиб в застенках ГУЛАГа; 2) нараставшая в советское время критика формальной школы в языкознании и литературоведении ассоциировалась именно со старой, «царской» и воспринималась враждебно.

Самым известным и авторитетным в научной среде второй половины XX века был «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, задачей которого автор видел «описать метаязык русского и советского языкознания» и воспроизвести «научное словоупотребление… в современном виде» [Ахманова 1966: 3]. В «Предисловии» ученый подробно говорит о сложностях составления специального словаря по языкознанию, новых проблемах, возникших в ходе работы над книгой (например, необходимость определить роль заимствований в языкознании из математики, физики и других наук, попытка создавать терминологический аппарат по принципу «лингвистического эсперанто» и др.). О. С. Ахманова обоснованно писала: «Терминология данной научной области – это не просто список терминов, а семиологическое выражение определенной системы понятий, которая, в свою очередь, отражает определенное мировоззрение» [Ахманова 1966: 8]. Книга и сейчас остается в ряду рекомендуемых для изучения лингвистики справочных пособий. Но это все же не энциклопедия, и потому сравнивать ее с «Русским языком» было бы не совсем корректно.

Поэтому логично в качестве отправной точки нашего исследования взять именно первое издание компендиума «Русский язык» 1979 года. «Краткая», как она была названа в «Предисловии», энциклопедия содержала более 600 словарных статей [Русский язык… 1979: 5]. Для сравнения: в «Словаре» О. С. Ахмановой объяснялось около семи тысяч терминов. Главным редактором энциклопедии был крупный советский русист Ф. П. Филин, в то время директор Института русского языка АН СССР, известный участием в марристских кампаниях 1930-х годов и борьбой с инакомыслящими в филологии в 1970-е. Воспитанный в духе правофланговых подходов в науке, он не любил «буржуазную» лингвистику, структуралистов и их адептов, а в своих научных интересах сохранял преемственность традиционным иде-

[1] В рецензии С. Л. Быховской (1937 г.) говорилось, что работа Е. Д. Поливанова «производит впечатление неряшливого набора случайно приходящих в голову автора лингвистических терминов, с толкованием их по памяти из сохранившихся в голове запаса знаний, часто элементарных, в объеме познаний студента I–II курса…» [Архив РАН 677: 6: 224: 3]. Рецензент отмечал «грубые фактические ошибки» и неверную «методологическую установку» Е. Д. Поливанова: «Автор стоит на явно порочной позиции отделения синхронического языкознания от диахронического, впервые четко сформулированного Соссюром, что является выражением крайнего формализма» [Там же: 6].

ям в области истории русского языка. Потому и в редколлегию вошли авторитетные лингвисты советской школы, часть из них – из ближайшего окружения Ф. П. Филина: Р. И. Аванесов, В. И. Борковский, В. Я. Дерягин, В. В. Иванов (заместитель главного редактора), С. И. Котков, Н. Ю. Шведова, Д. Н. Шмелев, а также сотрудник издательства Т. А. Ганиева, методист А. В. Текучев, средней руки лингвист, но крупный функционер от науки И. Ф. Протченко и канувший в Лету И. М. Терехов. Этот состав редколлегии обеспечивал научное руководство авторским коллективом энциклопедии и определял ее концепцию как издания не только специального, а научно-популярного с элементами методики, в котором «коротко и в доступной форме было бы изложено все самое основное о русском языке» [Русский язык… 1979: 5]. В «Предисловии», написанном Ф. П. Филиным, подчеркивалось, что это «первый опыт такого рода книги в истории русистики» [Там же]. Действительно, замысел ученых предполагал подготовку статей по широкому диапазону лингвистических исследований: о литературном языке и его разновидностях, об уровнях языка, функциональных стилях (здесь особо подчеркивалась роль русского языка как средства международного общения) и образных средствах, отдельных грамматических категориях (частях речи, системах склонения и спряжения и т. д.). Не были обойдены вниманием статьи об истории русского языка и памятниках письменности. Полезным надо признать включение в энциклопедию биографических материалов о русских ученых (многие из них написал отличный специалист по лингвистической персонологии Ф. М. Березин). Понятно, что в силу идеологических причин невозможно было опубликовать очерки о С. О. Карцевском, Н. С. Трубецком, Р. О. Якобсоне и других лингвистах-эмигрантах. Некоторые статьи касались вопросов общего и славянского языкознания. Помещены заметки о ведущих учреждениях, журналах. Словарные материалы сопровождались краткой библиографией. И хотя Ф. П. Филин в заключение констатировал, что «в науке о языке, в русистике в частности, имеется много нерешенных проблем» [Русский язык… 1979: 6], а «редколлегия старалась учитывать расхождения во взглядах отдельных ученых» [Там же], полемичность дискуссий в энциклопедии была минимальна и сводилась в большей степени только к традиционным спорам прошлых лет: разнице во взглядах Московской и Ленинградской лингвистических школ, а также к обзору и критике идей дореволюционных лингвистов. Так, например, С. Б. Бернштейн в статье «Прародина славян» писал, что «среди славистов нет единства во взглядах на территорию слав<янской> прародины. Однако в настоящее время разногласий меньше, нежели в прошлом. Утратили значение гипотезы А. А. Шахматова, оставлена очень популярная в прошлом теория карпатской прародины» [Русский язык… 1979: 223]. Заметим, что третье издание «Русского языка» в части тематического, историко-лингвистического подбора статей во многом следовало концепции 1979 года. Однако из второго («карауловского») издания исключили очерки о языковедах.

В целом получилась добротная, лаконичная и выверенная с точки зрения аутентичности научного знания энциклопедия, проиллюстрированная грамотными примерами, понятная в изложении, не перегруженная терминами, четко формулировавшая основные категории и законы языка и написанная интересными, яркими учеными поколения 1940–1970-х гг. Среди имен этого издания укажем также С. С. Аверинцева, Л. В. Бондарко, С. В. Бромлей, А. И. Горшкова, В. П. Григорьева, Л. Р. Зиндера, Л. Л. Касаткина, Е. С. Кубрякову, А. А. Леонтьева, Е. В. Падучеву, Т. А. Сумникову, И. С. Улуханова, Р. М. Цейтлин и др. Некоторая ограниченность изложенного материала рамками официальной советской традиции объясняется тем, что старшее поколение часто было сковано идеологичностью научного знания тех лет и диктатом сверху, не допускавшим отступлений в ключевых для отечественной лингвистики статьях «История русского литературного языка», «Происхождение языка», «Филологическое образование в СССР», «Язык и общество» и нек. др. Незначительные вставки-идеологемы были данью времени и не повлияли на общий метаязык энциклопедии, где опубликованы и такие яркие, глубокие очерки, как «Предложение» (автор – Н. Ю. Шведова), «Метафора» и «Речь» (автор – Н. Д. Арутюнова), «Филология» (автор – С. С. Аверинцев), «Фонетика» (автор – Л. В. Бон-

дарко), «Форма слова» (автор – А. В. Бондарко) и др. Некоторые из них были доработаны теми же авторами и вошли в обновленном виде во второе и третье издания энциклопедии «Русский язык».

Когда вышло в свет второе, переработанное и дополненное издание энциклопедии [Русский язык… 1997], в отечественной науке уже имелся фундаментальный «Лингвистический энциклопедический словарь» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. В редакционной статье он назван «первым энциклопедическим изданием, призванным осветить достижения отечественной и зарубежной лингвистики с позиций современной концепции языка, сложившейся в советской науке» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 5]. Словарь создавался академическими учеными старой школы, впервые представил объемную картину сведений о языках мира, о теории и истории этой области знаний и этапах ее становления в большей степени в традициях XVIII–XX вв., но все же к моменту публикации несколько отставал от движения мировой мысли, являясь своеобразным памятником образа науки в понимании исследователей тех лет.

Конец 1990-х – 2000-е годы – время всплеска интереса к лингвистике как культурному феномену, к словесности в разных ее парадигмах – побудили ученых изменить лексикографическую концепцию описания терминов: постепенно уходили старые кадры, а с ними определенная тенденциозность подходов, менялась социально-идеологическая ситуация в стране, открывались и границы лингвистического свободомыслия. Филологов больше не тяготили пресловутый Главлит и «консультанты» от органов, не имевших ни малейшего представления о механизмах развития языков и их структур. Появляются новые энциклопедии и словари с элементами занимательности и даже парадоксальности, написанные не казенным академическим стилем, а живо и по-авторски ярко и непринужденно. Назовем в контексте нашей статьи два таких издания: «Энциклопедический словарь юного лингвиста» [Энциклопедический словарь… 2006], обновленное второе издание известного «Энциклопедического словаря юного филолога» 1984 года под редакцией М. В. Панова, ориентированное на тех читателей, кто только подступает к изучению языковой картины мира, и энциклопедический словарь «Историческая грамматика русского языка» [Историческая грамматика… 2020]. Если первый популяризировал словесную науку и расширял возрастные рамки информации о языкознании, то второй представляет собой своеобразный научный компендиум, состоящий из 45 статей. Он рассматривает развитие фонетико-фонологического и грамматического строя русского языка, начиная с древнего периода и до настоящего времени, и использует самые современные методы анализа текстов и вновь изданные памятники.

Интересная концепция описания научного аппарата языкознания была предложена авторами двухтомного «Энциклопедического словаря-справочника лингвистических терминов и понятий. Русский язык» [Тихонов 2008]. Заголовочные слова в этом издании расположены по тематическим рубрикам: «Общелингвистические термины и понятия», «Русский язык» с подразделами «Фонетика. Фонология», «Лексикология», «Морфемика. Словообразование», «Морфология», «Синтаксис», «История русского языка. Диалектология», «Графика. Орфография. Пунктуация». Словарь удобен для учебной работы в вузе и школе и представляет собой первый опыт комплексного описания русского языка с включением сведений о лексикографии и лингвистических журналах. Он завершается объемной энциклопедической статьей «100 языков исконных народов России».

Таким образом, мы имеем набор разных справочных изданий о языке: и общелингвистического, и структурно-типологического, и диахронического характера, и словари, описывающие систему одного языка. Среди лексикографических источников есть и справочники учебно-методического характера (А. В. Лемов, М. Р. Львов, Т. В. Матвеева, Д. Э. Розенталь и М. И. Теленкова, А. Н. Щукин и мн. др.), а также специальные научные словари и энциклопедии, более предназначенные для академических работников и специалистов по узкой лингвистической проблематике, выходившие в России с начала 1920-х гг. (О. С. Ахманова, С. И. Бернштейн, Н. Н. Дурново, Т. В. Жеребило, М. И. Исаев, Л. И. Жирков, Е. Д. Поливанов и др.). К ним можно отнести, например, фун-

даментальное энциклопедического типа исследование «Языки мира» (1993–2020; к настоящему времени вышло 23 тома), проект и словник которого разрабатывались в 1970–1980-е годы авторским коллективом Института языкознания АН СССР под руководством В. Н. Ярцевой.

3. «Русский язык»-2020: смена поколений, преемственность традиции и новаторство.

Подробную оценку второму изданию ЭРЯ мы давали в рецензии [Никитин 1999]. Обратимся к анализу нового словаря, выпуск которого был ожидаем и необходим. За двадцать лет изменился образ языкознания как науки. Она расширила понятийный аппарат и получила широкие возможности для детализации явлений, анализа и фиксации новых культурных феноменов, представленных в коммуникативном пространстве. Изменилось и ее дискурсивное осмысление (тот самый метаязык науки, о котором писала О. С. Ахманова) – оно стало более доказательным, рациональным и коррелирует с достижениями в других отраслях гуманитарного знания. Русистика XXI века активно использует компьютерные ресурсы, ищет новые пути развития, смело выходит за пределы традиционного понимания этой науки. Ее географические рамки теперь не ограничиваются только «канонической» территорией русистики, а учитывают достижения в данной области практически на всех континентах мира. Все эти тенденции в той или иной мере отразились в концепции ЭРЯ.

Среди авторов анализируемого издания представители разных научных школ и направлений, ученые старшего (С. Б. Бернштейн, Т. Г. Винокур, В. Г. Гак, В. В. Иванов, Л. П. Жуковская, О. А. Князевская, Ю. С. Степанов, Р. М. Цейтлин, Б. С. Шварцкопф и др.), среднего и младшего поколений (В. Н. Белоусов, Е. Л. Березович, Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев, Ю. Б. Князев, Л. П. Крысин, В. Б. Крысько, И. С. Улуханов, Н. А. Фатеева, М. Ю. Федосюк, А. Д. Шмелев и др.). Это обеспечивает относительно равномерное и объективное распределение материала и его рассмотрение с разных позиций. При этом издание выдерживает концептуальную целостность, полагаясь во многом на структуру и форму подачи статей, принятые во 2-м издании ЭРЯ.

Отметим обстоятельные статьи А. С. Белоусовой *Толковые словари* (с. 779–782), Л. К. Граудиной *Риторика* (с. 609–613), особенно Ю. Б. Князева *Время* (с. 92–95), *Глагол* (с. 103–107), *Деепричастие* (с. 136–139), *Настоящее время* (с. 378–380), *Причастие* (с. 553–556), *Прошедшее время* (с. 568–571), Л. П. Крысина *Язык и общество* (с. 885–889), Л. Л. Касаткина *Орфоэпические нормы* (с. 437–444), Г. И. Кустовой *Падеж* (с. 454–459), *Полисемия* (с. 507–511), Э. Г. Шимчук *Лексикография* (с. 303–314), А. Д. Шмелева *Норма языковая* (с. 398–400) и др. Те из них, что были написаны именно для 3-го издания ЭРЯ, отличаются оригинальностью привлеченного материала, яркими, нетривиальными примерами, желанием авторов переосмыслить наполнение термина и показать широкое функциональное поле языкового явления, найти и выделить его свойства за счет, например, привлечения новых источников. Так поступил Ю. Б. Князев в статье *Причастие*, когда говорил об отклонении от нормы в художественной литературе, использующей примеры сочетания действительных причастий прошедшего времени с частицей *бы*, близких по значению сослагательному наклонению. Он привел пример из С. В. Лукьяненко: «Я медленно шёл по коридору, заглядывая в пустые аудитории, *ставшие бы* (курсив в тексте цитаты. – *О. Н.*) предметом зависти для самого обеспеченного и преуспевающего университета. За каждым столом – ноутбук, в каждой комнате – огромный проекционный телевизор, шкафы ломятся от книг» (с. 554). В этой же статье используются примеры из произведений современных писателей А. А. Азольского, В. Н. Войновича, Д. И. Рубиной, Л. Е. Улицкой и др., демонстрирующие почти безграничные возможности родного языка в сотворении художественно осмысленных форм.

Очевидным достоинством издания являются новые статьи о частях речи и грамматических категориях историко-лингвистического характера – как самостоятельные, так и дополняющие заголовочные материалы. Они удачно вписались в концепцию ЭРЯ, точны и показывают панораму развития того или иного явления в диахронии, используют актуальную нашему времени информацию, богаты иллюстрациями и порой дискуссионны, привлекают современную литературу и источники. Тако-

вы, например, статьи *История числительных в русском языке* (с. 844–847), *История числа в русском языке* (с. 849–852) (автор – О. Ф. Жолобов), *История категории одушевленности-неодушевленности в русском языке* (с. 417–419), *История категории переходности-непереходности в русском языке* (с. 487–488), *История повелительного наклонения в русском языке* (с. 500–501), *История причастий в русском языке* (с. 556–559), *история категории рода в русском языке* (с. 617–618), *История родительного падежа в русском языке* (с. 620–622), *История именного склонения в русском языке* (с. 665–673) (автор – В. Б. Крысько), *История прилагательных в русском языке* (с. 545–548) (автор – А. М. Кузнецов), *История прошедшего времени* (с. 571–576) (автор – П. В. Петрухин), *Палатализация* (с. 459–464), *Полногласие–неполногласие* (с. 511–515), *Редуцированные гласные* (с. 592–595) (автор – М. Б. Попов) и нек. др. Эти материалы невольно заставляют задуматься профессионального читателя над серьезностью обсуждаемой темы и кругом еще до конца не решенных проблем, заинтересовывают его не упрощенным взглядом, а критическим подходом, поиском истины. Так, в статье *Палатализация* автор пишет: «Среди лингвистов нет единства по многим вопросам, связанным с палатализацией. Предмет дискуссии долгое время составляют, в частности, условия и рефлексы 3-й П. Не ясно, напр., какие гласные, следовавшие за заднеязычным, препятствовали П. Так, Бодуэн де Куртенэ считал, что важную роль в изменении играло ударение, но его гипотеза не получила подтверждения. Спорными являются относительная и абсолютная хронология палатализаций, в частности вопрос о том, какая П. древнее – вторая (напр., А. Мейе и др.) или третья (напр., Х. Педерсен, Н. С. Трубецкой). <…>» (с. 463).

Любое переиздание книги предполагает не только копирование материалов прежних лет, но и его исправление, дополнение, обновление, включение актуальной информации. Так, ЭРЯ, в отличие от предыдущих изданий, поместила свежие статьи, написанные с учетом современных взглядов на данные вопросы русистики и в то же время восполняющие терминологические пробелы прошлого времени: *Авторская фразеология, Ассоциативные словари, Деонимизация, Дискурс, Звуковой повтор, Имплицитное содержание, Иносказание, Интертекстуальность, Корпусы русского языка, Метатекст, Смысловая организация предложения, Старомосковское произношение, Структурная схема предложения, Тематические группы лексики, Церковно-религиозный стиль, Семантические словари и базы данных, Московская семантическая школа, Функционально-смысловые типы речи, Языковая игра*. Некоторые понятия, уже выходящие из терминологического словаря русистики и включенные во 2-е издание ЭРЯ, здесь опущены, например, нет статей *Автоматическая обработка текста, Автоматический перевод, Машинный перевод русского языка*.

Вполне уместны, на наш взгляд, повторы самых важных, проблемных статей, созданных авторитетными учеными, отточившими до мастерства изложение подчас очень непростых и противоречивых тем лингвистики. Так, в 3-е издание ЭРЯ практически без изменений вошли статьи: *Литературный язык* (с. 324–329) (авторы – Ю. А. Бельчиков, О. А. Лаптева), *Язык* (с. 879–885) (автор – Н. Д. Арутюнова), *Язык художественной литературы* (автор – Ю. С. Степанов) (с. 889–893) и нек. др. Однако такая статичность подачи материала при минимальных вкраплениях в библиографию (а иногда и вовсе без изменений) несколько снижает дискуссионный статус проблемы применительно к современным взглядам в русистике. Со времени выхода в свет 2-го издания прошло более 20 лет, и естественно, что отдельные вопросы нуждаются в уточнении, в представлении новых тенденций развития науки о русском языке в XXI веке. Этой реакции на лингвистические «взрывы» нашего времени недостает подобным очеркам, которые можно было бы дополнить оригинальными идеями, именами новых исследователей, открытиями и живыми экспериментами в конкретных отраслях знания. Вместе с тем заметки об отдельных терминах сопровождены самостоятельными материалами по истории языка, например статьи *Славистика* и *Славянские языки*, сохранив общую канву прежнего текста, были переработаны и обновлены другими авторами. И подобных примеров удачного взаимодействия классиков и ученых нового поколения в ЭРЯ немало.

Редколлегия настоящего издания ЭРЯ отказалась от словарных заметок, посвященных

буквам русского алфавита (в 1-м и 2-м изданиях такие статьи есть), сохранив лишь рассказ о литере *Ё* (с. 177–178) (автор – Н. А. Еськова). Заметим, что даже в нефилологических изданиях типа энциклопедических словарей Брокгауза-Ефрона, братьев Гранат и «Большой советской энциклопедии» подобные статьи были. Они тем более интересны, что каждая буква имеет свою историю в системе русского языка. Это отлично показал еще В. Н. Татищев в «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» [Никитин 2010] – одной из первых русских энциклопедий, изданной в 1793 г., спустя несколько десятилетий после смерти ученого. Тем не менее в ЭРЯ есть статьи о литерах алфавита дореформенного времени: *Зело, «И» десятеричное, Ижица, Кси, Омега, Пси, Юс, Ять*, сохраняющих облик древней письменной старославянской культуры и важных для анализа текстов в научной и учебной практике.

Довольно подробно в ЭРЯ представлены материалы о лингвистических школах и направлениях, кружках и научных обществах по изучению русского языка: *Казанской лингвистической школе* (с. 254–255) (авторы – Ф. М. Березин, Д. В. Сичинава), *Московской диалектологической комиссии* (с. 364) (автор – О. Н. Мораховская), *Московской семантической школе* (с. 364–366) (автор – И. Б. Левонтина), *Московской фонологической школе* (с. 366–368), *Московской школе лингвистической географии* (с. 370–371) и *Московском лингвистическом кружке* (с. 371–372) (автор – Л. Л. Касаткин), *Московской фортунатовской школе* (с. 368–370) (автор – В. К. Журавлев), ОПОЯЗе (с. 428–429) (автор – Г. А. Левинтон), *Петербургской (Ленинградской) школе* (с. 491–493) (автор – А. А. Леонтьев), *Петербургской фонологической школе* (с. 493–494) (автор – Л. В. Бондарко). Из зарубежных школ здесь указана *Пражская* (с. 528–530) (автор – Т. В. Булыгина), что вполне логично, так как ее остов составляли русские ученые-эмигранты, а сочувствовали им советские лингвисты. Деятельность этого кружка повлияла и на развитие научной мысли в России XX столетия.

Кроме собственно материалов о русистике, в ЭРЯ есть и отдельные очерки о *Палеославистике* (с. 466–468) (автор – А. Е. Супрун), *Праславянском языке* (с. 531–533) (автор – С. Б. Бернштейн), *Славистике* (с. 674–676) (автор – Н. И. Толстой, дополнения – А. Ф. Журавлев, В. Б. Крысько), *Славянских языках* (с. 679–682) (автор – В. П. Гудков, дополнения А. Ф. Журавлева), статьи культурно-исторического характера, связывающие филологической нитью разные эпохи и имена: *Архаисты и новаторы* (с. 32–33) (автор – В. М. Живов), *Берестяные грамоты* (с. 45–48) (авторы – А. А. Зализняк, Д. В. Сичинава), *Библия* (с. 49–52) (автор – А. А. Алексеев), *Гражданский шрифт* (с. 110) (без указания автора), *Грамоты* (с. 123–124) (автор – А. А. Гиппиус), *Книгопечатание* (с. 271–272) (автор – Е. Л. Немировский), *Книжная справа* (с. 274–275) (автор – В. М. Живов), *Летописи* (с. 318–321) (автор – А. А. Гиппиус), *Переводческая деятельность в Древней Руси* (с. 481–483) (автор – А. А. Пичхадзе), *Полуустав* (с. 516–517), *Скоропись* (с. 673–674), *Устав* (с. 803–804) (автор – О. А. Князевская), *Пословица* (авторы – А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский), *Словотворчество* (автор – В. П. Григорьев), *Чтение по складам* (с. 853–854) (автор – В. М. Живов).

Оживляют издание две цветные вклейки объемом 16 страниц с отдельной нумерацией, на которых размещены цветные фотографии основных памятников письменной культуры, содержащих уникальные лингвистические артефакты: берестяные грамоты (с. 1), Киевские глаголические листы (с. 2), граффити на стене Софийского собора (с. 4), Апостол и Азбука в изданиях Ивана Федорова (с. 8), Хроника Георгия Амартола (с. 9), Лаврентьевская и Радзивиловская летописи (с. 11), Остромирово Евангелие (с. 13), начало древнейшего известного списка Русской правды – Синодального списка Пространной редакции и нек. др. Здесь же помещена и карта говоров и наречий (с. 5).

4. Персональный ряд лингвистов как предмет филологической критики.

Очерки о языковедах неравнозначны как по фактическому материалу, так и по новизне и библиографическому оснащению. Многие статьи не отразили современную литературу об ученых, хотя за последние десятилетия многие имена получили переосмысление за счет привлечения интересных архивных материалов и книг. Таковы, например, очерки о Ф. И. Буслаеве (с. 60–61), А. М. Пешков-

ском (с. 495–496), А. М. Селищеве (с. 628–629) и Р. О. Якобсоне (с. 899–901) (автор – Н. А. Николина), В. М. Истрине (с. 252) и С. П. Обнорском (с. 403–404) (автор – Д. В. Сичинава), И. И. Срезневском (с. 735–736) (автор – Р. Н. Кривко), А. А. Шахматове (с. 855–857) (автор – И. С. Улуханов). На наш взгляд, здесь уместно было бы упоминание новых источников и републикаций А. М. Селищева и о нем в материалах «Селищевских чтений» [Памяти… 2003], книги Н. В. Колгушкиной об И. И. Срезневском [Колгушкина 2012] и сборников юбилейных конференций в честь ученого, проходивших в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина. Издание было бы более полным, если бы в нем присутствовали ссылки на интереснейшие работы об А. А. Шахматове [Академик А. А. Шахматов… 2015; Алексей Александрович Шахматов… 2018; Макаров 2000; Масальская 2012; Масальская-Сурина 2019], О. М. Бодянском (см. первую и единственную монографию о нем Н. А. Кондрашова [Кондрашов 1956]), С. И. Ожегове, М. Р. Фасмере, Д. Н. Ушакове и других классиках лингвистической мысли прошлых лет. О личностях «словароспецов» и их научно-педагогической деятельности можно было бы написать живо и интересно с включением ярких фактов и эпизодов из истории филологии XX века. Так поступил, в частности, Л. Л. Касаткин, рассказывая о биографиях С. И. Бернштейна (с. 48), М. В. Панова (с. 472–474) и А. А. Реформатского (с. 596–598). Например, из очерка о первом ученом мы узнаем, что он «был уволен [из МГУ имени М. В. Ломоносова] во время кампании по борьбе с космополитизмом с формулировкой „за формализм"» (с. 48). Говоря о М. В. Панове, Л. Л. Касаткин не обошел вниманием сложную ситуацию в Институте русского языка в годы «застоя»: «В 1971 П<анов>, после резкой критики им руководства ИРЯ, организовавшего травлю инакомыслящих, и участие в письме генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, с предложением помиловать осужденных по политическим мотивам писателей Ю. М. Даниэля и А. Д. Синявского, был вынужден перейти в Ин<ститу>т национальных школ при Министерстве просвещения РСФСР» (с. 473). А фигуру незабвенного А. А. Реформатского автор статьи представляет с нескрываемой симпатией. Словно выходя за рамки официального очерка, Л. Л. Касаткин очень тонко, с любовью и иронией, по-человечески нарисовал облик замечательного лингвиста: «Лекции Р<ефоматского> и его выступления с научными докладами привлекали слушателей отточенностью формулировок, логической ясностью аргументации, яркостью языка, огромной эрудицией и живыми и неожиданными примерами из областей лит<ерату>ры, театра, оперы, музыки, истории, живописи, шахмат, охоты. Итог лекций – классический учебник „Введение в языкознание" <…>. Это самое полное и последовательное изложение основ лингвистических знаний, органически сочетающее традиционные взгляды и исследовательское новаторство, абстрактные схемы и шутку, каламбур, эмоциональную яркость текста, образец не только строгого, но и научно-популярного стиля. Работы Р<еформатского> и его устные рассказы демонстрируют мастерское владение разными стилями, богатство выразительных приемов, изящество композиции <…>. Всю жизнь Р<еформатский> писал стихи. В 1935 под псевд. Арнашин опубликовал стихотворный сборник „Как в деревне надо жить, чтобы бабам не тужить"» (с. 597). Под пером Л. Л. Касаткина эти незабытые имена прозвучали с особенной интонацией: перед читателем возникли не статичные портреты классиков, а ищущие, творческие натуры, находившиеся в центре событий противоречивой эпохи. Думается, что именно в статьях об ученых такое отклонение от стандартного стиля вполне уместно. Мы допускаем, что авторы могут придерживаться разных взглядов, но к созданию очерков о лингвистах желательно проявлять больше внимания, ведь речь идет о настоящих героях-легендах.

В некоторых случаях можно высказать другую точку зрения или даже поспорить с создателями таких материалов. Так, говоря о М. В. Панове, Л. Л. Касаткин утверждал, что тот «создал жанр фонетических портретов», имея в виду книгу «История русского литературного произношения XVIII–XX вв.» (1990). Заметим, что первопроходцем в непростом лингвистическом ремесле считается С. И. Бернштейн с его экспериментами в Институте живого слова и фонетической лабора-

торией (многие «портреты» пока, к сожалению, недоступны широкой публике и находятся в архивных собраниях).

Хотим обратить внимание читателей на то, что в статью об А. М. Пешковском вместо изображения упомянутого ученого включили, по нашему предположению, портрет… известного политического деятеля Греции Элефтериоса Венизелоса (1864–1936) – https://ru.abcdef.wiki/wiki/Eleftherios_Venizelos, опубликованный на портале «Хронолайнер» (https://chronolines.ru/rus-and-lit/event/14777) в небольшой заметке об А. М. Пешковском и, очевидно, автоматически скопированный в ЭРЯ.

Положительно оцениваем внимание авторов и редакторов ЭРЯ к именам зарубежных русистов XVIII века, впервые представленных в энциклопедических изданиях по русистике. Так, в структуру словаря были введены М. Грёнинг (с. 126) (автор – Е. Э. Бабаева), И. В. Паус (с. 480–481) (автор – А. Хутерер), М. Шванвиц (с. 857) (автор – Х. Кайперт). Однако при этом отсутствуют обзорные статьи о П. А. Алексееве, Е. Р. Дашковой, В. Н. Татищеве, Д. И. Фонвизине и других филологах-русистах и организаторах науки в России того же времени, необходимые для филологического образования студентов.

Было бы целесообразно, на наш взгляд, поместить в ЭРЯ сведения об ученых первой половины – середины XIX века, когда шло активное строительство науки о русском языке, – И. И. Давыдове, К. С. Аксакове, И. Ф. Калайдовиче, И. Орнатовском, И. Ф. Тимковском.

Наблюдается некоторая непоследовательность в тематическом распределении имен отечественных ученых. Так, среди диалектологов, кроме В. Г. Орловой, статья о которой есть в ЭРЯ, хотелось бы видеть имена С. В. Бромлей, Л. Л. Васильева, К. В. Горшковой, И. А. Оссовецкого. Рядом с академиком В. Н. Топоровым – очерк о Ю. С. Степанове – оригинальном исследователе-компаративисте, философе языка, семасиологе, культурологе, заслуживающем включения в ЭРЯ хотя бы из-за его фундаментального исследования «Константы. Словарь русской культуры» (первое изд. – 1997). Было бы великолепно и с научной, и с учебной точек зрения включить биографии славистов П. А. Лаврова и Б. М. Ляпунова (в 1-м издании есть очерк о нем), последователя А. А. Потебни Д. Н. Овсянико-Куликовского (присутствует в 1-м издании), оригинального филолога-энциклопедиста М. М. Бахтина, у которого можно найти интересные наблюдения и по русскому языкознанию.

Очень уместны были бы здесь статьи о Р. Ф. Брандте, Е. Ф. Будде, С. К. Буличе, Д. Н. Кудрявском и А. И. Томсоне, чей вклад в изучение разных аспектов русского языка значителен, а имена и идеи этих лингвистов до сих пор находятся в активном научном обороте.

В 1-м издании энциклопедии помещена краткая заметка о Ф. Е. Корше [Русский язык… 1979: 117] – филологе-энциклопедисте, внесшем существенный вклад и в изучение славянорусского языкознания. Его научное наследие вполне вписывается в проблематику анализируемой книги.

Концепция ЭРЯ выглядела бы более целостной, если бы в нее вошли биографии ведущих советских и российских ученых: С. И. Абакумова (есть в 1-м издании), Н. Д. Арутюновой, С. Г. Бархударова (есть в 1-м издании), В. А. Белошапковой, В. Д. Бондалетова, В. П. Вомперского, Е. М. Галкиной-Федорук, А. Н. Гвоздева (есть в 1-м издании), И. Г. Голанова, Б. Н. Головина, А. И. Горшкова, Н. С. Державина (есть в 1-м издании), В. Я. Дерягина, Л. П. Жуковской, Е. А. Земской, Вал. Вас. Иванова, Е. С. Истриной (есть в 1-м издании), Ю. Н. Караулова, О. А. Князевской, В. И. Кодухова, Н. А. Кондрашова, С. А. Копорского, С. И. Коткова, Т. П. Ломтева, В. А. Малаховского, Т. М. Николаевой, Ю. В. Рождественского, Д. Э. Розенталя, Л. И. Скворцова, Г. Я. Солганика, В. И. Собинниковой, А. Н. Тихонова, П. Я. Черных, Н. М. Шанского (есть в 1-м издании), Е. Н. Ширяева. Многие из указанных фамилий и некоторые другие включены в объемную словарную статью «Русистика», подготовленную одним из самых авторитетных специалистов по отечественной лингвистике Н. Ю. Шведовой для 2-го издания энциклопедии «Русский язык» (см.: Шведова 1997: 430–434]) и «Большой российской энциклопедии» (см.: [Шведова 2015: 45–48]). Данная публикация могла бы стать ориентиром в отборе значимых для развития этой науки имен. Н. Ю. Шведова очень тактично и грамотно распределила фамилии русистов по направлениям их деятельности и «лингви-

стическому весу». Конечно, обзорная статья не включила все известные имена, но нельзя отказать в объективности филологическому зрению Н. Ю. Шведовой, всегда видевшей человека науки, где бы он ни работал или ни проживал.

Очевиден для науки вклад петербургских русистов второй половины XX века в изучение истории языка и актуальных проблем синхронического анализа текстов. Полагаем, что ЭРЯ можно было бы дополнить статьями о ярких представителях Ленинградской (Петербургской) лингвистической школы – Б. Л. Богородском, А. В. Бондарко, С. Св. Волкове, А. С. Герде, К. С. Горбачевиче, Л. Л. Кутиной, Ю. С. Сорокине, Ф. П. Сороколетове, а также о В. В. Колесове и Л. А. Вербицкой, скончавшихся за несколько месяцев до выхода в свет энциклопедии. Было бы желательно видеть в ЭРЯ очерки о крупных русистах нестоличного региона.

Наверное, стоило бы подумать о включении в ЭРЯ материалов о Ю. М. Лотмане (работы по поэтическому слову) и Д. С. Лихачеве, оценке их выступлений и общественной деятельности, направленных на повышение интереса к культуре слова и сохранение исторического наследия языка и его памятников.

Известно, что иностранная русистика XX–XXI вв. переживает подъем интереса к традиционным проблемам отечественного языкознания. Поэтому было бы уместно для такого авторитетного издания подготовить биографии знаменитого историка языка и ономатолога Б. О. Унбегауна (Франция – Великобритания), профессоров Дина Ворта (США) и Зои Кёстер-Тома (Германия). Думается, что в этом случае хорошим подспорьем для составителей ЭРЯ могла бы служить статья «Русистика за рубежом» из 2-го издания энциклопедии «Русский язык» [Колесов, Митрофанова, Костомаров 1997: 435–437].

Похвально, что в издании 2020 года появилась статья о норвежском слависте Олафе Броке (с. 55–56) (автор – Д. М. Савинов), внесшем большой вклад в развитие русистики, но, к сожалению, в ней допущен ряд неточностей. Например, автор указывает, что О. Брок был иностранным чл.- корр. АН СССР (1916–1949), но не упоминает о его восстановлении в РАН в 1991 году. В статье говорится, что О. Брок слушал лекции А. А. Шахматова: Шахматов был назначен приват-доцентом Московского университета 28.06.1890, в сентябре начал чтение курса по истории русского языка, но 8.11.1890 подал прошение о зачислении его земским начальником в Саратовский уезд и в середине декабря объявил о решении оставить университет; он выбыл из числа приват-доцентов 1.01.1891 и через неделю уехал в Саратов (см. подробнее: [Алексей Александрович Шахматов… 1930: 23–25; Автобиография… 1922: 5; Алексей Александрович Шахматов… 2018: 42–43]). Изученные нами новые материалы свидетельствуют, что О. Брок не был в России с конца мая 1888 г. до середины июля 1891 г. (см. подробнее: [Lönngren 2015]), значит, не мог присутствовать на лекциях А. А. Шахматова.

Заметим, что в последние годы отмечается повышенный интерес к деятельности О. Брока в России: опубликованы архивные документы, письма, осуществлена публикация первого перевода его книги «Диктатура пролетариата» (2018) на русский язык и т. д. В связи с этим считаем целесообразным дополнить краткий очерк о нем новыми данными, которые, надеемся, помогут исследователям глубже изучить его работы: это прежде всего труды Т. П. Лённгрен (см.: [Lönngren 2015, 2016a, 2016б; Лённгрен 2018 и др.]), а также юбилейный сборник, посвященный 150-летию со дня рождения Олафа Брока [Слов'янський світ… 2018], где представлены статьи современных ученых разных стран о норвежском слависте.

5. О лингвистических «мелочах».

Не все словарные статьи ЭРЯ можно атрибутировать: большинство сохранили авторство, что важно для профессионального филолога, но некоторые очерки остались без подписи (по данным С. А. Крылова): *Борковский В. И., Булаховский Л. А., Гражданский шрифт, Граффити, Кузнецов П. С., Маслов Ю. С., Пешковский А. М., Псевдонимы, Тезаурус, Толстой Н. И., Трубецкой Н. С., Фортунатов Ф. Ф., Хабургаев Г. А., Щепкин В. Н., Якубинский Л. П., Палеография*. Последняя статья из приведенного списка подготовлена редколлегией.

В отличие от предыдущего 2-го издания ЭРЯ здесь отсутствуют предметный указатель терминов и перечень имен авторов статей. Правда, на сайте Института русского языка

имени В. В. Виноградова РАН имеется «Авторский указатель» заголовочных слов к 3-му изданию, составленный С. А. Крыловым (см.: http://www.ruslang.ru/doc/ukazatel_krylov.pdf). Затем автор опубликовал этот обзор в виде отдельной статьи [Крылов 2021] и оказал всем читателям неоценимую услугу. Кстати, во 2-м издании энциклопедии названные индексы были представлены в расширенных вариантах: предметный указатель включал не только заголовки словарных статей, но и все остальные термины, встречающиеся в ней, а «Аннотированный именной указатель» – фамилии и авторов статей, и тех ученых, которые упоминались на страницах энциклопедии. Таким образом, читатели получили максимально подробную, ценную информацию о понятийно-именном аппарате русского языка, что во многом было и остается незаменимым инструментом при работе со справочными изданиями такого типа (ср., например, «Лингвистический энциклопедический словарь» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990] тоже придерживался классической академической схемы с подробными, удобными, тщательно проработанными указателями).

6. Заключение.

Итак, в ходе исследования мы установили, что лингвистический энциклопедический словарь опирается на лексикографическую традицию. Он трансформировался от первого до третьего издания и в итоге получил новый облик. А прежняя концепция, рожденная в конце 1970-х годов, изменилась в сторону антропоцентричности словника, терминологической универсальности. Он приобрел более современный понятийный аппарат и метаязык, стал полноценным предметом исследования с точки зрения филологической критики научного знания.

Третье издание ЭРЯ в настоящее время является самым полным и авторитетным терминологическим словарем по русистике. Многие новые статьи написаны с пониманием современных реалий развития этой науки в XXI веке, ее включенности в филологические эксперименты, находки и открытия последнего времени. Но и оправданный традиционализм анализируемой книги нами воспринимается больше как достоинство, нежели чем анахронизм: она показала движение филологической мысли с разных отправных точек и подтвердила высокий потенциал академических школ русистики XX–XXI столетий.

Несомненен и учебно-методический потенциал представленного в ЭРЯ материала. Он позволяет по-новому смотреть на те языковые факты и явления, которые в вузовской практике воспринимались неизменно, как бы застывали в своей терминологической оболочке, изучались по старым схемам, без внимания к новым подходам и достижениям (особенно это касается исторической грамматики русского языка). В ЭРЯ надежная теория сосуществует с экспериментом. При этом авторы статей открыто пишут о неоднозначности или нерешенности ряда проблем. Тем самым призывают читателей глубже изучать родной язык, не быть простыми наблюдателями-статистами, живо реагировать на вновь найденные свидетельства и учиться их грамотно оценивать. Только так можно понять механизмы развития *системы* языка на ее разных уровнях, увидеть то необычное, которое со временем может вырасти в лингвистическую традицию и дать миру филологической науки свой опыт исследования высокой материи языка – извечной тайны и самой большой красоты человеческого разума.

Литература

Автобиография А. А. Шахматова // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1920. Т. XXV. – Петроград : Государственная школа-типография им. т. Алексеева, 1922. – С. 3–6.

Академик А. А. Шахматов: Жизнь, творчество, научное наследие. (К 150-летию со дня рождения) / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. – СПб. : Нестор-История, 2015. – 1040 с.

Алексей Александрович Шахматов. 1864–1920 / ред. С. А. Шахматова-Коплан, Б. И. Коплан. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1930. – 103 с.

Алексей Александрович Шахматов. Избранная переписка: в 3 т. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. – 943 с.

Архив РАН. – Ф. 677. – Оп. 6. – Ед. хр. № 224. – Лл. 2-18.

Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.

Дурново, Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). – М. ; Пг. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1924. – 154 стлб.

Историческая грамматика русского языка : Энциклопедический словарь / под ред. В. Б. Крысько. – М. : ИЦ «Азбуковник», 2020. – 520 с.

Колгушкина, Н. В. Академик И. И. Срезневский в культурном пространстве России / Н. В. Колгушкина. – Рязань : РГУ имени С. А. Есенина, 2012. – 396 с.

Колесов, В. В. Русистика за рубежом / В. В. Колесов, О. Д. Митрофанова, В. Г. Костомаров // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 435–437.

Кондрашов, Н. А. Осип Максимович Бодянский / Н. А. Кондрашов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 87 с.

Крылов, С. А. Указатель авторов словарных статей к третьему изданию энциклопедии «Русский язык» (М., 2020) / С. А. Крылов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2021. – Т. 80, № 2. – С. 98–106. – DOI: 10.31857/S241377150014559-7.

Лённгрен, Т. «Собрал ряд наблюдений над настоящим состоянием России»: Путевые заметки Олафа Брока / Т. Лённгрен // Брок О. Диктатура пролетариата. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2018. – С. 169–173.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Макаров, В. И. «Такого не бысть на Руси преже…» : Повесть об академике А. А. Шахматове / В. И. Макаров. – СПб. : Алетейя, 2000. – 416 с.

Масальская, Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове / Е. А. Масальская. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2012. – 600 с.

Масальская-Сурина, Е. А. История с географией / сост., ступ. ст., примеч. Т. П. Лённгрен / Е. А. Масальская-Сурина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2019. – 568 с.

Никитин, О. В. [Рец.] Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с. / О. В. Никитин // Russistik : Die wissenschaftliche Zeitschrift für aktuelle Fragen des Russischunterrichts. – 1999. – № 1–2 (21–22). – С. 89–96.

Никитин, О. В. «Грамматический словарь» Н. Н. Дурново в кругу русских лингвистических словарей XX века / О. В. Никитин // Дурново Н. Н. Грамматический словарь: Грамматические и лингвистические термины / под ред. О. В. Никитина. – М. : Флинта : Наука, 2001. – С. 150–164.

Никитин, О. В. Василий Никитич Татищев – русский просветитель XVIII века / О. В. Никитин // Русский язык в школе. – 2010. – № 7. – С. 86–92.

Памяти Афанасия Матвеевича Селищева : сборник статей и документов / отв. ред. В. И. Макаров. – Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2003. – 173 с.

Русский язык : Энциклопедия / гл. редактор Ф. П. Филин. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1979. – 432 с.

Русский язык : Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. – 703 с.

Русский язык : Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под общ. ред. А. М. Молдована. – 3-е изд. перераб. и доп. – М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – 904 с.

Слов'янський світ Олафа Брока : збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов'янських мов Університету Осло / ред. Т. Льоннґрен, Н. Хобзей. – Львів : Поліграфічный центр Видавництва Львівської політехнік, 2018. – 264 с.

Тихонов, А. Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 840 с. + 814 с.

Шведова, Н. Ю. Русистика / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. – С. 430–434.

Шведова, Н. Ю. Русистика / Н. Ю. Шведова. – Текст : электронный // Большая российская энциклопедия. Т. 29. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 2015. – С. 45–48. – URL: https://bigenc.ru/linguistics/text/3520911 (дата обращения: 24.07.2021).

Энциклопедический словарь юного лингвиста / сост. М. В. Панов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 544 с.

Lönngren, T. «…прошу не забыть, что есть у Вас друг»: Олаф Брок и Алексей Александрович Шахматов / T. Lönngren // Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. – 2015. – № 56. – P. 37–57.

Lönngren, T. «…полезные указания из далекой Европы»: вклад норвежского слависта Олафа Брока в подготовку Программы для собирания русских народных говоров 1896 / T. Lönngren // Scando-Slavica. – 2016а. – Vol. 62 (1). – P. 7–31.

Lönngren, T. Архив профессора Олафа Брока в Норвежской Национальной Библиотеке / T. Lönngren // Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. – 2016б. – № 57. – P. 35–47.

References

Akhmanova, O. S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terminology]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 608 p.

Arkhiv RAN [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Stock 677. List 6. Doc. 224. P. 2–18.

Avtobiografiya A. A. Shakhmatova [A. A. Shakhmatov»s Autobiography]. (1922). In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiiskoi akademii nauk. 1920*. Vol. XXV. Petrograd, Gosudarstvennaya shkola-tipografiya im t. Alekseeva, pp. 3–6.

Durnovo, N. N. (1924). *Grammaticheckii slovar' (grammaticheckie i lingvisticheskie terminy)* [Grammatical Dictionary (Grammatical and Linguistic Terminology]. Moscow, Petrograd, L. D. Frenkel'. 154 col.

Filin, F. P. (Ed.). (1979). *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [The Russian Language: Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 432 p.

Karaulov, Yu. N. (Ed.). (1997). *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [The Russian Language: Encyclopedia]. 2nd edition. Moscow, Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya, Drofa. 703 p.

Kolesov, V. V., Mitrofanova, O. D., Kostomarov, V. G. (1997). Rusistika za rubezhom [The Russian Studies Abroad]. In Karaulov, Yu. N. (Ed.). (1997). *Russkii yazyk: Entsyklopedia*. 2nd edition. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, Drofa, pp. 435–437.

Kolgushkina, N. V. (2012). *Akademik I. I. Sreznevskii v kul'turnom prostranstve Rossii* [Academician I. I. Sreznevsky in Cultural Space of Russia]. Ryazan, RGU imeni S. A. Yesenina. 396 p.

Kondrashov, N. A. (1956). *Osip Maksimovich Bodyanskii* [Osip Maximovich Bodyansky]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 87 p.

Krylov, S. A. (2021). Ukazatel' avtorov slovarnykh statei k tret'emu izdaniyu entsiklopedii «Russkii yazyk» (M., 2020) [Index of Authors of Dictionary Entries for the Third Edition of the Encyclopedia «The Russian Language» (Moscow, 2020)]. In *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 80 (2), pp. 98–106. DOI: 10.31857/S241377150014559-7.

Krylova, O. N. & Priyomysheva, M. N. (Eds.). (2015). *Akademik A. A. Shakhmatov: Zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie. (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Academician A. A. Shakhmatov: Life, Creativity, Scientific Heritage. (To 150 Anniversary since Birth)]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 1040 p.

Krys'ko, V. B. (Ed.). (2020). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Entsiklopedicheskii slovar'* [Historical Grammar of the Russian Language: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, ITS «Azbukovnik». 520 p.

Lönngren, T. & Khobzei, N. (Eds.). (2018). *Slavyanskii mir Olafa Broka* [The Slavic World of Olaf Broch]. L'vov, Vidavnitstvo L'vivskoi politekhnik. 264 p.

Lönngren, T. (2015). "…proshu ne zabyt', chto u vas est' drug": Olaf Brok i Aleksei Aleksandrovich Sakhmatov ["…Please Do Not Forget That You Have a Friend": Olaf Brock and Alexey Alexandrovich Shakhmatov]. In *Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*. No. 56, pp. 37–57.

Lönngren, T. (2016a). "…poleznye ukazaniya iz dalekoi Evropy": vklad norvezhskogo slavista Olafa Broka v podgotovku Programmy dlya sobiraniya russkikh narodnykh govorov 1896 ["…Useful Instructions from Faraway Europe": The Contribution of the Norwegian Slavist Olaf Brock to the Preparation of a Program for Collecting Russian Folk Dialects in 1896]. In *Scando-Slavica*. Vol. 62 (1), pp. 7–31.

Lönngren, T. (2016b). Arkhiv professora Olafa Broka v Norvezhskoi Natsional'noi Biblioteke [Archive of Professor Olaf Brock in the Norwegian National Library]. In *Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*. No. 57, pp. 35–47.

Lönngren, T. (2018). "Sobral ryad nablyudenii nad nastoyashchim sostoyaniem Rossii": Putevye zametki Olafa Broka ["I Have Collected a Number of Observations on the Present State of Russia": Travel Notes by Olaf Brock]. In Brock, O. *Diktatura proletariata*. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, pp. 169–173.

Makarov, V. I. (2000). *"Takogo ne byst' na Rusi prezhe…": Povest' ob akademike A. A. Shakhmatove* [This Was Not the Case in Russia Before: The Story of Academician A. A. Shakhmatov]. Saint Petersburg, Aleteiya. 416 p.

Makarov, V. I. (Ed.). (2003). *Pamyati Afanasiya Matveevicha Selishcheva: sbornik statei i documentov* [In Memory to Afanasii Matveevich Selishchev: The Collection of Articles and Documents]. Yelets, EGU imeni I. A. Bunina. 173 p.

Masal'skaya, E. A. (2012). *Vospominanie o moem brate A. A. Shakhmatove* [Reminiscences of My Brother A. A. Shakhmatov]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh. 600 p.

Masal'skaya-Surina, E. A. (2019). *Istoriya s geografiei* [History with Geography]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh. 568 p.

Moldovan, A. M. (Ed.). (2020). *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [The Russian Language: Encyclopedia]. 3rd edition Moscow, AST-PRESS Shkola. 904 p.

Nikitin, O. V. (1999). (Rev.). Karaulov, Yu. N. (Ed.) (1997). Russkii yazyk. Entsiklopedia [The Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopedia, Drofa. 703 p. In *Russistik: Die wissenschaftliche Zeitschrift für aktuelle Fragen des Russischunterrichts*. No. 1–2 (21-22), pp. 89–96.

Nikitin, O. V. (2001). «Grammaticheskii slovar'» N. N. Durnovo v krugu russkikh lingvisticheskikh slovarei XX veka ["Grammatical Dictionary" by N. N. Durnovo in the Environment of Russian Linguistic Dictionaries of the XX Century]. In Durnovo, N. N. *Grammaticheskii slovar': Grammaticheskie i lingvisticheskie terminy*. Moscow, Flinta, Nauka, pp. 150–164.

Nikitin, O. V. (2010). Vasilii Nikitich Tatishchev – russkii prosvetitel' XVIII veka [Vasilii Nikitich Tatishchev – the Russian Enlightener of XVIII Century]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 7, pp. 86–92.

Panov, M. V. (Ed.). (2006). *Entsiklopedicheskii slovar' yunogo lingvista* [Encyclopedic Dictionary of a Young Linguist]. Moscow, Flinta, Nauka. 544 p.

Shakhmatova, S. A., Koplan, B. I. (Eds.). (1930). *Aleksei Aleksandrovich Shakhmatov. 1864–1920* [Alexey Alexandrovich Shakhmatov. 1864–1920]. Leningrad, Izdanel'stvo Akademii nauk. 103 p.

Shvedova, N. Yu. (1997). Rusistika [The Russian Studies]. In Karaulov, Yu. N. (Ed.). *Russkii yazyk. Entsiklopedia*. 2nd edition. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopedia, Drofa, pp. 430–434.

Shvedova, N. Yu. (2015). Rusistika [The Russian Studies]. In *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopedia*. Vol. 29. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopedia, pp. 45–48. URL: https://bigenc.ru/linguistics/text/3520911 (mode of access: 24.07.2021).

Tikhonov, A. N., Khashimov, R. I., Zhuravleva, G. S. et al. (2008). *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatii. Russkii yazyk: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary of Linguistic Terms and Concepts. The Russian Language, in 2 vols.]. Moscow, Flinta, Nauka. 840 p. + 814 p.

Vovina-Lebedeva, V. G. (Ed.). (2018). *Aleksei Aleksandrovich Shakhmatov. Izbrannaya perepiska. V. 3 t. T. 1. Perepiska s F. F. Fortunatovym, V. N. Peretsem, V. M. Istrinym* [Alexey Alexandrovich Shakhmatov. Selected Writings, in 3 vols. V. 1. Correspondence with F. F. Fortunatov, V. N. Perets, V. M. Istrin]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. 943 p.

Yartseva, V. N. (Ed.). (1990). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 685 p.

Данные об авторе

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Authors' information

Nikitin Oleg Viktorovich – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ РУСИСТИКА СЕГОДНЯ

BULGARIAN ACADEMIC STUDIES IN RUSSIAN LITERATURE: TENDENCIES AND INTERESTS

Galina Petkova[1]
Sofia University St. Kliment Ohridski (Sofia, Bulgaria)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1002-5183

Russian literature has always had high reputation in Bulgarian cultural space. The constant interest towards it stimulated processes of reception, translations, literary-critical comprehension, teaching and scholarly study of Russian literature. National tradition of academic studies in Russian literature was launched by the Bulgarian Slavist, literary critic and theoretician, Professor of Sofia University Boyan Penev (1882–1927). Penev researched Romanticism in Slavic literatures, and started special lecture courses in Russian Romanticism and in the oeuvre of A. Pushkin in 1906. The scholar offered the first systematic courses in history of Russian literature in Bulgaria (since 1913) and compiled the list of "normative authors" (J. Assman) for Bulgarian scholarly canon. Since the early 1920s, Russian émigré scholars – the Professors Mikhail Popruzhenko (1866–1944) and Piotr Bicilli (1879–1953) – made their contribution in Russian studies and teaching in Russian literature in Sofia University. Russian Literature was taught as an academic discipline in lecture format during the Second World War; even in 1943, a schoolbook *Russkaia literaturnaia rech'* ('Russian literary speech') was issued, which incorporated samples from the most prominent Russian writers after Lomonosov, including Russian émigré and Soviet writers as well.

After the establishment of new political regime in 1944, academic Russian studies, as all humanities in Bulgaria, were subjected to a fundamental break. Step by step, research interests and practices of Bulgarian scholars of Russian had been determined by the scholarly canon of the Soviet cultural space. In those years the base of Russian studies was expanded, but the scholarly priorities and approaches were determined by social-political agendas and ideological postulates of this time and were not based on professional ethics and autonomy of scholarly research. A major peculiarity of the period was a tendency to annul the status of Russian as *foreign* language and to annul the status of Bulgarian Studies of Russian literature as carried on *abroad*. For a long time, even after the democratic changes of the late 1980s, the national (Bulgarian) cultural context, through which Russian literature is received and comprehended, was barely considered.

The present section contains articles by scholars and teachers in Russian Literature from various Bulgarian universities and academic institutions: Nikolay Neychev (Plovdiv University "Paisii Hilendarski"), Hristo Manolakev (St. St. Cyril and Methodius University of Veliko Tarnovo), Lyudmil Dimitrov and Galina Petkova (Sofia University St. Kliment Ohridski), Dechka Chavdarova (Konstantin Preslavski University of Shumen) and Yordan Lyutskanov (Institute for Literature at the Bulgarian Academy of Sciences). Their researches are

[1] Galina Petkova, Guest Editor, PhD, Associate Professor of Department of Russian Literature of Faculty of Slavic Studies, Sofia University "St. Kliment Ohridski" (Sofia, Bulgaria).

© Г. Петкова, 2021

connected with literature in the Russian tongue of the pre-digital age, while their texts have been created in the circumstances of a foreign cultural milieu. Nowadays, the Bulgarian literary scholars, well acquainted with Russian literary history, are interested in interdisciplinarity, insights into Russian cultural discourse of scholars with native tongue other than Russian, Russian-Bulgarian relations, and a number of anaphoras: on the one hand – Russian literature, on the other – Russian social thought, Russian mentality, national stereotypes, scenic arts, (auto)reflection on the paths of Russia.

It is in the contamination of theoretic approaches and the variety of literary studies paradigms where I see the perspective of development of Russian studies in Bulgaria, after the end of that regulated and governed epoch which one could call "Bulgarian Russistics".

БОЛГАРСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ РУСИСТИКА: ТЕНДЕНЦИИ И ИНТЕРЕСЫ

Галина Петкова[1]
Софийский университет им. Св. Климента Охридского (София, Болгария)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1002-5183

Русская литература всегда пользовалась высокой репутацией в болгарском культурном пространстве. Неизменный интерес, проявляемый к ней, стимулировал процессы рецепции, перевода, литературно-критического осмысления, преподавания и научного изучения. Установление национальной традиции академической литературоведческой русистики связано с именем болгарского слависта, литературного критика и теоретика, профессора Софийского университета Бояна Пенева (1882–1927), который исследовал романтизм в славянских литературах и с 1906 г. стал читать самостоятельные лекционные курсы по русскому романтизму и творчеству А. С. Пушкина. Он предложил также первые систематические курсы по истории русской литературы (с 1913 г.) и составил список «образцовых авторитетов» (Я. Ассман), вошедших в болгарский исследовательский канон. Вклад в изучение и преподавание русской литературы в Софийском университете с начала 1920-х гг. внесли и русские ученые-эмигранты – профессора Михаил Попруженко (1866–1944) и Петр Бицилли (1879–1953). С университетской кафедры русская литература читалась как академическая дисциплина и в годы Второй мировой войны, а в самый ее разгар – в 1943 г. – был издан толстый том учебной книги – «Русская литературная речь», куда вошли образцы произведений виднейших русских писателей после Ломоносова, в том числе и русских эмигрантских авторов, и советских писателей.

После установления нового политического режима в 1944 г. академическая русистика, как и вся гуманитаристика, были подвергнуты коренной ломке. Постепенно менялись поколения, а научные интересы и практики исследователей определялись литературоведческим каноном, который стабилизировался в советском пространстве. В эти годы расширялась база русистики, но у последней были приоритеты и подходы, скорее навязанные социально-политическим временем и идеологическими постулатами, чем продиктованные профессионально-этическими основаниями и автономией научного знания. Ведущей чертой этого периода стала тенденция к упразднению статуса русского языка как *чужого* и болгарской русистики как *зарубежной*. И тогда, и долго после демократических перемен конца 1980-х гг. в Болгарии слабо учитывался чуждый (национальный) культурный контекст, сквозь призму которого русская литература воспринимается и осмысляется.

В настоящем разделе представлены статьи исследователей и преподавателей рус-

[1] Петкова Галина, приглашенный редактор, доктор филологии, доцент кафедры русской литературы Факультета славянских филологий, Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария).

ской литературы в болгарских университетах и академических институтах: Николая Нейчева (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского), Христо Манолакева (Велико-Тырновский университет им. Свв. Кирилла и Мефодия), Людмила Димитрова и Галины Петковой (Софийский университет им. Св. Климента Охридского), Дечки Чавдаровой (Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского) и Йордана Люцканова (Институт литературы Болгарской АН). Их научные поиски связаны с русскоязычной литературой до дигитальной эры, а тексты создавались в обстоятельствах чужой культурной среды. Сегодняшнему болгарскому литературоведческому взгляду, хорошо знакомому с русской литературной историей, интересны междисциплинарность, проникновение в дискурс русской культуры иноязычными учеными, болгарско-русские отношения и многие анафоры: русская литература, с одной стороны, и с другой – русская общественная мысль, русская ментальность, национальные стереотипы, сценические искусства, (авто)рефлексия о путях России.

Именно в контаминации теоретических подходов и многообразии литературоведческих парадигм мне видится перспектива развития русистских исследований в Болгарии после конца той регулируемой и руководимой эпохи, которую можно назвать «болгарской русистикой».

УДК 821.161.1-31(Достоевский Ф. М.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-03.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

КАЙРОТИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Нейчев Н.
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского (Пловдив, Болгария)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7001-9717

Аннотация. Пользуясь методом православной аксиологии, представленная работа пытается ответить на следующий вопрос: каким образом бескачественное время (хронос) в календарной хронологии романа «Преступление и наказание» претворяется в качественное духовное бытие (кайрос). Идеологический дискурс произведения Достоевского исследуется в связи с возможностью изменения его из языческого в христианский под воздействием агиографического корпуса Четьих-Миней. Выявляется то, каким образом житийные тексты, приуроченные к конкретной дате, совпадающей с календарным временем в развитии романного сюжета, влияют на изменения в мыслях и действиях данного персонажа и объясняют внутренний смысл события. Новаторство исследования состоит в формулировании идеи, что не только великие христианские праздники готовят героя ступить на путь спасения, но и житийные тексты в составе Четьих-Миней, которые исполняют функцию своего рода «палимпсеста» для романа Достоевского, кайротизируют каждый день календарного цикла и таким образом указывают путь для претворения жизни человека в житие.

Ключевые слова: хронос; кайрос; «Преступление и наказание»; Достоевский; Четьи-Минеи

KAIROTIZATION OF TIME IN “CRIME AND PUNISHMENT” BY F. M. DOSTOEVSKY

Nikolay Neychev
Plovdiv University Paisii Hilendarski (Plovdiv, Bulgaria)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7001-9717

© Н. Нейчев, 2021

Abstract. Applying the method of Orthodox axeology, the present work tries to answer the following question: how the everyday time (chronos) in the calendar chronology of the novel "Crime and Punishment" is transformed into a qualitative spiritual being (kairos). The possibility of changing the ideological discourse in Dostoevsky's work from pagan to Christian through the influence of the hagiographic corps of Cheti Minei is studied. It is shown how the biographical texts, intended for reading on a specific date, coinciding with the calendar time from the development of the novel plot, influence the change of thoughts and actions of a given character and explain the inner meaning of the event. The novelty of the study lies in the idea that not only the great Christian holidays prepare the hero to embark on the path of salvation, but this is achieved through the hagiographical texts in Cheti Minei, which serve as a kind of "palimpsest" for Dostoevsky's novel and cairotize every day from the calendar cycle and thus show the way for the transformation of human biography into a hagiographical legend.

Keywords: chronos; kairos; "Crime and punishment"; Dostoevsky; Cheti Minei

Для цитирования: Нейчев, Н. Кайротизация времени в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского / Н. Нейчев // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 36–49. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-03.

For citation: Neychev, N. (2021). Kairotization of Time in "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 36–49. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-03.

В достоевистике проблема *времени* имеет длинную историю и рассматривается с разных аспектов: социологического [Цейтлин 1927: 3–17], статистического [Волошин 1933: 162–172], хронотопного [Бахтин 1975: 234–407], философско-онтологического [Лихачев 1981: 97–116], субъективно-психологического [Назиров 1982], сакрально-канонического [Захаров 1994: 37–49], жанрово-нарративного [Ковалев 2010: 112–115] и т.д.

Цель предложенной статьи – рассмотреть проблему времени с иной точки зрения и попытаться ответить на следующий вопрос: каким образом бытовое время в календарной хронологии романа «Преступление и наказание» *претворяется* в качественное духовное бытие. Иными словами, каким образом идеологический дискурс в произведении Достоевского меняется из *языческого* в *христианский*, а *жизнь* человека – в *житие*.

Следует отметить, что в трудах о творчестве Достоевского уже существуют попытки в этом направлении. Например, В. Н. Захаров пишет, что в художественном мире Достоевского «христианский хронотоп» играет особую роль, причем «и Рождественский, и Великий пост содержат идею нравственного совершенствования человека, его духовного приготовления к Рождеству и Пасхе» [Захаров 1994: 37–49]. Как мы видим, временная картина в финале «Преступления и наказания» (предшествующая *воскресению* Раскольникова) действительно помечена соответствующими маркерами: «на второй неделе Великого поста», «конец поста и Святую» и «вторая неделя после Святой» [Достоевский, т. 6: 419–420][1]. Бесспорно, это так. Мы, однако, не можем безоговорочно согласиться с другими категорическими утверждениями исследователя, что единственно и только «пасхальный рассказ» (или иной великий праздник) христианизирует внутренний мир героя, а все остальные церковные даты *не имеют символического смысла* и «в прямом значении они являются лишь календарными датами», или «для Достоевского точный расчет времени по реальному календарю не имел значения» [там же]. Следует задаться вопросом: *неужели только во время больших церковных праздников сакрализуется профанное время и человеческая жизнь претворяется в житие?* Это кажется нам глубоко несправедливым, в особенности относительно художественного мира великого русского писателя, и глубоко неверным. Наша гипотеза иная, и она находит свои основания в следующей предпосылке.

Согласно христианской эсхатологии, время *после* прихода Иисуса Христа в мир *не является* уже языческим *хроносом*[2], а *претворяется*

[1] Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Ф. М. Достоевский. *Полное собрание сочинений в тридцати томах*. Ленинград: Наука, 1972–1990, и будут отмечаться в квадратных скобках только указанием арабскими цифрами тома и страниц. Цитаты из романа «Преступление и наказание» будут отмечаться только номером страницы в *квадратных скобках*.

[2] Под понятием *хронос* (χρόνος) мы будем подразумевать физическое линейное (или круговое) количественное повторение бескачественных временных отрывков, которое приводит (или могло бы привести) к плохой (порочной) бесконечности существования – злокачественной форме regressus in infinitum.

в телеологическую сотериологию – становится временем Спасения. Иными словами, время – это уже *не только* онтологическая категория физической реальности, «холодный» и неумолимый механический *хронос*, а «согретый» духовный *кайрос*[1], религиозный *сюжет*. Как раз в Боговоплощении Достоевский видит суть христианства, ср.: «огромный факт появления на земле Иисуса и *всего, что за сим прошло*» [27: 85][2]; «Христианство есть доказательство того, что в человеке может *вместиться* Бог» [25: 228]. Следует особо подчеркнуть, что *ежедневный* христианский календарь *иконизирует* **каждый день** годичного цикла, посвящая его памяти определенного святого/святых и/или какому-либо событию из священной истории. В нашем случае это приобретает особую значимость, так как **основную роль** во *всеобщей кайротизации* времени бесспорно играют тексты Четьих Миней[3], и это глубоко осознавалось Достоевским: «...по *всей земле* русской *чрезвычайно распространено знание Четьи-Минеи* – о, не всей, конечно, книги, – но распространен *дух ее* <...> есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказчиц о житиях святых. Рассказывают они из Четьи-Миней прекрасно, точно, *не вставляя ни единого лишнего слова от себя* <...>. *Я сам в детстве слышал эти рассказы прежде еще, чем научился читать*» [25: 214–215]; «Этот „развратный“ и темный народ наш <...> чтит память своих великих и смиренных отшельников и подвижников, любит рассказывать истории великих христианских мучеников своим детям. Эти истории <...> *рассказанные* с проникновением и благоговением и *оставшиеся у меня на сердце*» [25: 69–70].

Наш тезис сводится к следующему: мы утверждаем, что агиографическая литература оказывает духовное влияние на *целостное* развитие «светского» на первый взгляд сюжета романов Достоевского, причем темпоральный ориентир (явный или «скрытый» в подтексте) сигнализирует, какой именно житийный текст оказывает это воздействие.

В критике немало говорилось о том, что отрыв Раскольникова от народной почвы приводит его к «противоречию с русским народным духом», к постоянным изобличениям (и осмеянию) со стороны «народного хора» [см. Тихомиров 2009: 52, 135–136, 157, 200, 266 и др.]; «На всем протяжении действия Раскольников окружен океаном народного морального сознания», которое опровергает его «идею», «мощно влияет на его судьбу» и «участвует в развитии сюжета» [Назиров 1982: 104]. Следовательно, это «народное моральное сознание» живет в *ином*, кайротизированном времени, которое существует не только параллельно и независимо от времени Раскольникова, но явным или таинственным образом проникает в языческий хронос, в котором обитает герой, готовя его в конечном счете к этапу «постепенного перехода из одного мира в другой» [422]. В связи с этим важно отметить, что на всем пространстве «Преступления и наказания» Достоевский последовательно пользуется принципом, который можно определить как *принцип «от противного»*. Согласно этому принципу, времяпространственное бытие представляется читателю почти полностью переломленным через сознание Раскольникова, однако времяпространственная картина не закрыта герметически (в противном случае не было бы возможности осуществления любых изменений, что противоречит *идеологическому дискурсу* произведения), а постоянно подвергается изменениям – кайротизации[4]. Посмотрим, каким именно образом эта кайротизация осуществляется на практике в романе Достоевского.

Рассказ начинается исключительно важным временным ориентиром: «В *начале июля*, в чрезвычайно жаркое время, *под вечер*...» [5], который прямым образом направляет внима-

[1] Здесь в понятие *кайрос* (καιρός) мы вкладываем не древнегреческое представление о καιρός как «счастливом мгновении» и «благоприятном случае» (в античном смысле «удачи», связанной с индивидуальным бытовым аспектом существования человека), а сакраментальную идею о «мгновении», с которого начинается новозаветное время (после Боговоплощения) и которое претворяет бескачественную хронологию в исполненное содержания бытие.

[2] Все курсивы, кроме специально оговоренных „к. а.“ (курсив автора), мои – Н. Н.

[3] Четьи-Минеи (от слав. «четий» ‘предназначенный для чтения’ и греч. μηναῖα – ‘месячный’) – сборник житий святых и поучений на каждый день каждого месяца, предназначенный для домашнего или келейного чтения. Особую популярность на Руси обрели Четьи-Минеи св. Дмитрия Ростовского, и именно такие были в библиотеке писателя [см. Гроссманъ 1919: 154].

[4] В отличие, например, от романа «Идиот», в котором кайротизация времени при помощи житийных текстов Четьих-Миней осуществляется эксплицитно [см. Нейчев 2020: 151–173].

ние на житийный цикл, приуроченный к *началу* месяца *июля*. Еще первое предложение Четьих-Миней за этот месяц находится в прямой связи с вышеизложенной идеей о кайротизации времени после Боговоплощения: «*После плотского прославления на земле Владыки Христа Бога* нашего повсюду стали известными <…> *подвиги святых Христовых мучеников; ибо в них проявилась сила Спасителева*» [Житія Святыхъ, т. 11: 5][1].

Начало месяца пока что не является достаточно определенным, так как отсутствует *число*, по которому можно было бы указать на конкретный агиографический текст и предположить о его прямом или косвенном «влиянии» на развитие сюжета. Отсутствие числа, однако, только кажущееся – число существует, хотя оно и не названо непосредственно. Согласно обоснованному примечанию Б. Тихомирова, «Вечером этого же дня Мармеладов говорит Раскольникову: „…Шесть дней назад я первое жалованье мое <…> принес" [19]. Поскольку узаконенным днем получения жалованья в казенных учреждениях на всей территории Российской Империи было первое число месяца, слова Мармеладова дают возможность точно датировать начало действия в романе – 7 июля» [Тихомиров 2009: 45]. Впрочем, сам Мармеладов очень точно фиксирует время события: «то есть это будет *ровно пять суток назад тому*…» [20]. Следовательно, у нас есть *точный временной ориентир* для определения начала действия. И так как Достоевский исключительно пунктуально организует свой рассказ в темпоральном отношении, дальнейшая датировка *всего* повествования затруднений не представляет – оно продолжается ровно *14 дней* (без Эпилога), то есть заканчивается *20 июля*.

Знакомство с Мармеладовым – значимое для Раскольникова событие, и он «даже приписывал его *предчувствию*» [12]. Герой впервые встречается глаза в глаза с главным «выразителем» позиции народного хора – представителем *другого* времени, о котором он не имел представления, или точнее, не хотел иметь с ним ничего общего. У потрясающей истории Мармеладова – шестидневная предыстория, и эта сюжетная *лакуна* «заполняется» множеством соответствий в агиографических текстах Четьих-Миней на *1–7 июля*. Например, жития, приуроченные к чтению ***1 июля**: Страдание святых мучеников Космы и Дамиана*, и *Страдание святого мученика Потита* – характеризуются общим агиографическим топосом, темой об *излечении душ неверующих в Христа язычников*. «Сии искусные целители ни от кого не брали вознаграждения за исцеления <…>. Только одной самой драгоценной награды требовали они от исцеляемых, – веры во Христа» (5–6; см. также: 8, 13). И «они многих обращали ко Христу» от «идолопоклоннического нечестия» (6). В этом контексте сказанное Мармеладовым не следует воспринимать только как личную исповедь о «пороке» житейской «нищеты» и о будущем спасении через *страдание*[2], *скорбь*[3] и *смирение*[4]. Это скорее всего *пророческая* «проповедь», адресованная «всем», и в особенности – языческой демонической идее, которая овладела сознанием будущего убийцы Раскольникова[5]. Следует отметить, что ключевым моментом в житиях христиан-

[1] Ссылки на Четьи-Минеи св. Дмитрия Ростовского будут приводиться по этому изданию (в современной орфографии) и в дальнейшем будут отмечаться только номером страницы в *круглых скобках*.

[2] Слова героя: «ибо *сугубо страдать хочу*» [5] – обязательный агиографический топос. Например, желание пострадать во имя вечной жизни является центральным мотивом в *Страдании святого мученика Иакинфа* (память **3 июля**). Святой Иакинф сказал языческому императору Траяну: «ибо *я желаю еще сильнее пострадать* за Христа, Господа моего», так как не желает «чтобы я из-за маловременной жизни сей оставил жизнь вечную!» (44). Ср. также: *Страдание святых мучеников Марина, Марфы, Авдифакса, Аввакума, Кирика, Валентина пресвитера, Астерия и многих других* (память 6 июля): «Благодарим Тебя, Христе Боже наш, что Ты удостоил нас претерпеть эти страдания за имя Твое» (134).

[3] Ср.: «…ибо не веселия жажду, а *скорби и слез*!» [21] – также житийный мотив. В *Житии преподобного отца нашего Афанасия Афонского* (память **5 июля**) сказано: «преподобный Афанасий получил *дар умиления и плакал*, когда желал» (97).

[4] Ср. слов Мармеладова: «…всё тайное становится явным; и не с презрением, а со *смирением* к сему отношусь» [14].

[5] Общим местом в рассматриваемых житиях является то, что святые отказались от предлагаемых *императором*-язычником земных богатств («золота» и «серебра»), чтобы приобрести «нетленное и несказанное богатство на небесах, которое Господь Иисус Христос уготовал всем любящим Его» (22) – в полную противоположность наполеоновской («императорской») идее Раскольникова и задуманному грабежу. Особую значимость приобретает факт, что мотив эфемерности земных богатств звучит с особой силой в *Житии и страдании святых преподобномучеников Епиктета пресвитера и Астиона монаха*, память которых отмечается **7 июля** (в день фактического *начала* рассказа в «Преступлении и на-

ских лечителей является вера, что не они спасают души – «ничего не можем сделать нашею собственною силою», – а совершает это «всемогущая сила» Христа (6). Как раз этот агиографический мотив и есть *первоисточник* того глубокого смирения в самой сути, в *духе*, мармеладовской проповеди – вера, что «пожалеет нас Тот, Кто всех пожалел <…> Он Единый, Он и Судия». И Кто скажет: «Потому их приемлю <…>, что ни единый из сих не считал себя достойным сего…» [21]. Сходство с житием страстотерпцев Космы и Дамиана обнаруживается в еще одной детали. Когда император-язычник послал воинов к ним, «верующие собрались к святым и умоляли их укрыться куда-нибудь на *короткое время*, пока минует их гнев царский». Братья повиновались просьбам людей, чтобы «сохранить свою жизнь *не ради себя*, но *ради спасения других*» (6–7). Достоевский стилизует этот мотив (разумеется, в сниженном бытовом виде[1]) в пятидневном бегстве и укрывании Мармеладова, закончившимся тем, что в определенный момент он явился перед Раскольниковым – «Се человек!» [14] – и указал ему на истинный путь к спасению. Таким образом, пропитанная *житийным духом* исповедь-проповедь Мармеладова становится прозрением о *другом* времени и *ином* бытии, и буквально восходит к словам Тропаря (глас 8) *Сказания о положении честной ризы Пречистой Девы Богородицы во Влахернской церкви* (память **2 июля**): «о тебе бо и естество ***обновляется и время***» (35)[2]. Воздействие речи героя на присутствующих находит свое точное соответствие в *Житии св. Александра* (память **3 июля**), где о слушающих проповедь спасения говорится: «Некоторые слушали его учение, а другие не хотели внимать его словам» (47)[3].

Доказательства о том, что события *второго дня* сюжета романа происходят ***8 июля***, несомненны. Как известно в этот день Русская церковь отмечает *общецерковный* праздник: *Празднество Пресвятой Деве Богородице в честь явления Ее иконы Казанской* – и этому *событию* в Четьих-Минеях уделено специальное место (см. 184–187). Именно в этот день в первый и последний раз в сюжете упоминается икона *Казанской Божией Матери*, перед которой молилась Дуня, а Раскольников тем временем, бредя по Петербургу, *злобно*[4] думал о «решении» сестры [35] – «такое „совпадение“ невозможно счесть случайным» [Тихомиров 2009: 96].

Можно выявить и другое доказательство в пользу утверждения, что второй день развития сюжета «Преступления и наказания» приходится на *8 июля*. В Четьих-Минеях основным житием на этот день является *Страдание святого великомученика Прокопия*, с которым текст романа обнаруживает ряд удивительных «параллелей». Это, однако, *соответствия апофатического характера*, то есть здесь с особой силой действует принцип «от противного», так как житие св. Прокопия является зеркальной *противоположностью* жизненного пути Раскольникова.

Герой жития и герой Достоевского примерно *одного возраста*: о молодом Неании (такое прозвище носил он, прежде чем получить от Господа имя Прокопий) сказано: «Когда он <…> уже стал переходить в возраст *мужеский*» (163); о Раскольникове мы узнаем, что ему 23 года [396], то есть оба они недавно перешли в *мужеский возраст*[5]. С этого момента начинает действовать принцип «от противного».

казании»): «*Золото* и *серебро*, которое мы можем видеть, не есть нечто истинное, а только некоторое *обольщение* для людей. Я же скажу тебе, каково то истинное золото, которое стоит приобрести. <…> Это чистое золото – Христос Господь наш <…>. Если ты, чадо, захочешь иметь Его в твоем сердце <…> *ты будешь выше не только этого видимого мира*, но *победишь и диавола, которого вы почитаете за бога*» (142, 145).

[1] В связи с этим Б. Тихомиров пишет: «Отметим, что вообще игра профанным и сакральным значениями библейского слова – одна из характернейших черт поэтики романного слова у Достоевского» [Тихомиров 2009: 69]. У писателя, однако, этот специфический нарративный прием неизмеримо *шире* и не ограничивается *только* библейским словом.

[2] Впрочем, это житие обнаруживает таинственные соответствия с рассказом Мармеладова о самопожертвовании Сони, и более конкретно, с мотивом «чистоты» и с одной постоянной деталью – «большой прадедамовый зеленый платок», которым Соня «накрыла им совсем голову и лицо» [17] и который напоминает мафорий Богородицы [см. Касаткина 1996: 67–137].

[3] Ср. у Достоевского: «Слова его произвели некоторое впечатление; на минуту воцарилось молчание, но вскоре раздались прежний смех и ругательства» (21).

[4] Ср.: «…*злобно* торжествуя…»; «*Злоба* накипала в нем всё сильнее и сильнее…» и т. д. [35, 36]. Немаловажно отметить, что определение *злобный* является топосом всех агиографических текстов и оно всегда характеризует *язычника*.

[5] Существует *пять* временных степеней или возрастов: *младенческий*, *отроческий*, *юношеский*, *мужеский* и *старческий*. На каждый возраст приходится семилетний или половина семилетнего срок протекания [см. Даль 1989, т. 1: 200].

В детстве Неаний воспитывался матерью в *язычестве* и «прошел все *светские науки*» (163), после чего стал гонителем христиан. Но подобно Савлу, будущему Павлу, Неаний был обращен Господом в христианскую веру и получил имя Прокопий (см. 164). Наоборот, из сна с убийством клячи (который приснился Раскольникову в тот же день) мы узнаем, что маленький Родя воспитывался в *христианской* среде: «Среди кладбища каменная церковь <…>. Он *любил* эту церковь и старинные в ней образа <…> и он каждый раз <…> *религиозно* и почтительно *крестился*…» [46]. Впоследствии, когда он изучал *светские науки* (право), Раскольниковым завладела *языческая* по своей сути *наполеоновская* идея – «кровь *по совести*» [202, к.а.]. Таким образом, герой Достоевского пошел по противоположному пути: не от язычества к христианству, а от христианства к язычеству. И здесь обнаруживается поразительное совпадение агиографического и романного текста. Св. Прокопий восстал против золотых и серебряных идолов языческих богов, в особенности против «великого *Зевеса*» (167), в то время как Раскольников говорил самому себе (притом в день св. Прокопия): «чем ты их убережешь, миллионер будущий, *Зевес*, их судьбою располагающий» [38]. Оба персонажа в ключевой момент жизни обратились за помощью с горячей, но *противоположной* по смыслу молитвой. Св. Прокопий: «Боже! *укрепи меня*, раба Твоего, на посрамление врагу и во славу Пресвятого Твоего Имени!» (169); Раскольников: «Господи! – молил он, – *покажи мне путь* мой, а я отрекаюсь от этой проклятой… мечты моей!» [50][1]. Оба героя были призваны к *великим делам*. Св. Прокопию Бог заявил: «Мужайся и крепись, ибо *ты совершишь великие дела* и приведешь к Отцу Моему большое стадо» (170). Цель обожествившего самого себя героя Достоевского, однако, совсем *иная*: «Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощию посвятить потом себя на *служение всему человечеству* <…>. За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения» [54]. И хотя эти слова высказаны другим, автор подчеркивает, что у его героя «*такие же точно мысли*» [55, к.а.]. Если «великая миссия» Раскольникова направлена на физическое выживание людей (в материальном мире), то св. Прокопий спасал души, приводя их «от смерти к жизни» (от этого мира в Царствие Божие) (177).

Не в последнюю очередь, в житии великомученика Прокопия обнаруживаем центральный для Раскольникова мотив, представленный в сновидении непосредственно *перед* убийством (*9 июля*). Входя в языческий храм, св. Прокопий сотворил пред идолами в воздухе крестное знамение и сказал: «Вам говорю, нечистые идолы, убойтесь имени Бога моего и силы святого креста: идите с мест ваших и сокрушитесь, *разлейтесь как вода*! <…> Они раздробились на части и, *что еще удивительнее*, весь материал, из какого они были сделаны, *превратился*, по велению Божию, в *простую воду*…» (172).

В глубинном контексте романа этот агиографический пассаж объясняет таинственный смысл сновидения о языческом «золотом веке»[2], в котором «Он же всё *пьет воду*, *прямо из ручья*…» [56]. Нам кажется, что образ превращенных в *воду* демонов, в воду, которая не утоляет жажды (ср. «Он же всё пьет воду…»), и поглощения ее героем непосредственно перед убийством, возможно, был подсказан Достоевскому чудом св. Прокопия. Таким образом, автор начинает строить жизненный путь своего героя как перевернутое житие *великого грешника*; как контрапункт агиографической модели, заданной в житии *великомученика* Прокопия.

Убийство и грабеж совершены Раскольниковым в следующий день – ***9 июля***. Данное событие выявляет ряд «реликтовых» аналогий с сюжетами агиографических текстов Четьих-Миней на этот день, и они «просвечивают» глубоко под видимой поверхностью нарратива, обеспечивая возможность иного идеологического дискурса. В житии *Память преподоб-*

Период юношества охватывает время от 15 до 20-летия [см. там же: т. 4: 688] – это возраст *неполнолетия*. *Полнолетие*, со своей стороны, согласно российскому законодательству XIX в., начинается в 21 год.

[1] Молитва Раскольникова объясняется другим местом в том же житии: «Всякий, *убегающий* от Света Божия и *служащий демонам*, слеп и ходит в темноте, *не зная, куда идет*» (171).

[2] В черновиках к роману «Преступление и наказание» находится прямое свидетельство, что идея о *золотом веке* подчинила сознание героя: «Картина *золотого века*. Она уже *носится* в *умах* и в *сердцах*. Как ей *не настать*» [7: 91]. Подробнее об этом [см. Нейчев 2010: 220–221].

ного Патермуфия присутствует относительно редкий агиографический сюжет. Герой жития «был сначала идолопоклонником», «разбойником», «проливающим человеческую кровь», и – подобно герою Достоевского – замышлял преступление: «Однажды ночью он влез на крышу дома, в котором жила дева, посвященная Богу. Хотел он разобрать кровлю и, войдя через нее в дом, совершить задуманное им злодеяние» (201). Но будучи «усталый, заснул там» и во сне услышал слова Господа: «Перестань отныне совершать свои злодеяния, перестань проливать человеческую кровь, красть и творить другие беззакония! Раскайся и начни богоугодные труды…» (там же). Патермуфий «обещал, что он сейчас же с усердием начнет исполнять эти повеления», и через долгое время, проведенное в пустыни, где пребывал «дни и ночи в молитве и слезах», он был принят «в христианское общество» (202). Житие раскрывает в сжатой форме настоящую и будущую судьбу преступника Раскольникова, однако его обращение к вере и принятие «в христианское общество» еще далеко впереди.

В житии Патермуфия мы видим и другую знаменательную деталь. Однажды преподобному пришлось навестить тяжело больного брата, живущего в отшельничестве недалеко от какого-то удаленного селения. Солнце уже садилось, и св. Патермуфий приказал ему остановить свой ход. «И остановилось солнце <…>, ожидая, пока святой не вошел в селение» (204). Нам кажется, что это чудо дает ключ к пониманию мифологического мышления Раскольникова. В достоевистике давно уже отмечено большое влияние «лучей *заходящего солнца*», будто бы герой находится полностью *в его власти* [Топоров 1973: 238–240]. Еще раньше, когда он шел к ростовщице «делать *пробу*» [7, к. а.], о нем сказано: «комната <…> была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем. „И *тогда*, стало быть, так же будет солнце светить!…“» [8, к. а.]. Следовательно, в момент убийства «лучи заходящего солнца» освещали страшную сцену. С точки зрения языческо-мифологического мышления героя, он совершил не просто убийство зловредной старухи, а попытку уничтожить символ абсолютного зла («ягино начало») – символ священноопасный, гибельный для «золотого века» и являющийся действительной причиной захода бога-Солнца [вж. Нейчев 2010: 220–222 и сл.]. В отличие от чуда св. Патермуфия, основывающегося на вере в Христа, Раскольникову не удается остановить неумолимый ход заходящего солнца[1], и это важно для правильного понимания («от обратного») идеологического дискурса произведения. Удается выявить, однако, и случаи, в которых писатель *прямым* образом привлекает житийную «первооснову», не *апофатизируя* ее – например, при описании психологического состояния Раскольникова в сцене с убийством: «Господи! *С ума, что ли, я схожу*? – подумал он *в испуге*» [64]; «Мучительная, *темная мысль* поднималась в нем <…>, что он *сумасшествует* и что <…> не в силах *ни рассудить, ни* себя *защитить*…» [66]; «Голова его <…> начинала *кружиться*. „Вот *упаду*!“ – промелькнуло в нем…» и т. д. [67].

Какова, по сути, причина замешательства Раскольникова? Вряд ли оно является следствием *только* недостатка опыта или особенностей характера. Здесь, видимо, есть и что-то другое, что-то очень важное. Духовный ответ мы находим в житии *Память святого священномученика Панкратия, епископа Тавроменийского*, читаемого в *тот же* день (9 июля). Диавол побудил «некоего нечестивого мучителя Аквилина» пойти с вооруженным отрядом язычников рубить христиан. Граждане пришли в ужас, но св. Панкратий успокоил их, что неверники бессильны против Креста и Икон. После этого святой и весь его клир вышли против язычников, неся с собой духовное «непобедимое оружие – честный крест Христов и две святые иконы – Христа Спасителя и Его Пречистой Богоматери», и чудо произошло: «Тотчас же *сильный страх* напал на врагов; они были как бы *окутаны тьмою*; от силы Божией пришли они в *смятение, ум их помрачился* и они начали рубить и убивать друг друга, *некоторые же сами себя пронзали мечами*. Потом <…>, *они поняли, что так наказывает их Бог за враждебные действия против христианского города*» (190–191).

[1] Это недвусмысленно демонстрируется в сновидении (повторное «убийство» старухи), где местами меняются астральные объекты: вместо «лучей заходящего солнца» – «грустно и таинственно проходил сквозь стекла лунный свет», а на месте солнца – «Огромный, круглый, медно-красный месяц глядел прямо в окно» [213].

Данный эпизод напрямую связан со случившимся с Раскольниковым и раскрывает *глубинный смысл* романного подтекста. Многозначительно то, что герой Достоевского совершил кровавое убийство и грабеж *перед* святым **ликом** *икон*, чьи **глаза** стали *свидетелями* преступления. В помещении, где произошло убийство, «В *углу перед небольшим* ***образом*** *горела лампада*» [9, 65]. Спальня же, где он совершил грабеж – «небольшая комната, с *огромным киотом* ***образов***» [63]. И еще: «На снурке были *два* ***креста***, кипарисный и медный, и, кроме того, финифтяный ***образок***…» [64]. Как мы уже отметили, в детстве Раскольников «любил эту церковь и старинные в ней ***образа*** <…> *религиозно* и почтительно *крестился*…». Теперь, однако (*сознавал он это или нет!*), те же иконы его обличили[1] и вселили в него страх, сумасшествие и темные мысли, наподобие страха, умопомрачения и тьмы язычников в житии св. Панкратия. И как враги икон убили самих себя, так и Раскольников позже заявит: «*Я себя убил*…» [322].

С точки зрения внутреннего *духовного смысла* повествования (а нас только это интересует в данном случае), факт, что на следующий день, ***10 июля***, Раскольников спрятал награбленное «сокровище» под большой камень – это не только «случайный» фабульный эпизод, а нагружен глубоким *символическим* значением. Камень является своего рода епифаническим образом *веры* и восходит к словам Христа: «ты – Петр [Камень], и на сем камне Я создам Церковь Мою» [Мф. 16: 18]. В связи с этим в алтаре церкви стоит Престол (чаще каменный), под который, согласно 7 правилу VII Вселенского собора [см. Правила 1913, т. 2: 452–456], обязательно полагаются мощи святых [см. Нестеровский 1931: 63–64 и сл.]. В «Преступлении и наказании», однако, все перевернуто: под большой камень Раскольников положил овеществленное выражение своего мировосприятия – «сокровище», следствие его отпадения от новозаветной веры и обращения к язычеству [см. Нейчев 2010: 264–271]. Как раз в таком контексте *сцена с камнем* в романе находит свое соответствие с житиями святых, предназначенными для чтения 10 июля. Например, доминантным мотивом в *Памяти преподобного отца нашего Антония Печерского* является *пещера*, где подвизался великий святой[2] и где остались его «*честные мощи*» (281, 282), которые, подобно святым мощам под церковным престолом освятили воздвигнутый над его пещерой-могилой Печерский храм (283). Житие св. Антония служит метафорическим *контрапунктом* тому, что совершил Раскольников, и контрастирует с этим эпизодом романа.

В Четьих-Минеях на этот день мы находим и *конкретный* мотив, объясняющий еще *конкретнее* смысл сцены с камнем в «Преступлении и наказании» – в *Страдании святых сорока пяти мучеников, пострадавших в Никополе Армянском*. Житие рассказывает о том, как языческий игемон Лисий подверг жестоким пыткам сорок пять христиан и приказал отрубить им топором руки и ноги. Это случилось в очень жаркий день и «святые мученики страдали от жажды» и тогда один из них, святой Сисиний, «лежа в своей крови, привалился к *случившемуся* там по близости *камню*, открыл уста свои и так молился Богу: „Господи, <…> открой этот *камень*, испусти воду и напой немного меня: Ты видишь жажду нашу, от которой мы погибаем." По молитве его внезапно двинулся камень, раздался и испустил источник ключевой воды» (258). Предание заканчивается словами: «От святых костей их подавались *исцеления*, а *также и от того источника*» (159).

Весьма вероятно, что Достоевский в своем повествовании[3] претворил именно этот агиографический сюжет. Разумеется, писатель трансформировал мотив в *противоположном* идеологическом дискурсе. Под камень попали *мертвые* предметы и пропитанный человеческой кровью кошелек с деньгами, а в отличие от живой целительной воды, бьющей из-под камня благодаря молитвам св. Сисиния, здесь

[1] Впрочем, они и воспрепятствовали дальнейшему грабежу. Ср.: «Ни за что на свете не пошел бы он теперь к сундуку и даже в комнаты» (65).

[2] Отсюда и *Печерский* – укр. печера = пещера. В житии образ пещеры встречается целых 46 раз.

[3] Текст «Преступления и наказания» обнаруживает ряд параллелей с указанным житийным рассказом. Например, в романе: «На улице опять *жара* стояла невыносимая; *хоть бы капля дождя во все эти дни*. <…> Солнце ярко блеснуло ему в глазах, так что больно стало глядеть, и голова его совсем закружилась…» [74]; «вдруг увидел налево вход во двор» и рядом «неотесанный камень» [85] и т. д.

вода была иная – Раскольников «как отхлебнул один *глоток холодной воды* и пролил из кружки на грудь. Затем *наступило беспамятство*» [92].

Из слов Разумихина, сказанных в 10 утра четвертого дня: «*Четвертый день* едва ешь и пьешь» [93] – мы узнаем, что Раскольников пролежал в *беспамятстве* ***три дня***. Рассказ об этих трех днях более чем лаконичен, но все же обнаруживает ряд ссылок на агиографические тексты, приуроченные к данному времени. Например, беспомощное состояние, в которое впал герой (деэнергизация, отсутствие внешней активности, так характерной для предыдущих дней), во многом напоминает центральный мотив в *Страдании святых мучеников Прокла и Илария* (память 12 июля[1]) – чудо св. Прокла. Христианский святой заявил пытающему его язычнику-игемону: «прежде чем ты убедишь меня исповедать богов твоих, я сделаю так, что ты пред всеми воинами и слугами, вопреки желанию, признаешь Владыку моего…» [322]. Эти слова вызвали смех язычника, но позже, направляясь в соседний город, «вдруг игемон неожиданно *остановился в пути*, точно *связанный*: не могли двинуться ни кони, ни он сам, *удерживаемый невидимой силой* Божией» (323). И только после того, как он произнес перед всеми: «Един есть истинный Бог, – Тот, Которого почитает Прокл» – он смог побороть оцепенение и продолжить свой путь (324). Подобно этому язычнику, герой Достоевского был парализован ужасом и страхом: он «терзался, мучился, припоминая, стонал, впадая в бешенство или в ужасный, невыносимый страх» [92]. Игемона *удерживала невидимая сила*, Раскольников же «порывался с места, хотел бежать, но всегда *кто-нибудь его останавливал силой*…» [там же].

К одному из этих беспамятных для героя дней (13 июля) в Четьих-Минеях приурочено *Житие святого отца нашего Иулиана*, в котором отчетливо звучит тема «воскресения мертвых». Отметим важную особенность: здесь *впервые* из всех рассмотренных житий звучат слова о *воскресении* «**четырехдневного, уже разлагающегося, Лазаря**» (342), являющегося центральной евангельской доминантой в идеологическом дискурсе «Преступления и наказания».

Раскольников пришел в себя на четвертый день, «утром, в десять часов», а следовательно – ***14 июля***. В этот день читаются жития: *Память святого Апостола Акилы*, *Память преподобного Еллия*, *Память святого мученика Иуста*. Все они очень короткие (объем первых двух – 4 неполных страниц, а последнее состоит всего из 4 строк) и только информативного характера. Может быть, поэтому нам *не удается обнаружить* значимых параллелей между романом и этими агиографическими текстами. Это, однако, можно объяснить и другим, более важным, обстоятельством. После трехдневного кризиса (создавшего темпоральную «лакуну» в календаре романа) *время Раскольникова все более сближается с духом христианского кайроса*, то есть с этого момента все реже и реже действует принцип «от противного».

То же самое в полной мере относится и к следующему дню – ***15 июля***. В Четьих-Минеях на этот день приводится *только одно* короткое житие из четырех страниц – *Страдание святых мучеников Кирика и Иулитты*. В данном небольшом агиографическом тексте намечаются два мотива, доминантные для этой части романа. Первый из них: чтобы избежать гонений, св. Иулитта покинула «свой дом и родственников» и ушла жить в другом месте, помня сказанное в Писании: «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» [Евр. 13: 14], и еще: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» [Мф. 10: 23] (см. 360) – и это корреспондирует с важным сюжетным моментом «жития» Сони – она покинула отчий дом и «поселилась» в дом Капернаумовых[2] [188]. Более опосредствованно, мотив поисков «будущего града Божия» ассоциативно корреспондирует со словами Раскольникова, что он

[1] Что касается житийных текстов, читаемых в предыдущий день – 11 июля, следует отметить их более ощутимое кайротическое воздействие на развитие сюжета в следующем романе Достоевского – «Идиот», в котором 11 июля была убита Настасья Филипповна [см. Нейчев 2020: 172–173].

[2] Об «уклоне Достоевского к символике имен», и конкретнее, о житийно-евангельском смысле имени «Капернаум» [см. Тихомиров 2009: 73, 76–77]. Именно в Капернауме начинается проповедь Христа [Мф. 4: 17], здесь прозвучали слова: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» [Мф. 9: 13].

верит в «Новый Иерусалим» [291] – и хотя этот образ пока что трансвестирован[1] в смысловом отношении, он является важным указанием о том, что герой уже близок к кайротизации своего мышления и бытия.

Второй доминантный мотив в житии св. Иулитты связан со *слезами и страданием детей*. У святой был трехлетний сын, Кирик. «Когда били мученицу, дитя, смотря на это, плакало и вырывалось из рук держащих его, чтоб пойти к матери», а затем его жестоко умертвил языческий начальник (361). Вряд ли является случайностью то, что одна из основных тем первого разговора Раскольникова с Соней *в тот день* – страдание детей (дети будут «плакать») [см. 245].

На следующий день – ***16 июля*** – в тексте романа просвечивают реликтовые соответствия с агиографией Четьих-Миней. В *Страдании святой мученицы Иулии* рассказывается о том, как во время *пиршества* языческий начальник попытался поругать честную веру св. Иулитты, обещая ей *денег*. Этот житийный эпизод можно считать своего рода *духовным* соответствием «бытовой» сцене – «*бестолковых* поминок» [290], на которых Лужин попытался при помощи *денег* поругать честь Сони. Некоторые сходства намечаются даже в портретном описании и возрасте двух женщин. О двадцатилетней св. Иулитте сказано: «на вид она всегда была бледная, сухая, изможденная от трудов и воздержания» (370), о Соне: «худое, бледное и испуганное личико <…> малого роста, лет восемнадцати, худенькая…» [145]. Другая деталь в этом житии возбуждает дальнюю ассоциацию и отсылает нас к глубинному смысловому горизонту «Преступления и наказания» – неоднократное упоминание о том, что святая совершила свой мученический подвиг на *языческом* острове *Корсике* (370, 373), что неявно, «от обратного», как контраргумент, обличает наполеоновскую идею Раскольникова (в разговоре с Соней в тот же день), так как пример Наполеона («*корсиканского* чудовища») и есть основной аргумент для преступления, которое совершил герой [см. 318, 319, 321].

В дальнейшем повествовании следует новая лакуна в календарном времени романа – период длится «два-три дня после смерти Катерины Ивановны» [336], а действие возобновляется в день похорон [338]. Согласно православному обычаю, похороны не могут быть ранее трех суток после смерти [см. Волошин 1933: 172], следовательно временная лакуна приходится на ***17*** и ***18 июля*** и заканчивается ***19 июля***, в день похорон.

Сведения о жизни Раскольникова в этот период (17 и 18 июля), хотя и отрывочные, обнаруживают некоторые сходства с житиями, включенными в Четьих-Минеях. Например, он тщетно старался найти уединение за городом, «но чем уединеннее было место, *тем сильнее он сознавал* как будто *чье-то близкое и тревожное присутствие*…» [337]. Раскольникову пока что непонятно, *чье* это присутствие – Бога или диавола. В единственном житии на 17 июля, *Страдании святой великомученицы Марины*, такое ощущение о *чьем-то близком и тревожном присутствии* сродни переживаниям св. Марины, которая получила *невидимую для язычников*, но осязаемую для себя поддержку против диавольских соблазнов (382, 384). Показательно то, что именно в этот период *впервые* в романе о Раскольникове упоминается, притом объективно (от имени рассказчика), что «*угрызение совести* вдруг начало его мучить» [337]. Какова, однако, причина *пробуждения совести*? В любом случае это не следствие содеянного преступления. Вплоть до конца (в Эпилоге) герой категорически отрицает подобную возможность: «Ну чем мой поступок кажется им так безобразен? – говорил он себе. <…> *Совесть моя спокойна*» [417].

Нет, здесь *иное*, и смысл его подсказывает нам житие *Страдание святого мученика Емилиана* (память 18 июля). Будучи «тайным христианином», Емилиан скрытно от других разрушил железным молотом изображения языческих богов, но за это схватили и начали пытать совершенно неповинного человека. И тогда пробудилась совесть св. Емилиана: «Если я скрою свое дело, то какая мне будет от этого польза? Я только больше отягощу свою совесть, или из-за меня убьют неповинного человека, и я буду убийцей перед Богом» (388). Поэтому он признался во всем и добровольно принял наказание. Почти *идентичную* ситуацию мы наблюдаем в романе: вместо настоя-

[1] Ср. слова Раскольникова к Свидригайлову незадолго до упоминания веры в Новый Иерусалим: «Я не верю в будущую жизнь» [221].

щего преступника арестовали невинного Миколку [108–109], что, может быть, стало главной причиной (независимо от того, осознавал это Раскольников, или нет) пробуждения в герое «угрызений совести».

Повествование возобновляется в «два часа пополудни» ***19 июля*** [338]. Сюжет романа ощутимо кайротизируется житиями, приуроченными к этому дню, в нескольких центральных для романа топосоах. Например, в разговоре с Раскольниковым Свидригайлов открыто сравнивает Авдотью Романовну с агиографической мученицей: «Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. <…>, а в четвертом и в пятом веке ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями» [365].

В этом эпизоде романа кайротическое время буквально «вторгается» в современное «бытовое» ежедневие рассказа и освещает его в житийном смысле. В агиографическом тексте, читаемом в этот день – *Житие преподобной матери нашей Макрины* – несмотря на то, что здесь отсутствует эпизод с пытками, выявляются другие прямые соответствия как со сказанным Свидригайловым, так и с конкретными эпизодами из жизни Дуни. В первую очередь, совпадает внешность св. Макрины и Авдотьи. Героиня жития «оказалась настолько *красивой*, что не было подобной девушки во всей той стране» (106), Дуня же «была *замечательно хороша собою* <…> ее даже можно назвать *красавицей*» [157]. Основной добродетелью св. Макрины было ее *целомудрие* (см. 407, 408), Свидригайлов говорит о Дуне: «Авдотья Романовна *целомудренна* ужасно, неслыханно и невиданно» [365]. Дуня заботилась о своей овдовевшей матери – «Дуня *постоянно сопровождала ее*» (414; см. также 412–413), что буквально соответствует поведению св. Макрины: «она была *постоянно при своей матери*, как при бдительном стороже ее жизни и служила ей усердно <…> она стала для *овдовевшей матери* неотступной служанкой и утешительницей во всех ее *печалях* и *скорбях*» (407–408). Отношение св. Макрины к своим братьям, в особенности к Василию, который «после многих лет учения в различных странах и стал по своей юности гордиться своей ученостью, святая Макрина кроткими и боговдохновенными речами своими вскоре привела его к такому смирению, что он вскоре презрел всё житейское…» (408), во многом напоминает взаимоотношения Дуни с Раскольниковым. Впрочем, житийные аналогии, которыми нагружает Свидригайлов образ Дуни, являются почти буквальной агиографической репризой «пророческих» слов Порфирия, сказанных в тот же день Раскольникову: «Вас, может, Бог на этом и ждал. <…> Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только *веру иль Бога найдет* [351]. Следует подчеркнуть, что эта агиографическая аллюзия уже очищена от прежнего апофатизированного и трансвестийного смысла.

Сказанное, однако, не относится к Свидригайлову, житие-бытие которого в этот день обнаруживает сложные и амбивалентные духовные соответствия с агиографическим текстом на этот день – *Житие преподобного отца нашего Дия*. С одной стороны, оба сюжета – жития и романа – формально схожи. Преп. Дий, прибывший из провинции, ходил по престольному Царьграду (417), Свидригайлов бродил по имперскому Петербургу [383]; наконец преподобный остановился в одном месте в окрестностях города, где «жило много бесов» (418), Свидригайлов же – в глуши, в гостинице Адрианополь[1]; и подобно св. Дию, о котором говорится, что бесы «беспрестанно нападали на него в разных *странных привидениях*, желая его *испугать* и прогнать с того места…» (418), на Свидригайлова постоянно нападали кошмарные демонические видения[2]. Разумеется, здесь агиографический сюжет представлен Достоевским «от обратного» и раскрывает свой амбивалентный смысл. Основания для такого утверждения мы находим в одном из центральных мотивов того же жития. Преп. Дий основал монастырь, но место оказалось безводным, и монахи очень страдали. Они начали рыть глубокий колодец, но так и не добрались до воды. Тогда преп. Дий попросил опустить

[1] Ср.: „эта гостиница *в такой глуши* была такою видною точкой, что возможности не было не отыскать ее“ [388].

[2] Ср.: „Кошемар во всю ночь!“ [393]. См. также повышенную частотность слова «черт» в рассматриваемом эпизоде: «Ну да черт…»; «фу, черт!»; «К черту!»; «Фу, черт…» [390].

его вниз и, когда спустился до половины глубины, произнеся молитву, ударил три раза о стену, и оттуда вышел обильный источник воды. Один из рабочих «не поверил и сказал другому тайно, что старец волшебством каким-нибудь сделал так… <…>. При этих словах его внезапно *постиг суд Божий*: он поскользнулся, упал в воду и утонул» (420). С точки зрения глубинного сюжета романа, этот житийный момент поясняет духовное значение весьма *странной мысли* «диаболического» Свидригайлова: «Никогда в жизнь не любил я воды, даже в пейзажах» [389], и объясняет в какой-то мере его глубокое неверие.

Последний день календарного времени повествования в «Преступлении и наказании» (исключая Эпилог) – ***20 июля***. Знаменательно то, что как раз в этот день православная церковь чтит память «великого из пророков» святого Илии, и в Четьих-Минеях основным является текст *Житие и чудеса святого пророка Илии*. Доминирует здесь тема *покаяния* еврейского народа, который прельстился идолом «золотого тельца», и *обращения* заново к вере в истинного Бога. Ср.: «Прежде всего Илия молил Бога, дабы обратил Он грешников к покаянию. Но так как <…> в ожесточенных сердцем израильтянах не было такого стремления к добру, то пророк Илия, сильно возревновав о славе Божией и о спасении людей, просил Бога наказать израильтян временно, чтобы хотя таким средством отвратить их от нечестия» (428). При помощи силы Божией пророк Илия наказал израильтян трехлетним безводием (433). И только после того, как они показали склонность к покаянию, «тотчас же по молитве его, как бы ключом, отверзлись небеса и выпал большой дождь, который омочил всех и жаждущую землю обильно напоил» (437).

События, о которых упоминается в житии, обнаруживают *прямые* аналогии с текстом «Преступления и наказания». Вряд ли случайно то, что накануне 20 июля, после двухнедельной страшной жары, разразилась страшная буря, а про Раскольникова сказано: «Костюм его был ужасен: всё грязное, пробывшее *всю ночь под дождем*, изорванное, истрепанное. Лицо его было почти обезображено от усталости, непогоды, физического утомления и *чуть не суточной борьбы с самим собою*. Всю эту ночь провел он один, Бог знает где. **Но, по крайней мере, он решился**» [395].

И как св. пророк Илия воскресил из мертвых сына вдовы (см. 432), воскрес к жизни и сын вдовы – Раскольников. Перед тем как сдаться в полицию и признаться в совершении преступления, герой Достоевского пал на колени перед собравшимся на площади народом и поцеловал землю. Этот жест покаяния спровоцировал слова пьяного из толпы: «Это он в **Иерусалим** идет, братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется…» [405]. Рассматриваемые слова несут амбивалентный смысл (что часто встречается в образной системе Достоевского): с одной стороны, их можно истолковать в ироническом плане (как очередное осмеяние со стороны «народного хора», воспринимающего жест героя как *имитацию* покаяния, с другой, они несут глубокий духовный смысл – Раскольников действительно ступил на путь к своей Голгофе. Впрочем, имя *Иерусалим* занимает центральное место в агиографической топографии рассматриваемого жития, в котором священный город упоминается целых 9 раз (см. 425, 426, 427). Оно вызывает дополнительную ассоциацию между текстом Достоевского и конкретным житием св. прор. Илии.

Разумеется, истинное *покаяние* и *возвращение* Раскольникова к вере показано *явственно* и *недвусмысленно* в конце романа (Эпилоге), но, так как этот вопрос в достаточной мере освещен в научной литературе [см. Захаров 1994; Тихомиров 2005: 423–443 и др.], мы не будем останавливаться на нем. Наша цель была иной: попытаться раскрыть механизм, при помощи которого агиографические тексты Четьих-Миней влияют на календарное время в «Преступлении и наказании», претворяя профанный *хронос* в сакральный *кайрос* и подготавливая постепенный переход человеческой *жизни* в *житие*.

Литература

Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.

Вениамин, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Новая Скрижаль / архиеп. Вениамин. – М. : Русский духовный центр, 1992. – 503 с.

Волошин, Г. Пространство и время у Достоевского / Г. Волошин // Slavia. – 1933. – Rocn. XII. Ses. 1–2. – С. 162–172.

Гроссманъ, Л. Библіотека Достоевского. По неизданнымъ матеріаламъ. Съ приложеніемъ каталога библіотеки Достоевского / Л. Гроссманъ. – Одесса : Книгоиздательство А. А. Ивасенко, 1919. – 168 с.

Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах / В. Даль. – М. : Русский язык, 1989.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990.

Житія Святыхъ, на русскомъ языкѣ изложенныя по руководству Четьих-Миней Св. Димитрія Ростовскаго. – М. : Изданіе Московской Синодальной Типографіи, 1903–1911, т. 1–12. – Т. 11 [Июль]. – 854 с.

Захаров, В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского / В. Н. Захаров // Новые аспекты в изучении Достоевского: сборник научных трудов / отв. ред. В. Н. Захаров. – Петрозаводск : Изд. ПГУ, 1994. – С. 37–49.

Касаткина, Т. А. Об одном свойстве эпилогов пяти великих романов Достоевского / Т. А. Касаткина // Достоевский в конце XX века : сборник статей / сост. и ред. К. Степанян. – М. : Классика плюс, 1996. – С. 67–137.

Ковалев, О. А. Время и нарратив в творчестве Ф. М. Достоевского / О. А. Ковалев // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 112–115.

Лихачев, Д. С. «Летописное время» у Достоевского / Д. С. Лихачев // Литература – реальность – литература. – Л. : Советский писатель, 1981. – С. 97–116.

Назиров, Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского / Р. Г. Назиров. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1982. – 160 с.

Нейчев, Н. М. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского / Н. М. Нейчев. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2010. – 316 с.

Нейчев, Н. М. Кайротизация времени в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / Н. М. Нейчев // Универсалии русской литературы. 8 : сб. статей / науч. ред.: А. А. Фаустов, М. Фрайзе. – Воронеж : Издательский дом «Воронежский государственный университет», 2020. – С. 151–173.

Правилата на Св. Православна Църква съ тълкуванията имъ : в 2 тома. Т. 2. – София : [б. и.]. – 694 с.

Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий / Б. Н. Тихомиров. – СПб. : Серебряный век, 2005. – 468 с.

Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления / В. Н. Топоров // Structure of Texts and Semiotics of Culture. – The Hague ; Paris : Mouton, 1973. – С. 225–302.

Цейтлин А. Г. Время в романах Достоевского (К социологии композиционного приёма) / А. Г. Цейтлин // Родной язык в школе. – 1927. – № 5. – С. 3–17.

References

Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. In *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 234–407.

Ceytlin A. G. (1927). Vremya v romanakh Dostoevskogo (K sotsiologii kompozitsionnogo priema) [Time in Dostoevsky's Novels (Toward the Sociology of Compositional Technique)]. In *Rodnoi yazyk v shkole*. No. 5, pp. 3–17.

Dahl, V. (1989). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V chetyrekh tomah* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. in 4 vols.]. Moscow, Russkii yazyk.

Dostoevsky, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works, in 30 vols.]. Leningrad, Nauka.

Grossman, L. (1919). *Biblioteka Dostoevskogo. Po neizdannym materialam. S prilozheniem kataloga bibliteki Dostoevskogo* [Library of Dostoevsky]. Odessa, Knigoizdatel'stvo A. A. Ivasenko. 168 p.

Kasatkina, T. A. (1996). Ob odnom svoistve epilogov pyati velikikh romanov Dostoevskogo [On One Property of the Epilogues of Dostoevsky's Five Great Novels]. In Stepanyan, K. (Ed.). *Dostoevskii v kontse XX veka: sbornik statei*. Moscow, Klassika plyus, pp. 67–137.

Kovalev, O. A. (2010). Vremya i narrativ v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [Time and Narrative in the Works of F. M. Dostoevsky]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 112–115.

Likhachev, D. S. (1981). «Letopisnoe vremya» *u* Dostoevskogo [Dostoevsky's Chronicle Time]. In *Literatura – realnost' – literatura*. Leningrad, Sovetskii pisatel', pp. 97–116.

Nazirov, R. G. (1982). *Tvorcheskie printsipy F. M. Dostoevskogo* [F. M. Dostoevsky's Creative Principles]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 160 p.

Neychev, N. M. (2010). *Tainstvennaya poetika F. M. Dostoevskogo* [The Mysterious Poetics of F. M. Dostoevsky]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 316 p.

Neychev, N. M. (2020). Kayrotizatsiya vremeni v romane F. M. Dostoevskogo «Idiot» [Kairotization of Time in F. M. Dostoevsky's Novel *The Idiot*]. In Faustov, A. A., Fraize, M. (Eds.). *Universalii russkoi literatury. 8: sb. statei*. Voronezh, Izdatel'skii dom «Voronezhskii gosudarstvennyi universitet», pp. 151–173.

Pravilata na Sv. Pravoslavna Tsarkva s talkuvaniyata im: v 2 toma [The Rules of St. Orthodox Church with Their Interpretations, in 2 vols.]. Vol. 2. Sofia. 694 p.

Tikhomirov, B. N. (2005). «Lazar'! *gryadi von». Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie»* v *sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy* ["Lazarus! Come Out" F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in a Modern Reading: Book-Commentary]. Saint Petersburg, Serebryanyi vek. 468 p.

Toporov, V. N. (1973). O strukture romana Dostoevskogo v svyazi s arkhaichnymi skhemami mifologicheskogo myshleniya [On the Structure of Dostoevsky's Novel in Connection with Archaic Schemes of Mythological Thinking]. In *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. The Hague, Paris, Mouton, pp. 225–302.

Veniamin, arhiepiskop Nizhegorodskiy i Arzamasskiy. (1992). *Novaya Skrizhal'* [New Tablet]. Moscow, Russkii dukhovnyi tsentr. 503 p.

Voloshin, G. (1933). Prostranstvo i vremya u Dostoevskogo [Dostoevsky's Space and Time]. In *Slavia*. Rocn. XII. Ses. 1–2, pp. 162–172.

Zakharov, V. N. (1994). Simvolika khristianskogo kalendarya v proizvedeniyakh Dostoevskogo [Symbols of the Christian Calendar in the Works of Dostoevsky]. In *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo: sbornik nauchnykh trudov*. Petrozavodsk, Petrozovodskii gosudarstvennyi universitet, pp. 37–49.

Zhitiya Svyatyh, na russkom yazyke izlozhennaya po rukovodstvu Chet'ih-Miney Sv. Dimitriya Rostovskago [The Lives of the Saints, in Russian, Set Out According to the Guidance of the Chetykh-Minei of St. Dimitri of Rostov]. Moscow, Izdanie Moskovskoi Sinodalnoi Tipografii. Vol. 11 [July]. 854 p.

Данные об авторе

Нейчев Николай Михайлов – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского (Пловдив, Болгария).

Адрес: 4000, Болгария, Пловдив, ул. Цар Асен 24.

E-mail: neychev@uni-plovdiv.Bg.

Authors' information

Neychev Nikolay Mihailov – PhD, Associate Professor of Department of Russian Philology, Plovdiv University Paisii Hilendarski (Plovdiv, Bulgaria).

УДК 821.161.1-31(Достоевский Ф. М.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-04. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

ПОРФИРИЙ ПЕТРОВИЧ И РАСКОЛЬНИКОВ: ГЕРМЕНЕВТИКА ДВОЙНИЧЕСТВА

Манолакев Х.
Велико-Тырновский университет им. Свв. Кирилла и Мефодия (Велико-Тырново, Болгария)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3425-2607

Аннотация. Настоящая статья интерпретирует характер и сюжетную функциональность Порфирия Петровича, одного из главных персонажей романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Цель исследования – доказать, что он является идейным двойником главного героя романа Родиона Романовича Раскольникова в смысловой орбите Наполеоновской идеи. Путем скрупулезного герменевтического анализа трех встреч героев выясняется, что, формально соблюдая закон, Порфирий Петрович исповедает и реализует идею воли к власти над остальными в ее онтологической чистоте. Раскрывается актуальность Наполеоновской идеи в речевом и бытовом поведении Порфирия. Выявляется связь между «профессиональным» и «нравственным» и доказывается, что институционализированный цинизм, с которым Порфирий Петрович применяет закон «на практике», полностью соответствует разработанным Раскольниковым теоретическим принципам классификационного деления людей на «обыкновенных» и «необыкновенных». Параллели и соответствия между героями позволяют обосновать гипотезу о том, что на символическом уровне Порфирий Петрович в сущности наделен биографией, которая незаметно вводится в повествование. Таким образом, у Порфирия и у Раскольникова – общая биография идеи, но каждый из них переживает эту идею по-разному. Осознание единого начала идеи предопределяет и целостное отношение следователя к студенту. С другой стороны, оно дает основания Раскольникову вербально отказаться от признания своей вины перед Порфирием, порывая таким образом с символически связывающим их обоих «прошлым».

Ключевые слова: Достоевский; «Преступление и наказание»; Порфирий Петрович; двойничество; Наполеоновская идея; сюжет убийства

PORFIRY PETROVICH AND RASKOLNIKOV: HERMENEUTICS OF DOUBLES

Hristo Manolakev
St. St. Cyril and Methodius University of Veliko Tarnovo (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3425-2607

Abstract. The article studies the character and the plot function of Porfiry Petrovich, one of the basic characters in F. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. The study aims to prove that he can be seen as the protagonist Rodion Romanovich Raskolnikov's double in worldview only in the context of the Napoleonic idea. A detailed hermeneutic analysis of the three encounters between the two characters reveals that under the guise of the Law Porfiry Petrovich has adopted and employed this idea in its ontological purity as the will to exercise power over the rest. His speech and everyday behavior demonstrate how the idea works. The latter serves to bring to light the connection between "professional" and "moral" standards, by proving that the institutionalized cynicism with which Porfiry Petrovich puts the Law "into practice" corresponds precisely to the theoretical principles designed by Raskolnikov to classify people into extraordinary and insignificant beings. The outlined proximity supports the hypothesis that Porfiry Petrovich has a biography, symbolically speaking. It enters discourse imperceptibly as shared by Raskolnokov in terms of the biography of the idea, its birth, and how it is experienced by both men. The awareness of that undivided authority predetermines the overall attitude of Porfiry Petrovich to the student. On the other hand, it also makes Raskolnikov deny verbally his guilt towards Porfiry while seeking a possibility to sever the connections with their "past", binding them symbolically.

Keywords: Dostoevsky; "Crime and Punishment"; Porfiry Petrovich; duality; Napoleonic idea; murder plot

© Х. Манолакев, 2021

Для цитирования: Манолакев, Х. Порфирий Петрович и Раскольников: герменевтика двойничества // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 50–62. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-04.

For citation: Manolakev, H. (2021). Porfiry Petrovich and Raskolnikov: Hermeneutics of Doubles. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 50–62. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-04.

Одним из самых дискутируемых образов романа «Преступление и наказание» является образ следователя, Порфирия Петровича. Как персонаж он укутан плотной герменевтической тенью многих *почему*, из лабиринта которых с трудом можно выйти с ясным представлением о герое.

Порфирий Петрович – семантизируется полностью в сюжете убийства [Manolakev 2012]. Его профессия следователя [Поддубная 1971: 51] заставляет играть разные «роли», о которых нельзя с уверенностью сказать насколько они ему интенционально присущи. Например, можно ли считать Порфирия своеобразным протагонистом автора [Зунделович 1963: 26–27, 29–31, 37–38; Димитров 2018: 68]. Мы узнаем о статье Раскольникова, благодаря его читательской впечатлительности, и таким образом реконструируем предысторию Идеи Родиона Романовича. На самом деле Порфирий Петрович ей противопоставлен, только его отношение к ней не проявляется однозначно, а меняется в зависимости от обстоятельств. Нельзя сказать с уверенностью, насколько предпринятое им дискредитирование идеи выражает позицию автора, следует ли толковать героя в дискурсе официальной законности [Белов 1985: 124–125; Поддубная 1971: 48–50], или поведение Порфирия следовало бы рассматривать единственно в координатах сюжетного столкновения с Раскольниковым. Расходятся и понимания его характера, в котором находим и позитивные, и негативные проявления.

Сложность толкования образа продиктована невозможностью понять, как сам Порфирий, будучи институциональной фигурой, воспринимает и осмысляет сюжет убийства. Его разговоры с Раскольниковым далеко не сводятся только к исполнению служебных обязательств, но в них раскрывается его собственное представление о преступлении. Целостный сюжет встреч героев дает достаточно оснований соединить в оппозиционную пару *профессию* и *человека*. Кодом, на котором основана эта оппозиция, является Наполеоновская идея. Отсюда и вытекает цель настоящей работы – показать, что Порфирий Петрович проявляет себя как идейный двойник Раскольникова именно в ее смысловой орбите[1]. Именно Наполеоновская идея является звеном, которое соединяет обоих героев в символике сюжета, а не расследование как таковое. Необходимость анализировать каждого в перспективе другого заложена в невидимом идейном подобии героев, следы которого можно уловить и доказать только путем скрупулезного всматривания в сюжет трех встреч между ними.

Порфирий Петрович и Раскольников встречаются трижды, и каждая встреча чем-то отличается от остальных. При первой Раскольников без предуведомления приходит к Порфирию. Вторая происходит на следующий день снова в участке и напоминает допрос, хотя студент официально не вызван в качестве заподозренного в убийстве. При третьей, произошедшей на день позже, внезапно Порфирий посещает Раскольникова в его комнате, похожей на гроб.

Порфирий Петрович, как известно, не имеет биографии. Отдельные «факты» о себе он сообщает во время третьей встречи. Отсюда и проистекает традиционный недостаток в наблюдениях над его образом – использовать эту информацию предварительно, еще в анализе первой встречи. С точки зрения интерпретации это неверный подход. Хотя бы потому, что замысел Порфирия о второй встрече, вообще не предполагал провести третью.

Наш подход к интерпретации трех встреч будет следующим. Роман «Преступление и наказание» – текст, хорошо знакомый и хорошо освещенный. Поэтому мы сначала предложим аналитическое описание каждой из этих

[1] Т. Миджиферджян воспринимает Порфирия Петровича одновременно со Свидригайловым как семантическую проекцию Раскольникова. В сложной смысловой связанности троих раскрывается сущность теории Раскольникова [Миджиферджян 1987: 67]. Различные мнения по этому вопросу прослеживаются подробно Н. Тарасовой [Тарасова 2015: 103–105].

встреч, обращая внимание на отдельные «странные»[1] моменты в их сюжетности, с помощью которых в конце построим свою толковательную реконструкцию Порфирия Петровича как характера.

Первая встреча «знакомит» героев фабульно. Раскольников надеется своим внезапным появлением «застать» следователя неподготовленным и узнать что-нибудь об «уликах». В конечном счете удивляется он сам, когда понимает, что Порфирий *уже знает* о нем и давно ждет его прихода в участок [Достоевский 1975, VI: 194].

Встреча начинается как безобидная беседа, подтверждающая известную всем характерную особенность Порфирия, – его притворство и бесконечные превращения. К веселым событиям прошлого он относится с самоиронией, которая предрасполагает к фамильярной и непринужденной атмосфере. Во всяком случае так кажется Раскольникову, который слушает его. Увертюра кончается внезапно циничнонасмешливым уверением в том, что Порфирий сознательно «притворяется» в своих взаимоотношениях с другими. Еще более изумляет Раскольникова услышать бесцеремонное заявление следователя: «*Подождите, я и вас проведу – ха-ха-ха*» [Достоевский 1975, VI: 198]. Эти слова произносятся без какой-либо связи с конкретной коммуникативной ситуацией. Зачем, однако, нужно обманывать кого-то, кто до этого момента был тебе не знаком и с кем ты не общался? Трудно предположить, чем вызваны эти слова. Бесспорно лишь то, что они указывают на явную границу в отношениях Порфирия Петровича и Раскольникова, только после слов следователя в сущности и начинается настоящий разговор между героями.

А разговор этот начинается необычно.

Без всякого вступления Порфирий фокусирует свое внимание на статье Раскольникова «О преступлении…», которую он прочитал месяца два назад. Она произвела на него сильное впечатление своими радикальными тезисами. А это послужило поводом для того, чтобы познакомиться со студентом. Но перед тем, как продолжить, необходимо сделать небольшое отступление.

В данном случае Идея Раскольникова находится вне нашего непосредственного исследовательского интереса. Но поскольку отдельные аспекты этого вопроса неизбежно станут объектом анализа, они будут осмысляться главным образом в связи с коммуникативными реакциями участников разговора. Напомним и другое. Каждый из героев неосознанно или целенаправленно строит свое отношение к Идее и сквозь призму произошедших убийств: Раскольников будет говорить не просто как автор статьи, но неизбежно опираясь на пережитый опыт в результате применения на деле собственных взглядов; Порфирий Петрович явно уже стал подозревать студента. Разумихин – единственный персонаж, чье сознание не обременено. Дальше всех от теоретических проблем спора стоит четвертый присутствующий – Заметов.

Порфирий не теоретизирует, не спорит с Раскольниковым о том, правильны или ошибочны высказанные взгляды, не оценивает их философского или нравственного значения. Его цель – расположить к себе Раскольникова, чтобы тот стал говорить о своих идеях.

Порфирий слушает исключительно внимательно. Он как будто вместе с говорящим переживает рассказ. Разумихин, услышав впервые абсурдную идею, реагирует *с недоумением* и с негодованием. Заметов в углу проявляет профанное безразличие к теме. Таким образом, в хронотопе соединяются четыре разные рефлексии, и уютнее всего в данной коммуникативной ситуации, как видим, чувствует себя следователь.

Раскольников кончает шаблонной фразой о Новом Иерусалиме, которая явно отсутствует в статье. Иными словами, принятие изложенной теории привело бы к достижению нового социального Идеала. Порфирий Петрович цепляется за эту мысль с любопытством и удивлением [Тихомиров 2005: 242–248]. Статья не убеждала в подобной возможности, но *сомнения* остались. И они ставят вопросы о вере, о Боге, о воскрешении Лазаря, о том, во что и как верит Раскольников? Ничто из сказанного в разговоре между ними не актуализирует эти вопросы.

[1] Сознательно выбираем определение. Оно связано с характеристикой «странный человек» [Достоевский 1975, VI: 353], которую Раскольников дает Порфирию перед тем, как окончательно расстаться.

Сразу после этого Порфирий переключает разговор на коммуникативный регистр уже знакомого нам поведенческого стереотипа. Речь его кипит издевательской иронией и вызывающей язвительностью: статья Раскольникова превращается в *статейку*, ее основная мысль сводится к жалкой *идейке*, а верховное дело десакрализовано в бытовую будничную резню. Если внимательно всмотреться слова следователя, заметим, что преднамеренная профанация дискредитирует *форму*, но *обходит молчанием* сущность «содержания», потому что отсутствует человеческая реакция негодования на высказанную возможность безнаказанно распоряжаться чужими судьбами.

Впрочем, именно так реагирует неискушенное сознание Разумихина, и за счет контраста отсутствие ожидаемого становится более видимым. Разумихин пытается рассуждать над тезисом о допустимости *крови по совести* и приходит к заключению – «это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное…» [Достоевский 1975, VI: 203]. Мысль его ориентирована на Раскольникова, но ей отвечает неожиданно Порфирий Петрович «Совершенно справедливо, страшнее-с» [Достоевский 1975, VI: 203]. Почему, однако, ставится акцент именно на *совести*? Если соединить два коммуникативных контекста, тогда подтверждение начинает звучать и как признание. Это подчеркнутое внимание к совести заставляет нас задуматься, не является ли Порфирий, бесцеремонно навязывающий нам определенный поведенческий облик, обдуманной вербальной маской незнакомого человека.

И последний момент, о котором стоит размышлять, связан с наполеоновским мотивом. Нигде в своем изложении Раскольников не упоминает имя Наполеона, а использует его в форме нарицательного существительного («Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами» [Достоевский 1975, VI: 199–200]). Этой метонимией он обозначает идеологию, которая выбрана им в качестве дифференцирующего признака для разграничения отдельного индивида (*сильную личность*) от толпы. В действительности именно Порфирий Петрович переводит *наоборот*, от общего к конкретному, настоятельно пытаясь внушить своему собеседнику возможную связь между историческим примером и случившимся злодеянием. Но и он не упоминает имя Наполеона. Раскольников с отвращением отклоняет наглое внушение. Ответная реплика Порфирия открыто раздражает своей бесцеремонностью: «Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает? – с страшною фамильярностью произнес вдруг Порфирий. Даже в интонации его голоса было на этот раз нечто уж особенно ясное» [Достоевский 1975, VI: 204].

Может быть, здесь «ясное» является прозрением вероятной связи между статьей и случившимся. Каждый из них обоих сознательно избегает точной формулировки. Это право доверяется чистому сознанию Заметова, который все угадал и оглашает публично намек, переводя казус спора на понятный бытовой уровень, т. е. убийство совершено кем-то, одержимым Наполеоновской идеей. Наступает тягостное молчание, а точка зрения повествователя переносится на Разумихина, который только теперь стал догадываться о чем-то. Он начинает сознавать что-то, что, наоборот, сближает Порфирия и Раскольникова и так отделяет их от остальных находившихся в комнате.

Итак, первая встреча ставит Раскольникова и Порфирия в ситуацию соизмерения, которое далее будет углубляться. Они в окружении Разумихина и Заметова, присутствие которых придает особый семиозис этой встрече. Благодаря Разумихину и Заметову автор усиливает ее глубину, выделяя различные иерархические уровни отношения к разговору. На самом низком – профанное сознание Заметова. В отличие от Заметова сознание Разумихина – *чистое*. В отличие от Раскольникова ему в голову не приходила подобная идея, но он понимает ее сущность. В сравнении с остальными участниками разговора, его сознание не искушено (как у Порфирия, который тоже размышлял над этими вопросами) и не загрязнено (как у Раскольникова, который уже убил, т. е., перешел границу между *теорией* и *практикой*). Следовательно, если принять, что сознание Раскольникова осенила Идея, вопрос в том, какое место в этой иерархии займет Порфирий Петрович? С точки зрения концептуальности встречи следователь представляет собой неизвестное в ее уравнении, так как только он не формулирует отношение к услышанному! Однако вопросы, которые Порфирий задает

Раскольникову, показывают, что следователь находится гораздо ближе к автору статьи, чем можно было бы предполагать.

Вторая встреча происходит в участке на следующий день после первой. Повод для ее проведения формален, Раскольников пришел, чтобы внести требуемое Порфирием заявление о собственности на вещи, заложенные им у Алены Ивановны. Перед тем, как проследить за развитием этого нового и еще более продолжительного разговора между героями, необходимо напомнить о двух эпизодах, имеющих прямую связь с их предшествующей встречей.

Сразу после нее Раскольников встречается с мещанином, который заявляет ему без всяких оговорок прямо в лицо «Ты убивец» [Достоевский 1975, VI: 209]. И второй эпизод – вечером того же дня он отправится к Соне и помимо прочего выразит желание услышать притчу о воскресшем Лазаре. Этот внезапный, незапланированный поворот к вере – непосредственная рефлексия в результате состоявшейся первой встречи с Порфирием [Тороп 1997: 107–108; Тихомиров 2005: 224; Димитров 2018: 74].

Но вернемся ко второй встрече.

Она реализует профессиональный подход Порфирия Петровича *на практике*.

В дореформенном суде, как известно, приговор выносился только при наличии явных улик. Косвенные доказательства, независимо от их количества, не рассматривались судом [Белов 1985: 126]. Порфирий был знаком с этой *формальной* слабостью позиции расследования. Но слабость закона сознается и Раскольниковым, это дает ему основание вцепиться с такой внутренней яростью в аргумент об отсутствующих доказательствах. Поэтому и Порфирий стал играть в свою тайную психологическую игру, игру на нервах, против своего оппонента. Ее цель – *вынудить / заставить Раскольникова признаться всем*, что он убийца.

Позднее читатель узнает, что в *то же самое утро* у Порфирия был мещанин, который поделился своими подозрениями в преступлении студента. Пока они разговаривали, выясняется, что пришел Раскольников с просьбой встретиться со следователем. И тут же Порфирий решается на дерзкий эксперимент – организовать неожиданную «очную ставку» между мещанином и Раскольниковым. Словом, *к их второму разговору Порфирий приступает вполне убежденным в виновности своего оппонента*.

Порфирий Петрович старается вывести Раскольникова из состояния психического равновесия и сломить его окончательно задуманной неожиданной очной ставкой. Только он не предвидит два обстоятельства. Студент вдруг оказывается несговорчивым и крепколобым, а, с другой стороны, план следователя не учитывает фактора случайности. В кульминационный момент, когда кажется, что в любую минуту Раскольников сорвется, в комнату внезапно и неудержимо вторгается раскольник Миколка, который признается в том, что он совершил убийство. По воле судьбы подозрение в преступлении снимается с Раскольникова.

Так воспринимается вторая встреча сквозь призму внешнего взгляда. Но некоторые детали поведения Порфирия дают нам основание более внимательно вслушаться в сказанное им.

Весь облик следователя заметно меняется. В предыдущем разговоре он был в общем неподвижным, а повествование осведомляло о переменчивости его эмоциональных реакций. Теперь он *беспрерывно ходит* по комнате, исчезает прежняя флегматичность. Эта внезапная сверхподвижность парадоксально показывает *тело* в пространстве, и только сейчас мы замечаем его «маленький рост» [Достоевский 1975, VI: 256]. Динамика одного персонажа заставляет другого постоянно следить за ним пристальным взглядом. Постороннему наблюдателю кажется, что разговор как будто протекает без повода. Таким его видит Раскольников сквозь собственный горизонт восприятия, и эта неопределенность, *разлитость* слов действует ему на нервы, приводит его почти к нервному припадку. А это и есть тайное намерение Порфирия Петровича. Движение и речевой жест в их сочетании создают определенный, постоянный ритм. Они *символически кружатся вокруг слушающего*, их пульсация все более очевидно подсказывает, что Слово приближается к какому-то мгновению неожиданности…

Только уловка не срабатывает, что является неожиданностью и для самого Порфирия. И эта неожиданность ведет к последующей, такой же внезапной перемене в его поведении. Прежнее добродушие исчезает, и откуда-то по-

является *неподозреваемая злоба*. Для Порфирия финал встречи оказывается *поражением*.

Но следует и третья неожиданность. С ней сталкиваемся минут через двадцать, после того как Раскольников вернулся в свою квартиру. Без стука в дверь, в комнату входит мещанин. Поклонившись Раскольникову, мещанин просит у него прощения за то, что заподозрил его в причастности к убийству. Он рассказывает ему, что во время разговора стоял за перегородкой, где спрятал и запер его на ключ Порфирий Петрович. И услышал все.

Необходимо, однако, дать себе отчет в том, что для Раскольникова и для нас подобная неожиданность приобретает различную идеологию. Раскольников узнает об уловке. А мы, благодаря *случаю*, имеем возможность понять, что и характер Порфирия, искусно скрываемый за разными *масками*, представляет собой не меньшую тайну, чем тайна Раскольникова. И теперь, благодаря рефлексии мещанина неожиданно, нам открывается другая его черта.

Подслушивание – важный мотив фабулы «Преступления и наказания». Но сюжет всегда требует подчеркнуть форму его возникновения и развертывания, что является смыслоопределяющим. Ограничимся только двумя примерами.

Во-первых, Раскольников *случайно* дважды подслушивает – в кабаке, где у него за спиной сидят студент и офицер, со слов которых он слышит материализованный образ своей Идеи; в парке, за кустами, супругов-торговцев и Лизавету, от которых узнает, что на следующий день ее не будет дома, и он решает действовать.

Во-вторых, Свидригайлов, после того как случайно узнает о пустой комнате рядом с квартирой Сони, *сознательно* начинает подслушивать и таким образом слышит исповедь Раскольникова.

Между этими двумя противоположными сюжетными ситуациями парадоксально вписывается эпизод с мещанином. Парадоксально, так как в нем сходятся противоположные аспекты разговора. Порфирий Петрович организует его инсценировку так, что мещанин одновременно участвует и не участвует в нем, что он остается скрытым, но и в то же время *под рукой*, в готовности для быстрой реакции. Словом, *оставляет мещанина, чтобы слушать*, и вместе с тем, не сознавая это, *заставляет его и подслушивать*. И мещанин подслушивает, но что именно?

Со своей стороны, мотив *подслушивания* соединяется с мотивом *тайны*. Даже если и ограничиться вышеприведенными примерами, видно, что пересечение подслушивания и тайны является функциональным в отношении сюжетной бытийности главного героя.

Сложнее интерпретировать примеры о душе как о тайне. Раскольников исповедуется Соне. Но повествование следит и за спрятавшимся в соседней комнате Свидригайловым. Вопрос не в том, что Свидригайлов узнает тайну Раскольникова, а в том, что он эту тайну присваивает. Следовательно, подслушанное им начинает осмысляться в нравственной категориальности.

После этого обращения к поэтике романа уже выясняется направление нашего наблюдения.

В сложившейся коммуникативной ситуации протекающего разговора тайно подслушивают Порфирия. Неизвестная сущность его характера является настоящим неизвестным в уравнении *тайны*. Вообще неслучайно, что подслушивающий, мещанин, вводится в дискурс как сознание, существующее полностью в соответствии с религиозными представлениями о правильном и греховном. Вовлеченный судьбой в случай, спрятавшись за перегородкой и будучи не в состоянии видеть разговаривающих, он почувствовал своей чистой душой, что Порфирий – *плохой человек*: «И всё слышал, всё, как он вас истязал» [Достоевский 1975, VI: 275]. Это внезапное подглядывание за маской добродушия[1] указывает на тайну Порфирия. В памяти текста параллелизм в ситуациях подслушивания позволяет непреднамеренно соотнести следователя со Свидригайловым и уловить некое неожиданное сближение между ними в значениях нравственного.

Для Раскольникова **третья встреча** неожиданна. А для Порфирия Петровича, посетившего его внезапно, она особенно желанна.

[1] На мотив жестокости Порфирия («юридический садист»), искусно скрываемой за маской добродушия, обращает наше внимание исследование Л. Д. Волковой и Ю. В. Лебедева («Роман Достоевского «Преступление и наказание» в школе». Кострома, 1968), процитированное Р. Поддубной [Поддубная 1971: 54].

Согласно замыслу второй встречи, который, как кажется, молниеносно оформился в сознании следователя непосредственно до ее начала, третьей встречи не должно было бы быть. Несмотря на это она, третья встреча, вообще не спонтанна. К ней Порфирий готовится старательно. Но не попытка Раскольникова ускользнуть от закона является вызовом для следователя. Невыносим факт, что из схватки он, Порфирий Петрович, *не вышел победителем*.

В тесной комнатке студента теперь *впервые* их только двое. Порфирий *играет* в *примиренность*, примиренность проигравшего. Он пришел, чтобы разобраться; извиниться за свое издевательское поведение *тогда*, оправдываясь законами профессии. Но именно в проявлениях профессионального и кроется обманное коварство этой, предпринятой им, встречи. Теперь Порфирий *играет* следователя. Изложенная им реконструкция событий, связанных с убийствами, в наибольшей степени приближается к норме криминального жанра. И если используются устойчивые типологемы «убийство» и «заподозренный», то в конце следователь должен изложить свою версию [Димитров 2018]. В соответствии с жанровой типологией наступает и кульминация реконструкции – в отправленном обвинении: «Да *вы* убили, Радион Романыч! Вы и убили-с...» [Достоевский 1975, VI: 349, к. а., Ф. Д.]».

А дальше следователь неожиданно разъяснит Раскольникову все *возможности обойти закон и смягчить приговор*. Странное несоответствие нормам криминального жанра?! Теперь срабатывает тактика, которая предполагает и обдуманное собственное поведение, *уговорить его*, *склонить его* признаться.

Во время всего разговора Порфирий Петрович не перестает напоминать, что он не злой. Иными словами, он настаивает на том, чтобы Раскольников согласился, что рядом со следователем все время был и честный, доброжелательный человек. Существуют ли однако основания верить этому утверждению? Правильно ли согласиться с тем, что если кто-нибудь нравственен по-своему, в соответствии со своим собственным пониманием морали, на самом деле становится настоящим нравственным человеком? Именно на эту дилемму указывает он, когда к концу встречи произносит следующее суждение: «Еще хорошо, что вы старушонку только убили. А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще и в сто миллионов раз безобразнее дело бы сделали!» [Достоевский 1975, VI: 351].

Второй странный момент во время встречи – это признание Порфирия по поводу статьи: «Мне все эти ощущения знакомы, и статейку вашу я прочел как знакомую. В бессонные ночи и в исступлении она замышлялась, с подыманием и стуканьем сердца, с энтузиазмом подавленным» [Достоевский 1975, VI: 345]. Поверить ли нам этому признанию с автобиографическим привкусом?

Связующим звеном приведенных примеров является как будто ослабленный самоконтроль мысли. В первом примере навязывается сверхцинизм сравнительной степени. Как так произошло, что *профессионал* забыл, что число жертв *все же* больше, чем одна. А во втором, принимая слова статьи за истину, Порфирий Петрович вдруг вспоминает о себе, это *единственная автобиографическая деталь* о герое, о прошлом которого ничего не знаем. Насколько случайно, но уже с точки зрения смысла, что этот факт появляется в связи со статьей Раскольникова?

Попробуем заглянуть сквозь эти удивляющие трещины *откровения* за усердно навязываемую нам маску благонамеренного профессионала, актуализируя в нашей исследовательской реконструкции отчетливые странности в поведении и речи Порфирия.

Разумеется, следует начать со статьи, с начальной заочной встречи Порфирия и Раскольникова. Теперь он еще более откровенен, чем *тогда*, когда он прочел ее в первый раз, на него произвели сильное впечатление ее идеи. Очень странно звучит в устах Порфирия Петровича описание состояния, в котором она была задумана и в котором вызревали ее идеи. Кажется, и «гордый энтузиазм», и «стуканье сердца», и «горячая проба пера», и «смелость отчаяния» [Достоевский 1975, VI: 345] являются рефлексиями некоего знакомого, пережитого им самим опыта. Поэтому он так психологически убедителен, когда говорит о бессонных ночах, в которых она была задумана и создана.

В критике констатируется, что статья является исключительной фабульной деталью в отношении предыстории преступления, теоретическим подступом к Идее. Но нет объяснения

того факта, что *эта* деталь вводится в дискурс сквозь сюжетную призму *другого героя*, а не ее автора, который *реально* забывает ее. Нарративизированный таким образом факт функционирует как косвенная характеристика сюжетного бытия *и* Порфирия. В этом особом жесте повествования – Порфирия-читателя – скрывается и ключ к толкованию. Если наличие этого факта ограничилось бы только пространством первой встречи, то его функциональность была бы скорее всего факультативной, т. е. она стала бы поводом для начала разговора между героями. И только. Объяснение состоится в повторном возвращении к факту при третьей встрече. Напоминанием о статье Порфирий будто не хочет ограничиваться внешней впечатлительностью читателя, а, добавляя характеристики, преобразует факультативную функциональность в Смысл.

К содержанию статьи больше добавить нечего. При этом заметим, что коммуникативная форма ее артикулирования полностью соответствует риторике монолога. Именно Порфирий возвращается к статье, чтобы внушить, что благодаря ей Раскольников все время был для него предсказуемым. Потому что он сам когда-то тоже прошел через испытания подобных юношеских увлечений. Теперь, когда они впервые остались только вдвоем, он разрешает себе поделиться чем-то сокровенным. *Сейчас Порфирий Петрович говорит о себе*.

Порфирий тоже заражен проказой Наполеоновской идеи, понимаемой в ее онтологической чистоте как Воля к власти над простыми людьми. И продолжает тайно быть полностью захвачен ею[1].

Когда он прочитал статью, он был изумлен, обнаружив в ней знакомые мысли, терзавшие и его душу в бессонные ночи молодости, но (наверное) более четко развернутые в целостную теорию. Если у него все было просто красивым хаосом, упоением всевозможными фантастическими помыслами о сильной личности и о властвовании над простыми людьми, то у Раскольникова он увидел логическую формулировку, которая произвела на него впечатление. Поэтому он и подумал «Ну, с этим человеком так не пройдет!» [Достоевский 1975, VI: 345]. Потому что он, Порфирий Петрович, остановился! Причина неизвестна. Может быть, он одумался под влиянием силы разума или внезапно испугался под давлением общепринятых нравственных и гуманных ценностей, составляющих в каком-то смысле нашу человеческую сущность, или испугался неизбежной санкции?

Порфирий запомнил статью. Невозможно ее забыть, она часть его собственного тщательно скрываемого сокровенного прошлого[2]. Он нетерпеливо стал ждать встречи с тем, кто, в отличие от него, осмелился шагнуть по ту сторону. Отсюда и причина *испытующего всматривания* в Раскольникова при первой их встрече с надеждой уловить то незримое, что проводит границу между ними. Размышлением о сравнении начинается эта часть их разговора – как случилось, что тот, другой, мог продолжить дальше? Вот откуда и пошли вопросы о вере, о Боге, о совести. *Они являются рефлексиями собственного пережитого драматического опыта*.

Традиционно констатируется, что у Порфирия Петровича нет биографии. Но этот факт констатируется *сам по себе*, не аналитически. В сущности, вот его *неизвестная биография*, которая как-то незаметно вводится в дискурс. Оказывается, что у Порфирия и у Раскольникова – общая биография идеи, но каждый из них переживает эту идею по-разному. Именно сознание о противоположной ее реализации другим предопределяет и целостное отношение следователя к студенту. Для Порфирия Петровича Раскольников не просто убийца, а является тем, кем сам Порфирий не может быть. Вот почему и их встречи им воспринимаются и переживаются как столкновение, объяснимое в дискурсе Идеи. Для Порфирия это яростное соперничество, выход из которого один – заставить Раскольникова сдаться. Это означало бы, что он победил его как Идею, т. е., не как спор с человеком (этическое измерение), не как возможность перехитрить убийцу (професси-

[1] Мы полностью опираемся на толкование идеи Раскольникова, предложенную В. Я. Кирпотиным (разграничение между «начальной» Идеей и ее «трансформацией» в Идеал) в его знаковом исследовании романа [Кирпотин 1986: 73–120].

[2] Подобная идея, но без аргументации была высказана еще в 1960-е годы Н. Чирковым [Чирков 1967: 103]. После резкой критики Р. Поддубной, определившей ее неправдоподобность [Поддубная 1971: 55], к этой гипотезе не возвращались.

ональное измерение), а как соперничество против *иного прочтения* общей Идеи. И это тайное понимание их одинаковости на фоне объединяющей их биографии Идеи определило стратегию поведения Порфирия по отношению к Раскольникову.

Порфирий Петрович не предал Наполеоновскую идею. Она формирует его отношение к миру и к окружающим возможностью властвовать над ними. Герой применяет ее тайно. Она проявляется в непрерывной игре с масками, со стилистикой и риторикой высказывания. В этом состоит и настоящая цель притворства, мнимого обмана, который принимает форму безобидной шутки – чтобы как-то незаметно другие были подчинены собственной воле под скрытой уловкой пародийных перевоплощений a'la Гоголя. Во время второй встречи, когда *метод* уже в *своей стихии*, из уст Порфирия звучат откровения, недопустимые для его институциональной позиции. Изрекаются признания, которые позже звучат и в исповеди Свидригайлова, а, говоря о нем, мы однозначно квалифицируем их как предел прогнившей души героя. Случайно ли подобное сходство при условии, что они, Свидригайлов и Порфирий, не знают друг друга и в сюжете вообще не встречаются?

Отправной точкой к этому амбивалентному сопоставлению может послужить мотив *бабочки, летящей на свечу*.

До первой их встречи Раскольников внезапно уподобляет свой приход, без приглашения и предупреждения, к Порфирию бабочке, которая «сама на свечку летит» [Достоевский 1975, VI: 190]. Для сознания, испытывающего предельное напряжение из-за предстоящей неизвестности, это сравнение – выражение фаталистического предчувствия гибели. Нелепая ассоциация, которую герой смог преодолеть, возвращается в дискурс во время второй встречи: ее издевательски повторяет Порфирий Петрович – «Видали бабочку перед свечкой?» [Достоевский 1975, VI: 262]. Наблюдения над неожиданной тавтологией в рефлексиях двух сознаний обычно ограничиваются указанием на сходство фраз. Но между коммуникативными ситуациями существует принципиальная разница, и именно она важна. Идиоматической лаконичности Раскольникова, Порфирий противопоставляет вызывающе детализованное сравнение. В его комментарии на семантическом уровне фразы появляются новые знаки, которые незаметно меняют смысл: «Видали бабочку перед свечкой? Ну, так вот он [т. е. заподозренный, уточнение мое, Х. М.] всё будет, всё будет около меня, как около свечки, кружиться; свобода не мила станет, станет задумываться, запутываться, сам себя кругом запутает, как в сетях, затревожит себя насмерть! /…/ И всё будет, всё будет около меня же круги давать, всё суживая да суживая радиус и – хлоп! Прямо мне в рот и влетит, я его и проглочу-с, а это уж очень приятно-с, хе-хе-хе!» [Достоевский 1975, VI: 262].

В этом объяснении начальная идиома заменяется другим, в котором он недвусмысленно отождествляется с пауком-охотником.

После перемены семантического центра следует мотив *опутанной паутиной «бабочки»*. Именно на эту ассоциацию мы обратили свое внимание, наблюдая над поведением и речью Порфирия во время второй встречи. На символическом уровне шарообразное, округленное тело Порфирия Петровича, которое не перестает слоняться по комнате, напоминает движение паука, сплетающего паутину везде между «стенами и углами» [Достоевский 1975, VI: 255–256; Ветловская 2001: 152–155].

Выглядит странным, но, когда рассуждают о моральном облике следователя, пропускают или не замечают приведенные выше в цитате последние слова. Для Порфирия смысл сравнения – в откровенном цинизме желанного поглощения. Например, если высказывание имеет целью внушить идею поимки заподозренного в преступлении, то тогда оно могло бы закончиться выражениями типа «прямо в капкан попадет» или «прямо в сети запутается». Нет. Порфирий хочет особо подчеркнуть ситуацию поглощения жертвы и пережитого удовольствия от протекания этого хищнического акта. Интересно и другое. Мысль об ожидаемом приятном переживании в результате *поглощения* появляется в том же самом монологе еще раз, чуть раньше, но в более различимом тематическом контексте: «Да оставь я иного-то господина совсем одного: не бери я его и не беспокой, но чтоб знал он каждый час и каждую минуту, или по крайней мере подозревал, что я всё знаю, всю подноготную,

и денно и нощно слежу за ним, неусыпно его сторожу, и будь он у меня сознательно под вечным подозрением и страхом, так ведь, ей-богу, закружится, право-с, сам придет да, пожалуй, еще и наделает чего-нибудь, что уже на дважды два походить будет, так сказать, математический вид будет иметь, – оно и приятно-с» [Достоевский 1975, VI: 261].

«Приятное» в этом начальном признании означает видеть проявления *страха в поведении заподозренного*. От страха и оцепенения к исчезновению в раскрытую пасть – вершина удовольствия состоит в том, чтобы безжизненная жертва *сама* попала в ловушку.

Именно в этом месте необходимо сопоставить Порфирия Петровича со Свидригайловым. Точнее, речь идет о второй его встрече с Раскольниковым, когда Свидригайлов цинично раскрывает свою душу, испорченную развратом [Манолакев 2007: 156–186]. Одно из величайших искушений для него – соблазнить целомудренную женщину. Вся перверсия трепетно ожидаемого удовольствия предполагает так манипулировать женщиной, что она *сама* захочет сделать грех. Рассказывая о сорвавшейся подобной игре по отношению к Дуне, сестре Раскольникова, Свидригайлов употребляет следующую фразу, когда характеризует стратегию целенаправленной подготовки: «Я тотчас же смекнул, что птичка сама летит в сетку, и, в свою очередь, приготовился» [Достоевский 1975, VI: 365].

Видно, что по своему значению подобная игра пребывает в непосредственной синонимической близости к указанным вариантам *летящей на свечку бабочки*. Сходства Свидригайлова и Раскольникова можно наблюдать единственно в модальности движения. Близость с Порфирием проявляется серьезнее – в настрое расставлять сети так, что невинная, ничего не подозревающая жертва, сама должна запутаться в них. Именно это типологическое сближение со Свидригайловым убеждает в том, что трепетное ожидание «охотника», чтобы капкан щелкнул, помогает выявить подпольные стороны характера Порфирия Петровича и его морально не менее *поврежденную* душу. И для обоих мысль об удовольствии связывается с желанием видеть страх в глазах своей жертвы, и это переживание присутствует в сходных эмоциональных рефлексиях.

Равнение на Свидригайлова посредством сходства манипуляций с жертвой является ключом к актуализации Наполеоновской идеи в бытии Порфирия. Свидригайлов добивается власти над другими с помощью развращающей силы денег, а Порфирий – опираясь на *институцию*.

Порфирий Петрович не бросает Наполеоновскую идею, она никогда его не покидала. Мечта о ней предопределила его социальную реализацию. Неслучайно он выбрал следствие. Если *раньше* его мечту сдерживали нравственные ограничения, *сейчас* Закон дает ему свободу власти. Он и исполнитель закона, но вместе с тем тайно находится вне его, т. е. закон охраняет его, чтобы он сам стал Законом. Если вернуться к непосредственному началу второй встречи, можем принять, что слоняющаяся туда-сюда «*маленькая, толстенькая и круглая фигурка*» [Достоевский 1975, VI: 256] Порфирия Петровича напоминает о популярном карикатурном образе Наполеона в европейской и русской периодической печати. Мы целенаправленно подчеркнули тот факт, что во всем сюжете единственно здесь повествование *отмечает тело* Порфирия в пространстве. Знак предшествует действию и тому, что предстоит, а именно – приложению метода на практике. Следовательно, за этим перевернутым изображением можно разглядеть приложение Наполеоновской идеи. Только мы должны его осмыслять в аспекте значения действующей в то же самое мгновение символики паука-охотника.

Сложное наложение этой двойной символики в действиях Порфирия-следователя превращает Идею в нечто мелочное, карикатурно выродившееся. Она проявляется в презрительном отношении к подозреваемому, который для следователя не человек, а просто жертва. Несанкционированное издевательство над ней – право, обеспеченное Порфирию… законом. В том именно состоит гнусность его *необыкновенности* – за маской справедливости практиковать Власть как удовольствие, получаемое от *унижения, поглощения* жертвы.

Третья встреча демаскирует безнравственность его Идеи. Исследовательская традиция принимает Порфирия Петровича за исключи-

тельного профессионала и добродетельного человека, но он как олицетворение Закона допускает убийство *даже* и одной незначительной старушонки. Рассуждает тот, кто применяет на практике те же самые критерии классификационного разделения людей, теоретически обоснованные Раскольниковым в его статье. Вместе с тем поражает сверхцинизм сравнительной степени, забывающей (!), что число жертв Раскольникова *все же* больше, чем одна. А мог ли пропущенный сквозь призму Наполеоновской идеи взгляд Порфирия заметить смерть ста миллионов Лизавет? И наоборот, если бы была убита *только* Лизавета, имело бы место расследование убийства? Кто тогда слепой – Закон или тот, кто одержим Идеей и присвоил в ее имени закон? Так приводится в действие презрение «необыкновенной личности» к «обыкновенным людям». Один убивает их топором, другой распоряжается их судьбой, подчиняя институцию и отказывая Лизавете в праве, чтобы ее смерть была расследована.

Кульминация этого институционализированного цинизма – тайная жизнь в Наполеоновской идее и посредством ее в том, *как* Порфирий исчерпывает свой сюжет. В собственных представлениях он всегда ставит себя выше закона. В конечном счете именно Он, а не Закон распоряжается судьбой Раскольникова, обеспечивая ему легкий приговор. За одну никому не нужную старушонку – столько! Вот почему этот приговор нелогично и не аргументированно *более легкий*. Чтобы заметить в этой юридической недопустимости Волю к власти Порфирия Петровича.

Исследовательская традиция интерпретирует начальную ситуацию романа символически – спуск Раскольникова с вершины обманчивой идеи вниз, чтобы пойти, не сознавая этого, по длинному и мучительному пути возвращения обратно к людям.

В смысловом контексте движения сходной символикой нагружается и подъем Порфирия наверх по лестнице к той же самой каморке при их последней встрече. Его откровение не могло бы состояться ни в каком другом месте. Но не потому, что впервые Раскольников и Порфирий действительно одни, а потому что они здесь *вместе в этой* комнатке-утробе. Порфирий символически вернулся к перворождению своей идеи, вернулся к воспоминаниям о начале. Наверное, и у него – когда-нибудь и где-нибудь – идея родилась в подобных нищенских условиях. Кажется, по-другому и быть не могло. Сейчас они рядом, лицом к лицу, в этом невозможно тесном пространстве, в котором не хватает воздуха.

Они смотрят друг на друга испытующе, у них единое начало, но каждый видит в другом свою противоположность. С точки зрения Идеи позиция и отношение Порфирия Петровича к Раскольникову на протяжении всего действия, символична и в ином плане. Порфирий противопоставляется тому, кто предал Идею. Стать Наполеоном во имя низших – это профанация Идеи. А Порфирий отстаивает ее чистоту, ее существование только для избранных, для «исключительных личностей». Поэтому и приходит сюда, где порвалась между ними пуповина подобия, чтобы дать решительный бой отщепенцу. В соответствии с этим развитием две разные дороги, по которым каждый из них идет, подсказывают и код к символике конца их взаимоотношений и их расставания.

Порфирий Петрович удовлетворен страхом, который почуял у своего соперника. Наверное, когда узнает, что студент все же сдался в участке, тогда он полностью убедится в своем успехе.

Но здесь необходимо снова вспомнить о Свидригайлове, другом ярком двойнике Раскольникова, чтобы понять вариант исхода, избранного им, Раскольниковым, по сравнению с Порфирием [Миджиферджян 1987: 65–81]. Несколько раз Свидригайлов намекает студенту, что оба они очень похожи. Настаивание на близости, от которой Раскольников неистово бежит. Он, лишивший жизни двух женщин, отказывается уподобиться тому, у которого гнилая душа.

В таком случае, не является ли типологически схожей и ситуация третьей встречи, ситуация откровения. Присутствие Порфирия Петровича *здесь и сейчас* в ней символически напоминает об общей сдваивающей их Сущности.

Раскольников, однако, отказывается согласиться с этим символическим напоминанием. Обратим внимание. Верно то, что он молча выдал себя перед Порфирием. Но имеет значение факт, что он вербально ни *в чем не признался* перед ним. Признаться *перед ним* означало бы

согласиться, что они все же подобны друг другу. Поэтому и отказывается довериться ему, несмотря на открытость Порфирия.

Раскольников *признает свою вину в участке*. Другими словами, символически признается перед властью Закона, а не перед властью Идеи. Этим публично высказанным признанием окончательно расходятся дороги Раскольникова и Порфирия Петровича. Один из них получит возможность, делая первый шаг на пути к очищению и открыто признавая свою вину, воскреснуть для новой жизни, а другой останется мертвым, замыкаясь в самодовольстве мизерной идейки, и продолжит тайно распоряжаться судьбами несчастных заподозренных.

Литература

Белов, С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий / С. В. Белов. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 239 с.

Ветловская, В. Е. «Хождение души мытарствам» в «Преступлении и наказании» Достоевского. (Статья вторая) / В. Е. Ветловская // Достоевский. Материалы и исследования. – 2007. – Т. 18. – С. 143–160.

Димитров, Л. Зловещият доброжелател. (Порфирий Петрович в персонажната система на романа «Престъпление и наказание» от Ф. М. Достоевски) / Л. Димитров. – Текст : электронный // Интерпретираме руската литература : Юбилеен сборник в чест на 75-годишнината на проф. дфн Петко Троев / съставители А. Вачева, Г. Петкова, Р. Парашкевова. – София : СУ «Св. Кл. Охридски» ; ФСФ, 2018. – С. 67–75. – URL: http://digilib.nalis.bg/dspviewerb/srv/viewer/eng/ceeaf90a-e162-4ede-bab0-fc64e0640e91?tk=zur5CuFiTt66sPxk4GQOkQAAAABgzcU9.ZsmDwu-ZK7gcQbHj_d2BMw&citation_url=/xmlui/handle/nls/29150 (дата обращения: 22.06.2021).

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 6: Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – М. ; Л. : Наука, 1973.

Зунделович, Я. О. О стиле романа Достоевского «Преступление и наказание» / Я. О. Зунделович // Романы Достоевского. – Ташкент : Средняя и высшая школа УзССР, 1963. – С. 10–61.

Кирпотин, В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова / В. Я. Кирпотин. – 4-е изд. – М. : Художественная литература, 1986. – 414 с.

Манолакев, Х. П. Сюжет Свидригайлова: текст и контекст / Х. П. Манолакев // Достоевский и мировая культура. Альманах. – 2007. – № 22. – С. 156–186.

Миджиферджян, Т. В. Раскольников – Свидригайлов – Порфирий Петрович: поединок сознания / Т. В. Миджиферджян // Достоевский. Материалы и исследования. – 1987. – Т. 7. – С. 65–81.

Поддубная, Р. Н. Образ Порфирия Петровича в художественной структуре романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Р. Н. Поддубная // Вопросы русской литературы (Львов). – 1971. – Вып. 1/16. – С. 48–58.

Тихомиров, Б. Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий / Б. Н. Тихомиров. – СПб. : Серебряный век, 2005. – 472 с.

Тарасова, Н. А. Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского / Н. А. Тарасова. – М. : Квадрига, 2015. – 192 с.

Тороп, П. Перевоплощение персонажей в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» / П. Тороп // Достоевский: история и идеология. – Tartu, Estonia : Tartu Ülikooli Kirjastus (Изд-во Тартусского ун-та), 1997.

Чирков, Н. М. Великий философский роман («Преступление и наказание») / Н. М. Чирков // О стиле Достоевского. (Проблематика, идеи, образы). – М. : Наука, 1967.

Manolakev, H. P. The Murder Plot in "Crime and Punishment": A New Reading / H. P. Manolakev // Aspects of Dostoevskii. Art, Ethics and Faith /Edited by Robert Reid and Joe Andrew. – Amsterdam ; New York, NY. : Rodopi, 2012. – P. 81–100.

References

Belov, S. V. (1985). *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie». Kommentarii* [Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment". A Commentary]. 2nd edition. Moscow, Prosveshchenie. 239 p.

Chirkov, N. M. (1967). Velikii filosofskii roman («Prestuplenie i nakazanie») [The Great Philosophical Novel ("Crime and Punishment")]. In *O stile Dostoevskogo. (Problematika, idei, obrazy)*. Moscow, Nauka.

Dimitrov, L. (2018). Zloveshtiyat dobrozhelatel. (Porfiriy Petrovich v personazhnata sistema na romana «Prestaplenie i nakazanie» ot F. M. Dostoevski). In Vacheva, A., Petkova, G., Parashkevova, R. (Eds.). *Interpretirame ruskata literature*: Jubileen sbornik v chest na 75-godishninata na prof. dfn Petko Troev. Sofiya, SU «Sv. Kl. Ohridski», FSF, pp. 67–75. URL: http://digilib.nalis.bg/dspviewerb/srv/viewer/eng/ceeaf90a-e162-4ede-bab0-fc64e0640e91?tk=zur5CuFiTt66sPxk4GQOkQAAAABgzcU9.ZsmDwu-ZK7gcQbHj_d2BMw&citation_url=/xmlui/handle/nls/29150 (mode of access: 22.06.2021).

Dostoevsky, F. M. (1973). *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works, in 30 vols.]. Vol. 6: Prestuplenie i nakazanie. Moscow, Nauka.

Kirpotin, V. Ya. (1986). *Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol'nikova* [Disappointment and Crush of Rodion Raskolnikov]. 4th edition. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 414 p.

Manolakev, H. P. (2012). The Murder Plot in "Crime and Punishment": A New Reading. In Reid, R. and Andrew, J. (Eds.). *Aspects of Dostoevskii. Art, Ethics and Faith*. Amsterdam, New York, NY., Rodopi, pp. 81–100.

Manolakev, X. P. (2007). Syuzhet Svidrigailova: tekst i kontekst [The Story of Svidrigajlov: Text and Context]. In *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh*. No. 22, pp. 156–186.

Midzhiferdzhyan, T. V. (1987). Raskol'nikov – Svidrigailov – Porfirii Petrovich: poedinok soznaniya [Raskolnikov – Svidrigaylov – Porfiry Petrovich: Duel of the Consciousness]. In *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. Vol. 7, pp. 65–81.

Poddubnaya, R. N. (1971). Obraz Porfiriya Petrovicha v khudozhestvennoi strukture romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [The Character of Porfiry Petrovich in the Literary Structure of Dostoevsky's "Crime and Punishment"]. In *Voprosy russkoi literatury (L'vov)*. Issue 1/16, pp. 48–58.

Tarasova, N. A. (2015). *Khristianskaya tema v romane «Prestuplenie i nakazanie»* F. M. *Dostoevskogo* [The Christian Theme in F. M. Dostoevsky's Novel "Cime and Punishment"]. Moscow, Kvadriga. 192 p.

Tikhomirov, B. N. (2005). «Lazar'*! Gryadi von». Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie»* v *sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii* ["Lazarus, Come Forth." F. M. Dostoevskiy's Novel "Cime and Punishment" in Contemporary Reading. A Commentary]. Saint Petersburg, Serebryanyi vek. 472 p.

Torop, P. (1997). Perevoploshhenie personazhei v romane F. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [The Transformation of Characters in F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. In *Dostoevskii: istoriya i ideologiya*. Tartu, Estonia, Tartu Ülikooli Kirjastus.

Vetlovskaya, V. E. (2007). «Khozhdenie dushi mytarstvam» v «Prestuplenii i nakazanii» Dostoevskogo. (Stat'ya vtoraya) ["Ordeals of the Soul" in Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment". (Second Article)]. In *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. Vol. 18, pp. 143–160.

Zundelovich, Ya. O. (1963). O stile romana Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [On the Style of Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment"]. In *Romany Dostoevskogo*. Tashkent, Srednyaya i vysshaya shkola UzSSR, pp. 10–61.

Данные об авторе

Манолакев Христо Петров – доктор филологических наук, профессор русской литературы 19 в., Велико-Тырновский университет им. Свв. Кирилла и Мефодия (Велико Тырново, Болгария).

E-mail: h_manolakev@abv.bg.

Authors' information

Manolakev Hristo Petrov – Doctor of Philology, Professor in 19th Century Russian Literature, St. St. Cyril and Methodius University of Veliko Tarnovo (Veliko Tarnovo, Bulgaria).

УДК 821.161.1-2(Чехов А. П.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-05. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,446.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

ВЫСТРЕЛ КАК ПАМЯТЬ, ИЛИ РАБОТА АКТРИСЫ НАД СОБОЙ НАБРОСКИ НА ПОЛЯХ ЧЕХОВСКОЙ «ЧАЙКИ»

Димитров Л.
Софийский университет им. Св. Климента Охридского (София, Болгария)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4672-1519

Аннотация. В статье интерпретируются те уровни сюжетной модели комедии «Чайка», которые не попали в поле пристального внимания исследователей Чехова. Эта пьеса занимает срединное место в чеховской драматургии, собирая и трансформируя отдельные мотивы и сюжетные звенья: некорые из них она наследует от более ранних опытов писателя, а другим дает начало сама. Таким мотивом является «безотцовщина». После одноименной драмы, сохранившейся в архиве автора, эта проблема эксплицируется в «Трех сестрах». Но она обнаруживается и в «Чайке», отражая актуальную для времени идею смерти Бога (Отца). Другой мотив, взаимосвязанный с детронированной фигурой Pater familias, это самоубийство. Аргументируется тезис, что поступок Костантина Треплева проявляет сложный и не до конца понятый финал, который реализует два архетипа – самоубийство и безотцовщину – в их причинно-следственной соотнесенности. Для Чехова характерно, что система пресонажей в его текстах не строится на традиционной иерархии героев (главных, второстепенных, эпизодических). У каждого из них своя личная история и предыстория, которую можно проследить. Предложенный герменевтический анализ сосредоточен на образе Аркадиной. Кто она и почему пьеса не могла бы существовать без ее присутствия? Впервые выявляются скрытые детали биографии героини, указывающие на причины ее загадочности. В чеховском драматургическом мышлении персонаж остается не до конца проясненным, что позволяет театру интерпретировать его в зависимости от собственного прочтения. Используется метод медленного, но открытого чтения, учитывающего двумерный статус драматургического текста, обращенного к двум институциям – литературной и театральной. Принимая во внимание огромный массив критических текстов о «Чайке», предложенный анализ ставит себе целью стимулировать новые режиссерские интерпретации.

Ключевые слова: драма; архетипы; А. П. Чехов; «Чайка»; самоубийство; безотцовщина

THE SHOT AS A MEMORY, OR AN ACTRESS'S WORK SKETCHES ON CHEKHOV'S "THE SEAGULL"

Lyudmil Dimitrov
Sofia University St. Kliment Ohridski (Sofia, Bulgaria)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4672-1519

Abstract. The article interprets those levels of the plot model of the comedy "The Seagull" that did not fall into the field of close attention of Chekhov's researchers. This play occupies a middle place in Chekhov's drama, collecting and transforming individual motives and plot links: some of them it inherits from the writer's earlier works, while others it gives rise to itself. This motive is "fatherlessness". After the drama of the same name, preserved in the author's archives, this problem is explicated in "Three Sisters". But it is also found in The Seagull, reflecting the idea of the death of God (Father), which is actual for the time. Another motive associated with the detached figure of the Pater familias is suicide. The thesis is argued that the act of Kostantin Treplev manifests a complex and not fully understood ending, which realizes two archetypes – suicide and fatherlessness – in their causal relationship. It is characteristic of Chekhov that the system of characters in his texts is not based on the traditional hierarchy of heroes (main, secondary, episodic). Each of them has their own personal history and backstory that can be traced back. The proposed hermeneutic analysis focuses on the image of Arkadina. Who is she and why the play could not exist without her presence? For the first time, the hidden details of the heroine's biography are revealed, indicating the reasons for her mystery. In Chekhov's dramatic thinking, the character remains not fully clarified, which allows the theater to interpret it depending on its own reading. The method of slow but open reading is used, taking into account the two-dimensional status of the dramatic text addressed to two institutions – literary and theatrical.

© Л. Димитров, 2021

Taking into account the huge array of critical texts about “The Seagull”, the proposed analysis aims to stimulate new directorial interpretations.

Keywords: drama; archetypes; A. P. Chekhov; “The Seagull”; suicide; fatherlessness

Для цитирования: Димитров, Л. Выстрел как память, или работа актрисы над собой. Наброски на полях чеховской «Чайки» // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 63–75. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-05.

For citation: Dimitrov, L. (2021). The Shot as a Memory, Or an Actress’s Work. Sketches on Chekhov’s “The Seagull”. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 63–75. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-05.

«Читайте пьесу, там же все написано!»
А. П. Чехов к К. С. Станиславскому

По поводу цитированного в эпиграфе настоятельного совета Станиславскому, искушаемся добавить: чтение – обязательный, но совсем недостаточный начальный порог, который следует преодолеть при «вхождении» в любую пьесу Чехова. Второй и более важный шаг – это продолжительное, медитативное и проникновенное пребывание в тексте. Лишь тогда он медленно, последовательно и полноценно начинает допускать к себе и раскрывать свои аутентичные задатки и основания, часто остающиеся не только затаенными, но и неподозреваемыми для самонадеянного (торопливого) толкователя. В этой связи в качестве отправной точки сошлюсь на знакомый, незыблемый в своих императивах тезис, все более серьезно вызывающий сомнения в результате постоянно меняющегося – русского и иностранного – социокультурного контекста восприятия Чехова. Его припомнил (снова активировал) литературовед Юрий Доманский, и сущность его сводится к следующему: «[…] пьесы Чехова лучше читать, чем смотреть в театре, потому что в «бумажном» тексте смыслов гораздо больше, чем в тексте театральном, который вынужден в силу своей природы брать только часть смыслов от самого текста пьесы». И чуть дальше: «В итоге – все та же мысль: авторская логика строится на том, что читатель знает больше зрителя» [Доманский 2014: 7, 8]. К сказанному можно добавить и краткую, но важную мысль из дневника А. С. Суворина, записанную в ночь после неудачной премьеры «Чайки» в Петербурге 17 октября 1896 г.: «Я писал о пьесе, желая сказать о ней все хорошее, что я думал о ней, когда читал» [цит. по: Лакшин 2013: 426].

Парадокс в том, что сегодня, демонстрируя свои большие технические и перформативные возможности, несоизмеримые с концом XIX-го и началом XX-го века, театр часто искушается желанием показать не совсем явное, продемонстрировать скрытые уровни сюжета, предложить гипотезы, актуализирующие традиционные проблемы и обороты хорошо знакомой фабулы, тем самым способствуя прояснению и уплотнению Чеховской поэтики. Таким образом, сцена все еще не отнимает читательскую «привилегированность», но пытается превратить (моделировать) зрителя в равноправного воспринимателя происходящего, проводя его через словесный лабиринт автора с помощью невербальных средств. И так как концептуальные спектакли неизменно вызывают значительные и ожесточенные дебаты, формируя команды своих заступников и отрицателей среди компетентной / профессиональной публики, мы категорически утверждаем, что сверхинтерпретация ситуаций, казусов и деталей данного драматургического текста возможна и оправдана главным (если не единственным) образом в перспективе его театральной реализации. Неожиданные решения предназначены осветить накопившуюся обремененность в подсознании персонажей, приводящую в движение знакомое «подводное течение» (парасюжет), и мотивировать необъяснимое на первый взгляд напряжение – бытовое и интеллектуальное, поддерживаемое и излучаемое ими. Именно необходимость в трансгрессии экстатического театрального языка в пространство пассивного написанного слова каждый раз своеобразным, но убедительным способом демонстрирует двойственный (литературно-сценический) статус драматургического произведения.

Если конвенциальное театроведческое, да и литературоведческое клише гласит, что

«Гамлет» – пьеса пьес, и по этой причине опасность, ответственность и трудность читать ее, толковать и ставить – огромны, мы сказали бы, что существует еще более серьезный вызов среди драматургических текстов, и это – «Чайка». Чеховская пьеса не скрывает своих точек соприкосновения с текстом Шекспира, но в то время как трагедия о принце датском сложна по презумпции, русская комедия сложна действительно: она стоит на базисных гамлетовских ходах, отсылая их в непредвидимые направления. Их логику каждый раз необходимо заново открывать в зависимости от социокультурного контекста, в который попадает соответствующая постановка. Иначе говоря, русская комедия «приземляет» высокую абстрактную каузальность «Гамлета» – превращает ее в эмпирику, аргументируя ее как оправданное и, увы, необратимое расхождение между героями. По словам Владимира Лакшина, «пьеса появилась на таком перекрестке надежд, дум, постижений и разочарований Чехова, что удачей следует считать, если приоткроешь хотя бы одну, ведущую к его замыслу и до поры глухо запертую дверь» [Лакшин 2013: 406]. Именно в этом, дополнили бы мы, и вызов.

Сценические опыты Чехова не начинаются и не кончаются «Чайкой», но именно она является этапным произведением, так как собирает мотивы, оказавшиеся продуктивными в более ранних пьесах писателя, и предзадает их дальнейшие модификации (часто до полной их отмены, даже если они к тому времени утвердились как архетипные). В периодизации драматургии Чехова «Чайка» традиционно считается первым из его канонических текстов, хотя такое понимание недостаточно оправданно. Но о каких мотивах точнее идет речь?

Между «Ивановым» (1887–1888) – пьесой, которую автор считал своим дебютом, и «Чайкой» (1895) наблюдаются не только существенные различия, но и некое особое генетическое родство, подсказанное известной мыслью Чехова о ружье: если оно упомянуто в начале действия, в конце обязательно должно выстрелить. В обеих пьесах действие с момента, когда вешается оружие, и до его выстрела протекает эллиптически: как с начала и до конца «Иванова», так и с начала «Иванова» до финала «Чайки», но в аутовозвратной перспективе: начиная диалог, Боркин направляет ружье на Иванова, а последний жест главного действующего лица – выстрел в собственный висок – акт, воспроизведенный почти стереотипно Константином Треплевым в заключительной сцене «Чайки». Выстрелы в следующих пьесах Чехова будут и дальше слышаться, даже с еще большей интенсивностью, но среди персонажей нигде больше не встретим самоубийцу. После Константина Гавриловича автор окончательно излечивает своих героев от суицидального импульса, считая его не столько неубедительным, сколько исчерпанным для глубинного конструирования (завязки / разрешения) драматического конфликта.

Итак, первое архетипное начало, заложенное в сюжете «Чайки», это *самоубийство*. Важно проследить, какими явными и неявными аргументами оно отстаивается и помнить, что Чехов остается подвластным данному замыслу до тех пор, пока не находит достаточно полноценный сценический модус, максимально удовлетворяющий его в плане художественного воплощения. На этом фоне мы указали бы на еще один мотив, сохраняющий свою функциональность в чеховской драматургии (до заключительных ремарок «Вишневого сада»), несмотря на то, что он кульминирует в «Трех сестрах». Речь идет об архетипной *безотцовщине*. Понятие начинает произноситься как чеховское, после того как в 1920-м г. сестра драматурга, Мария Павловна, обнаруживает в его архиве рукопись ранней пьесы, чья заглавная страница отсутствует. Традиционное предположение (скептически принимаемое и с основанием оспариваемое специалистами) состоит в том, что это текст юношеского произведения, упомянутого под этим заглавием в корреспонденции между Антоном и его братом Александром в конце 1878 г..[1] Несостоятельность подобного поспешного тезиса сегодня подтверждается фактом, что драма известна своими тремя названиями, но ни одно из них не утвердилось окончательно и не употребляется преимущественно: «Безотцовщина», «Пьеса без названия» и «Платонов». Но в конкретном случае ценно другое. В. Б. Катаев отмечает: «Пожалуй, лучше всего изучены связи «Платонова» с по-

[1] По этому вопросу см.: [Димитров 2013: 107–129].

следующими произведениями Чехова. Вплоть до «Вишневого сада» прослеживается движение отдельных мотивов, звучавших в первой пьесе» [Катаев 1989: 115].

Понятие «безотцовщины» превращается в знаковый код-центр сюжета: отсутствие или смерть отца – «Отца», формальные, прерванные связи между родителями и детьми, а в более широком аспекте – несчастная судьба как проклятие наследственности. В этом смысле «без-отцовщина» продуцирует семантический ряд: тупик – неуверенность – отсутствие перспективы – страх перед предстоящей разрухой – беспризорность… И феминистически-матриархальный комплекс разражается бесконтрольно именно тогда, когда Pater familias по той или иной причине отстранен, детронирован. Чехов, как уже об этом было сказано, ставит эту проблему и в «Иванове», и в «Чайке», перед тем как обозначить ее эксплицитно в «Трех сестрах», где уже вводящая реплика Ольги («*Отец умер* ровно год назад, как раз в этот день…») определяет развитие действия в контексте «сиротства».

Но как обстоит дело в «Чайке»?

Для А. П. Чехова более, чем для кого-либо из мировых драматургов, характерен отказ от традиционной иерархии персонажной системы (главных, второстепенных, эпизодических, немых, внесценических и т. п. героев). Отношения между ними тоже не основываются на иерархическом принципе. В нашем толковании это означает, что, если рассмотрим движение героев, соединяя ретроспективный и проспективный аспекты, то сможем обозначить центральную для пьесы историю, эксплицируя заложенную в ней глубинную, смыслопорождающую проблему. В фокус нашей герменевтической интерпретации «Чайки» попадает образ *Аркадиной*. Мы рискуем пойти по ее следам, пытаясь ответить на вопросы, кто она, и почему пьеса не могла бы существовать без ее присутствия?

На более раннем этапе анализа, нам казалось, что мы поняли «Чайку», рассуждая следующим образом: своим явлением в последнем действии Нина производит на Константина гораздо более сильное впечатление, чем когда бы то ни было, так как он встречается с ней впервые за последние два года. И внезапно понимает то, что ускользывало от него до этого момента – кроме ее разрушенной жизни, кроме сомнительной карьеры актрисы, кроме мертвого ребенка от Тригорина, кроме всех сложных отношений с отцом, у нее расстроилась психика (она сходит с ума), симптомы чего сильно проявились в ее поведении и в хаотических, разорванных репликах, выявляющих показательные травматические акценты. Он стреляет в себя в результате самообвинения, подавленный властностью своей матери, с одной стороны. С другой, приняв на себя болезненную ответственность за Нину, Треплев теперь полностью берет на себя вину за ее состояние, считая, что оно является результатом провалившегося дебюта в роли Мировой души в его «логистическом» спектакле[1].

Некоторое время этот тезис удовлетворял нас, мы считали его исчерпывающим в отношении основного смысла произведения, пока не установили, что подводных камней в нем столько, сколько и неоспоримых моментов: специфика «Чайки» в том, что любое открытие в области ее поэтики оказывается вдохновляющим, но и очень недостаточным, ставящим новые вопросы…

Итак, стоит всмотреться пристальнее в Аркадину. Начинание это очень нелегкое, так как она почти не допускает кого-либо к себе. Ирина Николаевна – маска Чехова, и эта маска ведет действие, заставляя нас думать, что она – лицо подчиненное / периферийное. Если всё в этой пьесе и есть «театр» (хороший или плохой, полный или пустой, но театр), то мы можем рассмотреть единственную профессиональную актрису как режиссирующую индивидуальные судьбы связанных с ней персонажей сообразно готовым сюжетным схемам, которые она сама им (пред)оставляет и (пред)определяет: она проводит своеобразный «кастинг» для отдельных ролей и временами меняет исполнителей, чтобы посмотреть: а не подходит ли больше кто-нибудь другой для некоторых из ролей; после чего возвращает их на исходную позицию. Ирина – единственная внешне «умиротворенная» (согласно семантике своего имени), в то время как внутренне она вынуждена проигрывать некоторые из самых

[1] См: [Димитров 2006: 443–459].

трудных моментов своей жизни и потерять, как теряет антагонист в классической комедии. Только она претворяет художественные драматургические схемы (из «Гамлета») в жизнь – она применяет их внешне, демонстративно, она их отгадала, знает их «пробоины» и не верит в них полностью; все другие живут во вторично смоделированном мире сюжетов…

Но чтобы лучше понять образ, предложим несколько предварительных тезисов.

Среди литературоведов и театралов преобладает мнение, что на фоне остальных канонических чеховских драм «Чайка» стоит одиноко, отчужденно; рассматриваемые мотивы остаются скорее всего «скрытыми»; сюжет продуктивен для толкования, но в нем всегда что-то ускользает, требуется специфический подход, какое-то почти мистическое проникновение. Нам кажется, что медленное чтение (согласно термину Умберто Эко) этого произведения доказало бы его бесспорное сходство с остальными, а на каком-то этапе его толкования несомненно возникнут реминисценции с идентичными мотивами последующих во времени пьес – «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад». Но, в первую очередь хочется подчекнуть, что Чехов обычно предлагает стереотипную ситуацию: *историю женщины*, всегда отодвинутую на второй план, поглощенную внешней фабулой и размытую в социально-бытовом, коммерсиальном или экзистенциальном казусе (купля-продажа имения, дислокация военной части, риск возможной потери состояния или отдаление мечты, выглядевшей вплоть до недавнего времени вполне осуществимой). Это происходит, потому что персонажи этих пьес не интересуются непосредственно появляющимися проблемами, а прежде всего пытаются углубленно – внутри себя – понять, что такое любовь, не ограничиваясь уже существующими дефинициями. Их желание – открыть надежный способ, чтобы проверить, насколько подлинно охватившее их чувство.

Так мы доходим до проблемного узла, завязанного на поведенческом стереотипе. Русский человек смоделирован по литературному образцу, которому обычно подражает, пока не исчерпает его семантический потенциал. Впервые в литературе XIX-го века подобное поведение демонстрирует Татьяна в романе «Евгений Онегин», предопределяя тем самым в известной степени предопределяет склонность к подобному искушению со стороны женщин, чем со стороны мужчин.

Аркадина тоже подражает. Но все по порядку.

Начальный диалог в «Чайке» являет собой две литературные реминисценции, противопоставленные друг другу по шкале высокое – низкое. В имении Сорина, где протекает все действие, Маша, дочь управляющего, разговаривает с Медведенко, своим будущим супругом. Первые реплики более чем неожиданны для комедии:

МЕДВЕДЕНКО. Отчего вы всегда ходите в черном?
МАША. Это траур по моей жизни. Я несчастна.

В вопросе и ответе заложена модель диалогической структуры пьесы. Конкретика (траурная одежда) мгновенно превратится в метафору широкого семантического охвата (героиня выражает свою позицию по отношению к жизни вообще). Ситуация дается инверсно, о чем говорят первые слова между Гамлетом и Гертрудой во время ее свадьбы с Клавдием, суть которых в том, что траурная одежда прочитывается по – разному им и его матерью:

КОРОЛЕВА:
Что ж кажется тогда
Столь редкостной тебе твоя беда?
ГАМЛЕТ:
Не кажется, сударыня, а есть.
Мне «кажется» неведомы. Ни мрачность
Плаща на мне, ни платья чернота […]
Не в силах выразить моей души […]
Моя же скорбь чуждается прикрас
И их не выставляет напоказ.
(перевод Б. Пастернака)[1]

Именно напряжение между видимостью и скрытностью будет поддерживать интригу до самого конца. Вместе с тем, согласно кодификации своих имен, герои воспроизводят сказочно-бытовой русский сюжет «Маша и Медведь», который структурирует их отношения на основе взаимного вранья и неприязни. Красавица гнушается Зверя, а он никогда не превращается в Принца.

[1] Все цитаты из «Гамлета» приводятся в преводе Бориса Пастернака: https://rustih.ru/shekspir-gamlet (дата обращения: 26.10.2021).

Указываем на эти параллели, так как «Чайка» не только осваивает, но и порождает тексты. Перечислим основные. Кроме «Гамлета», Чеховым интегрированы еще пушкинская драма «Русалка» и повесть Мопасана «На воде» («Sur l'eau») – оба текста прямым образом процитированы в диалоге; в особо интересном ракурсе предстает и «Сон в летнюю ночь». «Чайка» стала отправным пунктом для появления многих произведений: авторизованные переводы Теннесси Уильямса и Тома Стоппарда, соответственно «Записная книжка Тригорина» (1980) и «Чайка» (1997), как и пьесы «Чайка» (2000) Бориса Акунина, «Нина. Вариации» (2003) Стивена Дитца и «Нина, или о непрочности набитых соломой чаек» Матея Вишнека (2008). Самый сильный, однако, в художественном отношении – роман Уильяма Сомерсета Моэма «Театр» (1937). Основная цель наших рассуждений ответить на вопрос о том, как в этом сопутствующем текстуальном массиве экспонирован образ Аркадиной.

Вернемся к тексту Чехова.

Имя героини стоит в самом начале списка dramatis personae с поясняющей характеристикой, которая не встречается нигде в другом месте: Ирина Николаевна Аркадина, *по мужу Треплева*, актриса. Треплевой она не названа нигде в действии, но раз недвусмысленно указано, что это ее фамилия «по мужу», она, очевидно, *не развелась* с отцом Константина. На третьей позиции ниже следует: Петр Николаевич Сорин, ее брат. По логике и законам именования в таком случае девичья фамилия Ирины Николаевны тоже должна быть Сорина (слово, вызывающее ассоциации со словом «ссора» – распря, дрязги, скандал, перебранка – в противовес доброму и сговорчивому ее брату), но она – Аркадина. Эта фамилия очевидно артистический псевдоним, выбранный самой героиней – весьма характерная черта того времени. Вокруг этого псевдонима в литературной критике строились многие спекуляции, предлагались всевозможные реминисценции в широком семантическом реестре как с мифической Аркадией[1], так и с популярным названием низкопробных увеселительных заведений (высокий / низкий план). «За время своего пребывания в поместье брата, – утверждает К. М. Захаров, – Аркадина пытается превратить окружающее пространство в настоящую Аркадию – счастливую землю, где царят любовь и искусство» [Захаров 2016: 183]. Но нельзя забывать пренебречь и последний «предикат»: «актриса». Он содержит в себе (авто)конфиденциальные смысловые уровни, которые будут раскрываться постепенно по ходу развертывания интриги.

Аркадина участвует, условно говоря, в четырех основополагающих для фабулы эпизодах (по одному в каждом действии), и произносит 109 самостоятельных реплик.

Первое действие вводит ее как зрителя на представлении ее сына с участием Нины. Аркадина входит непосредственно после экспозиции – коротких диалогов Маши и Медведенко, Сорина и Треплева, Треплева и Нины, Полины Андреевны и доктора Дорна, в которых речь идет и о ней. Она появляется последней во времени (Триумфальная Арка-дина), и событие начинается сразу же, после того как она занимает свое место в импровизированном зрительном зале (точно так, как повелевает протокол при появлении королевы, которая никогда не ждет). Необходимо отметить еще один факт. Согласно структуре действия Аркадина заполняет настоящую его часть – после того как она выходит на сцену, предстоит только один заключительный диалог между сильно расстроенным Треплевым и бессильно утешающими его Дорном и Машей.

И так как театральный спектакль – знаковый момент, остановимся на на нем подробнее. Нас волнуют следующие вопросы. Приходит ли Аркадина преднамеренно, чтобы смотреть пьесу своего сына? Ее спонтанные реакции во время действия, вызвавшие внезапный его перерыв, являются реакциями по отношению к кому – к автору пьесы или к исполнительнице? Или же по отношению к тексту? Здесь нужно место дать себе отчет в том, что как бы мы ни оценивали ее поведение, профес-

[1] Случайно или нет, но за четыре года до своего авторизованного перевода «Чайки» (1997), Том Стоппард пишет пьесу (позже ставшую особенно популярной) под подозрительно ассоциативным заглавием «Аркадия». Он задумывает перевод «Чайки» задолго до этого. Что касается Аркадиной, независимо играла ли она в «Даме с камелиями», или в каких-то дешевых комедиях, текст «Чайки» экспонирует ее недвусмысленно как шекспировскую героиню, поскольку она произносит заученные реплики из «Гамлета». В своем преводе Стоппард укрепляет ее амплуа с помощью видоизмененных цитат из «Макбета» и «Короля Лира», генерируя дополнительный потенциал образа.

сионал в ее лице смотрит любительский опыт и не проявляет снисхождения к увиденному. Кроме того, событие на языке театра можно определить как премьеру. Монолог Мировой души и для Нины, и для Треплева – своеобразный «экзамен» перед «комиссией», который обречен на провал. Аркадина (неформальный «председатель» и корифей оценивающих) «режет» их. С этого момента и далее им отказано в профессиональном занятии театральным творчеством, и они более или менее остаются любителями в нем. Большинство исследователей подчеркивают обмен репликами из «Гамлета» между матерью и сыном (в переводе Николая Полевого) перед началом спектакля. По мнению К. Захарова, «скучая по атмосфере театральной игры, Аркадина в бытовых ситуациях постоянно примеривает на себя некие роли, продиктованные, главным образом, ее репертуарным опытом» [Захаров 2016: 184]. Мы добавили бы: недостаточно констатировать очевидное, что Ирина Николаевна цитирует Гертруду, как не существенно то, играла ли она эту роль; беспредметно составлять нечто подобное «каталогу» ее ролей. Важен в этом случае факт, что она усваивает модель поведения Гертруды. Иначе говоря, любая чрезвычайная ситуация для нее, воспринимающей мир как театр с презумпцией предвидимости, потенциально опасна. В этом смысле дебют Треплева – это грубое вторжение в ее собственную область и пространство, а Нина превосходит ее своей молодостью, что героиня пытается обесценить. Она чувствует назревание потенциального заговора против себя, задуманного вопреки всем правилам драматического искусства. «Но если таким образом Аркадиной *под-ыгрывают*, она развивает намек на игру в полноценное действо. С этой минуты с готовностью вживается в роль Гертруды. В результате подобно тому, как не доигралась до конца в шекспировской трагедии сцена «Убийство Гонзаго», так и пьеса Треплева изначально обречена на то, чтобы быть прерванной» [Захаров 2016: 184]. Но это еще не все. В споре Аркадиной с Константином угадываются отношения с его отцом: он, может, и был актером не хуже ее, но она несомненно продемонстрировала более сильный характер; реализовала то, что, перефразируя Станиславского, можно назвать *работой актрисы над собой*.

В глаза бросается следующая реминисценция. Эпизод со спектаклем можно воспринять и как высокую пародию на идентичную сцену в конце пьесы «Сон в летнюю ночь». Там Тесей, Лизандр, Ипполита, Деметрий, Гермия и Елена смотрят зрелище ремесленников и таким же образом насмешливо комментируют сцены, сыгранные с огромной внутренней верой актерами-любителями. Вспомним, что определенные реалии повторяются буквально, среди которых чаще всего встречается луна:

> КЛИН
>
> «Хорошо, так и сделаем. Но имеются еще две трудности. Прежде всего – водворить в комнате лунный свет. Потому что, как вам известно, Пирам и Фисба встречаются при лунном свете».

И они, как Треплев в отношении Нины, приковывают внимание к своей игре, в которой предвидится будущее:

> ПИЛА
>
> Господа, герцог возвращается из храма, и кроме него там еще двое или трое кавалеров и дам поженились. Если бы наше представление состоялось, мы были бы устроенные люди[1].

Наконец, само («колдовское») озеро является трансформацией леса у Шекспира: оно околдовывает всех, давя на разум и активизируя иррациональное: действующие лица и в той, и в другой пьесе на определенное время пребывают как будто в состоянии гипноза, транса.

Второе действие начинается с Аркадиной. Обратим внимание на то, что, после того как в первом действии она буквально срывает усилия своего сына не только быть драматургом, но и режиссером, сейчас ее основная цель – показать себя актрисой, подчеркивая не только талант, но и свое усердие, а также безупречную работоспособность. Как обычно бывает, чеховские персонажи произносят реплики, которые не являются прямым выражением их состояния и настроения, а чаще всего скрывают или объясняют (подсказывают) подлинные мотивы их в какой-то степени необъяснимого и нелогичного поведения. Актриса унижает Машу, когда после признания, что Аркадина

[1] Все цитаты из комедии «Сон в летнюю ночь» приводятся в переводе Михаила Лозинского: http://lib.ru/SHAKESPEARE/midsummer.txt (дата обращения: 26.10.2021).

«почти в два раза взрослее» ее, вынуждает доктора подтвердить, что она моложавее Маши. Далее, когда появляется, Нина проявляет нескрываемое любопытство к книге, которую читает Ирина Николаевна:

Нина. Это вы что?

Аркадина. Мопасан «На воде», милочка. *(Читает несколько строк про себя.)* Ну, дальше неинтересно и неверно. *(Закрывает книгу.)* Непокойна у меня душа.

В реплике-ответе важно то, что Аркадина читает аналитически, оценивая прочитанное с точки зрения собственного житейского опыта, интуиции и прагматики: неверное неубедительно и как следствие – безынтересно. Именно нечто подобное увидела она в пьесе своего сына предыдущим вечером. Подтверждает его неожиданно и Нина, которая отвечает так предложению Маши:

Маша. У него нехорошо на душе. *(Нине, робко.)* Прошу вас, прочтите из его пьесы!

Нина *(пожав плечами)*. Вы хотите? Это так *неинтересно*!

Чуть позже выходит Аркадина, появляется Константин с застреленной им же чайкой, кладя ее в ноги Нины. Таким образом он не только метафорически обобщает случившееся до этого момента, но и символически предсказывает будущее: убийство чайки в такой же степени ошеломляюще и необъяснимо, как и его попытка самоубийства в третьем действии (эти два деяния остаются за кулисами). Далее происходит первая встреча наедине между Тригориным и Ниной – начало их флирта, который будет прерван снова Аркадиной. Теперь, однако, это только «голос» из-за кулис, призывающий Бориса пойти к ней, но чуть позже Аркадина сама выходит, чтобы сообщить ему, что отъезд отменяется.

Итак, обобщаем. После того как в первом действии Аркадина проявляет себя как театральный зритель и реагирует вызывающе и чрезмерно, хотя и не без основания, на участников спектакля, во втором действии ей особенно хочется подчеркнуть, что она непревзойденный и неоспоримый талант. Интересен факт, что, как бы Аркадина ни «играла» в своей жизни, что бы она ни говорила, ни разу в пьесе она не «поднимается» на сцену – у нас нет прямых впечатлений об ее актерских возможностях в конкретной роли[1]. Немалое число толкователей рассуждали над этой же проблемой, но самое любопытное то, что всем им хотелось видеть хотя бы одно перевоплощение Ирины Николаевны.

Наверное, при более глубоком вхождении в поэтику «Чайки» у читателя / зрителя появляется естественное желание и потребность быть свидетелем ее исполнения. Без действительного доказательства самомнение о ее таланте порождает скепсис. Первый, кто исправляет «пропуск» Чехова, это Сомерсет Моэм в своем известном романе «Театр», предложившем англицизированную прозаическую версию «Чайки» с вполне оправданными переносами как во времени, так и в реалиях. Место действия и имена героев, как и сюжет буквально повторяют ходы пьесы. Джулия Лэмберт – это практически Ирина Аркадина, которая отстраняет соперницу из-за ревности к своему молодому любовнику именно в партнерстве с ней на сцене, пожиная восхищение зрителей и критики. Это и есть отмщение Джулии / Ирины. В современных киноинтерпретациях можно наблюдать еще более прозрачный намек, когда одна и та же актриса – Аннетт Бенинг – выступает последовательно в двух ролях: Джулии Лэмберт в «Быть Джулией (Театр)» (2004, реж. Иштван Сабо) и Аркадиной в «Чайке» (2018, реж. Майкл Майер).

В третьем действии Аркадина оказывается в весьма неприятной ситуации: она напряженно раздваивается между тревогой в связи с попыткой самоубийства Костантина, импульсом, которую пока не совсем понимает, но которая серьезно ее тревожит, и очевидным увлечением Бориса Ниной, резонно подсказывающим ей, что надо как можно скорее увезти Тригорина из имения. Выделяется и еще одна, не менее досадная проблема: ревность со стороны ее амбициозного сына к уважаемому писателю, ее любовнику. Перечисляю события сжато и упрощенно, чтобы акцентировать внимание на «двойной» кульминации – на затянувшемся

[1] Аналогично, мы не видим, чтобы Тригорин писал – скорее всего он записывает, набрасывает идеи о будущих рассказах в своей знаменитой записной книжке, но мы не наблюдаем за ним в состоянии творческого процесса, а также не читаем то, что он написал.

конфликте, с одной стороны, в пьесе, а с другой – в сознании Ирины Николаевны.

Следует знаменитая сцена, в которой Аркадина меняет повязку на голове Треплева. Здесь впервые и только один раз в пьесе она проявляет материнскую заботу, оставаясь наедине с сыном, чего давно не происходило. Этот момент намеренно и нарочито напоминает 4-ую сцену III-го действия «Гамлета», где после смерти короля принц и королева – его мать – наконец одни, и как третий невидимый среди них присутствует призрак старого Гамлета. Момент реминисцентен как раз в онтологическом плане, о чем уже шла речь: «Чайка» весьма деликатно конкретизирует абстрактную каузальность шекспировской трагедии (смягчает ее пафос), в данном случае дефинируя ее по-своему – по-чеховски – как безотцовщину. Потому что в этот странный разговор между Ириной и Костантином имплицитно, но недвусмысленно вмешивается фигура его отсутствующего отца.

Что мы имеем в виду? В диалоге отец впервые упомянут самим Костантином до начала подготовляемого им спектакля, когда еще не появились Нина и его мать. Костантин разговаривает со своим дядей Петром Николаевичем Сориным, который пользуется самым большим доверием в окружающей его компании. Реплика дяди «Без театра нельзя»[1] вызывает монолог, начинающийся со знаменитой фразы: «Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно». К концу высказывания Треплев вводит интересующую нас подробность, которая звучит так: «...по паспорту я – киевский мещанин. Мой отец ведь киевский мещанин, хотя тоже был известным актером». Наверное, быть «мещанином», причем из Киева, не особенно престижно в артистическом мире, это травестирует социальное происхождение и дает основание культурной элите смотреть на имеющего такое родословие с недоверием и пренебрежением. Не будем забывать, что в разговоре в третьем действии Аркадина откровенно презрительно назовет своего сына точно так же, но в данном этом случае для нас намного важнее другой аспект, на который редко обращали серьезное внимание. Фраза «тоже был известным актером» звучит достаточно многозначительно. Из-за прошедшего времени не совсем ясно, знал ли Костантин когда-нибудь вообще своего отца. Этот факт колеблет постоянно и даже меняет его взгляд на мир, точнее говоря, объясняет его индивидуальную неполноценность (закомплексованность). Здесь встречаемся с одной из характерных чеховских загадок в тексте, которую режиссеры решают по ходу своей работы, обращаясь в сторону большей метафоричности спектакля[2]. В ситуации безотцовщины пребывает и Нина, но у нее все-таки *есть* отец, хотя она в серьезном конфликте с ним и сторонится его. О судьбе отца Костантина, однако, текст молчит, и только беглые намеки маркируют иначе далеко не безынтересную и существенную тему. В этом смысле и наши наблюдения, представленные в этом анализе, не могут пойти дальше гипотез и возможных предположений[3]. Верно то, что Аркадина и Треплев говорят о «навязчивом» Тригорине, а не об отце Константина. И впервые Константин обращает внимание своей матери на то, что она сама не замечает очевидное, что она снова под властью сюжетов, которые, может быть, и интересны, но приемлемы только лишь как фикция, иначе они лживы, опасны, не(досто)верны.

Иными словами, снова наблюдаем инверсию разговора между Гертрудой и Гамлетом. Если в шекспировской сцене мать подавлена и испугана видениями своего сына («...Все это плод твоей больной души. / По части духов бред и исступленье / Весьма искусны»), здесь молодой мужчина в своем праве сказать то же самое своей матери. Вспыльчивая реакция Аркадиной в защиту Тригорина на практике является вспыльчивой реакцией в защиту ее собственного сценария / проекта, который достаточно долго она строит и поддерживает

[1] Она особым образом перефразирует и подтверждает шекспировскую максиму: *All the World's a Stage* (Весь мир – театр).

[2] Примеров подобных загадок достаточно: знает или не знает Андрей Прозоров, что его супруга Наталия шляется с Протопоповым; умирает ли в конце «Вишневого сада» Фирс...

[3] Вот как Борис Акунин в своем римейке «Чайка» дополняет характеристику героини, данную ей Чеховым в списке действующих лиц. Если в оригинале она названа «Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса», здесь встречаем три существенных дополнения: «Ирина Николаевна Аркадина, *45 лет,* по *покойному* мужу Треплева, *знаменитая* актриса».

искусственными средствами. И самое важное – провал которого она предвидит. Именно поэтому она прилагает все свои усилия, чтобы вернуть себе любовника, особенно после его признания, что он очарован Ниной. Усилия эти увенчались успехом, выраженным в торжествующей фразе: «Теперь он мой». По поводу последнего хочется процитировать наблюдение Джерома Катселла:

> «В „Чайке“ нет никаких указаний на то, что Аркадина вообще читала Тригорина. Мы знаем, что она не прочла ни строчки из опубликованного Константином. Может, она боится увидеть собственный неприкрашенный портрет на страницах прозы Тригорина? [...] И Тригорин не только должен все время терпеть ее напыщенную игру в средних, а по большей части и второсортных пьесах – судя по всему, Константин прав в оценке актерских талантов матери – но ему так же приходится принимать ее вычурный мелодраматизм за реальные чувства в их личных отношениях. Тригорин променял свои самые высокие устремления, о которых он говорит Нине во втором действии, на бытовой комфорт и социальное положение – все это дала ему связь с Аркадиной. А то, что она играет мелодраматическую роль в собственной жизни, подчеркнуто в истерической сцене „возвращения“ Тригорина в третьем действии, особенно в ее финальной реплике, обращенной к самой себе: „Теперь он мой“» [Катселл 2016: 209].

Между третьим и четвертым действием наблюдается временной зазор, что весьма необычайно для Чехова. Прошло два года, и как будто все начинается с самого начала, только «наизнанку»: театр – скелет, чайка – препарирована, Нина – бледное подобие невинной девушки в роли Мировой души, Аркадина, после всего пережитого в связи с любовными аферами Бориса с Заречной, как-то свыклась с ними, выглядит равнодушно-циничной. Она снова появляется позже остальных, но на этот раз приезжает из Москвы с Тригориным. И почти сразу садится играть в лото. Именно в игре произошла последняя встреча Костантина с Ниной. Снова перед нами опыт театра в театре, реализованный сейчас как сентиментальное припоминание отдельных, оказавшихся пророческими, реплик из той, так и не законченной пьесы о Мировой душе. Финал ясен: Костантин стреляется, д-р Дорн пытается скрыть трагедию и, стараясь не привлекать внимания, просит Тригорина увести Ирину Николаевну.

В этой ситуации нас интересует не столько событийный, сколько психологический казус «Чайки», если точнее – очень сложный и разгаданный не до конца финал. Наше предположение заключается в том, что смысл финала намного глубже: он реализует два главных архетипных мотива – самоубийство и безотцовщину – в их причинно-следственной соотнесенности. Как именно?

Мы рассматриваем «Чайку» как пьесу, выявляющую созревание и, респективно, «распад» мотивов. Припомним сказанное драматургом в письме к А. С. Суворину 4 июня 1892 г.:

> «Есть у меня интересный сюжет для комедии, но не придумал еще конца. Кто изобретет новые концы для пьес, тот откроет новую эру. Не даются подлые концы! Герой или женись или застрелись, другого выхода нет» [Чехов 1977: 72].

Интересен факт, что в написанной всего три года назад драме «Иванов» самоубийство героя в день его свадьбы является не сочетанием несочетаемого и не попыткой достигнуть оригинального конца путем переплетения двух трафаретных финалов, а скорее отказом от того и от другого, в результате чего ожидаемая ситуация свадьбы-смерти, скорее, становится объектом иронии. Как правило, Чехов вводит любую очередную проекцию определенного социопсихологического типа упрощенно, сохраняя отдельные детали, которые делают каждый следующий «проще», но зато загадочнее и многозначительнее. Концепт его драматургического мышления состоит в том, чтобы персонаж был не до конца смоделирован, а театральная интерпретация могла бы осуществить это согласно своим собственным намерениям. В этом смысле первое, что «теряют» его герои, это память: Тригорин забыл об убитой чайке («вычеркнул» из своего сознания), и, даже когда Шамраев напоминает ему факт, что ее препарировали по его идее, он снова не понимает, о чем идет речь. Это происходит с писателем Тригориным в самой пьесе. Но в творчестве Чехова долго присутствуют образы, которые созревают поэтапно. Так, например, Катя (Екатерина Владимировна) из «Скуч-

ной истории» (1899) – несомненный первообраз Нины Заречной[1] – знает то, чего Нине не хватает, – интеллектуальных возможностей понять, что она неталантлива. Нина, лишенная осознания своего таланта, подчиняется инерции как в искусстве, так и в своем продолжающемся увлечении Тригориным. Эмоция в ней берет верх над памятью, а в более широком плане – над разумом.

В связи с анализом финала уместно задаться вопросом: понимает ли Ирина Николаевна, что с ее сыном случилось что-то фатальное? Нина наверняка не понимает. Но с Аркадиной все гораздо сложнее. Костантина часто сравнивают с Гамлетом, но не будем забывать, что принц категорически, несмотря на допущенную мысль, отказывается посягнуть на свою жизнь[2], в то время как ему наконец удается застрелиться, хотя он и заставлял других сомневаться в этом (сколько этих попыток мы не знаем; попытка в третьем действии – типологична). Как и почему? Обратим внимание на то, что о его смерти сообщает доктор Дорн, но в известии налицо существенный недостаток: доктор надеется на то, что все поверят ему на слово. По стечению обстоятельств ближе всех к месту происшествия оказывается Тригорин, который, как и остальные, не реагирует *логически*, он не проявляет любопытства увидеть мертвое тело, чтобы убедиться в достоверности случившегося, каким должен быть правильный инстинктивный ход. Уязвимость сказанного Дорном в том, что тела нет, а чему он стал свидетелем, остается загадкой. И чтобы не впасть в конспирологическую теорию Бориса Акунина, который именно на этой «пробоине» строит свой криминальный сюжет «Чайки», отметим, что пьеса – при всей парадоксальности наблюдения – не интересуется достоверностью случившегося и даже не нуждается в необходимости подтверждения самоубийства. Она ненавязчиво, но категорически переносит свое (и наше) внимание на Аркадину. После *раздавшегося* выстрела и успокаивающих слов Дорна, что лопнула склянка с эфиром в его походной аптеке, Аркадина произносит свою последнюю реплику: «Фуй, я испугалась. Это мне напомнило, как… *(Закрывает лицо руками.)* Даже в глазах потемнело…». Если другие теряют свою память, в ее случае память «возвращается». Реплика актрисы *«Это мне напомнило, как…»* ставит ее в ситуацию *déjà*-vu, а обычное и самое распространенное предположение состоит в том, что в этот момент она вспоминает о прежней попытке своего сына застрелиться. Нам кажется, что, не упраздняя эту ассоциацию, слова Аркадиной отсылают к другому, более существенному и мучительному событию. Костя отягощен наследственностью и, возможно, повторяет акт, совершенный его отцом. Это, однако, не означает, что он стал свидетелем подобного поступка, но его мать очевидно была. Функция призрака из «Гамлета», носителя абсолютного знания ситуации – ее предыстории и актуального состояния – в «Чайке» доверяется Аркадиной.

Она не хочет поделиться тем, что знает, более того, умалчивает о нем, иллюзорно надеясь его забыть. Но Костя постоянно напоминает ей об этом и упрямо заставляет возвращаться к допущенным ею ошибкам.

Что в этот момент кроется за выражением ее лица, кроме естественного испуга, может сыграть актриса, воплощающая ее на сцене. Но выстрел, который Аркадина почувствовала ретроспективно, является *ее* травмой, сопутствующей ей все эти годы, пока рос ее сын. Теперь она как бы прерывает галлюцинацию, освобождаясь от бремени чужой-инежеланной-плоти-в-себе, зачатой от нелюбимого мужа. Позволяя себе гиперинтерпретацию текста, отметим полисемантическую возможность подобного казуса, *допущенную* самой супружеско-сыновней фамилией: *Треплев*. Собственное имя, производное от корня «треп», в русском языке не зафиксировано, фамилия представляет собой отглагольное существительное от «трепать» с негативными коннотациями в сторону «рвать, кусать, портить, повреждать, клеветать, шляться» и еще «драть, бить, молотить, колотить, лупцевать, биче-

[1] Она тоже актриса и рожает ребенка (скончавшегося совсем маленьким) от человека, которого она самоотверженно любит, но, обманутая им, разочаровывается и собой, и своей профессией.

[2] «О, если б ты, моя тугая плоть / Могла растаять, сгинуть, испариться! / О, если бы предвечный не занес / В грехи самоубийство! Боже! Боже! / Каким ничтожным, плоским и тупым / Мне кажется весь свет в своих стремленьях! / О мерзость!» («Гамлет», I действие, 2 сцена).

вать», что подсказывает возможный мазохистский комплекс, послуживший началом родового прозвища, переросшего в стилизованную фамилию. Подобный аспект наследственности подсказан ненавязчиво еще в списке действующих лиц, притом двукратно – в первый раз, как неупотребляемая (и невалидная в смысловом аспекте) фамилия матери, и, во второй, как «клеймо» – психофизический недуг сына; и «ждет» своего осуществления до самого конца диалога.

И последняя гипотеза по поводу «гамлетовских реминисценциий». Возможно ли невидимое тело Костантина воспринять как инверсию раскрывшегося за гобеленом мертвого Полония, которым, однако, здесь – в «Чайке» – никто не интересуется? Скрывается ли за условным «гобеленом» Треплев, и что изображено на этом гобелене? Особой выразительностью отличалась бы стилизованная чайка – та самая, которую сегодня репродуцирует и знаковый занавес МХАТ им. Чехова. Может ли быть экстатичным самоубийство, случившееся *за кулисами*? И не становится ли самоубийство Костантина облегчением для Аркадиной, которая только сейчас наконец освобождается от его *отца*, который умирает окончательно со смертью ее *сына*.

«В шедеврах несомненного искусства, – утверждает Владимир Лакшин, – в самом деле не все покоряется привычным методам исследования, основанным на здравом смысле» [Лакшин 2013: 406]. Присоединяемся к сказанному, уточняя, что в «Чайке» автор раскрывает не просто внутреннюю последовательность алогичного, он предлагает алгоритм работы чеховеда над собой.

Литература

Акунин, Б. Чайка. Комедия в двух действиях / Б. Акунин. – URL: http://www.akunin.ru/knigi/prochee/chaika (дата обращения: 11.07.2021). – Текст : электронный.

Димитров, Л. Да бъдеш шут в играта на съдбата. Руската драматургия от XIX век. Херменевтика на канона / Л. Димитров. – София, 2006.

Димитров, Л. Да разсмиваш Мелпомена, или Чехов на големия път към драмата / Л. Димитров. – София, 2013.

Доманский, Ю. Чеховская ремарка: некоторые наблюдения / Ю. Доманский. – Москва, 2014.

Захаров, К. М. Роль Аркадиной в комедии А. П. Чехова «Чайка» / К. М. Захаров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2016. – Т. 16, вып. 2. – С. 182–186.

Катаев, В. Б. Литературные связи Чехова / В. Б. Катаев. – Москва, 1989.

Катселл, Дж. Х. «Чайка» Чехова и «На воде» Мопассана / Дж. Х. Катселл // «Чайка». Продолжение полета. – Москва, 2016. – С. 206–218.

Лакшин, В. Провал. К загадкам Чеховской «Чайки» / В. Лакшин // Театральное эхо. – Москва, 2013. – С. 406–426.

Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 5. Письма / А. П. Чехов. – Москва, 1977. – С. 72.

Чехов, А. П. Чайка / А. П. Чехов. – URL: https://ilibrary.ru/text/971/p.1/index.html. – Текст : электронный.

Шекспир, У. Гамлет / У. Шекспир ; перевод Б. Пастернака. – URL: https://rustih.ru/shekspir-gamlet (дата обращения: 26.10.2021). – Текст : электронный.

Шекспир, У. Сон в летнюю ночь / У. Шекспир ; перевод М. Лозинского. – URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/midsummer.txt (дата обращения: 26.10.2021). – Текст : электронный.

Chekhov, A. P. The Seagull. A version by Tom Stoppard / A. P. Chekhov. – London : Grove Press, 2018.

Tennessee, W. A Notebook of Trigorin. A Free Adaptation of Chechkov's The Sea Gull / W. Tennessee. – New York 1997.

References

Akunin, B. *Chaika. Komediya v dvukh deistviyah* [The Seagull. Comedy in Two Acts]. URL: http://www.akunin.ru/knigi/prochee/chaika (mode of access: 11.07.2021).

Chekhov, A. P. (1977). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30-ti tomakh* [Complete Collected Works, in 30 vols.]. Vol. 5. Pis'ma 5. Moscow, p. 72.

Chekhov, A. P. *Chaika* [The Seagull]. URL: https://ilibrary.ru/text/971/p.1/index.html.

Chekhov, A. P. (2018). *The Seagull. A version by Tom Stoppard*. London, Grove Press.

Dimitrov, L. (2006). *Da budesh shut v igrata na sdbata. Ruskata dramaturgiya ot XIX vek. Hermenevtika na kanona* [To Be a Clown in the Fate's Game. Russian Drama of the Nineteenth Century. Hermeneutics of the Canon]. Sofia.

Dimitrov, L. (2013). *Da razsmivash Melpomena, ili Chekhov na golemiya pt km dramata* [To Make Melpomene laugh or Chekhov on the Big Road to Drama]. Sofia.

Domansky, Yu. (2014). *Chekhovskaya remarka: nekotorye nablyudeniya* [Chekhov's Srage-Direction. Some Observations]. Moscow.

Kataev, V. B. (1989). *Literaturnye svyazi Chekhova* [Chekhov's Literary Contacts]. Moscow.

Katsell, Dzh. H. (2016). «Chaika» Chekhova i «Na vode» Mopassana [Chekhov's "The Seagull" and Maupassant's "On the Water"]. In «*Chaika*». *Prodolzhenie poleta*. Moscow, pp. 206–218.

Lakshin, V. (2013). Proval. K zagadkam Chekhovskoi «Chaiki» [To the Mysteries of Chekhov's "The Seagull"]. In *Teatralnoe ekho*. Moscow, pp. 406–426.

Shekspir, W. *Son v letnyuyu noch'* [Midsummer Night's Dream] / transl. by M. Lozinsky. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/midsummer.txt (mode of access: 26.10.2021).

Shekspir, W. *Gamlet* [Hamlet] / transl. by B. Pasternak. URL: https://rustih.ru/shekspir-gamlet (mode of access: 26.10.2021).

Tennessee, W. (1997). *A Notebook of Trigorin. A Free Adaptation of Chechkov's The Sea Gull*. New York.

Zaharov, K. M. (2016). Rol' Arkadinoi v komedii A. P. Chehova «Chaika» [The Role of Arkadina in Chekhov's Play "The Seagull"]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. Vol. 16. Issue 2, pp. 182–186.

Данные об авторе

Димитров Людмил – доктор филологии, профессор кафедры русской литературы Факультета славянских филологий, Софийский университет им. Св. Климента Охридского (София, Болгария).

Адрес: 1504, Болгария, София, Бул. «Цар Освободител» № 15.

E-mail: ljudiv@abv.bg.

Authors' information

Dimitrov Lyudmil – PhD, Professor of Department of Russian Literature of Faculty of Slavic Philologies, Sofia University St. Kliment Ohridski (Sofia, Bulgaria).

УДК 821.161.1-1. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-06. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-45.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

КНИГА / ЛИТЕРАТУРА / БИБЛИОТЕКА КАК АНТИЦЕННОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ В. БРЮСОВА И А. БЛОКА

Чавдарова Д.
Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Шумен, Болгария)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8076-0146

Аннотация: Наряду с мифологизацией (аксиологизацией) книги / литературы / библиотеки в русской литературе проявляется и другая тенденция: бегство от книг. Творчество символистов занимает важное место в контексте литературных интерпретаций этой идеи. Задача настоящего текста – раскрыть концептуализацию книги / литературы / библиотеки в художественной концепции символистов, следуя за направлениями тематологии, концептологии и интертекстуальности, а также используя инструментарий семантического анализа поэтического текста. Наблюдения показывают, что в некоторых стихотворениях В. Брюсова и А. Блока книге / литературе противопоставляется «настоящая» жизнь. Этой своей концептуализацией книги упомянутые поэты развивают идеи сентиментализма (воплощенные в «Страданиях юного Вертера» Гете), романтический скепсис по отношению к «плодам» цивилизации, идеи Пушкина, Гончарова, Достоевского, Чехова о негативных последствиях литературности человека. Отрицание библиотеки в творчестве символистов мотивировано также апологией революции, которая включает идею скифского начала русской культуры, противостоящего «дряхлой» европейской культуре. Это приводит к выводу, что идея «естественного человека», развивающаяся в европейской литературе, приобретает в поэзии А. Блока и В. Брюсова специфически русские измерения.

Ключевые слова: Брюсов; Блок; символизм; библиотека; книга

THE BOOK / LITERATURE / LIBRARY AS A ANTI-VALUE IN THE WORKS OF V. BRYUSOV AND A. BLOK

Dechka Chavdarova
Konstantin Preslavski University of Shumen (Bulgaria)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8076-0146

Abstract: In Russian literature, alongside the mythologization of book / literature / library, an idea is developed of the escape from book. The work of symbolist poets holds an important place amid the literary interpretations of this idea. The present text aims to uncover the conceptualisation of book / literature / library in the artistic concept of symbolism by following the course of thematology and conceptology, as well as using the instrumentarium of semantic analysis of poetic text. The observations show that in poems by V. Bryusov and Al. Blok the value of "real" life is opposed to book / literature / library. With this artistic concept the poets elaborate the ideas of sentimentalism (embodied in Goethe's Werther), the romantic skepsis as to the fruits of civilization, the ideas of Pushkin, Goncharov, Dostoevsky, and Chekhov about the negative aspects of "literary man". The negation of library in symbolist poets is also motivated by an apology of revolution, which in their body of work incorporates the specifically Russian idea of the Scythian element in Russian culture, coming to annihilate the old European culture. This draws the conclusion that the idea of "natural man", developing in European literature, obtains in the poetry of Al. Blok and V. Bryusov specifically Russian dimensions.

Keywords: Bryusov; Blok; symbolism; library; book

Для цитирования: Чавдарова, Д. Книга / литература / библиотека как антиценность в творчестве В. Брюсова и А. Блока // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 76–84. – DOI: 10.51762/1FK-2021–26-04-06.

For citation: Chavdarova, D. (2021). The Book / Literature / Library as a Anti-Value in the Works of V. Bryusov and A. Blok. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 76–84. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-06.

© Д. Чавдарова, 2021

Литература не только является частью мировой Библиотеки, она способна создавать свой образ Библиотеки, то возвышая, то снижая ее в соответствии с идеями разных культурных эпох и литературных формаций. Утверждение ценности книги / Библиотеки писателем закономерно и логично. Симптоматично, что самое воздействующее предупреждение об опасности уничтожения Библиотеки прозвучало именно в литературе (антиутопия Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»). Отрицание книги / Библиотеки в литературе – акт, в котором скрыто самоотречение, исполненное глубоким и неоднозначным смыслом, вызывает у литературоведов сильный интерес. Парадоксальность обращения пишущего человека против книг подсказывает болгарский литературовед Никола Георгиев на примере Руссо, который «сам является страстным сочинителем книг» [Георгиев 2004]. Генезис проблематизации библиотеки в европейской литературе можно открыть в сентименталистком отрицании книги во имя «настоящей» жизни и органики чувства, или из-за ощущения бессмысленности всех начинаний, порожденного несчастной любовью («Страдания юного Вертера» Гете), а также в идее Гете из «Фауста», воплощенной в стихах «Суха теория: мой друг / А древо жизни вечно зеленеет». М. Матвеев открывает отзвук этой идеи в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» – в образе Воланда, который располагается на крыше Публичной библиотеки в Москве и изгоняет оттуда Левия Матвея [Матвеев 2003 А]. Обращение упомянутого исследователя к образу библиотекаря / библиотеки в русской литературе свидетельствует о том, что интерес к данной проблематике проявляют не только литературоведы, но также социологи, педагоги, специалисты по библиотечному делу. В цикле статей, опубликованных в журнале «Библиотечное дело», М. Матвеев прослеживает развитие образа библиотекаря / библиотекарши в русской литературе XX века (в произведениях И. Бабеля, К. Вагинова, В. Каверина, М. Чернокова, М. Булгакова, А. Лиханова, в литературе соцреализма 1930–1980-х годов), извлекая типологию этого образа, раскрывая знаковость библиотеки в стереотипном сюжете соцреалистической прозы и выясняя мотивировку отрицательного знака библиотекаря / библиотеки [Матвеев 2003 А, 2003 Б, 2003 В, 2004, 2008]. В другом своем тексте исследователь связывает образ библиотеки в культурном сознании с философскими идеями XX века (позитивизмом, фрейдизмом, постмодернизмом), что демонстрирует более широкий культурологический подход к теме [Матвеев 2008]. В литературоведении интерес к фигуре библиотекаря связывается с актуальностью тематологии (в данном случае речь идет об исследованиях тематизации профессий в литературе), а также концептологии[1].

Расширение контекста проблематизации книги / библиотеки в русской литературе предполагает обращение к осмыслению чтения писателем, которое можно проследить, начиная с литературы XIX века и до наших дней. В произведениях русских классиков чтение и библиотека / книжный шкаф как важный элемент интерьера дворянского дома обычно аксиологизированы, но в некоторых случаях их ценность поставлена под вопрос с разных точек зрения: романтического скепсиса (в образе Евгения Онегина), идеи Vanitas («Пари» Чехова), руссоисткого идеала «естественного человека» («Казаки» Толстого), идеи русской естественности («Обломов» Гончарова). Произведения русской литературы являются часто и металитературными текстами, создающими образ самой литературы, то мифологизируя ее, то подсказывая опасность литературности восприятия жизни (образы Татьяны Лариной у Пушкина[2], «человека из подполья» у Достоевского, Лаевского в «Дуэли» Чехова) [Чавдарова 1997]. В рамках конвенций реализма упомянутые классики противопоставляют фикциональному миру литературы жизнь, утверждая представление об ее

[1] Концептология является ведущим направлением в современной лингвистике, при чем исследователи часто анализируют семантический объем концептов на материале литературных произведений. Для раскрытия концептуализации определенных понятий / явлений в творчестве писателя нужно однако выйти за границы чисто лингвистического анализа. В настоящем тексте объектом анализа является концепт книга / библиотека.

[2] Как известно, интерпретация литературности Пушкиным содержит полемику с поэтикой сентиментализма. Нужно уточнить, что, несмотря на эту полемику, литературность восприятия героини аксиологически двойственна: она чревата опасностью, но, вместе с тем, является средством познания себя и других, ответа на вопросы «Кто он?» и «Кто я?».

сложности и нетождественности литературным моделям. С точки зрения литературной аксиологии, опираясь на эти примеры, можем говорить о чтении как «негативной ценности» [Tyszczyk 1992].

В начале XX века в русской литературе усиливается усомнение в ценности книги/библиотеки, что можно связать с идеями, характерными для fin de siècle – усталостью от культуры, чувством ее кризиса. В стихотворении И. Анненского «Идеал» 1904 г. объектом горькой иронии является возможность постижения смысла бытия при помощи чтения: «И там, среди зеленолицых, / Тоску привычки затая, / Решать на выцветших страницах / Постылый ребус бытия» [Анненский 1988: 36]. Приведу по этому поводу высказывание одного из исследователей стихотворения – Н. Налегач: «Таким образом, рождается сложный символ болезненности и мертвящей опасности, таящейся в самом процессе чтения, в приобщении к чужому опыту» [Налегач 2006]. В стихотворении Ив. Бунина «Вечер» чтение проблематизировано с иной точки зрения – ценностного противопоставления жизни книге: «Окно открыто. Пискнула и села / На подоконник птичка. И от книг / Усталый взгляд я отвожу на миг»[1] [Бунин 1987: 247].

Отрицание ценности книги / литературы (поэзии) / библиотеки получает специфическую интерпретацию в творчестве (художественном и публицистическом) русских символистов. Парадоксальность такого отрицания раскрывается особенно ярко в контексте аксиологизации творчества в художественной концепции символистов и литературности / текстуальности их жизни. Тем не менее проблематизация чтения / книги в поэзии символизма имеет свое объяснение: это обращение к романтической традиции и, в частности, к идее бегства от цивилизации в поисках естественности (не случайно определение «неоромантизм» в исследованиях этого литературного направления).

В поэзии В. Брюсова упомянутая идея входит в противоречие с представлением о ценности книги / литературы: в стихотворении «Творчество» 1895 г. представлена апология фикционального мира искусства, при чем значение 'сотворенность' подчеркнуто тавтологическим выражением «созданные создания»: «Тайны созданных созданий / С лаской ластятся ко мне, / И трепещет тень латаний / На эмалевой стене» [Брюсов 1972: 16]. Двойственность концептуализации книги у Брюсова выражена в столкновении двух противоположных идей в стихотворении «У себя» 1901 г., в котором библиотека является знаком дома («Да, не ошибся я – я дома; / Цветы обоев, цепи книг»), но лирический «я» противопоставляет этот дом другому, более совершенному миру: «Но чую блеск иного света / Возможность новых совершенств!». Он осмысливает прежнюю духовную жизнь, прежнее вдохновение с помощью метафоры «остывший огонь», а свое преображение – сравнением со змеей, сбрасывающей свою кожу: «Я старый пепел не тревожу, – / Здесь был огонь и он остыл / Как змей на сброшенную кожу, / Смотрю на то, чем прежде был». Другой мир, в который лирический «я» убегает как от книг, так и от любви, воплощенной в мертвых знаках женских писем, это мир природы:

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И не жива, а холодна

Лучей зрачки горят на росах,
Как серебром все залито…
Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду, иду! Со мной – никто! [Брюсов 1972: 84]

В стихотворении «L'ennui de vivre» («Скука жизни») 1902 г. находит отклик романтический скепсис по отношению к любви, мыслям, книгам. Лирический «я» Брюсова, отождествленный с самим поэтом именем «Валерий Брюсов», актуализирует скуку Евгения Онегина, которому надоедают и любовные авантюры, и светские развлечения, и книги[2]. В первой строфе развита тема усталости от жизни, от времени, означенном календарем, порождающей отрицание социальной роли поэта («Я жить устал среди лю-

[1] Эту идею Бунин развивает в своем рассказе «Книга» 1924 г.

[2] В. Брюсов ценит очень высоко Пушкина. В своем стихотворении «Первая русская книга после далеких скитаний…» он мифологизирует книгу Пушкина как знак Родины. Преклонение перед поэтом выражено также в научных исследованиях Брюсова, посвященных его творчеству.

дей и в днях / Устал от смены дум, желаний, вкусов, / От смены истин, смены рифм в стихах. / Желал бы я не быть „Валерий Брюсов“» [Брюсов 1972: 121]. Распад идентичности, дистанцирование поэта от его созданий находит выражение в персонификации стихов, которые не только начинают жить своей жизнью, независимо от своего создателя, но даже враждебно настроены к нему. Разочарование в книгах воплощено в метафоре «слова из книг истлевших в сердце-склепе» со значением ‘смерть книги’: «Со мной стихи мои бегут, крича, / Грозят мне замыслов недовершенных тени, / Слепят глаза сверканья без числа / (Слова из книг, истлевших в сердце-склепе)». Последние два стиха осуществляют переход к второй строфе, в которой развита тема разочарования в женщинах и любви: «И женщин жадные тела / Цепляются за звенья цепи» [Брюсов 1972: 122]. Тема третьей строфы – мысли, которые персонифицированы и приобретают разные обличья («думы светлые, как ангел божий», «думы гордые […] оскверненные притворством и игрой», «думы-женщины», «думы-карлики»): «Куда б я ни бежал истоптанной дорогой, / Они летят, бегут, ползут за мной!» [Брюсов 1972: 122]. Третья строфа привлекает сильнее всего наше внимание с оглядкой на тему библиотеки – в ней поэт интерпретирует культ лирического «я» к книгам и разочарование в них:

А книги… Чистые источники услады,
В которых отражен родной и близкий лик,
– Учитель, друг, желанный враг, двойник –
Я в вас обрел все сладости и яды!
Вы были голубем в плывущий мой ковчег
И принесли мне весть, как древле Ною,
Что ждет меня земля, под пальмами ночлег,
Что свой алтарь на камнях я построю…
С какою жадностью, как тесно я приник
К стоцветным стеклам, к окнам вещих книг,
И увидал сквозь них просторы и сиянья,
Лучей и форм безвестных сочетанья,
Услышал странные, родные имена…
И годы я стоял, безумный, у окна!
Любуясь солнцами, моя душа ослепла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И все мои мечты распались горстью пепла.
[Брюсов 1972:122]

Интерпретация книги в этом фрагменте содержит утвердившиеся в русской литературе метафоры «книга-друг», «книга-Учитель», но добавляет к ним противоположные по семантике метафоры «книга-враг», «книга-двойник». Антиномическое представление о книге выражено также оксюмороном «желанный враг» и антитезой «сладости и яды». Введение библейской символики – отождествление лирического «я» с Ноем – придает книге сакральность, определяя ее метафорически как «голубь, принесший Ною благую весть». Замкнутость в библиотеке осмысливается как восприятие мира сквозь калейдоскоп, или сквозь окно «вещих» книг, приведшее к испепелению, ослеплению души. Таким образом поэт-символист продолжает интерпретацию вторичности мироощущения «литературного» человека, нашедшую место в русской литературе XIX века (о чем упоминалось в начале статьи). Нужно отметить, что в конвенциях реализма утверждается «реальность» жизни в противовес фикциональности литературы, в то время как в конвенциях символизма созданному миру литературы противопоставляется ценность самой природности жизни. Брюсов предлагает свою интерпретацию проблемы, подсказывая аксиологическую двойственность книжного восприятия мира при помощи парадоксального образа ослепляющего взгляда. Последняя строфа продолжает тему преклонения лирического «я» перед создателями книг и потери собственного слова («О гордые творцы торжественных поэм, / Которым отроком я отдал дрожь и слезы. / Вы вырвали язык из уст моих – я нем, / И собственных речей не обретают грезы»). Парадокс в этом случае скрыт в противоречии между высказыванием «я нем» и актом самого поэтического высказывания, при чем многословного и искусного. Мотив немоты вызывает ассоциации с романтической идеей невыразимости, чья интерпретация также содержит парадокс[1].

В упомянутой строфе Брюсова вводится и новая тема, антитетичная теме книг: утверждение «настоящей» жизни:

О, если б все забыть, быть вольным, одиноким,
В торжественной тиши раскинутых полей

[1] Ярче всего эта идея выражена в стихотворении В. Жуковского «Невыразимое» 1819 г. и в стихотворении Ф. Тютчева «Silentium» 1830 г.

Идти своим путем, бесцельным и широким,
Без будущих и прошлых дней.
Срывать цветы, мгновенные, как маки,
Впивать лучи, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мраке,
Без горькой радости воскреснуть вновь
и вновь! [Брюсов 1972: 123]

Библиотека и жизнь в цивилизации противопоставлены органическому существованию, природности на основе оппозиций время / календарь – вечность, несвобода – свобода, целесообразность – бесцельность, мертвое – живое, знание – забвение.

Отбрасывание книги / литературы во имя жизни интерпретирует также А. Блок. В стихотворении 1908-го года «Когда вы стоите на моем пути» лирический «я»-поэт осмысливает собственное слово как умерщвляющее: «Ведь я – сочинитель, / Человек, называющий все по имени, / Отнимающий аромат у живого цветка». Художественное видение Блока диалогизирует с романтической иронией Лермонтова в стихотворении «Не верь себе» (1839). Эта ирония мотивирует в стихотворении Блока отказ от любимой и отступление места в любовном романе другому – не поэту, обыкновенному человеку (жест, который порождает другой межтекстовой диалог – со стихотворением Тютчева 1839 г. «Не верь, не верь поэту дева»[1]):

И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и небе. [Блок 1980:76]

Высказывание «рифмованные и нерифмованные речи о земле и небе» означает вторичную, отраженную жизнь в поэзии, но в нем закодирована и идея о разных степенях поэтической организованности и, следовательно, искусственности: на основе подобной градации определение «нерифмованные» актуализирует значение ‘свобода’ в термине «свободный стих» (vers libre). В семантической структуре стихотворения Блока свободный стих получает значение ‘естественность, аутентичность’. Связь стихосложения со смыслом стихотворения раскрывает Е. Эткинд. Литературовед задается вопросом: почему Блоку понадобилось отойти от обычной ритмической формы стихов? Изложив содержание стихотворения, он приходит к выводу, что «сама форма стихотворения отходит от литературных, условнопоэтических речей – она как бы воспроизводит непосредственную, предельно искреннюю интонацию разговора вполголоса, разговора, не нуждающегося ни в каких ухищрениях литературной формы» [Эткинд 2010: 103].

Тема бегства от книг в „настоящую“ жизнь развита и в стихотворении «Она пришла с мороза… » того же года, тоже в форме верлибра:

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на́ пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Все это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбета».

Едва дойдя до п у з ы р е й з е м л и,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески
[Блок 1980: 77 – разрядка автора].

[1] Жест лирического «я» Тютчева имеет однако другой смысл: любовь поэта у него осмысляется как испепеляющая, убивающяя, – что в сущности утверждает силу поэзии и истинности чувства ее создателя. Стихотворения Тютчева и Лермонтова появляются в одном и том же году – 1839-м, что подсказывает возможность диалога (полемики) между двумя поэтами. Блок, развивая идею Лермонтова, со своей стороны полемизирует с Тютчевым.

Оппозиция 'жизнь – книга' выстраивается в художественном тексте при помощи противопоставления открытого пространства замкнутому. Нарушение закрытого пространства (дома лирического «я») осуществляется лирической героиней. Внешний мир получает значения 'простор' и 'жизнь', закодированные в высказываниях «она пришла с мороза», «аромат воздуха», «раскрасневшаяся», «звонким голосом». Эти высказывания создают представление о восприятии внешнего мира всеми чувствами, что является дополнительным знаком утверждения жизни и природности. Текст содержит однако и значения, которые нейтрализуют упомянутую пространственную оппозицию и придают лирической героине противоречивость: она вносить с собой жизнь, но, одновременно с этим, оказывается подвластной конвенциям культуры, играющей роль, неестественной. Противоречивость закодирована в высказывании «аромат воздуха и духов», в котором фонетически близкие слова «воздух» и «духи» имеют противоположные коннотации – 'природа' и 'цивилизация'. С точки зрения нашей темы симптоматично, что книга тоже превращается в знак конвенциональности и претенциозности: лирическая героиня вносит «толстый том художественного журнала» – жест, который лирический «я» оценивает как «досадный» и «нелепый». Отрицательный знак книги дополнен ее воздействием на пространственные восприятия хозяина дома, она создает у него чувство тесноты: «И сейчас же стало казаться, / Что в моей большой комнате / Очень мало места». Тема книги развивается в тексте и при помощи мотива совместного чтения влюбленных, характерного для поэтики сентиментализма. Блок трансформирует семантику этого мотива, разрушая созвучие между природностью и книгой и подсказывая конфликт между этими двумя понятиями / ценностями: совместное чтение «Макбета» прерывается новым нарушением замкнутого пространства – на этот раз движением изнутри наружу, осуществленным взглядом через окно – наблюдением целующихся голубей. Важно, что, несмотря на жест отвергания книги, лирический «я» ощущает непостижимость природности любви: «Я рассердился больше всего на то, / Что целовались не мы, а голуби».

Проблематизация ценности библиотеки в творчестве русских символистов вписывается также в интерпретацию соотношения между культурой и революцией («интеллигенцией и революцией») в *эпоху перемен* 1905–1918 годов. В русской литературе эта интерпретация, как известно, содержит мессианскую идею русской культуры, носительницы скифского начала, которая должна влить свежую кровь в остаревшую европейскую культуру. Припомню стихотворения символистов, вдохновленные идеей скифского элемента русской культуры: «Скифы» 1899 г., «Грядущие гунны» 1905 г. и «Мы – скифы» 1916 г. В. Брюсова, «Кочевники красоты» 1904 г. Вяч. Иванова, «Скифы» 1918 г. А. Блока. Поэты диалогизируют между собой: В. Брюсов отсылает к стихотворению Вяч. Иванова эпиграфом «Топчи их рай, Аттила!», а А. Блок – к стихотворению Вл. Соловьева «Панмонголизм» 1894 г. Перечисленные произведения являются важным свидетельством роли антицивилизационной тенденции в принятии и воспевании революции. Хотя эти стихотворения были объектом серьезного научного исследования, их стоит прочитать снова, поскольку воплощенная в них идея приобретает актуальность в современной русской культуре.

С точки зрения проблемы библиотеки особый интерес вызывает стихотворение В. Брюсова «Грядущие гунны», поскольку в нем библиотека тематизирована. Текст Брюсова утверждает идею разрушения европейской культуры и кровопролития как обновления (эта идея является основной также в «Скифах» Блока): «На нас ордой опьянелой / Рухните с темных становий – / Оживить одряхлевшее тело / Волной пылающей крови» [Брюсов 1972: 150]. В контекст темы одряхлевшей европейской культуры вписывается мотив уничтожения библиотеки: «Сложите книги кострами, / Пляшите в их радостном свете, / Творите мерзости в храме, – / Вы во всем неповинны, как дети!» [Брюсов 1972: 150]. Сожжение книг осмысляется как своеобразный пир образом танца гуннов около огня и эпитетом «радостный» (свет). В подобной интерпретации поэта содержится парадоксальный саморазрушительный пафос. В грамматике текста этот пафос проявляется в глаголах повелительного наклонения: «сложите», «пляшите», «творите» (мерзости).

Воспевание самоуничтожения находит прямое выражение в конце текста: «Но вас, кто меня уничтожит, / Встречаю приветственным гимном» [Брюсов 1972: 151]. Симптоматично, что в стихотворении Брюсова лирический «я» осознает себя частью европейской культуры, что выражено грамматически соотношением 'я – вы' (гунны), в то время как в более позднем стихотворении «Мы скифы» (как и в «Скифах» Блока), лирический «я» видит себя частью примитивной силы Востока. Это различие создает ощущение, что в стихотворении «Грядущие гунны» пафос самоотречения сильнее.

В своем стихотворении «Городу» 1907 г. В. Брюсов мотивирует унищожение библиотеки также и идеей социального неравенства, противопоставляя культурным ценностям гнев голодных масс:

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для статуй, для картин, для книг;

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов – орду
И шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, гордость и нужду! [Брюсов 1972:190]

Поэты-символисты интерпретируют проблему уничтожения плодов культуры (в том числе библиотеки) не только в своем художественном творчестве, но и в публицистических текстах. Приведу в пример широкоизвестную и часто комментированную литературоведами статью А. Блока «Интеллигенция и революция» 1918 г. Эту статью также стоит прочитать снова, ставя перед собой вопрос насколько она переосмысляется в постсоветской культуре. Хорошо помним, что соцреалистическая критика обычно излагает идеи Блока, разделяя его пафос и утверждая революционную идеологию в споре с «врагами революции». Так, например, Б. Соловьев включается в спор поэта с «хулителями и клеветниками революции» и к его апологии произошедшего исторического события: «[...] поэт видел в этом замысле, уже ставшемся реальностью самой жизни, исполнение надежд и чаяний лучших людей всех эпох и народов» [Соловьев 1980: 673]. Странно, но сегодня некоторые литературоведы идут по тому же пути – реферативного изложения основных тезисов Блока и повторения его революционного пафоса. А. Доронина пишет: «Зачем бояться разрушения? Разрушенное – того заслужило, оно только казалось тем, что оно было. Вечное сохранит память, а временное и неистинное должно гореть» [Доронина 2017].

Статья Блока вызывает интерес и своим публицистическим дискурсом. Исследователи публицистики поэта открывают в ней лирическое начало, музыкальность, метафоричность [Боровская, Бурукина 2015]. С точки зрения соотношения между революцией и культурой важно обратить внимание на развернутую метафору, которая содержит концептуализацию революции, осуществленную приемами символистической поэтики: «революция мировой циклон, который донесет в заметенные снегом страны теплый ветер и нежный запах апельсинных рощ; увлажнит спаленные солнцем степи юга – прохладным северным дождем» [Блок 1982: 232]. Сопоставление революции с природным обновлением в этой метафоре вписывается в оппозицию природа – культура (один из знаков которой является библиотека). Если в поэзии Блока культуре (книге / чтению) противопоставляется любовь, в публицистическом тексте призыв к разрушению культуры / библиотеки мотивирован идеей социальной гармонии: «Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет» [Блок 1982, т. 4: 235][1].

В статье Блока утверждение ценности революции мотивировано антибуржуазным пафосом, неприятием пошлости («пошлятины»), воплощенной во всех институциях буржуазной культуры (Церкви, семье, государстве, школе). Подобное отвращение к пошлости является специфически русским феноменом (концептом). Нужно подчеркнуть, что в современной русской литературной критике осуществляется и дистанцированное, критическое осмысление идеи отрицания культуры

[1] В своей статье «Революция и культура» А. Белый, в отличие от Блока, не противопоставляет революцию культуре, а открывает в искусстве пересечение эволюционной энергии с революционной на уровне символики цвета – сочетания зеленого как знака роста с красным, огненным.

во имя борьбы с пошлостью. Дмитрий Быков, сравнивая Блока с Брюсовым и противопоставляя их на основе темы скифов, подсказывает эффект бумеранга в борьбе с пошлостью при помощи революционной стихии:

> «Блок всю жизнь был от Брюсова далек – и тем страшней, тем горше, что под конец он ответил «да» его «Скифам» и вслед за ним благословил триумф дикости, которая опрокинула «пошлость» всемирной цивилизации – только чтобы утвердить ей на смену куда более ужасную пошлость скифства». [Быков 2013]

И Брюсов, и Блок продолжают творить после победы Октябрьской революции. Они не только принимают революцию, но и служат в советских учреждениях (по иронии судьбы Брюсов, воспевший сожжение книг, заведует Московским библиотечным отделом при Народном комиссариате просвещения – Наркомпросе – в 1918–1919 гг.). Эти случаи говорят о драматизме отношений Поэта с властью.

Наблюдения над тематизацией книги / литературы/ библиотеки / чтения в поэзии А. Блока и В. Брюсова приводят к выводу о столкновении осмысления поэта как Демиурга в художественной концепции символизма с аксиологизацией жизни в рамках оппозиции ‘жизнь – литература / книга / чтение’. Отрицание упомянутых культурных ценностей во имя идеи «естественного человека» вписывает творчество символистов как в контекст русской литературы XIX века, так и в широкий европейский контекст (в плане синхронии и диахронии). Вместе с тем, проблематизация ценности книги / библиотеки в текстах Блока и Брюсова после Октябрьской революции, мотивированная идеей скифского начала русской культуры, продолжает линию нигилистического отрицания культуры 1860-х гг. и свидетельствует о антицивилизационной тенденции, которая приводит к парадоксальному самоотречению творца.

Литература

Анненский, И. Ф. Идеал / И. Ф. Анненский // Избранные произведения. – Ленинград : Художественная литература, 1988.

Блок, А. А. Интеллигенция и революция / А. А. Блок // Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. – Москва : Художественная литература, 1982. – С. 229–239.

Блок, А. А. Собрание сочинений: в шести томах. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1907-1921 / А. А. Блок. – Ленинград : Художественная литература, 1980.

Боровская, А. А. Жанрово-стилевые особенности лирической публицистики А. Блока / А. А. Боровская, А. Ф. Бурукина // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2015. – № 2. – С. 60–69.

Бунин, И. А. Вечер / И. А. Бунин // Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 1. – Москва : Художественная литература, 1987.

Брюсов, В. Я. Стихи / В. Я. Брюсов. – Москва : Современник, 1972.

Быков, Д. Л. Сизифов блуд. Сто лет русской революции 1903-й. Urbi et orbi Валерия Брюсова / Д. Л. Быков. – Текст : электронный // Русская жизнь. – 15.02.2013. – URL: https://ru-bykov.livejournal.com/1642380.html (дата обращения: 24.09.2021).

Георгиев, Н. Писаха не само да се знае / Н. Георгиев // LiterNet. – 18.08.2004. – № 8 (57).

Доронина, А. Революция в мировосприятии русских символистов: Андрей Белый и Александр Блок / А. Доронина. – Текст : электронный // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. – 2017. – № 1. – URL: http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss27.html49 (дата обращения: 24.09.2021).

Матвеев, М. Ю. Книжные люди в русской литературе XX века / М. Ю. Матвеев // Библиотечное дело. – 2003 (А). – № 10. – С. 36–39.

Матвеев, М. Ю. Книжные люди в русской литературе XX века / М. Ю. Матвеев // Библиотечное дело. – 2003 (Б). – № 11. – С. 36–39.

Матвеев, М. Ю. Книжные люди в русской литературе XX века / М. Ю. Матвеев // Библиотечное дело. – 2003 (В). – № 12. – С. 41–43.

Матвеев, М. Ю. Книжные люди в русской литературе XX века // Библиотечное дело. – 2004. – № 1. – С. 41–43.

Матвеев, М. Ю. Философские идеи XX века и их влияние на имидж библиотек / М. Ю. Матвеев // Библиотековедение. – 2008. – № 1. – С. 114–119.

Налегач, Н. В. «Читатель книг» Н. Гумилева и «Идеал» И. Анненского: к проблеме поэтического диалога / Н. В. Налегач. – Текст : электронный // Гумилевские чтения 2006 года : сборник материалов. – URL: www.gumilev.ru/main.phtml?cid=45010265.

Соловьев, Б. И. Поэт и его подвиг. Творческий путь Блока / Б. И. Соловьев. – Москва : Советский писатель, 1973.

Чавдарова, Д. Homo legens в русской литературе XIX века / Д. Чавдарова. – Шумен : Аксиос, 1997. – 141 с.

Эткинд, Е. Г. Разговор о стихах / Е. Г. Эткинд. – Москва : Детская литература, 1970. – 242 с.

Tyszczyk, A. O poejciu wartosci negatywnej w literaturze / A. Tyszczyk // Problematyka aksjologiczna w nauce o literaturze. – Lublin : Katolicki Uniwersytet Lubielski, 1992. – S. 137-152.

Referenses

Annensky, I. F. (1988). Ideal [Ideal]. In *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Blok, A. A. (1982). Intelligentsiya i revolyutsiya [Intelligentsia and Revolution]. In *Sobranie sochinenii, in 8 vols*. Vol. 4. Moscow, Leningrad, GIKhL, pp. 9-20.

Blok, A. A. (1980). *Sobranie sochinenii: v shesti tomakh* [Collected Works, in 6 vols]. Vol. 2. Stichotvoreniya i poemy 1907–1921. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura.

Borovskaya, A. A. Burukina, A. F. (2015). Zhanrovo-stilevye osobennosti liricheskoi publitsistiki A. Bloka [Genre-Stylistic Characteristics of the Lyrical Publicism of Blok]. In *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstnennogo tehnicheskogo universiteta*. No. 2, pp. 60-69.

Bryusov, V. Ya. (1972). *Stikhi. Poemy* [Poems]. Moscow, Sovremennik.

Bunin, I. A. (1987). Vecher [Eve]. In *Sobranie sochinenii: v 6 t.* Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Bykov, D. L. (2013). Sizifov blud. Sto let russkoi literatury 1903. Irbi et orbi V. Bryusova [Sisyphean Fornication. 100 Years of Russian Literature 1903. Urbi et orbi by V. Bryusov]. In *Russkaya zhizn'*. 15.02.2013. URL: https://ru-bykov.livejournal.com/1642380.html (mode of access: 24.09.2021).

Chavdarova, D. (1997). *Homo legens v russkoi literature XIX veka* [Homo legens in Nineteenth-Century Russian Literature]. Shumen, Aksios. 141 p.

Doronina, A. (2017). Revolyutsiya v mirovospiyatii russkikh simvolistov: Andrey Belyi i Aleksandr Blok [Revolution in the Worldview of Russian Symbolists: A. Bely and Al. Blok]. In *Forum noveishei vostochnoevropeyskoy istorii i kultury. Russkoe izdanie.* No. 1. URL: http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss27.html 49 (mode of access: 24.09.2021).

Etkind, E. G. (1970). *Razgovor o stikhakh* [A Conversation on Poems]. Moscow, Detskaya literatura. 242 p.

Geogiev, N. (2004). Pisakha ne samo da se znae [They Wrote Not Only So That It Will Be Known]. In *LiterNet*. No. 8 (57).

Matveev, M. Yu. (2003 A). Knizhnye lyudi v russkoi literature XX veka [Book People in 20th Century Russian Literature]. In *Bibliotechnoe delo*. No. 10, pp. 36–39.

Matveev, M. Yu. (2003 B). Knizhnye lyudi v russkoi literature XX veka [Book People in 20th Century Russian Literature]. In *Bibliotechnoe delo*. No. 11, pp. 41–43.

Matveev, M. Yu. (2003 C). Knizhnye lyudi v russkoi literature XX veka [Book People in 20th Century Russian Literature]. In *Bibliotechnoe delo*. No. 12, pp. 40–43.

Matveev, M. Yu. (2004). Knizhnye lyudi v russkoi literature XX veka [Book People in 20th Century Russian Literature]. In *Bibliotechnoe delo*. No. 1, pp. 40–43.

Matveev, M. Yu. (2008). Filosofskie idei XX veka i ikh vliyanie na imidzh bibliotek [Philosophical Ideas of the 20th Century and Their Influence on the Image of Libraries]. In *Bibliotekovedenie*. No. 1, pp. 114–119.

Nalegach, N. V. (2006). «Chitateli knig» N. Gumileva i «Ideal» I. Annenskogo: k probleme poeticheskogo dialoga ["The Book Reader" by N. Gumilev and "Ideal" by I. Annensky: Towards the Problem of Poetic Dialogue]. In *Gumilevskie chteniya 2006 goda: sbornik materialov*. URL: www.gumilev.ru/main.phtml?cid=45010265 (mode of access: 24.09.2021).

Solovev, B. I. (1980). *Poet i ego podvig. Tvorcheskii put' Aleksandra Bloka* [The Poet and His Feat. The Creative Path of Blok]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 784 p.

Tyszczyk, A. (1992). O poejciu wartosci negatywnej w literaturze [On the Notion of Negative Value in Literature]. In *Problematyka aksjologiczna w nauce o literaturze*. Lublin, Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, pp. 137–152.

Данные об авторе

Чавдарова Дечка – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы, Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Шумен, Болгария).

Адрес: 9701, България, Шумен, ул. Александра Пушкина, 4.

E-mail: d.tchavdarova@gmail.com.

Authors' information

Chavdarova Dechka – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Literature, Konstantin Preslavsky University of Shumen (Shumen, Bulgaria).

УДК 821.161.1-3(Гоголь Н. В.):655(497.2). DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-07.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,4+Ч617.3. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

AN UNREALISED IN SOFIA *COLLECTION OF STUDIES ON GOGOL* (1932?): AN ATTEMPT AT RECONSTRUCTION

Galina Petkova
Sofia University "St. Kliment Ohridski" (Sofia, Bulgaria)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1002-5183

Abstract. This article is situated in émigré studies and tries to reconstruct a possible conceptual framework and creative history of the *Collection of Studies on Gogol*, which was being prepared for publication in Sofia in the early 1930s. I use in my research the "microscopic method" proposed and practiced by Professor Piotr Bicilli. My only source of reconstruction are Bicilli's published letters to A. Bem (1931–1934), as I have not discovered a manuscript of the collection or any other information about it until now. P. Bicilli started to collect articles in 1931 in Sofia, and A. Bem contributed to the initiative, working in Prague. The collection might have been planned as a festschrift on the occasion of upcoming 80th anniversary of N. Gogol's death (1932). Several participants in the Dostoevsky Study Seminar in Prague, which was highly appraised by Bicilli, were invited to contribute to the collection. Besides being a joint émigré project, the collection was declared as a common Russian-Bulgarian initiative, which involved scholars from the Sofia University. *Collection of Studies on Gogol* remained unpublished, and the formal reasons, for that were financial, but behind them we can see other reasons related to the capacity of "Russian Sofia" as an émigré centre and to the ability of limited number of adherents around Bicilli to withstand a publication that offers "new readings" and places Gogol between realism traditionally assigned to him and modernist interpretations. Quests and reflections around the *Gogol Collection* gave an impetus to studies of works of Gogol and Dostoevsky works and coincided with the most fruitful period in the field of literary studies in Bicilli's life – the first half of the 1930s, when he offered a conceptual model for the Russian literary history.

Keywords: Gogol Collection; P. Bicilli; A. Bem; émigré centre; festschrift

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ В СОФИИ «ГОГОЛЕВСКИЙ СБОРНИК» (1932?): ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Петкова Г.
Софийский университет Св. Климент Охридский
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1002-5183

Аннотация. Статья относится к эмигрантологическим исследованиям. Ее автор с помощью «микроскопического метода», предложенного и практиковавшегося проф. П. Бицилли, пытается реконструировать творческую историю и вероятную концептуальную рамку готовившегося к изданию в Софии в начале 1930-х гг. «Гоголевского сборника». Так как к этому моменту автору не удалось найти рукопись сборника или какую бы то ни было информацию о нем, то единственным источником реконструкции стали опубликованные письма (1931–1934) П. Бицилли к А. Бему. Сборник, вероятнее всего, задуман как юбилейный по случаю предстоящего 80-летия со дня смерти Н. Гоголя в 1932 г. Статьи начинают собираться в 1931 г., организацией издания в Софии занялся П. Бицилли в сотрудничестве с А. Бемом, находившимся в Праге. Для участия в сборнике были приглашены многие русские ученые – члены пражского Семинария по изучению творчества Достоевского. Деятельность этого общества очень импонировала Бицилли. Будучи общеэмигрантским проектом, сборник являлся и совместной русско-болгарской инициативой, в которой участвовали и ученые Софийского университета. Формальные причины того, что издание не состоялось, сводятся к финансовым трудностям, но за ними скрываются другие, ставящие вопрос об интеллектуальной «инфраструктуре» русской эмигрантской Софии и возможности ограниченному кругу единомышленников Бицилли продвинуть и отстоять издание, предлагающее «новое понимание» Гоголя на фоне традиционного реализма и модернистских интерпретаций. Поиски и размышления в связи с «Гоголевским сборником» дают толчок гоголеведению и достоевсковедению Бицилли и совпадают с самым «литературоведческим» периодом в творчестве ученого – первой половиной 1930-х гг., когда он предлагает концептуальную модель русской литературной истории.

© Г. Петкова, 2021

Ключевые слова: «Гоголевский сборник»; П. Бицилли; А. Бем; эмигрантский центр; юбилейный сборник

Для цитирования: Петкова, Г. Несостоявшийся в Софии «Гоголевский сборник» (1932?): опыт реконструкции // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 85–95. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-07.

For citation: Petkova, G. (2021). An Unrealised in Sofia *Collection of Studies on Gogol* (1932?): An Attempt at Reconstruction. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 85–95. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-07.

One of the tasks of émigré studies for the time of its existence since 1998 has concerned the preservation of archives and manuscripts, publication of unknown texts and thus filling in gaps in cultural memory. But along with this privilege, émigré studies should also draw attention to unrealised initiatives – those editions which were conceived and conceptualised in the émigré reality of the first wave, but were not published, were scattered or lost for different reasons.

In the scholarly legacy of Piotr Bicilli, besides the first part of *A Brief History of Russian Literature* whose second part was issued in Sofia in 1934, we can find out one more unpublished book, titled *Collection of Studies on Gogol* ("Gogolevskii sbornik"). I have discovered information about its creative history in P. Bicilli's 1931–1934 letters to Alfred Bem who was living then in Prague [Bicilli 2002: 131–138]. All my attempts to find the manuscript, individual articles planned for it, or a list of articles to be included have turned out unsuccessful. The lack of any records about the fate of the collection, on the background of its active preparation gives me grounds to qualify it as "unrealised".

Russian émigré scholars who chose to live in Bulgaria during the 1920s did not succeed in creating their own autonomous academic field and were forced to bind their teaching and research activities to the only Bulgarian university at that time – Sofia University. In December 1923 P. Bicilli accepted the proposal to become the Chair of Modern and Contemporary History at the Faculty of History and Philology. With his arrival in Sofia in 1924, along with lectures in history, he tried to institutionalise his interest in Russian literature and culture in the form of a lecture course. But, save for his first academic year (1924–1925), the professor did not teach philological disciplines until the moment he left the university in 1948. I suppose that the reason for his withdrawal from literary courses was his reluctance to cross the line and enter the territory of the officially chosen for a lecturer in Russian literature professor Mikhail Popruzhenko[1].

Bicilli compensated that with lectures in literature delivered in Russian People's University in Sofia, founded on the 3rd of April 1927; with texts written "on the occasion" of writers' anniversaries; with publications in history of Russian literature and Russian literary language, which later developed into a *Reader in History of Russian literature* (in two parts, 1931 and 1932), into a the second part of *A Brief History of Russian Literature. From Pushkin to the Present Day* (1934), and in studies, published in the *Annual of Sofia University* after 1935.

Bicilli started his work on *Collection of Studies on Gogol*[2] in 1931 and the book could be placed in the sociobiographical context of this moment. By this time he had already declared his interests in Russian studies and had become an influential figure in the émigré scholarly field and in Bulgarian academic realm. With the help of "microscopic analysis", proposed and practiced by the professor, I will try to reconstruct the events around the compiling of the *Gogol Collection*, its possible conceptual frame and the role of P. Bicilli.

The method of "microscopic analysis", mentioned by Bicilli in numerous reviews and administrative records, allows us to identify and individualise the events. He says that looking into

[1] Mikhail Popruzhenko's academic genealogy was linked to the Imperial Novorossiysk University, the place P. Bicilli also came from. In Bulgaria, Popruzhenko delivered lectures on Russian literature, but did not manifest himself as its explorer. He dedicated his efforts to the Old Bulgarian studies and enjoyed the support of Slavophile circles. Bicilli's reluctance to challenge the status of his colleague probably was due to personal reasons, concerning the kinship links between M. Popruzhenko and the family Florovsky. Bicilli was in close relations with some members of this family. See: [Petkova 2017: 60–97].

[2] Hereafter, *Gogol Collection*.

details or free work with "small but typical facts"[1] and their assembling in a "tendency" is a qualification limit for a researcher. The "microscopic method" is an interpretative technique the professor mastered to perfection and exploited in a number of studies.

The main sources of my reconstruction are the letters of P. Bicilli to A. Bem [Bicilli 2002: 122–150] – valuable documents showing not only his quests in the field of literary studies, but also the mechanisms which he used in his research. Ideas of other scholars often provoke reflections, and letters to adherents become an intermediate textual space, where certain conceptions are articulated and later developed into reviews and critical articles. Till this moment I have not been able to discover Bem's answers to Bicilli's letters in "the full list of Bicilli's addressees" [Gerashko, Kudryavtsev 2009: 66] in the fund of the professor Bicilli Collection in the Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) in St. Petersburg.

Bicilli's letters to Bem[2] cover the period between 1929 and 1938. Before introducing the theme of *Gogol Collection*, in a letter from 28 December 1929 Bicilli writes that he has received and read two scholarly editions, published in Prague in 1929: the collection *About Dostoevsky*, edited by Bem[3] (Bicilli promised to review it), and the anniversary *Pushkin Collection*, where Bem participated with a publication [Bicilli 2002: 128]. In letters from 1930 Bicilli still did not write about an initiative dedicated to Gogol, but from a letter sent on 1 April 1930 it is clear that he had been invited by Bem to write an article for a subsequent volume of *About Dostoevsky* [Ibid: 129].

For the first time the title *Gogol Collection* appears in Bicilli's letter to Bem from February 1931 [Ibid: 131]. It is obvious from the letter that this edition had been discussed by them before this moment and was about to be published. Bicilli was engaged in its preparation[4] in Sofia and had already chosen the theme of his article: his intention was to compare "Viy" by Gogol to Turgenev's "Ghosts". In this letter he asks Bem to consult him about "stylistic coincidences in works of Gogol and Turgenev", because he "has discovered a number of parallels" between them, which could be used in the *Gogol Collection*; however he has fears that these parallels could have already been well-known and it could turn out that "he has discovered America" [Ibid: 131].

Thus, at the beginning of 1931 the decision about a forthcoming publication of *Gogol Collection* was a fact. As far as in letters written till February 1931 this project is not discussed, probably the idea took shape during the 5th Congress of Russian Academic Organizations Abroad, held from 14 to 21 September 1930. A. Bem attended the academic forum and presumably took the responsibility to coordinate activities on compiling the collection in Prague. We can suppose that the volume, which repeats the title of a collection already published in Kiev in 1902 on the occasion of the 50th anniversary of Gogol's death, was conceived on the occasion of the 80th anniversary of Russian writer's death, which was to be celebrated in 1932. The forthcoming edition follows the structure of the the *Pushkin Collection*, con-

[1] In his report on the scholarly works by participants in a procedure for holding the academic position of *Privatdozent* at the Department of New and Newest History in 1940, Bicilli enumerates the following "qualities" of a "true historian": "historical intuition, i. e. vision of the historical facts in their specificity; an ability to perceive the complexity of historical problems and to concentrate on them; emancipating from any pseudoscientific preconceived notions; attention to "petits faits" and impeccable accuracy and cautiousness in the study of the historical sources" [Archive of Sofia University, fund 1, inventory 35, l. 23]. The report is written in Bulgarian, and Bicilli translates "petits faits" as "small facts": "[…] [the candidate] analyses a multitude of 'petit faits', *minor*, but for that very reason quite typical *facts*…": [Ibid, l. 21; emphasis added].

[2] It is difficult to say when Bicilli and Bem met each other for the first time – this most likely happened during the III Congress of Russian Academic Organizations Abroad, which took place between 25 September and 1 October 1924 in Prague. Probably relations of mutual sympathy were established between them. Besides teaching Russian language in Charles University and History of Russian literature in the Russian Pedagogical Institute "Jan Komenský", Alfred Bem was actively engaged in educational activities among émigré community working as a Secretary of the Russian pedagogical bureau in Prague. Bicilli also participated in the professional leadership of the Russian émigré school in Bulgaria in the period 1929–1935, and became a member of school committees. Bem's method of "minor observations" corresponds to the "microscopic method" of Bicilli [Bubenikova, Petkova 2002: 122–123].

[3] After the first collection *About Dostoevsky*, printed in 1929 in Prague, a second and a third volume followed under the same title in 1933 and 1936.

[4] See the letters 1) from February 1931: "The faster authors send their articles, the better" [Bicilli 2002: 131]; 2) from 10 March 1931: "We are waiting for articles for *Gogol Collection* [Ibid: 132]; 3) From 27 April 1931: "And so, send other texts for *Gogol Collection* more quickly" [Ibid: 133].

sisting of scholarly articles and studies without an introduction, yet with a postscript which could unite them and indicate the jubilee idea behind the collection.

The tradition of an author's posthumous celebration in Russian culture began to assert itself in the 1860s; according to A. Vdovin it turned into a "canon of the posthumous celebration" [Vdovin 2010: 82] with the celebration of the centenary of Lomonosov's death in 1865. Publication of a collection of research articles became a part of an "anniversary ceremony" [Dolgushin 2016: 195], including a series of events: liturgy and memorial service, solemn assembly, public lecture / report, literary evening, publishing a collection with descriptions of the celebrations.

But how were the jubilee writers' anniversaries instrumentalised for preservation of community memory and in a struggle against denationalisation of young people in the context of the first wave of émigrés? What kind of ceremonies were reproduced and / or invented in each host country and how did they combine ritual practice with scholarly representation? What kind of illusion about a unified Russian academic or scholarly space beyond the barriers of the host countries did they create? How did these ceremonies dialoguise with the local (regional) reception of canonical names from the Russian national pantheon or famous figures from the émigré reality? Émigré studies are still searching answers of all these questions. The anniversary *Gogol Collection* at the beginning of the 1930s might have exploited to maximal extent the symbolic potential of an "anniversary from the death" of a writer who was a part of the canonised Golden Age of Russian literature. However the connection with pre-revolutionary interpretations of Gogol, which placed the writer between realism and demonism, the examination of the Soviet literary space, which "appropriated"[1] Gogol quite cautiously before the centenary of his death in 1952, the articulation of a different – émigré – reading: all this to a great extent depended, as it becomes clear, on the profile of the émigré center where an edition was being prepared and implemented, and more precisely – on the capacity of its scholarly or intellectual environment.

From Bicilli's subsequent letters (from 27 April and 29 May 1931) we understand that Bem sent him the required information about Turgenev's "Ghosts" and an article for the *Gogol Collection* [Bicilli 2002: 133] that – Bicilli assured him – was to be published. In May 1931, contributors to the collection were already chosen; among them were S. Zavadsky, S. Hessen, R. Pletnyov. Bicilli asked them to send their articles as soon as possible. In addition to Bem's manuscript, Bicilli got an article written by Prof. V. Zenkovsky, which was "too long" and "should be reduced" [Ibid].

The mentioned names of future contributors were associated more or less to the Study Seminar on Dostoevsky organised by Alfred Bem in 1925 in the Russian People's University in Prague: V. Zenkovsky, S. Zavadsky, S. Hessen, R. Pletnyov. All of them but Hessen, were authors of texts included in the already mentioned first collection *About Dostoevsky* (1929). According to Bem, the Seminar on Dostoevsky was rather a "scholarly community" than an "ordinary university seminar" [Bem (1933) 2007: 286]. People around the seminar were established scholars united by their interests in Dostoevsky's works. They discussed the early works of the Russian writer and questioned "the old understanding" of D. Merezhkovsky and L. Shestov, who denied "the great significance" of early Dostoevsky's works [Bem (1929) 2007: 51].

Many of the seminar participants, including Bem himself, began to show interest in S. Freud's views under the influence of psychiatrist Dr. Nikolai Osipov, a follower, translator and populariser of the Viennese doctor in Russia, and started to apply psychoanalytic approaches in their research. At this moment the seminar was perceived as an "important counterweight" [Bubenikova 1999: 7] to the traditional for pre-revolutionary Russian criticism religious-philosophical reading of Dostoevsky's work.

In the second collection *About Dostoevsky* (1933) Bem included a list of seminar paper titles in chronological order. We can see there [Bem (1933) 2007: 287], under "№ 45" Bicilli's text *Why did Dostoevsky not write "The Life of the Great Sinner"*, issued in the same volume. In her survey of the collections, the Czech scholar M. Magidova says that P. Bicilli was a "relatively frequent guest" of the seminar and travels to Prague periodically

[1] On the "modest" Gogol's jubilee in Moscow in 1927, dedicated to the 75th anniversary of the writer's death, and on "fears" of the government of Soviet Union to "appropriate" Gogol, see: [Nevskaya 2013: 128–129].

("from time to time"), but she does not give more details [Magidova 2007: 11]. Various problems of the collections are discussed in Bicilli's letters to Bem. From Bicilli's letter of 28 December 1929, we understand that he received an invitation from Bem "to write about Dostoevsky", which is "extremely tempting, but at the same time almost risky, even in technical aspect, as given that in Sofia we are hampered in receiving the latest Russian publications" [Bicilli 2002: 128].

This theme was discussed again in the following year in the aforementioned letter from 15 April 1930. In it Bicilli thanked to Bem for a "willingness" to get his "article" for the impending second volume of the collection *About Dostoevsky* [Ibid: 129]. The surviving early 1930s documents in the service records for the professor in the Archive of Sofia University indicate two business trips abroad having Prague as their destination: 1) from 1 to 25 June 1930[1] and 2) in February 1931, when the route included Riga, Revel [Tallin] and Berlin[2]. However, the second journey might have not been realised[3], as we understand from the second letter, written in February (there is no date) to Bem. I guess that Bicilli read the mentioned text *Why did Dostoevsky not write…* within Bem's seminar in June 1930.

Apparently the activities of the émigré scholarly circle in Prague appealed to Bicilli and the collections *About Dostoevsky* intrigued him. In his letter to Bem from 15 April 1930 he notes that he begins to perceive Dostoevsky "differently than before" and the collection *About Dostoevsky* and Bakhtin's *Problems of Dostoevsky Creative Art*, published in 1929, played a great role for that [Bicilli 2002: 130]. High evaluation for these books initially formulated in letters to Bem was later developed in professor's reviews. In letters to Bem Bicilli shows a high interest in actual studies on Dostoevsky – he shares views with Bem and Bakhtin, but also demonstrates his disagreements with some of their opinions. Bicilli says that "Bakhtin does not explain how the harmony comes out of the polyphony" [Ibid]; in 1936–1937 he turned down the proposals made by Bem to participate in a new volume of the collection *About Dostoevsky*[4].

Bicilli himself wrote four reviews for the collection *About Dostoevsky* – they complement each other and add new ideas and nuances to Bicilli's reflections provoked by the first Prague collection and Bakhtin's book. They were published in the following periodicals and comply to their profile: *Literary Voice* (*Literaturen glas*) – a newspaper for literature, art and public affairs [Bicilli 1930a: 4]; *Voice* (*Golos*)[5], Russian émigré newspaper, issued in Sofia [Bicilli 1930B: 2]; *Numbers* (*Tchisla*), an émigré almanac for literature, art and philosophy, printed in Paris [Bicilli 1930c: 240–242], and the journal *Bulgarian Thought* (*Bulgarska misal*), edited by the professor M. Arnaudov[6] from Sofia University [Bicilli 1930d: 515–520]. Two of the three reviews printed in Bulgaria were published in newspapers and came out soon after Bicilli received the collection *About Dostoevsky*. The professor had promised to write them in a letter to Bem from 28 December 1929 [Bicilli 2002: 128]; they became a fact on 25–26 January 1930 and are very close to propaedeutic presentation of the collection for a reader non-specialist; in the first place, they put an accent on the creative history of the edition: the collection is the result of searches of a specific scholarly community – the Dostoevsky Seminar organised at the Russian National University in Prague by its editor A. Bem.

On the other hand, namely in Bulgarian language reviews, apparently written one after another, changes in research canon, imposed by the seminar in Prague, are mentioned for the first time (in *Literary Voice*), and later (in *Bulgarian Thought*) the professor extends this the-

[1] Archive of Sofia University, fund 1, inventory 35, l. 77.

[2] Ibid, l. 59.

[3] See Bicilli's letter to Bem from Fevruary 1931: "I hoped so much that I would see you and was almost sure that I would come, but everything failed. Traveling in our time is a difficult task" [Bicilli 2002: 130].

[4] The themes proposed by Bem were *Dostoevsky and the West* and *Dostoevsky – a Politician* (letter from 11 March 1936) did not intrigue Bicilli and he refused working on them. Obviously, the invitation of Bem was renewed, but Bicilli did not accept the new proposal to write about "the style of Dostoevsky's publicism". His argument is that he has "never worked" on this topic and "will not be able to do that from now on, because there is not enough time" (letter from 6 March 1937 [Ibid: 139–140].

[5] In a letter to Bem (28 December 1929) Bicilli writes about the local Russian newspaper: "Alas! Nobody reads *Voice* [Bicilli 2002: 128].

[6] In his letter to Bem from 28 December 1929 Bicilli describes *Bulgarian Thought* as "the most solid journal" among Bulgarian literary periodicals [Bicilli 2002: 128].

sis and claims that the shift in the research canon is manifested not only in émigré studies, but also in research papers published in Soviet Russia: Bicilli cites the studies of L. Grossman, K. Istomin, M. Bakhtin, the collections edited by A. Dolinin and N. Brodsky [Bicilli 1930d: 516]. Both abovementioned Bulgarian language reviews qualify the collection of Bem *About Dostoevsky* and M. Bakhtin's book with a definition "new", introduced in their title: *A New Light for Dostoevsky's Works* [Bicilli 1930a: 2], *Dostoevsky in the Light of New Research* [Bicilli 1930d: 515], and in the very fabric of the text: "new direction", "new school " [Bicilli 1930a: 4], "new research", "a new kind of fiction", "a new aesthetic category" (Bakhtin's polyphonic novel is meant) [Bicilli 1930d: 515, 516, 518].

The review in *Literary Voice* points out the Dostoevsky Seminar in Prague as a bearer of this "new direction" in research of Dostoevsky. Authors in the published collection, who represent a "new school", uncover "countless connections" between Dostoevsky's early works and late novels of the writer thanks to the "microscopic survey" [Bicilli 1930a: 4].

Bicilli speaks about "the growing interest in Dostoevsky in Russian society – not only in Russia, but also among Russian emigration" [Bicilli 1930d: 515]. "New surveys" on Dostoevsky revise "earlier judgments" of his literary work before penal servitude and surmount "old aesthetic categories" applied to Dostoevsky's novels. They explain both the "high artistic value" of the author's early works and "their significance for understanding the aesthetic and philosophical genesis of his great novels" [Bicilli 1930d: 515].

The most important articles in the collection, according to Bicilli, were A. Bem's "Dramatization of Delirium (Dostoevsky's 'Mistress')" and D. Chizhevsky's[1] "To the Problem of Double (From the Book on Formalism in Ethics)", while the latter one had to be complemented with "'The Double: A Petersburg Poem' by F. M. Dostoevsky (Notes by a Psychiatrist)" by Dr. N. Osipov [Bicilli 1930a: 4; Bicilli 1930b: 2]. The high esteem of Bem's and Chizhevsky's texts is repeated in Bicilli's letter from 15 April 1930, which coincides in time with the creation of reviews corpus and obviously precedes the review in *Bulgarian Thought* [Bicilli 2002: 129–130]. Bicilli adds two articles to the already mentioned texts in his reviews: Prof. Zenkovsky's article about "the attitude of Dostoevsky to Gogol as his source"[2] [Bicilli 1930b: 2] and S. Zavadsky's text on the definition of the drama in the light of Dostoevsky's novels, which supplements the text of Vyacheslav Ivanov *Dostoevsky and the Novel-Tragedy*[3] [Bicilli 1930b: 2; Bicilli 1930d: 517].

In the context of Bicilli's reviews and letters to Bem at the beginning of the 1930s that precede the idea and preparation of *Gogol Collection* I will dare to make the following conclusion: Bicilli expected that the collection would avoid the "canons of the old aesthetics"[4], would present *new readings* and repeat the approach of the collection *About Dostoevsky* or will be able to compare match it.

Announced as a joint émigré project, the *Gogol collection* received support of the Bulgarian academic community in the person of already mentioned Prof. Mikhail Arnaudov from Sofia University, who was literary historian and ethnographer – in his letters Bicilli underlines his leading role[5].

Prof. Arnaudov was associated with hopes for publication of the collection[6], which periodically revived and darkened, as well as with a disappointment that unfavorable financial circumstances were not surmounted, which could have

[1] The Ukrainian Slavist and philosopher D. Chizhevsky, who had lived in emigration since 1921, reviewed Bicilli's book "Essays on the Theory of Historical Science". Bicilli mentions in his reviews the names of scholars who were invited to participate in the *Gogol Collection* – Bem, Zenkovsky, Zavadsky (we know that from his letters to Bem). If we assume that Bicilli invited colleagues whose texts had impressed him, was Chizhevsky among the invited authors?

[2] The title of Zenkovsky's text is *Gogol and Dostoevsky*.

[3] The title of Zavadsky's text is *A New Definition of Drama in the Light of Dostoevsky's Novels*.

[4] I borrow the phrase from Bicilli's review *Dostoevsky in the light of new research* [Bicilli 1930d: 516].

[5] In his letter from 16 July 1934 Bicilli calls Mikhail Arnaudov a "spiritus rector" [Bicilli 2002: 137]. In a preserved part of Arnaudov's archive in the Scientific archive of Bulgarian Academy of Sciences (fund № 58K) I was not able to find any traces referring to *Gogol Collection*. In this fonds there is only one letter by A. Bem from 2 November 1930, but its content is not connected to the collection.

[6] In the above cited letter to Bem from 16 July 1934 Bicilli writes: "On the occasion of the *Gogol Collection* – spiritus rector – Arnaudov, gives hope that in autumn [it will be published]. […] I think that eventually he will carry out the initiative" [Bicilli 2002: 137].

happened with good will and some efforts[1]. The tone of the letters introducing Arnaudov is comradely and respectful. At the beginning of 1930s, Prof. Mikhail Arnaudov was an authoritative figure – not only for his scholarly contributions, but also for his institutional positions: he had founded the already mentioned journal *Bulgarian Thought* in 1925 and had been a member of the Bulgarian Academy of Sciences since 1929. His term as a rector of Sofia University in 1935–1936 academic year coincided with discussions for and against publishing of *Gogol Collection* still or once again on-going.

In his short letter from 10 March 1931 Bicilli uses first person plural when he introduces the position of organisers of *Gogol Collection* ("we are expecting") and first person singular form when he writes about his necessity to get information about Gogol's influence on Turgenev ("I would like to get"[2]). From this letter and from other letters to Bem we cannot understand which people "were expecting" articles for *Gogol collection*. It is clear that Bicilli was not alone. Was Prof. Arnaudov one of them? They could be other figures from the university, from cultural circles in Bulgaria or the émigré community. Was *Gogol Collection* thought in Bulgaria as a part of future Bulgarian-Russian celebration of the Russian writer? In the early 1930s joint initiatives related to posthumous celebrations of great Russian writers were established – for example the jubilee meeting on March 22–23, 1931 in Sofia, dedicated to the 50th anniversary of Dostoevsky's death. Whatever the motivation of both parties was, obviously *Gogol Collection* can be considered a joint undertaking of the Russian émigré and Bulgarian academic communities.

In April and May 1931 Bicilli received the articles of Bem and Zenkovsky and was waiting texts by Pletnyov, Hessen and Zavadsky. In December the same year in his letter to Bem the professor mentions the name of the journalist and editor Gleb Voloshin[3], who might also have participated in the preparation of the edition and "has already written" to Bem, according to Bicilli, with regard to the *Gogol collection* [Bicilli 2002: 133]. Voloshin might also have been engaged in organizational work around compiling the collection[4]. From the obituary for Voloshin, published after his death in 1937, we learn that he was an author of works in literary studies on Gogol and Dostoevsky which remained unpublished [Plavinsky 1937: 8].

In 1932 events took a more definite turn. On 25 February 1932, Bicilli informes Bem that the *Gogol Collection*, if not "finally buried", obviously is not a priority during the "crisis in the world and in Bulgaria" [Bicilli 2002: 134]. He asks Bem to "upset" Zenkovsky with these news. He had recently written to Zenkovsky and "lied" him promising that "the collection will be published in the near future because these were Arnaudov's rosy hopes" [Ibid]. In this situation, Bem and Zenkovsky had to decide whether to withdraw their articles in order to be published elsewhere, or to "put them on ice" with Prof. Arnaudov [Ibid]. Bicilli recommends the latter and adds bitterly: "We can see all sorts of surprises: all of a sudden we could find money. After all, if the will is there, we can find them now" [Ibid].

The theme of *Gogol Collection* was discussed again in 1933. On 22 September, Bicilli writes to Bem that "Voloshin is convinced that *Gogol Collection* will be published", although he himself is rather skeptical of the possibility of printing; yet he adds that in October the same year "the question has to be solved" [Bicilli 2002: 135]. In a letter from 8 April 1934, obviously in response to Bem's question, Bicilli expresses his doubts that "*Gogol Collection* will be published soon", although he does not lose hope that this "eventually will happen" [Bicilli 2002: 137]. On 16 July 1934, again in an answer to Bem's question about the collec-

[1] Letter to Bem from 25 February 1932: "In turn, I will upset you: if the *Gogol collection* is not finally buried, then in any case it will obviously remain in the writing table…" [Bicilli 2002: 134].

[2] Cf.: "Dear Alfred Ljudvigovich, // Please, tell me if you received the letter, sent three weeks ago. If it was lost, I will write you again: I would like to receive some quite important references from you. We are waiting for articles for the *Gogol Collection*" [Bicilli 2002: 132].

[3] Gleb Voloshin-Petrichenko (1892–1937) had a lower education and was a publicist, journalist, secretary of the Association of Russian writers and journalists in Bulgaria. Bicilli presents him as a "good acquaintance" in a letter to Bem from 19 March 1930. He recommends Voloshin's article dedicated to Dostoevsky for the journal *Slavia*, issued by the Slavic Institute in Prague, and asks Bem for assistance. See more: [Bicilli 2002: 129], [Bubenikova, Petkova 2002: 142].

[4] The correspondence between Voloshin and Bem could throw more light on the role of Voloshin in the process of compiling the *Gogol Collection*. It is preserved in the collection of A. Bem in the Literary Archive of the Museum of Czech literature. See: [Bubenikova, Petkova 2002: 142].

tion's printing, Bicilli mentions that M. Arnaudov "gives hope that this could happen in autumn" and that "ultimately he will solve the problem of publishing" [Ibid: 137].

In later letters – written in October 1934, in 1936, 1937, 1938 – the *Gogol Collection* is not mentioned. It is not clear whether the articles of Bem and Zavadsky were withdrawn, but I suppose that these articles and the texts of other authors included in the planned collection were published later in other editions. I have not been able to discover a standalone text of Bicilli, built on comparative reading of Gogol's "Viy" and Turgenev's "Ghosts". However, the professor did not give up working on the theme of Gogol, which he developed in the comparative perspective typical for him ("coincidences and borrowings"[1]). In the chapter *General Character of Russian Literature after Gogol* in T*he Brief History of Russian Literature*, written and published in 1934 in Sofia, he notes that Turgenev is close to Gogol "with his inclination to the fantastic, the belief in the mysterious, hidden, "occult" aspect of being, with his presentiments and meaningful dreams" [Bicilli 1934: 39]. In this context the novel "Ghosts" is also mentioned.

In 1934 several texts dedicated to Gogol's works were published. While being occasional texts, they actually refer to another anniversary – the 125th one of his birth: "The Art of Gogol", "Gogol as a Person" (both in Bulgarian language), "Gogol and the Classic Comedy". An article from 1934 featuring two anniversaries – "Gogol and Chekhov", is based on a comparative aspect of literary studies. Bicilli uncovers a number of interesting parallels between Gogol and Dostoevsky in his study "The Problem of Internal Form in Dostoevsky's Novels" (1945–1946); the idea about the next study "The Problem of Man in Gogol's Works" (1947–1948) might have been conceived in the mentioned text.

But the project *Gogol Collection* – designed in Sofia in early 1930s – was not realised. The visible and announced reason for that was the lack of financing as a result of the world crisis and the whole atmosphere in Europe at that time. Despite this situation Bicilli often repeats in his letters that the issuing of the collection is possible even in the existing financial circumstances. This fact raises a lot of questions which may find their answers if we discover the manuscript of the collection or more information about it.

Why was this project unsuccessful on condition that it was a joint émigré initiative supported by Bulgarian academic community? Why did Bulgarian participants in the project refuse to fight for it – if we can trust to Bicilli's words that resources for its printing could be found? Did Bicilli have followers in this initiative and who were they? Was Sofia thought as a scholarly centre with its own autonomous research field concerning Russian literature, was this field responsive and open to practices of literary criticism both in the émigré community and in the mother country? Or Sofia was only the place where printing the collection was financially profitable? The last hypothesis has its grounds: in a correspondence between Bicilli and Vadim Rudnev in Augist – September 1936 an opportunity to transfer printing of the periodical *Modern Notes* (*Sovremennye zapiski*) to Bulgaria is discussed, because "here it will be quite cheap" [Bicilli 2012: 588].

However, the 80th anniversary of Gogol's death was not uncelebrated in Sofia. Bicilli and two of his followers and friends were among the main participants: the editor of the newspaper *Voice* Gleb Voloshin and the teacher of philosophical propedevetics and Russian literature at Sofia Russian High School Ivan Nilov. The major figure in organization of commemorative initiatives was Gleb Voloshin.

A meeting in memory of Gogol was held on 15 May 1932, Sunday, in Sofia. It was organised by the Union of Russian Writers and Journalists in Bulgaria, whose secretary was G. Voloshin. P. Bicilli participated in the event with a paper about the comical and the artistic devices creating the comic effect in Gogol's works[2]; I. Nilov spoke about the influence of the classical tradition on the form of Gogol works. Mikhail Pogodin's paper contains a jubilee element and describes the commemoration of Gogol in Danilov Monastery, held on the 40th day after the writer's death. Excerpts of Gogol's works were read during the event. The chairman of Slavic Society Stefan Bobchev, his brother – Prof. Nikola Bobchev, the literary critic

[1] For "coincidences and borrowings" in the metalanguage of Bicilli and as a research instrumentarium see the monograph: [Petkova 2017].

[2] I have not discovered a publication of this text.

Nikola Atanassov attended the event as guests. In the audience there were students from the émigré high schools in Sofia.

Less than a month later, on 19 June 1932, again on Sunday, when the Day of Russian culture was celebrated in Sofia, Voloshin published in the newspaper *Voice* an editorial article titled "Jubilee Dates". In a fragment dedicated to the 80th anniversary of Gogol's death Voloshin raises the question about the place of the writer in Russian literature in the light of actual "debate on realism of Gogol" [Voloshin 1932: 2]. The reconsideration of the author's place in Russian literature reflected a striving of literary critics to eliminate cliches in the perception of Gogol's works. Thus, "dispute on Gogol has become a dispute on Russian culture itself and this argument has not been solved till today" [Voloshin 1932: 2]. The pathos of the article is entirely in defense of the notion about Gogol as that Gogol is a realist; probably the view of Voloshin would be similar in his article in *Gogol Collection*. A possible direction of interpretation in the collection – rethinking of modernist understanding of Gogol (Voloshin quotes Vasily Rozanov) and the defense of "realism" in Russian writer's works – has been identified. Which could be others? Behind the question of differences of opinions, different theses, and overcoming or not of canonical readings which *Gogol collection* could have proposed, there is another question – why a *Bicilli circle* in Sofia (the professor, Ivan Nilov, Gleb Voloshin) was not able to stand up for this edition.

If we judge from the energy invested by Bicilli in the compiling of *Gogol Collection*, it is clear that this project was of significance for him. The commitment to its realisation turned out to be not only organisational – it rather counterbalanced various deficits. "Russian Sofia" as an émigré Russian centre obviously failed to reproduce / imitate "Russian Prague", which apparently impressed Bicilli as a scholarly field and a milieu of academic communication. On the other hand, even if the anniversary articles replaced the missing lecture courses in Russian literature, they remained a scattered, and not an institutionally sanctioned discourse, which would not have been the case with a collection of texts of eminent scholars in the field of émigré humanities. In the end, the searches and reflections around the *Gogol Collection* stimulated Bicilli's efforts in exploring literary works of Gogol and Dostoevsky and stabilised his research preferences in the field of Russian literature. Thus, the preparation of the *Gogol Collection* coincided with his most fruitful period in the sphere of literary studies – the first half of the 1930s, when he created and published books and texts which offered a conceptual model for a Russian literary history.

Литература

Бицилли, П. М. [1930a] Нова светлина за творчеството на Достоевски / П. М. Бицилли // Литературен глас. – 25 януари 1930. – № 59. – С. 4.

Бицилли, П. М. [1930b] О Достоевском. Сборник статей под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929 / П. М. Бицилли // Голос. – 26 января 1930. – № 205. – С. 2.

Бицилли, П. М. [1930c] О Достоевском. Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. Прага, 1929 / П. М. Бицилли // Числа. – 1930. – № 2–3. – С. 240–242.

Бицилли, П. М. [1930d] Достоевски в светлината на новите изследвания / П. Бицилли // Българска мисъл. – 1930. – № 7–8. – С. 515–520.

Бицилли, П. М. Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени / П. М. Бицилли. – София : Без изд[ательства], 1934. – 100 с.

Бицилли П. М. Письма к А. Л. Бему. Публикация, подготовка текста, примечания М. Бубениковой и Г. Петковой / П. М. Бицилли // The New Review. – 2002. – № 228. – С. 122–150.

Бицилли, П. М. «Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них: П. М. Бицилли / Публикация и примечания М. А. Бирмана и М. Шрубы; вступительная статья М. А. Бирмана / П. М. Бицилли // Современные записки (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. Том 2. – М. : НЛО, 2012. – С. 501–686.

Бем, А. Л. [1929] От редактора / А. Л. Бем // О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. Прага. 1919/1933/1936. – М. : Русский путь, 2007. – С. 51–53.

Бем, А. Л. [1933] Семинарий по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге (1925–1933) / А. Л. Бем // О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. Прага. 1919/1933/1936. – М. : Русский путь, 2007. – С. 285–287.

Бубеникова, М. Возвращение мастера / М. Бубеникова // Бубеникова М., Тихомиров Б. Эмигрантский период жизни и творчества Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945?). Каталог выставки. – Санкт-Петербург : Серебряный век, 1999. – С. 3–14.

Бубеникова, М. Письма П. М. Бицилли к А. Л. Бему (комментарий) / М. Бубеникова, Г. Петкова // The New Review. – 2002. – № 228. – С. 122–123.

Вдовин, А. В. Годовщина смерти литератора как праздник: становление традиции в России (1850–1900-е гг.) / А. В. Вдовин // Alexander Graf (Hg.) Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) / Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. – München : Herbert Utz Verlag, 2010. – С. 81–91.

Волошин, Г. Ф. Н. В. Гоголь. К 80-летию годовщины смерти / Г. Ф. Волошин // Голос. – 19 июня 1932. – № 399. – С. 2.

Герашко, Л. В. Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского дома / Л. В. Герашко, В. Б. Кудрявцев // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 годы. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. – С. 57–222.

Долгушин, Д. В. Литературный юбилей как явление русской культуры конца 1830 – начала 1860-х гг.: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Н. И. Греч, П. А. Вяземский / Д. В. Долгушин // Класика и канон в руската литература. Юбилеят. Сборник текстове. – София : Факел, 2016. – С. 192–199.

Магидова, М. Пражские сборники «О Достоевском» / М. Магидова // О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. Прага. 1919/1933/1936. – М. : Русский путь, 2007. – С. 9–47.

Невская, Д. Р. Три фазиса признания и увенчания. К истории первых юбилеев Гоголя / Д. Р. Невская // Новый филологический вестник. – 2013. – № 1. – С. 106–139.

Петкова, Г. П. Бицили – Михаил Попруженко: мълчанието и безизичието / Г. Петкова // «Да се даде ръководеща нишка…»: История на руската литература от проф. П. Бицили в три книги (България, 1931–1934 г.). – София : Факел, 2017. – С. 60–97.

Плавинский, Н. Глеб Волошин. Некролог / Н. Плавинский // Голос России. – 20 июля 1937. – № 56. – С. 8.

Архивы

Архив на Софийския университет «Св. Климент Охридски».

Научен архив на Българска академия на науките.

References

Bicilli, P. M. (1930a). Nova svetlina za tvorchestvoto na Dostoevski [New Light on Dostoevsky's Works]. In *Literaturen glas*. 25 yanuari. No. 59, p. 4.

Bicilli, P. M. (1930b). O Dostoevskom. Sbornik statei pod red. A. L. Bema. Praga, 1929 [About Dostoevsky: Collection of Articles. Ed. by Bem, A. L. Prague, 1933]. In *Golos*. 26 yanvarya. No. 205, p. 2.

Bicilli, P. M. (1930c). O Dostoevskom. Sbornik statei pod redaktsiei A. L. Bema. Praga, 1929 [About Dostoevsky: Collection of Articles. Edited by Bem, A. L. Prague, 1933]. In *Chisla*. No. 2–3, pp. 240–242.

Bicilli, P. M. (1930d). Dostoevski v svetlinata na novite izsledvaniya [Dostoevsky in the Light of New Research]. In *Bulgarska misal*. No. 7–8, pp. 515–520.

Bicilli, P. M. (1934). *Kratkaya istoriya russkoi literatury. Chast' II-aya. Ot Pushkina do nashego vremeni* [A Brief History of Russian Literature. Part Two. From Pushkin to the Present Day]. Sofiya, Bez izd[atel'stva]. 100 p.

Bicilli P. M. (2002). Pis'ma k A. L. Bemu. Publikaciya, podgotovka teksta, primechaniya M. Bubenikovoi i G. Petkovoi [Letters to A. L. Bem. Publication, Text Preparation, Comments M. Bubenikova and G. Petkova]. In *The New Review*. No. 228, pp. 122–150.

Bicilli, P. M. (2012). «Sovremennye zapiski» vse blizhe i blizhe podkhodyat k tomu, chego ya lichno khotel ot nix: P. M. Bicilli / Publikatsiya i primechaniya M. A. Birmana i M. Shruby; vstupitel'naya stat'ya M. A. Birmana ["Modern Notes" Are Getting Closer to What I Personally Want from Them: P. M. Bicilli]. In *Sovremennye zapiski (Parizh, 1920–1940). Iz arkhiva redaktsii. Pod redaktsiei Olega Koresteleva i Manfreda Shruby*. Vol. 2. Moscow, NLO, pp. 501–686.

Bem A. L. (1929). Ot redaktora [From the Editor]. In *O Dostoevskom: Sbornik statei pod redaktsiei A. L. Bema. Praga. 1919/1933/1936*. Moscow, Russkii put', pp. 51–53.

Bem, A. L. (1933). Seminarii po izucheniyu Dostoevskogo pri Russkom narodnom universitete v Prage (1925–1933) [The Seminar for Study of Dostoevsky in the Russian People's University in Prague (1925–1933)]. In *O Dostoevskom: Sbornik statei pod redaktsiei A. L. Bema. Praga. 1919/1933/1936*. Moscow, Russkii put', pp. 285–287.

Bubenikova, M. (1999). Vozvrashchenie mastera [The Return of the Master]. In Bubenikova, M., Tikhomirov, B. *Emigrantskii period zhizni i tvorchestva Alfreda Lyudvigovicha Bema (1886–1945?). Katalog vystavki*. Saint Petersburg, Serebryanyi vek, pp. 3–14.

Bubenikova, M., Petkova G. (2002) Pis'ma P. M. Bicilli k A. L. Bemu (kommentarii) [Letters to A. L. Bem (comments)]. In *The New Review*. No. 228, pp. 122–123.

Vdovin, A. V. (2010). Godovshhina smerti literatora kak prazdnik: stanovlenie traditsii v Rossii (1850–1900-e gg.) [The Death Anniversary of the Literary Man as a Holiday: Establishing the Tradition in Russia (1850–1900s)]. In *Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) / Kul'tura prazdnika v russkoi literature XVIII–XXI vv*. Alexander Graf (Hg.). München, Herbert Utz Verlag, pp. 81–91.

Voloshin, G. F. (1932). N. V. Gogol'. K 80-letiyu godovshhiny smerti [N. V. Gogol. On the Occasion of His 80th Death Anniversary]. In *Golos*. 19 iunya. No. 399, p. 2.

Gerashko, L. V., Kudryavtsev, V. B. (2009). Fond professora P. M. Bicilli v Rukopisnom otdele Pushkinskogo doma [Prof. P. M. Bicilli's Fund in the Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House)]. In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2005–2006 gody*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 57–222.

Dolgushin, D. V. (2016). Literaturnyi yubilei kak yavlenie russkoi kultury kontsa 1830 – nachala 1860-x gg.: I. A. Krylov, V. A. Zhukovskii, N. I. Grech, P. A. Vyazemskii [Literary Anniversary as a Phenomenon in Russian Culture at the End of the 1830s – Early 1860s]. In *Klasika i kanon v ruskata literatura. Yubileyat. Sbornik tekstove*. Sofia, Fakel, pp. 192–199.

Magidova, M. (2007). Prazhskie sborniki «O Dostoevskom» [Prague Collections "About Dostoevsky"]. In *O Dostoevskom: Sbornik statei pod redaktsiei A. L. Bema. Praga. 1919/1933/1936*. Moscow, Russkii put', pp. 9–47.

Nevskaya, D. R. (2013). Tri fazisa priznaniya i uvenchaniya. K istorii pervykh yubileev Gogolya [Three Phases in Recognition and Crowning. To the History of Gogol»s First Jubilees]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 1, pp. 106–139.

Petkova, G. (2017). P. Bicili – Mikhail Popruzhenko: mulchanieto i bezezichieto [P. Bicilli – Mikhail Popruzhenko: the Silence and the Languagelessness]. In *«Da se dade r"kovodeshcha nishka…»: Istoriya na ruskata literatura ot prof. P. Bitsili v tri knigi (B"lgariya, 1931–1934 g.)*. Sofia, Fakel, pp. 60–97.

Plavinsky, N. (1937). Gleb Voloshin. Nekrolog [Gleb Voloshin. Obituary]. In *Golos Rossii*. No. 56, 20 iulya, p. 8.

Данные об авторе

Петкова Галина – доктор филологии, доцент кафедры русской литературы Факультета славянских филологий, Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария).

Адрес: 1504, Болгария, София, Бул. «Цар Освободител» № 15.

E-mail: petkova@slav.uni-sofia.bg.

Authors' information

Petkova Galina – PhD, Associate Professor of Department of Russian Literature of Faculty of Slavic Studies, Sofia University "St. Kliment Ohridski" (Sofia, Bulgaria).

УДК 821.161.1-3. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-08. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-3.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

EARLY GULAG STUDIES BETWEEN OSTRACISM AND FORGETFULNESS

Yordan Lyutskanov
Institute for Literature at the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6363-1585

Abstract. This article is devoted to a group of closely related people who, having fought Bolsheviks, remained in Soviet Russia, adopting survivalist conformism, yet did not avoid arrest, prison, exile and camp; who escaped from the country to save their lives and speak analytically about the USSR; who fell into the trap of a "conspiracy of silence" which still lasts. Firstly, the notion of 'elsewhereness' is applied to their life-time peripeties. Secondly, 'liminality' the unity of those peripeties with a posthumous sequel, considering them part of the group's interaction with a hegemonising agency, showing the correlativity between 'elsewhereness' and 'liminality', and applying theoretic perspectives on 'liminality' by Spariosu and Szakolczai. Put differently, I view the condition of enduring a "conspiracy of silence" is viewed as an aspect of 'elsewhereness', and the policy of "silencing" the group as 'liminalisation', yet recognising that the 'agents' of "silencing" are themselves inscribed in a liminal situation. Thirdly, the non-personal object of "silencing" is identified – the set of accounts and ideas ignored due to their unpleasantness or to reservations about their source: the pre-Solzhenitsyn accounts and ideas about Gulag, at which anglophone scholarship arrives only recently as if at its own discoveries, while selectively ignoring the precedents. Fourthly, that set is related to 'elsewhereness' and 'liminality', viewing concentration camp experience as one both of 'being-elsewhere' and 'liminal', and the venture to create those camps as 'liminal'. Alongside with this, the heurism of generalisations by I. Solonevich, one of the members of the aforementioned group, and by some people who, in different times, followed the Solonevichs beyond the state border of the USSR (M. Nikonov-Smorodin, M. Heller), is demonstrated.

Keywords: Gulag studies; elsewhereness; liminality; exilic-utopian imagination; permanent liminality; Ivan Solonevich; Mikhail Nikonov-Smorodin; Mikhail Heller; conspiracy of silence

РАННЕЕ «ГУЛАГОВЕДЕНИЕ» МЕЖДУ ОСТРАКИЗМОМ И ЗАБЫВЧИВОСТЬЮ

Люцканов Й.
Институт литературы Болгарской АН (София, Болгария)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6363-1585

Аннотация. Статья посвящена размышлениям об опыте группы близких между собой людей, воевавших против большевиков, оставшихся по собственной воле в СССР, культивировавших в себе способствующий выживанию конформизм, но не избежавших ареста, тюрьмы, ссылки и лагеря; потом нелегально покинувших страну, не только с целью спасти свою жизнь, но и аналитически рассказать внешнему миру об СССР; наконец попавших в западню «заговора молчания», длящегося по сей день. Во-первых, к прижизненным перипетиям группы применяется понятие «инонаходимость». Во-вторых, эти перипетии, в единстве с их посмертным продолжением и с учетом их вписанности во взаимодействие группы с намного превосходящим ее контрагентом, рассматриваются при помощи понятия «лиминальность»; автором показывается коррелятивность двух понятий (инонаходимость и лиминальность) и применяются две разные теории «лиминальности» (Михая Спариосу и Арпада Шаколчая). Иными словами, подверженность «заговору молчания» видится как аспект «инонаходимости», «замалчивание» – как политика «лиминализации» группы, но и как симптом принадлежности самих «замалчивающих» лиминальной ситуации. В-третьих, очерчивается внеперсональный объект «замалчивания» – набор проигнорированных, из-за малоприемлемости источника либо их собственной нелицеприятности, сведений и идей: это до-солженицынские сведения и идеи о Гулаге, к которым современное англоязычное «гулаговедение» приходит, как бы выдавая их за собственные находки, игнорируя прецеденты. В-четвертых, этот набор сведений и идей соотносится с понятиями «инонаходимости» и «лиминальности»: лагерный опыт понимается и как «инонаходимостный», и как «лиминальный», а опыт создания Гулага – как «лиминальный». Попутно демонстрируется эвристичность обобщений одного из членов вышеуказанной группы, И. Солоневича, а также и некоторых из тех, кто в разное время последовал за Солоневичами по ту сторону государственного рубежа (М. Никонов-Смородин, М. Геллер).

© Й. Люцканов, 2021

Ключевые слова: гулаговедение; инонаходимость; лиминальность; экзильно-утопическое воображение; перманентная лиминальность; Иван Солоневич; Михаил Никонов-Смородин; Михаил Геллер; заговор молчания

Для цитирования: Люцканов, Й. Раннее «гулаговедение» между остракизмом и забывчивостью // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 96–106. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-08.

For citation: Lyutskanov, Y. (2021). Early Gulag Studies Between Ostracism And Forgetfulness. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 96–106. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-08.

Introduction

Having left the USSR in 1934, Ivan, Boris and Iurii Solonevichs were trapped in a "conspiracy of silence" – "We had to break it through, just as […] to the border of Finland."[1] [Солоневич 1936а: 2], – which still lasts in anglophone scholarship. With their narrative about the USSR unwanted, they fell from one 'mis-space' (cf.: mistime, mishap) into another. This experience can be conceptualised as liminal.

Elsewhereness and liminality

"Mis-space", or elsewhereness[2], is a 'family' of *psycho-physical* [Knapp 1991], incl. verbal, experiences of lack of home. It differs from both nomadism as voluntary non-'domestication' of any place and being-at-home. Deportation, emigration, inner emigration, intrastate exile and camp incarceration are its most visible 'members' in the twentieth century. A non-participation in a "conspiracy of silence", if one is a member of the "conspiring" community, is an essential aspect of a stance of inner emigration from that community, which rewards with ostracism.

In this article elsewhereness is approached[3] in terms of the theories of "rites of passage" (Arnold van Gennep, Victor Turner), proportionality of "exilic-utopian imagination" and "mentality of power" (Mihai Spariosu), and "hypermodernity" as a "permanent liminality" (Arpad Szakolczai). The kinds of elsewhereness are viewed as kinds of liminal experience within "complex large-scale societies".

Elsewhereness and liminality have common temporality. The goal of emigration is to cease being an emigration etc. Inner emigration has the same horizon, as well as intrastate exile, even when the sentence is for an indeterminate period. Special settlements are liminal in one more sense: of spatial transiency, due to repetitive resettlement of the punished groups [Бердинских 2005: 20, 21; Бердинских, Бердинских, Веремьев 2015: 135].

"Stressing the importance of *transitions* in any society, van Gennep singled out *rites of passage* as a special category, consisting of three sub-categories, namely *rites of separation*, *transition rites*, and *rites of incorporation*. Van Gennep called the middle stage in a rite of passage a *liminal period*" [Thomassen 2009: 6; cf. Turner 1977: 94]. The "threshold" people and situations oscillate between intra- and extrastructurality etc. [Turner 1977: 95, 200–202, cf. 116]. Without communities of premodernity, *anomie* could last indeterminately, or result into a formation of a new community [Thomassen 2009: 19–22; cf. Turner 1977: 107, 145–147, 167].

Commensurating elsewhereness with rites of passage allows for an inner periodisation and typology of events within any group of exiles etc. Yet it is not reducible to 'liminality'.

'Elsewhereness' is not rooted in the conceptualisation of rites. Its signified has a ritual character mainly from without and metaphorically (insofar a ritual is the kernel of a cyclic world order, a pledge for expectable restoration of what has been broken). It is temporary *not* by *convention*, one urging those who-are-elsewhere to acquire some properties which would make them normal members of the community left behind: despite that sentences to exile and camp incarceration are

[1] Translations throughout the article are mine, unless specified otherwise.

[2] In its use by the present author, the term "elsewhereness / инонаходимость" translates Claudia Pieralli's "altrove" [Pieralli 2013: 222], expanding its original context of application. In the same expanded sense, "инонаходимость" was used in a conference call for papers in 2018 ("Managing exile, suffering displacement, being an émigré: responsibility and mutual sympathy in the mirror of ego-documents and fiction", at https://www.fabula.org/actualites/managing-exile-suffering-displacement-being-an-emigre-responsibility-and-mutual-sympathy-in-the_84244.php; compare: http://www.ruthenia.ru/hronika.html?startdoc=1538032844).

[3] Impersonal syntax was an imperative choice of the copy-editor of this article.

for a definite term, that camps were called *correctional* labour ones[1], and that political émigrés hope for a victorious return. (Hope has replaced confidence). Elsewhereness is not possible without an axiological or political dissent between the 'leaving' and the 'staying' (/the relocating institution), a dissent encodable in terms of '(im)maturity' only by the latter party (which would wish to impose on the former the cultural archetype of the "prodigal son"). Homes that are left behind prepare themselves on a par with the elsewhere-being for the hoped for reaggregation, as vividly reflected in émigrés' imagination.

'Liminality' and 'elsewhereness' seem to converge, without any of them being metaphoricised, in "permanent liminality".

Elsewhereness from the standpoint of potential victim: liminality as an escape

Spariosu [2015: 25] founded on the notion of "protracted / permanent liminality", a peripheral for Turner, his definition of exile and utopia. He views sharp sensitivity to the linearity of time (and ensuing feeling of loss and emptiness) and the power of "exilic-utopian imagination" as the core properties of the "transhistorical" mindset of modernity [ivi: 13–16].

That sensitivity feeds a power-oriented mentality and the "agonistic dialectics" of tradition and modernity, and margin and centre [ivi: 15]. "Exilic" consciousness, captive to its groundlessness perceived as "ontological lack or emptiness", generates a compensatory utopia [ivi: XVII–XVIII]. In phases of higher intensity of modernity exilic-utopian imagination begins "experimenting with the communities in which it has originated" [ivi: 37–38].

A mentality that takes for granted a plurality of centres and stems from *philosophia perennis* [ivi: 12, 15–16, 26 etc] is deemed by Spariosu a way out [ivi: 13, 15]; viewing habitation in "no man's land" as an asset, it prolongs liminality into eternity [ivi: 25–26].

Spariosu animates Greek and Semitic prehistory of the word *limen*, the 'harbour' behind the 'threshold' [ivi: 22]. He includes the notions of Purgatory and exile into "liminality" [ivi: 22]. He deems exile a form of *ludic liminality*; a psychophysical condition of detachedness from home, either embroiled in nostalgia (and subsuming to the "agon" of "centre" and "margin"), or revolving into utmost creative freedom [ivi: 30–31], into an ability to affect both the society left behind and the host one, into an "utopia" in the sense of "a-topia", "nowhere", a neutral playing ground [ivi: 30, XVII etc][2]. 'Ludicity' domesticates liminality; it distinguishes exile and utopia from such liminal conditions as dreams, illness and death [ivi: 26].

Seeing exile as a *ludic* liminality stems from a genealogy of culture opposite to Huizinga's. According to Spariosu, it was not that play evolved into culture, but that "violent contest and power" "concealed under the veneer of rational, 'civilized' play to such an extent that the play concept itself has gradually become entirely separated" from them [ivi: 21]. That is why he sees behind exiling an "*agon*", archaic "power *game*" [ivi: 28–29].

Spariosu's theory of exile fits the case of Nabokov[3], but hardly those of Russian emigre communities of Sofia or Paris (and their not very individualistic-minded members). In group exile the foundational contentions of exilic condition: "cosmic freedom" vs nostalgia, 'ludicity' vs non-ludic belonging, – become complicated. Exile is agonistic but only *potentially* ludic, moreover that its ludicity is being chronically re-negotiated (being counterbalanced by a sense of guilt / duty to homeland *and* to the community of exiles).

It is possible to model an equidistant trajectory between freedom and nostalgia[4] (of responsibility?). Its geographical materialisation would be a habitat which, due to its historic and geographic properties, obliges to vigilance and agitation (as Finland or Bulgaria for a Russian émigré, Lebanon or Bulgaria for an Armenian exile). Or a habitat which, due to its political properties, lets preserve one's freedom from the agenda of the local centre of mentality of power, while preserving responsibility to the lost homeland: "we were not let in Paris, while Berlin does not suit us. […] *Segodnia* in Riga is impelled to praise Ulmanis. *Mech* in Warsaw – the heirs of Pilsudski. *Novoe*

[1] Due to lack of space I cannot deal here with the evolving rationale behind maintaining camps and with the divergent scholarly opinions about both the evolution and the rationale.

[2] Spariosu refers to Claudio Guillén's notion of "literature of counter-exile".

[3] The trajectory of life and works of Vladimir Nabokov can be viewed as an implementation of "counter-exilic" strategy, of choosing "freedom" at the expense of "nostalgia".

[4] Non-victorious return to (former) homeland is the physical *acme* of nostalgia.

Slovo in Berlin – Hitler. *Nash Put'* in Harbin – the fake Manchukuo and the fake pacifism of Japan, *Poslednie Novosti* – comrade Blum and the noble-mindedness of great democracies […] Sofia has a plenty of technical inconveniences […]. But […] here the newspaper can be independent" [Солоневич 1936б].

Somewhere just beyond this point, in the zone of "freedom", emerges bilinguality of elsewhere-being writers, which monoethnic mind tends to identify with bigamy [cf. Beaujour 1984: 64].

Partly analogical phenomenon is discernible within the 'undersoviet'[1] and the concentration camp life. An analogue of "freedom" would be mimicry; under "language" we would mean a 'mental and behavioural style': "If […] the camp is a copy of 'at liberty', then there ["at liberty"] too should exist 'leeches' [*pridurki*] of their own […:] the many-millioned bureaucratic apparatus of Soviet […] system. […] 'socrealism' of Gor'kii, Al. Tolstoi, Erenburg is followed in camp newspapers and magazines by petty writings of Shiriaev, Rozanov, Zaitsev, Solonevich" [Розанов 1979: 188]. "[…] I am very far from presenting myself as an innocent lamb: in that cruel everyday struggle for life, which goes on across Russia, such lambs have not remained at all […]" [Солоневич 1938: 6]. "The butchers are slaves too" [ivi: 306]. "But insofar to punch a militsioner's mug is an evident nonsense […] one had to resort to the favourite arms of slaves – to fraud [*zhul'nichestvo*]" [ivi: 15].

Mimicry eased the atomisation of undersoviet people. Zoological individualism, to which Soviet camps brought the confined [Геллер 1974: 266], and Stalinist authorities citizens in general [ivi: 233], embodies a degree of 'agonality' which is farthest from 'ludicity'; a solitary confinement in a metaphysical sense. (Cf. [Солоневич 1938: 48–49, 280]).

The theory of Spariosu enables us to analyse the involvement of elsewhere-being agents in the political game of the relocating power centre.

Elsewhereness from the standpoint of punishing order: liminality as entrapment

Unlike the literary scholar and historian of religion Spariosu, the sociologist Szakolczai views prolonged liminality not as an opportunity but as a danger. Within liminality unfollowed by reintegration, future is inherently unknown, and present becomes an experimental contesting ground between self-proclaimed "ceremony masters" who say that they have seen the future [Thomassen 2009: 21–22]. "Szakolczai argued that there are three types of permanent liminality, critically originating in the three phases of the rites of passage" [ivi: 22–23], seeing Soviet communism, "in which the Second World War never ended", as a formation "frozen" in the stage of reintegration[2] [ivi: 23].

Having analysed works by social thinkers of the last two centuries [Szakolczai 2000] and several European novels from the 1900s-1950s [idem 2017], he conceptalises "*permanent* liminality" as the basic property of that history of European humanity which started in 1914 and which he calls "hypermodernity": a self-instigating [cf. idem 2000: 217] programme, operating through the "smooth automatisms" and anonymous forces of markets, technology and "democracy (or mass-mediatised public sphere)" ("whether mediated by money or popular justice, the stock-market or the central committee"), aimed at destructing nature, God and tradition, and leading to "eternal flux and complete void" [idem 2017: 234–236].

I would view "hypermodernity" as a *hegemony* of "mentality of power".

The theory of Szakolczai urges to enrich the typology of liminality, confronting with the type of a liminal group within a society entrapped in permanent liminality.

A possible embodiment of this structural type is the 'camp within a camp', exemplified by a mid-1930s characterisation of the USSR: "[…] All that happens in a camp happens at liberty – and

[1] The word "*podsovetskii*" had circulation in the 1920s-1930s, and it can still be of non-rhetorical importance. Words of Andrei Siniavskii, cited by Mikhail Geller [1974: 324], can help understand the difference between being a Soviet and an undersoviet human: "The memory for revolution […] is as saint as is the image of one's dead mother. It is easier to agree that all that followed the revolution was a betrayal to it, rather than offend it with words of reproach or suspicion.". Siniavskii is squeezing out the Soviet man from himself.

[2] "Szakolczai invoked […] example for each type of permanent liminality: monasticism […], court society (with individuals continuously performing their roles in an endless ceremonial game […]) […] communist regimes sustained themselves by playing continuously on the sentiments of revenge, hatred, and suffering" [Thomassen 2009: 23]. But compare: "The authorities aim at world revolution. Given that hopes for an imminent achievement of this aim collapsed, the country has to be transformed into a moral, political and military lodgement, which would preserve, till a convenient moment, the revolutionary cadre, revolutionary experience and revolutionary army" [Солоневич 1938: 4–5]; I would see here a description of "freezing" in the stage of transition. Quite possibly, ca. 1945 the Soviet system switched from one to another kind of permanent liminality.

vice versa. […] In a camp the basics of Soviet power are given with the neatness of an algebraic formula" [Солоневич 1938: 5–6]. "In the camps goes a process of relative emancipation of the inmates, at liberty goes a process of absolute enserfment of the masses" [ivi: 6]. "Here are meant camp inmates in the strict sense of this word. Beside them, there exist all sorts of more or less imprisoned strata of the population" (*spetsposelentsy*[1], administratively exiled, and "voluntary exiled" peasants are listed) [ivi: 8], "[as for] the number of all these categories […] I have not […] even an approximate idea" [ivi: 8].

Today, anglophone researchers of Gulag come close to the outline by Solonevich, as if unaware of the precedent[2] and focusing on the *secondary* issue of permeability of the border (e. g. [Bell 2013; Shearer 2015]) between the inscribed and the inscribing: on the aptness of the metaphor which they took for an interpretative panacea – *archipelago*. Concurrently they approach an alternative metaphor, "the *empire* of Gulag" [Солоневич 1938: 5], thus again falling into unintended plagiarism[3].

Solonevich's *Rossiia v kontslagere* hints at a geometry of Soviet and camp spaces which differs from the one that loomed already in a book from 1925[4] and came to fame through the archipelago metaphor: not only at a form-in-a-form (matrioshka)[5], but at parallel-and-intertwining forms (a net of river beds and gullies?)[6].

The historiographic situation is visible through a block of articles devoted to Gulag and the "second" Gulag, the special settlements (see esp. [Shearer 2015: 712–718] and [From the Editors 2015]), and through [Brown 2007]. They have avoided the whole pre-Solzhenitsyn tradition of analysis of Soviet camps and society[7].

The neglecting and the neglected characterisations of the USSR / Gulag share the ideas that the whole of the USSR is a continuity of places of confinement, differing by degree of unfreedom; that it is a mosaic of jurisdictions (sometimes overlapping) and civil statuses; that there is no clear divide between 'slaughterers' and 'victims'.

"Permanent liminality" can be applied both to the Soviet societal system and to selectivity in its subsequent critique. "Hypermodernity" may have – after the victory over Nazism, denunciation of Stalinism and "*démontage*" of Soviet system – refuted its own dark side. But there remains a spot inaccessible to or safeguarded against critique: the *idol* of a self-sufficient, self-sanctioning and self-*redemptive* modernity. At times this *mythomoteur* is venerated in the "face" of "Revolution"; at times – in the (perceived) freedom from whatever

[1] "Thus, for example, in the B[elomor] B[altic] C[ombine] during my stay there were located 28000 families of the so called '*spetspereselentsy*' – these are Voronezh Governorat peasants, whole villages of which were exiled to Karelia for settlement under the supervision of BBC. They were in substantially worse condition than the camp inmates, for they were with their families and were not given *paiok*" [Солоневич 1938: 8].

[2] And sometimes they recycle it, blurring its informativeness. Nick Baron [2002: 179, n. 203] cites Solonevich via Mikhail Rozanov [1979: 183], having given [Baron 2001: 616, n. 4] an incomplete list of the sources on Solovki mentioned by Rozanov. Contrary to expected, the cited fragment does not answer the question what actually is the common ground between Soviet "at liberty" and Soviet camp. While the preceding sentence in the source [Солоневич 1938: 5] gives an answer to it, and on the previous page Solonevich is much more emphatic…

[3] A third related "discovery" is the acknowledgement that "[t]he Stalinist state was hardly the monolith of cold war legend", but underdeveloped and chaotic ([Viola 2007: 9], cit. in: [Finkel 2008]). Viola's approach is assessed as "updated revisionist". Yet even a cursory overview of the newspaper *Za Rossiiu*, issued in the 1930s by the prospective National-Labour Union, would have dispelled the "legend" long ago. More disturbing is the fact that the text of Viola counterposes "mercilessness of dictatorship" to weak development of state structures, the "context" of an agrarian country, and vast territories ([ibid], cit. in [ibid]). Such a counterposition is an implicit step towards absolution: being so weak and chaotic, Stalinist rule could not have been a genuine evil; apparently, "the environment had eaten on" even Stalin(ist state).

[4] "The camp was a copy of the Soviet 'at liberty', its microcosm, and this is confirmed by all chroniclers, beginning with Bessonov, i. e. since 1925" [Розанов 1979: 186].

[5] A "republic" has been "devoured" by a "kingdom" which is contained within an "empire" [Солоневич 1938: 6–7].

[6] "The camp in which we found ourselves – Belomor-Baltic Combine (BBC) – is an entire kingdom […] [C]amp's administration [is] in fact the government of the so called 'Karelian Republic' […]" [Солоневич 1938: 7]. "In the camps goes a process of relative emancipation […]" [6].

[7] E.g., D. Shearer [2015: 717] praises K. Brown [2007] for generalisations already uttered in the 1930s and substantiated by a historical account in the 1970s: "The decree of the C[entral] E[executive] C[ommittee] and the C[ouncil of] P[eoples'] C[ommissars] of USSR from 27 Dec. 1932, which established a system of internal passports for the urban population, should be regarded as the act which completed the creation of 'prison civilisation'" [Геллер 1974: 120]. (Heller discerned the main steps in and modes of "enserfment" of Soviet population, see esp. pp. 122, 124, 176). One gains the impression that reference to Solzhenitsyn is a kind of a ritual self-exemption from the necessity of referring to whatever else Russian emigre or dissident text, save as in its function of primary source (and not study). One of the reasons for the ostracism maybe lays in the apparent simplicity and value non-neutrality of categories used, e. g., by Heller ("the three whales of the prison civilisation are camp, fear and lie" [ivi: 125]), which arouses an anxiety of being non-impartial and unscientific.

ideological prejudices of the past, allegedly spoiling the credibility of a historical vision (irrespective of their link – or lack of such – to the particular subject of research). This twofold proposition is indebted to applying the theoretic perspective of Szakolczai to the observations of Heller on Soviet parting with Stalinism [1974: 272–281] and to my own on nowadays anglophone Gulag studies.

Two Gulags and two more (bypassing Solzhenitsyn's)

Historiographic amnesia concerns the "second Gulag" too. "Viola aptly calls this the 'unknown Gulag', for the special settlements have consistently been left out of histories of the Gulag. […] Solzhenitsyn […] lacking contact with and memoirs written by these peasants, […] could only mention their exile in Gulag Archipelago" [Jolluck 2011: 177].

It is unclear, to whom the world of special settlements was unknown and who left them out of their histories. Tacit normative expectation that historians of the USSR would *not* use publications in Russian is at hand[1]. Again a work from the 1930s is neglected: "spetsposelki" were referred to by Nikonov-Smorodin [1938[2]: 63, 96, 212, 257, 261, 272–273, 315–317, 332]…

The community of forgetful is being constructed by its late member: "Aleksandr Solzhenitsyn has been called 'one of the great truth-tellers of the twentieth century', and a breaker of the Soviet regime's 'blockade of silence'. The writer, who first revealed to his countrymen and the world the inhumanity of the Soviet penal labor system, was also a master of language." [Alexopoulos 2015: 499][3]. Turning from 'ecumenical' to the 'parish' dimension of the community, Alexopoulos thanks to ten named colleagues of his (judging from the names, English is native tongue to all of them) and to journal's anonymous reviewers for their comments on earlier version of the article. Such declarations are indirect and unintended acknowledgments of the normalness of authorities which maintained the camps. To verify this statement, let me introduce a different historical perspective: "*One Day of Ivan Denisovich* by A. Solzhenitsyn, printed in 1962, was the first truthful testimony for the existence of concentration camps, officially confirmed by the state." [Геллер 1974: 7]. Heller *does not* make the trustworthiness of the reported be contingent on a confirmation by the evil-doer, moreover, one not brought to court.

Heller's study is the first book on the "literature of Soviet repression" [Gullotta 2012: 73], or the "literature of Soviet trauma" [Gullotta 2011: 96], thus *Return from the Archipelago* by Leona Toker [2000] does not stay in such isolation as Gullotta wants us to believe; – despite that Heller analysed only texts published in the USSR and which mainly *produced* rather than carried trauma[4]. To publish the book abroad was the *sine qua non* to publish it, while being an émigré was not; both choices embody the core property of humanities, reflexivity, in its facet of constriction within a place. His study is especially valuable by inspecting the trauma 'from' the cause; by implementing the awareness that literature of inmates partly emerges as a reaction to the embodiment into life of the literary apology for *chekists* and camps.

Perspectives ought to be juxtaposed, as in court; and in order to make it clear that camp literature can cure trauma upon an adequate diagnosis (on it: [Геллер 1974: 255]).

Neglect of pre-Solzhenitsynean literature occurs even when expected excuses – the artistic convincingness of Solzhenitsyn and the inaccessibility of pre-WWII sources – are irrelevant. Lynne Viola issued her *Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant*

[1] A volume containing documents about special settlements [Царевская-Дякина 2004] was issued prior to Viola's monograph (2007); the monograph of Berdinskikh, with a section on *kulaks* exile, in 2005 [181–302]; other works in Russian, incl. ones with the participation of Viola, are mentioned in another review: [Moine 2007].

[2] M. Nikonov-Smorodin, *Krasnaia katorga*, Sofia, 1938. The book is included in the bibliographies of works on similar topics from the early 2000s [Dundovich, Gori, Guercetti 2003; Shapovalov 2001], but is not present in [Toker 2000]. It is contained in the catalogue of *Russia beyond Russia: The André Savine Digital Library*, created in 2008–2012 at the University of North Carolina (https://dc.lib.unc.edu/cdm/item/collection/rbr/?id=27322).

[3] Indeed, it is "the world" and his countrymen from the USSR to whom he revealed; émigrés (and anyone linked to their informational underground) fall out of this loose conceptual net. Alexopoulos is mercilessly right.

[4] "The entire Soviet literature can be analysed with an eye on its attitude to the 'world of concentration camps', as a reflection of some or other facets of the 'prison civilisation'. 'Camp literature' truly reflects the evolution of 'camp world'. […] For first time in Russian literature the role of the hero is assigned not to an inmate, but to a jailer, for first time the guilt is assigned not to the killer but to the killed […] A survey of Soviet 'camp literature', in combination with an analysis of historical facts linked to the genesis of concentration camps in the Soviet state, lets understand the causes for the transformation of Soviet society into a 'concentration [camps] world', into a 'prison civilisation', in the phrase of Nadezhda Mandelshtam." [Геллер 1974: 8].

Resistance (Oxford UP, 1996), managing to not mention an article published in 1935 in the then sole British academic journal in Slavic studies [Solonevich 1935], where, within an analysis of Soviet economic policy, an account on the techniques of peasant resistance is contained [ivi: 87–89, 94 etc.], and a 1931 Bogorodsk uprising is mentioned [ivi: 89]. The core idea of Viola's book: collectivisation is "a virtual civil war between the state and peasantry" [Viola 1999: 3], – could have been derived from *Rossiia v kontslagere*'[1], if it wasn't for Viola's *immunity* against pre-Solzhenitsynean Russian textual specimens[2].

An academic author in the UK in the 1930s, Violet Conolly, is overtly hostile to the book of Solonevich, beginning her 1938 review with a polemic and contestable claim ("[t]here is nothing but horrors in *Russia in Chains*" – while the book's author had declared from the outset that it is *not* about horrors, which were already known to the reader [Solonevich 1938: 18; Солоневич 1938: 5]) and continuing with the claim, supported neither by proofs nor by references[3], that the book is an outright unreliable testimony on life *outside* camps (yet the possibility of its reliability on camps is admitted), "the worst kind of anti-Soviet propaganda" [Conolly 1938b]. Judging from a review on her own book from 1937 [Coyne 1938], I suggest a hostility to regimes of knowledge deemed deviant rather than sympathy for the USSR. Her review on another witness' book on the USSR [Conolly 1938a] helps discern a tacit convention: to be received amicably, a work under review should avoid a forthright evaluation of its subject[4]. Half of the review is spent for a condescending discussion of the author's personality, based on the preface to the book. Rejection of the book's content is summarised thus: "to expect anybody to believe that the whole of the Soviet Union is to-day inhabited by a seething mass of discontented, hungry, miserable people forcibly kept in check by the Red Army"[5] "is sheer nonsense" (thus the topic of the methods of rule and the invitation to view camps as distillation of Soviet life are utterly ignored)[6].

Solonevichs are unmentioned in recent voluminous history of Gulag written by an author on the border between scholarship and politics [Applebaum 2003].

Quite lately, Leona Toker devoted seven hundred words to *Rossiia v kontslagere*, in a book comparing the literary productions of camp inmates from the USSR and Nazi Germany [Toker 2019: 52–53]. She provides the intellectual tradition in which she partakes with a number of alibi for using Solzhenitsyn as a starting point of studies of Gulag: she cunningly hints at antisemitism (a tactic one or sincere – it is all the same; such charge may inflict stigma) of Solonevich; mentions the Sovietophilia of leftist, and the tolerance towards the USSR of liberal, western intelligentsia, thus charging *it* with the responsibility for the blindness for Stalinism, while discharging western state apparatuses, democratically shaped public opinion and the community of academic experts in the USSR; without reasoning, suggests a deficit of artistic persuasiveness of pre-Solzhenitsyn testimonies on Gulag, and an adverse effect due to contradictions between those testimonies (possibly implying that readers read everything and compared).

The issue of the academic tradition's selective memory is screened by the issue of Solonevich's hypothetic influence on Solzhenitsyn.

Toker is silent on the literary output of *Boris* Solonevich, to mention his documentary novella 'A day of a physician in a Soviet concentration camp', coeval to *Russia in the concentration camp*'[7].

[1] "The watershed between authorities and the 'people' [*liud'mi*] is drawn with a severity that is usual only in epochs of foreign conquest. […]" [Солоневич 1958: 4].

[2] Viola takes two lines from Tvardovskii's *Land Muravia* as an epigraph for her introduction (publ. 1936). The earliest title on Soviet matters in her list of secondary works is from 1958. Her lists of primary and secondary works lack such by Russian émigrés, with the ambivalent exception of a book by Georges Agabekov (1931), a defected Cheka/OGPU officer.

[3] Judging from the neighbouring texts, the sole authority of the reviewer's personality was an argument in the genre of short review.

[4] Reticence towards issues requiring non-value-neutral stance is nurtured by a fatigue of stories about the Soviet "horrors". Cf.: "It is surely no longer necessary […] to insist *ad absurdum* on the incredible happenings of the early days of the Soviet regime." [Conolly 1939].

[5] I am not sure that the book says this.

[6] Thirty-one years later, the same author does not skip to indicate these methods, reviewing a book on Mongolia [Conolly 1969: 181].

[7] Both anglophone translations of the title "Rossiia v kontslagere", British and American, alleviate the effect of the original, depriving it of social-political concreteness, through metaphorisation (Russia in *chains*) or transfer into the plane of long-term literary history (*Paradise Lost*) [Solonevich 1938a, 1938b].

Non-mention of Solonevichs indicates an indifference to an undercurrent (actual or hypothetical) of anglophone knowledge about Gulag. The mainstream of this knowledge seems to be rooted in the agenda of Cold War[1], not in disinterested cognitive quest, humanitarian conscience or even anticommunism. That is why the mainstream traces its origin to the acquaintance with the two most famous works of Solzhenitsyn. It is a *history of victors*. Anglo-American participation in the physical triumph over Nazism opened the eyes for the fragmentary testimonies on the niceties of Stalinism but also precluded speaking of them, for a period.

Possible causes for the entrapment of pre-Solzhenitsyn sources on Gulag

The question can be divided into two. Why certain people did not trust the testimonies? Why do they (or related people) keep silent about them? I am postponing the answers to a subsequent publication.

Литература

Бердинских, В. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России / В. Бердинских. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – 765 с.

Бердинских, В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930-1950-х годов / В. А. Бердинских, И. В. Бердинских, В. И. Веремьев. – Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015. – 244 с.

Геллер, М. Концентрационный мир и советская литература / М. Геллер. – London : Overseas Publication Exchange, 1974. – 354 с.

Никонов-Смородин, М. Красная каторга: Записки соловчанина / М. Никонов-Смородин. – София : Изд-во Н.Т.С.Н.П., 1938. – 371 с.

Солоневич, И. Происхождение и цель «Голоса России» / И. Солоневич // Голос России. – 18 июня 1936. – № 1. – С. 1–2.

Солоневич, И. Почему в Софии? / И. Солоневич // Голос России. – 9 июля 1936. – № 4. – С. 3.

Солоневич, И. Россия в концлагере. / И. Солоневич. – 3-е изд. – София : Голос России, 1938. – 518 с.

Розанов, М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты – Домыслы – «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами : в 2 кн. и 8 ч. Кн. 1 (ч. 1-3) / М. Розанов. – США : Изд. автора, 1979. – 293 с.

Тэрнер, В. Символ и ритуал : пер. с англ. / В. Тэрнер ; сост. и предисл. В. А. Бейлис. – Москва : Наука, 1983. – 280 с.

Царевская-Дякина, Т. В. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / Т. В. Царевская-Дякина. – Москва : Росспэн, 2004. – 824 с.

Alexopoulos, G. Destructive-Labor Camps: Rethinking Solzhenitsyn's Play on Words / G. Alexopoulos // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History (New Series). – 2015. – Vol. 16, No. 3. – P. 499–526.

Applebaum, A. Gulag: A History / A. Applebaum. – New York : Doubleday, 2003. – 677 p.

Baron, N. Conflict and Complicity: The Expansion of the Karelian Gulag, 1923–1933 / N. Baron // Cahiers du Monde russe. – 2001. – Vol. 42, No. 2/4. – P. 615–648.

Baron, N. Production and Terror: The Operation of the Karelian Gulag, 1933–1939 / N. Baron // Cahiers du Monde russe. – 2002. – Vol. 43, No. 1. – P. 139–179.

Beaujour, E. K. Prolegomena to a Study of Russian Bilingual Writers / E. K. Beaujour // The Slavic and East European Journal. – 1984. – Vol. 28, No. 1. – P. 58–75.

Bell, W. T. Was the Gulag an Archipelago? De-Convoyed Prisoners and Porous Borders in the Camps of Western Siberia / W. T. Bell // Russian Review. – 2013. – No. 72. – P. 116–141.

Brown, K. Out of Solitary Confinement: The History of the Gulag (Review) / K. Brown // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2007. – Vol. 8, No. 1. – P. 67–103

Conolly, V. C. R. Bawden, The Modern History of Mongolia (London: Weidenfeld and Nicolson, 1968) (Review) / V. Conolly // Studies in Comparative Communism. – 1969 – Vol. 2, No. 2. – P. 179–183.

Conolly, V. Observation in Russia. By Sidney I. Luck (Review) / V. Conolly // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931–1939). – 1938. – Vol. 17, No. 6. – P. 868–869.

Conolly, V. Russia in Chains. By Ivan Solonevich (Review) / V. Conolly // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931–1939). – 1938. – Vol. 17, No. 6. – P. 869.

Conolly, V. Urch, R. O. G. The Rabbit King of Russia (Review) / V. Conolly // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931–1939). – 1939. – Vol. 18, No. 4. – P. 587.

Coyne, E. J. Soviet Tempo by Violet Conolly (Review) / E. J. Coyne // The Irish Monthly. – 1938. – Vol. 66, No. 775 (Jan. 1938). – P. 10–14.

[1] The guess is supported by this confession: "not far from the surface of American histories of the Soviet Union is a self-congratulatory subtext on the righteousness of the American way" [Brown 2007: 74]. What changed after 1945? The USSR did not become more inhuman (even, ostensibly, on the contrary – having triumphed over Nazism); but it occupied a piece of the 'outer' world, Eastern Europe. If we try a culturological explanation with [Neumann 1999] in mind: the USSR became dangerous to people deemed almost *worthy enough to* be defended. Now there was an excuse for a symbolic war. And under the circumstance of image problems for the major Western power (war in Vietnam), books of Solzhenitsyn could not but receive benevolent attention.

Finkel, S. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements / S. Finkel // History. – 2008. – Vol. 36, No. 1. – P. 71.

From the Editors // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2015. – Vol. 16, No. 3. – P. 469–475.

Gullotta, A. A New Perspective for Gulag Literature Studies: the Gulag Press / A. Gullotta // Studi Slavistici. – 2011. – Vol. 8. – P. 95–111.

Gullotta, A. Trauma and Self in the Soviet Context: Remarks on Gulag Writings / A. Gullotta // AutobiografiЯ. – 2012. – No. 1. – P. 73–87.

Jolluck, K. R. Lynne Viola, The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements (Review) / K. R. Jolluck // European History Quarterly. – 2011 – Vol. 41, No. 1. – P. 176–178.

Knapp, B. L. Exile and the Writer: Exoteric and Esoteric Experiences: A Jungian Approach / B. L. Knapp. – University Park (Pa.) : Pennsylvania University Press, 1991. – 253 p.

Moine, N. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements / N. Moine // Cahiers du Monde russe. – 2007. – Vol. 48, No. 4. – P. 728–732.

Neumann, I. Uses Of The Other: "The East" in European Identity Formation / I. Neumann. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1999. – 283 p.

Pieralli, C. La lirica nella 'zona': poesia femminile nei GULag staliniani e nelle carceri / C. Pieralli. // Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo / ed. A. Alberti, G. Moracci. – Firenze, 2013. – P. 221–246.

Reflections on the Gulag: With a Documentary Index on the Italian Victims of the Gulag / Eds. E. Dundovich, F. Gori, E. Guercetti. – Milano : Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, 2003.

Remembering the Darkness: Women in Soviet Prisons [anthology] / ed., trans. V. Shapovalov. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2001. – xiii+377 p.

Shearer, D. The Soviet Gulag – an Archipelago? Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2015. – Vol. 16, No. 3. – P. 711–724.

Solonevich, I. Collectivisation in Practice / I. Solonevich // The Slavonic and East European Review. – 1935. – Vol. 14, No. 40. – P. 81–97.

Solonevich, I. Russia in Chains: A Record of Unspeakable Suffering; Vol. 1; trans. by Warren Harrow. / I. Solonevich. – London : Williams and Norgate. – 315 p.

Solonevich, I. Soviet Paradise Lost; trans. by Warren Harrow / I. Solonevich – New York : Paisley, 1938. – 313 p.

Spariosu, M. I. Modernism and Exile: Play, Liminality, and the Exilic-Utopian Imagination / M. I. Spariosu. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. – xxi+209.

Szakolczai, A. Permanent Liminality and Modernity: Analysing the Sacrificial Carnival though Novels / A. Szakolczai. – Abingdon ; New York : Routledge, 2017. – ix+271 p.

Szakolczai, A. Reflexive Historical Sociology / A. Szakolczai. – London ; New York : Routledge, 2000. – xiv+281 p.

Thomassen, B. The Uses and Meanings of Liminality / B. Thomassen // International Political Anthropology. – 2009. – Vol. 2, No. 1. – P. 5–27.

Toker, L. Gulag Literature and the Literature of Nazi Camps: An Intercontextual Reading / L. Toker. – Bloomington : Indiana University Press, 2019. – xii+281 p.

Toker, L. Return from the Archipelago: Narratives of Gulag Survivors / L. Toker. – Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press. – xv+333 p.

Viola, L. Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance / L. Viola – Oxford ; New York : Oxford University Press, 1996. – 312 p.

Viola, L. The Aesthetic of Stalinist Planning and the World of the Special Villages / L. Viola // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2003 –Vol. 4, No. 1. – P. 101–128.

Viola, L. The Cold War in American Soviet Historiography and the End of the Soviet Union / L. Viola // The Russian Review. – 2002. – No. 61. – P. 25–34.

Viola, L. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements / L. Viola. – New York, Oxford : Oxford University Press, 2007. – xxv+278 p.

References

Alexopoulos, G. (2015). Destructive-Labor Camps: Rethinking Solzhenitsyn's Play on Words. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History (New Series)*. Vol. 16. No. 3, pp. 499–526.

Applebaum, A. (2003). *Gulag: A History*. New York, Doubleday. 677 p.

Baron, N. (2001). Conflict and Complicity: The Expansion of the Karelian Gulag, 1923–1933. In *Cahiers du Monde russe*. Vol. 42. No. 2/4, pp. 615–648.

Baron, N. (2002). Production and Terror: The Operation of the Karelian Gulag, 1933–1939. In *Cahiers du Monde russe*. Vol. 43. No. 1, pp. 139–179.

Beaujour, E. K. (1984). Prolegomena to a Study of Russian Bilingual Writers. In *The Slavic and East European Journal*. Vol. 28. No. 1, pp. 58–75.

Bell, W. T. (2013). Was the Gulag an Archipelago? De-Convoyed Prisoners and Porous Borders in the Camps of Western Siberia. In *The Russian Review*. No. 72, pp. 116–141.

Berdinskikh, V. (2005). *Spetsposelentsy: politicheskaya ssylka narodov SSSR* [Special Settlers: the Political Exile of the Peoples of the USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 765 p.

Berdinskikh, V., Berdinskikh I., Verem'ev, V. (2015). *Sistema spetsposelenii v Sovetskom soiuze 1930–1950-kh godov* [The System of Special Settlements in the Soviet Union of the 1930s–1950s]. Syktyvkar, Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN. 244 p.

Brown, K. (2007). Out of Solitary Confinement: The History of the Gulag (Review). In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 8. No. 1, pp. 67–103.

Conolly, V. (1938a). Observation in Russia. By Sidney I. Luck (Review). In *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931–1939)*. Vol. 17. No. 6, pp. 868–869.

Conolly, V. (1938b). Russia in Chains. By Ivan Solonevich (Review). In *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931–1939)*. Vol. 17. No. 6, p. 869.

Conolly, V. (1939). Urch, R. O. G. The Rabbit King of Russia (Review). In *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931–1939)*. Vol. 18. No. 4, p. 587.

Conolly, V. (1969). C. R. Bawden, The Modern History of Mongolia (London: Weidenfeld and Nicolson, 1968) (Review). In *Studies in Comparative Communism*. Vol. 2. No. 2, p. 179–183.

Coyne, E. J. (1938). Soviet Tempo by Violet Conolly (Review). In *The Irish Monthly*. Vol. 66. No. 775, pp. 10–14.

Dundovich, E., Gori, F., Guercetti, E. (Eds.). (2003). *Reflections on the Gulag: With a Documentary Index on the Italian Victims of the Gulag*. Milano, Fondazione Giangiacomo Feltrinelli. xi+705 p.

Finkel, S. (2008). The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. In *History*. Vol. 36. No. 1, p. 71.

From the Editors. (2015). In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. No. 3, pp. 469–475

Geller, M. (1974). *Kontsentratsionnyi mir i sovetskaya literatura* [The Concentration [Camps] World and Soviet Literature]. London, Overseas Publication Exchange. 354 p.

Gullotta, A. (2011). A New Perspective for Gulag Literature Studies: the Gulag Press. In *Studi Slavistici*. Vol. 8, pp. 95–111.

Gullotta, A. (2012). Trauma and Self in the Soviet Context: Remarks on Gulag Writings. In *AutobiografiЯ*. No. 1, pp. 73–87.

Jolluck, K. R. (2011). Lynne Viola, The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements (Review). In *European History Quarterly*. Vol. 41. No. 1, pp. 176–178.

Knapp, B. L. (1991). *Exile and the Writer: Exoteric and Esoteric Experiences: A Jungian Approach*. University Park (Pa.), Pennsylvania University Press. 253 p.

Moine, N. (2007). The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. In *Cahiers du Monde russe*. Vol. 48. No. 4, pp. 728–732.

Neumann, I. (1999). *Uses Of The Other: "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis, University of Minnesota Press. 283 p.

Nikonov-Smorodin, M. (1938). *Krasnaya katorga: Zapiski solovchanina* [The/A Red Katorga: Notes by a Solovki Inmate]. Sofia, Izdatel'stvo N.T.S.N.P. 371 p.

Pieralli, C. (2013). La lirica nella 'zona': poesia femminile nei GULag staliniani e nelle carceri. In Alberti, A., Moracci, G. (Eds.). *Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo*. Firenze, pp. 221–246.

Rozanov, M. (1979). *Solovetskii kontslager' v monastyre. 1922–1939: Fakty – Domysly – "Parashi": Obzor vospominanii solovchan solovchanami: v 2 kn. i 8 ch. Kn. 1 (ch. 1-3)* [The Solovetsky Concentration Camp in the Monastery. 1922–1939: Facts – Conjectures – Dirt: An Overview of Solovki Residents' Memoirs by Solovki Residents]. USA, Author's ed. 293 p.

Shearer, D. (2015). The Soviet Gulag – an Archipelago? In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. No. 3, pp. 711–724.

Shapovalov, V. (Ed). (2001). *Remembering the Darkness: Women in Soviet Prisons* [anthology]. Lanham, Rowman & Littlefield. xiii+377 p.

Solonevich, I. (1935). Collectivisation in Practice. In *The Slavonic and East European Review*. Vol. 14. No. 40, pp. 81–97.

Solonevich, I (1936a). Proiskhozhdenie i tsel' «Golosa Rossii» [The Genesis and Aim of "Voice of Russia"]. In *Golos Rossii*. No. 1 (18 June), pp. 1–2.

Solonevich, I. (1936b). Pochemu v Sofii [Why in Sofia]? In *Golos Rossii*. No. 4 (9 July), p. 3.

Solonevich, I. (1938). *Rossia v kontslagere* [Russia in Concentration Camp]. 3rd ed. Sofia, Golos Rossii. 518 p.

Solonevich, I. (1938a). *Russia in Chains: A Record of Unspeakable Suffering*; Vol. 1 / trans. by Warren Harrow. London, Williams and Norgate. 315 p.

Solonevich, I. (1938b). *Soviet Paradise Lost* / trans. by Warren Harrow. New York, Paisley. 313 p.

Spariosu, M. I. (2015). *Modernism and Exile: Play, Liminality, and the Exilic-Utopian Imagination*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. xxi+209.

Szakolczai, A. (2000). *Reflexive Historical Sociology.* London & New York, Routledge. xiv+281 p.

Szakolczai, A. (2017). *Permanent Liminality and Modernity: Analysing the Sacrificial Carnival though Novels*. Abingdon & New York, Routledge. ix+271 p.

Terner, V. (1983). *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow, Nauka. 280 p.

Thomassen, B. (2009). The Uses and Meanings of Liminality. In *International Political Anthropology*. Vol. 2. No. 1, pp. 5–27.

Toker, L. (2000). *Return from the Archipelago: Narratives of Gulag Survivors*. Bloomington & Indianapolis, Indiana University Press. xv+333 p.

Toker, L. (2019). *Gulag Literature and the Literature of Nazi Camps: An Intercontextual Reading*. Bloomington, Indiana University Press, 2019. xii+281 p.

Tsarevskaya-Diakina, T. V. (2005). *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaia polovina 1950-kh godov. Sobranie dokumentov v semi tomakh. T. 5: Spetspereselentsy v SSSR* [The History of Stalin's Gulag. End of 1920s – First Half of 1950s. A Collection of Documents, in 7 vols. Vol. 5: Special Re-settlers in the USSR]. Moscow, Rosspen. 824 p.

Viola, L. (1996). *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance.* Oxford & New York, Oxford University Press. 312 p.

Viola, L. (2002). The Cold War in American Soviet Historiography and the End of the Soviet Union. In *The Russian Review*. No. 61, pp. 25–34.

Viola, L. (2003). The Aesthetic of Stalinist Planning and the World of the Special Villages. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 4, No. 1, pp. 101–128.

Viola, L. (2009). *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. New York & Oxford, Oxford University Press. xxv+278 p.

Данные об авторе

Люцканов, Йордан – д-р (PhD) по русской литературе (2006); доцент (2013) сектора сравнительного литературоведения, Институт литературы Болгарской АН (София, Болгария).

Адрес: 1113, България, София, бул. Шипченски проход 52, блок 17.

E-mail: yljuckanov@gmail.com.

Authors' information

Lyutskanov, Yordan – PhD in Russian Literature (2006); Associate Professor (2013), Division of Comparative Literature, Institute for Literature at the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria).

«ЯЗЫК НАРОДА… ГЛАВНЕЙШИЙ И НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ РОДНИК НАШ»: К ЮБИЛЕЮ В. И. ДАЛЯ

УДК 811.161.1'374/3. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-09. ББК Ш141.12-420.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

ДАЛЬ – ЧЕЛОВЕК И СЛОВАРЬ (К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Рут М. Э.
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6253-5711

Аннотация. Автор размышляет о судьбе самого популярного в России словаря, принадлежащего перу лексикографа, этнографа и фольклориста В. И. Даля, анализируя принципы построения этой «энциклопедии народной русской жизни первой половины XIX в.» (В. В. Виноградов). Современники критично оценивали словарь, находя неудобным гнездовой способ организации материала, выискивая фактические ошибки и возмущаясь использованием вместо заимствований собственно русских слов, порой самим же Далем сконструированных. Не отрицая ошибок, необходимо подчеркнуть, что организация материала не случайна и вызвана полемикой с выходившими в то время нормативными и диалектными («областными») словарями, в которых слово представало в отрыве от его реализации в языке и речи. Ключевым в характеристике языка для Даля было слово *живой*, и именно на репрезентацию живых связей слов в языке «работают» принципы построения словаря: гнездовой способ подачи, наглядная демонстрация парадигматических и синтагматических связей слова в рамках одной словарной статьи, объединение в словаре лексики всех форм существования национального языка. Современные лексикографы, как правило, избегают воплощать эти принципы, ориентируясь на создание словарей-справочников, в которых в алфавитном порядке подаются слова, снабженные научной дефиницией и грамматическими и стилистическими пометами. Дополнением к содержанию словарной статьи по сравнению со словарями XIX века стали только иллюстративные примеры, подтверждающие значение данного слова. Последователей В. И. Даля в лексикографии практически нет. В качестве шагов на пути следования Далю упоминается Русский словарь языкового расширения А. И. Солженицына и словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири Г. В. Афанасьевой-Медведевой, в котором иллюстративные примеры с успехом решают задачу демонстрации жизни слова в речи и языковой системе. Между тем возврат к принципам талантливого лексикографа может оказаться весьма продуктивным.

Ключевые слова: русская лексикография; лексикографы; толковые словари; русский язык; лексикология русского языка; принципы построения словарей; связи слов

© М. Э. Рут, 2021

DAHL – A MAN AND A DICTIONARY (FOR THE 220TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH)

Maria E. Ruth
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6253-5711

The author reflects on the fate of the most popular dictionary in Russia, written by the lexicographer, ethnographer and folklorist V. I. Dahl, analyzing the principles of building this "encyclopedia of Russian folk life of the first half of the 19th century" (V. V. Vinogradov). Contemporaries critically evaluated the dictionary, finding the word family method of organizing the material inconvenient, looking for factual errors and being outraged by the use of original Russian words instead of borrowings, sometimes constructed by Dahl himself. Admitting some drawbacks, it is necessary to emphasize that the organization of the material is not accidental and is caused by a polemic with the normative and dialect (regional) dictionaries that were published at that time, in which the word was presented in isolation from its realization in language and speech. The key word in the characterization of the language for Dahl was the word *alive*, and it is precisely on the representation of the living connections of words in the language that the principles of dictionary compilation "work": word family method of presentation, a visual demonstration of the paradigmatic and syntagmatic connections of the word within the framework of one dictionary entry, combination of the vocabulary of all forms of the existence of the national language in the dictionary. Modern lexicographers, as a rule, avoid implementing these principles, focusing on the creation of reference dictionaries, in which words are presented in alphabetical order, supplemented with a scientific definition and identification of grammatical and stylistic markers. It is only examples illustrating the meanings of the words that have supplemented the content of the modern dictionary entry in comparison with the dictionaries of the 19th century. There are practically no followers of Dahl in lexicography. Mentioned as steps on the way to follow Dahl is Solzhenitsyn's "Russian Dictionary of the Language Extension" and the Sictionary of dialects of Russian first settlers of Siberia near Lake Baikal by G. V. Afanasyeva-Medvedeva, in which illustrative examples successfully solve the problem of demonstrating the life of the word in speech and the language system. Meanwhile, a return to the principles of a talented lexicographer can be very productive.

Keywords: Russian lexicography; lexicographers; explanatory dictionaries; Russian; Russian lexicology; principles of dictionary compilation; connections of words

Для цитирования: Рут, М. Э. Даль – человек и словарь (к 220-летию со дня рождения) / М. Э. Рут // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 107–116. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-09.

For citation: Ruth, M. E. (2021). Dahl – a Man and a Dictionary (for the 220th Anniversary of the Birth). In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 107–116. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-09.

Автор самого известного и, пожалуй, самого выдающегося в России словаря был весьма разносторонней личностью: потомственный врач, выполнявший свой долг и на поле боя, и у постели смертельно раненного А. С. Пушкина, талантливый инженер, этнограф, писатель – его перу принадлежит не один десяток художественных произведений, этнографических заметок и научных статей, – однако все затмил словарь «живого великорусского языка», являвшийся и для него главным трудом жизни, результатом более чем полувековых сборов русской лексики и русских пословиц и поговорок. В год юбилея хочется задуматься о феномене Даля как лексикографа и попытаться оценить обращенный в будущее его вклад в отечественную лексикографию. Тем более что в современной науке, как это ни парадоксально, лексикографическая деятельность В. И. Даля редко становится объектом научного исследования: хотя нет ни одной работы по русской диалектологии, где не использовались бы данные далевского словаря, о Дале много пишут в биобиблиографических изданиях, есть недавние работы по литературному творчеству В. И. Даля [например, Путилина 2008], по лексическим заимствованиям в его словаре и литературных произведениях [например, Чикова 2003], но сами принципы построения этого лексикографического уникума практически не обсуждаются. Не случайно сама оценка словаря обычно носит эмоциональный, образный характер – «энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX в.» (В. В. Виноградов), «рудник настоящего подлинного русского языка» (А. Шлейхер) и т. п.

Между тем анализ, как правило, оказывался весьма нелицеприятным. Негативные оценки

появились еще в ходе подготовки публикации – в четвертый том первого издания словаря вошла полемика В. И. Даля с А. Н. Пыпиным (правда, последний впоследствии открещивался от обвинений в нападках на словарь до его опубликования [Пыпин 1873], но основания для полемики у Даля были). А сразу после первого издания словаря началось бурное печатание дополнений и исправлений к словарю Даля, продолжавшееся до конца века. Резюмирует отношение к словарю статья «Даль» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона. Характеризуя В. И. Даля как «известного лексикографа» [Брокзауз, Эфрон: 946], авторы, тем не менее, дают словарю весьма низкую оценку: «Его словарь, памятник огромной личной энергии, трудолюбия и настойчивости, ценен лишь как богатое собрание сырого материала, лексического и этнографического (различные объяснения обрядов, поверий, предметов культуры и т. д.), к сожалению, не всегда достоверного» [Там же: 947]. К этому приговору добавляются еще и сомнения в реальности приведенных Далем слов, и критика этимологической системы подачи материала, «разумной в основе, но оказавшейся не по силам Далю» [Там же]. В конце статьи, признавая, что «Словарь Даля до сих пор является единственным и драгоценным пособием для каждого занимающегося русским языком», авторы вновь не удерживаются от порицания: «Даль один из первых занимался также русской диалектологией и был превосходным практическим знатоком русских говоров, умевшим по двумтрем сказанным словам определить местожительство говорящего, но никогда не мог воспользоваться этим знанием и дать научную характеристику знакомых ему диалектических особенностей» [Там же].

Конечно, в столь суровой оценке немало справедливого. Славянофильство В. И. Даля заставляло его весьма тенденциозно относиться к фактам русского литературного языка, диктовало борьбу с заимствованиями и стремление буквально силой «втащить» в русский язык эквиваленты для заимствованных слов, в том числе собственного сочинения. Кроме того, Даль, по собственному признанию, отнюдь не лингвист, и его этимологии часто наивны – и это в пору расцвета сравнительно-исторического метода в лингвистике! «Напутное слово» к словарю наполнено достаточно резкими высказываниями в адрес нормализаторов русского языка: в нем то говорится о «ложном, кривом направлении, которое… берет верх», то утверждается, что «нас завели в трущобу», то осуждаются «самоделковые слова, скованные по образцам славянским и греческим» или «готовые слова со всех языков» и «чужие обороты речи, бессмысленные на нашем языке» (Цит по: [Даль 1: XIII–XIV]). Этой ненавистной Далю «мертвой» нормализаторской деятельности и противопоставляется тот самый «живой» язык, который представлен в словаре.

Стремление представить в словаре живой язык носит, таким образом, явно дискуссионный характер, это не просто результирование собственной собирательской деятельности.

Важно подчеркнуть еще два обстоятельства. Во-первых, первая половина XIX века, большую часть которой В. И. Даль вел сбор русской лексики и русских пословиц и поговорок, прошла под знаком отработки принципов строительства русского литературного языка и осмысления его предназначения. В 1806–1822 годах выходит второе издание Словаря Академии Российской, дополняющее первое издание (1789–1794), при этом, в отличие от первого издания, слова в нем расположены по алфавитному принципу. Первый нормативный словарь содержит большое количество церковнославянской лексики, в том числе уже почти вышедшей из употребления, и достаточное количество лексики заимствованной, номинирующей новые реалии петровской и послепетровской России.

В 1847 году выходит Словарь русского и церковнославянского языка, подготовленный Вторым отделением Императорской Академии наук, т. е. фактически той же самой Российской Академией, которая была создана для подготовки первого нормативного словаря русского языка. Авторы-составители совместили в нем «нынешний русский язык, старинный русский и церковнославянский, как составные части живого языка, тем более что слова двух последних нередко являются у писателей наших в новых формах» [Словарь церковнославянского и русского языка 1: XII]. При этом одним из основных принципов подачи слов признается следующий: «Не обременять слов излиш-

ними примерами, а ставить только необходимо нужные для показания истинного значения их, особливо при словах малоизвестных или искаженных злоупотреблением» [Там же].

В этом первом после пушкинского призыва «учиться языку у московских просвирен» словаре нет и следа того языка, которым написан «Евгений Онегин», ставший манифестом нового литературного слога.

Во-вторых, в 50-е годы XIX века выходят востоковские диалектные словари, изначально задуманные как дополнение в словарю 1847 года: «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнение» к нему (1858), – где русские диалектные слова поданы со строгой научной скрупулезностью и точной географической паспортизацией, но без каких-либо текстовых иллюстраций, «обременяющих слова излишними примерами». Даль откликается весьма ревниво: в докладе «О Русском словаре», прочитанном на заседании Общества любителей российской словесности 6 марта 1860 года и являющемся презентацией его собственного словаря, он порицает методику сбора материала для «Опыта» (составители сами материал не собирали, а обрабатывали присланные по их заданию слова с различных территорий России), приводит список явных ошибок, связанных с нечеткостью почерков в чужих, присланных «по должности» письменных материалах [Даль 1955, т. 1: XXXIV–XXXV]; в статье «О наречиях русского языка», написанной по поводу издания «Опыта», сетуя на отсутствие предисловия к словарю, тут же сам дает пространный очерк великорусских наречий, явно щеголяя своим знанием материала, а в конце приводит на двух страницах перечень самых существенных недостатков «Опыта» [Там же: XLI–LXXXV].

Приведенные факты достаточно рельефно обрисовывают ситуацию, в которой создавался словарь. Можно выделить те дискуссионные зоны, в рамках которых В. И. Даль настойчиво выражал свое личное мнение, противопоставляя его существующему. Это, во-первых, отношение к народным наречиям: в предшествующих трудах областные слова, хотя и называются фактами живой речи [Опыт 1852: IV], однако постоянно оцениваются либо как «уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искаженные до крайности», либо как «обезображенные местным говором» [Там же]. Вынося слово *живой* в название словаря, Даль явно полемизирует с «Опытом», в названии которого этого слова нет. Искажение русского слова Даль видит не в диалектном произношении, но как раз в попытках «исправления» народного языка «коневодами, которых брезгливые уши к такой речи непривычны» [Даль 1955, т. 1: XIV]. Задача лексикографа, по В. И. Далю, – «раскрыть сокровища нашего родного языка, привести их в стройный порядок» [Там же: XV]. «Я положил живой устный язык русский, а паче народный, в основу своего труда <…> потому что язык этот силен, свеж, богат, краток и ясен» [Там же: XVII] – как перекликается эта установка с пушкинской!

Вторая дискуссионная зона – уже не содержательная, а формальная. Даль не приемлет алфавитный порядок слов, считая, что он «крайне туп и сух» [Там же: XVIII], и настаивает на гнездовой подаче лексического материала. С одной стороны, это формальное решение логически вытекает из содержательной задачи – именно гнездовая подача позволяет показать семантические и бытийные связи слов между собой, выявить глубинные смыслы исходных корней, прояснить внутреннюю форму многих слов. Конечно, на этом пути неизбежны ошибки (и Даль это хорошо осознает), но лингвистического позитива при этом гораздо больше. Родственные связи слова – часть его жизни. И даже возникающие при этом ложные этимологии – тоже вполне жизненные языковые факты. Отметим, что русская лексикография последовательно выбирает именно алфавитный порядок слов в словарях как наиболее удобный – об этом свидетельствует и сопоставление двух изданий Словаря Академии Российской, и история издания Словаря современного русского литературного языка в 17-ти томах, первые тома которого были построены по гнездовому принципу, в последующем сменившемуся на алфавитный порядок подачи лексического материала. Построить по алфавиту даже словарь В. И. Даля постарался И. А. Бодуэн де Куртене, готовя к печати его третье издание [Бодуэн де Куртене, 1903–1909]. Но для Даля гнездовой порядок принципиален, без него словарь теряет очень много.

Третья зона связана с объемом информации о слове. В живом языке слово не одиноко,

оно поворачивается разными гранями в речениях, словообразовательных цепочках, синонимических рядах. В вышедших до Даля (да и после Даля) словарях слово вырвано из речевого потока и снабжено только научным толкованием и грамматической информацией (для областного словаря – еще и географическими пометами). Это омертвленное слово, подобное растению из гербария, – так его ощущает Даль.

Таким образом, слово *живой* в названии словаря – не просто существенная характеристика материала, но и вызов оппонентам-предшественникам на стезе лексикографии. Этот полемический отклик и на словарь диалектной лексики, и на словарь литературного языка является важным компонентом далевской концепции живого языка и живого слова.

Насыщенный диалектным материалом словарь Даля многими воспринимается прежде всего как словарь диалектный. Между тем это словарь недифференцированный, включающий в себя факты как литературного языка, так и просторечия и диалектов. В лучших словарных статьях этот симбиоз выглядит просто блестяще. Позволим себе привести фрагмент словарной статьи на слово *ветер* (орфография заменена современной, по техническим соображениям сняты ударения, которые Даль ставит в большинстве случаев на приводимых словах):

ВЕТЕР, **ветр** м. движение, течение, теча, ток, поток воздуха. По силе своей ветер бывает: ***ураган***, квк. **бора**: ***шторм***, ***буря*** (обычно с бурей соединены гроза и дождь), *жестокий, сильный, ветрища*: *средний, слабый, тихий ветер* или *ветерок, ветерочек, ветерец, ветришка*; по постоянству силы: *ровный, порывистый, шквалистый, голомянистый, ветер духами*, арх.; по постоянству направления: *пассатный* или *полосовой*; *постоянный, вондулук*; *изменчивый, шаткий* или *переходный*; *смерч, вихорь* или *заверть*, т. е. *круговой*. По направлению вообще, ветры именуются странами света, для чего овидь делится на 32 части, по осьми в четверти (см. *компас, матка*). На устьях рек принято вообще два главных вида ветров: *морской, моряна, нагон, низовой*, и *береговой, матерой, горыч, сухмень, сгон, выгон, верховой*. *Русский ветер, с Руси*, арх. южный, сиб. западный. *Ветер с Руси потянул*. *Русский ветер тепла принес*. На Белом море называют ветры: *сивер, север*, С; *лето, летний, летник*, Ю; *восток*. В; *запад*, З; *полуночник, заморозник* или *рекостав*, СВ; *обедник*, ЮВ; *глубник, голоменник, в Коле побережник*. СЗ; *шалоник в Мезени паужник*, ЮЗ. Промежные страны или ветры назыв. там *межниками*, и обозначаются словами: *стрик* и *меж*, нпрм. в СВ четверти: *север стрик севера к полуночнику, меж севера полуночник, стрик полуночника к северу, полуночник, стрик полуночника ко востоку, меж восток полуночник, стрик востока к полуночнику, восток*. Ветры *на Онеге*: *продольный* или *столбище*, С; *ребровский*, Ю; *восток, восточный*, В; *средний*, З; *галицкие ерши*, ЮВ; *шалоник*, ЮЗ. *На Ильмене*: *сиверяк*, С; *зимняк*, В; *мокрик*, З; *подсеверяк*, СВ; *шалоник*, ЮЗ (*столбняк? меженец? озерник*, от Старой Русы? *крестовый-запад*, ЮЗ?); *подсиверный-запад*, СЗ. *На Селигере*: *север*, С; *полуден*, Ю; *восток*, В; *запад*, З; *меженец, межник*, СВ; *зимняк*, ЮВ; *мокрик*, ЮЗ; *крестовый запад*, СЗ. *На Псковском озере*: *северик*, С; *полуденник*, Ю; *теплик*, В; *запад*, З; *сточей* (*восточий*), СВ; *мокрик*, ЮЗ. На Волге: *хилок* или *сладимый*, Ю; *моряна*, СВ; *гнилой*, ЮЗ; *вешняк*, ЮВ; *горыч, нагорный*, ЮЗ; *луговой*, СВ. *На Каспийск. море* компас рыбаков флотский, т. е. голландский. *На Байкале*: *север* или *гора*, С; *полуденник*, Ю; *восток*, В; *култук*, З; *баргузин*, СВ; *горный, горыч, горыня*, СЗ; *глубник*, ЮЗ; *шелоник*, ЮВ. *На Дунае*: *полночь*, С; *полуденка*, Ю; *карасль*, ЮЗ; *обаза*, В. *В влгдск. белозер*, С. По направлению ветра в паруса: *фордак, фордевинд, прямой, в корму, байкал. обетонь*; *попутный*: *поветерь, бакштаг, полный*; *поперечный*: *поперечень, галфвинд, полветра, боковой, байк. покачень, колышень*; круче полветра: косой, *бейдевинд, круть, крутой, астрх. рейковый, арх. покосной, беть, байк. битезь*; встречный: *противень, противный, в лоб, лобач, лобовой*. | Пирожное *ветер*, *французский ветер*, крем, битые сливки, иногда на яйцах. | ****Ветер***, говоря о человеке: ветрогон, ветреный, скорохват; непостоянный, непоседный, ненадежный, опрометчивый. *Ветром подбитый*, то же. *Ветром делать что*: *ходить ветром*, делать все как ни попало, опрометчиво. *Ветер ходит в (по) комнате*, дует, несет, сквозит. *Как на ветер*, попусту. *Вей по ветру, а впротив (а всупротив) глаза запорошишь*, с силою не спорь. *Выше ветра головы не носи*, не забывайся. *С ветра пришло, на ветер и по-*

шло. За ветром в поле не угоняешься. Ведрами ветра не смеряешь. Спроси у ветра совета, не будет ли ответа? Кто ветром служит, тому дымом платят. Французский ветер, ветрог. *Откуда ветер подует*, угодничает; *куда подует*, не стоек. *Против ветра не надуешься. Не с ветра говорится то-то. Все пошло на ветер, промотался. Стрелять на ветер. Не верь ветру (коню) в море (в поле), а жене на воле (в доме). На ветер надеяться, без помола быть. От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом. Ветры дули, шапку сдули, кафтан сняли, рукавицы сами спали*, о пьянчуге. *Не подуйте на нас холодным ветром*, будь милосерд. *На ветру хорошо блох ловить*, смирны. *Ветер взбесится, и с бобыльей избы крышу сорвет. Откуда ветер? С завтрака* (или: *с полдника, с обеда*). *Ветер шелоник по Онеге разбойник*, юго-западный, опасный для судов. *На Астафья* (20 снтб) *примечай ветер северный, к стуже; южный, к теплу; западный, к мокроте; восточный, к ведру. На Евлампия* (10 октбр), *рога месяца кажут на ту сторону, откуда быть ветрам. Киргиз в степи – ветер!* ***Ветры*** мн. образующиеся в желудке и кишках газы, воздух, который пучит [Даль 1955, т. 2: 334–335].

Как известно, это только половина словарной статьи, поскольку дальше идут прилагательные от *ветер* (*ветреный*, *ветряный*, *ветровой* и т. п.), глаголы (*ветреть* и т. п.) и длинный ряд однокоренных существительных и образованных от них глаголов и прилагательных. Но и приведенный фрагмент достаточно подробно иллюстрирует принципы построения далевского словаря в их реальном воплощении. В содержательном плане это представление лексемы в лексической системе: в качестве толкования в статье дан синонимический ряд, причем даже не к слову *ветер*, а к слову *поток* (*движение*, *течение*, *теча*, *ток*) в дефиниции «поток воздуха». Такие синонимические ряды могут быть лишены комментариев, как в приведенных случаях, а могут содержать необходимые или вполне факультативные уточнения – «по силе своей ветер бывает: ураган, квк. бора: шторм, буря (обычно с бурей соединены гроза и дождь)» (подчеркнуто мной. – *М. Р.*). Представлен и спектр возможной сочетаемости слова *ветер – жестокий*, *сильный*, *тихий*, *слабый* и др. – снова через синонимические ряды, теперь уже атрибутивного плана. Постепенно синонимические ряды вырождаются в номенклатурные микросистемы названия ветров по частям света, причем с учетом достаточно большого количества региональных вариантов (на Волге, на Байкале, на Белом озере, на Каспийском море и т. п.).

Аналогичная процедура осуществляется по отношению к вторичным значениям слова *ветер*, ср. «ветрогон, ветреный, скорохват; непостоянный, непоседный, ненадежный, опрометчивый» о человеке.

Затем наступает очередь фразеологизмов и крылатых выражений, а также народных примет. В результате перед нами если не лингвистический портрет реалии «ветер», то по крайней мере богатейший материал для него. При этом свобода, некоторая даже небрежность подачи усиливает впечатление той «живости», пульсирующей действенности описываемой лексемы, которая присуща ей в речи. Автор как будто пробует слово на вкус, ищет в нем новые, пока, возможно, никому, кроме него, неизвестные смыслы и эмоциональные оттенки.

Конечно, в придании словам этой жизненной силы огромную роль играет диалектный материал, щедро рассыпанный по страницам словаря. Однако и собственно литературный и даже научный компонент здесь также присутствует. Ср. из этой же словарной статьи:

Ветреница ж. *ниж.* ветряк, ветряная мельница. | Ветреная женщина, безрассудная, вертопрашка, легкомысленная. | *Вост.* каждая из длинных хворостин, жердей, которыми покрываются стога, ометы и соломенные кровли изб, для защиты от бури; переметина; | *арх.* три верхние доски на ладьях, борта выше палубы, нашвы. | Внутренняя щель или трещина в лесе, в бревне; иногда щели эти выказываются наружу на отрубах. | Родовое название растений Anemone: *ветреница лесная*, A. Nemorosa; *в. желтая*, A. ranunculoides; *в. печеночная*, A. hepatica. | Болезнь emphysema, ветреная или воздушная опухоль, особ. в легких, или наружно, в клетчатке, под кожей. | Рычажок с крыльями или махалками, на оси, для умерения скорости вращательной силы; ветреницей устанавливается скорость боя часов [Даль 1955, т. 1: 335].

Есть особая прелесть в следовании друг за другом ветряной мельницы и ветреной жен-

щины. А появление латинских названий растений и болезни между повествованием о щелях в бревнах и «рычажке с махалками» – разве это не та самая подлинная жизнь языка, не считающаяся со строгими законами стилевых различий и призывами к единообразию?

Наверное, необходимо заметить, что в середине XIX века бытование диалектной лексики выглядело совершенно иначе, чем сейчас: диалектные слова слышались на улицах центральных городов в речи молочниц, возчиков дров, торговцев-разносчиков и прочего работного люда с той же частотностью, с которой сейчас мы слышим молодежный сленг. А в помещичьих усадьбах диалектная речь была еще более естественной. Другими словами, это была не terra incognita для образованного человека, это был привычный речевой фон, в котором без труда опознавались прозрачные по внутренней форме и ясные по смыслу слова народного быта. Тем естественнее воспринимались и синонимические ряды, и словообразовательные цепочки, в которых диалектное и общенародное тесно переплеталось.

Язык системен и в то же время проявляется в многоплановой, протеистичной и не подчиняющейся формальной логике речи. Именно это ощущение появляется при чтении Словаря живого великорусского языка. Именно это ощущение владело его автором. В этом плане словарь Даля перекликается со словарями, составленными диалектоносителями (см. об этом [Бондаренко 2021]), – в нем так же отражается наивное языковое сознание человека, жаждущего понять свой язык во всей доступной ему полноте, только Далю, образованному и широко эрудированному человеку своего времени, доступно гораздо больше. Это сочетание непосредственности и образованности отмечает в В. И. Дале и Е. И. Голованова, исследуя его как языковую личность [Голованова 2012].

Установка на воссоздание живого бытия языка делает словарь В. И. Даля не справочником, а Книгой о русском языке. Именно так она и прочитывается большинством читателей. При этом справочные возможности словаря тоже неисчерпаемы – это достоверная картина состава русской лексики середины XIX века. Современные системы поиска, уже используемые по отношению ко многим словарям и к словарю Даля в частности, делают получение справки вполне быстрым и надежным. Конечно, отмеченные современниками и последующими поколениями читателей ошибки – реальность, но это не меняет общей картины живого русского языка.

Итак, словарь В. И. Даля был новаторским по своему подходу к подаче лексического материала. Он первый постарался построить словарь так, чтобы каждая словарная статья была рассказом о слове в его связи с другими словами, что полностью соответствует природе слова. Он создавал не справочник, а слово о словах. Его опыт был оценен не до конца: восхищаясь самим материалом, мало кто восхищался его организацией, и весь последующий лексикографический опыт в России и затем в СССР стал отрицанием далевского подхода к словарной работе. Алфавитные справочники по лексике – литературной или диалектной – все строже систематизируют систему значений многозначных слов, совершенствуют словарные дефиниции, разрабатывают приемы отсылок внутри отдельных томов и все меньше содержат ошибок, но остаются сухими регистраторами лексического состава языка. Правда, возможно, именно благодаря В. И. Далю большинство словарей сейчас не обходятся без иллюстративного материала, который в какой-то степени восполняет недостаток информации о живой силе слова. Тем не менее опыт В. И. Даля так и остается уникальным в русской лексикографии. Хорошо ли это?

Постараемся еще раз сформулировать принципы Словаря В. И. Даля и оценить перспективы воплощения их в современных словарях.

Главная исходная установка В. И. Даля – представить (по возможности) в с ю русскую лексику – как литературного языка, так и «областных наречий» и даже социолектов.

Второй принцип – демонстрация существующих в языке и речи связей слова – как парадигматических (синонимия), так и синтагматических (сочетаемость, примеры употребления в народной речи), а также их словообразовательных возможностей.

Из этих двух содержательных моментов вытекает третий принцип – формальный: только гнездовой подачей лексики можно решить поставленные задачи.

Есть ли какие-либо прецеденты далевского подхода в современной лексикографии? Ответ

практически отрицательный. Особенно это касается первого из выделенных нами принципов: есть достаточно редкие примеры полных словарей того или иного говора, включающих, наряду с дифференцированной, и общенародную лексику [Деул. 1969; Акчим 1984 и след.], однако сколько-нибудь известных примеров репрезентации лексики, и литературного языка, и территориальных диалектов, и социолектов все-таки нет. В стремлении соединить все пласты общенародного языка ближе всего А. И. Солженицын. Его Русский словарь языкового расширения [Солженицын 1990] призывает обратиться к устаревшей и диалектной лексике, выбранной из словаря В. И. Даля, ибо, по мнению автора, все это слова, «никак не заслуживающие преждевременной смерти, еще вполне гибкие, таящие в себе богатое движение» [Там же: 4]. Тем самым А. И. Солженицын фактически повторяет намерение В. И. Даля «научить» читателя пользоваться богатством русского лексикона. Для этой цели хороши и диалектные слова, и архаизмы, и даже жаргонная лексика. Стоит ли говорить, что достижение этой цели столь же утопично, сколь и мечта В. И. Даля своей волей внедрить собственно русские слова вместо заимствованных?

Принцип демонстрации связей слова в словарной статье сейчас так или иначе реализуется в большинстве словарей, как в нормативных, так и в диалектных. В словарных статьях приводятся устойчивые сочетания и иллюстративные примеры употребления слов в текстах литературного языка или в диалектной речи. За счет использования отсылочных статей у читателя есть возможность получить информацию о словообразовательных вариантах и (реже) о синонимах. Однако эта информация разбросана по словарю и обычно «работает» только в одну сторону: в основной словарной статье информации об отсылочных статьях чаще всего нет. В диалектной лексикографии широкая подача иллюстративного материала иногда решает практически все задачи, решаемые далевским словарем. Приведем пример из диалектного словаря, где контекстный материал подается особенно щедро:

ВЕРХОВА, -ы, *ж.* **Ветер, дующий с верховьев реки. Ср.: ВЕРХОВИЧОК, ВЕРХОВОЧКА, *ВЕРХОВОЙ ВЕТЕР.**

На Байкале же разные ветра: *култуки* бывают, *ангары* бывают, запад, северо-запад, юго-запад. *Ангара* дак он такой вроде с *гольцов* ветер. Он большую зыбь разгоняет. Может лодку захлестнуть даже. Волна хорошая бывает. *Севера* бывают, потом **верхова** вот наша дует отсюда, с Баргузина. Здесь у нас не так, как туда в Кабанском. Здесь меньше дует, хватает у нас, а туда, там *баргузин* дует, боятся оне. Шибко боятся **верхову**. Она здесь набирает силу таку, дует здорово, волна тоже разыгрывается больше, а туды там у них на просторе-то в Кабанском дак сильна она **[398 (6). Макаринино Баргузинск. Бурятии]**. Раньше купцы товар возили в *Енисейск* отсюда, с *Кежмы*. Пять-шесть человек нанимают и плывут. В *илимках плавилися*.

[– До *Енисейска* долго шли? – Собир.].

А это никто не у*ш*ш*и*тат. Кака погода. Это Бог им только один судья. Никто не поймёт. Он*е щас* поплыли только, их отсюда выманило, **верхова** потянула. Не успели здесь-от до *Игренькова* доплыть, потянула *низова*. Да не такая, а *ломовая*. Их нисколько не несёт. Что делать? Вот пристают к берегу, вырубают ель здоровую и под лодку её подныривают, эту ель, чтобы пу*шше* несло. Ель же, у ней ветки-то огромные, воды-то забират она больше, и несёт быстрее.

[– А куда эту ёлку ставят? – Собир.].

На верёвках под днище подде*р*ьгивали, под лодку, под *перелозья*, чтобы несло больше. А потом её привяжут, чтобы её оттуда течением-то не выносило. И **верховой** её гнало. *А илимка* она *валу* этого не боится, она широкая, её не заде*ё*т и не почерпнётся. У ней верх-то крытый, чтобы товар-то дождём-то не хватало, она крытая.

[– А *ломовая*-то *низовка* – это какая? – Собир.].

Ну, *вал* с *белью* на реке идёт, что там… *Бараны бегают* по реке. Гребни срыват аж это, воду срыват с гребней. Ветер такой!

[– *Бараны бегают*, да? – Собир.].

Но. Называтся *бараны побежали – беляки*. Как *беляки* заходили, на маленьких лодках уже все к берегу. Там ехать уже нельзя, токо на больших.

[– Это *ломовая*, значит, *низова*? – Собир.].

Но. А которые оттуда идут, с низу поднимаются сюда, те похахатывают, те на «Вихре» мимо пролетели, как летучий голландец.

Оне-то на полном парусе, там двое на корму, чтобы не дай Бог не *зарискнуло перелозья*. И пошёл! Аж парус тре*шш*ит, мачта тре*шш*ит. Ну, мачта, она на четырёх верёвках е*шш*о растя-

нута, дёржится. И посвистывают ешшо, чтобы ветерок был. А эти им *стягом* грозят:

– Куда свистишь?

Потому что ветер пу*шше* будет. Вот так вот. Вот и удача. А кто расстояние, никак ты его никто не вы*шши*тат. Одне за неделю обернулись, а вторы полмесяца плыли *до Енисейска*. Как повезёт.

[– А «куды свистишь» – это что? – Собир.].

А чтобы… такое поверье было. Как посвистывашь, так ветерок попу*шше* и попу*шше*. Свистеть нельзя было, грех. Но-ка, вот раньше попробуй-ка в избе посвистеть!

[– А почему свистеть плохо-то? – Собир.].

Дак ты всё добро из дома просвя*стишь* и останешься без штанов, дак насвисти*сся*. Вот так. Свистунов из дома выгоняли. Раньше такой закон был.

[– А кроме *низовой*, там ещё какие-то ветра были на Ангаре? – Собир.].

Ну, у нас здесь постоянные токо *низова* и *верхова*.

[– А **верхова** – что за ветер? – Собир.].

Ну, вот с востока ветер и с запада ветер – вот это *низова* называлась, а это **верхова [399 (6). Кежма Кежемск. Красноярск.** (Баргузинск., Кабанск., Северо-Байкальск. Бурятии; Балаганск., Братск., Жигаловск., Казачинско-Ленск., Катангск., Качугск., Киренск., Нижнеилимск., Усть-Илимск., Усть-Кутск., Усть-Удинск., Чунск. Ирк.; Богучанск., Енисейск., Кежемск., Мотыгинск., Уярск. Красноярск.; Нерчинск., Сретенск., Шелопугинск., Шилкинск. Читинск.)] [Афанасьева-Медведева 2010: 293–295].

В данной словарной статье иллюстративный материал (связный текст) вмещает в себя все то, что представлено и в словаре В. И. Даля: и парадигматические, и синтагматические связи слова представлены очень ярко; кроме того, в словарную статью естественным образом включен обширный бытийный комментарий. Пожалуй, автор даже превосходит Даля по умению представить поистине живое слово, не прибегая к гнездовому способу подачи лексики. Правда, Даль не работал «в поле» и в те времена развернутый диалектный текст не ценился как предмет сбора.

Возвращаясь к принципиальному для В. И. Даля гнездовому способу подачи лексики, повторимся, что его возможности сейчас практически не используются, что связано с ориентацией на использование словаря прежде всего как справочного издания – и в нормативных словарях это вполне оправдано. Однако если смотреть на словарь глазами Даля-лексикографа, можно видеть и его просветительское, культуртрегерское значение, и тогда вопрос о новом Дале-словаре вполне может встать на повестку дня.

Литература

Акчим – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького ; гл. ред. Ф. Л. Скитова. – Пермь, 1984. – 398 с.

Афанасьева-Медведева, Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 6 / Г. В. Афанасьева-Медведева ; науч. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. – Иркутск, 2010. – 544 с.

Бондаренко, Е. Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание / Е. Д. Бондаренко. – М. : Индрик, 2021. – 584 с.

Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь. 1893 / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – URL: https://bookscafe.net/read/brokgauz_f-enciklopedicheskiy_slovar-260076.html. – Текст : электронный.

Голованова, Е. И. В. И. Даль как языковая личность: модель лексикографического описания / Е. И. Голованова // Мир русского слова. – 2012. – № 2. – С. 5–12.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – 2-е изд. – М. : Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1955.

Деул. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / материал собрали и словарь сост. Г. А. Баринова, Т. С. Коготкова, Е. А. Некрасова [и др.] ; под ред. И. А. Оссовецкого. – Москва : Наука, 1969. – 612 с.

Дополнение к Опыту областного великорусского словаря : Издание Второго отд-ния Имп. акад. наук. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1858.

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук / [редактор А. Х. Востоков]. – Санкт-Петербург : в типографии Императорской академии наук, 1852. – 275 с.

Путилина, С. В. В. И. Даль как литератор : дис. … канд. филол. наук / Путилина С. В. – М., 2008. – 143 с.

Пыпин, А. Н. По поводу «Толкового словаря» Даля / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1873. – № 12. – С. 883–903.

Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. – М. : Наука, 1990. – 272 с.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. – СПб., 1847. – 251 с.

Толковый словарь живого Великорусскаго языка Владиміра Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное изданіе / подъ редакціею проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – СПб. ; М. : Т-ва М. О. Вольф, 1903–1909.

Чикова, Т. В. Лексические заимствования в произведениях В. И. Даля (Казака Луганского) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Чикова Т. В. – Владивосток, 2003. 27 с.

REFERENCES

Afanasieva-Medvedeva, G. V. (2010). *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoi Sibiri* [Dictionary of Dialects of Russian Old-Timers of the Lake Baikal Region of Siberia]. Vol. 6. Irkutsk. 544 p.

Boduen de Kurtene, I. A. (Ed.). (1903–1909). *Tolkovyi slovar' zhivogo Velikorusskago yazyka Vladimira Dalya* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. Saint Petersburg, Moscow, T-va M. O. Vol'f.

Bondarenko, E. D. (2021). *Naivnaya lingvistika i dialektnoe yazykovoe soznanie* [Naive linguistic and Dialect Language Consciousness]. Moscow, Indrik. 584 p.

Brokgauz, F. A., Efron, I. A. (1893). *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. URL: bookscafe.net/read/brokgauz_f-enciklopedicheskiy_slovar-260076.html.

Chikova, T. V. (2003). *Leksicheskie zaimstvovaniya v proizvedeniyakh V. I. Dalya (Kazaka Luganskogo)* [Lexical Borrowings in the Works of V. I. Dahl]. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Vladivostok. 27 p.

Dahl, V. I. (1955). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols]. 2nd edition. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei.

Deul. Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo raiona Ryazanskoi oblasti) [Dictionary of the Modern Russian Folk Dialects (Deulino Ryazan Region]. (1969). Moscow, Nauka. 612 p.

Dopolnenie k Opytu oblastnogo velikorusskogo slovarya [Additional to the "Experience of the Regional Great Russian Dictionary"]. (1858). Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk.

Golovanova, E. I. (2012). V. I. Dal' kak yazykovaya lichnost': model' leksikograficheskogo opisaniya [V. I. Dahl as Language Personality: Model of Lexicographic Description]. In *Mir russkogo slova*. No. 2, pp. 5–12.

Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya, izdannyi Vtorym otdeleniem Akademii nauk [Experience of the Regional Great Russian Dictionary Published by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]. (1852). Saint Petersburg, v tipografii Imperatorskoi akademii nauk. 275 p.

Putilina, S. V. (2008). *V. I. Dal' kak literator* [V. I. Dahl as a Writer]. Dis. … kand. filol. nauk. Moscow. 143 p.

Pypin, A. N. (1873). Po povodu «Tolkovogo slovarya» Dalya [Regarding "Explanatory dictionary" Dahl]. In *Vestnik Evropy*. No. 12, pp. 883–903.

Skitova, F. L. (Ed.). (1984). *Akchim – Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo raiona Permskoi oblasti* (Akchimskii slovar') [Dictionary of Dialect of Akchim Village. Krasnovishersky District, Perm Region (Akchim Dictionary)]. Perm. 398 p.

Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym Otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk [Dictionary of the Church Slavonic and Russian Language, Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. (1847). Saint Petersburg. 251 p.

Solzhenitsyn, A. I. (1990). *Russkii slovar' yazykovogo rasshireniya* [Russian Dictionary of Language Extensions]. Moscow, Nauka. 272 p.

Данные об авторе

Рут Мария Эдуардовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306.

E-mail: moerut@yandex.ru.

Authors' information

Ruth Maria Eduardovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, (Ekaterinburg, Russia).

УДК 811.161.1'374/3. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-10. ББК Ш141.12-420.
ГРНТИ 16.21.29; 16.21.65. Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

СЛОВАРЬ В. И. ДАЛЯ И СОВРЕМЕННАЯ АССОЦИАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Гридина Т. А.
Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3993-5164

Аннотация. Статья вписывается в актуальное проблемное поле анализа словарных данных в методологическом ключе, что позволяет судить не только о составе и значении единиц соответствующего языка, но и об устройстве ментального лексикона и механизмах речемыслительной деятельности говорящих. Обосновывается корреляция толкового словаря В. И. Даля, в построении которого реализован гнездовой способ организации лексического материала, с принципами создания современных ассоциативных словарей, где слово предстает в свете его реальной психологической значимости для обыденного языкового сознания конкретных носителей языка. Новизну данного исследования составляет выдвигаемый постулат относительно того, что словарная статья, эксплицирующая мотивационные (формальные и/или смысловые) связи между родственными лексическими единицами в ходе их толкования, может быть рассмотрена как некий фрагмент ассоциативно-вербальной сети, отражающий динамику перехода от «гнезда слов к гнезду смыслов» в процессах порождения и восприятия слов в живой речи. В результате анализа выявлено, что к регулярно воспроизводимым (и соответственно актуальным для говорящих) словообразовательным прецедентам относятся: собирательные и абстрактные существительные (от глагола или прилагательного); гендерно маркированные словообразовательные пары; разновидовые глаголы, выражающие характер протекания действия (однократного, многократного, длительного); коррелятивные оппозиции возвратных и невозвратных глаголов; качественные прилагательные и наречия; отдельные наиболее актуальные, частотные и функционально специализированные словоформы разных частей речи и др. Операциональная сущность подобного словарного представления вполне соответствует моделям кустовой и цепочечной связи слов в их предречевой готовности, верифицируя потенциальные маршруты активации таких связей в ассоциативно-вербальной сети. Экспликация этих потенциальных «маршрутов» на основе направленных ассоциативных экспериментов – одна из перспектив современной ассоциативной лексикографии. Практический выход сопоставительного анализа словаря В. И. Даля как одного из уникальных источников изучения национальной ментальности и современных ассоциативных словарей связан с перспективой разработки функциональной модели обучения русскому языку (в том числе русскому как иностранному).

Ключевые слова: ассоциативная лексикография; ассоциативно-вербальная сеть; модели организации толковых словарей

V. I. DAHL'S DICTIONARY AND MODERN ASSOCIATIVE LEXICOGRAPHY

Tatiana A. Gridina
Ural Pedagogical State University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3993-5164

Abstract. The article fits into the urgent problem field of dictionary data analysis in terms of their methodological significance, which allows the author to speak not only about the composition and meaning of the units of the corresponding language, but also about the structure of the mental lexicon and the mechanisms of speech-thinking activity of the learners. The author substantiates the correlation of Dahl's explanatory dictionary, based on the principle of word family method of organization of material, with the principles of compiling modern associative dictionaries, where the word appears in the light of its psychological significance for the everyday consciousness of concrete native speakers. The novelty of this study lies in the postulate that a dictionary entry explicating motivational (formal and/or semantic) connections between related lexical units in the process of their interpretation can be considered as a fragment of an associative-verbal network reflecting the dynamics of transition from the "word family" to the "family of meanings" in the processes of generation and perception of words in living speech. As a result of the analysis, it was revealed that the word-formation precedents that are regularly reproduced (and, accordingly, are urgent for speakers) include: collective and abstract nouns (formed

© Т. А. Гридина, 2021

from a verb or adjective); gender marked word-formation pairs; verbs of different aspective semantics denoting various kinds of action (one-time action, repeated action, continuous action); correlative oppositions of reflexive and non-reflexive verbs; qualitative adjectives and adverbs; separate functionally specialized, frequent and urgent word forms of different parts of speech, etc. The operational essence of such a dictionary representation fully corresponds to the models of "cluster" and chain connection of words in their pre-speech readiness, indicating potential ways of activating such connections in the associative-verbal network. Explication of such potential "routes" based on specially oriented associative experiments is one of the prospects of modern associative lexicography. The practical outcome of the comparative analysis of Dahl's explanatory dictionary as a unique source for studying national mentality and modern associative dictionaries is connected with the prospect of developing of the functional model of teaching Russian (including Russian as a foreign language).

Keywords: associative lexicography; associative-verbal network; models of compiling explanatory dictionaries

Для цитирования: Гридина, Т. А. Словарь В. И. Даля и современная ассоциативная лексикография / Т. А. Гридина // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 117–126. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-10.

For citation: Gridina, T. A. (2021). V. I. Dahl's Dictionary and Modern Associative Lexicography. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 117–126. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-10.

Предварительные замечания

Лексикографическая практика (практика составления словарей, прежде всего, толковых) имеет давние корни и множество направлений, в рамках которых выработаны основные принципы описания лексических единиц, отражающих специфику данного языка. В настоящее время лексикография, оставаясь одним из главных способов обобщения и систематизации языкового материала, переходит на принципиально новый, концептуальный уровень его интерпретации, тем самым «…обретая методологическое содержание. Лексикография <…> все чаще трактуется как особое видение языка, обусловленное специфическими задачами, которые хотя и имеют прикладной характер, но видение, которое они задают, позволяет исследователям выявить в объекте (лексике) новые и весьма важные стороны. Подобным образом прикладные идеи приобретают методологический смысл и в других сферах лингвистики, скажем, видение русского языка как предмета обучения русскому языку как иностранному или как объекта машинного перевода ставит задачу практико-направленного упрощения модели русского языка, но результаты такого рода упрощения проецируются в саму языковую действительность как онтологическое его свойство…» [Голев 2015: 38].

К сказанному можно добавить, что акцент в представлении словарных материалов смещается в современной полипарадигмальной лингвистике в сторону выявления самих механизмов, лежащих в основе речевой деятельности.

В этом отношении показательны ассоциативные словари, предоставляющие материал для изучения скрытых от наблюдения речемыслительных процессов, лежащих в основе присвоения и использования конкретного языка его носителями.

Принципы ассоциативной лексикографии

Ассоциативная лексикография, возникшая в недрах психологии и психолингвистики, развивается в широком вариативном диапазоне исследования речевой деятельности и языкового сознания, что обеспечивает перспективу анализа самых разных языковых и речевых феноменов в свете их психологической реальности (см. [Гридина, Коновалова 2021]):

1) ассоциативные словари основываются на показаниях обыденного языкового сознания, которое отражает, прежде всего, наивную картину мира носителя языка;

2) ассоциативные словари фиксируют как социально отфильтрованные, так и индивидуальные проекции словесных знаков в сознании говорящих, включая зоны собственно значения, личностного смысла и «чувственной ткани» (перцептивных векторов аудиальной, визуальной, кинестетической модальностей восприятия номинируемых объектов);

3) в концепции создания ассоциативных словарей основным является тот постулат, что совокупность реакций, вызываемых вербальным знаком, отражает психологическую реальность значений этих знаков (слов, фразем, грамматических форм и т. п.) в сознании конкретных носителей языка; при этом зоны ядра

и периферии определяются статистическими показателями частотности предъявляемых реакций, что позволяет говорить как о репрезентативности экспериментальных данных, так и о природе соотношения стереотипизированных и индивидуальных ассоциатов (в том числе в плане проявления творческого потенциала языка, отражающего речевые практики социума и его конкретных представителей);

4) характер связей в ассоциативном поле слова является основой для моделирования особенностей организации ментального лексикона. Одной из версий представления ментального лексикона является модель ассоциативно-вербальной сети как динамического образования, работа которого характеризуется активацией «кустовых» и цепочечных связей слов и словоформ в их предречевой готовности, маркируя особенности ассоциативной грамматики. Ср.: «… ассоциативная грамматика – это не грамматика языка в обычном смысле слова, а грамматика речевой деятельности. Можно говорить и о том, что ассоциативная грамматика – это грамматика намерений, тенденций и готовностей говорящего; в ней нет правил в общем смысле слова, но есть прецеденты и предпочтения» [Караулов 1993: 248–252]; соответственно ментальный лексикон – это лексикализованная ментальная грамматика, задающая возможности порождения разных типов высказываний;

5) ассоциативное поле слова-стимула организуется по принципу ядра и периферии, отражая разные типы реакций, в числе которых выделяются парадигматические и синтагматические, соответствующие системным отношениям слов в языке; тематические реакции, связанные с личностным, контекстуально ориентированным регистром функционирования и соответственно восприятия слова (включая культурный фон).

В отечественной лексикографии самыми известными, репрезентирующими классическую модель создания ассоциативных словарей, являются «Русский ассоциативный словарь» (РАС) под ред. Ю. Н. Караулова [2002] и «Ассоциативный словарь» А. А. Леонтьева [1977], пионера в этой области. Указанные словари основаны на данных свободных ассоциативных экспериментов (САЭ), фиксирующих набор реакций на словесные стимулы с учетом их ядерности или периферийности для носителей русского языка. Совокупность таких реакций образует ассоциативное поле, в котором представлены как стереотипизированные, так и индивидуальные аспекты восприятия вербальных знаков. Для более глубокой дифференциации ассоциативного контекста слова как отражения его субъективной семантики в сознании носителей языка создаются словари с ограничениями, вводимыми в состав стимулов и реакций (например, тематическими), а также возрастными, гендерными и профессиональными ограничениями в выборке респондентов. См., например, «Словарь внешнего человека» [Коротун 2010]; ассоциативные словари, отражающие динамику языкового сознания детей разного возраста: дошкольников, младших школьников и подростков [Лемяскина 2000; Сдобнова 2015; Овчинникова 2000 и др.]; опыт экспериментального словаря, выявляющего ассоциативный потенциал окказиональных детских слов [Гридина 2018]; проект словаря пожилого человека [Бутакова 2021]. Особым направлением ассоциативной лексикографии являются учебные словари (см., например, «Учебный ассоциативный словарь русского языка» [Тарасов, Дронов, Ощепкова 2017], адресованный иностранцам, изучающим русский язык вне языковой среды и призванный эксплицировать ассоциативный диапазон восприятия слова, характерный для носителей определенной национальной лингвокультуры. Словарные статьи распределены в нем по тематическим сферам, к слову-стимулу (помимо толкования его значения) приводятся ряд наиболее частотных ассоциатов, зафиксированных в РАС, и типовые контексты употребления соответствующего слова). На экспериментальном материале (с применением метода САЭ) построен также «Толковый словарь русского языка глазами детей» [Палкин 2004], в котором представлен ассоциативный контекст и выделены типовые стратегии семантизации общеупотребительных слов русского языка школьниками (11–12 лет) в соотношении с объяснениями значений тех же слов в нормативных толковых словарях.

Теоретический выход из словарных данных напрямую зависит от воплощенной в их описании концепции.

Изучение корреляций между значениями слов, отраженными в толковых словарях, и ас-

социативным контекстом вербальных знаков в сознании конкретных носителей языка составляет актуальное поле разработки функциональных лексикографических моделей, которые соединяли бы фиксацию фактов языка с прогнозом их восприятия и появления в речи. Ассоциативные словари дают представление о разных видах связей между единицами ментального лексикона, актуализируемых в речевой деятельности конкретных индивидуумов. При этом концепция ассоциативных словарей, казалось бы, совершенно отличающаяся от существующих в лексикографической практике способов семантизации слов, не только не опровергает, но и в известной степени оказывается «отзеркаливанием» организации фрагментов языкового континуума, которые представлены в уже освещенных традицией толковых словарях.

Такие корреляции обнаруживаются, в частности, между современными ассоциативными словарями и словарем В. И. Даля. Эти корреляции тем показательнее, что сам Даль, описывая назначение своего словаря, формулирует идею запечатления реальной картины функционирования языка в живой народной речи, что, по сути, составляет один из ключевых постулатов ассоциативной лексикографии.

Приведем для иллюстрации сказанного пример описания слова БАЛАМУТ в лексикографической версии создания «Словаря народных этимологий и мотивационных ассоциаций» [Голев 2015] в сравнении с представлением этой лексемы в толковом словаре В. И. Даля. В указанном проекте ассоциативного словаря каждое из слов-стимулов рассматривается в свете того типа реакций, которые определяют характер восприятия мотивированных и немотивированных наименований в обыденном сознании носителей языка – с учетом разных типов сближений – «формальных (ФА), формально-смысловых (ФСА) или только семантических (СА)»:

БАЛАМУТ, -а, м. ФСА (58) ФА (10) СА (9):

ФСА – мутить 24, бологур (написание как в источнике цитирования. – *Т. Г.*), балалайка, мутный, болтать, болтает, муть, балагурить, балда, баламутить, баловаться, ломать;

ФА – бал 7, мут 5, омут 3; баланда 2, болото 2, мук, хомут;

СА – весёлый 4, бездельник, бить баклуши, врун, дурить, пустослов [Голев 2015: 41].

Устанавливаемые мотивационные связи, как это свойственно живой речи, нередко носят ложноэтимологический характер[1]. Важно подчеркнуть, что установление «родства» слов (в частности, и по случайному созвучию) базируется на той мотивационной пресуппозиции, что фонетическое сходство является признаком однокоренных слов, определение значения которых подчиняется «закону выводимости» смысловой связи этих слов.

Результаты ассоциативных экспериментов со всей очевидностью подтверждают психологическую реальность мотивационных отношений (в том числе ложноэтимологических) для языкового сознания носителей языка, выявляя информационную «силу» внутренней формы слов в поиске или объяснении, уточнении их смысла, актуального для речевой деятельности как языкового коллектива в целом, так и для конкретной личности.

Иначе говоря, связи однокоренных слов имеют непосредственную значимость для их толкования, что нашло отражение в лексикографической концепции В. И. Даля, использовавшего гнездовой способ представления значений однокоренных слов (включая и ложноэтимологические версии их отнесения к одному гнезду).

У Даля данное существительное находим в словарной статье глагола **БАЛАМУТИТЬ**, ***баламучивать*** что, кого; **мутить**, **болтать**; полошить, волновать, беспокоить, тревожить попусту; поселять раздор, сплетнями, наговорами, неуместными советами; **смущать**, подбивать на что; **возмущать**, **-ся**, поддаваться этому влиянию, подпадать ему. *На что ты квас баламутишь. Нехорошо шутишь, людей баламутишь. Баламучивать, постоянно заниматься баламутами. Он всех* ***взбаламутил***. ***Добаламутишься*** *до греха. Опять* ***забаламутил***. ***Избаламутилась*** *баба совсем.* ***Набаламутил****, что не разделается.* ***Побаламуть*** *у меня еще, я тебя!* ***Пробаламутничала*** *век, всегда баламутила.* ***Разбаламутилась****, не уймешь.* ***Баламученье, баламутничанье*** *ср.*

[1] См. выделение формального, формально-смыслового и собственно семантического ассоциирования как основания для разграничения разных типов народной этимологии в [Гридина 1998].

действие по значению глагола. <…> ***Баламут***, ***-мутник***, ***-мутчик*** *м.* ***-мутка***, ***-мутница*** *ж.* кто баламутит; переносчик, сплетник; умышленно поселяющий раздор, ссоры (+ другие значения слова, непосредственно связанные с физическим действием по глаголу мутить «взбивать, молоть, перемешивать и т. п. – *Т. Г.*) [Даль 1989, т. 1: 41].

Как видно из этого фрагмента словарной статьи, Даль толкует существительное *баламут* как производное от глагола, значение которого раскрывается через мотивационный перифраз, отсылающий к этимологии слова (формально-сематический тип ассоциирования); в более развернутом виде содержание слова представлено синонимическими (смысловыми) коррелятами и контекстами живой народной речи, включающими не только сам глагол *баламутить*, но и его префиксальные производные и актуальную для данной группы однокоренных глаголов грамматическую форму императива (выделено жирным. – *Т. Г.*). Существительное *баламут* воспринимается в ассоциативном контексте характеристик глагола *баламутить* и его производных, демонстрируя интерпретационную валентность связей слов в словообразовательном гнезде.

Ср. ассоциаты на данный стимул в [РАС 2002, т. 1: 42]: баламут – … **мутная** вода 2, **бала**-**мутить** воду, **бал**бес, **бал**деж, **бол**тун, **бала**гур, в **бала**гане, **обол**тус, **омут**, и **бала**гур, оболтус 1.

Регулярность фиксации подобных ассоциаций почти в каждой статье РАС обнаруживает их релевантность и актуальность для носителей языка в плане объяснительной направленности. И, хотя частотность появления и характер связи родственных слов (или слов, которые представляются говорящему таковыми) у разных стимульных единиц различен, появление того или иного однокоренного ассоциата у лексем определенной грамматической категории, тематической группы, словообразовательной структуры, семантической ориентации – в известной степени предсказуемо. Ср., например, появление диминутивных образований в качестве ассоциатов у личных имен собственных, представленных в виде стимулов; вероятность наличия в ассоциативном поле глагола существительных, называющих деятеля; кодериватов от терминов родства и т. п. Среди однокоренных ассоциатов к слову-стимулу можно встретить и словообразовательные инновации (синонимы), и случаи народной этимологии, связанные с рефлексией над мотивированностью стимульного слова или транслирующие уже существующие прецеденты (сближения неродственных слов на основе чисто формальных созвучий или формально-смысловых ассоциаций, в том числе случаи преднамеренной языковой игры).

Вот лишь некоторые примеры из первого тома РАС: **ад** – *администрация* (ложноэтимологическое сближение, вполне вероятно, преднамеренное – языковая игра); ср. ассоциативные сближения однокоренных слов: **азбука** – *азы, буквы, буква, букв, букварь*; **агрегат** – *агрегатное состояние вещества* (производное от стимульного слова прилагательное в устойчивом словосочетании) и *акселерат, конгломерат* (паронимическая аттракция); **Айболит** – *болит, душа болит, заболеть* (однокоренные ассоциаты, включающие шутливое устойчивое выражение, рифмующееся со стимульным словом: игровой ассоциат); **аккорд** – *аккордеон* (формально-смысловое сближение однокоренных слов); **аксакал** – *саксаул, поскакал, проскакал, ускакал* (созвучные слову-стимулу и рифмующиеся с ним ложноэтимологические ассоциаты); см. также: **баобаб** – *бабский, баодед, любит баб* (языковая игра на основе ложной этимологизации стимульного слова, образование псевдоантонима); **активный** – *активист* и **активист** – *активный* (взаимообратимые смысловые связи однокоренных слов в словообразовательной паре); **атом** – *о том, о сем* (омофоническое переразложение слова – игровой прецедент); см. также примеры ассоциативных реакций, которые представляют собой толкование слова-стимула через однокоренные синонимы: **байки** – *прибаутки (2), баять, иначе рассказывать байки, побасенки*. **Бездушный** – *нет души* (мотивационный перифраз). В статьях ассоциативного словаря встречаются диминутивы от слова-стимула: **бабушка** – *бабулечка, бабуля*. Ср. ономастические дериваты такого рода: **Ваня** – *Ванечка, ванька-встанька, не ходил бы ты, Ванек, во солдаты*. Нередко в качестве ассоциатов выступают однокоренные слова, их словоформы или само стимульное слово в составе устойчивых оборотов: **баран** – *баранина, баранов, бараном, есть баран, и есть баран, уставился, как баран.*

В особую группу можно выделить ассоциаты, составляющие со словом-стимулом синонимическую или антонимическую оппозицию: **безвредный** – *вредный (26), безобидный (7), безопасный (2), вредина, вредитель*. Интерес представляют и словообразовательные синонимы или антонимы к слову-стимулу, нередко окказиональные, часто экспрессивно-оценочные: **бесконечность** – *бесконечка*, **безмозглый** – *мозглый, мозговитый. Болтун – Шалтай-Болтай* (ср. одноструктурные синонимы – *говорун, врун и хохотун*, а также *пустобрех с балалайкой, многослов, лапшист*).

Направленные ассоциативные эксперименты, безусловно, могли бы дать более полную картину относительно роли деривационных связей в организации ментального лексикона. Вместе с тем вполне очевидно, что сближения однокоренных слов, спонтанно возникающие в сознании говорящих в процессе реагирования на слово-стимул в ходе САЭ, не являются случайными, обнаруживая онтологическую значимость мотивационной рефлексии как механизма речемыслительной деятельности – с учетом ее национальной специфичности (см. [Гридина, Коновалова 2017: 119–131]).

Составляя свой «Словарь живого великорусского языка», В. И. Даль, по сути, создает уникальную лингвокультурологическую версию лексикографического описания материала и, кроме того, использовав гнездовой принцип его организации, предвосхищает перспективу рассмотрения деривационных связей в речедеятельностном ключе, с учетом специализации грамматических и семантических функций однокоренных слов в живой народной речи.

Вот что он пишет о назначении и структуре своего лексикографического проекта в предисловии «О русском словаре. *Читано в Обществе Любителей Российской Словесности, в частном его заседании 25 февраля и в публичном 6 марта 1860 года*» [Даль 1989, т. 1: XXXIX–XLVIII]:

1. «Словарю дано название: Словарь живого великорусского языка: в него должна бы войти вся живая речь нынешнего великорусского поколения…», включая иностранные слова, «которые и поныне живут в народе, хотя их мало знают». … «Главное внимание обращалось на язык простонародный», в котором отражается «дух языка» <…> «Но составитель словаря не укащик (=указчик) языку, а служитель, раб его» [Указ. соч.: XXXIX–XL].

2. «…Я в словаре своем, не занимаясь корнями слов, старался, однако же, **указывать везде на взаимную связь** (выделено нами. – *Т. Г.*), а где это, по искажению или по другим причинам казалось сомнительным, там я ставил вопросительный знак» [Там же: XLIII].

3. «Какой вид или образ придать словарю, как его расположить? … Я избрал путь средний (т. е. не по алфавиту и не по корню – *Т. Г.*): **все одногнездки поставлены в кучу, и одно слово легко объясняется другим**. Одногнездками называю я глагол с производными: существительными, прилагательными, наречиями и другими частями речи. **Но предложные** (= приставочные производные. – *Т. Г.*) **слова того же гнезда отнесены на свое место, и там нередко образуют опять свои гнезда и кучки**. *Ходить, хаживать, хожденье, ход, ходьба, хода, ходебщик, ходуг, ходовик, ходкий, ходовой* и пр. стоят как бы в одной статье, в которой размещены по удобству; но *захаживать, заход, захожий, находить, находка* и пр. поставлены особыми кучками, на свое место. Впрочем, при каждом простом глаголе приводятся примеры всех образуемых от него предложных (читай: приставочных. – *Т. Г.*) глаголов. Такой порядок приведен у меня не строго… однако же… **наглядность связи и образования слов много выигрывает**. <…> «Всякий глагол способен принять все изменения, отвечающие разуму, смыслу, значению его: **сумейте употребить его, и вы, удачным применением в новом смысле, мигом создали целый ряд новых для него переходов**» [Там же: XXXI].

4. «Примеры взяты **из обихода**, из простой русской речи, и туда вошли десятка три тысячи пословиц, поговорок и разных народных речений» [Там же: XLI].

5. [Толкования слов ориентированы **на обыденное языковое сознание**. – вставка наша. – *Т. Г.*], «…часто представлены через перечисление конкретных видов, соотносительных с общим обозначением: гриб – виды грибов; описывается способ изготовления какого-л. предмета, его составные части, приводятся диминутивы, свойственные разговорной речи. «Большая часть полных глаголов, особенно предложных, **дают непосредственно четыре существительных**: два среднего рода – одно

из них от неопределенного или длительного вида, другое от окончательного; два остальных – одно мужского, другое женского рода одинаково относятся к обоим видам. Называю сущ. эти: длительным, окончательным и общим; иногда бывает еще однократное. Например, от посевать, посеять: посеванье *длит.*, посеянье *оконч.*, посев и посевка *общ.*» [Там же: XLII–XLIII].

Таким образом, в словаре В. И. Даля представлены развернутые гнезда однокоренных слов (в том числе включающие и ложноэтимологические корреляты), которые наглядно демонстрируют механизмы развития значений и характер контекстуальной актуализации словообразовательных дериватов. В этом отношении словарная статья предстает как некий фрагмент ассоциативно-вербальной сети, отражающий динамику перехода от «гнезда слов к гнезду смыслов» в процессах порождения и восприятия речи.

В свете корреляций с современными ассоциативными словарями «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля можно рассматривать в следующих ракурсах:

– Семантизация слов отражает, прежде всего, аспекты обыденного языкового сознания, свойственного носителю русского языка и традиционной народной культуры.

– В каждой словарной статье отражена, с одной стороны, типовая семантика, с другой стороны, индивидуальная идиоматика ассоциативного поля однокоренных дериватов. Ср., например: **ВАРВАРЪ** м. человек необразованный, грубый, невежа и невежда; || свирепый, жестокий, немилосердный. ***Варварка*** ж. бран. то же. || ***Варваровъ***, ему принадлж.; ***варварский***, ему свойственный. ***Варварство*** ср. невежество, грубость, дикость, небрежение к просвещению; || жестокость, свирепость. ***Варварствовать***, поступать варварски; коснеть в невежестве, грубости, жестокости. ***Варварить*** шуточ. праздновать, кутить, гулять, пить. <…> || **Варварить**, намекая на варв**а**рские морозы, около 4 дкб., сильно морозить. *На Варвару зима морозы заварварит (заварит). Трещит Варюха, береги нос да ухо* <…> [Даль 1989, т. 1: 164].

– Даль использует для объяснения слов целые ряды синонимов и антонимов, включая не только и не столько литературные, сколько диалектные, просторечные, а также окказиональные слова-идентификаторы, нередко созданные им самим. Как известно, Даль в особенности для толкования иноязычных слов, предпочитает русские параллели.

Абориген – первые поселенцы края; первобытные, исконные, вековые, родовые, коренные жители; туземцы, старожилы, **первоселы**, **коренники**, **сидящие на корню**; прtвп. **находжие**, поселенцы, **населенцы**, переселенцы, **посельники**, новоселы, **прибылые**, пришлые, **припущеники**, **наброд** [Даль 1989, т. 1: 2]. **Автограф** м., греч. – своеручное письмо, писание, подлинная рука, подлинник, **своеручник** [Даль 1989, т. 1: 4]. **Бакенбарда, ба**кена ж. – более употр. в мн. ч., часть бороды, по щеке и до ушей; **щекобрады, бокоуши** [Даль 1989, т. 1: 39]. Шуточн. ***огарыш*** [Даль 1989, т. 1: 133] – один из вариантов толкования слова **брюнет**. Метафорика таких синонимических коррелятов чрезвычайно показательна в плане выявления характерных для сознания носителей русского языка эталонов образной номинации.

2. В качестве способа толкования нередко выступают мотивационные перифразы, отражая актуальную ассоциативную стратегию толкования слова через «прояснение» его внутренней формы, в том числе на основе народной этимологии, что соответствует ориентации составителя словаря на фиксацию фактов живой речи во всей их уникальности. Наивные этимологии (ложноэтимологическая мотивация) – неотъемлемый компонент рефлексии обыденного сознания над связью формы и содержания номинации. См., например:

Август м. название осьмаго месяца в году, стар. серпень, зарев; влд. ***густарь,*** всего обильно, ***густо*** едят. …с лат. august. Самое название месяца было дано в честь римского имп. Августа [Даль 1989, т. 1: 3]. Зафиксированный Далем случай ложной этимологии отражает традицию называния месяцев в народной культуре (в соответствии с циклом начала и завершения сельскохозяйственных работ). **Беза** ж.. *орл.* куст или деревцо Syringavulgaris, сирень**,** **синель** (ложноэтимологическое сближение с ***синий***) [Даль 1989, т. 1: 58]. **Винтовать** что, нарезывать винтовую грань, бороздки и пр. || Ряз. Джигитовать, наездничать? вилять, юлить, егозить? Вероятно, *финтовать и финтить*, а не *винтовать* (в словарной статье **винт**), ср.

там же **винтопляс** *м.* – прыгун, плясун, вертун, **вертопляс** (формально-смысловой тип ложной этимологии, основанный на образных ассоциациях).

3. Особой зоной толкуемого слова в словаре Даля является культурный фон. В частности, это касается пословиц, поговорок, загадок, ассоциативного контекста, закрепленного в народной речи за личным именем собственным, получающим характерологический нарицательный смысл. См., например:

Аноха, м. простак, простЫня, простофиля, недоумка; вероятно Енох, Энох. *Ой ты, Аноха-праведник. Аноха Аноху да впряг в соху* [Даль 1989, т. 1: 17]. **Вихорь-вихоревич** – сказочный богатырь; присловное название тому, кто ***все делает вихрем,*** внезапным порывом – в словарной статье **вихорь** [Даль 1989, т. 1: 209]. **Иван**, самое обыденное у нас имя *(Иванов, что грибов поганых)*. ...от Дуная, Кубани, Урала и до Амура... означает **русского**... Вообще, **Иван** – простак и добряк. ***Иван Иванович***, почетное или шуточное имя и отчество немцев, а еще более калмыков, кои всегда отзываются на кличку эту... [Даль 1989, т. 2: 7].

4. Языковая игра как вектор *речетворчества*, представленный в составе словарных статей, проявляет разные аспекты народного юмора и шутливо-оценочных коннотаций.

Асей, **асейка** м. арх. Иноземец, особ. англичанин (от англ. I say, я говорю) [Даль 19891, т. 1: 3].

Авось нар. (а-во-се, а вот, сейчас; см. во) ...может быть станется, сбудется, с выражением желания и надежды. Авось Бог поможет. Авось – вся надежда наша. ***Авось, небось да третий как-нибудь. Авось – хоть брось. Наше авось не с дуба сорвалось, рассудительное.*** На авось мужик и хлеб ест. Авось и рыбака толкает под бока. Ждем, пождем, авось и мы свое найдем. ***Авось не унывает****, здесь авось обращено в сущ.* От авося добра не жди. Авось плут, обманет. Авось до добра не доведет. ***Авосю не вовсе верь. Авосю верь не вовсе...*** Держись за авось, поколь не сорвалось. Авоська м. будущий желанный случай, счастье, удача; отвага; || кто делает все на-авось. Ему авоська дал или обещал... ***Авоська уйдет, а небоську одного покинет... Авоська небоське набитый брат. Держался авоська за небоську, да оба упали. Авосевы города не горожены, авоськины детки не рожены... Поавоськаем; авось до чего-нибудь доавоськаемся.*** || Авоськать, воськать, обычно приговаривать почасту авось [Даль 1989, т. 1: 3–4].

Авторствовать, говорится ***укорительно*** *или* ***насмешливо***; заниматься сочинением книг [Даль 1989, т. 1: 4 – в статье **автор**).

5. Особую группу экспрессем и оценочно коннотированных слов, отмеченных Далем, представляют собой фоносеманты, связанные с характеристикой речи, и диминутивы (в том числе и от фоносемантов).

Веньгать, вяньгать – хныкать, плакать, плаксиво жалобиться или просить его; канючить. *О деньгах не веньгай.* || Говорить немо, т. е. картаво, вяло, медленно, с расстановкой, невнятно; || говорить жалобно, нараспев, мямлить... **Веньганье**, хныканье... || **Веньгала, веньга** нвг. **веньгуша**, *об. вят.* **веньгун, -нья** – плаксивый, писклявый человек; || клянча;|| мямля. Ср. междометные номинации сферы общения с ребенком: **Агу** – род привета младенцу, вызов на улыбку, ***агунюшки, агушеньки*** и пр., **агунить** – тешить ребенка *агу* [Даль 1989, т. 1: 5].

6. Организация словарной статьи в виде словообразовательного гнезда, осуществляемая Далем в опоре на функционирование дериватов в народной речи, представляет собой одновременно потенциальную модель развертывания формально-смысловых связей однокоренных слов, проявляя возможности их актуализации в конкретных актах речи. К регулярно воспроизводимым (и соответственно актуальным для говорящих) словообразовательным прецедентам относятся:

– собирательные и абстрактные существительные (от глагола или прилагательного);

– гендерно маркированные словообразовательные пары;

– разновидовые глаголы, выражающие характер протекания действия (однократного, многократного, длительного);

– коррелятивные оппозиции возвратных и невозвратных глаголов;

– качественные прилагательные и наречия;

– отдельные наиболее актуальные, частотные функционально специализированные словоформы разных частей речи и др.

См., например:

БАЛОВАТЬ (у Даля – с двойным ударением на первом или последнем слоге) – **баловывать,**

***-ся. Не балуйся**, что балуешься,* или ***не балуй**, не шали.* (императив как актуальная СФ глагола).

Глагольные дериваты

В речевых контекстах: **Выбаловать** что у кого, вылестить. **Добалуешь(–ся)** ты до чего-н. Опять забаловал. **Набаловать**, нашалить, балуя; избаловать: ***набалуешь*** овцу, не хуже козы. ***Отбаловал** бы его*, высек бы. ***Побалую** его,* потешу. *Народ весь* ***перебаловался***. ***Проба-ловали (–сь)** всю ночь на посиделках*. ***Разбалуется** молодежь, не уймешь*. ***Сбаловали** собаку со двора, сманили*.

Абстрактные существительные

Балованье, баловка – действ. гл.: кто сам балует или другим потворствует; **баловство** – то же на деле: шалости, проказы, потворство, потачка, поноровка: *Баловством (дуря) хлеба не добудешь. Кутаться без нужды – баловство;* **баловня ж.**, забавы шалости замест дела. *Чем работать, а они* ***баловней** занялись*.

Гендерно маркированные номинации лица по действию

Баловник, *м.* **-ница** ж. **/ баловщик,** *м.* **-щица** *ж.* (различия в значениях «кто балуется сам» и «кто потакает баловству, кто балует других; для пары баловщик – баловщица – только второе значение);

баловень *м.*, **баловушка** *об.* – говорят иногда шутя, лаская: ты моя боловушка;

балун, балук *м.* **балунья** *ж.*, **балуша** *об.* избалованный шалун.

Прилагательные в типовых контекстах

***Баловливая** мать*, частенько балующая своих детей; ***баловливый** парнишка*, склонный к шалостям, *избалованный*, проказливый [Даль 1989, т. 1: 43–44].

Сам способ гнездовой организации словарной статьи, предложенный В. И. Далем, представляет мотивационно-словообразовательные связи однокоренных лексем как некую модель реализации грамматического и семантического потенциала языковых преобразований в живой народной речи.

Регулярность отмеченных соответствий в речевой практике может свидетельствовать о характере организации фрагментов ассоциативно-вербальной сети, представленных на уровне ментального лексикона в предречевой готовности. Одним из таких фрагментов является деривационный потенциал слова, задающий прогноз появления соответствующего номинативного континуума в коммуникативном регистре.

Выводы

Словарь В. И. Даля – своеобразный прообраз современных ассоциативных словарей, в которых отражаются актуальные для носителей языка аспекты восприятия формы и значений стимульных лексем.

Формально-смысловые корреляции и нюансировка значений дериватов одного словообразовательного гнезда маркируют разные потенциальные «маршруты» активации таких связей в ассоциативно-вербальной сети.

Экспликация таких «маршрутов» на основе направленных экспериментов – одна из перспектив современной ассоциативной лексикографии. В частности, назрела необходимость создания ассоциативных словарей однокоренных слов.

Подобные словари должны способствовать созданию операциональных технологий обучения русскому языку, учитывающих потенциал слова в его предречевой готовности.

Литература

Бутакова, Л. О. Психолингвистические исследования речевой деятельности представителей поколения Z: между мифами и реальностью / Л. О. Бутакова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2021. – № 19. – С. 14–35. – DOI: 10.26170/2411-5827_2021_19_02.

Голев, Н. Д. О словарях народных этимологий и мотивационных ассоциаций как отражении онтологических свойств лексических единиц русского языка / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. – 2015. – № 2. – С. 38–64.

Гридина, Т. А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре / Т. А. Гридина. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – 272 с.

Гридина, Т. А. Проблемы изучения народной этимологии : пособие к спецкурсу / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1989. – 72 с.

Гридина, Т. А. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги : учебное пособие / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Екатеринбург, 2020. – 358 с.

Гридина, Т. А. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119–131. – DOI: 10.17223/22274200/11/8.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989.

Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Русский язык, 1993. – URL: https://studopedia.info/3-27529.html. – Текст : электронный.

Коротун, О. В. Ассоциативный словарь внешнего человека / О. В. Каратун. – Омск : ОмГУ ; Вариант-Омск, 2010. – 376 с.

Лемяскина, Н. А. Коммуникативное поведение младшего школьника / Н. А. Лемяскина, И. А. Стернин. – Воронеж, 2000. – 194 с.

Леонтьев, А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка / А. А. Леонтьев. – М., 1977. – 192 с.

Овчинникова, И. Г. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции) / И. Г. Овчинникова, Н. И. Береснева, Л. А. Дубровская, Е. Б. Пенягина. – Пермь, 2000. – 312 с.

Палкин, А. Д. Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей / А. Д. Палкин. – М. : НОУ МЭЛИ, 2004. – 360 с.

Русский ассоциативный словарь : в 2-х т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М., 2002.

Сдобнова, А. П. Лексикон школьника как динамическая система / А. П. Сдобнова. – Саратов : Изд-во Сар. ун-та, 2015. – 248 с.

Тарасов, Е. Ф. Учебный ассоциативный словарь русского языка / Е. Ф. Тарасов, В. В. Дронов, Е. С. Ощепкова. – СПб. : Златоуст, 2011. – 356 с.

References

Butakova, L. O. (2021). Psikholingvisticheskie issledovaniya rechevoi deyatel'nosti predstavitelei pokoleniya Z: mezhdu mifami i real'nost'yu [Psycholinguistic Studies of the Speech Activity of Representatives of Generation Z: between Myths and Reality]. In *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*. No. 19, pp. 14-35. DOI: 10.26170/2411-5827_2021_19_02.

Dahl, V. I. (1989). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow, Russkii yazyk.

Golev, N. D. (2015). O slovaryakh narodnykh etimologii i motivacionnykh assotsiatsii kak otrazhenii ontologicheskikh svoistv leksicheskikh edinits russkogo yazyka [On Dictionaries of Folk Etymologies and Motivational Associations as a Reflection of the Ontological Properties of Lexical Units of the Russian Language]. In *Voprosy leksikografii*. No. 2, pp. 38–64.

Gridina, T. A. (1989). *Problemy izucheniya narodnoi etimologii* [Problems of Studying Folk Etymology]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 72 p.

Gridina, T. A. (2018). *Verbal'naya kreativnost' rebenka: ot istokov slovotvorchestva k yazykovoi igre* [Verbal Creativity of a Child: from the Origins of Word Creation to Language Play]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 272 p.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2017). Parametry leksikograficheskoi interpretatsii dialektnoi frazeologii: lingvokul'turologicheskii aspekt [Parameters of Lexicographic Interpretation of Dialect Phraseology: Linguoculturological Aspect]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 119-131. DOI: 10.17223/22274200/11/8.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2020). *Metody psikholingvisticheskikh issledovanii: teoriya, praktikum, treningi* [Methods of Psycholinguistic Research: Theory, Workshop, Trainings]. Ekaterinburg. 358 p.

Karaulov, Yu. N. (1993). *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk. 330 p. URL: studopedia.info/3-27529.html.

Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V., Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (2002). *Russkii assotsiativnyi slovar': v 2-h t. T. 1. Ot stimula k reaktsii: Ok. 7000 stimulov. T. 2. Ot reaktsii k stimulu* [Russian Associative Dictionary, in 2 vols. Vol. 1. From the Stimulus to the Reaction: 7000 Incentives. Vol. 2. From the Reaction to the Stimulus]. Moscow.

Korotun, O. V. (2010). *Assotsiativnyi slovar' vneshnego cheloveka* [Associative Dictionary of the External Man]. Omsk, OmGU, Variant-Omsk. 376 p.

Lemyaskina, N. A., Sternin, I. A. (2000). *Kommunikativnoe povedenie mladshego shkol'nika* [Communicative Behavior of a Younger Student]. Voronezh. 194 p.

Leont'ev, A. A. (1977). *Slovar' associativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of Associative Norms of the Russian Language]. Moscow. 192 p.

Ovchinnikova, I. G., Beresneva, N. I., Dubrovskaya, L. A., Penyagina, E. B. (2000). *Leksikon mladshego shkol'nika (kharakteristika leksicheskogo komponenta yazykovoi kompetentsii)* [Lexicon of a Junior Pupils (Characteristics of the Lexical Component of Language Competence)]. Perm. 312 p.

Palkin, A. D. (2004). *Vozrastnaya psikholingvistika: Tolkovyi slovar' russkogo yazyka glazami detei* [Age-Related Psycholinguistics: Explanatory Dictionary of the Russian Language through the Eyes of Children]. Moscow, NOU MELI. 360 p.

Sdobnova, A. P. (2015). *Leksikon shkol'nika kak dinamicheskaya sistema* [Schoolchildren Lexicon as a Dynamic System]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 248 p.

Tarasov, E. F., Dronov, V. V., Oshchepkova, E. S. (2011). *Uchebnyi assotsiativnyi slovar' russkogo yazyka* [Educational Associative Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Zlatoust. 356 p.

Данные об авторе

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Authors' information

Gridina Tatiana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

УДК 811.161.1'374/3. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-11. ББК Ш141.12-420.
ГРНТИ 16.21.29; 16.21.65. Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

СЕМАНТИЗАЦИЯ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ

Коновалова Н. И.
Уральский государственный педагогический университет
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8541-1014

Аннотация. Статья посвящена исследованию используемых В. Далем лексикографических техник семантизации лексики. Анализируются принятые в словаре принципы толкования значений через соотношение общего и частного, через отсылку к множеству подобранных «тождесловов», богатейший иллюстративный материал в виде разного рода устойчивых выражений: пословиц, поговорок, примет, загадок и т. п. Особое внимание уделяется словарной интерпретации сакральной лексики, воплощающей стереотипные представления русского народа о сфере сверхъестественного, синкретично соединяющего в себе святое и демоническое, сакральное и профанное, реальное и вымышленное. По словарным данным выявлены группы лексики, составляющей структуру противопоставленных семантических полей *святое – нечистое*: названия субъектов – участников сакральной коммуникации; названия действий (ритуалов, обрядов, магико-ритуальных практик народной медицины и т. п.); названия сакрально гарантированных и сакрально негарантированных локусов и временных промежутков, характеризующихся особой активностью сверхъестественных сил и др. Определены *универсальные* лексикографические техники семантизации сакрального слова в словаре В. И. Даля: толкование через отсылку к сакрально маркированному мотиватору (в том числе – ложноэтимологические сближения), выявление базовых сакральных смыслов через денотативные или понятийные компоненты, толкование через анализ системных связей единиц одной парадигмы (синтагматических, парадигматических, эпидигматических). К *частным* приемам семантизации сакральной лексики можно отнести следующие: антропоморфная аналогия, отражающая существовавшие на определенном этапе развития общества анимистические представления человека; создание обобщенного образа, образа-понятия, имеющего минимум видовых и максимум родовых характеристик; детализация символа – как правило, на основе дробления мифологических сюжетов.

Методологически значимой для работы с зафиксированной в словаре сакральной лексикой традиционной народной культуры является возможность выстраивать целые семантические поля по «заданной матрице», когда пользователю нужно уловить связи отдельных компонентов, выбрать направления этих связей и смоделировать поле. В статье представлены аналоги подобных моделей и продемонстрированы некоторые процедуры выявления компонентов семантики сакральных лексем.

Ключевые слова: лексикография; семантизация; сакральная лексика; лексемы; народная культура; традиционная культура; демонология; лексическая семантика; русский язык; лексикология русского языка; толковые словари

SEMANTIZATION OF THE SACRED VOCABULARY IN THE DICTIONARY OF V. I. DAHL

Nadezhda I. Konovalova
Ural State Pedagogical University
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8541-1014

Abstract. The article is devoted to the study of lexicographic techniques of vocabulary semantization, which are used in the dictionary of V. Dahl. The article analyzes the principles of the interpretation of the meanings employed in the dictionary through the ratio of the general and the particular, through reference to a variety of synonyms and richest illustrative material presented in the form of various kinds of stable expressions: proverbs, sayings, riddles, etc. Special attention is paid to the dictionary definition of the sacred vocabulary embodying stereotyped ideas of the Russian people about the realm of the supernatural, which sincretically unites the sacred and the demonic, sacred and profane, real and fictional. Vocabulary data makes it possible to identify groups of vocabu-

© Н. И. Коновалова, 2021

lary that make up the structure of opposite semantic fields – *sacred vs. demonic*: names of subjects, participants in sacred communication, names of actions (rituals, magic, ritual practices of traditional medicine, etc.), names of sacral loci and time intervals characterized by heightened activity of the supernatural forces, etc. The study defines the *universal* lexicographical techniques of semantization of the sacred word in Dahl's dictionary: interpretation through reference to a sacredly marked motivator (including false etymological correlations), identification of basic sacred meanings through denotative or conceptual components, and interpretation through analysis of systemic connections of units of one paradigm (syntagmatic, paradigmatic, and epidigmatic). The particular methods of semantization of sacred vocabulary include such as anthropomorphic analogy, reflecting the animistic ideas of man that existed at a certain stage in the development of society; creation of a generalized image, an image-concept that has a minimum of species and a maximum of generic characteristics; detailing of the symbol – as a rule, based on the fragmentation of mythological plots.

The ability to construct entire semantic fields according to a "given matrix", when the user needs to intuitively identify the connections between separate components, select the directions of these connections and create a model of the field is methodologically significant for work with the sacred vocabulary of traditional folk culture recorded in the dictionary. The article presents analogs of such models and demonstrates some procedures for identifying the components of the sacred lexeme semantics.

Keywords: lexicography; semantization; sacred vocabulary; lexemes; folk culture; traditional culture; demonology; lexical semantics; Russian language; Russian lexicology; explanatory dictionaries

Для цитирования: Коновалова, Н. И. Семантизация сакральной лексики в словаре В. И. Даля / Н. И. Коновалова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 127–135. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-11.

For citation: Konovalova, N. I. (2021). Semantization of the Sacred Vocabulary in the Dictionary of V. I. Dahl. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 127–135. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-11.

Предварительные замечания. Актуальность исследования.

Лингвокультурологическая лексикография в современной парадигме гуманитарных исследований, обращенных к культурной составляющей семантики языковых единиц, испытывает на рубеже XX–XXI веков заметный подъем, начиная с лингвострановедческих и фразеологических словарей для изучающих РКИ [Гридина, Коновалова 2019]. При этом отмечается, что «…в системе прагматических компонентов особое место занимает национально-культурный компонент, реже всех зафиксированный и беднее всех семантизированный в лексикографических источниках» [Булыгина, Трипольская 2017: 10. См. об этом также: Лаппо 2016; Гридина, Коновалова 2017; Грязнова 2017; Лаппо, Малиновская 2020 и др.]. Выявление и лексикографическая фиксация стереотипных представлений, составляющих когнитивную базу культурного пространства, становится принципиально важной проблемой формирования функциональной грамотности личности. Само «…понятие „лексикографирование" заметно перерастает сугубо технологическое содержание, в рамках которого лексикографирование есть собирание лексического материала с его дальнейшей специальной обработкой… и все более обретает методологическое содержание. Лексикография все чаще трактуется как особое видение языка, обусловленное специфическими задачами, которые хотя и имеют прикладной характер, но видение, которое они задают, позволяет исследователям выявить в объекте (лексике) новые и весьма важные стороны» [Голев 2021: 6–7]. В этой связи актуальным представляется обращение к истокам этого направления в лексикографии, одним из первых в ряду такого рода текстов стоит «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, к которому в полной мере можно отнести такие характеристики текста: это «некое экспериментальное пространство, обнаруживающее писательские эвристики (особое чутье слова), собственно авторское миромоделирование» [Гридина 2012: 272].

Материал и объект исследования.

Объектом исследования в данной статье являются практики семантизации стереотипных представлений о сакральном в словаре В. И. Даля. В широком понимании сакральный компонент включает спектр содержательных характеристик субстанционального и функционального планов (священный, культовый, обрядовый, ритуальный, мистический, таинственный, сверхъестественный и т. п.), где связь

с религиозным культом – лишь одна из ипостасей сакрального. Ср. понимание сакрального как свойства, носителем которого может стать лицо, вещь, пространство, некоторые «моменты времени» и т. п. Она может представать как всемогущий Бог, как души умерших, как неопределенно-диффузная сила и т. п., и все, что кажется вместилищем этой силы, предстает как сакральное, одновременно опасное и драгоценное, завораживающее: «Сакральное обладает благоприятным или неблагоприятным действием и характеризуется противоположными понятиями чистого и нечистого, святого и кощунственного» [Кайуа 2003: 166].

Сакральность в системе народных представлений – это комплексное явление, представленное бинарной оппозицией священное / демоническое. Именно она является одной из наиболее лексикографически разработанных у Даля.

Исследование лексики, воплощающей пралогические представления человека об окружающем мире, позволяет выявить особенности отражения сакральных характеристик в русском языковом сознании и реконструировать фрагменты наивной картины мира. Семантизация сакрального в словарях разных типов демонстрирует многослойность этого феномена, соединяющего фидеистические представления разных эпох, синкретизм языческого и христианского содержания в сознании носителей традиционной народной культуры [Кайуа 2003; Коновалова 2007].

Противопоставленность сакрального профанному в сознании носителей традиционной народной культуры не контрастна. Для жителей деревни сфера сакрального – живая реальность, в которой как бытовая, так и ритуально-магическая практики являются одинаково востребованными. О креативном соединении сакрального и профанного уже в древнерусских текстах см. [Бекасова 2020].

Воплощение сакрального в акциональном, персонифицированном или опредмеченном начале, а также возможность его проявления в особого рода хронотопе находит отражение в лексикографических практиках семантизации этой группы лексики.

Принципы словарного представления лексики сам В. И. Даль сформулировал следующим образом: «При объяснении и толковании слова вообще избегались сухие, бесплодные определения, порождения школярства, потеха зазнавшейся учености, не придающая делу никакого смысла, а напротив, отрешающая от него высокопарною отвлеченностью. Передача и объяснение слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякого определения, а примеры еще более поясняют дело. Само собою, что перевод одного слова другим очень редко может быть вполне оточен и верен; всегда есть оттенок значения, и объяснительное слово содержит либо более общее, либо более частное и тесное понятие; это неизбежно и отчасти исправляется большим числом тождесловов на выбор читателя. Каждое из объяснительных слов найдется опять на своем месте, и там, в свою очередь, объяснено подробнее» [Даль 1862: XXX]. Такой способ толкования условно можно назвать прообразом принятой в современной цифровой лексикографии системы гиперссылок, позволяющей связывать конкретный контент с ассоциативно смежными данными и тем самым обнаруживать континуальность в лексико-семантической системе языка. Ср.: «Лексический состав – не хаотическая россыпь дискретных (не связанных друг с другом) слов. „Алфавитность“ в этом смысле – фактор противоречивый: отвечая на потребность пользователя в удобном поиске, „алфавит“ разрывает смысловые и функциональные связи между словами (отражение языка). Реагируя на потребность их сохранения, лексикография так или иначе стремится их сохранить. Думается, что В. И. Даль, выбрав гнездовой принцип подачи производной лексики, интуитивно или осознанно стремился к отражению полевого (недискретного) устройства лексики» [Голев 2021: 10–11].

Анализ материала (более 1000 лексических единиц исследуемой группы и более 5000 их употреблений) дал возможность выявить как универсальные для разных словарей и разных лексико-семантических групп, так и собственно «далевские инструменты» представления сакрального содержания.

Универсальные лексикографические техники семантизации сакрального в словаре В. И. Даля:

1. Толкование через отсылку к сакрально маркированному мотиватору. Баёвка – трава,

с помощью которой «бают» знахарки, измеряют ее «шепотками» для заговоров на снятие порчи, сглаза. См. «местами *баить* употребляется в старинном значении шептать, знахарить, заговаривать» [Даль 1989, т. 1: 39]. Интересны наблюдения В. И. Даля о смешении профанного и сакрального на основе ложноэтимологических сближений. Например, «*алалыкать*… картавить, мямлить, говорить с пережевкою. *Алала, алалуя,* вздор, бред, грезы, чепуха, бессмыслица. *Несет такую алала с маслом, что уши вянут. Алалуя* от *алалакать*, спутали в говоре с другим словом из церковной службы нашей *(аллилуйя)* и сами дивятся неприличию поговорки. *Алалуить*, говорить вздор, нести чепуху» [Даль 1989, т. 1: 10]. См. исследование, в котором анализируется подобный «…механизм отождествлений по созвучию как зона, формирующая личностную фоносемантику имени, специфика ложноэтимологических сближений, проясняющих внутреннюю форму антропонимов – в том числе имеющих осознанно характерологическую функцию» [Гридина 2014: 84]. Ср. также демонстрацию процессов этимологизации через описание мотивационных ассоциаций «как феноменов синхронного бытия сознания и системы языка в их единстве» в [Голев 2015: 46].

2. Выявление базовых сакральных смыслов через денотативные или понятийные компоненты. В качестве примера приведем семантизацию слова *каша* через описание обряда хождения на кашу = «на крестины». Крестины, где «…бабка обходит гостей с кашею, потчуя отца ложкою каши с солью и перцем. Обед после свадьбы у молодых, на новом хозяйстве… пируют, толпа кашниц (застольниц, званых на кашу) ходит с песнями. *На твоих родинах я кашу ел. Кашка на ложки, а молодец на ножки. За кашку грош отдать – младенец жить будет*» [Даль 1989, т. 2: 100].

3. Толкование через анализ системных связей единиц одной парадигмы. Например, различия семантической структуры родовых коррелятов: *знахарь* и *знахарка* в народной традиции характеризуются как общими, так и отличительными признаками: «*знахарь, знахарка, знахурка, знахарица, знатоха, знаха, знаток, знатель, знайка* – кто портит и правит людей. *Знахари-то говорят (заговаривают), как город городят! На Афанасия (18 января) знахари выгоняют ведьм* [Даль 1989, т. 1: 689]. С одной стороны, так называются люди, как мужчины, так и женщины, обладающие тайным знанием (дериваты от *знать, знавать*); те, кто «пользует больных, занимается лечением, не будучи врачом» [Даль 1989, т. 2: 246]: *лекарь-самоучка, лекарка, лечейка, лечуха, лечея* – (производные от *лечить*); лица, совершающие действия, занятия, связанные с волхвованием, волшебством, колдовством: *волхв, волхит, волхитка, волхат, волхатка, волховка, волшебник, волшебница* – производные от глаголов *волхвовать, волшить, волшебничать, волшебствовать* в значении колдовать, чаровать, знахарить, гадать, ведьмовать, заговаривать, напускать, шептать [Даль 1989, т. 1: 239]; люди, которые «занимаются гаданием, ворожбой» [Даль 1989, т. 2: 339]: *гад, гадалка, гадатель, гадальница, гадальщик, гадальщица* производные от гадать. Закономерно в этом ряду появление существительных общего рода *гадина, гадала*, не дифференцирующих вид деятельности знахарей по гендерному признаку. При этом исходные номинации *знахарь* и *знахарка* толкуются через одинаковые идентификаторы, с использованием одних и тех же глаголов – видовых коррелятов действий, обозначающих применение тайного знания в магико-ритуальных практиках.

С другой стороны, отмечается набор характеристик для лиц мужского и женского пола, свидетельствующих об их «специализации», что находит выражение в соответствующих номинациях с разной семантической структурой *воржец – ворожейка*. Ср.: *знахарь – воржец*, который заговаривает зубы, ср.: воречье – заговор, заговариванье знахаря, нашепты, а *знахарка – ворожейка, ворожея* – женщина, занимающаяся ворожбой и т. д. Не имеют «мужских» коррелятов номинации *повивальная бабка, акушерка, повитуха, баба, бабка*; *басиха* – лекарка, бабка, шептунья (от баса, байка), ср.: басить – лечить с помощью заговоров.

Такую множественность обозначений можно назвать номинативной универсалией, т. к. она проявляется для именования объектов разных денотативных сфер. См. об этом механизме: «Номинация „обволакивает“ объект, порождая все новые варианты именования его, при этом объект редко рассматривается изолированно, он выступает как часть действитель-

ности, из которой должен быть окончательно выделен» [Рут 2018: 150].

Частные приемы семантизации сакральной лексики.

Отметим, что для сферы сакрального в «Толковом словаре живого великорусского языка» интересными являются частные приемы семантизации слова, обращение к которым может быть использовано как инструмент моделирования данного фрагмента языковой картины мира:

а) использование антропоморфной аналогии, что отражает древние анимистические представления человека: *леший* (*лесовик, лесовой, лесной, лешак*) – «лесной дух, поет голосом, бьет в ладоши, аукает, хохочет, плачет, перекидывается в мужика с котомкой… леший как и домовой и пр. – один образ человека. *Первого черемиса леший родил, оттого они в лесу и сидят*. Леший нем, но голосист, без шапки, волоса зачесывает налево, кафтан запахивает направо… Есть и *лешая, лешачиха, лешуха… леша, лешеня* – лешачий детеныш» [Даль, т. 2: 279–280]. Подробное описание нечистой силы включает и особенности внешнего вида, и характер производимых действий, и проекцию семейных отношений человека на способ существования вымышленного персонажа нечистой силы в антропоморфной ипостаси. Кроме того, эти персонажи часто получают имена собственные или вписываются в систему родственных связей человека: *кума, сестра, тетка, мачеха, Марфа Ивановна, Серафима Петровна* и др. – о лихорадке;

б) создание обобщенного образа, образа-понятия, имеющего минимум видовых и максимум родовых характеристик. Чаще всего в случае создания таких гиперонимических номинаций используются общеоценочные слова с диффузной референцией, основанные на эмоциональной (отрицательной или положительной) оценке: *нечисть, нежить, недобрики, нечистая сила, нечистый дух, милак, ненаш* и т. п.;

в) детализация символа – как правило, на основе дробления мифологических сюжетов: «…есть домовой *сараяшник, конюшник, баенник* и женский банный *волосатка*» [Даль 1989, т. 1: 466]. В разных словарных статьях у Даля представлены как многочисленные персонажи, существующие в самом доме (*подполенник, запечник, подпорожник* и т. д.), так и номинации нечистой силы, обживающей смежное с домом пространство (*дворовый, овинник, банная бабушка, гуменник, полевик, лесной царь и подчиненные ему лесовики, боровики, моховики* и пр.).

На основе словарных данных, представленных подобным образом, можно выстраивать целые семантические поля, поскольку «матрица» задана, и исследователю остается лишь постараться уловить связи отдельных компонентов, выбрать направления этих связей в соответствии с заданной программой моделирования поля. Кажется, будто бы сам В. И. Даль писал об этой «матрице»: «Желание собирателя было составить словарь, о котором бы можно было сказать: Речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь захожие, с переводом; объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных, подчиненных и сродных, равносильных и противоположных, с одно(тожде)словами и выражениями окольными; с показанием различных значений, в смысле прямом и переносном или иноречиями; указания на словопроизводство; примеры с показанием условных оборотов речи… пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.» [Даль 1862: XXXI][1].

Придумав, однако, способы представления всего перечисленного выше в словарной дефиниции, В. Даль выбрал и поразительно точное и емкое название для своего произведения: «Толковый словарь живого великорусского языка».

Словарь позволяет читателю «играть в многовариантные пазлы», складывающиеся в различные фрагменты языковой картины мира, в том числе представляющие и сферу сакрального.

[1] Ср. Традиции многословного, детального называния словарей и справочников XVII–XIX вв.: Максимович-Амбодик Н. М. Врачебное веществословие или описание целительных растений, во врачестве употребляемых с изъяснением пользы и употребления оных (СПб., 1783); Алабин П. В. Словарь растеній дикорастущихъ и разводимыхъ на огородахъ, въ комнатахъ, садахъ и въ оранжереяхъ, съ описаніемъ способа ухода за ними и ихъ отличительныхъ признаковъ (СПб., 1875); Анненков Н. И. Ботанический словарь или собрание названий на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России (М., 1859); Книга, глаголемая «Прохладный вертоградъ», избранная отъ многихъ мудрецовъ о различныхъ врачевскихъ вещехъ ко здравію человѣческому пристоящихъ (1672) и т. п.

Так, например, семантическое поле «демоническое» может включать несколько лексико-семантических групп.

1. Собственно номинации нечистой силы, включающие как родовые, так и видовые обозначения: *амбарный* – «дух-смотритель, содержатель амбара» [Даль 1989, т. 1: 36]; *баенник / баяльник / банник* – «особая порода домовых, злой дух, поселяющийся в бане; пар выживает его временно, а в нетопленной бане он живет всегда, он не любит родильниц, которых, однако, по тесноте в избе всегда выводят в баню; но их там нельзя покидать одних» [Там же: 114]; *шиш*, или *шишига*, *шишиган* – «нечистый, сатана, бес, злой кикимора или домовой, нечистая сила, которого обычно поселяют в овине, овинный домовой» [Даль 1989, т. 4: 636].

2. Названия лиц, осуществляющих особый вид коммуникации с нечистой силой: *ведьма* – «колдунья, чародейка, спознавшаяся, по суеверью народа, с нечистою силою, злодейка, у которой бывает хвостик» [Даль 1989, т. 1: 427]; *колдун*, *колдунья* – «кто колдует, чародей, волхв, волшебник, знахарь; ворожея, гадатель» [Даль 1989, т. 2: 342] и др.

3. Названия лиц, пострадавших от нечистой силы или одержимых ею: *бедовик* – «человек, попавший во власть беды, олицетворенной нечисти» [Даль 1989, т. 1: 327]; *обмен, обменена, обмененный, обменок, обменыш* – «ребенок, обмененный при рождении… есть преданье, поверье, что лешачиха, подкидывая своего обменыша, уносит младенца до крещения его, такой лешачонок бывает туп и свиреп и до 15-ти лет уходит в лес, пропадая без вести» [Даль 1989, т. 2: 604]; *кликуша* – «одержимый родом падучей, которой особенно подвержены бабы: при корчах теряет сознание, и больная кричит неистово звериными голосами, изрыгая брань» [Даль 1989, т. 2: 296]; *проклятый* – «кто проклят, кого прокляли и кто сам стал олицетворенным злом» [Даль 1989, т. 3: 490] и др.

4. Названия предметов, служащих для защиты от нечистой силы: *зачур* «заговор, нашепт, записанный на бумаге и зашиваемый в ладанку» [Даль 1989, т. 1: 665]; *отзелье* – противоядие, снадобье от отравы, приворотного зелья, которым знахари привораживают кого» [Там же: 776; т. 2: 726]; *оберег* – «талисман, ладанка, привеска от сглазу, от огня, воды, змеи, падежа, порчи свадеб, болезней и пр.» [Даль 1989, т. 2: 579].

5. Названия растений, обладающих сверхъестественными целебными и магическими свойствами: *зверобой* – «заячья кровь, святоянское зелье, здоровая трава, которой… существует множество применений в народной медицине» [Даль 1989, т. 1: 674]; *лутошка* – «липка, с которой снята кора, содрано лыко; она сохнет и вся чернеет, используется в обрядах гадания и избавления от сглаза» [Даль 1989, т. 2: 711]; *одолей* – «растение из рода молочаевых, Euphorbia pilosa (procera?), оно идет в дело у знахарей, приворотная, т. е. одолевающая» [Даль 1989, т. 2: 655]; и др.[1]

6. Названия обрядов и ритуалов, «регламентирующих» коммуникацию с нечистой силой: *отворот* – «отвращение, например, от порчи, заговора, отворотного зелья знахаря» [Даль 1989, т. 2: 716]; *русалка* – «семик. На русалку завивают, на Троицу развивают венки (в лесу, на березе); заговенье апостольского поста или Петровок, русалкино заговенье. В сей день девки идут все толпою с песнями на Волгу бросать венки, провожая русалку, чудовище, представленное несколькими парнями, покрытыми одним парусом; впереди несут на шесте занузданный конский череп, позади идет дико наряженный погонщик. Девки крестят в лесу кукушку, кумятся, а на русальской неделе, следующей за троицкою боле в лес не ходят порозь, тут гуляют русалки» [Даль 1989, т. 4: 114].

7. Названия болезней, вызываемых нечистой силой: *лихач* – «разновидность лихорадки, насылаемой, по суеверным представлениям, колдуном по ветру» [Даль 1989, т. 2: 663]; *мор* – «чума, моровая, смертная зараза, язва, повальная смерть… болезнь скота от дурного слова, сглаза» [Там же: 347]; *урок* – «изуроченье, порча, сглаз, насылка ворожбита, …особенно о детских болезнях, родимчике» [Даль 1989, т. 4: 509] и др. Целый сюжет разворачивается вокруг лихоманки: *лихоманчища* – «одна из 12 сестер Иродовых, коим народ дал названья: *лихорадка, лихоманка, трясуха, трясучка, гнетуха, гнетучка, кумоха* (от ком, кума?), *китюха* (тет-

[1] Особый интерес представляет сопоставление приемов семантизации названий растений Далем-ботаником (см.: [Даль 1851]) и Далем-филологом в толковом словаре в плане отбора необходимых и достаточных для описания объема понятия семантических признаков.

ка, тетюха?), *желтуха, бледнуха, маяльница, знобуха, трепуха, лихачка, лиходейка, знобуха, ворогуша, кума, мачиха, тетка, кумошедша, добрава, добруха, дряница, матухна, летучка, трясье, трясавица, трясовища, невея*. Лихорадку делят на *веснянку* и *подосенницу* и считают ея 40 видов: *подтынница* (прикинулась на спящего под тыном), *веретенница* (на пряху), *дедюха, добруха, подруга, студёнка. Без притчи и лихоманка не берет. Приходи вчера – заговор от лихорадки,* также мысленный ответ домовому, коли почудится, что кто-то зовет по имени» [Даль 1989, т. 2: 257–258].

8. Названия временных промежутков, характеризующихся особой активностью нечистой силы: *благая минута, благой час* – «неблагоприятный, приносящий беду, несчастье (обычно в суеверных представлениях)… *Вышел из дома в благой час, Сталась благая пора, почитай езды нет / и зерна хлеба не добудешь*» [Даль 1989, т. 1: 90–96].

9. Названия сакрально негарантированных локусов: *чертова сторонушка, ад, врата адовы, болото, омут. «Из омута в ад рукой подать. В тихом болоте (омуте) черти водятся. Не ходи при болоте: черт уши обколотит. Было бы болото, а черти будут. Хоть его святи не святи, а оно все в болото лезет,* сказал воронежец, уронив в грязь жареное порося, которое, по обычаю, нес домой от пасхальной заутрени, вместе с пасхою. …В болотах, топях живет болотяник, он заводит путника» [Даль 1989, т. 1: 110–111].

10. Названия атрибутов, характеризующих объекты в составе поля: *гноевая навозная, низовая, перемежная лихорадка, ломовая, синяя, легкая, безыменная, листопадная* – атрибуты разных видов лихорадки в соответствии с вызываемыми ею симптомами болезни (см. Лихорадка).

Подобным образом организовано и семантическое поле «святое (священное)». См., например: Христос – (вариантные именования) *Иисус Христос, Богочеловек, Сын Божий, Господь во плоти. Христианин, христианка* – верующий во Христа, исповедник Евангелия, человек крещеный, над кем совершен обряд крещения. *Христианство* – самая вера и учение, совокупность всех христиан. *Христарадничать* – просить милостыню, подаяние ради Христа, побираться Христовым именем. *Христианствовать* – исповедовать веру эту. *Христов* – Христу принадлежащий, день Светлое Христово воскресенье, Пасха Святая. *Христовы онучи* – в день Вознесенья пекут дрочену, блинцы и лесенки, пируют в лесах, на воле и покидают там дрочену на снедь Христу, блинцы Христу на онучи, лесенки, чтобы самому взойти на небо. *Христов человек* – милосердный, добрый. *Христовник* – праздничная одежда, кафтан, шелковый сарафан. *Христовское яйцо* – первое полученное на Пасху, христосуясь, оно тушит пожар (поверье). *Христовушка* – милый, сердечный, болезный, дорогой мой. *Христосоваться* – целоваться радостно трижды со встречными, на праздник Пасхи, приветствуя словами: Христос воскресе! На что тот отвечает: воистину воскресе. *Христианогубцы* – беззаконные губители, агаряне. *Христоборный, христонаступный, христоненавистный* – что относится до сопротивленья Христу и ученью Его. *Христоборец, христонаступник, христоненавистник* – противник Христу. *Христоносный, христоносец* – носящий Христа в сердце своем. *Христоотступный, христоотступник* – вероотступник, переметчик, отрекшийся от своей христианской веры.

Ср. также словарные статьи с заголовочными словами Бог (а также другими именами высшего христианского существа: Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Сущий, Сый, Господь, Предвечное Существо, Создатель вселенной) и Богоблагодатный. В последнее гнездо вошли все сложные слова, производные от Бог.

Структура семантического поля «святое / священное» включает те же семантические векторы, только с положительными коннотациями, что в целом подтверждает синкретизм профанного и сакрального, в том числе языческого и христианского в рамках представлений о сакральном носителей русского языкового сознания. Ср. в этой связи наблюдения над текстами предшествующего периода: «смена парадигм сознания во второй половине XVIII в. позволила отойти от религиозных подпорок в „домашних“ и „семейственных“ историях и выстроить их на многовековом фундаменте народной мудрости» [Бекасова 2014: 161]. Именно ориентация на народную мудрость сделала словарь В. И. Даля уникальным лингвокультурологическим источником.

Выводы

Наиболее «востребованными» в словаре В. И. Даля являются эпидигматические (термин Д. Н. Шмелева) связи слов. Особенно заметной роль этого типа парадигматических отношений оказывается в случаях аксиологической деривации. Нетрудно заметить, что семантические доминанты в толкованиях сакральной лексики чаще всего общеоценочные на основе оппозиции «хороший – плохой» при диффузной референции.

Весьма показательна в статистическом плане словообразовательная производность: например, дериватов на основе морфологических способов словообразования от *Бог* более 300, от *черт* – намного меньше, хотя по структуре слова соотносительны. Самым продуктивным, по данным словаря В. И. Даля, является сложно-суффиксальный способ словообразования, где второй частью сложения выступают абстрактные существительные со значениями опредмеченного действия и признака, что вполне соотносится с идеей «активного добра» и проникновения его во все сферы жизни.

Использование В. И. Далем комплекса разнообразных техник семантизации сакральной лексики позволяет создавать целостные лингвокультурологические «портреты» отдельных фрагментов русской языковой картины мира, что может применяться в филологическом образовании как одна из технологий изучения лексикологии, фразеологии, словообразования, лексикографии, лингвофольклористики, а также в проектной деятельности обучающихся.

Литература

Бекасова, Е. Н. Креативность на грани сакрального и профанного древнерусского текста / Е. Н. Бекасова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2020. – № 2. – С. 239–256. – DOI: 10.26170/ufv20-02-22.

Бекасова Е. Н. Пословица как концептуальная основа «домашних историй» второй половины XVIII в. / Е. Н. Бекасова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 159–162.

Булыгина, Е. Ю. Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 5–19. – DOI 10.17223/22274200/11/1.

Голев, Н. Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О. И. Блиновой / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. – 2021. – № 21. – С. 5–32. – DOI: 10.17223/22274200/21/1.

Голев, Н. Д. О словарях народных этимологий и мотивационных ассоциаций как отражении онтологических свойств лексических единиц русского языка / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. – 2015. – № 2. – С. 38–64.

Гридина, Т. А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте / Т. А. Гридина // Лингвистика креатива-2 / под общей редакцией Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – С. 272–288.

Гридина, Т. А. «Эльбом» для Эли: личное имя собственное в языковом сознании ребенка / Т. А. Гридина // Вопросы ономастики. – 2014. – № 1 (16). – С. 84–95.

Гридина, Т. А. Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские соответствия / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Русин. – 2019. – № 56. – С. 198–212. – DOI: 10.17223/18572685/56/12.

Гридина, Т. А. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119–131. – DOI: 10.17223/22274200/11/8.

Грязнова, В. М. Словарное толкование имен со значением «род занятий / ремесло» как источник социокультурной информации (на материале словарей XIX в.) / В. М. Грязнова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 132–142. – DOI 10.17223/22274200/11/9.

Даль, В. И. Естественная история. Ботаника. Учебные руководства для военно-учебных заведений / В. И. Даль. – СПб., 1851. – 211 с.

Даль, В. И. Напутное слово (Читано в Обществе Любителей Русской Словесности в Москве, 21 апреля 1862 г.) / В. И. Даль // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М. : Русский язык, 1989. – С. XXI–XXXVII.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989.

Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. – М. : ОГИ, 2003. – 296 с.

Коновалова, Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен : дис. … д-ра филол. наук / Коновалова Н. И. ; Московский государственный областной университет. – Екатеринбург, 2007. – 354 с.

Лаппо, М. А. Структура прагматического макрокомпонента значения (на материале группы слов, обозначающих национальность) / М. А. Лаппо // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6. – С. 186–200. – DOI: 10.15293/2226-3365.1606.15.

Лаппо, М. А. Параметризация базы данных узуальных и неузуальных феминитивов / М. А. Лаппо, Н. И. Малиновская // Вопросы лексикографии. – 2020. – № 18. – С. 52–72. – DOI: 10.17223/22274200/18/3.

Рут, М. Э. Объект и субъект номинации: палитра соотношений / М. Э. Рут // Лингвистика креатива-4 : коллект. монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018. – С. 136–157.

References

Bekasova, E. N. (2020). Kreativnost' na grani sakral'nogo i profannogo drevnerusskogo teksta [Creativity on the Brink of Sacral and Profiled in the Old Russian Text]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. No. 2, pp. 239–256. DOI: 10.26170/ufv20-02-22.

Bekasova, E. N. (2014). Poslovitsa kak kontseptual'naya osnova «domashnikh istorii» vtoroi poloviny XVIII v. [Proverb as Conceptual Basis of "House Stories" of the Second Half of the 18th Century]. In *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 77, pp. 159–162.

Bulygina, E. Yu., Tripol'skaya, T. A. (2017). Natsional'no-kul'turnyi komponent v semantike slova i sposoby ego predstavleniya v baze dannykh pragmaticheski markirovannoi leksiki [The National-Cultural Component in the Semantics of Words and Ways of Prepresenting it in a Database of Pragmatically Marked Vocabulary]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 5–19. DOI: 10.17223/22274200/11/1.

Golev, N. D. (2021). Leksikografirovanie kak metod opisaniya leksiki. K teoreticheskomu naslediyu O. I. Blinovoi [Lexicographizing as a Method of Describing Vocabulary: Revisiting the Theoretical Legacy of Olga Blinova]. In *Voprosy leksikografii*. No. 21, pp. 5–32. DOI: 10.17223/22274200/21/1.

Golev, N. D. (2015). O slovaryakh narodnykh etimologii i motivatsionnykh assotsiacii kak otrazhenii ontologicheskikh svoistv leksicheskikh edinits russkogo yazyka [On Dictionaries of Folk Etymologies and Motivational Associations as Reflection of Ontological Features of Russian Lexical Units]. In *Voprosy leksikografii*. No. 2, pp. 38–64.

Gridina, T. A. (2012). «Delat' iz mukhi slona»: assotsiativnaya proektsiya igrovogo slova v khudozhestvennom tekste ["Making an Elephant Out of a Fly": an Associative Projection of a Game Word in a Literary Text]. In Gridina, T. A. (Ed.). *Lingvistika kreativa-2*. Ekaterinburg, pp. 272–288.

Gridina, T. A. (2014). «El'bom» dlya Eli: lichnoe imya sobstvennoe v yazykovom soznanii rebenka ["Elbom" for Eli: a Personal Name in the Child's Linguistic Consciousness]. In *Voprosy onomastiki*. No. 1 (16), pp. 84–95.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2019). Zoomorfizmy kak osnova modelirovaniya frazeologicheskoi semantiki: russko-pol'skie sootvetstviya [Zoomorphisms as a Basis for Modeling Phraseological Semantics: Russian-Polish Correspondences]. In *Rusin*. No. 56, pp. 198–212. DOI: 10.17223/18572685/56/12.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2017). Parametry leksikograficheskoi interpretatsii dialektnoi frazeologii: lingvokul'turologicheskii aspekt [Parameters of Lexicographic Interpretation of Dialect Phraseology: Linguocultural Aspect]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 119–131. DOI: 10.17223/22274200/11/8.

Gryaznova, V. M. (2017). Slovarnoe tolkovanie imen so znacheniem «rod zanyatii / remeslo» kak istochnik sotsiokul'turnoi informatsii (na materiale slovarei XIX v.) [Dictionary Interpretation of Names with the Meaning "Occupation / Craft" as a Source of Socio-Cultural Information (Based on the Dictionaries of the 19th Century)]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 132–142. DOI: 10.17223/22274200/11/9.

Dahl, V. I. (1851). *Estestvennaya istoriya. Botanika. Uchebnye rukovodstva dlya voenno-uchebnykh zavedenii* [Natural History. Botany. Military Training Manuals]. Saint Petersburg. 211 p.

Dahl, V. I. (1989). Naputnoe slovo (Chitano v Obshchestve Lyubitelei Russkoi Slovesnosti v Moskve, 21 aprelya 1862 g.) [Parting Word (Read in the Society of Lovers of Russian Literature in Moscow, April 21, 1862)]. In *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Vol. 1. Moscow, Russkii yazyk, pp. XXI–XXXVII.

Dahl, V. I. (1989). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow, Russkii yazyk.

Kayua, R. (2003). *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and Man. Man and the Sacred]. Moscow, OGI. 296 p.

Konovalova, N. I. (2007). *Sakral'nyi tekst kak lingvokul'turnyi fenomen* [The Sacred Text as a Linguocultural Phenomenon]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg. 354 p.

Lappo, M. A. (2016). Struktura pragmaticheskogo makrokomponenta znacheniya (na materiale gruppy slov, oboznachayushchikh natsional'nost') [The Structure of the Pragmatic Macrocomponent of Meaning (with the Main Focus on Words Denoting Nationality)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 6, pp. 186–200. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.15.

Lappo, M. A., Malinovskaya N. I. (2020). Parametrizatsiya bazy dannykh uzual'nykh i neuzual'nykh feminitivov [The Parametrization of the Database Of Common and Occasional Feminitives]. In *Voprosy leksikografii*. No. 18, pp. 52–72. DOI: 10.17223/22274200/18/3.

Rut, M. E. (2018). Ob'ekt i sub'ekt nominatsii: palitra sootnoshenii [The Object and the Subject of the Nomination: the Palette of Correlations]. In Gridina, T. A. (Ed.). *Lingvistika kreativa-4: kollektivnaya monografiya*. Ekaterinburg, pp. 136–157.

Данные об авторе

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: sakralist@mail.ru.

Authors' information

Konovalova Nadezhda Ilynichna – Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

УДК 811.161.1'374/3. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-12. ББК Ш141.12-420.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ

Михайлова О. А.
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2386-7411

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена новыми требованиями к структуре и содержанию словарной статьи в теории современной лексикографии, необходимостью увеличения семантической емкости толкования значения за счет включения информации ограничительного характера. Вместе с тем вопрос об ограничительных компонентах в лексикографической практике не решен окончательно, однако многие современные идеи прослеживаются уже в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Методология проведения работы состоит в анализе различного вида фрагментов словарной статьи, представляющих лексикографически существенную информацию, не выводимую непосредственно из лексической семантики, но значимую для правильного употребления слова. В статье выделены типы ограничительных компонентов, представленных в словаре. Языковые ограничения могут быть обусловлены системой языка, нормой или узусом. Ограничения системой фиксируют особые типы несвободных значений и отражают причины появления подобных значений как средств вторичной номинации. Ограничения нормой фиксируют существование стилистически окрашенных значений и задают условия их употребления. Из числа системных ограничений в словаре В. И. Даля присутствуют морфологические ограничения, которые в виде обобщающих местоимений фиксируют обязательные формы синтагматически связанных слов; синтаксические ограничения, сопровождающие синтаксически обусловленные значения указанием на соответствующие условия употребления; лексические ограничения, задающие список контекстных партнеров, в сочетании с которыми реализуется толкуемое значение. Ограничения предметно-логического содержания слова не влияют на изменение значения в плане маркированности или связанности, они полностью обусловлены процессом категоризации, особенностями вычленения данным языком определенных участков действительности. Экстралингвистический фактор лежит в основе ограничений обстановочного контекста, которые вербализуют в словаре информацию энциклопедического характера: историческую, социальную, культурную, идеологическую. Ограничения прагматического характера в словаре представлены большим разнообразием эмоционально-экспрессивных и функционально-стилистических помет, а также пометами и комментариями, характеризующими социальную дифференциацию языка. Особое место занимают ограничения, передающие коммуникативно значимую информацию об асимметрии социальных ролей.

Ключевые слова: лексикография; семантизация; лексическая семантика; ограничительный компонент; языковые системы; языковые нормы; русский язык; лексикология русского языка; толковые словари

RESTRICTIVE COMPONENTS IN THE DICTIONARY OF V. I. DAHL

Olga A. Mikhailova
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2386-7411

Abstract. The urgency of the article is due to new requirements for the structure and content of a dictionary entry in the theory of modern lexicography and the need to increase the semantic capacity of the interpretation of meaning by including restrictive information. At the same time, the issue of restrictive components in lexicographic practice has not been finally resolved; however, many modern ideas can already be traced in the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V. I. Dahl. The methodology of the study is based on the analysis of various types of fragments of a dictionary entry, presenting lexicographically significant information that cannot be deduced directly from the lexical semantics, but is significant for the correct use of the word. The article highlights the types of restrictive components presented in the dictionary. Language restrictions can be due to the language system, norm or usus. Restrictions by the system fix special types of bound meanings and reflect the reasons for the appearance of such meanings as means of secondary nomination. Restrictions by the norm fix the existence of stylistically colored meanings and set the conditions for their use. Among the systemic

 © О. А. Михайлова, 2021

restrictions of Dahl's dictionary, there are morphological restrictions, which fix the obligatory forms of syntagmatically related words by means of generalizing pronouns; syntactic restrictions accompanying syntactically bound meanings with an indication of the corresponding conditions of use; lexical restrictions outlining a list of context partners, in combination with which the interpreted meaning is realized. Restrictions of the object-logical content of a word do not affect the change in meaning in terms of marking or dependence; they fully depend on the process of categorization, by the peculiarities of delimitating certain areas of reality by this language. The extra-linguistic factor underlies the restrictions of the situational context, which verbalize information of an encyclopedic nature in the dictionary: historical, social, cultural, ideological. Restrictions of pragmatic nature are represented in the dictionary by a wide variety of emotional-expressive and functional-stylistic marks, as well as marks and comments that characterize the social differentiation of the language. A special place is occupied by restrictions that translate communicatively meaningful information about the asymmetry of social roles.

Keywords: lexicography; semantization; lexical semantics; restrictive component; language system; language norms; Russian language; Russian lexicology; explanatory dictionaries

Для цитирования: Михайлова, О. А. Ограничительные компоненты в словаре В. И. Даля / О. А. Михайлова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 136–142. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-12.

For citation: Mikhailova, O. A. (2021). Restrictive Components in the Dictionary of V. I. Dahl. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 136–142. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-12.

Предварительные замечания. Актуальность исследования

Лексическая система – это объект социальный, исторический и культурный, так как все реализации системы в узусе социально обусловлены и функционально дифференцированы. Лексикографическое описание кодифицированных, нормативно значимых вариантов употребления лексики неизбежно предполагает включение в словарную статью разного рода ограничений. Под ограничением мы понимаем любую лексикографически существенную информацию, не выводимую непосредственно из лексической семантики, но значимую для правильного употребления слова. В современных толковых словарях русского языка слово получает достаточно обширную, комплексную характеристику: толкование лексического значения, грамматическую характеристику, сведения о парадигме, управлении, стилистическую характеристику и пр. Вместе с тем в качестве факультативных зон в словарной статье имеются особые фрагменты, которые оформлены скобками, пометами или ремарками-комментариями и содержат информацию об ограничениях на употребление данной лексемы. Современная теория лексикографии провозгласила необходимость создания нового толкового словаря функционально-семантической направленности, опирающегося на принципы антропоцентрического способа организации материала, имея в виду интегральный подход к описанию лексемы и увеличение семантической емкости толкования значения за счет включения информации ограничительного характера [Апресян 1986; Скляревская 1995]. Однако вопрос об ограничительных компонентах в лексикографической практике не решен окончательно. Вместе с тем многие современные идеи прослеживаются уже в словаре В. И. Даля, который интуитивно предвосхитил их. И потому обращение к истокам ограничений в лексикографии, в частности к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, который представляет собой «некое экспериментальное пространство, обнаруживающее писательские эвристики (особое чутье слова)» [Гридина 2012: 272], кажется чрезвычайно актуальным. Цель данной статьи – выявить ограничительные компоненты, встречающиеся в словарных статьях «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Типы ограничений в лексикографии

Ограничения появляются в языке в тех случаях, когда есть тот или иной выбор: выбор вариаций и вариантов в пределах заданного инварианта, выбор единиц языка из некоторой парадигмы, выбор, в конце концов, самой парадигмы из языковой системы. Процесс выбора является многоступенчатым, и на всех ступенях выбора действуют определенные ограничения.

Язык испытывает множество разнообразных ограничений, имеющих различную природу, – экстралингвистических и собственно языковых. Языковые ограничения могут быть обусловлены системой языка, нормой или узусом. Они выработаны обществом, кодифицированы в той или иной степени, но роль их в языковом существовании различна. Ограничения системой фиксируют особые типы несвободных значений: синтаксически или конструктивно обусловленных, фразеологически связанных. Эти ограничения отражают факторы и причины появления подобных значений как средств вторичной номинации. Ограничения нормой фиксируют существование маркированных – стилистически окрашенных – значений и задают условия их употребления. Ограничения узусом также задают условия употребления лексемы, но не приводят к образованию нового значения. Соблюдение всех видов ограничений в речевой коммуникации является непреложным требованием правильной речи. Нарушение их приводит к затруднению общения и даже к разрыву коммуникации. «Системные ограничения более сильные, они в основном связаны с репрезентативной функцией языка, так как система призвана разграничивать значимости и значения, выражаемые единицами. Нарушения системных отношений между единицами в процессе коммуникации приводят к серьезным дефектам общения. Игнорирование ограничений, накладываемых нормой на свободу языка, также приводит к дефектам общения, но принципиально по-другому: если результатом нарушения системы является непонимание и разрыв коммуникации, то результатом нарушения нормы – только затруднение общения, так как внимание реципиента переключается с содержания речи на ее форму» [Мурзин 1997: 129–130].

Ограничения, обусловленные системой языка, в словаре В. И. Даля

1. Морфологические ограничения, т. е. перечень обязательных форм синтагматически связанных слов. Морфологические ограничения подаются в виде обобщающих местоимений, которые фиксируют закрепленные в окружении толкуемых лексем формы зависимых слов, маркируя конструктивно обусловленные значения. Такие ограничения даются Далем достаточно последовательно: ср. *составить* **что** в значении 'снимать' и **что с чем** в значении 'соединить в одно' или *сострадать* **с кем**, т. е. 'страдать вместе' и **кому**, т. е. 'сочувствовать'.

2. Синтаксические ограничения, сопровождающие синтаксически обусловленные значения [Виноградов 1977] указанием на соответствующие условия употребления. Эти ограничения в современных словарях включаются в толкование переносных значений лексем и вводятся либо формулой «о ком-, чем-л.», которая указывает, что «слово употребляется в качестве характеристики, какой-л. оценки и т. п.» [МАС: 8], либо описанием синтаксических позиций, типовых для данного значения. При описании метафорического значения (например: *ворона* 'нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля') ограничения такого рода не фиксируются Далем, мы не находим указания на специфические синтаксические условия их употребления. Однако в других случаях, таких как *брусить* **безлично**, в значении 'сниться', встречаются синтаксические ограничения на условия употребления в виде указания на структурный тип предложения.

3. Лексические ограничения, задающие список контекстных партнеров, в сочетании с которыми реализуется толкуемое значение и которые свидетельствуют о фразеологически связанном значении слова [Виноградов 1977]. Этот тип также представлен в словаре Даля в виде словосочетаний: *волочить дело* 'медлить, тянуть'; *волочить время* 'то же, что мешкать, убивать по пустому'; *волочить жизнь* 'маяться, жить не на радость себе'.

В целом системные ограничения представлены в словаре Даля не в полной мере последовательно и регулярно, но гораздо более значимыми для автора-составителя являются ограничения нормой, задающие условия употребления слов. Причина этому кроется, возможно, в том, что Даль выступает в своем словаре, скорее, как носитель языка, а не его исследователь.

Ограничения, обусловленные категоризацией мира, в словаре В. И. Даля

Следующая группа ограничений связана с экстралингвистическими факторами, с когнитивными процессами категоризации,

играющими важную роль в познании, осмыслении и репрезентации окружающего мира. Эти ограничения не выступают как системные факторы, формирующие особые типы лексических значений, но детерминированы объектами и их отношениями в реальном мире; они обусловлены особенностями вычленения этническим языком определенных участков действительности и связаны с денотатом знака. Слово есть результат аккумуляции в языке явлений и фактов экстралингвистического характера. Оно больше, чем любая другая единица языка, в своем существовании и развитии связано с действительностью. Б. Уорф писал: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [Уорф 1960: 175].

Категоризация зависит от общей модели мировидения, однако «в наивной картине мира структура категории может меняться: одни члены категории выходят на первый план и становятся типичными образцами категории, другие выходят на задний план и могут вообще не сразу осознаваться как члены данной категории» [Дзюба 2012: 24]. Детерминированность слова внешним миром, различное «членение мира» носителями разных языков и разнообразие наивных представлений обусловили появление в толковом словаре ограничений предметно-логического содержания слова. Эти ограничения не влияют на изменение значения в плане маркированности или связанности, они полностью обусловлены особенностями вычленения данным языком определенных участков действительности и связаны с когнитивистикой. Такие ограничения сопровождают предикатную лексику, очерчивают круг денотатов, которые могут сочетаться с тем или иным предикатом. Например: *кренить* 'наклонять (судно, самолет)'; *гористый* 'покрытый горами, холмами (о местности)'.

Ограничения предметно-логического содержания слова влияют на его сочетаемость, но эти случаи необходимо со всей определенностью отграничивать от слов с фразеологически связанным значением, хотя в современных толковых словарях они часто не различаются [см., например: Ермакова 2004; Крысин 2004]. Не вдаваясь глубоко в специфику синтагматических свойств лексемы, отметим, что сочетаемость слова в одних случаях представляет собой его имманентные характеристики, присущие ему как бы «до сочетания», она мотивирована значением слова (сочетаемость, обусловленная предметно-логическими ограничениями), а в других случаях ее можно оценить как статистическое обобщение сопутствующих употреблению слова элементов структуры словосочетания (сочетаемость, обусловленная лексическими ограничениями). Ограничения предметно-логического содержания имеют, как правило, нежесткий, вероятностный характер, о чем свидетельствуют употребляемые в словарях кванторы *обычно, большей частью, особенно, иногда, преимущественно, чаще, реже*. Современные лексикографы говорят о необходимости разного представления в словарной статье лексических ограничений и ограничений предметно-логического содержания. Между тем в словаре Даля просматриваются определенная система в подаче ограничений, природа которых кроется в вещном мире, и попытка отграничить их от лексических ограничений. Ограничения предметно-логического содержания представлены комментарием – в скобках или без них: *брошировать* **(о книжке)**; *гоньба* **всего более употр. о ямской езде**. Лексические ограничения, как уже говорилось, передаются словосочетаниями. Ср. данные в одной словарной статье: *гонялый зверь* 'поднятый не с логва, а выгнанный кем-л. прежде' – лексическое ограничение, и *гонкий, гончий* '**о собаках**' – ограничение предметно-логического содержания.

Общеизвестное положение о непреходящей культурной ценности словаря Даля подкрепляется также ограничительными компонентами особого характера. В словарных

статьях закрепляются сведения об опыте духовного и эстетического освоения человеком действительности. Многие лексические единицы отражают специфику культуры народа, особенности его исторического развития, социально-экономическое устройство, господствующую в обществе идеологию. Вербализация культуры совершается не только в единицах словаря, подлежащих толкованию, но и в тексте дефиниций, особенно в комментариях. Исходя из этого, мы выделили еще один тип ограничений – ограничения обстановочного контекста. Эти ограничения вербализуют в словаре историческую, социальную, культурную, идеологическую информацию, т. е. всю информацию энциклопедического характера; они имеют непосредственное отношение к фоновым знаниям. Данный тип ограничений представлен в словаре Даля достаточно широко, например: *ватага* 'артель рыбаков **по Волге, Днепру, Касп. и Черн. морям**'; *волочебное* 'особая подать, бывшая **в западной Руси**'. В некоторых комментариях отчетливо видна личность самого Даля, его субъективные оценки, ср. ограничения обстановочного контекста словосочетания *гражданский брак* – **В России, по недоразумению или злоупотреблению словом** (внебрачное сожительство мужчины и женщины).

Ограничительные фрагменты толкования выступают как культурный знак. Они являются сигналами для когнитивной деятельности человека, так как заставляют эту деятельность разворачиваться в определенном культурном пространстве. Когнитивная деятельность по требованию ограничителей переводит одну реальность в другую. Ограничители, фиксирующие социально-культурные особенности, задают социохронотоп. Лексика, отмеченная хронологически или локально-хронологически, напрямую связана с культурной памятью слова. Такая лексика представляет интерес как непосредственное отражение тех фрагментов картины мира, которые утратили свою актуальность.

Ограничения прагматического характера в словаре В. И. Даля

Природа ограничений, накладываемых на лексическую и семантическую сочетаемость слова, различна и не только кроется в системе языка или вещном мире, но и обусловливается прагматикой. К лексикографически существенной прагматической информации Ю. Д. Апресян относит: 1) прагматические стилистические пометы, включая оценочные; 2) прагматические признаки лексемы; 3) нетривиальные иллокутивные функции лексемы; 4) статусы говорящего и слушающего; 5) коннотации, культурный и образный мир лексемы [Апресян 1995: 145].

Давнюю традицию в лексикографии имеют стилистические ограничения. Г. Н. Скляревская отмечает, что в наших толковых словарях принят ограничительный принцип: пометы характеризуют область преимущественного употребления [Скляревская 1995]. В лексикографической стилистике нет, однако, единства ни в репертуаре помет, ни в их реальном содержании, эта область характеризуется значительно меньшей степенью обоснованности и упорядоченности [см. подробнее: Скляревская 1995; Емельянова 2004]. Если в этом аспекте посмотреть на словарь Даля, то можно видеть более гибкую систему помет, за которую ратуют современные лексикографы. Так, более разнообразны эмоционально-экспрессивные пометы, не используемые в современных словарях: *приветливо, укорно, сожалительное* (выражающее жалость), *вредное*; пометы *шутливо* и *полушутливо* демонстрируют шкалу экспрессивности. В числе функционально-стилистических помет *(простонародное, ученое)* есть помета *приказное*, «указывающая на термин канцелярский».

Особый интерес вызывают пометы и комментарии, характеризующие социальную дифференциацию языка. В отличие от современных лексикографических источников, в словаре Даля такие пометы и комментарии представлены очень широко и разнообразно, Так, есть пометы *солдатское, раскольничье, студенческое, школьное*. Также есть и комментарии подобного характера: *петух* – '**на языке мошенников** сторож'; *ваганиться* '**в морском корпусе** было в ходу: *ходить на ваган*, отлучаться без спросу'*; блажить* **церковное || в просторечии***; гравер* и *гравировщик* 'первые названия более придаются **художнику**, вторые – **мастеру резьбы**'.

Стилистически маркированные значения так или иначе связаны с характеристикой говорящих по их социальному, культурному или межличностному статусу. Важное место в ряду

прагматических ограничений занимают описанные Л. П. Крысиным [Крысин 1989] социальные ограничения, определяющие условия правильного употребления слова в коммуникативном акте. В языке существуют слова, которые обозначают ситуации с так называемой асимметрией социальных ролей участников ситуации, типа *распорядиться*. Предикат обозначает деятельность лица, которое имеет власть и, следовательно, социальная роль которого выше социальных ролей тех, кому адресуется распоряжение. В современных толковых словарях социальные ограничения не фиксируются, так как относятся к «неявным ограничениям» [Крысин 2002], хотя сведения, касающиеся социальных взаимоотношений людей, должны, по мнению исследователей, включаться в словарную статью: «либо толкования… должны в явном виде содержать такие сведения, либо информация социального характера должна определять ограничения в сочетаемости одних единиц с другими» [Крысин 2004: 466]. В. И. Даль опередил лексикографические требования, и социальные ограничения встречаются в его словаре. Коммуникативно значимая информация об асимметрии социальных ролей дается разными способами. Во-первых, включается в само толкование: *благосклонный* 'расположенный, снисходительный, милостивый **об отношении высшего к низшему**' (ср. толкование в МАС: 'относящийся доброжелательно, расположенный в чью-л. пользу' – нет указания на асимметрию ролей участников ситуации), *выговор* 'укоризна **со стороны старшего**, упрек **начальства**' (МАС: 'порицание, выражение неудовольствия чьим-л. поведением, поступками и т. п.'), *журливый* 'сварливый, бранчивый, брюзгливый **в отношении к младшим**'. Во-вторых, информация о социальных ограничениях представлена в иллюстрациях: *благоволить – Правдивый начальник благоволит ко всякому по заслугам;* либо в комментариях: *Члены Императорской семьи именуются у нас благоверными, а царствующий Государь Благочестивейшим; Священники белого духовенства почетно зовутся ваше благословение, как протопопы и благочинные высокоблагословение, а черное духовенство преподобие*.

Выводы

Словарь В. И. Даля – своеобразный прообраз современных словарей активного типа, в которых отражаются актуальные для носителей языка условия употребления слов.

Ограничительные компоненты, представленные в словаре, разнообразны и многочисленны, и, хотя они не имеют однотипных способов оформления и представлены достаточно нерегулярно и эпизодически, тем не менее выявленные ограничения являются прагматически значимыми; это путеводные знаки, по которым может двигаться новая лексикография и культурно-речевая практика в школе.

Литература

Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2. – С. 57–70.

Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Восточная литература, 1995. – 769 с.

Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слов / В. В. Виноградов // Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977.

Гридина, Т. А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте / Т. А. Гридина // Лингвистика креатива-2. – Екатеринбург, 2012 – С. 272–288.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1989.

Дзюба, Е. В. О видах и структуре категорий / Е. В. Дзюба // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2012. – Вып. 19, № 2. – С. 20–34.

Емельянова, О. Н. Стилистическая составляющая лексикографического описания / О. Н. Емельянова // Русский язык сегодня. Вып. 3 / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Азбуковник, 2004. – С. 84–90.

Ермакова, О. П. О зависимости лексикологии от лексикографии / О. П. Ермакова // Русский язык сегодня. Вып. 3 / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Азбуковник, 2004. – С. 90–97.

Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1989. – 186 с.

Крысин, Л. П. Неявные ограничения в лексической и семантической сочетаемости слова / Л. П. Крысин // Проблемы семантического анализа лексики. – М. : Рус. словари, 2002. – С. 50–52.

Крысин, Л. П. Типы лексикографической информации в русской части «Большого русско-украинского словаря» / Л. П. Крысин // Русский язык сегодня. Вып. 3 / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Азбуковник, 2004. – С. 149–165.

МАС – Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984.

Мурзин, Л. Н. О степенях свободы языка / Л. Н. Мурзин // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997. – С. 127–133.

Скляревская, Г. Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // Очередные задачи русской академической лексикографии. – СПб. : ИЛИ, 1995. – С. 15–23.

Скляревская, Г. Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. – СПб. : ИЛИ, 1995. – С. 90–103.

Уорф, Б. Наука и языкознание / Б. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С. 169–183.

References

Apresyan, Yu. D. (1986). Integral'noe opisanie yazyka i tolkovyi slovar' [Integral Description of Language and Explanatory Dictionary]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 2, pp. 57–70.

Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy. Tom II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. II. Integral Description of the Language and System Lexicography]. Moscow, Vostochnaya literatura. 769 p.

Vinogradov, V. V. (1977). Osnovnye tipy leksicheskikh znachenii slov [The Main Types of Lexical Meanings Of Words]. In *Izbrannye trudy: Leksikologiya i leksikografiya*. Moscow, Nauka.

Gridina, T. A. (2012). «Delat' iz mukhi slona»: assotsiativnaya proektsiya igrovogo slova v khudozhestvennom tekste ["Making an Elephant Out of a Fly": an Associative Projection of a Game Word in a Literary Text]. In *Lingvistika kreativa-2*. Ekaterinburg, pp. 272–288.

Dahl, V. I. (1989). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow, Russkii yazyk.

Dzyuba, E. V. (2012). O vidakh i strukture kategorii [On Types and Structure of Categories]. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova*. No. 2, pp. 20–34.

Emelyanova, O. N. (2004). Stilisticheskaya sostavlyayushchaya leksikograficheskogo opisaniya [Stylistic Component of Lexicographic Description]. In Krysin, L. P. (Ed.). *Russkii yazyk segodnya*. Issue 3. Moscow, Azbukovnik, pp. 84–90.

Ermakova, O. P. (2004). O zavisimosti leksikologii ot leksikografii [About Dependence of Lexicology Lexicography Forms]. In Krysin, L. P. (Ed.). *Russkii yazyk segodnya*. Issue 3. Moscow, Azbukovnik, pp. 90–97.Krysin, L. P. (1989). *Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic Aspects of Studying the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka. 186 p.

Krysin, L. P. (2002). Neyavnye ogranicheniya v leksicheskoi i semanticheskoi sochetayemosti slova [Implicit Restrictions in the Lexical and Semantic Compatibility of the Word]. In *Problemy semanticheskogo analiza leksiki*. Moscow, Russkie slovari, pp. 50–52.

Krysin, L. P. (2004). Tipy leksikograficheskoi informatsii v russkoi chasti «Bol'shogo russko-ukrainskogo slovarya» [Types of Lexicographic Information in the Russian Part of the "Big Russian-Ukranian Dictionary"]. In Krysin, L. P. (Ed.). *Russkii yazyk segodnya*. Issue 3. Moscow, Azbukovnik, pp. 149–165.

Murzin, L. N. (1997). O stepenyakh svobody yazyka [On the Degrees of Freedom of Language]. In *Russkoe slovo v yazyke, tekste i kul'turnoi srede*. Ekaterinburg, pp. 127–133.

Sklyarevskaya, G. N. (1995). Novyi akademicheskii slovar': ob"ekt, tipologicheskie priznaki, mesto v sisteme russkoi leksikografii [New Academic Dictionary: Object, Typological Features, Place in the System of Russian Lexicology]. In *Ocherednye zadachi russkoi akademicheskoi leksikografii*. Saint Petersburg, ILI, pp. 15–23.

Sklyarevskaya, G. N. (1995). Funktsional'no-stilisticheskaya kharakteristika leksiki v Novom akademicheskom slovare [Functional and Stylistic Characteristics of Vocabulary in the New Academic Dictionary]. In *Ocherednye zadachi russkoi akademicheskoi leksikografii*. Saint Petersburg, ILI, pp. 90–103.

Evgen'eva, A. P. (Ed.). (1981-1984). Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. [Dictionary of the Russian Language, in 4 vols.]. Vol. 1–4. Moscow.

Uorf, B. (1960). Nauka i yazykoznanie [Science and Linguistics]. In *Novoe v lingvistike*. Issue 1. Moscow, pp. 169–183.

Данные об авторе

Михайлова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: oamih@yandex.ru.

Authors' information

Mikhailova Olga Alekseevna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

УДК 811.161.1'374. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-13. ББК Ш141.12-4.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 10.02.01

«РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Никитин О. В.
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2815-6691

Аннотация. Целью статьи является анализ концепции «Русского словаря языкового расширения» А. И. Солженицына в русле отечественной лексикографической традиции. Подчеркивается преемственность автора в составлении тезаурусов как источников по обогащению речи старинными словами и выражениями, вышедшими из регулярной коммуникативной практики. Отмечается роль В. И. Даля как составителя первого компендиума «живого великорусского языка». Говорится о его влиянии на идейный замысел книги А. И. Солженицына, унаследовавшего классические принципы филологической работы с языком как феноменом национальной культуры. Обращается внимание на роль экстралингвистических факторов в подготовке данного издания. В ходе достижения поставленной цели применяются следующие методы: сравнительный, семантический, социолингвистический и текстологический. Они позволили выявить особенности идиостиля А. И. Солженицына-языковеда, показать оригинальность метода отбора и характеристики словарных единиц, охарактеризовать особенности жанра авторской лексикографии и определить его роль в лингвистической науке конца XX–XXI вв. В статье анализируются концептуальные черты этого издания: состав и структура заимствованного из XIX в. словника, необходимость его дополнения и оживления народно-образными, окказиональными и литературными элементами из наследия русских поэтов и писателей XIX–XX в., краткость описания семантики, наличие бранных слов и т. п. Для контекстуального сравнения в статье используются фрагменты писем А. И. Солженицына. Проводится мысль о необходимости бережного отношения к изобразительно-выразительной стороне языка, восстановлении и сохранении утерянных фрагментов бытовой речи прошлого как фактов традиционной словесной культуры. Говорится об актуальности книги как успешном опыте метафилологического осмысления и реставрации лингвистической классики. Результаты проведенного исследования могут использоваться в теории и практике создания экспериментальных словарей, в герменевтике, в историко-культурном изучении лексикографического наследия XIX–XX вв. и мотивировать ученых к поиску новых идей и методов анализа текстов, представляющих интерес для формирования базовых ценностей национальной языковой картины мира.

Ключевые слова: авторская лексикография; диалект; культура языка; историзмы; архаизмы; филологическая герменевтика; языковая картина мира; лексикографы; русские писатели; лексикографические эксперименты; русский язык

A. I. SOLZHENITSYN'S "RUSSIAN DICTIONARY OF LANGUAGE EXPANSION" AS A LEXICOGRAPHICAL EXPERIMENT

Oleg V. Nikitin
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2815-6691

Abstract. The purpose of the article is to analyze the concept of the "Russian Dctionary of Language Expansion" by A. I. Solzhenitsyn in line with the national lexicographic tradition. The article emphasizes the author's continuity in the compilation of thesauruses as sources for enriching speech with obsolete words and expressions that have come out of regular communicative practice. It notes the role of V. I. Dahl as the author of the first dictionary of "The Living Great Russian Language" and his influence on the basic idea of the book by Solzhenitsyn, who inherited the classical principles of philological work with language as a phenomenon of national culture. Attention is drawn to the role of extralinguistic factors in the preparation of this publication. The study employs the following methods: comparative, semantic, sociolinguistic and textual. They have made it possible to identify the idiosyncrasies

© О. В. Никитин, 2021

of Solzhenitsyn as a linguist, to show the originality of the method of selection and characteristics of vocabulary units, to characterize the features of the genre of the author's lexicography works and to determine its role in linguistic science of the late 20th – early 21st centuries. The article analyzes the conceptual features of this publication: the composition and structure of the dictionary borrowed from the 19th century, the need to supplement and revive it with folk-figurative, occasional and literary elements from the heritage of Russian poets and writers of the 19th – 20th century, the concise character of the description of meanings, the presence of swear words, etc. Fragments Solzhenitsyn's letters are used for contextual comparison. The article formulates idea about the need to treat the visual and expressive side of the language carefully and to restore and preserve the lost fragments of everyday speech of the past as facts of traditional verbal culture. The urgency of the book is seen in it being a successful experience of metaphilological understanding and restoration of classical linguistic works. The results of the study can be used in the theory and practice of compiling experimental dictionaries, in hermeneutics, in the historico-cultural study of the lexicographic heritage of the 19th – 20th centuries. They can motivate scholars to search for new ideas and methods of analyzing texts presenting interest for the formation of the basic values of the national linguistic worldview.

Keywords: authored lexicography; dialect; linguoculture; obsolete words; archaisms; philological hermeneutics; linguistic worldview; lexicographers; Russian writers; lexicographical experiments; Russian language

Для цитирования: Никитин, О. В. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына как лексикографический эксперимент / О. В. Никитин // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 143–155. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-13.

For citation: Nikitin, O. V. (2021). A.I. Solzhenitsyn's "Russian Dictionary of Language Expansion" as a Lexicographical Experiment. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 143–155. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-13.

1. Авторская лексикография как экспериментальный жанр.

В истории отечественной филологии авторская лексикография занимает особое место как оригинальный словарный жанр. Первые научные эксперименты в этой области начались в конце XIX в., когда русская гуманитарная наука достигла своего расцвета, а язык и творчество писателей того времени признавались уже классическими, хотя не бесспорными. Так, академик Я. К. Грот представил свой опыт в виде «Словаря к стихотворениям Державина» (1883).

Интерес к феномену образной речи повысился в XX в. в связи с изучением творчества А. С. Пушкина и выходом в свет четырехтомного «Словаря языка Пушкина» (1956–1961) – классического толкового лексикона нового типа. К этому времени уже была разработана теория подготовки подобных изданий в трудах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, Б. В. Томашевского, идеи которых явились отправной точкой для продолжения исследований в данном направлении.

Новый всплеск интереса к авторской лексикографии приходится на последние десятилетия XX в. и начало XXI в. В это время выходят десятки словарей разной культурной ценности, филологически осмысляющие прозу, поэзию и драматургию русских и советских деятелей искусства, местные говоры, интернет и другие источники для создания индивидуальных лексикографических проектов. В качестве материалов активно используются архивные данные, выборки из памятников древнерусской письменности, публицистики, компьютерные базы данных и т. д. Тезаурусы прошлых эпох также становятся предметом лингвистического исследования: от «Словаря Академии Российской» до «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах и даже «Словаря русских народных говоров». Эти монументальные книги интересуют ученых не только с концептуальной точки зрения, но и как объекты для изучения новых явлений в языке, объяснения исторических процессов и создания необычных по типам и исполнению лексиконов. Их к настоящему времени издано немало, назовем лишь несколько: «Словарь обидных слов» Л. В. Дуличенко (Тарту, 2000), составленный на основе «Словаря русского языка» в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой, «Словарь новообразований Н. С. Лескова» Л. В. Алешиной (М., 2017), «Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием)» под редакцией М. М. Угрюмовой (Томск, 2018), многотомный «Словарь языка русской поэзии XX века» (публикуется с 2001 г.) (см. обзоры: [Шестакова 2011; 2021]) и мн. др.

Поэтому закономерен интерес А. И. Солженицына к авторской лексикографии XIX в., где духовное наследие России – народный образный «словотолк» – впервые так ярко и полно выразилось в тезаурусе «живого великорусского языка», воскрешавшего утраченное и забытое наречие (и не всегда в смысле диалекта). У В. И. Даля можно найти все: поэзию и прозу крестьянского быта, песенный фольклор, устные предания, шутки и каламбуры, названия предметов, праздников… Это «речесловие» справедливо называют сокровищницей, откуда черпают «авторство» многие писатели, растворяя в своих произведениях живой облик старины.

2. В. И. Даль и А. И. Солженицын в перекличке времен: филологическая рефлексия слова.

А. И. Солженицын не случайно обратился к изучению и филологической обработке «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля – первого в России крупного лексикографа-популяризатора народной словесной культуры, сделавшего ее достоянием науки и общества, а значит, поднявшего и духовные ориентиры славянства в целом. В. И. Даль совершил переворот в сознании современников, обратил их внимание на широкие возможности обыденной речи, богатство ее метафорики, оригинальную фразеологию, живой ассоциативный ряд многоликих говоров. Он увидел в ней связь с историческим прошлым – то, какими путями шло формирование русской культуры и нации. Эти идеи были близки и А. И. Солженицыну, хотя первоначально, как он написал, занимался Словарем В. И. Даля «для своих литературных нужд и языковой гимнастики» [Солженицын 1990: 3]. О методике работы с текстом писатель говорил в «Объяснении» к «Русскому словарю»: «…я сперва читал подряд все четыре тома Даля, очень внимчиво, и выписывал слова и выражения в форме, удобной для охвата, повторения и использования. Затем нашёл эти выписки ещё слишком громоздкими и стал из первой выжимки вытягивать вторую, а затем из второй третью» [Там же]. Можно предположить, что А. И. Солженицын *учился* у В. И. Даля богатству изобразительных форм русского языка, которые наиболее ярко были представлены и отражены в фольклоре, в диалектах.

Нельзя сказать, что В. И. Даль был не популярен в советское время. Его творение и тогда было визитной карточкой обиходной словесности XIX столетия. Если принять во внимание, что А. И. Солженицын начал заниматься его обработкой с 1947 года, то можно предположить, что он использовал для пополнения копилки старорусских слов 1-е (1863–1866) и 2-е (1880–1882) издания, а также 5-е (1935), 6-е (1955) и многочисленные перепечатки последнего. Его могло заинтересовать и бодуэновское 3-е издание (1903–1909) как факт лингвистической обработки текста, в результате которой словник пополнился примерно двадцатью тысячами новых слов, среди которых были грубые и бранные и даже инвективы, что явилось причиной цензурного запрета переиздания этой версии в советский период. Заметим, что в «Русском словаре» А. И. Солженицына есть небольшой раздел «Некоторые бранные слова» [Солженицын 1990: 272]. Но все же полагаем, что писателя больше привлекало оригинальное издание, пусть и с опечатками, но сохранившее колорит эпохи, концепцию В. И. Даля и его филологическое провидение не просто как талантливого ученого, но и *писателя*, чуткого к благогласию народного слова, видевшего исконные элементы в языке, в письменной и устной речи. Вскользь А. И. Солженицын упомянул об этом в конце вступительной статьи: «…в I–II изданиях Даля бывают ошибки» [Там же: 6]. «Русский словарь», по признанию автора, в первую очередь предназначался молодым людям, «в ком сильна жажда к свежести родного языка, а насытить её – у них нет того многолетнего простора, который использовал я. И вообще для всех, кто в нашу эпоху оттеснён от корней языка затёртостью сегодняшней письменной речи» [Там же: 3].

И по времени работы над своими словарями В. И. Даль и А. И. Солженицын в чем-то похожи. Как известно, Владимир Иванович более пятидесяти лет собирал материалы для тезауруса. А. И. Солженицын обозначил дату начала «обработки далевского словаря» – 1947 год [Там же], а с 1975 г. «заново стал прорабатывать словарь Даля, привлекая к нему и словный запас других русских авторов, прошлого века и современных <…>; также исторические выра-

жения, сохраняющие свежесть; и слышанное мною самим в разных местах – но не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» [Там же]. Первое издание «Русского словаря» было осуществлено только в 1990 г., то есть спустя 43 года со времени начала увлечения В. И. Далем. Конечно, эти книги нельзя сравнивать в буквальном смысле – у них разные вес, функции, да и замыслы авторов не совпадали. Если В. И. Даль – собиратель и толкователь диалектов и образных речений народа (и не только русских по происхождению, в его издании есть и немало заимствований), то А. И. Солженицын выступает в роли *охранителя* слова – филологического реставратора культуры речи, и нацелен на *практическое* использование предложенных лексем, включение их в разговорную стихию и литературный язык нашего времени. Его интересовало «не в смысле „что живёт сегодня“, а – что ещё может, имеет право жить» [Там же].

«Русский словарь» А. И. Солженицына, основная часть которого создавалась в период его эмиграции, – это еще и публичное выступление писателя против «современного нахлына международной английской волны» [Там же] и таких «невыносимых слов», «как „уик-энд“, „брифинг“, „истеблишмент“ и даже „истеблишментский“», чего не наблюдалось во времена В. И. Даля. Но оба они – защитники родного слова, недаром А. И. Солженицын невольно подражал своему предшественнику, когда подбирал название словарю, один из вариантов которого звучал так: «*Живое* (курсив наш. – *О. Н.*) в нашем языке» [Там же].

Еще одна параллель с В. И. Далем заключается в смысле лексикографической работы над словом. Владимир Иванович создал настоящий тезаурус с обилием вариантов лексем и синонимов, их подсмыслами, пространными примерами употребления в разных ситуациях, даже латинскими вариантами названий. Он снабжен необходимым инструментарием научного издания: грамматическими и стилистическими пометами, указанием на географию распространения того или иного слова и др. Это был классический по концепции, хотя во многом авторский по исполнению, словарь, опиравшийся на лингвистические принципы составления лексиконов XIX в. (прежде всего «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. и *академического* «Опыта областного великорусского словаря» 1852 г.). А. И. Солженицына более интересовала *литературная* сторона проблемы – «языковое расширение» горизонта использования слова. И в этом отношении книга «имеет цель скорее *художественную* (курсив наш. – *О. Н.*)» [Там же].

Интересны в русле нашего исследования высказывания А. И. Солженицына о В. И. Дале, показывающие характер понимания им смысла лексикографической работы и фигуры выдающегося лексикографа XIX в. В письме Т. Г. Винокур от 31 мая 1964 г. он заявлял: «Взаимодействия мои с Далем несколько сложней, чем Вы представили в своей работе (имеется в виду статья Т. Г. Винокур «О языке и стиле повести А. И. Солженицына „Один день Ивана Денисовича“», впервые опубликованная в 1965 г., см.: [Винокур 2008] – *О. Н.*). Если слово слышится в жизни, уж так ли важно проверять, есть ли оно у Даля? – оно уже имеет право быть. Самое важное, что дает мне давний (и постоянный) контакт с Далем, – это ощущение д у х а (разрядка автора. – *О. Н.*) языка. Когда удается поддерживать в себе это ощущение (а удается не всегда, для этого нужны некоторые условия) – то о любом словообразовании удается легко судить – оно в духе языка или не в духе. Во втором случае его надо сразу отбросить, в первом сразу принять, не задумываясь над тем, есть ли оно в словаре или оно „новое“» [Капанадзе 1996: 309].

Здесь уместно привести мнение современного читателя «Русского словаря», невольно включившегося в эту беседу и подчеркнувшего главное в писательском восприятии слова (при всей его филологической зависимости от В. И. Даля): «Солженицынское толкование хотя и короче, но многозначительнее далевского: оно включает и те значения, которые приданы были этому слову XX веком и лагерным опытом самого Солженицына. Оно красноречиво даже своими умолчаниями. Из определения тюри выпали „квас и лук“, как выпали из рациона тех, чьим основным питанием стала тюря (недаром с начальной рифмой к слову „тюрьма“). „Навалить“ в жидкость стало нечего, а „накрошить“, возможно, и нечем (ножей не полагалось), – хорошо бы и просто „накласть“. „Натюриться“ в смысле „наесться“ тоже выпало не только из языкового, но и жи-

тейского обихода. Слово „натюрить", поставленное в солженицынском словаре, приобретает смыслы, каких не имело у Даля, – как эмблема всего гулаговского мира, открытого нам Солженицыным, как слово-выжимка всего его творчества» [Эпштейн 2000: 129].

В воспоминаниях об А. И. Солженицыне присутствует любопытный сюжет, связанный с его лагерным прошлым: по свидетельству Б. В. Бурковского, находившегося вместе с будущим писателем в заключении, тот «часто лежа на нарах читал затрепанный том словаря Даля и записывал что-то в большую тетрадь» [Карпович 1974: 246].

Второе письмо А. И. Солженицына датируется 7 ноября 1965 г., то есть уже после опубликования статьи Т. Г. Винокур в «Вопросах культуры речи». В нем писатель снова затрагивает проблему языка, но в этот раз как бы оппонирует Т. Г. Винокур по поводу свойства *научного* стиля речи: «...мое глубокое убеждение, что и вообще в научном русском языке и особенно в языковедческих и литературно-критических работах можно вполне выражаться прозрачно по-русски, используя иностранные термины как можно умереннее, лишь самые необходимые. Я уверен, что можно вполне найти достойную замену таким выражениям, как: экспрессивно-стилистически интерпретируется, контаминация, фразеологизм, эстетически-осмысленная типизация, ассоциирование (не-ассоциация), и только станет приятнее, легче читать, и увеличится круг возможных читателей» [Там же: 310].

Эти же принципы он реализовал и в «Русском словаре», который насытил «духом языка», избежав всевозможных неологизмов, современных понятий – идеологем времени. Они бы помешали восприятию подлинной стихии, проникновению *живого* в ткань повседневной речи.

Возможно, и в другом сюжете из переписки Т. Г. Винокур и А. И. Солженицына он следовал далевским призывам к обогащению народной речью не только разговорного языка, какой мы применяем в повседневном общении, но видел необходимость в упрощении научной стилистики, которая, по мнению писателя, все более начала походить на «выработавшийся жаргон», где «смыслу почти не за что уцепиться». Так, например, говоря о работах по языкознанию, он заметил, что эта наука наиболее тесно примыкает «к повседневной жизни общества», и предъявил к ней «те же требования, что к геологии и медицине: термины – терминами, а все ж где только можно сказать попроще, поясней, да посочней, чтоб не только без словаря понять, а скромно-грамотному человеку даже можно б и насладиться – вот так и пишите!» [Там же: 311].

Как и В. И. Даль, А. И. Солженицын опирался в своем выборе слова на языковое чутье и почти гносеологическую ценность конкретной части речи в культурном пространстве, но при этом критиковал В. И. Даля за неполноту представления географии движения говоров: «Повышенное внимание я уделял наречиям и отглагольным существительным мужского и женского рода, ценя их энергию. Я опирался на личное языковое чутьё, примеряя, какие слова ещё не утеряли своей доли в языке или даже обещают гибкое применение. И когда таким словом я находил областное, старинное или церковное – я и включал его, часто без ограничительной ссылки: по их неутерянной выразительности такие слова имеют достоинство к жизни и распространению. К тому же у Даля областные указания естественно неполны: он указывает губернию, где достоверно слышал, однако слово живёт и в других областях, я обнаруживал такие случаи» [Солженицын 1990: 4].

Не полностью разделяет А. И. Солженицын идею гнездового расположения слов у В. И. Даля. Писателю не нравились «алфавитные шатания» в тексте, которых было не избежать в таких случаях. Но все же полностью он не отказывается от этого приема, чтобы рельефнее выделить изменения в слове, показать, в чем состоял смысл этой народной игры в «филологию духа». Вот как он размышлял: «Но, следуя Далю, я располагал рядом с глаголами некоторые производные от них глаголы с приставками (собранные вместе, они более наглядны), наречия от основного слова, производные формы со сменой коренной гласной или слова, присоединяемые по ассоциации, по противоположности – для углубления впечатления. Чаще бывает важнее стык и последовательность по взаимной связи соседних слов. Таким образом, предлагаемый словарь предназначен не для розыска по алфавиту,

не для справок, а для чтения, местами подряд, или для случайного заглядывания» [Там же: 5].

А. И. Солженицын попытался усовершенствовать подход В. И. Даля к высвечиванию корнесловия в языке, руководствуясь прежде всего тем, чтобы сохранить *смысл* (это слово для писателя является ключевым, едва ли не самым частотным при объяснении концепции издания). Вот что он об этом писал: «Часто Даль даёт яркие слова – походя, не на своём месте, где они должны бы стоять (например, *беспокидно*), а на месте – не даёт их, я пытался некоторые возвращать в алфавит, как и некоторые слова из крупных гнёзд, если они сильно отскакивают по смыслу» [Там же: 6].

Хорошо сказал о парадоксе «Даля – Солженицына» современный критик М. Эпштейн: «Если Даль – романтик национального духа и языка и почти бессознательный мистификатор, то Солженицын сознательно усиливает эту далевскую интуицию и по линии кропотливой реставраторской работы (черпает у Даля), и по линии модернистского изыска (отбирает только не вошедшее широко в язык, самое „далевское“ у Даля)» [Эпштейн 2000: 128].

Как мы смогли проследить, филологическая рефлексия слова у В. И. Даля и А. И. Солженицына во многом схожа. Писатель не копирует структуру издания XIX в., а творчески по-своему перестраивает концепцию предшественника, приспосабливая ее для нужд современного общества. Это своеобразное вхождение в «дух слова» предполагает отклик извне. Неслучайно автор надеется и на интуицию читателя. Потому в книге А. И. Солженицына объяснительная часть минимальна, а во многих случаях, при словах вроде *беспогрешный* [Солженицын 1990: 16][1], *воспретительный*, *воссоздатель* (с. 36), *захвальщик* (с. 78), *обнеряшиться* (с. 143) и т. д., вообще отсутствует.

3. «Языковое расширение» и проблема оживления народной речи.

Итак, одна из основных задач А. И. Солженицына состояла в том, чтобы оживить народное слово, придать ему движение, развернуть в сторону нового времени, проглатывающего тысячи интертекстов, но часто забывающего лучшие традиции словесной культуры прошлого.

Исследователи творчества А. И. Солженицына по-разному трактуют его концепцию «языкового расширения» и даже сравнивают подход писателя, например, с поэтом В. Хлебниковым. Общим у них признается «неприятие иноязычных заимствований, ориентация на диалекты, говоры и родственные славянские языки» [Иванюшина 2009: 90].

Известный литературовед П. Е. Спиваковский целый раздел в своей книге о творчестве А. И. Солженицына назвал «Лексическое расширение», где вместе с другими исследователями размышлял об этом феномене. Что это: «радикальная ломка уже существующего языка» или «осторожное словарное расширение»? [Спиваковский 1998: 84]. Основываясь на обзоре языковых особенностей его художественных произведений и мнении авторитетных зарубежных ученых (в частности, В. В. Карпович), П. Е. Спиваковский приходит к выводу, что А. И. Солженицын применял прием паромастического «расширения» семантики слова [Там же: 87].

С другой стороны, ученые отмечают повышенный интерес А. И. Солженицына к окказиональному слову [Князькова 2009; Коваленко 2009], которое, как мы полагаем, тоже является звеном в авторской «семантике расширения». Дополнив свою книгу выжимками из произведений писателей и поэтов разных школ и поколений, у всех он выбирал именно такие необычные лексемы: *скользина* – из Шмелева (с. 224), *смурить* – из Ремизова (с. 228), *конский топ* – из Пушкина (с. 242), *шурк* (вид шороха) – из Мельникова-Печерского (с. 264), *ялда* (о большом, неуклюжем) – из Клычкова (с. 266). При этом, по мнению К. В. Коваленко, если сравнивать словарные статьи В. И. Даля и прозу А. И. Солженицына, то «обычно нейтрально-стилистическая лексика Даля в языке произведений Солженицына выступает экспрессивно-оценочной» [Коваленко 2009: 133].

Показательно, что писатель органично соединяет народное творчество собирателя диалектов XIX в. В. И. Даля и слова-самородки из произведений русских и советских авторов. Из последних он особенно выделяет В. Г. Распу-

[1] Далее ссылки на примеры из «Русского словаря языкового расширения» А. И. Солженицына даются в круглых скобках без обозначения источника.

тина, поместив в качестве «Добавления» к книге несколько десятков его новообразований вроде *безбрежье, безгордый, бескрасый, великогневный, выструниться, голоземье, в заблуде, изначалье, разночудье, рисунчато, старореченье, ухожистый* (с. 267) и др. Можно сказать, что А. И. Солженицын проводит словесный диалог во времени, дает понять, что старинные обороты удачно приживаются и в современной литературе. Не меньший интерес у него к слову Е. Замятина и И. Шмелева. Последний был выразителем русскости в стилистике, в принципах описания и художественной манере. Стоит согласиться с И. Ю. Малыгиной, что «через слово Шмелева раскрывались особенности русской жизни, традиции, быт, нравы, православное сознание и мировосприятие. Солженицын выделил десятки слов из произведений И. Шмелева, попавших на страницы словаря: „доброусердие", „незнанный", „проспор", „неразлучники", „повоздержитесь", „омоленный", „опаско", „первопоследний". Однако в своем литературном наследии Солженицын использовал только одно слово – „потайно"» [Малыгина 2016: 38].

Можно отметить и другие приемы, с помощью которых он решал задачу «языкового расширения». Например, поиск благозвучных слов, смысл которых был бы понятен говорящим на русском языке как родном, даже если они никогда не слышали их в современном обиходе. Сравним: «**переварганить** – переделать (о работе невысокого качества)» (с. 167), «**перловый** блеск – жемчужный, белый с сизым отливом» (с. 174), «**пращуры** – родители прапрадеда, прапрабабки» (с. 196) и др. Некоторые из них вдруг неожиданно всплывают в XXI в. и не кажутся нам устаревшими: «**удариться** в торговлю, в игру, в писательство» (с. 247). Такой подход к отбору слов некоторые исследователи назвали принципом «живых морфем» [Спиваковский 1998: 88].

Это позволяло современному читателю полагаться на филологическое чутье, заставить «электронный» разум работать в нужном направлении, научить коренного носителя языка распознавать свое и чужое в речи. Ее засоренность модными англицизмами, терминами, сложными синтаксическими конструкциями, избыточность пунктуации он не воспринимал. А главное, о чем мечтал Александр Исаевич, – чтобы звучащая речь «дышала» [Крысин 1993: 35], не употреблялась бессознательно, чтобы в ней чувствовалась «сочность» (это слово А. И. Солженицын не раз использует в своих работах).

Писатель включил и отдельные выражения, использовавшиеся в речи в прежнюю эпоху, тем самым показывая необходимость сохранения выразительных оборотов, например: «ноне **удоволил** нас хлебом Господь» (с. 247), «я **не удоволюсь** решением суда» (Там же), «**путь** вам **чистый!** (пожелание на дорогу)» (с. 261), «**что** добра в них!» (Там же), «эк **нашустрился!**» (с. 264) и др.

А. И. Солженицын мог и придумывать красивые сюжеты – сделать искусственное образование настолько природным, гармоничным, что кажется, будто так действительно говорили или писали. Он как бы *прилаживает* слово, встраивает его в цепочку народной традиции, иногда немного исправляя фонетическую оболочку. Этот прием он отчасти заимствовал у В. И. Даля. Сравним: у А. И. Солженицына – *ловкосилие* (с. 103), у В. И. Даля – *ловкосилье* [Даль 1989б: 350]. Здесь имеется в виду замена общеизвестного, но иноязычного слова «гимнастика» славянскими компонентами. В. И. Даль, кстати, признал, что это слово «моего сочиненья» [Даль 1989а: XCVI]. Или на с. 126: *насыл, насылка* (действие по глаголу) – без объяснения у А. И. Солженицына, у В. И. Даля – *насылка* понималась в значениях «послание», «надпись на письме, посылке», «адрес» [Даль 1989б: 479].

В «Русский словарь» А. И. Солженицын поместил не просто картинки старинной речи, а, говоря по-современному, лингвоэкзотику. Стоит поразиться автору, его вере в жизненную силу таких архаизмов, как *корнавка* = куртка (с. 95), *неразнимок* – «вещица цельная, дальше не делимая» (с. 134) и проч.

Интересно в этой связи наблюдение М. Эпштейна, заглянувшего в словарную лабораторию А. И. Солженицына и увидевшего в ней те переплетения и подсмыслы, которые звучат так естественно и красиво, что практически незаметна лингвистическая работа писателя над творением В. И. Даля: «И хотя солженицынский словарь всего лишь эхо („отбой" или „наголосок") далевского – а точнее, именно поэтому, – в нем выдвинуто на первый план

не собирательское, а изобретательское начало, „расширительное“ введение в русский язык тех слов, которые мыслятся самыми “исконными” по происхождению, а значит, и наиболее достойными его освежить. За время своего „значимого отсутствия“ из русского языка они не столько состарились, сколько обновились, и если у Даля они представлены как местные, областные, архаические, диалектные, народные, разговорные слова, то у Солженицына они предстают как именно однословия, крошечные произведения, сотворенные в том же стиле и эстетике, что и солженицынские повести и романы» [Эпштейн 2000: 128].

Словесные эксперименты А. И. Солженицына, писательские приемы и языковые способы воздействия на читателя включены в концепцию «сбережения народа» и понимания его роли в истории (см.: [Щедрина 2013, 2014]). Художественное сознание Александра Исаевича здесь перекликается с природным – языковым – и все время ищет и находит опору в народе, в слове которого отпечаталась память веков.

4. Необычное в «Русском словаре».

Лексикографическое сочинение А. И. Солженицына необычно по замыслу и исполнению, хотя на первый взгляд очевиден исторический фон, ясен прототип, а опыт В. И. Даля прямо просматривается в реализации концепции «Русского словаря». Какие интересные моменты мы можем почерпнуть из писательского опыта?

Прежде всего это книга *для чтения*, а не научное исследование в его традиционном ключе. Поэтому она обращена к широкой аудитории для того, чтобы воспитать в ней чувство слова, привить любовь к родной речи, воскресить угасшие частички духовного облика мира человека. Мы бы сказали, что писатель был преисполнен гуманистических принципов при подготовке книги, ведь Словарь В. И. Даля прежде всего *читали*, а потом уже изучали. В этом отношении работа А. И. Солженицына находится на стыке двух полей «учености»: она по сути напоминает лучшие художественные образцы классиков словесности XIX–XX вв., тоже отвлекавшихся на просветительские идеи и создававших в своем жанре книги, как говорили раньше, «для душевнополезного чтения». Известен, например, опыт Л. Н. Толстого с его «Кругом чтения» и «Путем жизни» – философско-религиозными и этическими наблюдениями о нравственной природе человека. Только там представлены мысли великих. А у А. И. Солженицына в этой роли выступает обычный человек, народ – тот, кто творит свой язык и является главным источником писательского вдохновения. «Русский словарь», как и далевский тезаурус, – это памятник мудрому *живому* слову.

Другая особенность заключается в том, что в книге мы почти не встретим некрасивые, блеклые, неэмоциональные и необразные слова, которые не вызывают отзвука в душе, не рождают ассоциаций, не заставляют читателя самому «соображать». При работе над изданием, как и в творческой деятельности, писателя заботило «расширение словарного клина» (из письма А. И. Солженицына Т. Г. Винокур) [Капанадзе 1996: 310], а значит, и общекультурного смысла слова. Не конкретное в языке, а абстрактное, вытекающее из почти вещественной *формы*, говорящей самой за себя, он выставлял на «витрину» «Русского словаря». Как прекрасны, нежны и в изобразительном отношении высоки такие *оформленные* слова и выражения обыденной речи, которые приводил А. И. Солженицын: «**подполочье** – простор под полками» (с. 183), «**самовер** – тот, кто создал веру по своему разумению», «**самородковый** дурак» (с. 218), «**рассватали** – разладили свадьбу» (с. 219), «**тиходом**, **тиходомок** – домосед, кроткий» (с. 241), «**укладный** – сговорчивый, миролюбивый [о человеке]» (с. 248). В них художественная стихия выходит на первый план. Такое народное словосочинение, богатство оттенков корней, суффиков и приставок, соединенных вместе, давало жизнь новому слову, возникавшему по наитию, чувству и душевному расположению простого человека. Оно шло от его нравственной природы. Этот феномен речевой культуры А. И. Солженицын отлично выделил и закрепил в «Русском словаре». М. Эпштейн справедливо замечал: «В целом Даль, как и Солженицын, предпочитает не рубить и скрещивать корни, но работать с приставками и суффиксами, то есть брать „одно, главное понятие“, плавно поворачивая его иной гранью. Типичные далевско-солженицынские словообразования: „влю-

боваться в кого – любуясь, пристраститься", „издиваться чему", „остойчивый – твёрдый в основании, стоящий крепко", „выпытчивая бабёнка", „размысловая голова – изобретательная" и т. п. Никаких резких разломов и сращений в строении слова – лишь перебрать крышу или достроить сени, но ни в коем случае не менять основы, не переносить дом на новое место» [Эпштейн 2000: 130].

Наличие многочисленных приставок для А. И. Солженицына – не просто желание показать богатство и гибкость возможностей языка «переворачивать» смысл с помощью такого, казалось бы, «второстепенного» элемента. Этим он хотел обратить внимание читателей на живость, «сочность» народной речи, ее смыслоразличительные характеристики. Он и в прозе применял похожий прием – производил замену приставок и суффиксов, сохраняя корни. Г. П. Семёнова привела такие примеры в его текстах, когда были сокращены одни компоненты слова (*нудить* вместо *принудить*, *в запрошлом* вместо *в позапрошлом*, *мир тусторонний* вместо *мир потусторонний*) или, наоборот, добавлены другие (*промечаются*, *охлынуло*) [Семёнова 1996: 25]. Ср. в «Русском словаре»: **прометчивый** – легкомысленный, неосторожный» (с. 203), *охлын* (действие по глаголу) (с. 162).

Согласимся с П. Е. Спиваковским, который в словотворчестве А. И. Солженицына видел оригинальный авторский подход к описанию речи, выразившийся еще и в том, что он создал «принципиальную *художественную* (курсив наш. – *О. Н.*) независимость „необычных" слов» [Спиваковский 1998: 91].

В книге есть два приложения: «О лошадях» и «Некоторые бранные слова», завершающие издание. Почему автор не включил их в основной словник? Ответ на этот вопрос, скорее всего, может лежать в плоскости солженицынского видения слова как проявления мировоззрения, характера человека, его отношений к домашним животным, составлявшим единый с ним быт. С лошадями-кормилицами владельцы разговаривали *человеческим* языком, нарекали их показательными именами в зависимости от нрава и поведения, любовались их красотой, сочиняли о них песни, создавали образы в сказках и т. д. Чрезвычайно пестрая картина цветообознания лошадей у А. И. Солженицына: «**гнедая** – рыжая, бурая, а навис чёрный», «**гнедочалая** – гнедая с проседью или с седой гривой», «**голубая** – пепельного цвета, мышастая», «**игреняя** – рыжая с беловатым нависом», «**изабеловая** – светловолосая, изжелта белесоватая» (с. 268), «**караковая** – вороная с подпалинами (желтизною на морде и пахах)», «**каурая** – рыжая впрожелть, навис такой же или светлей», «**крапчатая** лошадь (в горчице)», «**мухортая** лошадь – с жёлтыми подпалинами на морде, в пахах», «**пегая** – пятнастая, в больших белых пятнах (или тёмных пятнах по светлому), двуцветная» (с. 269), «**саврасая** – рыжая впрожелть, навис чёрный; светлогнедая с желтизною» (с. 270) и т. д. Интересно, какими лексемами отмечен нрав лошадей в «Русском словаре», например: «**обнукается** кляча – и кнута не боится», «**оборотчивая** лошадь – смирная, которую легко обротать», «**обскачливая** лошадь – не дающая себя обогнать», «**осадчивый** конь – послушный на попятку, мягкий на удила» (с. 269), «**поимчивый** конь – который легко даётся в руки», «**скопоской** конь – пугливый, взбалмошный» (с. 270), «**стромкая** лошадь – горячая, рьяная» (с. 271). Кроме этого, А. И. Солженицын подмечал особенности упряжи, клички, давал специфические слова из разговорного лексикона вроде «**напотил** коней – так гнал», «**изнукали** коней» (с. 268), «**угоил** ты лошадку! – загнал» (с. 271). В последнем примере есть примечание автора: «ироническое». Можно сказать, что писатель собрал краткую энциклопедию практического коневодства – так дорога и близка ему была эта тема, которая, кажется, еще со времени Ломоносова (вспомним сюжет из стихотворения «О сомнительном произношении буквы *г*», где в одной строфе есть целый набор лошадиных свойств: *Угрюмы взглядами, игрени, пеги, смуглы…*) вдохновляла творцов слова и художников на создание образов времени.

Оценивая прежде всего с общекультурной точки зрения «Грамматические соображения» А. И. Солженицына, которые он применил в издании одного из собраний сочинений, Л. П. Крысин справедливо заметил: «Ему тесны традиционные правила грамматики; устоявшиеся каноны орфографии и пунктуации кажутся недостаточными и потому не всегда пригодными для точной передачи в тексте слова, высказывания, диалога. Он раздвигает

рамки правил, совершенствует – а то и разрушает – каноны и при этом нередко входит в противоречие с нормой языка» [Крысин 1993: 35]. Этот же подход писатель, как мы видим, использовал в отборе и переработке слов из далевского тезауруса.

Во втором приложении автор поместил бранные слова, но не любые, а «некоторые» – то есть такие, можно предположить, какие стоит использовать в литературе (опыт переделки далевского Словаря И. А. Бодуэном де Куртенэ в части вставки нецензурных слов был для А. И. Солженицына неприемлем). Они обладают свойствами красивой речи, могут применяться в шуточных разговорах, с доброй иронией, часто относятся к общему роду, например: «**валява** – кто лежит и ест», «**глупеня**», «**добывашка**», «**зачупаха**», «**мимозыря**», «**неповорота**», «**неумывака**» (с. 272) и др. Отличительная черта таких слов – эмоциональная наполненность, «энергия», как выразился бы А. И. Солженицын, и осязаемая форма, говорящая об обладателе нелицеприятного прозвища: «**голощап** – голоштаник», «**жабёнок** – злое дитя», «**крапивное отродье**», «**плешак**» (Там же) и т. д. Писатель ввел несколько сочных выражений бранной речи: «**Голова-два-уха!**» (из Замятина), «**Ладило б тебя на осину**!», «Чтоб тебе **на ноже проторчать**!», «Чего **глаза остробучишь**!», «Что **плошки уставил**?» (Там же). Указанные слова и обороты речи нисколько не совпадают с теми дополнениями И. А. Бодуэна де Куртенэ, которые появились в третьем издании. Допустить социальную дискредитацию языка, а значит, и его носителя А. И. Солженицын не мог – слишком много таких разрушительных примеров было в его памяти…

Если говорить коротко, то в «Русском словаре» всё необычно: отбор и характеристика лексических единиц, изобразительная выпуклость семантики, тонкое языковедческое чутье автора, позволившие ему *выстрадать* эти слова, прежде чем вынести их на суд читателей. Может быть, еще и поэтому его книга сейчас привлекает такое внимание исследователей, анализирующих солженицынский словарь как феномен языковой культуры и защитивших на эту тему диссертации (см., например: [Мельникова 1996, 2004]). Согласимся с писателем, что чтение его книги тренирует память, раздвигает ее словесные границы. Это отличная «гимнастика ума» по-солженицынски. Он действительно создал интересный прецедент в филологии – показал, как можно оживить ушедшее явление, а вместе с ним и утраченную культуру речи. Вся его книга – это художественно осмысленный образ языка, закрепленного в природной материи народа.

5. Заключение.

«Русский словарь языкового расширения» – оригинальный лексикографический опыт талантливого, вдумчивого писателя, неравнодушного к стихии народной речи, охранявшего ее от пагубного воздействия новояза и модных течений в современной культуре. Автор представил свой эксперимент метафилологического прочтения «Толкового словаря» В. И. Даля и произведений русских писателей и поэтов XIX–XX столетий и попытался реставрировать забытые красивые слова и выражения традиционной культуры как ментальный образ времени. В этом смысле методика «лингвистического хронотопа» А. И. Солженицына (здесь тоже представлено в некотором роде художественное произведение в его отношении к действительности, четко обозначены категории пространства и времени) может быть использована в обработке и осмыслении других лексикографических источников: «Словаря русского языка» Грота-Шахматова, «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и т. д., запечатлевших на своих страницах словесный быт определенной эпохи, ее базовые ценности.

При изучении «Русского словаря» может возникнуть вопрос: «Где здесь А. И. Солженицын-писатель, а где – лексикограф?» Думается, что не совсем корректно искать на него ответ, потому что перед нами *словесность* в её самом высоком понимании, когда нет строгой научности и всех атрибутов академического авторского лексикона, но есть *образ* и *смысл*. Их очертания просматриваются в каждом абзаце, оживляют его и воссоздают безыскусный стержень языка. Значит, они, эти слова, «так пропущены через опыт „второтолкователя“, что, каждое по-своему, становятся парафразами огромного текста по имени Солженицын. Сам Солженицын, может быть, и не имел в виду тех смысловых оттенков, которые мы приписываем ему, – но подлинно художественный текст всег-

да умнее автора, и слова в солженицынском словаре сами говорят за себя, кричат о том, о чем автор молчит» [Эпштейн 2000: 129].

«Русский словарь языкового расширения» сейчас не только воспринимается как интересный лексикографический опыт авторского прочтения классического тезауруса, но и анализируется с других позиций: с точки зрения внимания к языковой личности писателя и воссоздания речевого портрета автора [Черняк 2019], сквозь призму психолингвистического эксперимента [Гуц 2019] и даже имеет практическое применение в виде задач на олимпиадах по русскому языку. Значит, идея А. И. Солженицына будет жить и за пределами филологии и когда-нибудь получит общественное признание, а облик современного русского интеллигента будут определять в том числе по набору языковых средств в речевом поведении и прецедентных текстов [Крысин 2021: 221–227, 231–232]), одним из которых обязательно должен быть «Русский словарь» А. И. Солженицына.

Не только личности, общественные события, но и словари формировали национальную языковую картину мира, перерабатывали интеллектуальный опыт поколений, делали актуальными или же отправляли в архив истории отдельные понятия и явления, сохраняя для потомков редкие факты из жизни слов – формировали культурно-языковой код эпохи. Так что книга А. И. Солженицына, кроме собственно лингвистической и познавательной ценности, обладает еще иной, более высокой гносеологической семантикой: она учит видеть и распознавать устаревшие слова, чувствовать красоту обыденной речи простых людей, в образе мышления которых закреплялся «дух народа», беречь их сокровенный дар языка, понимать «механизмы благогласия» (ср.: [Необычный словарь… 2018]. Еще она учит ценить филологическую классику как подлинную *литературу*, которая теперь, в XXI столетии, имеет особый герменевтический смысл: она связывает прошлое и настоящее, мысль и текст, автора и ситуацию. Эксперимент А. И. Солженицына оказался весьма удачным и, надеемся, будет способствовать распространению подобной практики в создании источников нового типа – так называемых «ментальных» словарей.

Литература

Винокур, Т. Г. О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / Т. Г. Винокур. – Текст : электронный // Русский язык – Первое сентября. – 2008. – № 23 (1–15 декабря). – С. 19–27. – URL: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=200802305 (дата обращения: 10.11.2021).

Гуц, Е. Н. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына через призму психологического эксперимента / Е. Н. Гуц // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (36). – С. 15–18. – DOI: 10.17238/issn1998-5320.2019.36.15.

Даль, В. И. Ответ на приговор / В. И. Даль // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М. : Русский язык, 1989а. – С. XCIV–XCVI.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2 / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989б. – 782 с.

Иванюшина, И. Ю. Две концепции «языкового расширения»: А. Солженицын и В. Хлебников / И. Ю. Иванюшина // А. И. Солженицын и русская культура. Вып. 3. – Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. – С. 86–95.

Капанадзе, Л. А. Три письма А. И. Солженицына Татьяне Григорьевне Винокур / Л. А. Капанадзе // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. – М. : Наука, 1996. – С. 308–311.

Карпович, В. В. Исследование новообразований и далевских слов у Солженицына / В. В. Карпович // Грани. – 1974. – № 94. – С. 236–266.

Князькова, В. С. Окказиональная лексика художественного произведения (на материале рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и его переводов на словацкий язык) / В. С. Князькова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. – 2009. – Вып. 2. Ч. 1. – С. 74–82.

Коваленко, К. В. Семантика окказиональной лексики языка произведений А. И. Солженицына и «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля / К. В. Коваленко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – №103. – С. 126–134.

Крысин, Л. П. Александр Солженицын о языке / Л. П. Крысин // Русская речь. – 1993. – № 2. – С. 35–49.

Крысин, Л. П. Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : ФЛИНТА, 2021. – 360 с.

Малыгина, И. Ю. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына как форма «Диалога» с русскими писателями XX в. (А. Солженицын, Е. Замятин, И. Шмелев) / И. Ю. Малыгина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – №1 (55). В 2-х ч. Ч. 2. – С. 34–39.

Мельникова, С. В. Лексический потенциал языка в оценке А. И. Солженицына : на материале «Русского словаря языкового расширения» : дис. … канд. филол. наук. – Самара : Самарский гос. пед. ун-т, 1996. – 204 с.

Мельникова, С. В. О роли слов лексического потенциала в идиостиле А. И. Солженицына (на примере лексико-словообразовательных диалектизмов «Русского словаря языкового расширения») / С. В. Мельникова //

А. И. Солженицын и русская культура. Научные доклады. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2004. – С. 259–263.

Необычный словарь русского языка : библиографический очерк / сост. М. Г. Сороколетова. – Курск : Курская обл. науч. б-ка им. Н. Н. Асеева, 2018. – 22 с.

Семёнова Г. П. «Чтобы слова не утекали как вода…» (О языке произведений А. Солженицына) / Г. П. Семёнова // Русская речь. – 1996. – № 3. – С. 19–28.

Солженицын, А. И. Русский словарь языкового расширения / А. И. Солженицын. – М. : Наука, 1990. – 272 с.

Спиваковский, П. Е. Феномен А. И. Солженицына: новый взгляд : (К 80-летию со дня рождения) / П. Е. Спиваковский. – М. : ИНИОН РАН, 1998. – 135 с.

Черняк, В. Д. Речевой портрет автора и метаязыковая деятельность персонажей (на материале творчества А.И. Солженицына) / В. Д. Черняк // Филология в XXI веке. – 2019. – № S 1. – С. 305–310.

Шестакова, Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность / Л. Л. Шестакова. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 404 с.

Шестакова, Л. Л. Новое в русской авторской лексикографии: по материалам словарей последних лет / Л. Л. Шестакова // Verba: Северо-Западный лингвистический журнал. – 2021. – №1 (1). – С. 35–49. – DOI: 10.34680/VERBA-2021-1(1)-35-49.

Щедрина, Н. М. Повесть «Один день Ивана Денисовича» и концепция «сбережение народа» А. Солженицына (К 50-летию выхода повести из печати) / Н. М. Щедрина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2013. – №1. – С. 36–40.

Щедрина, Н. М. Концепция истории России в художественном сознании А. И. Солженицына / Н. М. Щедрина // Наследие А. И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья (к 95-летию со дня рождения писателя): сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред.: А. А. Решетова. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2014. – С. 38–44.

Эпштейн, М. Слово как произведение: о жанре однословия / М. Эпштейн. – Текст : электронный // Новый мир. – 2000. – № 9. – С. 124–131. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2000_9/Content/Publication6_4281/Default.aspx (дата обращения: 18.11.2021).

References

Chernyak, V. D. (2011). Rechevoi portret avtora i metayazykovaya deyatel'nost' personazhei (na materiale tvorchestva A. I. Solzhenitsyna) [Speech Portrait of the Author and Metalanguage Activity of the Characters (Based on the Material of A.I. Solzhenitsyn's Creativity)]. In *Filologiya v XXI veke*. No. S 1, pp. 305–310.

Guts, E. N. (2019). "Russkii slovar' yazykovogo rasshireniya" A. I. Solzhenitsyna cherez prizmu psikhologicheskogo eksperimenta ["Russian Dictionary of Language Extension" by A.I. Solzhenitsyn Through the Prism of a Psychological Experiment]. In *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. No. 2 (36), pp. 15–18. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2019.36.15.

Dahl, V. I. (1989a). Otvet na prigovor [Response to the Verdict]. In *Dahl V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Vol. 1. Moscow, Russkii yazyk, pp. XCIV–XCVI.

Dahl, V. I. (1989b). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. Moscow, Russkii yazyk. 782 p.

Epshtein, M. (2000). Slovo kak proizvedenie: o zhanre odnosloviya [The word as a work: about the genre of one-word]. *Novyi mir*. No. 9. pp. 124–131. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2000_9/Content/Publication6_4281/Default.aspx (mode of access: 18.11.2021).

Ivanyushina, I. Yu. (2009). Dve kontseptsii "yazykovogo rasshireniya": A. Solzhenitsyn i V. Khlebnikov [Two Concepts of "Language Expansion": A. Solzhenitsyn and V. Khlebnikov]. In *A. I. Solzhenitsyn i russkaya kul'tura*. Issue 3. Saratov, Izdatel'skii tsentr "Nauka", pp. 86–95.

Kapanadze, L. A. (1996). Tri pis'ma A. I. Solzhenitsyna Tatiane Grigoryevne Vinokur [Three Letters of A. I. Solzhenitsyn to Tatiana Grigoryevna Vinokur]. In *Poetika. Stilistika. Yazyk i kul'tura. Pamyati Tatiany Grigoryevny Vinokur*. Moscow, Nauka, pp. 308–311.

Karpovich, V. V. (1974). Issledovanie novoobrazovanii i dalevskikh slov u Solzhenitsyna [The Study of Neoplasms and Dahl's Words in Solzhenitsyn's Wtritings]. In *Grani*. No. 94, pp. 236–266.

Knyaz'kova, V. S. (2009). Okkazional'naya leksika khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale rasskaza A. I. Solzhenitsyna "Odin den' Ivana Denisovicha" i ego perevodov na slovatskii yazyk) [Occasional Vocabulary of a Writing (Based on the Material of A. I. Solzhenitsyn's Short Story "One Day of Ivan Denisovich" and Its Translations into Slovak)]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 9. Issue 2. P. 1, pp. 74–82.

Kovalenko, K. V. (2009). Semantika okkazional'noi leksiki yazyka proizvedenii A. I. Solzhenitsyna i "Tolkovogo slovarya zhivogo velikorusskogo yazyka" V.I. Dalya [Semantics of the Occasional Vocabulary of the Language of the Writings by A. I. Solzhenitsyn and the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V. I. Dahl]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A. I. Gertsena*. No. 103, pp. 126–134.

Krysin, L. P. (1993). Aleksandr Solzhenitsyn o yazyke [Alexander Solzhenitsyn about Language]. In *Russkaya rech*. No. 2, pp. 35–49.

Krysin, L. P. (2021). *Ocherki po sociolingvistike* [Essays on Sociolinguistics]. Moscow, Flinta. 360 p.

Malygina, I. Yu. (2016). "Russkii slovar' yazykovogo rasshireniya" A. I. Solzhenitsyna kak forma "Dialoga" s russkimi pisatelyami XX v. (A. Solzhenitsyn, E. Zamyatin, I. Shmelev) ["Russian Dictionary of Language Extension" by A. I. Solzhenitsyn as a Form of "Dialogue" with Russian Writers of the XX Century (A. Solzhenitsyn, E. Zamyatin, I. Shmelev)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. No. 1 (55). Part 2, pp. 34–39.

Mel'nikova, S. V. (1996). *Leksicheskii potentsial yazyka v otsenke A. I. Solzhenitsyna: na materiale "Russkogo slovarya yazykovogo rasshireniya"* [The Lexical Potential of the Language in the Assessment of A. I. Solzhenitsyn: Based on the Material of the "Russian Dictionary of Language Extension"]. Diss. … k. filol. nauk. Samara, Samarskii gos. ped. un-t. 204 p.

Mel'nikova, S. V. (2004). O roli slov leksicheskogo potentsiala v idiostile A. I. Solzhenitsyna (na primere leksiko-slovoobrazovatel'nykh dialektizmov "Russkogo slovarya yazykovogo rasshireniya") [On the Role of Words of Lexical Potential in the Idiostyle of A. I. Solzhenitsyn (on the Example of Lexical and Word-Formation Dialectisms of the "Russian Dictionary of Language Extension")]. In *Solzhenitsyn i russkaya kul'tura. Nauchnye doklady*. Saratov, Isdatel'stvo Saratovskogo universiteta, pp. 259–263.

Semenova, G. P. (1996) "Chtoby slova ne utekali kak voda…" (O yazyke proizvedenii A. Solzhenitsyna) ["So That Words Don't Flow Away Like Water…" (About the Language of A. Solzhenitsyn's Works)]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 19–28.

Shchedrina, N. M. (2013). "Odin den' Ivana Denisovicha" i kontseptsiya "sberezhenie naroda" A. Solzhenitsyna (K 50-letiyu vykhoda povesti iz pechati) ["One Day of Ivan Denisovich" and the Concept of "Saving the People" by A. Solzhenitsyn (For the 50th Anniversary of the Story's Publication)]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Series: Russian philology*. No. 1, pp. 36–40.

Shchedrina, N. M. (2014). Kontseptsiya istorii v khudozhestvennom soznanii A. I. Solzhenitsyna [The Concept of the History of Russia in the Artistic Consciousness of A. I. Solzhenitsyn]. In *Nasledie A. I. Solzhenitsyna v sovremennom kul'turnom prostranstve Rossii i zarubezhja (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya)*. Ryazan', RGU imeni S. A. Esenina, pp. 38–44.

Shestakova, L. L. (2011). *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian Author's Lexicography: Theory, History, Modernity]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 404 p.

Shestakova, L. L. (2021). Novoe v russkoi avtorskoi leksikografii: po materialam slovarei poslednikh let [New in Russian Author's Lexicography: Based on the Materials of Dictionaries of Recent Years]. In *Verba*. No. 1 (1), pp. 35–49. DOI: 10.34680/VERBA-2021-1(1)-35-49.

Solzhenitsyn, A. I. (1990). *Russkii slovar' yazykovogo rasshirenia* [Russian Dictionary of Language Extension]. Moscow, Nauka. 272 p.

Sorokoletova, M. G. (Comp.). (2018). *Neobychnyi slovar' russkogo yazyka: bibliograficheskii ocherk* [An Unusual Dictionary of the Russian Language: a Bibliographic Essay]. Kursk, N. N. Aseev Kursk regional scientific library, 2018. 22 p.

Spivakovskii, P. E. (1988). *Fenomen A. I. Solzhenitsyna: novyi vzglyad: (K 80-letiju so dnya rozhdeniya)* [The Phenomenon of A. I. Solzhenitsyn: a New Look: (To the 80th Anniversary of His Birth)]. Moscow, INION RAN, 1998. 135 p.

Vinokur, T. G. (2008). O yazyke i stile povesti A. I. Solzhenitsyna "Odin den' Ivana Denisovicha" [About the Language and style of A. I. Solzhenitsyn's Novel "One Day of Ivan Denisovich"]. In *Russkii yazyk – Pervoye sentyabrya*. No 23, pp. 19–27. – URL: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=200802305 (mode of access: 10.11.2021).

Данные об авторе

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Authors' information

Nikitin Oleg Viktorovich – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

УДК 811.161.1'374:39. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-14. ББК Ш141.12-42.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 10.02.01

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Осипова К. В.
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2285-6112

Аннотация. В статье анализируется российский опыт составления региональных этнолингвистических словарей и предлагается проект словаря, посвященного севернорусской лексике пищи. Практика включения в диалектные словари культурно-исторических сведений прослеживается начиная со словарей В. И. Даля, Г. И. Куликовского, А. И. Подвысоцкого и заканчивая диалектными этноидеографическими и этнолингвистическими словарями, опубликованными в последние десятилетия: определяются единицы описания, принципы подачи этнокультурных сведений. Предлагаемый автором словарь «Пища Русского Севера» содержит лексику пищи и питания, зафиксированную на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей. Большую часть материала составляют полевые записи Топонимической экспедиции Уральского федерального университета. Словарь включает наименования блюд, которые являются частью традиционного севернорусского рациона: отдельные статьи будут посвящены таким блюдам, как *блины, брага, дежень, каша, кисель, молоко, пиво, похлебка, простокваша, рыбник, саламат, творог (сыр), уха, хлеб, щи* и др. Словарь носит интерпретационный характер и нацелен на реконструкцию региональной специфики пищи и напитков крестьян Русского Севера и связанных с ними традиционных представлений. Словарь занимает промежуточное положение между этнодиалектным словарем и культурологическим словарем-энциклопедией: методический опыт авторов культурологических «энциклопедий» применяется к анализу диалектного материала. Специфика проекта состоит в том, что объектом описания становится не обрядовая терминология, а группа бытовой лексики. Извлечение символических смыслов из неспецифически обрядовой лексики требует наличия методологического инструментария: выявление культурно-языковой символики осуществляется методами семантико-мотивационного, системно-структурного, этимологического и лингвогеографического анализа лексики. Характеризуются локальные варианты названий одного блюда, их мотивационные связи, семантические особенности и коннотации. Кроме того, определяются функции, которые изучаемые предметы и их обозначения приобретают в верованиях, малых фольклорных жанрах и обрядах (семейных, календарных, сельскохозяйственных и бытовых). Принципы составления словаря иллюстрируются статьей «Рыбник» (пирог с рыбой), которая включает следующие зоны: «Дефиниция», «Общая характеристика, наименования, региональные разновидности», «Роль в застолье», «Развитие значений (языковые коннотации)», «Культурная семантика и обрядовые функции».

Ключевые слова: диалектная лексикография; этнолингвистика; Русский Север; традиционная пища; этносы; народы Севера; этнолингвистические словари

ETHNOLINGUISTIC DICTIONARIES AND PROSPECTS OF ETHNOLINGUISTIC LEXICOGRAPHY

Ksenia V. Osipova
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2285-6112

Abstract. The article analyzes the Russian experience of compiling regional ethnolinguistic dictionaries and suggests a draft dictionary of the North Russian food vocabulary. The practice of including cultural-historical information in dialectal dictionaries can be traced back to the dictionaries of V. I. Dal, G. I. Kulikovsky, A. I. Podvysotsky and the dialectal ethno-ideographic and ethno-linguistic dictionaries published in recent decades: they determine the units of description, the principles of presenting ethnocultural information. The dictionary "Food of the Russian North" presented by the author contains the vocabulary of food and nutrition recorded on the territory of the Arkhangelsk, Vologda and Kostroma regions. Most of the material was drawn from lexicographic files

© К. В. Осипова, 2021

of the Ural Federal University Toponymic Expedition. The dictionary includes the names of dishes that are part of the traditional North Russian diet: separate entries are devoted to such dishes as *bliny, braga, dezhen', kasha, kisel', moloko, pivo, pokhlebka, prostokvasha, rybnik, salamat, tvorog (syr), ukha, khleb, shchi*. The dictionary is interpretative in nature and aims at reconstructing the regional specificity of food and drinks of the peasants of the Russian North and the traditional ideas associated with them. The dictionary occupies an intermediate position between the ethno-dialect dictionary and the cultural-encyclopedic one: the methodological experience of the authors of cultural encyclopedias is applied to the analysis of dialectal material. The specificity of the project lies in the fact that the object of the description is not ritual terminology, but a subgroup of everyday vocabulary. The extraction of symbolic meanings from nonspecifically ritual vocabulary requires the availability of ethnolinguistic tools: the identification of the linguocultural symbolism is carried out using the methods of semantic-motivational, system-structural, etymological and linguo-geographic analysis of the vocabulary under study. The local variants of the names of one and the same dish, their motivational connections, semantic specificity and connotations are revealed. In addition, the functions that the objects under consideration and their designations acquire in beliefs, small folklore genres and rituals (family, calendar, agricultural and household) are determined. The principles of compiling an ethnolinguistic dictionary are illustrated by the article "Rybnik" (fish pie), which includes the following zones: "Definition", "General characteristics, names, regional varieties", "Role in a feast", "Development of meanings (linguistic connotations)", "Cultural semantics and ritual functions".

Keywords: dialectal lexicography; ethnolinguistics; Russian North; traditional food; ethnoses; Northern peoples; ethnolinguistic dictionaries

Для цитирования: Осипова, К. В. Этнолингвистические словари и перспективы этнолингвистической лексикографии / К. В. Осипова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 156–167. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-14.

For citation: Osipova, K. V. (2021). Ethnolinguistic Dictionaries and Prospects of Ethnolinguistic Lexicography. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 156–167. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-14.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Acknowledgements: the research is carried out within Project 20-18-00223 "Etymological and Semantic Reconstruction of the Russian Dialect Vocabulary" supported by the Russian Science Foundation.

Изданный в XIX веке «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля удивляет широким охватом языкового материала и его разноплановостью. Каждая словарная статья – это не только собрание форм слова и их значений, его семантических и словообразовательных дериватов, но и представление историко-культурных аспектов функционирования слова и связей внутри фольклорного текста. Например, статья «уха» в «Словаре» В. И. Даля включает дефиницию слова «мясной и вообще всякий навар, похлебка, горячее, мясное и рыбное», возможные синонимы («ныне: рыбий навар, похлебка из рыбы»), сочетаемость слова («Янтарная уха, жирная»; «Сборная уха, из разных рыб»; «С мелкой рыбы уха сладка»), цитаты из авторских текстов («Ушица ей же ей на славу сварена! Крылв.»), диалектные семантические и словообразовательные дериваты («Ушное ср. сев. зап суп (т. е. не щи), мясной навар, лапша, или похлебка из бараньих черев. Ушник м. моск. калужск. орл. влад. жидкая размазня с мясом; похлебка, кашица; похлебка с рублеными кишками»), устойчивые фольклорные формулы («Улов на рыбу! Привет рыболову. Навар на ушицу! ответ его. Хоть и не рыбно, да ушно» и др.) – то есть далеко не только системно-языковую информацию. Этот взгляд на слово характерен для ученого-полевика, который, «жадно хватая налету родные речи, слова и обороты» [Даль I: 4], стремится при сборе материала понять логику развития значений, видит место слова в ряду других дериватов, определяет лингвогеографические границы функционирования, а также наблюдает живую жизнь слова в речи и фольклорном тексте.

Действительно, диалектная лексикография XIX века стремилась к тому, чтобы представить слово многоаспектно, сопровождая его не только лингвистическими, но и культурологическими, историческими комментариями – все это позволяло в наибольшей полноте уловить «дух русского слова» [Даль I: 4]. Описываемое наречие мыслилось лишь как одна из сторон народной традиции, наряду

с типом хозяйствования, социальной и обрядовой жизнью – именно эти аспекты крестьянского мира обязательно присутствовали в этнографических описаниях народного быта, получивших развитие в XIX веке. Этнокультурная составляющая диалектной лексикографии выносилась даже в заглавие словарей: так, словари Г. И. Куликовского [Куликовский 1898], А. И. Подвысоцкого [Подвысоцкий 1885], И. М. Дурова [Дуров 2011][1] представляют севернорусское «наречие в его бытовом и этнографическом применении». Например, в словаре Г. И. Куликовского статьи сопровождаются следующими комментариями: «куёт (Крг) говорят о сверчке, когда от сильно стрекочет; по народному поверью, это к скорому выселению из того дома; «выживает из дому» говорят в таких случаях. В Заон. куёт также говорят о ныряющей гагаре. *Куёк к дождю куёт*» [Куликовский 1898: 44–45]. Информация подобного рода – об особенностях культурной символики, историко-социальных обстоятельствах, народных верованиях и обрядовых практиках, приметах и присловьях – содержится и в словарях А. И. Подвысоцкого и И. М. Дурова.

Отмеченная широта взгляда на слово и его культурологичность, свойственная лексикографам прошлого, сошла на нет в XX веке, когда приоритетным направлением стала «чистая» лингвистика и соответствующая ей практика составления словарей, представляющая слово в максимальной изоляции от внешней среды. Однако начало XXI века вновь ознаменовалось интересом к тому, что стоит за языковой единицей, а диалектная лексикография из узко лингвистической стала превращаться в этнолингвистическую, в которой представление языка неотделимо от изучения духовной жизни народа. Остро чувствовалась необходимость расширения границ лексикографического описания авторами диалектных словарей. Во-первых, перед диалектологами, которые в большинстве своем являются «полевиками», стоит проблема упорядочения и представления живого языкового материала, всегда оказывающегося гораздо богаче и сложнее предложенной схемы описания. Во-вторых, диалектная лексикография ориентирована на отражение локальной языковой традиции, понимание и интерпретация которой невозможны без набора экстралингвистических сведений об особенностях материальной и духовной культуры – организации быта, типах хозяйствования, распространении тех или иных промыслов, обрядов, ритуальных практик, верований и пр.

Особую потребность в подобных комплексных описаниях народной традиции испытывают авторы этнолингвистических исследований, основанных на синкретичности рассмотрения языковых единиц и соотносящихся с ними фактов народной культуры. Особенность этнолингвистического материала состоит в сочетании крупных текстовых форм фольклора и описаний обрядовой жизни с отдельными словами, их семантико-словообразовательными вариантами, диалектными контекстами, клишированными формулами, текстами малых фольклорных жанров и пр. – даже с формальной точки зрения представление такого разнородного материала требует особого подхода. Каждая научная школа, в распоряжении которой имеется собранный за годы работы полевой диалектный материал, ищет емкие формы его представления. В данной статье мы бы хотели проанализировать накопленный российскими диалектологами опыт составления этнолингвистических словарей, включающих комплекс культурно-языковых сведений, и предложить проект этнолингвистического словаря «Пища Русского Севера», теоретической основой для которого стали методологические наработки Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики, возглавляемой Е. Л. Березович и М. Э. Рут.

1. Традиции региональной этнолингвистической лексикографии.

В последние годы появился целый ряд лексикографических исследований, включающих этнокультурную информацию. Существует опыт региональных тематических словарей, построенных как алфавитный или идеографический перечень лексики тех сфер жизни, которые принято считать «этнографическими»: одежда, пища, ремесла, строительство и т. п., иногда с упоминанием верований и символических функций соответствующих предметов. Единицей опи-

[1] Словарь вышел в свет лишь в 2011 году, хотя материал поморских говоров собирался И. М. Дуровым в первой трети XX века.

сания в подобных словарях выбирается слово в совокупности его культурно-языковых коннотаций. К региональным этнодиалектным словарям такого типа можно отнести издание «Традиционный быт псковских крестьян» под редакцией Н. В. Большаковой [ТБПК], выпущенное на материале псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива. По словам составителей, в словаре отражены «этнографизмы – комплексные единицы, отражающие понятия и реалии, характерные для традиционной русской, в том числе и псковской, деревни» [ТБПК: 4]. Этнолингвистическая составляющая словаря связана преимущественно с отбором лексики, относящейся к этнографической тематике: «Постройки. Традиционное жилище», «Прядение. Ткачество. Домотканое полотно», «Традиционная одежда, обувь», «Традиционная пища». Сами статьи воплощают подход лингвиста-диалектолога: помимо определения, приводятся фонетические, морфологические, словообразовательные и диалектные варианты, контексты, иногда – фрагменты фольклорных текстов. Подобную структуру имеет «Тематический словарь говоров Тверской области», пять выпусков которого были изданы под редакцией Т. В. Кирилловой [ТСГТО] и включают лексику сельского хозяйства, местных промыслов, природы, растительного и животного мира. Интересный опыт работы с языковым и этнографическим материалом предлагают авторы «Словаря тамбовских говоров (духовная и материальная культура)» [СТГ], «в котором предпринята попытка репродуцировать картину быта и духовной культуры крестьян, показав современное состояние материала, посредством языковых особенностей (однако, с учетом этнографических, музыковедческих и исторических материалов)» [СТГ: 5]. Придерживаясь исключительно алфавитной подачи материала, авторы стараются включить слово в этнографический и обрядовый контекст, упоминая «календарные и семейные обрядовые традиции области, праздничный досуг, ремесла, одежду и другие стороны жизни крестьян» [СТГ: 5]: например, к слову *яи́чница* приводится значение ‘обряд, в котором использовалась яичница’ и фразеологизм *на тѐщину яи’чницу* с комментарием «В Моршанском районе сохраняется свадебный обычай приходить молодым на тѐщину яичницу на третий день свадьбы» и диалектным контекстом [СТГ: 195]. На материале говоров Среднего Урала, которые хранятся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, О. В. Востриков и В. В. Липина подготовили этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области «Традиционная культура Урала» [ЭИС]. Словарь включает 5 томов – «Духовная культура», «Труд», «Быт», «Человек» «Природа», в которых диалектный лексический материал организован в соответствии с предельно дробной идеографической сеткой: этот словарь – «своего рода энциклопедия народной культуры, систематизирующая экспедиционный текстовый материал средствами идеографии – понятийной классификации терминологической диалектной лексики» [ЭИС 1: 3].

Очевидно, смена алфавитного принципа подачи материала на тематический была вызвана изменением исследовательской парадигмы – с системно-структурной к семантической и антропоцентрической, требующей выявления групп диалектной лексики, связанной с разными сторонами человеческой жизни. Упомянутые выше словари сосредоточены скорее на представлении материала, нежели его исследовательской интерпретации. Очевидно, что факты, возвращенные «в современный культурный оборот» [ЭИС 1: 3], требуют дальнейшего этнокультурного осмысления.

Действительно, тематический принцип подачи культурно-языковых сведений удобен для дальнейшего этнолингвистического исследования. Неслучайно, что интерпретационная этнолингвистическая составляющая появляется в словарях, посвященных отдельным предметным областям народного быта или обрядовой жизни. Так, можно выделить «Словарь народных названий растений Урала» Н. И. Коноваловой [Коновалова 2000], где в систему описания семантики фитонимов, имеющих мифологическую основу, включен культурологический компонент, связанный «с культовыми представлениями и религиозными обрядами» [Коновалова 2000: 13–14]. Одним из первых региональных этнолингвистических словарей, созданных на основе диалектного материала, стал «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» И. А. Подюкова, С. В. Хоробрых, Д. А. Анти-

пова [ЭССТ]. Словарь состоит из двух частей, деление на которые призвано разграничить собственно представление материала и его анализ. Первая часть «Словарь свадебной терминологии» содержит весь фактографический материал, поданный в алфавитном порядке: основное внимание здесь уделяется реальному речевому употреблению термина. Вторая часть представляет собой словник символов свадебного обряда в Прикамье – интерпретацию предметов, их признаков и действий, имеющих обрядовую символику: например, *береза, игла, лента, солома*; *сладкое, горькое, черный, белый*; *менять, прыгать, пугать* и пр.

Незаменимый опыт лексикографического осмысления терминологии обрядов и верований содержат исследования московских этнолингвистов. В 1970–80 х гг. вышли несколько проектов А. В. Гуры, посвященных терминологии свадебного обряда: «Из северно-русской свадебной терминологии: (Хлеб и пряники – словарь)» [Гура 1977]; «Из полесской свадебной терминологии: свадебные чины» [Гура 1984; 1986]. Обозначения дат и периодов народного календаря, а также связанная с ними обрядовая терминология нашли отражение в «Полесском народном календаре» С. М. Толстой [Толстая 2005], изданном на материале этнолингвистических экспедиций в Полесье. Региональные словари С. М. Толстой и А. В. Гуры отличают скрупулезная и щепетильная работа с семантикой обрядового термина, выявление логики семантического развития, системных отношений, точная ареальная дистрибуция лексем. Особую ценность в таком словаре составляет иллюстративный материал, где содержатся сведения о содержании обряда, т. е. связанных с тем или иным днем верованиях и ритуалах.

Словарь С. М. Толстой стал образцом этнолингвистического описания обрядовой терминологии, принципы представления которого нашли отражение в словаре «Русский народный календарь» [РНК], составленном уральскими этнолингвистами О. В. Моргуновой, Ю. А. Кривощаповой, К. В. Осиповой и включающем общенародные и диалектные наименования календарных дат и периодов. Его особенность состоит в объединении в одной статье лингвистических единиц – наименований календарных периодов и их дериватов (словообразовательных и семантических, в том числе фразеологии) – и связанных с календарной датой ритуальных практик, верований и фольклора, что помогает наблюдать динамический процесс взаимодействия обряда, фольклорного текста, обрядового термина и его дальнейшей «внеобрядовой» жизни в системе диалекта. К этнолингвистическим проектам Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики можно отнести также «Словарь коллективных прозвищ» Ю. Б. Воронцовой [СКП]. Его «этнолингвистичность» заложена уже в том, что включенные в словарь «коллективные прозвища могут многое рассказать о быте, занятиях и культуре жителей разных уголков России, а еще больше – о том, как „видели“ друг друга соседи, какими были их взаимоотношения» [СКП: 7]. Выявить этнокультурную информацию помогают приводимые автором иллюстративные контексты и пояснения, ср. прозвище «ГОРО́ХОВИКИ. 1. Жители д. Солотное Великоустюгского района Вологодской обл. Богато жили, в войну горох у них был» [СКП: 86].

Опыт ученых-этнографов привнесли в дело составления этнодиалектных словарей авторы «Духовной культуры Северного Белозерья» [ДКСБ: 1997] – И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Е. Б. Островский, С. Н. Смольников. Осознавая «необходимость емкого и сравнительно лаконичного описания культурных форм» [ДКСБ: 3], авторы предлагают свой тип словаря, который удобен для комплексной характеристики фольклорно-этнографических реалий (среди них – календарные периоды, народные обряды и обычаи, а также игры и отдельные жанры фольклора) одной территории. Для его создателей было важным совместить научный анализ разных аспектов культуры Белозерья с той интерпретацией, которую предлагают сами ее носители: поэтому в каждой из статей исследовательский текст уравновешивается обширным фрагментом, иллюстрирующим народное видение описываемого явления культуры.

Незаменимость языковых, фольклорных и обрядовых сведений как источника реконструкции архаических представлений показали этнолингвистические словари «Славянские древности» [СД], вдохновителем и редактором которого стали Н. И. Толстой и С. М. Толстая, и «Słownik stereotypów i symboli ludowych»

[SSSL 1999; 2012], выпущенный в Люблине коллективом исследователей под руководством Е. Бартминьского. Единицами описания в этих проектах выбраны народные символы или стереотипы как совокупность представлений о свойствах предмета и его ритуальных функциях, проявленная в фактах языка, фольклора, верованиях и обрядах. Несмотря на существенные отличия, словари очень близки друг другу по духу – через ключевые для них понятия народной традиции, фольклора, картины мира.

2. Проект словаря «Пища Русского Севера»

Занимаясь этнолингвистическим изучением севернорусской диалектной лексики, относящейся к сфере пищи, мы также столкнулись с проблемой поиска оптимальной формы организации материала, которая позволила бы на основе культурно-языковых данных реконструировать региональную специфику пищи и напитков крестьян Русского Севера и связанные с ними традиционные представления. Как показал исследовательский опыт последних лет и десятилетий, для организации этнолингвистической информации удобной оказывается именно форма словаря, которая позволяет выделить отдельные элементы культуры, как и язык, состоящей из взаимосвязанных значимых единиц. После знакомства с опытом коллег-диалектологов зародилась идея создать словарь, который займет некоторое промежуточное положение между этнодиалектным словарем и культурологическим словарем-энциклопедией: методический опыт авторов культурологических «энциклопедий» мы попробовали применить к анализу диалектного материала. Если этнодиалектный словарь содержит бытовую лексику, но не всегда обращается к ее культурной символике, то для культурологического словаря важна преимущественно лексика обрядов и ритуалов. Особенность задуманного проекта состоит в том, что в качестве объекта описания выбрана не обрядовая терминология, а группа бытовой лексики. Ее культурная семантика не столь очевидна, как семантика обрядового термина, например обозначения календарного периода или свадебного обряда: извлечение культурных смыслов из анализа неспецифически обрядовой лексики повышает интерпретационную составляющую проекта, предполагающего наличие этнолингвистического инструментария – комплекса аналитических процедур исследования.

Сформулируем некоторые методологические пресуппозиции, из которых родился задуманный словарь:

– максимально полное отражение языкового материала (лексики пищи и питания); верования, фольклор и обряды приводятся в сжатом виде, необходимом для выявления символических функций реалии;

– приоритетность задачи интерпретации материала и выявления культурно-языковой символики изучаемых элементов языка и культуры над его документированием и «объективным» представлением;

– важность территориальной дистрибуции сведений, для которых указывается область и район бытования.

Материал и источники. Исследование включает диалектную лексику пищи и питания, записанную на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей. Если Архангельская и Вологодская области входят в понятие Русского Севера целиком, то из районов Костромской области мы учитываем только ту ее часть, которая относилась к Вологодской губернии – Вохомский, Октябрьский и Павинский районы. Исчерпывающее этнолингвистическое представление Русского Севера невозможно без привлечения письменных источников, явившихся итогом кропотливой полевой работы лингвистов и этнографов на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей.

Задачи словаря. Перед Словарем стоит лингвистическая задача представления лексики выбранной тематической группы: вариантов названий, их региональной дистрибуции и семантической специфики, этимологомотивационных связей лексики, сведений о денотате, отраженных в наименованиях, системных отношений (родо-видовых, синонимических, антонимических и пр.). Таким образом, методами этимологического, семантико-мотивационного, системно-структурного и лингвогеографического анализа лексики выявляется заключенное в языке субъективное представление о пище – особенностях приготовления, употребления, состава блюд.

Следующая группа задач направлена на анализ этнокультурных и социальных функций

пищи: выявление роли блюда в рационе и традиционном застолье, его приуроченности к повседневному, праздничному рациону (воскресным дням, календарным и семейным праздникам) или некоторой бытовой ситуации (покос, коллективные работы и пр.).

Анализ языковой и культурной символики пищи подразумевает определение семантики и функций, которые приписываются изучаемым предметам и их обозначениям в верованиях, малых фольклорных жанрах (пословицы, поговорки, загадки и пр.) и обрядах (семейных, календарных, сельскохозяйственных и бытовых). Анализ пищи как знака языка культуры может учитывать внешние, вкусовые, тактильные особенности обрядового блюда, определяемые при сопоставлении с повседневной пищей, а также функции пищи в коммуникативных ситуациях разного типа: например, значение имеет внешнее оформление блюда (ритуальная выпечка может быть плетеной или украшенной, изготавливаться в виде животных; в обрядовой каше делается углубление, куда наливается масло, иногда – втыкается колос и пр.), порядок подачи блюда на стол, принципы его употребления и разделения (например, разламывание свадебного каравая или рыбника, питье пива по кругу) и пр.

Единицей описания в этнолингвистическом словаре является культурно-языковой знак, соотносимый с одной реалией, в единстве его наименований и внешнего воплощения, языковых значений и символических функций. Таким образом, в одной статье объединяются знаки языка и культуры, имеющие общее денотативное содержание, но воплощающие традиционные представления в разных кодах – вербальном, предметном и акциональном. Реконструируя содержание культурно-языкового знака, мы формулируем то, что принято называть *понятием*, *представлением* о предмете, его *образом* или *стереотипом*, т. е. некоторую совокупность семантических признаков и функций. Не желая разворачивать терминологическую дискуссию, отметим лишь, что если эти понятия становятся терминами той или иной научной школы, то приобретают значение, отражающее ее концептуальные и методологические установки. Так, в трудах польских этнолингвистов под руководством Е. Бартминьского закрепился термин *языковой стереотип* как минимальный компонент языковой картины мира, некоторое суждение о предмете, ментальный образ реалии, закрепленный в языке [Бартминьский 2005]. В работах Московской этнолингвистической школы для описываемых элементов употребляется термин *знак языка культуры*, который отражает, с одной стороны, общую семиотическую природу языка и культуры, с другой – возможность применения лингвистических методов для интерпретации явлений культуры. (О понятийном аппарате польских исследователей в сравнении с концепцией московских этнолингвистов подробнее см. в [Толстая 2015].) Выбирая в качестве единицы описания знак языка и культуры, мы в большей степени ориентировались на концепцию словаря «Славянские древности», исследовательский взгляд в котором движется от реалии к ее символическому осмыслению в фольклоре и ритуальных практиках, тогда как концепция люблинского словаря преимущественно ориентирована на жизнь ментальных концептов в языке и тексте.

Отдельный культурно-языковой знак и соответствующая статья в нашем словаре выделяются, если, во-первых, блюдо является частью севернорусского рациона, т. е. получает широкое распространение в одном или нескольких районах, во-вторых, его названия устойчиво фиксируются в диалектах, а в-третьих, оно приобретает знаковые функции в языке, фольклоре и в акциональных формах культуры. При выборе описываемых единиц неизбежно приходилось ориентироваться на «сигнальные» слова, которые называют типичные блюда Русского Севера, в том числе и нехарактерные для общенародной культуры – *дежéнь* ‘заваренное толокно с ягодами или простоквашей’, *саламáт* ‘каша с маслом или другим животным жиром’, *селя́нка* ‘запеканка с молоком и яйцами’, *дрочёна* ‘вид пирога или запеканки’ [КСГРС] и др. В качестве ключевого слова, т. е. имени культурно-языкового знака, указываемого как заглавное слово статьи, выбирается общенародная или диалектная лексема, наиболее распространенная на территории Русского Севера, например, *вологa, дежень, каша, квас, молоко, опара, пиво, саламат, щи* и др.

Состав словарной статьи. Словарная статья включает следующие зоны:

«Дефиниция»: кратко указывается состав продукта, особенности употребления и его символика в языке и культуре; дефиниция обобщает информацию, в развернутом виде представленную в статье.

«Общая характеристика, наименования, региональные разновидности»: с опорой преимущественно на лексический материал и данные этнографических источников характеризуются состав блюда, специфика его приготовления, территориальное варьирование состава и названий.

«Роль в застолье»: определяется порядок подачи блюда и способ его сервировки, особенности употребления, пищевые запреты и регламентации, вторичные функции блюда в застолье.

«Развитие значений (языковые коннотации)»: выявляются особенности развития языковой семантики наименований пищи. Анализ вторичных значений «пищевой» лексики включает ее тематическую классификацию и выделение сквозных мотивов номинации.

«Культурная семантика и обрядовые функции»: определяются функции пищи в календарных, сельскохозяйственных, бытовых и семейных обрядах, а также выявляется символика пищи в верованиях и фольклоре.

В качестве примера приведем фрагменты статьи «Рыбник».

Рыбник – открытый или закрытый пирог с рыбой (*рыбник, кулебяка*). Рыбники пеклись преимущественно небольшого размера с целой неразрезанной рыбой; различались по виду рыбы (*вьюнник, язковник, меевник, малявник* и пр.). Рыбник был как повседневной пищей, так и выпекался к каждой праздничной трапезе. Подавали рыбник в качестве самого почетного угощения, чаще всего в начале обеда. Ритуальные функции рыбника определяются символикой рыбы и хлеба (выпечки). Связь рыбы с идеей плодородия, изобилия и легкого деторождения определила его употребление на всех этапах свадьбы, а также в ритуалах, связанных с образом невесты: за рыбник выкупали невесту у свах, рыбником невеста привораживала жениха, с помощью рыбника сообщали о «честности» невесты. Рыбник обязательно готовили к поминкам, а также крупным праздникам годового цикла. Пирог с рыбой брали с собой в дорогу, чтобы обеспечить ее легкость и благополучие. Вторичные языковые значения сущ. *рыбник* метафорически осмысляют его продолговатую форму (ср. *рыбник* ‘огрех при пахоте’).

Общая характеристика, наименования, региональные разновидности. Рыбник был одним главных видов повседневной и праздничной выпечки на Русском Севере: «Рыбники пекли в праздничные дни – загибали этак корка на корочку» (Вохом) [ЛКТЭ]. В пирог рыба запекалась неразрезанной: «рыбники, или пироги с рыбой, приготовляются также просто – рыба, какая бы она ни была, полагается в корку из ячменного теста» [Ефименко 1877: 71]. Чаще это была закрытая, реже – открытая выпечка из кислого теста: в Онежском районе *рыбниками* называли закрытые пироги, которые обыкновенно пекли из соленой рыбы, *жа́ренца* (*жа́рник, жа́рница*) – открытые [АОС 13: 215, 225–226]. Преимущественно архангельским были небольшие пироги-кулебяки (арх. *кулеба́ка, кулебя́ка, кулюба́ка, кулеба́чка, колюба́ка*) [СГРС 6: 244; 261; Ефименко 1877: 69; РК 5/2: 83].

Рыбники различались по виду запекаемой в них рыбы: повседневно готовились рыбники из язя, леща или налима, вкусными считались *вью́нник* из *вьюна* (Он) [КСГРС], *язко́вник* из небольших язей (Лен) [КСГРС], *те́льное* ‘пирожки с мясом щуки’ (Карг) [СРНГ 44: 16]. Особо часто пекли пироги из мелкой рыбы: арх., волог. *ме́евник* (В-Т; В-Важ, Тот) [СГРС 7: 264, 273; КСГРС], волог. *маля́вник, молева́тик* (Сок; Ник, Тот) [КСГРС; СВГ 5: 10; СГРС 7: 310] и др. Популярность пирогов с мелкой рыбой была связана не только с ее пищевыми и вкусовыми свойствами (у мелкой рыбы, в отличие от крупной, не требовалось убирать кости), но и с тем, что крупную рыбу и рыбу ценных пород крестьяне продавали или сдавали государству.

Роль в застолье. В богатых рыбой районах Русского Севера рыбник был основным повседневным и праздничным блюдом: «Лучший пирог здесь в почёте – рыбник» (Пав); «Рыбники всегда должны на столе в праздники» (Вин) [КСГРС; ЛКТЭ]. «Рыбников для свадеб или в храмовые праздники напекаюсь от 30-ти до 60-ти, потому что народу приходит очень много в продолжение трех дней праздничных» – рыбником чествовали каждого из пришедших гостей [Ефименко 1877: 72]. По-

всеместно рыбник считался самым почетным угощением [РК 5/2: 16; ЛКТЭ; КСГРС], с которого начиналась трапеза: «*Рыбничек мал, да всех за стол позвал*»; «*Пирожок на стол с сижком – так и праздничек пришел*» (Выт) [Митрошкина 2015: 157]; «*Без рыбника не праздник, это перва закуска*» (Нюкс) [КСГРС].

Развитие значений. Природа. Специфическая продолговатая форма рыбника определила переносное значение арх., волог. *рыбник* ‘огрех при пахоте, невспаханное место в середине поля’: «Проехали, а там не проехали, огреха, рыбник. Как рыбник пекёшь – в середку – рыбу, а по краям захлёстываешь, так и на поле – в серёдке не пропахано, не захлестнулось – рыбник остался» (Ник; Вож, Уст) [КСГРС]. Фразеологизмы *загнуть рыбник*, *рыбников загнуть*, *рыбников назагибать*, *рыбников назашибать* ‘плохо вспахать, отделяя плугом большие неразрезанные пласты земли или оставляя в середине поля непропаханный участок’: «Недопашешь по краям – огрех, а в серёдке – рыбник загибаешь» (Ник; Баб, Бабуш, Ник, Нюкс, Сок) [КСГРС; СВГ 9: 75] проводят аналогию между изготовлением рыбника, предполагающим загибание краев теста, и пахотой.

Культурная семантика и обрядовые функции. Семейные обряды. Свадьба. Рыбник был обязательным блюдом на свадьбе: «Надо было на свадьбу рыбник пирог пекчи. На каждый стол по рыбничку» (костром.) [ЛКТЭ]. Рыбник появлялся на столе уже на этапе рукобитья: на Онеге, готовясь к сговору, на стол выставляли каравай и по рыбьей кулебяке по сторонам [Ефименко 1877: 116]. На Вологодчине соседи накануне свадьбы или в день свадьбы приносили рыбник со свежей рыбой или с треской (Ник. у.) [РК 5/3: 405, 409]. На девичнике пирог с рыбой ставили на стол «только для глядины, есть его не едят»: на него клали деньги за подарки, которые раздавала невеста, а начинали есть только после завершения «даров» и благословения священника (Кадн. у., Гряз. у.) [РК 5/2: 110, 644].

Рыба и рыбник были связаны с образом невесты. В день свадьбы рыбник использовался в качестве символического выкупа, который женщины отдавали свахе за невесту: этот обряд в Верховажском районе Вологодской обл. назывался *прийти по ры́бник*: «Бабы придут по рыбник, просят выкуп за невесту, пишут записку, чего хотят. Сватья им всего даст, лаптыков <лоскутов?> всяких даст, и вина даст, и рыбник на лопату положит, лопату деревянную подадут» [КСГРС]. В Шенкурской волости перед началом свадебного обеда жених подкладывал под руки жены кулебяки из рыбы [Ефименко 1877: 96]. Чтобы заставить молодых полюбить друг друга, рыбник, которым невеста угощала жениха после венчания, присаливали солью, смешанной с потом невесты, или же к пирогу прибавляли месячные очищения невесты; или рыбу для пирога предварительно прикладывали к детородным органам невесты. Чтобы пирог был теплым, невеста носит за пазухой на голом теле (Кадн. у.) [РК 5/2: 556, 561]. По рыбной «колюбаке» определяли целомудренность невесты: если невеста честная, то пирог наполняют рыбой, если не сохранила честность – колюбака печется пустой и отсылается родителям невесты [Ефименко 1877: 80]. В Вологодском уезде пирог с рыбой привозили к невестиному завтраку [РК 5/1: 414]. Употребление рыбника невестой обеспечивало ее плодовитость и легкость деторождения в будущем (ср. связанный с рыбой мотив беременности легких родов, который прослеживается, например, в костромском выражении *дитя как рыба выплывет* ‘о легких родах’: «Живой рыбки поешь, дак лутше станет; как тяжелая баба ходит, дак живой рыбы больше пусть ест, родит – дитя как рыба выплывет, неживой рыбы нельзя есть» (Буй) [ЛКТЭ], а также в мотиве одной из вологодских сказок: царица с нянюшкой и их собака беременеют, съев пирог с щукой [РК 5/1: 498]).

Подытоживая сказанное, отметим, что этнолингвистические словари могут помочь в решении важной задачи комплексного представления локальной культурно-языковой традиции. Диалектный языковой факт, тесно связанный с народным бытом и мировоззрением, должен быть рассмотрен внутри культурной ситуации – в неразрывной связи с фольклором, верованиями, повседневной и обрядовой жизнью. Это позволит не только более рельефно воссоздать особенности крестьянского мира, но объяснить семантико-мотивационную специфику многих языковых единиц – лексем, фразеологизмов, ономастических фактов – интерпретация которых невозможна средствами «чистой» лингвистики.

Список сокращений

арх. – архангельское
Баб – Бабаевский район Вологодской области
Бабуш – Бабушкинский район Вологодской области
В-Важ – Верховажский район Вологодской области
Вин – Виноградовский район Архангельской области
Вож – Вожегодский район Вологодской области
волог. – вологодское
Вохом – Вохомский район Костромской области
В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области
Выт – Вытегорский район Вологодской области
Гряз. у. – Грязовецкий уезд Вологодской губернии
Кадн. у. – Кадниковский уезд Вологодской губернии
Карг – Каргопольский район Архангельской области
костром. – костромское
Лен – Ленский район Архангельской области
Ник – Никольский район Вологодской области
Ник. у. – Никольский уезд Вологодской области
Нюкс – Нюксенский район Вологодской области
Он – Онежский район Архангельской области
Пав – Павинский район Костромской области
Сок – Сокольский район Вологодской области
Тот – Тотемский район Вологодской области
Уст – Устьянский район Архангельской области

Литература

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. – М. : Изд-во МГУ, 1980–2019. – Вып. 1–19; издание продолжается.

Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / У. Бартминьский ; сост., отв. ред. С. М. Толстая. – М., 2005. – 527 с.

Гура, А. В. Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины (словарь: Б – М) / А. В. Гура // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. – М., 1984. – С. 137–177.

Гура, А. В. Из северно-русской свадебной терминологии: (Хлеб и пряники – словарь) / А. В. Гура // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста / сост., отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. – М., 1977. – С. 131–180.

Гура, А. В. Из полесской свадебной терминологии: свадебные чины (словарь: Н свашка) / А. В. Гура // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / отв. ред. Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1986. – С. 144–178.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб., 1863–1866.

ДКСБ – Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь / И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Е. Б. Островский, С. Н. Смольников и др. ; отв. ред. И. А. Морозов. – М. : ИЭА РАН, 1997. – 432 с.

Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. – 455 с.

Ефименко, П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии : в 2 ч. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта / П. С. Ефименко. – М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1877.

Коновалова, Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург, 2000. – 233 с.

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Куликовский, Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. – СПб. : Изд. отд-ния рус. яз. и словесности имп. Акад. наук, 1898. – 151 с.

ЛКТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Митрошкина, Н. А. Вытегорская кухня: (по материалам экспедиционных исследований 1978–2010 гг.) / Н. А. Митрошкина // Вытегра : краевед. альм. Вып. 5 / отв. ред. Е. А. Скупинова. – Вологда, 2015. – С. 149–174.

Подвысоцкий, А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. – СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1885. – 198 с.

РК 5/1 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. – СПб. : Деловая полиграфия, 2007. – 623 с.

РК 5/2 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. – СПб. : Деловая полиграфия, 2007. – 839 с.

РК 5/3 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. – СПб. : Деловая полиграфия, 2007. – 683 с.

РНК – Атрошенко, О. В., Кривощапова, Ю. А., Пьянкова, К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / О. В. Атрошенко, Ю. А. Кривощапова, К. В. Пьянкова. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2014. – 544 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская. – Вологда : ВГПУ, Изд-во «Русь», 1983–2007. – Вып. 1–12.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. – Т. 1–.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5-ти томах. Т. 1–5 / под. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995–2012.

СКП – Воронцова, Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ / Ю. Б. Воронцова. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2011. – 448 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–50–). – М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2017. – Вып. 1–50; издание продолжается.

СТГ – Пискунова, С.В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / С. В. Пискунова, Т. В. Махрачева, В. В. Губарева. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 278 с.

ТБПК – Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / ред. Н. В. Большакова ; сост.: В. К. Андреев, Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьева, С. В. Лукьянова, Ю. Ю. Моня, Г. И. Площук, З. В. Побидько, А. Н. Смирнова. – Псков : ЛОГОС Плюс, 2012. – 284 с.

Толстая, С. М. Полесский народный календарь / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2005. – 600 с.

Толстая, С. М. Стереотип и картина мира / С. М. Толстая // Образ мира в тексте и ритуале. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – С. 54–64.

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области / ред. Т. В. Кириллова, Л. Н. Новикова. – Тверь : ТвГУ, 2000–2006. – Вып. 1–5.

ЭИС – Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области / О. В. Востриков, В. В. Липина. – Екатеринбург : Свердловский областной Дом фольклора, 2000. – Вып. 1–.

ЭССТ – Подюков, И. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. – Усолье ; Соликамск ; Березники ; Пермь : Пермское книжное издательство, 2004. – 360 с.

References

Atroshenko, O. V., Krivoshchapova, Yu. A., P'ankova, K. V. (2014). *Russkii narodnyi kalendar'. Etnolingvisticheskii slovar'* [Russian Folk Calendar. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, AST-Press Kniga. 544 p.

Bartmin'sky, E. (2005). *Yazykovoi obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic Image of the World: Essays on Ethnolinguistics]. Moscow. 527 p.

Bol'shakova N. V. (Ed.), Andreev, V. K., Bol'shakova, N. V., Vorob'eva, L. B., Luk'yanova, S.V., Monia, Yu. Yu., Ploshchuk, G. I., Pobid'ko, Z. V., Smirnova, A. N. (Comp.). (2012). *Traditsionnyi byt pskovskikh krest'yan (Opyt regional'nogo etnolingvisticheskogo slovarya)* [Traditional Life of Pskov Peasants (Experience of the Regional Ethnolinguistic Dictionary)]. Pskov, LOGOS Plius. 284 p.

Dahl, V. I. (1863–1866). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols.]. Saint Petersburg.

Durov, I. M. (2011). *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Living Pomor language in its Everyday and Ethnographic Application]. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN. 455 p.

Efimenko, P. S. (1877). *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoi gubernii: v 2 ch.* [Materials on the Ethnography of the Russian Population of the Arkhangelsk Province, in 2 parts]. Part 1. Opisanie vneshnego i vnutrennego byta. Moscow, Tipografiia F. B. Millera.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–2017). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow, Leningrad, Saint Petersburg, Nauka. Vol. 1–50–.

Getsova, O. G. (Ed.). (1980–2019). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. Vol. 1–19.

Gura, A. B. (1986). Iz polesskoi svadebnoi terminologii: svadebnye chiny (slovar': N – svashka) [From Polissya Wedding Terminology. Wedding Ranks (Vocabulary: N – Svashka)]. In Tolstoi, N. I. *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Dukhovnaya kul'tura Poles'ya na obshcheslavyanskom fone*. Moscow, Nauka, pp. 144–178.

Gura, A. V. (1977). Iz severno-russkoi svadebnoi terminologii: (Khleb i prianiki – slovar') [From the Northern Russian Wedding Terminology: (Bread and Gingerbread – Dictionary)]. In Sudnik, T. M., Tsiv'ian, T. V. (Eds.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Karpato-vostochnoslavyanskie paralleli. Struktura balkanskogo teksta*. Moscow, pp. 131–180.

Gura, A. V. (1984). Iz polesskoi svadebnoi terminologii. Svadebnye chiny (slovar': B — M) [From Polissya Wedding Terminology. Wedding Ranks (Vocabulary: B – M)]. In Zelenina, E. I., Usacheva, V. V., Tsiv'ian, T. V. (Eds.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Yazyk v etnokul'turnom aspekte*. Moscow, pp. 137–177.

Kirillova, T. V., Novikova, L. N. (Eds.). (2000–2006). *Tematicheskii slovar' govorov Tverskoi oblasti* [Thematic Dictionary of Dialects of the Tver Region]. Tver', TvGU. Vol. 1–5.

Konovalova, N. I. (2000). *Slovar' narodnykh nazvanii rastenii Urala* [Dictionary of Folk Names of Plants in the Urals]. Ekaterinburg. 233 p.

Kulikovsky, G. I. (1898). *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of Regional Olonets Dialect in its Everyday Life and Ethnographic Application]. Saint Petersburg, Izd. otd-niya rus. iaz. i slovesnosti imp. Akad. nauk. 151 p.

Matveev, A. K. (Ed.). (2001–). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Dialects of the Russian North]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Vol. 1–.

Mitroshkina, N. A. (2015). Vytegorskaya kukhnya: (po materialam ekspeditsionnykh issledovanii 1978–2010 gg.) [Vytegra's Cuisine: (Based on Materials from Expeditionary Research 1978–2010)]. In Skupinova, E. A. (Ed.). *Vytegra: kraevedcheskii al'm*. Issue 5. Vologda, pp. 149–174.

Morozov, I. A., Sleptsova, I. S., Ostrovsky, E. B., Smol'nikov, S. N. et al., Morozov, I. A. (Ed.). (1997). *Dukhovnaya kul'tura Severnogo Belozer'ya. Etnodialektnyi slovar'* [Spiritual Culture of the Northern Belozerye. Ethnodialect Dictionary]. Moscow, IEA RAN. 432 p.

Panikarovskaya, T. G. (Ed.). (1983–2007). *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda Dialects]. Vologda, VGPU, Izd-vo «Rus». Vol. 1–12.

Piskunova, S. V., Makhracheva, T. V., Gubareva, V. V. (2001). *Slovar' tambovskikh govorov (dukhovnaya i material'naya kul'tura)* [Dictionary of Tambov Dialects (Spiritual and Material Culture)]. Tambov, Izdatel'stvo TGU im. G.R. Derzhavina. 278 p.

Podyukov, I. A., Khorobrykh, S. V., Antipov, D. A. (2004). *Etnolingvisticheskii slovar' svadebnoi terminologii Severnogo Prikam'ya* [Ethnolinguistic Dictionary of Wedding Terminology of the Northern Kama Region]. Usol'e, Solikamsk, Berezniki, Perm', Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. 360 p.

Podvysotsky, A. I. (1885). *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Regional Arkhangelsk Dialect in its Everyday and Ethnographic Use]. Saint Petersburg, Tip. Imper. Akad. nauk. 198 p.

Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva [Russian Peasants. A Life. Mores: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V.N. Tenisheva]. (2007). Vol. 5: Vologodskaya guberniya. Part 1: Vel'skii i Vologodskii uezdy. Saint Petersburg, Delovaya poligrafiya. 623 p.

Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva [Russian Peasants. A Life. Mores: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V.N. Tenisheva]. (2007). Vol. 5: Vologodskaya guberniya. Part 2: Gryazovetskii i Kadnikovskii uezdy. Saint Petersburg, Delovaya poligrafiya. 839 p.

Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva [Russian Peasants. A Life. Mores: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V.N. Tenisheva]. (2007). Vol. 5: Vologodskaya guberniya. Part 3: Nikol'skii i Sol'vychegodskii uezdy. Saint Petersburg, Delovaya poligrafiya. 683 s.

Tolstaya, S. M. (2005). *Polesskii narodnyi kalendar'* [Polissya Folk Calendar]. Moscow, Indrik. 600 p.

Tolstaya, S. M. (2015). Stereotip i kartina mira [Stereotype and Picture of the World]. In *Obraz mira v tekste i rituale*. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, pp. 54–64.

Tolstoi, N. I. (1995–2012). *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary, in 5 vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya.

Vorontsova, Yu. B. (2011). *Slovar' kollektivnykh prozvishch* [Collective Nickname Dictionary]. Moscow, AST-Press Kniga. 448 p.

Vostrikov, O. V., Lipina, V. V. (2000–). *Traditsionnaya kul'tura Urala. Etnoideograficheskii slovar' russkikh govorov Sverdlovskoi oblasti* [Traditional Culture of the Urals. Ethnoideographic Dictionary of Russian Dialects of the Sverdlovsk Region]. Ekaterinburg, Sverdlovskii oblastnoi Dom fol'klora. Vol. 1–.

Данные об авторе

Осипова Ксения Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, старший научный сотрудник Топонимической лаборатории, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); научный сотрудник, Институт Славяноведения РАН (Москва, Россия).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 306.

119991, Россия, Москва, Ленинский пр., 32-А.

E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru.

Authors' information

Osipova Ksenia Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Senior Researcher in the Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language and General Linguistics, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

УДК 811.161.1›374:398.91. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-15. ББК Ш141.12-427+Ш23(2)-411.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 10.02.01

ПОСЛОВИЦА В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

Никитина Т. Г.
Псковский государственный университет (Псков, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9006-9738

Рогалёва Е. И.
Псковский государственный университет (Псков, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9963-4203

Аннотация. В статье освещается актуальная проблематика лингвокультурологической словарной репрезентации русских пословиц. Цель представленного в статье исследования – проанализировать отечественный опыт лингвокультурологической интерпретации паремий в учебных словарях, определить возможные направления оптимизации лингвокультурологически ориентированных лексикографических параметров, представить авторские концепции инновационных учебных паремиологических словарей. При анализе словарных материалов традиционно использовался описательный метод, при разработке представленных в статье собственных словарных разработок – метод лингвометодически ориентированного лексикографического моделирования, включающий различные дискурсивные тактики и приемы лингвокультурологического комментирования паремий, языковые свойства и лингвокультурологический потенциал которых был выявлен в ходе контекстуального, лингвокультурологического, историко-этимологического анализа паремий на этапе исследования, предшествующем лексикографированию.

Показаны возможности совершенствования дефиниции паремии, ее функционально-прагматического и лингвокультурологического комментария, для чего разработаны приемы комплексной текстовой организации, совмещающей историко-этимологический компонент и иллюстрации использования паремии в современных социокультурно маркированных коммуникативных ситуациях. Приводятся примеры параметризации пословичного материала в учебных словарях, разработанных лексикографической лабораторией Псковского государственного университета, использующихся в российских и зарубежных общеобразовательных школах. При макроструктурировании тематических учебных словарей пословиц предлагается использовать прием группировки материала по аксиологемам, отражающим общий оценочный смысл паремий и выступающим в качестве заголовков макростатей внутри тематических рубрик.

Представлена инновационная авторская концепция паремиографического травелога, знакомящего иностранного читателя с русскими пословицами на фоне страноведчески ценных реалий различных российских регионов. Показаны приемы разработки маршрутов паремиологических путешествий в зависимости от тематики, образности, сферы происхождения паремии. Особое внимание уделяется реализации принципа учета фактора адресата при разработке словаря пословиц для младших школьников. Обосновывается целесообразность максимальной интерактивизации словаря книгопечатного формата за счет диалогизации метатекста, использования гиперссылок и организации реальной коммуникации авторов и читателя за пределами словарного текста. Делаются выводы о возможности использования результатов исследования в лексикографической практике и образовательном процессе.

Ключевые слова: паремиология; учебная лексикография; лингвокультурология; русские пословицы; паремиологические словари; учебные словари; русский язык; словарные статьи; лингвокультурологические комментарии

A PROVERB IN THE MODERN LEARNER'S DICTIONARY

Tatiana G. Nikitina
Pskov State University (Pskov, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9006-9738

© Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалёва, 2021

Elena I. Rogaleva
Pskov State University (Pskov, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9963-4203

Abstract. The article deals with the urgent problems of the linguocultural lexicographic representation of Russian proverbs. The purpose of the study presented in the article is to analyze the domestic experience of linguoculturological interpretation of paremias in learner's dictionaries, to determine possible areas for optimization linguoculturologically oriented lexicographic parameters, to present the author's concepts of innovative learner's paremiological dictionaries. The descriptive method is traditionally used to analyze dictionary materials. The method of linguometodically oriented lexicographic modeling, including various discursive tactics and techniques of linguoculturological interpretation of paremias, is used the development of the authored dictionary entries presented in the article. The linguistic properties and linguocultural potential of proverbs have been revealed during their contextual, linguocultural, historico-etymological analysis, preceding the lexicographic description.

The article considers the opportunities for improvement of the definition of a paremia, its functional and pragmatic characteristics, linguocultural commentary, for which the methods of complex textual organization combining the historico-etymological component and examples of the use of paremia in modern socio-culturally marked communicative situations have been developed. When macro-structuring thematic learner's dictionaries of proverbs, it is suggested to use the method of grouping the material according to axiologems that reflect the general evaluative meaning of paremias and act as the headings of dictionary macro-entries within thematic sections.

The article suggests an innovative authored concept of a paremiographic travelogue, which presents Russian proverbs to a foreign reader against the background of characteristic realities of different regions of Russia. It demonstrates techniques for developing routes of paremiological travel, depending on the subject, imagery, and sphere of origin of paremias. Special attention is paid to the realization of the principle of taking into account the addressee factor by developing a dictionary of proverbs for primary school children. The expediency of the maximum implementation of the principle of interactivity in the dictionary of the printed format due to the dialogization of metatext, the use of hyperlinks in the macro-structuring of the dictionary and the organization of real communication between authors and readers outside the dictionary text is justified. The authors draw conclusions about the opportunities of using the results of the study in the lexicographic practice and in the educational process.

Keywords: paremiology; learner's lexicography; linguoculturology; Russian proverbs; paremiological dictionaries; learner's dictionaries; Russian; dictionary entries; linguoculturological comments

Для цитирования: Никитина, Т. Г. Пословица в современном учебном словаре / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалёва // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 168–181. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-15.

For citation: Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2021). A Proverb in the Modern Learner's Dictionary. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 168–181. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-15.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, (проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Acknowledgments: the study is funded by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00091 «The World of the Eastern Slavs in a Paremiological Interpretation: Axiological Dominants and Their Linguistic and Cultural Representation», realized at St. Petersburg State University).

Введение

Теория и практика лингвкультурологического описания русских пословиц, обладающих насыщенным этнокультурным фоном, охватывает широкий круг проблем, среди которых в последние годы особое внимание уделяется структурированию пословичной картины мира и аксиологически маркированных паремиологических концептов [Мокиенко 2018; Никитина 2020], анализу культурных кодов, отраженных в русских пословицах, и продуктивности паремиологических образных стержней-лингвокультурем [Тубалова, Ван 2018; Ковшова 2017], сопоставительному анализу этнокультурного содержания паремий[1] [Ломакина, Мокиенко 2018; Мокиенко,

[1] Для обозначения пословицы как одного из видов паремий в статье используется и родовой термин «паремия».

Никитина 2019; Мокиенко, Никитина 2021]. В десятках методических работ предлагаются способы и средства учебной лингвокультурологической репрезентации русских паремий самому разному контингенту обучающихся – от младших школьников до иностранных аспирантов [Казакова, Жесткова 2015; Никитина 2018]. Этот отечественный опыт лингвокультурологического и лингвометодического описания пословиц должен учитываться при их разработке в учебном словаре, в том числе ориентированном на иноязычного адресата.

Обосновывая требования к параметризации пословиц в учебном словаре, Е. И. Зиновьева подчеркивает дидактическую значимость лингвокультурологического комментария, раскрывающего ценностную установку культуры, отражаемую паремией, и код культуры, на котором она базируется [Зиновьева 2015: 176]. Релевантным в плане репрезентации этих культурологических аспектов содержания паремии является и функционально-прагматический комментарий, представляющий коммуникативные условия употребления пословицы, а также иллюстративный материал, позволяющий наблюдать особенности живого функционирования паремии и анализировать конкретные речевые смыслы, реализуемые древней пословицей в современных социокультурных ситуациях. Цель нашего исследования – проанализировать наполнение соответствующих параметрических зон в статьях современных учебных словарей пословиц[1], рассмотреть возможности оптимизации традиционных форм лингвокультурологической словарной репрезентации паремий и предложить инновационные авторские лексикографические модели описания этого материала в лингвокультурологическом аспекте с адресацией обучающимся разных уровней. Обобщение отечественного паремиографического опыта, представленного в статье, осуществлялось с использованием описательного метода. При разработке авторских словарных материалов реализован обоснованный Е. И. Рогалёвой метод лингвометодически ориентированного лексикографического моделирования, представленный совокупностью дискурсивных тактик и приемов лингвокультурологического комментирования паремий [Рогалёва 2015], чему предшествовал их контекстуальный, лингвокультурологический, историко-этимологический анализ.

Лингвокультурологическая параметризация пословицы в учебном словаре: отечественный опыт, возможности оптимизации

Не останавливаясь на вопросах формирования словника (при отсутствии паремиологических минимумов для различных этапов обучения составители словарей отбирают пословицы, исходя из собственных представлений об их лингводидактическом и лингвокультурологическом потенциале), обратимся к проблематике макроструктурирования словаря, так как уже на этом уровне можно задать лингвокультурологический ракурс описания материала, например, в рубриках тематической классификации паремий. Так, тематические разделы «Правда», «Ложь», «Труд», «Безделье», «Свое и чужое», «Дружба», «Здоровье», «Семья» и т. д. в школьных словарях пословиц И. В. Клюхиной [Клюхина 2019] и О. Д. Ушаковой [Ушакова 2020] объединяют паремии, отражающие базовые ценности и антиценности русской лингвокультуры. К сожалению, при отсутствии толкований смысл многих народных выражений некорректно интерпретируется школьниками, к тому же при алфавитном расположении пословиц в тематическом разделе у читателя не складывается целостной картины ценностных установок народного сознания, связанных с определенной сферой жизненного опыта.

Повысить лингвокультурологическую ценность тематической репрезентации пословиц позволит их объединение внутри разделов под заголовочными аксиологемами – лаконичными фразами, передающими основную идею паремий, их обобщающий оценочный смысл. Эта лексикографическая модель, разработанная на материале восточнославянских языков для сопоставительной академической репрезентации их паремиологического пространства [Андрианова, Игнатьева, Никитина 2020], будет реализована и в новом учебном словаре русских пословиц, который готовится

[1] К этой категории мы относим не только словари с указанием на их тип («учебный», «школьный») в названии или вышедшие в сериях «Школьный словарик», «Начальная школа» и т. п., но и паремиографические источники, авторы которых раскрывают дидактическую направленность своих материалов лишь в аннотации.

к изданию сотрудниками Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета. Представим аксиологическое структурирование проектируемого словаря материалом раздела «Гостеприимство», где заголовки макростатей раскроют зафиксированные пословицами обязанности хозяина, правила поведения гостя, временной регламент визита, обязательность/необязательность приглашения и др. В случае амбивалентности оценки определенных фактов, например, прихода в гости без приглашения, паремии, противоположные по аксиологической направленности, объединяет помета «Ср. **»:

ГОСТИ И ХОЗЯЕВА

Хозяин должен уважительно относиться к гостю:

Встречай гостя не лестью, а честью; Гостю почет – хозяину честь.

Хозяин должен хорошо накормить гостя, предоставить ему ночлег:

Гости позваны и постели постланы; Гостю щей налей, да погуще лей; Умел звать, умей и угощать.

В гостях следует вести себя скромно, не противоречить хозяину:

Будь как дома, но не забывай, что ты в гостях; В гостях воля хозяйская; Гость хозяину не указчик.

В гости лучше не опаздывать:

Кто опоздает, тот воду хлебает; Кто поздно приходит, тот ничего не находит.

Гость не должен злоупотреблять временем хозяев:

Гостям дважды радуются – встречая и провожая; Пора гостям и честь знать; Милые гости, не надоели ли вам хозяева?

Близкие люди могут приходить в гости без приглашения:

Желанный гость зову не ждет; Нежданный гость лучше жданных двух. Ср.:** Нежеланному нежданному гостю никто не рад: *Желанному гостю – горячий привет, незваному гостю – хозяина дома нет; Незваный гость – хуже татарина.*

Приглашение в гости должно быть взаимным:

В гости ходить – надо и к себе водить.

Затрудняет осмысление культурного фона паремий и непоследовательность составителей словарей в реализации тематического принципа организации материала. При распределении пословиц по тематическим разделам они опираются то на синхронное значение пословиц (например, в разделе «Охота» у О. Д. Ушаковой: *Хорош охотник: убил время и ноги)*, то на значение прототипа (*На ловца и зверь бежит* – в том же разделе), то на значение стержневого слова, не всегда верно его трактуя: так, в раздел «Охота» попадает народное выражение *Охота пуще неволи*, которое по семантике должно быть отнесено к разделу «Хотенье», который в данном словаре тоже присутствует [Ушакова 2021: 51, 75].

Тематическим иногда называют и алфавитно-стержневое расположение материала, когда «тематическая сортировка» заключается в объединении пословиц «по ключевым (опорным) словам, которые определяют их основную смысловую нагрузку» [Клюхина 2020: 3]. Здесь трудно согласиться с включением в раздел «Минута» паремии, характеризующей шутку: *Шутка – минутка, а заряжает на час* (в разделе «Шутка» эта паремия отсутствует) [Клюхина 2019: 33], как и с отнесением пословицы о ценности молчания (*Слово – серебро, молчание золото*) к разделу «Золото» [Клюхина 2019: 32], а пословицы *Сегодняшней работы на завтра не покидай* – к разделу «Сегодня» [Клюхина 2019: 64]. Можно поспорить и с авторским выбором ключевого смыслового компонента пословицы *Хлеб – батюшка, вода – матушка* (И. В. Клюхина размещает пословицу в разделе «Вода» [Клюхина 2019: 9]).

При стержневом или собственно алфавитном (по первой букве первого компонента) порядке расположения материала, когда основная пословичная идея не вводится заголовком-аксиологемой, обязательным компонентом словарной статьи является толкование паремии, которое помогает понять морально-этические, эстетические, утилитарно-бытовые оценочные установки лингвокультуры.

Без сомнения, познавательным и воспитательным потенциалом обладают словари, в свободной форме изъясняющие детям назидательный смысл и рассказывающие о происхождении пословиц, например: *Не все коту Масленица, будет и Великий пост. На Руси издавна широко отмечали Масленицу – праздник проводов зимы, который длился целую неделю.*

В это время обязательно пекли блины, которые ели с маслом, сметаной и даже с икрой. Конечно, и коту кое-что перепадало. Но после Масленицы наступал Великий пост, который длился семь недель, и в это время полагалось воздерживаться от жирной, мясной и молочной пищи [Зигуненко 2010: 115]. Однако при всей лингвокультурологической ценности, такие «рассказы о пословицах» не могут рассматриваться как полноценный справочный и лингводидактический материал, формирующий у школьника адекватное представление о языковом значении и речевых смыслах пословиц: при отсутствии толкования даже увлекательный этимологический комментарий не всегда помогает ребенку адекватно семантизировать паремию самостоятельно.

Недостаточными представляются и лаконичные толкования, которые зачастую характеризуются высоким уровнем обобщения и не сопровождаются комментариями, приближающими читателя к ситуациям употребления паремий и целеустановкам говорящего: *От сумы и от тюрьмы не зарекайся. – Не загадывай вперед, как сложится жизнь* [Розе 2011: 148]. Функционально-прагматический комментарий, используемый в качестве толкования, также не передает семантику паремии с достаточной полнотой: *Знай сверчок свой шесток. – Назидание тому, кто вмешивается не в свое дело* [Розе 2011: 77].

Адекватная лингвокультурологически ориентированная семантизация пословицы в учебном словаре, разрабатываемом с учетом фактора адресата, должна, на наш взгляд, сочетать достаточно детализированную репрезентацию обобщенного (инвариантного) значения паремии (по возможности здесь реализуется принцип структурно-семантического изоморфизма определяемой пословицы и дефиниции), экспликацию прагматического потенциала паремии в отдельной параметрической зоне словарной статьи и лингвокультурологический комментарий, включающий историко-этимологическую информацию и позволяющий осмыслить логику развития переносного значения паремии, как, например, в словаре В. М. Мокиенко:

ЗНАЙ ВСЯК СВЕРЧОК СВОЙ ШЕСТОК. *Знай свое место, не высовывайся, не превышай свои полномочия. Говорится тому, кто ведет себя несоответственно своему положению, вмешивается не в свое дело. Шесток* – площадка перед устьем русской печи, где, по бытовым крестьянским представлениям, любят жить домашние сверчки [Мокиенко 2002: 217].

Особая проблема, стоящая перед паремиографами – репрезентация в учебном словаре не только инвариантного значения пословицы, но и ее современных социокультурно обусловленных речевых смыслов, под которыми понимаются результаты речевой реализации значения во взаимодействии с ситуативной, энциклопедической, субъективно переосмысленной и другой информацией [Алефиренко, Семененко 2010: 170].

Адресат словаря должен вывести речевой смысл пословицы из контекста ее употребления. Отсюда требования к иллюстративному материалу, используемому в словарной статье: доказательность, доступность и актуальность. Первое из них предполагает сильную контекстуальную позицию пословицы, когда иллюстративный фрагмент поддерживает ее значение. К сожалению, это условие не всегда соблюдают составители словарей, осложняя читателю задачу осознания речевого смысла паремии:

Не в коня корм. <…> – Ну, а теперь, сестрица, чаем попотчуй. – Тоже мне, чаю! Не в коня корм! П. И. Мельников-Печерский «В лесах» [Розе 2011: 123] – контекст никак не проясняет выбор пословицы героиней для выражения отказа.

Сам кашу заварил, сам и расхлебывай. <…> Но Константин никуда из Варшавы не двигался и только присылал непристойные письма, оглашать которые было невозможно. Сидя в Варшаве, он злорадствовал: сами кашу заварили, сами и расхлебывайте. О. Д. Форш. «Первенцы свободы» [Розе 2011: 168] – в контексте отсутствует описание ситуации, предшествующей резюмирующему употреблению пословицы.

Принципы доступности и актуальности контекстных иллюстраций предполагают учет возрастных особенностей читателя и его уровня владения русским языком. Представляется целесообразным включение в учебные паремиологические словари аутентичных или специально разработанных иллюстративных материалов, отражающих круг интересов опреде-

ленной категории читателей, их жизненный опыт. В паремиологических словарях Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ [Ая, Никитина, Рогалева 2012; Никитина, Рогалёва, Бурешова, Рыковска, 2013; Рогалёва, Никитина 2019], используемых в российских и зарубежных общеобразовательных школах, реальными и вымышленными авторами таких мини-текстов являются сами потенциальные читатели словаря – школьники и студенты, что максимально приближает употребление пословицы к условиям повседневной коммуникации в бытовой и учебной сферах. Так, речевые смыслы паремии *Тяжело в учении, легко в бою* представлены в рассказе школьника Сергея С. из Санкт-Петербурга, который «анкетирует» членов своей семьи и рассуждает о возможностях использования паремии: тренер подбадривает его этой пословицей на тренировках перед соревнованиями, учитель истории – на дополнительных занятиях перед зачетом. Для сестры, которая учится в музыкальном колледже, «легко в бою» – это про концерты. Брат просит записать и его вариант, он – студент медуниверситета, а студенты любят пошутить (так вводится указание на комический эффект паремиологической трансформации): *Тяжело в учении – легко в лечении* [Ая, Никитина, Рогалёва 2012: 55–56].

В статье «Дуракам закон не писан» школьники рассказывают о проведенном эксперименте: выясняя, знают ли одноклассники русские пословицы, они создают самые нелепые ситуации и хотят услышать пословицу *Дуракам закон не писан*, а потом сами же делают вывод: не нужно было есть на спор столько пирожков в школьной столовой (разболелись животы) – дуракам закон не писан [Никитина, Рогалёва, Бурешова, Рыковска, 2013: 196–107].

Употребление пословиц представлено здесь в реальных коммуникативных ситуациях, что в совокупности с предшествующим лингвокультурологическим комментарием позволяет сформировать у читателя адекватное представление о культурно-историческом содержании паремии и его современной социокультурной реализации, что не всегда удается авторам, пишущим в популярном жанре «рассказов о пословицах и поговорках». Диалоги «оживших» паремий никак не иллюстрируют здесь ни культурно-исторический фон, ни ситуации употребления паремий, ни их функции в современной речи, например, в беседе пословиц-«медиков»:

– *Одно плохо – мышей в больнице нет, ловить некого* (реплика пословицы «Кота убить – семь лет удачи не видать»).

– *Гоняйся за мухами, – предложила «Кошка сластена, собака обжора».*

– *Мухи невкусные, – вздохнул «Кота убить – семь лет удачи не видать». – Смотрите, больной пришел.*

– *Мур-р, – скривилась «Кто кошек любит, будет жену любить». – Это собака. Мя-яу! Не буду ее лечить* [Лаврова 2019: 97].

Таким образом, преподавателю при подборе материала, репрезентирующего пословицу обучающимся, необходимо учитывать характер и цель реализуемых паремиологами (профессионалами и любителями) концепций «рассказа о пословицах» – обучение или развлечение.

Словарь пословиц как пособие по лингвострановедческому чтению для иностранных студентов

Развивая тему контекстуальной лингвокультурологической репрезентации пословицы, представим концепцию «паремиографического травелога» с прозрачным названием «Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками» [Рогалёва, Никитина 2019]. Словарные статьи оформлены здесь как главы пособия по лингвострановедческому[1] чтению для иностранных студентов. Соответственно оформлены и их заголовки: *ГЛАВА 1. В ней вы совершите прогулки по Москве и Санкт-Петербургу, познакомитесь с традициями русского гостеприимства и пословицей «В гостях хорошо, а дома лучше»; ГЛАВА 8, в которой мы поговорим о футболе, погуляем по Московскому кремлю и вспомним пословицу «Дома и стены помогают»* [Рогалёва, Никитина 2019: 8, 51] и т. п.

Словарные параметры – заголовочная пословица, ее толкование и ситуативно-прагматическая характеристика – включены в справочную зону, открывающую главу:

ДОМА И СТЕНЫ ПОМОГАЮТ.

[1] Вслед за Е. И. Зиновьевой и Е. Е. Юрковым [Зиновьева, Юрков 2009: 220–222; 235–268], мы относим лингвострановедческие словари и словарные пособия к лексикографическим источникам лингвокультурологического типа.

Дома, в родных местах легче справиться с трудностями. *Так говорят, чтобы подбодрить человека перед трудным испытанием или после того, как трудности преодолены* [Рогалёва, Никитина 2019: 8, 52].

За справочной зоной следует основной лингвострановедческий текст, в котором, как и в представленных выше наших паремиологических словарях, раскрывается культурно-исторический компонент содержания паремии и отражаются особенности ее современного функционирования. Отличительной особенностью данной концепции является более широкий страноведческий фон репрезентации паремии, а также способ введения страноведческой информации и отражающих ее языковых единиц. Если в отдельных случаях направление развертывания этой информации («маршрут» паремиологического путешествия) задает сама паремия (*Москва не сразу строилась*: текст-комментарий приглашает читателя в Москву и представляет историю строительства столицы; *В Тулу со своим самоваром не ездят:* читатель посещает музей самоваров в Туле, узнает о традициях русского чаепития и т. п.), то для многих паремий, протопит которых не отражает реалий какого-то конкретного региона, страноведческий маршрут подбирается по тематической принадлежности паремии: рассказ о пословице *Хлеб всему голова* строится в форме экскурсии по Музею хлеба в Санкт-Петербурге, текст-комментарий к пословице *Жениться – не воды напиться*, раскрывающий семейные ценности, приглашает читателя в те регионы, где поддерживаются народные традиции свадьбы (Мордовия, Татарстан, Якутия др.), а страноведческим фоном репрезентации пословицы *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать* может стать описание практически любой исторической достопримечательности, природного объекта, города, региона, который *лучше один раз увидеть* (в нашей версии «путешествия» с пословицами – это уникальные музеи, посетители которых часто пишут в своих отзывах «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услыщать»: Музей утюга в Переславле Залесском, Музеи игровых автоматов в Москве и Санкт-Петербурге, Музей мыши в городе Мышкине, Музей солнца в Новосибирске).

Но особенно часто заголовок «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» сопровождает в Интернете рассказы о Национальном шоу-музее «Гранд Макет Россия» в Санкт-Петербурге. Музей располагается в огромном здании бывшего заводского склада на улице Цветочной. Экспозиция музея – это макет России площадью 800 квадратных метров, созданный по новейшим технологиям. Макет разделен на регионы – Калининградская область, Центральный регион, Северный регион, Южный регион, Сибирь, Дальний Восток и другие. В каждом регионе – города с их основными достопримечательностями, реки, горы, леса, фигурки людей, животных, растения, дороги. И все это в движении: по рекам плывут корабли, по железным дорогам едут поезда. <…>

Рисунок 1. Фрагмент экспозиции музея «Гранд Макет Россия»

Если вы учитесь в Санкт-Петербурге, поскорее сходите в этот уникальный музей, а если приедете всего на несколько дней, обязательно выберите время, чтобы своими глазами увидеть макет России, самый большой в мире. Ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Хотя кто-то скажет, что и в Интернете можно все это увидеть, а пословицу давно пора обновить [Рогалёва, Никитина 2019: 83–85].

Прием «авторитетный рассказчик» используется при выборе «экскурсоводов», сопровождающих читателя в паремиографическом путешествии. Так, об оздоровительном эффекте русской бани у здания знаменитых Сандуновских бань в Москве рассказывает врач-терапевт А. А. Шашов (Глава 2, которая знакомит читателя с традициями русской бани, с пословицей *В какой день паришься, в тот день не старишься* и другими пословицами о русской бане) [Рогалёва, Никитина 2019: 18–24]; на прогулке по Московскому Кремлю студент-историк Володя Дмитриев представляет пословицу *Дома и стены помогают*: обращение к прямому значению прототипа непосредственно у кремлевских стен дает возможность рассказать о древнерусской оборонительной архитектуре и истории Кремля [Рогалёва, Никитина 2019: 52–54]; профессор Новгородского университета Татьяна Викторовна Шмелева и студент Виктор Карпушкин (известный новгородский рэпер) приглашают читателя на выставку «Русский рубль. 700 лет истории», открывшуюся в Новгородском музее-заповеднике, рассуждают об эволюции русской денежной системы, о значении пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* и об отражении темы дружбы в творчестве российских поэтов и музыкантов [Рогалёва, Никитина 2019: 90–92]. Даже современные трансформации пословиц, наиболее употребительные в современной разговорной речи и на этом основании включенные в тексты словарного пособия, дают возможность ввести лингвокультурологическую информацию (и о динамических процессах в языке, и о страноведчески значимых объектах региона): так, в заключении текста-комментария к пословице *Делу время – потехе час* студенты-филологи Калининградского университета, хорошо знающие первоначальное значение слова *час* ('время') и прежний смысл пословицы ('всему свое время – и работе, и развлечениям'), рассуждают о времени, о работе, отдыхе и о преобразованиях пословицы «Делу время – потехе час»: *Нам, филологам, особенно интересны современные трансформации пословиц. Вот трансформация, построенная на созвучии: потехе час – потей сейчас. Мы часто говорим так друг другу во время сессии: Делу время – потей сейчас. Вот как раз и сидим в парке с учебниками и планшетами. Потеем. К экзамену по философии готовимся на острове Канта* (Таня Г., Калининград)* [Рогалёва, Никитина 2019: 43].

Звездочка (*на острове Канта**), как и в других случаях, где в рамках текста не предусмотрена экспликация культурного фона каких-либо его компонентов, отсылает читателя к рубрике «Информация для туристов», иллюстрированной, как и основной текст главы, фотографиями и рисунками. Материалы рубрики помогут иностранному студенту подготовиться к реальному путешествию по России, выбрать культурно-исторические объекты, которые стоит посетить, в том числе:

** Остров Канта – небольшой остров на реке Преголя в историческом центре Калининграда – самого западного города России. Здесь можно прогуляться с друзьями по парку скульптур, послушать органный концерт в Кафедральном соборе (это архитектурный памятник XIV века), посетить музей Иммануила Канта и его могилу. Этот известный учёный (1724–1804 годы), основоположник немецкой классической философии, родился и жил в Кёнигсберге (так раньше назывался Калининград), преподавал в университете, который сейчас носит его имя. В честь великого философа назван и остров* [Рогалёва, Никитина 2019: 43–44].

Идея «путешествия с книгой» по региону может быть успешно воплощена и в формате паремиографического путешествия по региональному маршруту, что будет способствовать и расширению паремиологического запаса иностранных студентов, и формированию в их сознании образа региона, где они проходят обучение, а значит и социокультурной адаптации в данном регионе.

Для иностранных студентов псковских вузов и колледжей такой паремиографический маршрут уже намечен и будет разработан

в следующем проекте словарной лаборатории ПсковГУ, которым станет «Лингвокраеведческий словарь пословиц: Прогулки по Пскову». Вот лишь объекты, посещение которых во время таких «прогулок», представляет возможности регионоведческого сопровождения учебной репрезентации пословиц: Псковский университет (пословицы *Век живи – век учись; Учиться всегда пригодится; Ученье – свет, а неученье – тьма* в рассказе профессора Т. А. Соловьевой об истории университета и современных технологиях образования); Псковский кузнечный двор – музей-мастерская под открытым небом (пословица *Куй железо, пока горячо* в рассказе кузнеца Сергея Марченкова о кузнечном промысле на Псковщине); кафе «Миша» (пословицу *Где родился, там и пригодился*; комментирует псковский кондитер Михаиле Пасько, открывший в городе сеть кафе-кондитерских, очень популярных среди псковичей); у памятника Александру Невскому и его дружине на горе Соколиха в пригороде Пскова краевед А. В. Филимонова рассказывает об Александре Невском, его войске и Ледовом побоище (комментируется пословица *Один в поле не воин*); Троицкий собор в Псковском Кремле (пословица *Где троица, там Псков, а где София, там Новгород*; рассказ экскурсовода Т. Н. Сосницкой о храмах Пскова и Великого Новгорода) и др. Думается, что в каждом регионе можно реализовать такую модель учебной репрезентации паремий в рамках лингвокультурологического направления, которое мы называем паремиографическим лингвокраеведением.

Лингвокультурологический интерактив в словаре пословиц для младшего школьника

Учет возрастных особенностей и интеллектуальных потребностей ученика начальной школы, заинтересованно познающего мир в условиях цифровизации досуга и образовательной среды, предполагает, согласно нашей лексикографической концепции, максимальную интерактивизацию словаря пословиц традиционного книгопечатного формата, за счет его диалогизации, игрофикации, гиперструктурирования.

Диалогизация текста осуществляется за счет персонификации авторов словаря (уже в Предисловии мы даем краткую информацию о себе и своей работе в университете) и рассказчиков (прием «авторитетный рассказчик» используется и в этом проекте). Диалог в формате «авторы – адресат» и «рассказчик – адресат» разворачивается на уровне метатекста – своеобразного руководства процессом чтения, предполагающего равноправие «коммуникантов», постановку читателя в позицию соавтора, активного пользователя и исследователя пословиц. Игровой аспект лингвокультурологической словарной репрезентации паремий реализуется за счет сюжетной организации текста-комментария или его графического оформления в стиле комикса, введения персонифицированных сказочных персонажей, использования заданий соревновательного характера, различных бонусов. Инновационным приемом макроструктурирования словаря является его организации как интерактивного гипертекста, снабженного взаимными отсылками между словарными статьями, а также ссылками на интернет-ресурсы открытого доступа, иллюстрирующие или дополняющие текст словарной статьи (даются электронные адреса соответствующих вэб-страниц или сгенерированные QR-коды для быстрого доступа к информации с помощью камеры на мобильном телефоне).

Использование этих приемов позволяет авторам «Интерактивного детского словаря пословиц», разрабатываемого в лексикографической лаборатории ПсковГУ, представлять читателю пословицу комплексно как знак языка и культуры, формировать его лингвокультурологические (в том числе лингвокраеведческие) знания и навыки использования пословиц в речи, а также решать самые разные сопутствующие педагогические задачи, среди которых расширение общего кругозора ребенка, актуализация предметных знаний школьной программы, активизация творческих способностей, что в условиях интерактивного подхода может быть особенно результативным.

Проиллюстрируем реализацию данной лексикографической концепции материалом словарной статьи «ЧТОБЫ РЫБКУ СЪЕСТЬ, НАДО В ВОДУ ЛЕЗТЬ», которую традиционно открывает справочная зона с заголовочной пословицей, ее толкованием (*Результата можно добиться, только прилагая усилия, одного желания мало)* и комментарием к *употреблению*

(Говорят, когда для получения какого-нибудь результата требуется большая работа, упорный труд, или как вывод в конкретной ситуации: ничего не может быть достигнуто без усилий, без старания).

Следующий за таким вступлением лингвокультурологический текст-комментарий начинается с самопрезентации рассказчика – известного псковского спортсмена – дается его фотография и «речевое облачко»: *Здравствуйте! Меня зовут Владимир Богданов. В 2015 году я стал лучшим спортсменом-рыболовом Псковской области. А сегодня представлю вам пословицу «Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть». Для начала немного расскажу о рыболовстве и покажу рисунки.*

Рисунки напоминают читателям, что ловля рыбы требует от человека много физических сил, выносливости, терпения. Ранний подъем, подготовка снастей (их читатель видит на рисунках с подписями), долгое ожидание поклевки. Зимой – мороз, ветер, а нужно подготовить место для рыбалки, очистить его от снега, сделать прорубь.

Зачем при ловле рыбы надо лезть в воду – также рассказывают рисунки в стиле комиксов: если ловить рыбу с помощью сети, то нужно зайти в воду, чтобы установить ее (рисунок). Если ловить с помощью удочки, то тоже нужно помнить, что рыба обитает ближе к середине реки, на глубине (здесь предлагается вспомнить пословицу, которая отражает этот факт и для проверки дается отсылка к статье «Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше»). Так что надо надевать большие рыбацкие сапоги и заходить в воду (рисунок). Очень часто рыбаки с удочками плывут на лодке на середину реки, где река глубже (рисунок). И вывод от рыболова-спортсмена в его речевом облачке: *В общем, чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть. От одного вашего желания рыба сама не приплывет к вам, нужно потрудиться. И так в любом деле, а не только на рыбалке – отсюда и переносное значение пословицы: результата можно добиться, только прилагая усилия, одного желания мало.*

Вслед за такой экспликацией механизма образования пословицы в лингвокраеведческой зоне словарной статьи вводится информация о географических объектах и природных богатствах Псковской области, о развитом здесь рыболовстве, что логически связано с тематической отнесенностью прототипа пословицы к данной сфере.

Рассказчик предлагает читателям внимательно рассмотреть карту Псковской области (она дается здесь же), обратить внимание на большое количество рек и озер, найти Псковско-Чудское озеро и, прочитав фрагмент текста из «Псковской энциклопедии», сделать вывод: почему это озеро – самое «рыбное» на Псковщине (озеро мелководное, вода быстро прогревается, – это благоприятные условия для произрастания водорослей и обитания рыбы). На рисунках – лещ, судак, окунь, щука, которые в изобилии водятся в Псковско-Чудском озере. Соединить названия рыб с их изображениями – задание, которое отсылает школьников к Интернету, где они, проявив навыки поиска информации, должны проверить свои предположения.

Продолжая работу с картой области, ребенок находит реки: *Великая, Ловать, Плюсса, Шелонь*, вычисляет длину реки Великой, решая математическую задачу. Диапазон междисциплинарности при подаче регионоведческого материала, связанного с рыболовством, включает и исторические сведения. Археологические находки (старинные рыбацкие принадлежности представлены на фотографиях) свидетельствуют о том, что рыболовством древние псковичи занимались уже в VIII веке. А в XVIII веке этот промысел сделал Псковскую губернию известной во всей России благодаря псковскому снетку – небольшой, но очень вкусной рыбке. Именно тогда псковичи изобразили снетка на гербе города. Этот исторический герб взят за основу современного герба одного из районов области – Псковского (герб представлен на рисунке).

Тем, кого заинтересовала эта краеведческая тема, рубрика «Для самых любознательных» предлагает QR-коды и ссылки[1], по которым на мобильном устройстве или в компьютере можно посмотреть познавательный видеоматериал «Псковский снеток» в формате скрайбинга и получить видео-рецепт приготовления супа со снетком (ребенок может участвовать

[1] Псковский снеток: https://yandex.ru/video/search?text=ловля+снетка+в+пскове Суп из сушеного снетка: https://catcher.fish/recepty/sup-iz-sushyonogo-snetka

в его приготовлении, помогая маме, – таким образом реализуется и воспитательный момент).

Функционирование пословицы в тексте читателю демонстрирует сказка, написанная пятиклассницей Машей Р., о двух соседях, один из которых не хочет работать, а другой знает: чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть (пословицу нужно найти в тексте, подчеркнуть, определив ее границы, вспомнить значение и объяснить, зачем она употребляется). Выполняя следующее, творческое задание, ребенок придумывает свой вариант завершения сказки с использованием пословицы или сочиняет свою сказочную историю с тем же условием. Интерактивный аспект этой работы заключается в имеющейся у ребенка возможности прислать авторам словаря свои разработки (дается адрес электронной почты и стимулирующая формулировка – самые интересные истории с правильным использованием пословицы будут опубликованы в следующем издании словаря).

Речевой практикум продолжают реальные современные ситуации, в которых нужно корректно использовать пословицу (например, диалог двух друзей-легкоатлетов, представленный ниже), а затем вспомнить случаи из своей школьной жизни, общения в семье и т. п., где пословица была бы уместной:

– *Я наконец-то хочу победить на школьной олимпиаде.*

– *Тогда надо тренироваться. Хватит сидеть на скамейке. Давай ещё три круга пробежим. Помнишь, тренер говорил: _____. Одного желания мало для победы. Надо и поработать. Так что вставай.*

Блок исследовательских заданий в данной статье формирует у младшего школьника классификационные умения, а результаты производимых им классификационных процедур значимы и в лингвокультурологическом плане: на всем протяжении работы со словарем ребенок формирует тематические группы пословиц, ориентируясь на их семантику, и на своем уровне пытается сформулировать отражаемые паремиями аксиологемы, выполняя задания:

– Включи изученную пословицу в одну из тематических групп, которые ты собираешь (пословицы о дружбе, о труде, об учебе, о семье и др.).

– С какими пословицами данной группы новую пословицу можно объединить по смыслу? Сформулируй основную мысль, которую передают эти пословицы (Пословица включается в тематическую группу «Труд» и объединяется с пословицами *Без труда нет плода, Без труда не вытащишь рыбку из пруда* аксиологемой: ‘чтобы добиться результата, нужно приложить усилия’).

Вторая группа исследовательских заданий предполагает осмысление этимологической версии и внутренней формы паремий. Здесь они классифицируются по сфере происхождения, тематической принадлежности прототипа: так, пословицу *чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть* по этим критериям ребенок относит к сфере «Рыболовство».

В соответствии с принципом педагогической многозадачности, реализуемом в словаре на лингвокультурологическом материале, заключительная рубрика словарной статьи включает здоровьесберегающие задания, ассоциативно связанные с изучаемыми паремиями и их культурным фоном. Так, статья «Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть» завершается физкульминуткой, где QR-код или ссылка[1] позволяет школьникам познакомиться с правилами народной игры «Рыбак и рыбки», в которую им и предлагается сыграть после окончания работы со словарной статьей. По нашим правилам, физкультминутка должна начинаться или завершаться рассказом о пословице, подготовленным читателями по материалам словарной статьи для своих друзей. «Видеоотчет» об этом спортивно-паремиологическом «мероприятии», который мы просим прислать нам по электронной почте для использования в других образовательных проектах, – еще одна форма интерактивного взаимодействия автора и читателя, которое реализуется не только в рамках словарной статьи, но и за пределами дискурсивного пространства словаря.

Заключение

Таким образом, анализ учебной лексикографической репрезентации русских пословиц позволил нам наметить направления оптимизации релевантных в лингвокультуроло-

[1] Игра «Рыбак и рыбки»: https://www.youtube.com/watch?v=FymaTUl3PLw&t=16s; https://www.youtube.com/watch?v=Ks3_x1k7808&t=44s

гическом плане аспектов их параметризации. При разработке тематических словарей, отражающих в своих рубриках базовые ценности культуры, но не предполагающих толкования и контекстуального иллюстрирования паремий, особенно важно соблюдать принцип отбора и группировки материала – синхронно-семантический (по актуальному значению) или историко-этимологический – по сфере принадлежности прототипа. Внутри тематических рубрик целесообразно объединять паремии под аксиологемами, передающими их обобщенное аксиологическое содержание. В учебных паремиологических словарях с алфавитным или стержневым расположением материала определенной детализации требуют толкования и функционально-прагматические комментарии, отражающие условия использования паремий в современных социокультурных ситуациях. Лингвокультурологический комментарий и контексты употребления паремий могут быть представлены не только в специальных параметрических зонах статьи, но и комплексно в форме сюжетного или научно-популярного текста, что более привлекательно для детского восприятия.

Как правило, лингвокультурологический комментарий эксплицирует культурный фон паремии, сосредоточенный на уровне прототипа или отдельных компонентов-лингвокультурем. Согласно концепции паремиографического лингвострановедения / лингвокраеведения, культурологический потенциал словаря пословиц может быть расширен за счет текстового комментирования пословицы на фоне самых разных страноведчески ценных реалий, фактов, событий, которые можно ассоциативно-тематически связать с содержанием паремии или ее компонентами.

Учет фактора адресата требует особого подхода к конструированию паремиологического словаря для младших школьников в книгопечатном формате: он должен быть максимально интерактивизирован за счет гиперструктурирования макроструктуры, диалогизации метатекста и реальной обратной связи адресата с автором.

Результаты представленного в статье исследования могут быть использованы в практике учебной лексикографии, при разработке учебных пособий по русскому языку для различного контингента обучающихся и непосредственно в учебном процессе.

Лексикографические источники

Ая, У. Пословицы в русской речи. Учебный словарь с комментариями на эстонском языке / У. Ая, Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалёва. – Псков : Логос Плюс, 2012. – 124 с.

Зигуненко, С. Н. Уникальный иллюстрированный толковый словарь пословиц и поговорок для детей / С. Н. Зигуненко. – М. : АСТ ; Астрель, 2010. – 206 с.

Клюхина, И. В. Пословицы, поговорки и крылатые выражения: Начальная школа / И. В. Клюхина. – М. : ВАКО, 2019. – 96 с.

Лаврова, С. А. В главных ролях – пословицы! / С. А. Лаврова. – М. : Издательский дом Мещерякова, 2019. – 208 с.

Мокиенко, В. М. Школьный словарь живых русских пословиц / В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2002. – 352 с.

Никитина, Т. Г. Учебный словарь русской фразеологии на русском и чешском языках / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалёва, Б. Бурешова, М. Рыковска. – Praha : Fraus, 2013. – 272 с.

Рогалёва, Е. И. Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : Русский язык. Курсы, 2019. – 136 с.

Розе, Т. В. Большой толковый словарь пословиц и поговорок русского языка для детей / Т. В. Розе. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 224 с.

Ушакова, О. Д. Пословицы, поговорки и крылатые выражения / О. Д. Ушакова. – М. : Литера, 2021. – 96 с.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т. 85, № 6–2. – С. 169–180.

Андрианова, Д. В. Пословицы восточных славян в сопоставительной лексикографической репрезентации / Д. В. Андрианова, Н. Д. Игнатьева, Т Г. Никитина // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 9–23.

Зиновьева, Е. И. Русские паремии в учебном словаре для инофонов: теоретические проблемы и лексикографическая практика / Е. И. Зиновьева // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике : материалы Международной научно-практической конференции. – Ереван : Российско-армянский (Славянский) университет, 2015. – С. 175–179.

Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: теория и практика / Е. И. Зиновьева, Е. Е. Юрков. – СПб. : Издательский дом «МИРС», 2009. – 291 с.

Казакова, В. В. Пословицы и поговорки как лингводидактический материал на уроках русского языка и литературного чтения в начальной школе / В. В. Казакова, Е. А. Жесткова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–2. – С. 335.

Ковшова, М. Л. К вопросу о культурной референции пословиц (на материале русских пословиц с образами одежды) / М. Д. Ковшова // Слово.ру: балтийский акцент. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 67–93.

Ломакина, О. В. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. – 2018. – № 4. – С. 303–317.

Мокиенко, В. М. Принципы Ларинской лексикографии в трехтомном Большом словаре пословиц, поговорок и сравнений русского языка / В. М. Мокиенко // Вопросы лексикографии. – 2012. – № 1. – С. 70–84.

Мокиенко, В. М. Axiologie koronavirových antipřísloví [Аксиология коронавирусный антипословиц] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Bohemistyka. – 2021. – № 1. – С. 97–116.

Мокиенко, В. М. Русско-венгерские паремиологические параллели (в поисках национальной специфики) // В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 2019. – № 64 (Вып. 1). – С. 85–102.

Никитина, Т. Г. Москва как национальный символ в паремиологическом отображении: динамика культурных смыслов / Т. Г. Никитина // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8, № 5. – С. 1534–1548.

Никитина, Т. Г. Сопоставительные аспекты языковой и методической подготовки аспирантов в приграничном регионе / Т. Г. Никитина // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее : мат-лы II Междунар. науч. конфер. Том II. – Псков : ПсковГУ, 2018. – С. 164–168.

Рогалёва, Е. И. Современная учебная фразеография: проблемы теории и практики / Е. И. Рогалёва // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. Т. 7. – СПб. : МАПРЯЛ, 2015. – С. 164–169.

Тубалова, И. В. Соматический код национальной культуры в русских пословице и частушке / И. В. Тубалова, Х. Ван // Вестник Томского университета. – 2018. – № 437. – С. 59–68.

Lexicographic sources

Aya, U., Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2012). *Poslovitsy v russkoi rechi. Uchebnyi slovar' s kommentariyami na estonskom yazyke* [Proverbs in the Russian Speech. Educational Dictionary with Comments in Estonian]. Pskov, Logos Plus. 124 p.

Klyukhina, I. V. (2019). *Poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya: Nachal'naya shkola* [Proverbs, Sayings and Winged Expressions: Primary School]. Moscow, VAKO. 96 p.

Lavrova, S. A. (2019). *V glavnykh rolyakh – poslovitsy!* [Proverbs in the Main Roles!] Moscow, Izdatel'skii dom Meshcheryakova. 208 p.

Mokienko, V. M. (2002). *Shkol'nyi slovar' zhivykh russkikh poslovits* [School Dictionary of Living Russian Proverbs]. Saint Petersburg, Neva. 352 p.

Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., Bureshova, B., Rykovska, M. (2013). *Uchebnyi slovar' russkoi frazeologii na russkom i cheshskom yazykakh* [Russian Phraseology Dictionary in Russian and Czech Languages]. Praha, Fraus. 272 p.

Rogaleva, E. I., Nikitina, T. G. (2019). *Puteshestvuem po Rossii s russkimi poslovitsami i pogovorkami* [Traveling through Russia with Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 136 p.

Roze, T. V. (2011). *Bol'shoy tolkovyi slovar' poslovits i pogovorok russkogo yazyka dlya detei* [A Large Explanatory Dictionary of Proverbs and Sayings of the Russian Language for Children]. Moscow, OLMA Media Grup. 224 p.

Ushakova, O. D. (2021). *Poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya* [Proverbs, Sayings and Winged Expressions]. Moscow, Litera. 96 p.

Zigunenko, S. N. (2010). *Unikal'nyi illyustrirovannyi tolkovyi slovar' poslovits i pogovorok dlya detei* [A Unique Illustrated Explanatory Dictionary of Proverbs and Sayings for Children]. Moscow, AST. 206 p.

References

Alefirenko, N. F., Semenenko, N. N. (2010). Znachenie i smysl russkikh paremii v svete kognitivnoi pragmatiki [The Meaning and Meaning of Russian Paremias in the Light of Cognitive Pragmatics]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. Vol. 85. No. 6–2, pp. 169–180.

Andrianova, D. V., Ignatieva, N. D., Nikitina, T. G. (2020). Poslovitsy vostochnykh slavyan v sopostavitel'noi leksikograficheskoi reprezentatsii [Proverbs of the Eastern Slavs in Comparative Lexicographic Representation]. In *Nauchnyy dialog*. No. 7, pp. 9–23.

Kazakova, V. V., Zhestkova, E. A. (2015). Poslovitsy i pogovorki kak lingvodidakticheskii material na urokakh russkogo yazyka i literaturnogo chteniya v nachal'noi shkole [Proverbs and Sayings as a Linguodidactic Material at the Lessons of the Russian Language and Literary Reading in Primary School]. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 2–2, p. 335.

Kovshova, M. L. (2017). K voprosu o kul'turnoi referentsii poslovits (na materiale russkikh poslovits s obrazami odezhdy) [On the Question of the Cultural Reference of Proverbs (Based on the Material of Russian Proverbs with Images of Clothing)]. In *Slovo.ru: baltiyskii aktsent*. Vol. 8. No 3, pp. 67–93.

Lomakina, O. V., Mokienko, V. M. (2018). Tsennostnye konstanty rusinskoi paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo yazykov) [Value Constants of Rusyn Paremiology (Against the Background of the Ukrainian and Russian Languages)]. In *Rusin*. No. 4, pp. 303–317.

Mokienko, V. M. (2012). Printsipy Larinskoi leksikografii v trekhtomnom Bol'shom slovare poslovits, pogovorok i sravnenii russkogo yazyka [Principles of Larin's Lexicography in the Three-Volume Big Dictionary of Proverbs, Sayings and Comparison of the Russian Language]. In *Voprosy leksikografii*. No. 1, pp. 70–84.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2019). Russko-vengerskie paremiologicheskie paralleli (v poiskakh natsional'noi spetsifiki) [Russian-Hungarian Paremiological Parallels (in Search of National Specifics)]. In *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 64 (Issue 1), pp. 85–102.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2021). Aksiologie koronovirovykh antiprislovi [Axiology of Coronavirus Antiproverbs]. In *Bohemistyka*. No. 1, pp. 97–116.

Nikitina, T. G. (2018). Sopostavitel'nye aspekty yazykovoi i metodicheskoi podgotovki aspirantov v prigranichnom regione [Comparative Aspects of Language and Methodological Training of Graduate Students in the Border Region]. In *Kul'turnyi landshaft pogranich'ya: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy II Mezhdunar. nauch. konfer.* Vol. II. Pskov, PskovGU, pp. 164–168.

Nikitina, T. G. (2020). Moskva kak natsional'nyi simvol v paremiologicheskom otobrazhenii: dinamika kuliturnykh smyslov [Moscow as a National Symbol in Paremiological Representation: Dynamics of Cultural Meanings]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 5, pp. 1534–1548.

Rogaleva, E. I. (2015). Sovremennaya uchebnaya frazeografiya: problemy teorii i praktiki [Modern Educational Phraseography : Problems of Theory and Practice]. In *Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: materialy XIII Kongressa MAPRYaL: v 15 t.* Vol. 7. Saint Petersburg, MAPRYAL, pp. 164–169.

Tubalova, I. V., Van, Kh. (2018). Somaticheskii kod natsional'noi kul'tury v russkikh poslovitse i chastushke [Somatic Code of National Culture in the Russian Proverb and Chastushka]. In *Vestnik Tomskogo universiteta*. No. 437, pp. 59–68.

Zinovieva, E. I. (2015). Russkie paremii v uchebnom slovare dlya inofonov: teoreticheskie problemy i leksikograficheskaya praktika [Russian Paremias in the Learner's Dictionary for Foreign Speakers: Theoretical Problems and Lexicographic Practice]. In *Russkii yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Erevan, Rossiisko-armyanskii (Slavyanskii) universitet, pp. 175–179.

Zinovieva, E. I., Yurkov, E. E. (2009). *Lingvokul'turologiya: teoriya i praktika* [Linguoculturology: Theory and Practice]. Saint Petersburg, Izdatel'skii dom «MIRS». 291 p.

Данные об авторе

Никитина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры образовательных технологий, Псковский государственный университет (Псков, Россия).

Адрес: 180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2.

E-mail: cambala2007@yandex.ru.

Рогалёва Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры образовательных технологий, Псковский государственный университет (Псков, Россия).

Адрес: 180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2.

E-mail: cambala2010@list.ru.

Authors' information

Nikitina Tatiana Gennadievna – Doctor of Philology, Professor of Department of Educational Technologies, Pskov State University (Pskov, Russia).

Rogaleva Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Educational Technologies, Pskov State University (Pskov, Russia).

УДК 811.161.1›42:811.161.1›38:811.161.1›374.26:34. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-16.
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш141.12-428. ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 10.02.01

«СЛОВАРЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В РОССИЙСКИХ СМИ XXI ВЕКА» КАК НОВЫЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОДУКТ

Кондратьева О. Н.
Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)
ORCID ID: https: // orcid.org/0000-0001-9469-3634

Игнатова Ю. С.
Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)
ORCID ID: https: // orcid.org/0000-0002-3771-1346

Аннотация: Статья представляет научной общественности новый словарь юридических терминов, создаваемый на основе материалов российских массмедиа XXI века. Целью работы является обоснование концепции дискурсивного словаря, фиксирующего не нормативное, а реальное значение юридической терминологии в медиадискурсе нашего времени. Описывается структура словарной статьи, в качестве примера предлагается словарная статья ЛЕГИТИМАЦИЯ, проводится анализ полученных в процессе лексикографирования результатов.

Словарная статья состоит из разделов, позволяющих эксплицировать понятийный, образный и оценочный слои репрезентируемого термином ***легитимация*** юридического медиаконцепта. Подобная структура статьи позволяет проанализировать определения термина, предлагаемые в СМИ, представить информацию энциклопедического характера, обладающую лингвокультурной спецификой. Анализ метафорической сочетаемости термина-репрезентанта юридического медиаконцепта в СМИ позволяет установить набор образов, с которыми в языковом сознании соотносится изучаемый медиаконцепт, выявить его оценку. Для сбора языкового материала использовался корпусный метод, отличающийся от традиционных методик текстоцентричностью, широтой охвата, надежностью и достоверностью, описание и интерпретация материала проводились с использованием дефиниционного и дистрибутивного анализа, также применялись дискурсивный анализ и метод метафорического моделирования.

Материал, представленный в словарной статье ЛЕГИТИМАЦИЯ, убедительно демонстрирует наличие дискурсивной специфики у юридического термина в медиадискурсе. В частности, ядерный для юридического дискурса признак ‘узаконение’ получает в медиадискурсе конкретизацию, трансформируясь в ‘утверждение’ и ‘оформление’ законности, кроме того, формируются периферийные признаки ‘признание’ и ‘согласие’. Нейтральный по своей природе юридический термин приобретает в медиадискурсе метафоричность и оценочность, что также свидетельствует о трансформации юридического термина в юридический медиаконцепт. Наличие медийной специфики в семантике термина и в структуре концепта свидетельствует о значимости дискурсивного фактора в исследовании юридической терминологии и концептологии. Представленные в словаре материалы будут значимы для специалистов в области права, журналистов и лингвистов.

Ключевые слова: лексикография; юридические словари; русский язык; лексикология русского языка; дискурсивные словари; юридическая терминология; юридические термины; юридические медиаконцепты; журналистика, медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; язык СМИ; российские СМИ; средства массовой информации; СМИ

“THE DICTIONARY OF LEGAL TERMS IN THE RUSSIAN MASS-MEDIA OF 21ST CENTURY” AS A NEW LEXICOGRAPHICAL PRODUCT

Olga N. Kondratyeva
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9469-3634

© О. Н. Кондратьева, Ю. С. Игнатова, 2021

Yuliya S. Ignatova
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3771-1346

Abstract. The article presents to the scientific community a new dictionary of legal terms created on the basis of the materials of the Russian mass-media of the 21st century. The aim of the study is to substantiate the concept of a discourse dictionary that registers real but not normative meanings of legal terms in the media discourse of our time. The article describes the structure of an entry, illustrated on the example of the entry LEGITIMATION, and analyzes the data obtained as a result of lexicographic investigation.

The entry consist of the sections allowing the lexicographer to explicate conceptual, figurative and evaluative layers of the legal media concept represented by the term LEGITIMATION. Such entry structure makes it possible to analyze the definitions of the term in mass-media, to present information of encyclopaedic character possessing linguocultural specificity. Analysis of the metaphorical combinability of the term-representative of the legal media concept in mass media allows establishing a set of images with which the media concept under consideration is correlated in linguistic consciousness in mass media and to reveal its assessment. To collect practical language research material, the authors use the corpus method differing traditional methods in textocentricity, scope of research, reliability of results. The description and interpretation of the material involves definitional and distributive analysis, discursive analysis and the method of metaphorical modelling.

The material presented in the entry LEGITIMATION clearly demonstrates the discursive specificity of this legal term in a media discourse. In particular, the core semantic component "legalization" of legal discourse, in media discourse is specified and transformed into 'statement' and 'confirmation' of legality and acquires peripheral features like 'recognition' and 'agreement'. Neutral inherently, the legal term becomes metaphorical and evaluative in a media discourse, which also testifies to the transformation of the legal term in a legal media concept. The media specificity in the semantics of the term and in the structure of the concept demonstrates the importance of the discursive factor in the study of legal terminology and conceptology. The dictionary materials may be useful for specialists in the field of law, journalists and linguists.

Keywords: lexicography; dictionary of legal terms; Russian; Russian lexicology; discourse dictionary; legal terminology; legal terms; legal media concepts; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media language; Russian mass media; mass media

Для цитирования: Кондратьева, О. Н. «Словарь юридических терминов в российских СМИ XXI века» как новый лексикографический продукт / О. Н. Кондратьева, Ю. С. Игнатова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 182–194. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-16.

For citation: Kondratyeva, O. N., Ignatova, Yu. S. (2021). "The Dictionary of Legal Terms in the Russian Mass-Media of 21st Century" as a New Lexicographical Product. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 182–194. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-16.

1. Введение

Русская практическая лексикография прошла долгий путь становления. Одним из первых серьезных лексикографических источников стал «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Современные исследователи рассматривают данный словарь как памятник культуры, символ духа народа, его истории и как некий ориентир в разработке новых словарей. Отечественная лексикография развивается динамично, что проявляется и в количественном, и в качественном плане. Подобная ситуация оценивается экспертами как «лексикографический бум. Исследователи отмечают, что за последние несколько десятилетий «сформировались новые типы словарей, обогатился и усовершенствовался метаязык словарных описаний, разработаны новые принципы диалога „словарь – читатель" с учетом многообразных целевых установок адресатов словарной продукции» [Козырев, Черняк 2014: 7].

Активно на современном этапе развивается и терминография. Появление словарей специальных терминов свидетельствует о том, что лексикография является эффективным способом системного изучения терминологии любой области знания. В настоящий момент существует значительное количество словарей разных типов, которые фиксируют нормативное значение терминов определенной сферы знания в родном для них институциональном дискурсе (юридическом, экономическом, политическом и т. д.), однако наряду с подобными словарями наблюдается появление инновационных словарей, дискурсивных по своей

природе, описывающих специфику функционирования терминов в несвойственных им дискурсах. При помощи подобных словарей можно наблюдать механизмы терминологизации и детерминологизации слов, учитывать семантические и стилистические модификации профессиональной лексики. Таким образом, в отличие от традиционного словаря терминов, «дискурсивный словарь описывает не значение само по себе, но значение как его дискурсивное употребление» [Голев 2019: 115].

Наиболее активно процесс междискурсивных дрейфов рассматривается применительно к политической терминологии. Лексикографическую фиксацию получают особенности употребления политических терминов в бытовом дискурсе и обыденном языковом сознании [Словарь обыденных толкований политических терминов 2019] и медийном дискурсе [Кондратьева 2016].

Определенный интерес исследователей начинает вызывать и юридическая терминология, активно проникающая в художественный, бытовой и медийный дискурсы. В частности, особенности функционирования юридической терминологии в художественном дискурсе представлены в проекте «Толкового словаря юридических терминов языка писателя Дж. Гришема», разработанном М. В. Лутцевой [Лутцева 2008].

Лексикографической интерпретации юридической терминологии, функционирующей в медиадискурсе, ранее не производилось, однако массмедиа активно используют данные термины, зачастую существенно видоизменяя их содержание. Медиатизация юридических терминов может привести к искажению семантики специализированной лексемы, к ее трансформации и в итоге может даже повлиять на развитие юридического дискурса [Силанова 2014].

Н. Б. Лебедева отмечает, если представленные в массмедиа семантические сдвиги юридических терминов являются узуальными, «то далеко не всегда дело дошло до лексикографической фиксации. Но в любом случае эти сдвиги отражают онтологически присущее языку свойство – способность и стремление к изменению. Вот здесь-то юристы оказываются как бы безоружными: в различных юридически спорных вопросах они не имеют другой опоры, как обращение к словарю, но эта опора во многом иллюзорная» [Лебедева 2000: 56].

В настоящем исследовании излагается концепция «Словаря юридических терминов в российских СМИ XXI века», приводится в качестве примера словарная статья ЛЕГИТИМАЦИЯ и предлагается пример интерпретации полученного в процессе лексикографирования материала. Выбор данного термина обусловлен следующими факторами:

1) легитимация и легитимность являются важными показателями состояния правовой системы, в связи с этим они являются объектом юридических, политологических, исторических, социологических, а также лингвистических исследований [Колмогорова 2017; Мельник, Артемова 2020; Савельева 2019 и др.];

2) термин *легитимность* и «стоящий за ним юридический концепт претерпевают в российском медиадискурсе существенные модификации» [Кондратьева, Игнатова 2021], соответственно, есть основания предполагать, что подобные изменения происходят в медиадискурсе и с термином *легитимация*, входящим в это же терминологическое поле;

3) исследователи, изучающие процесс легитимации в разных сферах права, экономики, менеджмента и др., формируют определения легитимации с учетом особенностей конкретного предмета изучения [Колмогорова 2018: 34], таким образом, наблюдается множественность интерпретаций данного феномена;

4) семантическое и стилистическое изменение термина *легитимация* наиболее ярко наблюдается в массмедиа, так как за счет интерпретации и оценки медиадискурс «способен превратить термин в медиаконцепт, окружив слово новыми контекстами и усложнив его смысловую структуру» [Силанова 2017: 6].

Перечисленные факторы обусловили необходимость определения семантики термина *легитимация* и специфики стоящего за ним концепта в российском медиадискурсе нового столетия. Безусловно, дефиниции правовых терминов, содержащиеся в массмедиа, не имеют юридической силы, тем не менее, полученные результаты будут значимы для специалистов в области права, журналистов и лингвистов, поскольку позволят учитывать реальные представления о легитимации, характерные для современного социума.

2. Лексикографическая концепция «Словаря юридических терминов в российских СМИ XXI века»

Термины институциональных дискурсов, попадая в СМИ, нередко подвергаются семантической и стилистической модификации, данная особенность наблюдается и при функционировании в массмедиа юридических терминов. Процессы медиатизации юридических терминов не фиксируются в словарях, однако они влияют на формирование представлений о юридической терминологии в обыденном языковом сознании. В связи с этим возникает потребность в создании лексикографического источника нового типа, задача которого будет заключаться в фиксации семантических особенностей юридических терминов в СМИ, а также в описании специфики стоящих за юридическими терминами юридических медиаконцептов.

Предполагается, что данный лексикографический продукт будет словарём описательного типа, то есть зафиксирует реальное значение и оценку юридического термина, а также проиллюстрирует, какое конкретное содержание вкладывают в него представители массмедиа.

Таким образом, создание «Словаря юридических терминов в российских СМИ XXI века» позволит определить аспекты юридической терминологии, актуализируемые представителями российских СМИ, установить транслируемую массмедиа рядовым гражданам систему оценок объектов юридической сферы, а также изучить механизмы медиатизации юридических терминов и механизмы формирования и модификации юридических медиаконцептов.

«Словарь юридических терминов в российских СМИ XXI века» разрабатывается на основе существующей концепции «Словаря политических терминов в СМИ» [Кондратьева 2016]. Основные положения концепции эксплицируют происходящие с профессиональной терминологией в медиадискурсе изменения, демонстрируют структуру формирующихся в массмедиа медиаконцептов, поэтому могут стать основополагающими для создания цикла словарей специальных терминов в современных российских СМИ.

Материалом, на основе которого будет составлен «Словарь юридических терминов в российских СМИ XXI века», станут тексты российских массмедиа, опубликованные в период 2000–2022 гг. В качестве основного метода сбора языкового материала предполагается использование корпусного метода, подразумевающего создание текстовых корпусов, содержащих определённые лексические единицы, в данном случае – юридические термины. Источниками материала послужат системы и сайты, предоставляющие доступ к архивам массмедиа. В качестве основных источников материала при подготовке статьи использовался газетный подкорпус Национального корпуса русского языка (2000–2019 гг.) и архив СМИ системы «Медиалогия» (2000–2021 гг.).

Исследование юридических медиаконцептов и репрезентирующих их юридических терминов основывается на анализе сочетаемости терминов-репрезентантов, поскольку «сочетаемость как основа семантической деривации чрезвычайно характерна для нашего времени. Чем дальше отход от типовой узуальной сочетаемости, тем больше возможности семантического развития. Слово, обращенное к другому объекту мира, меняет свою семантику, одновременно меняя для говорящих сам фрагмент языковой картины мира» [Скляревская 2001]. Анализ сочетаемости термина-репрезентанта юридического медиаконцепта позволяет выявить круг соположенных концептов, определить набор метафор, посредством которых юридический концепт репрезентируется в российских массмедиа, выявить его оценочную составляющую.

Полученные данные предоставят возможность специалистам в юридической сфере и представителям СМИ избегать коммуникативных неудач и конфликтов интерпретаций, сделают процесс распространения информации и воздействия на адресата более эффективным.

3. Описание структуры словарной статьи

Название словарной статьи фиксируется заглавными буквами и выделяется полужирным шрифтом. Подзаголовки разделов располагаются с нового абзаца и также выделяются полужирным шрифтом. Структура словарной статьи включает три блока, иллюстрирующих стратегии медиатизации термина и раскрывающих суть стоящего за юридическим термином

медиаконцепта: понятийный, образный и оценочный. Распределение признаков внутри каждого параметра осуществляется по принципу смысловой общности. Данный подход позволит более рельефно проиллюстрировать особенности функционирования юридических терминов в СМИ и выявить ядерные особенности формирующегося медиаконцепта.

1. *Понятийная составляющая медиаконцепта* формируется посредством определений термина, представленных в современных российских СМИ. Зачастую подобные дефиниции существенно отличаются от семантического наполнения терминов, представленного в юридических словарях или нормативно-правовых документах. Данное несоответствие обусловлено стремлением представителей массмедиа актуализировать концептуальные признаки, значимые для современного мира, особенности его экономической, политической и юридической ситуации.

Актуализировать понятийный слой юридического медиаконцепта, функционирующего в медиадискурсе, позволяет также представленная в СМИ информация энциклопедического характера, которая, как правило, является значимой для формирования полноценного представления о юридической дефиниции в определённый период времени. К данному виду информации относятся: видовая характеристика юридического феномена; объекты, на которые распространяется влияние юридических феноменов, субъекты правовых процессов, способы установления правовых отношений.

2. *Образная составляющая медиаконцепта*. Данный параметр реализуется на языковом уровне при помощи экспрессивно-эмоциональных средств, среди которых самым эффективным является метафора, обладающая мощным когнитивным и прагматическим потенциалом, что позволяет эффективно использовать ее для интерпретации и оценки происходящего, а также для формирования в обществе определенного отношения к тем или иным феноменам.

Исследование метафорических контекстов позволит определить образы, с которыми в языковом сознании адресантов и адресатов публикаций соотносится юридический концепт, а также определить, какую оценку данному концепту дают представители языкового сообщества. В настоящее время метафора является не только средством выразительности, украшающим тексты, но и мощным когнитивным механизмом, который позволяет установить аналогии между абстрактным и конкретным, новым и хорошо известным, а также скрытно сформировать в сознании читателей определённые представления о каких-либо объектах, явлениях.

Включение в словарную статью метафорических контекстов обусловлено, во-первых, тем, что метафоричность является особенностью лексики СМИ [Валгина 2003: 95], а во-вторых, в силу того, что функционирование метафор не характерно для юридического дискурса, данный материал позволит вскрыть концептуальные особенности юридической терминологии. Анализ данного материала осуществляется на основе классификации метафорических моделей [Чудинов 2001] и направлен от метафорических контекстов к интерпретации сфер-мишеней метафорической экспансии.

3. *Оценочная составляющая медиаконцепта*. Социальная оценочность признается одной из главных стилевых черт языка средств массовой информации. Под оценкой понимается «действие субъекта: приписывание положительных или отрицательных свойств тому или иному объекту, выражение отношения к данному объекту, фиксация объекта на оценочной шкале и в аксиологическом поле» [Марьянчик 2011: 101]. Данное определение основано на аксиологическом параметре оценочности, который по шкале «хорошо/плохо» предполагает выделение двух типов оценки: положительной и отрицательной, при этом значимым является не способ выражения оценки, а формулируемое в массмедиа отношение к описываемому феномену.

В завершении словарной статьи представляется иллюстративный материал: приводится 10–15 наиболее типичных массмедийных контекстов, подтверждающих факт активного использования юридического термина в российских массмедиа, иллюстрирующих представленный в словарной статье материал и служащих дополнением к толкованию.

4. Образец словарной статьи

ЛЕГИТИМАЦИЯ

Определение: 1) узаконение; латинский термин, в широком смысле это утверждение полномочий, правоспособности; родовое понятие, соразмерное политическому как таковому; юридическое оформление действий; официальное разрешение на то, что де-факто и так уже происходит; 2) признание определенными социальными группами; это согласие внутреннее и внешне выражаемое быть подвластным при данном субъекте властвования и при тех формах властвования, которые практикуются; любое согласие на участие и создание совместных институтов; когда власть показывает, что она прислушивается к народу, она его слышит, она действует в его интересах, это таким образом снижает некоторые противоречия в обществе.

Разновидности: 1) внешняя (международная, мировая), внутренняя; 2) правовая (социально-правовая), нравственная (моральная); 3) юридическая (формально-юридическая, метаправовая), политическая, экономическая, религиозная, медийная; 4) парламентская, конституционная; 5) народная (электоральная, демократическая), элитная; 6) божественная; гражданская; 7) полная, частичная; 8) прямая, косвенная; 9) форсированная, постепенная.

Объекты легитимации: политика; власть; правление; режим; руководство страны; избирательный процесс; избирательная кампания; выборы, поправки в Конституцию; социальный протест; социальные гарантии, вакцина.

Субъекты легитимации (легитиматоры): правительство, парламент; советы трудящихся; Запад; Россия; ООН; социальные группы; элита; народ (население, улица, интеллигенция).

Способы легитимации: 1) демократические процедуры; выборы; инаугурация; передача по наследству; силовой захват харизматичным лидером; 2) исторические данные (апелляция к светлому прошлому; историческое привыкание); апелляция к благополучному будущему; авторитет символов и священных идей.

Метафоры: 1) *метафоры пути* (*очередной шаг в легитимации; шаг в сторону легитимации; пути легитимации; взят курс на его скорейшую легитимацию*); **2) *метафоры механизма*** (*механизм легитимации; выработки реального механизма легитимации; обкатать механизм их легитимации*); **3) *метафоры игры*** (*трюк для легитимации; любые игры с заграницей в «легитимацию» или «делегитимацию»*); **4) *строительные*** (*строительный материал для легитимации; построена легитимация новой элиты; демонтировала легитимацию*); **5) *математические*** (*народ – это формула легитимации; алгоритм легитимации власти; в своей сумме легитимация губернаторов регионов равна легитимации президента*); **6) *артефактные*** (*подушка легитимации; искать легитимацию; у людей отняли легитимацию*); 7) ***экономические*** (*ощутимые дивиденды – легитимация своей политической деятельности, ресурс международной легитимации*); **8) *театральные*** (*сыграть роль в легитимации; сценарий легитимации*); **9) *милитарные*** (*добиваться полной легитимации*); **10) *медицинские*** (*обладала сильным иммунитетом к легитимации партий*).

Оценка: *легитимация, без которой дальнейшее развитие страны невозможно; необходимая и неизбежная легитимация; легитимация важна; сверхзадача легитимации; успешная схема легитимации; формальная легитимация, мнимая легитимация; легитимация сомнительная; жалкая попытка легитимации; преступная легитимация*.

Контексты употребления: *Легитимация – латинский термин, в широком смысле это утверждение полномочий, правоспособности* (Байкал24, 2012); *Легитимация – это согласие внутреннее и внешне выражаемое быть подвластным при данном субъекте властвования и при тех формах властвования, которые практикуются* (Кремль.Орг, 2005); *Легитимация, когда власть таким образом показывает, что она прислушивается к народу, она его слышит, она действует в его интересах, это таким образом снижает некоторые противоречия в обществе* (Хартия'97, 2020); *На этом разрыве построена легитимация новой элиты* (Politeka, 2018); *Что же касается буржуазии, то она окончательно демонтировала религиозную легитимацию во время своего революционного сражения с феодализмом* (ИА Красная Весна, 2019); *Парламентские выборы должны стать очередным шагом в легитимации властных институтов Киргизии, складывающихся после свержения президента*

Курманбека Бакиева в апреле текущего года (РИА Новости, 2010); *Любые игры с заграницей в «легитимацию» или «делегитимацию» следует прекращать, причем показательно и жестко* (Известия, 2008); *Сильная президентская власть предопределила механизм своей легитимации через фактическое назначение «наследника престола»* (РБК Daily, 2007); *Все обозначенные сегодня инициативы были обнародованы для того, чтобы обкатать механизм их легитимации через голосование, чтобы потом, когда наступит черед уже других, гораздо более сущностных и серьезных изменений Конституции, механизм таких изменений и их легитимации был обкатан* (Коммерсантъ FM, 2020); *Мы стали свидетелями фейковых выборов, предназначенных для мнимой легитимации путинских марионеток в фейковых республиках* (Infopressa.ru, 2013); *Понятно, что легитимация сомнительная, ибо речь идет о сугубо внутренних актах* (ТАСС, 2019).

5. Интерпретация материалов, полученных в ходе лексикографирования

В юридических словарях представлено следующее определение легитимации: «1) узаконение какого-либо нового политического режима, придание ему легитимности. В качестве средства Л. режимов, пришедших к власти путем государственного переворота, обычно используются референдумы и всеобщие выборы; 2) узаконение определенным законом, способом некоторого лица в качестве управомоченного по ценной бумаге. Л. может следовать из внешних признаков документа (формальная Л.) или фактических обстоятельств, служащих основанием права собственности на документ (материальная Л.)» [Большой юридический словарь 2003]. Таким образом, юридическая дефиниция демонстрирует связь с термином «легальность» (восходит к лат. lex «закон»), ядерной является сема ‘узаконение’, также акцентируется внимание на объекте легитимации (политический режим; лицо) и средствах легитимации (референдумы и выборы; внешние признаки и фактические обстоятельства).

В российских СМИ XXI века содержатся достаточно разноплановые определения термина *легитимация*. Первая группа медийных дефиниций достаточно близка к юридической. Массмедиа акцентируют внимание на происхождении термина, наличии широкого и узкого смыслов: ***Легитимация – латинский термин, в широком смысле*** *это* ***утверждение полномочий, правоспособности*** (Байкал24, 2012); ***Легитимация, то есть юридическое оформление этих действий*** (Российская газета, 2003). При дефинировании используется также значимая для юриспруденции оппозиция De iure (лат. «юридически», «по праву») и De **facto** (лат. «на деле», «фактически»): *Сегодня мы получили просто некую* ***легитимацию, то есть официальное разрешение на то, что де-факто и так уже происходит*** (Радио Комсомольская правда, 2020). Таким образом, происходит конкретизация семы ‘узаконение’, в качестве ее вариантов выступают ‘утверждение’ и ‘оформление’ законности разных объектов и явлений.

Вторая группа дефиниций сопровождается введением новых сем ‘признание’ и ‘согласие’: *Соответственно,* ***признание (легитимацию) также осуществляют определенные социальные группы****, руководствующиеся своими интересами* (Конструирование прошлого, 2003); ***Легитимация – это согласие*** *внутреннее и внешнее, выражаемое* ***быть подвластным*** *при данном субъекте властвования и при тех формах властвования, которые практикуются* (Кремль.Орг, 2005).

В подобных дефинициях ослабляется юридическое понимание термина *легитимация* и актуализируются его связи другим юридическим термином (*легитимность*), что проявляется в том числе и во взаимодействии власти и народа: *Это* ***легитимация, когда власть таким образом показывает, что она прислушивается к народу, она его слышит, она действует в его интересах****, это таким образом снижает некоторые противоречия в обществе* (Хартия’97, 2020).

Значительную группу в российских массмедиа образуют контексты, в которых лексема *легитимация* сочетается с прилагательными, в результате происходит характеристика легитимации по различным основаниям и формируется классификация ее разновидностей.

Наиболее распространённой является дифференциация внешней и внутренней легитимации, при этом внутренняя легитимация – это значимая составляющая власти любой страны: *Внутренняя легитимация – это* ***выстраивание системы государственной***

власти**, становление политических институтов, налаживание механизмов избирательной системы и т. д.* (ИА Рес, 2018); а внешняя (мировая, международная) ориентирована на признание другими государствами: *Пятничный концерт… стал событием политическим, началом новой **мировой легитимации** России через ее звездные имена* (Известия, 2004); *В противовес **международной легитимации** через Вашингтон возникает альтернативная **международная легитимация** через Москву, Пекин, Дели, Тегеран* (Комсомольская правда, 2005); ***Внешняя легитимация** – это **то, что должно**, по идее, **сопровождать транзит власти (Настоящее Время, 2018).

По своей природе легитимация может быть собственно юридической, т. е. основанной исключительно на законах, и нравственной (моральной), т. е. основанной на традициях и современных нравственных ценностях нации: *Центральным нервом эпохи был поиск философской и **нравственной легитимации** нарождающегося советского общества* (Snob, 2014); *Не верят люди власти. Символический потенциал В. Путина также поблек. В результате произошла **нравственная легитимация мести*** (Новый регион 2, 2004); *А вот что касается правящей коалиции или правящей власти, ей нужна дополнительная **морально-политическая легитимация*** (Коммерсант, 2014).

Механизмы легитимации, основанные на ценностях гражданского общества, либо апеллирующие к религиозному мировоззрению, позволяют СМИ выделять также гражданскую и религиозную (божественную) легитимацию: *Переход **от божественной к гражданской легитимации**, к всенародным свободным выборам сорвал и надолго прервал большевистский террор* (Московский комсомолец, 2017); *На слова пророка Россия ответила Февральской революцией, ее цель – переход **от религиозной к гражданской легитимации государства*** (Московский комсомолец, 2016).

В зависимости от сферы проявления выделяется *политическая, экономическая, религиозная, медийная* легитимация, чаще подобным способом обозначаются способы и каналы легитимации: *Многие зарубежные эксперты… полагают, что тем самым происходит **экономическая легитимация** нового статуса Крыма* (Военно-промышленный курьер, 2019); *Талибы хотят **политической легитимации их власти*** (Независимая газета, 2021); *Есть технологических ход – перенести выходной день на будний, плюс **медийная легитимация** этого процесса* (Pravda.Ru, 2020); *Именно **религиозная легитимация политики** открывает дверь для разного рода манипуляций и теолого-политических парадоксов* (Коммерсантъ Weekend, 2021).

Выделение *парламентской* и *конституционной* легитимации позволяет выявить законы и органы, определяющие и осуществляющие легитимационные процессы: *Поэтому конституционный законодатель, руководствуясь принципом народовластия, в целях **конституционной легитимации** своего решения был в праве обратиться к общероссийскому голосованию* (ФАН, 2020); *Дэвид Кэмерон также быстро потерял **парламентскую легитимацию*** (Известия, 2014).

На основании субъектов, осуществляющих легитимацию, в массмедиа выделяется *народная (электоральная, демократическая)* и *элитная* легитимация: *У Путина есть власть, харизма и **легитимация народа*** (Новый регион 2, 2010); *При этом большинство режимов не лишено **демократической легитимации**, поскольку обеспечивается посредством победы в конкурентных выборах* (Голос Правды, 2021); *В 2007 году создали прецедент **электоральной легитимации**… кандидата в премьеры* (Известия, 2011); *Очень часто эксперты вспоминают про **легитимацию перед населением**, …но есть еще и другая легитимация, это **легитимация перед элитами*** (Дождь, 2021).

По степени проявления выделяется *полная* и *частичная* легитимация. Полная легитимация – принятие и поддержание гражданами какого-либо аспекта власти целиком, частичная – фрагментарное согласие с субъектами власти, формами политического устройства, политическим решениями: *Очень важно, чтобы предстоящие выборы прошли под контролем гражданского общества. Только тогда они могут получить **полную легитимацию*** (Тюменские известия, 2021); *Россию интересует хотя бы **частичная легитимация** принадлежности ей Крыма* (Политком.ру, 2014).

В медиадискурсе легитимация часто характеризуется с точки зрения наличия или отсутствия посредников (*прямая, косвенная*)

и по интенсивности развития (*форсированная, постепенная*): *Это все-таки государев человек, у него есть* ***прямая легитимация*** *в отличие от министра* (ИА Хакасия, 2020); *Когда оппозиция находится в режиме бойкота, но в то же время обращается в ЦИК и, опираясь на ее числа, запрашивает финансирование, – это* ***косвенная легитимация*** *этих выборов* (Эхо Кавказа, 2020); ***Форсированная легитимация*** *Навального как признанного всем мировым сообществом лидера российской оппозиции* (Комсомольская правда, 2020); *Запад занял сторону протестующих и начал процесс* ***постепенной легитимации*** *Светланы Тихановской и Координационного совета оппозиции как «полномочных представителей белорусского народа»* (Телескоп, 2020).

Таким образом, в массмедиа представлена разноплановая классификация легитимации, что характерно для определения данного термина в рамках исходного юридического дискурса.

В качестве объектов легитимации выступают, как правило, политика и ее составляющие (*власть, правление, режим*), политические процедуры (*избирательный процесс; избирательная кампания; выборы*), а также права граждан (*социальные гарантии*) и изменения, происходящие в государстве (*поправки в Конституцию*): *Доктор политических наук рассматривает, как карнавальный элемент региональной политики связывается с* ***легитимацией власти*** (Экономика и жизнь – Черноземье, 2021); *Раньше тоже официальная статистика стремилась подогнать собираемые ею данные под* ***легитимацию политики*** *буржуазного правящего класса* (КПРФ, 2021); *С одной стороны, она позволяет контролировать процесс голосования, а с другой – является механизмом* ***легитимации всей избирательной кампании*** (Кавказ.Реалии, 2021); *Он также дает* ***легитимацию социальному протесту****, выдвигая альтернативный социальный вариант* (lenta.ru, 2016).

Субъектами легитимации выступают как общественные институты и государства, так и народ в целом. Из общественных институтов наиболее широко представлены совет трудящихся (для советской эпохи), парламент, правительство и ООН (для современного периода): *Ключевым звеном являлась партия – ВКП(б).* ***Советы трудящихся выполняли декоративную функцию – они обеспечивали легитимацию*** *принимавшихся в партийных органах управленческих решений* (Новые известия, 2021); *Теперь* ***правительство… даёт этому легитимацию****, фактически соглашаясь с отторжением земель в Иудеи и Самарии, захватываемых этим незаконным строительством* (Время Мошиаха, 2021); ***Парламент нужен для легитимации порой не самых простых решений*** *и его способность выполнять ту функцию весьма зависит от легитимности депутатского корпуса в глазах избирателей* (Известия, 2007); *Все это происходит и* ***получает легитимацию в куда более широкой международной политической паутине, в центре которой сидит главный «паук» – Организация Объединенных Наций*** (Donbasstoday, 2021)

Среди государств-легитиматоров наибольший авторитет имеют страны большой семерки и Россия: *Главным* ***источником ее легитимации… является признание со стороны внешнего мира, мирового сообщества, ограниченного семью государствами****. Больше и не нужно* (Новые Известия, 2021); *К тому же, без* ***легитимации Западом*** *любой «майдан» теряет смысл. Захватить власть для того, чтобы тебя не признали и перекрыли кислород по всем направлениям?* (Новостной фронт, 2021); *Главы европейской дипломатии… всеми силами пытались преподнести женевскую встречу как* ***легитимацию Россией пришедших к власти в Киеве политиков*** (Известия, 2014).

Значительную роль в современном демократическом обществе в легитимационных процессах играет народ, характеризуемый в массмедиа как достаточно нейтрально (*народ, население*), так и с учетом социальной характеристики (*улицы, элиты*): ***Народная легитимация*** *существует в большинстве стран* (Файл-РФ, 2011); *Любое решение, не прошедшее* ***легитимацию улицей****, придется менять* (Свободная Пресса, 2021); *Очень часто эксперты вспоминают про* ***легитимацию перед населением****, …но есть еще и другая легитимация, это* ***легитимация перед элитами*** (Дождь, 2021).

Также массмедиа акцентируют внимание на процедурах и стратегиях легитимации. Основным способом легитимации являются выборы: ***Выборы – это единственный признаваемый сейчас населением России способ***

легитимации (узаконивания) власти (Московский комсомолец, 2018); *Сильная президентская власть предопределила* ***механизм своей легитимации через фактическое назначение «наследника престола»*** (РБК Daily, 2007); а среди стратегий лидируют апелляция к светлому прошлому и апелляция к прекрасному будущему: *Поэтому* ***апелляция к «светлому прошлому» является необходимым условием для легитимации вертикали власти*** (lenta.ru, 2016); *К сожалению,* ***историю часто эксплуатируют для легитимации*** *государств и их политических элит* (lenta.ru, 2017); *Это был великий антропологический миф, зашитый в структуру советской власти,* ***вся ее легитимация строилась на том, что она уполномочена творить будущее*** (lenta.ru, 2016).

При метафорическом представлении легитимации в массмедиа в качестве сферы-источника метафорической экспансии выступают сферы «игра», «строительство», «механизм», «путь», «математика», «театр» и др. При помощи метафор в медиадискурсе регулярно актуализируются процессы достижения легитимации, что реализуется через метафоры механизма (*механизм легитимации; выработки реального механизма легитимации*), метафоры пути (*очередной шаг в легитимации; пути легитимации*) и строительные метафоры (*построена легитимация, фундамент легитимации*). В рамках строительной метафорической модели также представляется противоположный процесс – её разрушение (*демонтаж легитимации*). Артефактные метафоры указывают на различные манипуляции с легитимацией власти (*искать легитимацию, отнять легитимацию*).

Метафорические контексты транслируют преимущественно нейтральную оценку легитимации. Негативная оценка содержится в ***игровых метафорах***, подчеркивающих не вполне правомерные механизмы достижения легитимации и их имитационный характер (ср.: *Любые* ***игры с заграницей в «легитимацию»*** *или «делегитимацию» следует прекращать, причем показательно и жестко* (Известия, 2008), позитивную оценку выражают ***экономические метафоры***, интерпретирующие легитимацию как определенную политическую прибыль или высокие дивиденды (ср.: для *Глазьева участие в группе также может принести* ***ощутимые дивиденды – легитимация своей политической деятельности*** *на фоне противопоставления себя властям* (Политком.ру, 2003).

Оценочная характеристика легитимации в российских СМИ достаточно неоднозначна. Оценочные коннотации феномен легитимации приобретает преимущественно в контексте, в сочетании с объектом легитимации. Например, в массмедиа в качестве объектов, легитимация которых оценивается негативно, предстают политические события, власть и политики. На языковом уровне данная оценка проявляется посредством прилагательных *мнимый, сомнительный, преступный* и др.: *Поскольку формально вся антиправовая процедура ликвидации СССР происходила в рамках ООН и этой* ***мнимой легитимации*** *считалось достаточно* (Новые Хроники, 2008); *Несмотря на выдыхание и* ***сомнительную легитимацию****, российская власть имеет еще немалый набор ресурсов* (Znak.com, 2019); *Вместо этого начался бойкот Египта другими арабскими странами за «****преступную легитимацию*** *Израиля»* (ТАСС, 2020).

Положительная оценка легитимации формируется при помощи определений *важный, необходимый, хороший, успешный* и др.: *Вместо* ***необходимой и неизбежной легитимации*** *собственности, приобретенной в бурный период раннего русского капитала,* ***легитимации, без которой дальнейшее развитие страны невозможно****, начался новый неостановимый передел собственности* (РИА Новости, 2006); *Не изобретать колесо и* ***воспользоваться весьма успешной схемой легитимации*** *приватизации, которую в конце 90-х годов использовали британские лейбористы* (Коммерсантъ, 2005). В качестве объектов, легитимация которых оценивается положительно, выступают экономические и социальные ситуации, политические события в подобном ключе оцениваются значительно реже.

6. Выводы

Произведенное исследование демонстрирует наличие дискурсивной специфики в употреблении юридических терминов в СМИ. Установлено, что семантика термина *легитимация* в медиадискурсе видоизменяется: появляются новые семантические признаки,

которые не зафиксированы в специализированных юридических словарях. Так, ядерный признак ‘узаконение’ получает в медиадискурсе конкретизацию, акцентируется внимание на ‘утверждении’ и ‘оформлении’ законности, кроме того, формируются периферийные признаки ‘признание’ и ‘согласие’. Формирование понятийной составляющей одноименного юридического медиаконцепта сопровождается существенным расширением разновидностей легитимации и подробной характеристикой ее объектов, субъектов, способов и стратегий достижения.

Нейтральный по своей природе юридический термин приобретает в медиадискурсе метафоричность и оценочность, что также свидетельствует о трансформации юридического термина в юридический медиаконцепт. При несомненной значимости легитимации в мировой практике показательно появление негативно маркированных признаков, характерных для современной стадии развития российского общества. Это ‘сомнительность’, ‘мнимость’ и ‘формальность’ легитимационных процессов, что является тревожным показателем, требующим внимания соответствующих структур.

Резюмируя, отметим, что предложенная концепция дискурсивного словаря терминологии и макет словарной статьи позволяют продемонстрировать продуктивность лексикографической интерпретации юридической терминологии в российских массмедиа XXI века. Медиадискурс, обладающий особым воздействующим потенциалом, обогащает попадающие в его пределы юридические термины, формируя тем самым новые юридические медиаконцепты. Наличие медийной специфики в семантике термина и в структуре концепта свидетельствует о значимости дискурсивного фактора в исследовании юридической терминологии и концептологии.

Литература

Большой юридический словарь. – М. : Инфра-М, 2003. – 703 с.

Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.

Голев, Н. Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. – 2019. – № 16. – С. 113–137. – DOI: 10.17223/22274200/16/7.

Козырев, В. А. Современные ориентации отечественной лексикографии / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1 (5). – С. 5–15.

Колмогорова, А. В. Легитимизация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа / А. В. Колмогорова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1 (67). – С. 33–40.

Кондратьева, О. Н. «Словарь политических терминов в СМИ» как новый лексикографический продукт / О. Н. Кондратьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 6 (44). – С. 38–49. – DOI: 10.17223/19986645/44/3.

Кондратьева, О. Н. Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) / О. Н. Кондратьева, Ю. С. Игнатова // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 69–85. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85.

Лебедева, Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) / Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 56–72.

Лутцева, М. В. Лексикографическое описание юридической терминологии в неспециальной сфере использования (лингвостатическое исследование на материале произведений Дж. Гришема) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Лутцева Мария Владимировна. – Иваново, 2008. – 279 с.

Марьянчик, В. А. Оценка как категория текста / В. А. Марьянчик // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2011. – № 1. – С. 100–103.

Мельник, Н. В. Проблема легитимизации в политическом дискурсе (на материале высказываний о пенсионной реформе) / Н. В. Мельник, К. А. Артемова // Филология и человек. – 2020. – № 4. – С. 171–180. – DOI: 10.14258/filichel(2020)4-14.

Савельева, И. В. Механизмы легитимизации в медиадискурсе (на материале интернет-СМИ) / И. В. Савельева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 6. – С. 188–198. – DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-188-198.

Силанова, М. А. Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ : дис. … канд. филол. наук : 10.01.10 / Силанова Марина Александровна. – М., 2017. – 260 с.

Силанова, М. А. Юридический медиадискурс: лингвопрагматический аспект / М. А. Силанова // Средства массовой информации в современном мире. Молодые исследователи : материалы 13-й междунар. конф. студентов, магистрантов и аспирантов 11–13 марта 2014 г. / под ред. М. А. Бережной ; сост. Е. А. Королев. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2014. – С. 304–306.

Скляревская, Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г. Н. Скляревская // Исследования по славянским языкам. – 2001. – № 6. – С. 177-202.

Словарь обыденных толкований политических терминов. Лексикографический опыт: 50 слов-стимулов / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2019. – 142 с.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с.

References

Bol'shoi yuridicheskii slovar' [The Big Legal Dictionary]. (2003). Moscow, Infra-M. 703 p.

Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror Cognitive Research of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 238 p.

Golev, N. D. (2019). Diskursivnyi slovar' dialektnoi leksiki Noveyshego vremeni (na materialakh Runeta): innovatsionnyi leksikograficheskii proekt [A Discursive Dictionary of Dialect Lexicon of the Newest Time (on Materials of a Runet): the Innovative Lexicographic Project]. In *Voprosy leksikografii*. No. 16, pp. 113–137. DOI: 10.17223/22274200/16/7.

Golev, N. D. (Ed.). (2019). *Slovar' obydennykh tolkovanii politicheskikh terminov. Leksikograficheskii opyt: 50 slov-stimulov* [Dictionary of Everyday Interpretations of Political Terms. Lexicographic Experience 50 Stimulus Words]. Kemerovo, Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. 142 p.

Golubeva, T. M. (2016). Lingvisticheskie parametry strategii legitimizatsii Evrosoyuza i delegitimizatsii B. al'-Assada v britanskom politicheskom diskurse [Linguistic Parameters of the Strategy of Legitimization of the European Union and Delegitimization of Bashar al-Assad in the British Political Discourse]. In *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. Vol. 16 (4), pp. 392–396.

Kolmogorova, A. V. (2018). Legitimizatsiya kak sotsiopoliticheskii fenomen i ob"ekt diskurs-analiza [Legitimization as a Sociopolitical Phenomenon and an Object of Discourse Analysis]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (67), pp. 33–40.

Kondratyeva, O. N. (2016). «Slovar' politicheskikh terminov v SMI» kak novyi leksikograficheskii product ["The Dictionary of Political Terms in Mass-Media" as a New Lexicographic Product]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 6 (44), pp. 38–49. DOI: 10.17223/19986645/44/3.

Kondratyeva, O. N., Ignatova, Yu. S. (2021). Strategii mediatizatsii yuridicheskikh kontseptov v rossiyskikh massmedia XXI veka (na primere kontsepta LEGITIMNOST') [Strategies for Mediatization of Legal Concepts in Russian Mass Media of the XXI Century (on the Example of the Concept of LEGITIMNESS)]. In *Nauchnyi dialog*. No. 3, pp. 69–85. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85.

Kozyrev, V. A. (2014). Sovremennye orientatsii otechestvennoi leksikografii [Modern Orientations of Russian Lexicography]. In *Voprosy leksikografii*. No. 1 (5), pp. 5–15.

Lebedeva, N. B. (2000). O metayazykovom soznanii yuristov i predmete yurislingvistiki (k postanovke problemy) [About Metalanguage Consciousness of Lawyers and Subject of Jurislinguistics (to a Statement of the Problem)]. In *Yurislingvistika*. No. 2, pp. 56–72.

Luttseva, M. V. (2008). *Leksikograficheskoe opisanie yuridicheskoi terminologii v nespetsial'noi sfere ispol'zovaniya (lingvostaticheskoe issledovanie na materiale proizvedenii Dzh. Grishema)* [Lexicographic Description of Legal Terminology in a Non-Special Sphere of Use (Linguistic Research Based on the Works of J. Grisham)]. Dis. … kand. filol. nauk. Ivanovo. 279 p.

Mar'yanchik, V. A. (2011). Otsenka kak kategoriya teksta [Rating as a Category of Text]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»*. No. 1, pp. 100–103.

Mel'nik, N. V., Artemova, K. A. (2020). Problema legitimizatsii v politicheskom diskurse (na materiale vyskazyvanii o pensionnoi reforme) [The Problem of Legitimization in Political Discourse (Based on Statements about Pension Reform)]. In *Filologiya i chelovek*. No. 4, pp. 171–180. DOI: 10.14258/filichel(2020)4-14.

Savel'eva, I. V. (2019). Mekhanizmy legitimizatsii v mediadiskurse (na materiale internet-SMI) [Mechanisms of Legitimization in the Media Discourse (Based on the Material of the Internet Media)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 18 (6), pp. 188–198. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-188-198.

Silanova, M. A. (2014). Yuridicheskii mediadiskurs: lingvopragmaticheskii aspekt [Legal Media Discourse: Linguopragmatic Aspect]. In Berezhnaya, M. A. (Ed.). *Sredstva massovoi informatsii v sovremennom mire. Molodye issledovateli: materialy 13-i mezhdunar. konf. studentov, magistrantov i aspirantov 11–13 marta 2014 g.* Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, pp. 304–306.

Silanova, M. A. (2017). *Mediatizatsiya yuridicheskikh terminov v diskurse sovremennykh SMI* [Mediatization of Legal Terms in the Discourse of Modern Mass Media]. Dis. … kand. filol. nauk. Moscow. 260 p.

Sklyarevskaya, G. N. (2001). Slovo v menyayushchemsya mire: russkii yazyk nachala XXI stoletiya: sostoyanie, problemy, perspektivy [Word in a Changing World: Russian of the Beginning of 21st Century: a Condition, Problems, Prospects]. In *Issledovaniya po slavyanskim yazykam*. No. 6, pp. 177-202.

Valgina, N. S. (2003). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke*[Active Processes in the Modern Russian Language]. Moscow, Logos. 304 p.

Данные об авторе

Кондратьева Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия).

Адрес: 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6.

E-mail: Olnik25@mail.ru.

Игнатова Юлия Сергеевна – аспирант кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия).

Адрес: 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6.

E-mail: ign976@mail.ru.

Authors' information

Kondratyeva Olga Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language and the Literature, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Ignatova Yuliya Sergeevna – Postgraduate Student of Department of the Russian Language and the Literature, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВЕКОВ

УДК 821.174-312.4. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-17. ББК Ш33(4Лат)63-444.57.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03 (5.9.2)

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONTEXTS OF THE SOVIET PERIOD IN LATVIAN DETECTIVE NOVELS

Alina Romanovska
Daugavpils University (Daugavpils, Latvia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7048-4352

Abstract. Peculiarities of Soviet ideology mean that literary works should follow a certain canon which reflects a positive image of Soviet society. In search of possibilities to reflect the diversity and contradictions of this society, many writers chose to emphasize psychological experiences grounded in the social environment, thus also diversifying the form of literary works. Detective novels became one of the types of Soviet socio-psychological prose. The aim of the research is to analyse the features of the Latvian detective fiction during the Soviet period and to consider how the Soviet ideological system determined the development of the Latvian detective novel.

In Latvian literature, detective novels occupy a marginal place as a relatively small number of authors work in this genre; moreover, the published works have not become really popular with readers. During that time, only one Latvian writer, Andris Kolbergs, managed to find a successful solution and developed a social and psychological detective novel, using the message promoted by the Soviet ideology. Kolbergs raised the Latvian detective novel to a new development level, having proved that it is not the genre of popular literature which does not usually fit into the core literary canon. The mobility peculiar to the genre of detective fiction and its development are inextricably linked to the cultural trends of a certain time. Development of detective fiction determined by the ideological system stipulated the appearance of its specific features – the focus shifted from solving the criminal mystery to the reasons for committing a crime. As a result, the social and psychological context of the Soviet period came to the fore. Despite the fact that Kolbergs' socio-psychological detectives may be considered a certain exception in the development of the history of Latvian literature, they largely correspond to the traditions of the Russian Soviet socio-psychological detective fiction, which began to develop especially intensively in the 1950–60s.

Keywords: detective novel; crime; social and psychological context; Soviet period; popular literature

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В ЛАТЫШСКИХ ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНАХ

Романовска А.
Даугавпилсский университет (Даугавпилс, Латвия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7048-4352

Аннотация. Особенности советской идеологии означают, что литературные произведения должны следовать определенному канону, отражающему позитивный образ советского общества. Стремясь

© А. Романовска, 2021

отразить разнообразие и противоречия этого общества, многие писатели предпочитали делать упор на психологизм, тем самым также диверсифицируя форму литературных произведений. Детективные романы стали одним из видов советской социально-психологической прозы. Развитие детективной литературы, определяемой идеологической системой, обусловило появление ее специфических черт – акцент сместился с раскрытия преступной интриги на причины совершения преступления. В результате на первый план вышел социально-психологический контекст советского периода. Романы часто не заканчиваются раскрытием детективной интриги, а продолжаются до тех пор, пока не достигнут полной ясности о дальнейшей жизни персонажей и дополнительных сюжетных линиях, включая исторические, психологические и социально-экономические контексты. Цель исследования – проанализировать особенности латышского детективного романа советского периода и рассмотреть, как советская идеологическая система определила его развитие.

В латышской литературе советского периода детективные романы занимают второстепенное место, поскольку в этом жанре работает относительно небольшое количество авторов; к тому же опубликованные работы не стали популярны у читателей. В это время только одному латышскому писателю – Андрису Колбергсу – удалось стать популярным, разработав свою версию социально-психологического детектива, используя послание, предлагаемое советской идеологией. Несмотря на то, что социально-психологические детективы Колбергса можно считать определенным исключением в развитии истории латышской литературы, они во многом соответствуют традициям русского советского социально-психологического детектива, который особенно интенсивно стал развиваться в 50–60 годы XX века.

Ключевые слова: детективный роман; социально-психологический контекст; советский период; популярная литература

Для цитирования: Романовская, А. Социально-психологические контексты советского периода в латышских детективных романах / А. Романовская // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 195–205. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-17.

For citation: Romanovska, A. (2021). Social and Psychological Contexts of the Soviet Period in Latvian Detective Novels. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 195–205. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-17.

Introduction

The genre of detective fiction is one of the most popular literary genres, but literature studies does not pay enough attention to it. This probably happens because it is considered a branch of popular literature and is usually not included in the core canon that comprises the history of national literature and is part of the cultural heritage. Literature theorists have mainly analysed the genre of detective fiction, emphasizing the norms and conventions of the genre that must be followed in order for a detective novel to become a successful example of its genre and to gain popularity with its readers. The origins of this tradition can be found in the works by researchers into the Golden Age detective fiction (the 1920s-1930s). For example, S. S. Van Dine [1928] and Ronald Knox [1929] believe that it is the norms of the genre, which must be strictly observed, distinguish detective fiction from classic literature. Van Dine, for example, writes that a detective novel should contain "no long descriptive passages, no literary dallying with side-issues, no subtly worked-out character analyses, no 'atmospheric' preoccupations" [Van Dine 1947: 187]. Tzvetan Todorov later noted that unlike elitist literature, which is characterized by individualism, popular fiction, which strictly adheres to the norms of the genre indicates that works of the detective genre belong to popular literature. He suggests that detective fiction can be reduced to just three general types, which he defines in terms of the plot structure: the whodunnit, the thriller, and the suspense novel [Todorov 1977]. Other researchers, such as Pierre Bourdieu (1996) and Ken Gelder (2004), point out that works of the detective fiction genre are subject to strict standards because of the need for commercialization: certain criteria must be met for a detective novel to be successfully sold. Definitions of the detective fiction genre provided in modern encyclopaedias are also based on the list of certain genre norms: "The traditional elements of the detective story are: (1) the seemingly perfect crime; (2) the wrongly accused suspect at whom circumstantial evidence points; (3) the bungling of dim-witted police; (4) the greater powers of observation and superior mind of the detective; and (5) the startling and unexpected denouement, in which the detective reveals how the identity of the culprit was ascertained. Detective stories frequently operate on the principle that superficially convincing evidence is ultimately irrelevant. Usually it is also axiomatic

that the clues from which a logical solution to the problem can be reached be fairly presented to the reader at exactly the same time that the sleuth receives them and that the sleuth deduce the solution to the puzzle from a logical interpretation of these clues" [Encyclopaedia Britannica].

Today, there are studies aimed at analysing works of the detective fiction genre as an individual and changeable phenomenon, the nature of which cannot be reflected by considering a particular literary work only from the viewpoint of norms and conventions peculiar of the genre. Mauricio Ascari, for example, creates the *counter-history* of the detective fiction genre and denies its strict canon [Ascari 2007]. Jesper Gulddal, Stewart King, and Alistair Rolls, in turn, propose modes of mobility in crime fiction, which highlights the idea of the genre variability. The researchers write: "...we argue that crime fiction is nonetheless characterized by a transgressive impulse that actively reflects on and challenges its own generic limitations, thereby potentially recuperating the genre from the stasis of established forms. (...) crime fiction, far from being static and staid, must be seen as a genre constantly violating its own boundaries. There is an unacknowledged experimental streak to this genre – an easy slippage between affirming the codes and conventions on the one hand, and on the other hand boldly calling into question and venturing beyond its textual, generic and national traditions" [Gulddal, King and Rolls 2019: 1].

We should acknowledge that certain peculiarities of the detective fiction genre, which distinguish it from other literary genres, exist, although they are varied and may differ both in different national literatures and in individual works by various authors. According to the features of the detective fiction genre, the plot is based on crime and its inspection, during which logical judgements are made. There is often a need for additional information concerning the social and psychological conditions of the persons involved, which may reveal reasons and preconditions of the violation. A detective novel holds in the focus of its attention not only the crime as such but also investigating its causes in a particular time and space as well as delving into typological situations which would have contributed to the formation of the intention to commit the crime. Hence, the detective fiction genre depicts human experience, feelings and emotions as well as reflects the social, economic, historical, national, etc. aspects of the society. Social collisions depicted in the novel rather often have an obvious relation to daily life peculiarities of a certain stage.

The study focuses on Latvian detective novels published in the second half of the 20th century. Detective novels are a notable variety of Soviet socio-psychological prose of the second half of the 20th century. They should be considered not only as an element of mass literature, but as an integral part of the general literary process [Agejeva 2014]. The detective fiction shows the diversity of patterns and values of life, thus revealing the peculiarities of a certain era [Chernjak 2002: 192].

The reality of the Soviet period was largely determined by ideology which very specifically defined the allowed and forbidden in art. As Catherine Clarke notes, the task of the socialist realism method in art, cinema or literature, was to set the correct guidelines for people, to provide them with accurate route maps. In the socialist realism art, positive heroes embody the basic social virtues; their lives and deeds throughout the narrative symbolically repeat the victorious progress of the Soviet people towards Communism, thereby legitimizing the status quo and asserting that Soviet society is on the right Marxist-Leninist path [Clark 2003: 8]. Peter Vail and Axander Genis point out that in the 1960s, in the Soviet Union, heeding Khrushchev's admonition, there began a phase of truth-seeking [Vail and Genis 2013: 183–186], which also significantly influenced the development of culture and literature. It was the time when the first best detective novels appeared in Latvian Soviet literature, focusing not only on the solution of the detective plot (as a certain search for truth), but also on the revelation of the multifaceted social realities, in which complex psychological experiences of contradictory personalities were formed.

The aim of the research is to analyse the features of the Latvian detective fiction during the Soviet period and to examine how the Soviet ideological system determined the development of the Latvian detective novel.

Peculiar Development Features of Latvian Detective Novels in the Genre Context

Significance of a socio-psychological context in the genre of detective fiction increased in the course of its development and is related to the his-

torical and cultural conditions within which detective fiction works appear. In order to understand the peculiarities of the Latvian detective novel, it is useful to provide an insight into the most important stages of the detective fiction genre, and the socio-cultural situation which created preconditions for the development of the detective fiction genre. Though detective stories in European culture have existed since the time of Antiquity, and the idea of crime and punishment is an intrinsic part of the Bible, detective novels as a specific genre appeared in the European literature in the 19th century, when authors writing in English introduced the plot of crime in their works. These works were a natural response to the changes in the socio-economic and cultural situation brought about by the Victorian era. As a result, the 19th-century authors in their novels put forward themes and characters that embody the contradictory features of their era: greediness of the society and its victims, a protest against the cruelty of the capitalist system, an opposition of rural and urban life, idleness of the aristocracy, prosperity of the middle class, and controversial attitudes towards scientific advances [Badina 2014].

Both the socio-economic situation and sphere of ideas, namely, the transition from a romantic type of culture to a realistic one, influenced the development of the detective fiction genre. In the mid-19th century, European culture underwent significant changes, bringing a realistic type of culture to the forefront. Under the influence of the positivism philosophy, authors began to pay more attention to the depiction of everyday life, creating in their works the effect of reflecting a typified reality. Fedor Fedorov notes that the realism understanding of the world is the understanding of a dialectical diversity of the life rhythm, of a demythologized world [Fedorov 1995]. The described situation in the sphere of culture naturally influenced the appearance of detective novels. Their focus is not only on the idea of crime and its investigation, but also on depicting the characters' psychology and reflecting the socio-cultural space, as the causes of the crime are to be found in the characters' environment. Crime becomes an inevitable and integral part of society's existence in the 19th-century culture. At the same time, however, there is an understanding that crime is a violation of social norms and it must be investigated to determine its psychological, social, economic or any other reasons. The investigation of crime in a detective novel is based on the rational and logical judgments of the investigator, and this feature is fully consistent with the positivism paradigm.

In the 20th century, the development of psychology led to the fact that literary works increasingly focused on personal experience, its causes and consequences. C. G. Jung points out that in the psychological novel the author attempts to bring a psychological explanation of the event from the mere description of the event to the forefront [Jung 1923]. As a result, more attention in texts of the detective fiction genre started to be paid not only to the intrigue of criminal investigation, but also to the psychological features of an individual (investigator, criminal, victim, etc.), as well as social, economic, and political characteristics of the situation, as it contributed to the development of the detective novel and gave it the necessary depth [Jung 2011].

In Latvian literature, works of the detective fiction genre occupy a marginal position as a relatively small number of authors work in this genre; besides, the works published do not gain the expected popularity with the readers. The fast development of Latvian literature started at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Alina Romanovska writes that "the situation in Latvia at that time was specific: the whole of the European cultural heritage entered the Latvian culture at the same time; the Latvian cultural consciousness was absorbed in the processes of cognition, compilation, and analysis (acceptance or non-acceptance) of this heritage" [Romanovska 2020: 360]. Having quickly studied the experience of European literature and culture, Latvian writers focused on creating genres and works of "core canon", considering detective novels popular or "low-value" literature. That is why, there were no significant works of the detective fiction genre created in the late 19th century – first half of the 20th century. A detective intrigue was frequently included in the plot of literary works of various other genres; this way the additional interest of readers in the specific work was created. (The novel "The Time of the Land Surveyors" ("Mērnieku laiki") written by Reinis and Matīss Kaudzīte in 1879 is one of the first and most well-known examples of this kind). Unlike Russian literature, where the canon of Soviet ideology was recognized and the genre of detective fiction reflecting reality began to develop in the 1920s and

1930s [Britikov 1976], Latvian literature came under the influence of Soviet ideology only in the 1940s, while the first more or less notable works of the detective fiction were published in the 1960s. Until then, the Latvian readership enjoyed reading works by European and American authors in translation and works by Russian authors, which, along with the socio-political processes, strongly influenced the formation of the detective tradition. In the 1950s and 1960s, Latvian authors began to learn to write according to the canons of social realism. In the second half of the 1960s, psychologism became increasingly prevalent in Latvian literature, and it became important to portray the personal experience of an individual. It was the time when first detective novels appeared in the Latvian literature of the Soviet period. That was probably determined by both the new ideological positions and the processes in Russian Soviet literature, as both literatures existed in a unified cultural system. It should be noted that since the mid-1950s, a new stage of flourishing of the Soviet detective fiction (the second half of the 1920s – the first half of the 1930s) took place. It was the time when such classics of the Soviet detective fiction as A. Adamov, Yu. Klarov, A. Bezuglov entered literature, the famous master of the detective fiction L. Sheinin continued his work, Yu. German was writing his novel about the Soviet militia "One Year" ("Odin god"); this text later became the literary basis of the film "My friend Ivan Lapshin" ("Moj drug Ivan Lapshin"). The films "The Rumyantsev Case" ("Delo Rum'anceva") and "The Variegateds Case" ("Delo pestryh") and other famous Soviet detective films of the 1950s were watched by tens of millions of viewers in the USSR. In the 1960s, literature saw the entrance of such masters of detective psychological prose as E. Khrutsky, A. and B. Weiners, N. Leonov, G. Losyev, Yu. Semenov, L. Slovin, etc.

Anatols Imermanis was one of the first authors who worked with the genre of detective fiction in Soviet Latvian literature ("The Guide Casts a Shadow" ("Pavadonis met ēnu"), 1964, "Airplanes Fall in the Ocean" ("Lidmašīnas krīt okeānā"), 1968, etc.). He chose to describe the foreign environment, which allowed him to disregard the rules bound to depict the Soviet reality. Other authors also aspired to write detective novels depicting the Soviet reality. Vladimirs Kaijaks ("Chiken Idol" ("Vistu elks") (1967), The Director's Rock" ("Direktora klints") (1970)) focused on the depiction of everyday and psychological problems, but failed to capture the readers' attention. In the 1970s, there were also authors, such as a former criminal investigator Mirmilis Steiga, Gunars Cirulis, and Viktor Lagzdins, who became known mainly as the authors of detective novels. However, they were not especially popular with the readers and published only a few novels. Guntis Berelis characterizes the situation as follows: "The situation is really hard to explain: at the time when there is the overproduction of detective prose fiction in the world and the detective novel has passed a full cycle of development – from "serious" literature to trivial and then back to the postmodern "serious" one – in Latvia during the recent half century only one prose fiction writer has appeared who works in the detective genre at a professional level – that is Andris Kolbergs" [Berelis 2011].

Against the background of Latvian detective prose fiction of the second half of the 20th – early 21st century, A. Kolbergs' detective works stand out by attracting the attention of wider public, gaining positive acclaim of critics and literary historians; as a result, they became very popular. A. Kolbergs is an author whose complete works were published in 1994 during the writer's lifetime. He is also considered to be the most translated and published abroad Latvian novelist – the full circulation exceeding 5 million copies. At the beginning of the 21st century, Astrīda Skurbe wrote: "Andris Kolbergs is one of the prominent and famous Latvian writers of the 20th and 21st centuries. He is the writer without whom it is impossible to think about the Latvian prose, and especially the novel in Latvian literature in the last thirty years. (…) His books are popular with scientists and workers, as well as businessmen, and students. Kolbergs is also remarkable because most of his novels were turned into films, and these films were a success not only in Latvia" [Skurbe 2006: 3].

A. Kolbergs gained his popularity already during the Soviet period which was the most productive time in his career as a writer. He continued to write in the 21st century as well. His first novels published in the 1970s, which focused on a detective plot, were soon followed by works devoted to the description of social environment and depiction of the characters' psychological experiences; although, the detective intrigue still formed the basis of the plot. It should be noted that at that

time the Soviet Latvian psychological prose was gradually entering the phase of its flourishing – in literature such authors as Visvaldis Lāms, Alberts Bels, Regīna Ezera were successful, their novels gained great popularity among readers and were filmed.

A. Kolbergs' novels are based on crimes committed in Latvia. During the investigation of these crimes, there is certain additional information on characters, their past, thoughts, personality traits, habits, and other individual features is revealed. Characterisation of the social and psychological context is considered as one of the most successful and peculiar features of A. Kolbergs' detective prose fiction. A literary scholar Raimonds Briedis points out: "By precisely describing the life of his time, A. Kolbergs in his novels binds the crime plot with the analysis of social problems revealing phenomena that facilitate the degradation of the society. In his novels, instead of revealing crime according to the specificity of the genre, the causes of criminal offence are searched in the disorderly economic environment, conditions of the social system, showing the way, unable to express his abilities and strivings, a person is forced to self-realization in a deformed way" [Briedis 2001: 92].

G. Berelis considers a hidden dialogue with the canons of the detective fiction genre to be one of the most important features of Kohlbergs' writing style [Berelis 1992]. He reconsiders traditional methods of detective novels, ignoring them in some places, or, sometimes, swapping or exaggerating them. Both Latvian literary scholars and critics note that Kolbergs' novels cannot be explicitly referred to as detective novels, as they have features peculiar to social and psychological novels. Experimenting with the classical canon of the detective fiction genre, A. Kolbergs also discusses the interpretation of crime and punishment, and emphasizes social and psychological causes of crime.

Scholars think that A. Kolbergs' turning to investigation of social and psychological causes of crime is not incidental, as his writer's talent developed in the Soviet period when many topics were tabooed. "In the completely positive socialist order, crime was not allowed to be treated as a regular part of social negativity. It had to be something extraordinary, exceptional in the otherwise positive scene of the world"[Berelis, 2011]. Many traditional features of the detective fiction genre, which attract readers' attention, could not be implemented, for example, the idea of an inspector was transformed as well.

The detective fiction genre is a successfully chosen form that made it possible for A. Kolbergs, when depicting crime, provide broader characteristics of the society in the reality of the Soviet period as well as the impact of socio-economic and political peculiarities on the population's collective and individual identity and moral norms. A. Kolbergs indicates that crime is not exceptional; it is the result of particular society development.

The Role of Social and Psychological Features in the Development of the Detective Fiction Genre in the Soviet Period

Modern researchers believe that a detective novel has the potential to reflect the culture of its time [Brylla 2015]. Description of psychological experiences of an individual as well as depiction of the macro-world provide the psychological intensity of a detective novel. The most important event in a detective novel is often included in a series of many insignificant events. As a result, the text acquires the psychological intensity. Flashbacks are often used to provide more information about characters' thoughts, feelings, and ways of their personal development. In a socio-psychological detective novel, the emphasis shifts from committing and investigating a crime to the interpretation of the characters' motivations (criminals, investigators, etc.). Moral rather than legal aspects, which do not always coincide, often become more important in the investigation of a crime. The psychologization of the message, through readers' interest, helps fulfil the art basic function – catharsis, since readers at the same time follow the detective plot, trying to identify the criminal in the course of the narrative, as well as receive emotional pleasure immersing themselves into the dramatic conflict.

A detective novel reviews the social structure of society, where there is a conflict between different social strata and their representatives. The conflict arises because of the unequal distribution of power and resources in society [Knapp 1994]. Psychological features of the characters, which have an impact on the crime, form an important basis for the conflict in a detective novel. Although society as a whole is not perfect, each individual bear a personal responsibility to make decisions according to moral standards. Charles

Wright Mills believes that the conflict between people is based on their life experiences and the sphere of their direct activity, or the social environment in which they have grown up and in which they consciously act [Mills 1963]. The conflict (problem) arises when people feel dissatisfied with the social environment and strive to transfer to another environment, which they consider more suitable [Mills 1959]. A person's value system and worldview are formed under the influence of a particular social environment (a group, community, or collective). The group determines activity vectors of the individual. However, there are always people who strive to step outside the group and form their own individual views and attitudes [Fine 2012].

The author's clear message on distinguishing between the world of "norms" and the world of "anti-norms" is important in a detective novel. Traditionally, the investigator represents the world of "norms" whereas the criminal represents the world of "anti-norms". However, over the course of the novel, a number of ambiguous situations are often disclosed where the investigator also has to violate legal or moral norms to solve the crime. In general, the process of solving a crime is always a moral act, so minor breaches which the investigator commits in the course of his work are morally justified.

Discussing the perception of crime and punishment, Kolbergs in his novels offers situations for consideration and reflection. The social system and formal legal and moral laws allow for different interpretations of crime. The crime committed is not clearly connected with the punishment in question, so the novels are often filled with a sense of bitterness and social injustice.

Depicting the Soviet environment, Kolbergs also delves into past events that had shaped personalities of the characters. Moreover, important events are sought not only in the lives of the characters, but in the lives of their predecessors, which provides for a wider political and historical context. For example, Mārtiņš Smukauss, the protagonist of the novel "In the Car in the Morning" ("Automobilī rīta pusē") is a descendant of the Latvians who were deported to Siberia. In the novel, he is portrayed as a stranger as upon his return to Latvia, he is not accepted in the society because both his language and behaviour are different. The novel describes the conflict between the protagonist's feelings and the society's attitude: Mārtiņš Smukauss longed for his homeland, Latvia, but upon returning there, he feels excluded. Although the topic of the deportations was a taboo during the Soviet period, Kolbergs dares not only describe this part of Latvian history, but also give his opinion about it: "If you happen to take the Moscow-Omsk-Novosibirsk railway today, don't forget to take off your hat for a moment at the small station still called Colonia, and pay tribute to the brave men from Bebri, Kauguri, and Estonia who were the first to "stand upright" so that later we could find ourselves and become aware of ourselves" [Kolbergs 1986]. In the abovementioned quotation, the author develops an associative flow about the history of Latvian people, including various stages of their historical development and this way metaphorically hiding taboo topics.

Descriptions of historical events help successfully enrich the diverse storyline and add extra aspects to the psychological features of the characters, as well as provide precise cultural and historical evidence of a certain time, which creates a colourful image of the past and makes readers think about the destiny of Latvian people highlighting the national dimension.

Flashbacks provide an important socio-psychological context, which allow to understand the characters' motivations and characterize various stages of the historical development of the state of Latvia. Novels, which describe the events happened in the 1990s and in the 21st century, search for socio-economic and psychological causes of crime in the Soviet period. The novel "Look for a Woman" ("Meklējiet sievieti") (1996) is a vivid example of this causal relationship. Personal features of the characters in this novel were shaped during the Soviet period, and both socio-political life and individual psychological experience determined their development. The novel contains information about regularities of social and political life and reveals some hidden facts about the political backstage in the Soviet period, as well as successfully describes social and political twists and turns during the first years of Latvia's independence. At the end of the novel all people involved in the crime have been identified, although, no one is arrested: one person dies in a traffic accident, another one dies in the explosion in his car, but the third, the murderer, is a member of parliament, therefore, it is almost impossible to arrest him,

as it requires the Saeima decision but there is too little evidence.

Kolbergs' novels suggest an idea that social and psychological factors and society's morals not only provide for the basis for committing a crime but also become an argument that makes punishing the criminal impossible. Thus, a vicious circle is formed, which is almost impossible to break because punishing criminals, i.e. preserving social morality norms and a system of values is often impossible, it rather becomes an exception than regularity.

Researchers note that the personality of a detective plays a very important role in the detective fiction genre [Millers 2011]. The attractive and charming personality of a detective often make a novel popular (the works by Arthur Conan Doyle, Agatha Christie, or Georges Simenon are unforgettable). In the history of detective fiction genre, private detectives are often opposed to police officers, and it is private detectives who have gained popularity and fame and shaped the mythology of the detective fiction, while police officers stay in the background unable to solve crimes by themselves.

Under the Soviet system, only militiamen could be investigators; accordingly, they could only act in accordance with the law and should not violate generally accepted norms of behaviour, thereby creating a positive image of the militiaman in the collective consciousness of Soviet society. The attitudes of the Soviet literature canon determined the peculiarity of Kolbergs' detective novels, including the characteristic features of an investigator. Since it was impossible to create a vivid and specific image of the investigator meeting the set requirements, the writer aspired to describe the world of his own ideas and feelings in order to make the investigator closer to the reader. The novel "In the Car in the Morning" ("Automobilī rīta pusē") (1986), for example, describes how the investigator, looking at a corpse found on a beach in Jurmala, identifies himself with it in some way, thinking about suicide: "Forty-five sneaked on me, this poor bird Arkādijs Pinks is over now, although he couldn't be much older. And this brings us together in a strange way, I begin to feel sympathy for Pinks, I begin to feel his despair – suicide is a dead end and I feel sorry for him, even though he may not deserve any pity" [Kolbergs 1986: 57]. In other works by Kolbergs, there are also parallels between the investigator and the victim or offender. This technique not only enables to develop a psychologically deeper image of the investigator, but also provides generalisations about the relationship between the individual and society.

In his novel "Look for a Woman" Kolbergs reconsiders the most popular opposition of the detective genre – a private detective versus a police officer, where the police officer is positive, bright, and efficient, but disdainful to the private detective. The description of the private detective is not appealing: "I bumped into the detective Kim Anufriejevs at the street. Still wearing the same worn but sturdy lace-up boots of his. Greeted each other but didn't say anything to each other. He seems to be very upset that I work for the criminal police. Promised to drop in one day, but probably won't" [Kolbergs 1986: 154]. A private detective is temporarily involved in the investigation of a crime and provides considerable assistance, but a criminal police officer is clearly a more striking image in the novel. In this respect, Kolbergs continues the Soviet writing tradition, which was determined by the socio-political structure of the state.

Kolbergs' paradoxically ironic style of writing, in which subtle irony about socio-economic features and human vices borders on unobtrusively posed questions about morality and the value system, also forms a reflection of social negation. In many places, his style reveals in the aphorism form: "Fools fight for the justice of others, wise men fight for their own well-being", "Maybe love is just an escape from loneliness?", "I know that it's more convenient to adapt to the world we live in than to adapt the world to our own understanding, but I still don't think that a more convenient way is worthy of a person" [Kolbergs 1994–1995: 79]. Therefore, stylistically, Kolbergs presents various aspects of social life and describes the characters' psychological experiences, placing accents in the form of aphoristic expressions.

The storyline in Kolberg's novels is not typical for the detective fiction genre; it has so many side lines and it is so unpredictable that when you read the beginning of the novel you often lose the coherence and understanding of the individual events. Readers are offered fragments from the lives of different people in different historical periods. Only having read most of the novel, the fortunes of these different people gradually come in touch and an overall picture of the circumstances,

causes, and participants in the crime emerges. In addition, the story about specific characters involved in the narrative often alternates with general speculations about the patterns of human development, the characters' memories, and historical insights into the near or distant past. The narrative is steeped in seemingly insignificant details that have nothing to do with the main mystery and investigation of the crime. Despite the fact that Kolbergs does not follow one of the most important rules of a classic detective novel – to constantly maintain emotional excitement and intrigue, he manages to keep his readers interested. In addition, Kolbergs achieves another effect – the novel's message develops at the same time with the process of investigating the crime – on the basis of a deductive method. While solving the crime, the investigator initially only finds certain people, facts, and objects, for which additional aspects appear during the investigation and the amount of unclear and, at first glance, irrelevant information increases. And only gradually a complete picture of the crime is formed. Kolbergs' novels follow this structure: the mosaic is put together from many separate pieces, which results in the unity of the narrative.

The emphasis on socio-psychological aspects enables the author to maintain a complex plot, which is often based on a number of paradoxical and unexpected events. Kolbergs often uses a stylistic effect known as the "effect of deceived expectations". In the novel "Look for a Woman" ("Meklējiet sievieti"), the paradox structure is not only linked to the peculiarities of committing and investigating the crime, but it is also one of the structuring techniques. This is already implemented in the title and content of the novel: the title is a direct quote of the famous French expression "cherchez la femme". This expression as a title of the detective novel implies that the woman will be directly blamed for the crime. However, it turns out that this is not the case at all. Titles of Kolbergs' novels do not very often reflect the basic principle of the detective plot, as it is traditionally the case with novels of this genre, but they are related to the social and psychological aspects emphasized in the novel.

Conclusion

Observing the development of the Latvian detective fiction genre in the Soviet period, it is possible to identify the peculiarities of the Soviet ideology in the given period of time, and to determine the boundaries of the allowed and forbidden. During that time, only one Latvian author of detective novels, Andris Kolbergs, found a successful solution and, using features of the message allowed in the Soviet period, developed a social and psychological detective novel. It is a syncretic form of literature that, while keeping the plot typical of a detective novel, provides an insight into a particular social environment, leads to a deeper exploration of the characters' psychology and gives a detailed comprehension of their motivation. Kolbergs' detective novels are about a particular time and the people who live at that time, their psychology, and their collective and individual life experiences.

Kolbergs harmoniously fits into the processes of Latvian literature, where in the 1960s-80s the branch of psychological prose was rapidly developing, as well as follows the main traditions that have developed in Russian Soviet detective literature since its inception: increased psychologism, a shift in the focus of the image from the process of solving a crime to the inner world of characters (both criminals and investigators), increased social, historical and cultural determinism of action.

Kolbergs' novels often focus on psychological characteristics of people involved in crime, peculiarities of their lifestyles, causes, and motives of their actions but not the process of crime investigation itself. In his novels, the focus shifts from the crime investigation to the commission of crime. The stream of sensual images activates characters' associations and memories revealing hidden and often traumatic events of the past. The novels proceed slowly, with numerous digressions and additional plot lines. The novels do not end with the solution of a detective plot but continue until they reach a full clarity about the characters' life and additional plot lines including the historical and socio-economic dimension. The detective fiction genre is a successfully selected form that made it possible for Kolbergs, in depicting the world of "anti-norm", characterize the wider public in the Soviet time reality and the impact of socio-economic and political peculiarities of that time on the collective and individual identity of people and moral norms.

Kolbergs' novels suggest the idea that social and psychological factors and society's morals do not only provide for the basis for committing a crime but they also become an argument that makes punishing the criminal impossible. Thus, a vicious circle is formed, which is almost impossible to break because punishing criminals, i. e. preserving social morality norms and a system of values is often impossible, it rather becomes an exception than regularity. Kolbergs searches for causes for committing a crime, not only in the life of a specific criminal, but by creating longer causal links, even over several decades, by delving into the country's history, politics, and social relations. Kolbergs has taken the Latvian detective novel to a new level of development, proving that it is not a "low" genre of popular literature. His detective novels go beyond boundaries of the genre: they are inextricably linked with the development of literature and culture, and provide a vivid image of the period.

References

Agejeva, M. G. (2014). Otrazhenie epokhi v proizvedeniyakh detektivnoi literatury [Reflection of the Era in the Works of Detective Literature]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. No. 1, pp. 111–114.

Ascari, M. (2007). *A Counter-History of Crime Fiction: Supernatural, Gothic, Sensational*. London, Palgrave/Macmillan.

Badina, E. (2014). *Detektīvstāsts no Edgara Alana Po līdz Arturam Konanam Doilam. Promocijas darba kopsavilkums*. Daugavpils, DU Akadēmiskais apgāds "Saule".

Berelis, G. (1999). *Latviešu literatūras vesture*. Rīga, Zvaigzne ABC.

Berelis, G. *Guntis Berelis vērtē: Latviešu detektīvs. Kura nav?* URL: https://berelis.wordpress.com/2011/02/02/latvieu-detektivs-kura-nav.

Bourdieu, P. (1996). *The Rules of Art. Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford, Stanford University Press.

Briedis, R. (2001). Proza. 50.-70. gadi. In *Latviešu literatūras vesture III*. Rīga, Zvaigzne ABC, pp. 52–94.

Britikov, A. (1976). Detektivnaya povest' v kontekste prikl'uchencheskikh zhanrov [A Detective Story in the Context of Adventure Genres]. In Kovaleva, V. A. (Ed.). *Russkaya sovetskaya povest' 20-30-kh godov*. Leningrad, Nauka, pp. 408–452.

Brylla, W. (2015). Statt eines Vorwortes. Krimis sind eben nicht nur Krimis. In *Facetten des Kriminalromans. Ein Genre zwischen Tradition und Innovation* / Hg. von Eva Parra-Membrives, Wolfgang Brylla. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag GmbH, pp. 7–24.

Chern'ak, M. (2002). "Nashe vse". Aleksandra Marinina v zerkale sovremennogo ironichnogo detektiva ["Our Everything". Alexandra Marinina in the Mirror of a Modern Ironic Detectives]. In Trofimova, Yu. I. (Ed.). *Tvorchestvo Aleksandry Malininoi kak otrazhenie sovremennoi rossiiskoi mental'nosti: sbornik statei*. Moscow, INION RAN, pp. 69–82.

Clark, K. (2003). Socialist Realism and the Sacralising of Space. In Dobrenko, E. and Naiman, E. (Eds.). *The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space*. Seattle. London, The University of Washington Press, pp. 3–18.

Encyclopaedia Britannica. Detective story. URL: https://www.britannica.com/art/detective-story-narrative-genre.

Fedorov, F. P. (1995). Romantizm i Bidermayer [Romanticism and Biedermeier]. In *Russian Literature XXXVIII*. Vol. 38. No. 1.

Fine, G. A. (2012). Group Culture and the Interaction Order: Local Sociology on the Meso-Level. In *Annual Review of Sociology*. No. 38, pp. 159–179. URL: https://ssrn.com/abstract=2106288 or http://dx.doi.org/10.1146/annurev-soc-071811-145518.

Gelder, K. (2004). *Popular Fiction. The Logics and Practices of a Literary Field*. Milton Park, Abingdon, Routledge.

Gulddal, J., King, S. and Rolls, A. (2019). Criminal Moves: Towards a Theory of Crime Fiction Mobility. In Gulddal, J., King, S. and Rolls, A. (Eds.). *Criminal Moves. Modes of Mobility in Crime Fiction*. Liverpool, Liverpool University Press, pp. 1–24.

Jung, C. G. (1923). On the Relation of Analytical Psychology to Poetry. In *Psychology and Psychotherapy*. Vol. 3. No. 3, pp. 213–231.

Jung, C. G. (2011). Über das Phänomen des Geistes in Kunst und Wissenschaft. In *Gesammelte Werke 1–20*. Band 15.

Knapp, P. (1994). *One World – Many Worlds: Contemporary Sociological Theory*. 2nd edition. Harpercollins College Div, pp. 228–246.

Knox, R. (1929). Ten Commandments for Detective Stories. In Harrington, H. and Knox, R. (Eds.). *Best Detective Stories of the Year 1928*. London, Faber and Faber.

Kolbergs, A. (1986). *Automobilī rīta pusē*. Rīga, Liesma.

Kolbergs, A. (1994-1995). *Kopotie raksti sešos sējumos*. Rīga, Aka.

Millers, R. (2011). *Artura Konana Doila piedzīvojumi*. Rīga, Dienas grāmata.

Mills, C. W. (1959). *The Sociological Imagination*. New York, Oxford University Press.

Mills, C. W. (1963). *Power, Politics and People. The collective essays of C. Wright Mills* / ed. by I. H. Horowitz. New York, Oxford University Press.

Romanovska, A. (2020). Antons Austriņš' Ouvre in Cultural Context. In *Forum for World Literature Studies*. Vol. 12. No. 3, pp. 357–370.

Skurbe, A. (2006). *Andris Kolbergs*. Rīga, Zinātne.

Todorov, T. (1977). The Typology of Detective Fiction. In *The Poetics of Prose* / transl. by R. Howard. Oxford, Basil Blackwell, pp. 42–52.

Vail, P. and Genis, A. (2013). *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60-e. World of the Soviet man]. Moscow, AST, CORPUS.

Van Dine, S. S. (1947). Twenty Rules for Writing Detective Stories. In H. Haycraft (Ed.). *The Art of the Mystery Story*. New York, The Universal Library, pp. 189–93.

Данные об авторе

Романовска Алина – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных и социальных наук, Даугавпилсский университет (Даугавпилс, Латвия).

Адрес: LV5400, Латвия, Даугавпилс, ул. Виенибас, 13, каб. 323.

E-mail: alina.romanovska@du.lv.

Authors' information

Romanovska Alina – Doctor of Philology, Lead Researcher of the Institute of Humanities and Social Sciences, Daugavpils University (Daugavpils, Latvia).

УДК 821.161.1-32(Грачев Р.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-18. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

ЛЕНИНГРАДСКИЙ СИЗИФ: ТВОРЧЕСКАЯ СУДЬБА РИДА ГРАЧЕВА

Колесникова Е. И.
ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4441-565X

Аннотация. Впервые публикуются историко-литературные материалы, относящиеся к творческой биографии Рида Грачева (Р. И. Вите, 1935-2004), известного в 1960-е годы ленинградского писателя и ныне почти забытого. Предлагается научная гипотеза об особом типе автобиографизма писателя, основанном не на описании фактических событий, а на отражении тех душевных состояний, которые им сопутствовали. Среди художественных открытий Грачева приводятся новые типажи героев – «никакой человек», «посторонний», «ничей брат». Обращается внимание на необычную поэтику «нулевого письма», производящего экспрессионистский взрыв за счет сюжетов, несущих в подтексте глубокий конфликт героя и окружающей действительности. Предлагается структурно-семиотический анализ рассказов «Дом стоял на окраине», «Снабсбыт», «Подозрение». Исследуются подтекстные элементы, восходящие к общей картине мира писателя. Дается характеристика его публицистического наследия – статей «Значащее отсутствие», «Почему искусство не спасает мир», «Интеллигенции больше нет», которые рационализировали этические и эстетические взгляды писателя, выраженные в художественных произведениях, и более последовательно описывали его творческое кредо. Грачев писал также стихи, три из которых – «Как все прекрасно у людей», «Среди растений, стриженых в кружок», «Моцарт и Сальери» – приводятся в статье. Как факт биографии, сыгравший трагическую роль в судьбе Грачева, описывается его психическое заболевание, во многом спровоцированное невозможностью творческой реализации, связанной с отказом публикации его произведений по цензурным соображениям. При жизни писателя вышла в свет только одна книга «Где твой дом» (1967), сильно сокращенная, что не соответствовало сложившейся репутации писателя. Цензоры считали героев Грачева излишне ранимыми, лишенными оптимистического духа. Делается вывод о следовании Грачева гуманистическим традициям классической русской литературы, прежде всего Ф. М. Достоевского; а также о необходимости популяризации и научного освоения наследия Грачева как незаслуженно забытого самобытного русского писателя.

Ключевые слова: творческий портрет; ленинградские писатели; литературное творчество; литературные жанры; рассказы; поэтика; литературные герои; литературные персонажи; типология персонажей

SISYPHUS FROM LENINGRAD: THE CREATIVE LIFE OF REED GRACHEV

Elena I. Kolesnikova
Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Science (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4441-565X

Abstract. This is the first time the historico-literary materials related to the creative biography of Reed Grachev (R. I. Vita, 1935-2004), a Leningrad writer well-known in the 1960s and almost forgotten at the present time, are published in a scholarly journal. It poses a research hypothesis concerning a special type of the writer's autobiographism based not on the description of real events but on the reflection of the mental states that accompanied them. Among Grachev's literary discoveries, new types of characters are identified – "faceless man", "stranger", "nobody's brother". Attention is drawn to the unusual poetics of "zero writing" producing an expressionistic explosion at the expense of the plots that contain in the deep subtextual conflict between the character and reality. The article suggests a structural-semiotic analysis of the stories "The House Stood on the Outskirts", "Snabsbyt", "Suspicion" and explores the subtext elements originating from the writer's general worldview. The study characterizes the publicistic heritage including the articles "The Meaningful Absence", "Why Art Does Not Save the World", "There is no More Intelligentsia" that rationalized the ethical and aesthetic views of the writer, expressed in his literary works and described more consistently his creative credo. Grachev also wrote poems, three of which – "How everything is fine with people", "Among the plants cut into a circle" and "Mozart and Salieri" – are included in the article. Grachev's mental disease is described as a fact of his biography that played a tragic role in his fate. It was provoked by the impossibility of creative realization caused by the refusal to publish his works

© Е. И. Колесникова, 2021

for censorship reasons. During the writer's life, only one book "Where is Your House" (1967) was published, greatly abbreviated; it did not match the then reputation of the writer. Censors considered Grachev's characters to be too much vulnerable, deprived of an optimistic spirit. It is concluded that Grachev followed the humanistic traditions of classical Russian literature, primarily of F. M. Dostoevsky, and that Grachev's literary heritage – the heritage of an undeservedly forgotten original Russian writer – is worth popularizing and studying by specialists.

Keywords: creative portrait; Leningrad writers; literary creative activity; literary genres; short stories; poetics; characters; literary personages; typology of characters

Для цитирования: Колесникова, Е. И. Ленинградский Сизиф: творческая судьба Рида Грачева / Е. И. Колесникова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 206–218. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-18.

For citation: Kolesnikova, E. I. (2021). Sisyphus from the Leningrad: The Creative Life of Reed Grachev. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 206–218. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-18.

Введение. Феномен Рида Грачева

Рид Иосифович Грачев (настоящая фамилия Вите, 1935–2004) был камертоном литературы «оттепельных» годов. Современники называли его «этическим эталоном» за его чувство внутренней свободы, «абсолютное неприятие пошлости, банальности, …безупречный вкус» [Голубовская 2013: 140]. Его произведения – короткие, бесхитростные по форме, но удивительно глубокие, – обещали громкую славу и блистательную писательскую карьеру. «Одним из самых одаренных представителей творческой молодежи Ленинграда» считал его Ф. А. Абрамов[1], «лучшим литератором российским нашего времени» – И. А. Бродский [Грачев 1994: 1]. По прошествии десятилетий творчество писателя не утратило актуальности и художественной убедительности. Его оценки из сегодняшнего дня еще более весомы: «В фигуре Рида Грачева сошлись важнейшие силовые линии отечественной культуры – тревога о нравственном состоянии общества, сочувствие наивно бунтующему «маленькому человеку», внимание к независимой, обреченной на пребывание в «пограничной ситуации» личности… Не обойдем стороной и «всемирную отзывчивость» [Арьев 2020: 205].

Писатель Б. И. Иванов роль Грачева «в независимом культурном движении 1960-х гг. и в своем собственном творческом становлении считал исключительной» [Цит. по: Валиева 2018: 629], полагая, что он «совершил переворот – показал жизнь, пренебрегая идеологическими клише; вывел в стране Советов на белый свет *проблему человека*» [Иванов 2013: 16]. При этом главными героями становились не сами персонажи, а их «*боль* от столкновения человека с бездушным порядком, боль как экзистенциальная доминанта существования…» [Иванов 2013: 16]. Погруженный в осмысление места личности в обществе Грачев вывел категории «мертвый» и «живой человек». «Мертвый» – это живущий вне органической связи с миром, принимающий на себя личины государственных функций и теряющий связь с жизнью. «Живой» – значит чувствующий чужую боль.

Художественным открытием стали также новые для русской литературы образные типажи: «никакой человек», «ничей брат», «посторонний», «ничего не понимающий», – заместившие прежних «маленьких», «лишних», людей. Пожалуй, ближе всего грачевские герои оказались к «усомнившимся», «сокровенным», «прочим людям» А. Платонова. Впитавшие воздух свободы, победы и надежды, но не вырвавшиеся из жестких рамок тоталитарного уклада, эти герои оказались ненужными своей стране, а оттого не способными раскрыться как полноценные личности. Это генерация мыслящих органических (?) людей, не принимающих на веру происходящее, пытающихся понять и не понимающих случившегося.

Даже из нынешнего времени, когда налицо воспоминания современников, черновики и другие архивные материалы, художественный мир Рида Грачева трудно охарактеризовать однозначно. Писатель сочетал почти несовместимые черты: страстно отстаивал реализм и в то же время являл новаторский экспрессионистский стиль. При нулевом градусе письма

[1] ЦГАЛИ Ф. 683. Оп. 1. Д. 150. Л. 6.

его произведения оказывают оглушительное эмоциональное воздействие. Постоянно находясь в поисках нравственной и эстетической гармонии, он в то же время опасался оказаться в общем безликом строю «стриженных в кружок»; демонстрирующий строгий рационализм в своих философских эссе, он погружал читателя в экзистенциальные бездны своих противоречивых героев.

Отстаивавший в своей публицистике приоритет русской культуры в мировом контексте, он воссоздавал яркую интернациональную палитру, восходящую к основам мироустройства:

Как все прекрасно
у людей
от пальцев ног
до озарений узких.
...Неизлечимостью прекрасен
иудей,
неутолимостью прекрасен
русский.
Неутомимостью
китаец озарен,
индус
прекрасно неподвижен,
неумолимостью
германец одарен,
француз
небрежностью возвышен.
В невероятности
английский дух,
не объясним ничем американец,
неведеньем
прекрасен африканец,
не выбирает грек
одно из двух.
Непогрешимостью
прекрасен финн,
испанца украшает
неспокойность,
не утешает
итальянский фильм,
не помогает сам себе японец.
Как все прекрасно у людей
от пальцев ног
до узких озарений,
от вечных льдов
до вечных испарений,
от осужденных до судей.
В несходстве лиц
неуловим их общий лик,
необходимо ясен:
он ненавистью
к себе опасен,
прекрасен тем,
что неосуществим (1962)

[Грачев 2013 (Письмо заложнику)[1]: 407–408].

Метеор, осветивший литературный небосклон, Рид Грачев «так и остался в 1960-х, творчески не пережив их... судьба отвела ему на творчество десять-двенадцать лет...» [Иванов 2013: 5]. Но культурная утрата состоит еще и в том, что, не перешагнув эпоху «оттепели», Грачев так и не пришел к широкому читателю.

Сложилась парадоксальная ситуация: издатели из коммерческих соображений неохотно идут на публикацию произведений незнакомого писателя. Но именно из-за этого он так и остается неизвестным. Та же ситуация – с переводами на другие языки. Например, американская переводчица Сабрина Джоли сетует на то, что ей трудно издавать переведенные ею рассказы Грачева именно из-за неизвестности его имени в США. Соредакторы журнала «Звезда» А. Ю. Арьев и Я. А. Гордин, знавшие Рида Иосифовича лично, в меру сил пытаются это исправить. В своем журнальном издательстве они небольшими тиражами напечатали две книги Грачева – «Письмо заложнику (2013) [Грачев 2013] и «Сочинения» (2013) [Грачев 2013], основанные на архиве, который сохранила его наследница В. Н. Кузьмина.

Широкому читателю произведения Грачева до сих пор неизвестны, этот талант научно не осмыслен. Исходя из сложившейся ситуации, настоящая статья ставит своей целью дать научный портрет писателя, кратко представив значимые для его творческого становления этапы биографии.

***

«Ничей брат». Детство и юность

Писатель запомнился современникам таким же неординарным, как и его произведения, с «непричесанной» внешностью, ускользающей от описания. Но всегда за ее очертаниями они видели гораздо больше. А. Г. Битов

[1] Далее в квадратных скобках ссылки на произведения Р. Грачева будут даваться на это издание.

вспоминал: «Во внешнем его облике странно сочетались ребячливость и значительность. Посмотришь – подросток, не ходит, а прыгает, как воробей, однако с чувством собственного достоинства. На фотографиях, однако, выходил то похожим на молодого Горького, то на зрелого Достоевского. Воспитанник детдома для одаренных, он перегнал нас, несирот, в образовании: рисовал, музицировал, переводил с французского. И мыслил безостановочно. Он мыслил раньше, чем мы задумались» [Битов 2007: 436] Здесь Андрей Георгиевич допустил одну фактическую ошибку. Рид воспитывался в детдоме не для одаренных детей, а для детей с психическими отклонениями. Нестабильность характера, заметная с детства, была обусловлена как наследственностью (дед Арсений Петрович Грачев болел шизофренией), так и выпавшими на его долю испытаниями. Страстно нуждавшийся в любви и заботе, он был лишен их. Отца Рид не знал. Мать-журналист, Маули Арсеньевна Вите, и бабушка-врач, Лидия Николаевна Вите, с которыми он жил до шести лет, из-за занятости на работе не могли уделять ребенку должного внимания. Хотя именно это недолгое время сформировало у него представление о Доме и семье, которое навсегда останется для него желанным, но неосуществленным. Тогда же проявилось стремление к самовыражению в слове. Рид рано начал писать. Окружение этому способствовало: мать была коллегой и близкой подругой О. Ф. Берггольц, которая впоследствии поддержала и высоко отозвалась о первых рассказах Рида.

В 1941 году мальчик был эвакуирован с детским садом в тыл. Началась жизнь ранимого ребенка в казенном учреждении. Эпизоды жестокости в детских коллективах впоследствии встретятся во многих его рассказах («Натка», «Ничей брат» и др.). Все произведения о детстве будут наполнены жаждой любви, тепла, желанием обрести семью. В рассказе «Посторонний» (1958) щемящей нотой прозвучит горькая обида ребенка-детдомовца, которого так и не решился усыновить человек, показавшийся ему почти родным. Отсюда устойчивый мотив «ничейности» (стихотворение «Собака я, собака», рассказы «Ничей брат», «Зуб болит» и др.).

Столь же травматический опыт столкновения беззащитного ребенка с миром взрослой подлости в атмосфере административного авторитаризма описывается в рассказе «Подозрение» (1959). Некто Анна Семеновна, вероятно заведующая детским домом (ее должность не названа), вызывает по очереди воспитанников и учиняет им изуверский допрос о пропавших (или ею же украденных) канцелярских предметах. Описание того, как она разговаривает с детьми, какие манипулятивные приемы при этом использует, создает эффект психологического триллера. Главный герой Валька, от лица которого ведется повествование, испытывает неловкость и за свои ответы невпопад, и за саму Анну Семеновну. «Я вышел из кабинета злой. Ведь было же совершенно ясно, что это не я. Я походил по коридору и придумал, что делать. Меня мучило что-то. Не совесть, а что-то другое. Я подумал, что если сделаю то, что решил, это не будет меня мучить» [Грачев 2013: 201]. Чтобы избавиться от внутреннего дискомфорта, мальчик на заработанные за многие месяцы деньги покупает тетради, карандаши, резинку и отдает Анне Семеновне. Та же в ответ его поцеловала, заговорщицки пообещав, что все останется между ними. А другие дети вынесли вердикт: «Ну и дурак, что признался, …Мы с Толькой не признались» [Грачев 2013: 201]. Ведь Анна Семеновна учиняла один и тот же допрос всем воспитанникам.

Рассказы Грачева демонстрируют особый способ отражения автобиографии. Повествовательная структура его произведений исключительно художественная: автор, повествователь и персонажи в них не совпадают, хотя и близки. Но камертоном его творчества, нервом каждого рассказа всегда являются подлинные впечатления от пережитого, составленные из впечатлений-биографем: «в его рассказах нет *осознанного приема*, одна лишь остро переживаемая жизнь, которую не присвоишь» [Юрьев]. Этот феномен автобиографизма проявляется не в фактуальности, не в передаче внешних событий биографии, а в обрисовке душевных состояний, их сопровождавших. Из всего многообразия исследовательских подходов к автобиографизму подобный способ подачи материала ближе всего к явлению autofiction, впервые обозначенному С. Дубровски [Doubrovsky 1977]. Несмотря на то, что, по словам Грачева (из его автобиографии), он старался «лучше познакомиться с современной…

жизнью»[1], внетекстовая реальность имела для него значение лишь тогда, когда соотносилась с его личным опытом.

После войны Рид не смог вернуться в Ленинград, где у него никого не осталось. В 1949 г. из детдома его забрал дядя, младший брат матери, живший в Риге. Отношения неуравновешенного и своенравного Рида с родственником-военным были сложные. Тем не менее юноша успешно окончил среднюю школу. Начал писать стихи. Самостоятельно выучил французский язык, научился играть на фортепиано. Получив аттестат, Рид приехал в Ленинград и поступил на журналистское отделение филологического факультета Ленинградского университета.

«Не доверяя общей мере». Творческая зрелость

Годы учебы в университете (1953–1959), подарившие богатую возможность общения с литераторами и учеными, стали этапом интенсивного интеллектуального роста Р. Грачева. Здесь будущий писатель общался с близкими по духу людьми. Это были и старшие товарищи: Б. Ф. Егоров (1926–1920), Е. Г. Эткинд (1918–1999), и друзья-ровесники: И. Ю. Улановская (1943–2005), Б. И. Иванов (1928–2015), В. П. Крейденков (р. 1936), и соратники по перу: С. Д. Довлатов (1941–1990), И. А. Бродский (1940–1996). Погружение в историю литературы, современную философию сопровождалось бурными обсуждениями, дискуссиями, ничто не принималось на веру. Под стать оттепельным молодежным лозунгам («Вся власть воображению!» «Социализм без свободы – это барак!») Грачев стремился выразить индивидуальность и приветствовал «непохожесть» у других. Его голос звучал страстно, но беззащитно. Для самовыражения в его поэтологическую систему навсегда войдет прием природного параллелизма:

Среди растений,
стриженных в кружок,
среди прямых
и на ногах стоящих –
наклонное,
прозрачное,
дружок,
лишь ты еще
подобна настоящим.
Растения
предохраняют тут
от бесконечных повторений,
от преждевременных потуг,
от преждевременных рождений.
Я слышу крик
твоих наклонных рук,
я жду твоих
волшебных превращений…
Я падаю.
Я твой
наклонный друг.
Наклонный друг
наклонных ощущений (1962) [Грачев 2013: 406].

Уже в университетские годы Грачева воспринимают как состоявшегося писателя. С самого начала он демонстрирует сложившийся стиль, определенные типажи персонажей и проблематику, опирающуюся на устойчивую, неизменную картину мира, в основе которой – отчужденность людей, обусловленная как современным ему историческим этапом, так и глубинной онтологической невозможностью истинной любви. После окончания университета, чтобы как-то выживать, Грачев работает в газетах, на матрасной фабрике, сельским учителем. И все время пишет.

Одним из первых произведений Рида Грачева стал рассказ «Дом увечных воинов» (1956–1957), впоследствии подвергшийся авторской правке и опубликованный под нейтральным заглавием «Дом стоял на окраине» (1959). Здесь были затронуты новые для советской литературы темы и представлен особый тип поэтики. Перед глазами авторского протагониста Филимонова протекает жизнь обитателей дома, когда-то предназначенного для тяжело раненых в Первую мировую войну. Само описание архитектуры удобного, привлекательного помещения подспудно напомнит о милосердном отношении общества к инвалидам в прошлом как высшей степени благодарности и благородства по отношению к своим защитникам. Хорошо знакомый с культурой Франции Грачев, естественно, знал, что инвалидам всех французских войн отведен самый красивый

[1] ЦГАЛИ Ф. 683. Оп. 1. Д. 150. Л. 13

дворец в центре Парижа. Современникам-ленинградцам было очевидно скрытое сравнение с жизнью инвалидов Великой Отечественной войны, по решению руководства города сосланных на остров Валаам в Карелии, дабы они своим увечным видом не снижали оптимизм строителей коммунизма. Сквозь полустертость надписи на фронтоне «Дом увечных воинов» проступает отсвет утраченной полноты жизни и заставляет жильцов вести ее поиски.

На несколько лет раньше Ю. В. Трифонова (повесть «Обмен» увидит свет десятилетие спустя, в 1969 г.) в этом рассказе возникнет философия быта и бытия. «Шумно, торопливо, жадно» жил пожилой художник-оформитель, получая гонорары за уродливые рисунки; соседи-молодожены, поначалу не находящие смысла существования и ссорившиеся, обретут его в приобретении вещей, которые зададут им «формулу, …рисунок жизни» [Грачев 2013: 89]. В контексте романтики безбытности 1960-х гг. и полного отсутствия налаженной жизни у самого Грачева эта тема была неожиданной, но ярко и психологически точно поданной. Образ несчастной и злой завистницы-дворничихи оттенял эту линию, усложняя систему персонажей: «Снаружи на вещи сумрачно вглядывалась дворничиха, завидуя, оценивая и восхищаясь» [Грачев 2013: 87–89]. В параллельном измерении живет другой сосед Филимонова, старик, «когда-то безвинно пострадавший», а теперь «спокойно несущий красоту и достоинство старости» [Грачев 2013: 92]. Можно предположить, что речь идет о пережитых героем репрессиях, но даже для второго варианта, написанного в 1959 году, эта тема была закрытой: до публикации «Одного Дня Ивана Денисовича» А. И. Солженицына, открывшего «лагерную» тему, оставалось еще три года. Старик без просьб, по собственной инициативе уступил Филимонову комнату, а сам съехал в полуподвал. Поступок, продиктованный совестью, он застенчиво объяснил целесообразностью: «комнату затеняли ветви тополя, а окна в полуподвале выходили на юг…» [Грачев 2013: 92]. Именно это качество раздражает окружающих. Жившая «неутомимой обидой» дворничиха почему-то более всего ненавидела этого старика. Главным пафосом рассказа становится «высокая тревога», подтекстный призыв к милосердию. За спокойствием старика Филимонов угадывает «думающую память, зрячую душу». И провидчески предсказывается его собственная судьба: «Филимонов тогда был молод, и взгляд его не был стеснен ни предубеждением, ни заботами сердца. Он смотрел, как люди справляются с бедой, не зная еще, не чувствуя предназначенного ему места» [Грачев 2013: 86].

В сюжете много фигур умолчания. Работа по их восстановлению оставляется читателю: в амбивалентности смыслов скрывается сложность самой жизни. Особую роль играет в рассказе кольцевая композиция, как проявляя авторскую позицию, так и предлагая ключ для интерпретации. Перед основным повествованием говорится, что дом этот остался самым главным в жизни Филимонова, «запомнился ему как единственный родной» [Грачев 2013: 85], но центральная часть рассказа подводит к пониманию, что дом был обречен. И в заключение делается вывод: «Конечно, дом не мог уцелеть. Для этого нужно было, чтобы он сам жил. А он погибал – и одна его часть отваливалась, другая замерла, третья негодовала, еще одна как бы не существовала вообще. <…> …этому дому уже ничто не может помочь. Нужно было совсем другое устройство глаза, другое зрение, чтобы его спасти. Нужно было снова учится смотреть друг на друга, узнавая в каждом его лучшее лицо, но это забыто, запугано, затоптано» [Грачев 2013: 95]. Сюжетная недоговоренность, отсутствие прямой оценки персонажей задают объем целостной картине «оттепельных» лет, когда, казалось бы, самое страшное осталось позади, но след от невосполнимых потерь и неясные перспективы не давали покоя. В публицистических статьях писатель назовет этот след «значащим отсутствием», сформулирует названный принцип как универсальный, касающийся как невосполнимых материальных утрат (русло высохшей реки, место от вырванного зуба), так и духовных.

В статье «Значащее отсутствие» (датируется приблизительно второй половиной 1960-х гг.) Грачев впоследствии скажет о том, что общество перестало руководствоваться внутренним ориентиром, которым была совесть. Носителями совести для Грачева были интеллигенты. «Значение интеллигенции в жизни нового государства было не в том, что она могла пере-

дать свои знания. Ее значение было жизненным витальным. Культура русской интеллигенции исторически сложилась как культура совести…» [Грачев 2013: 486]. В статье «Интеллигенции больше нет» говорится, что совесть как внутренняя органическая способность позволяла ощущать реальность, позволяла «верно реагировать на всякую новую информацию и таким образом создавать атмосферу, благоприятную для творческой деятельности…» [Грачев 2013: 497]. Грачев отмечал, что Советская конституция содержит статью о свободе совести. Но «в действительности на протяжении 50-ти лет интеллигенция была уничтожена – отчасти физически, отчасти морально, и, таким образом, мы можем сказать, что „значащее отсутствие" есть не только отсутствие совести, но и отсутствие интеллигенции» [Грачев 2013: 486]. В результате расправы над интеллигенцией страна «получила репрессии 1930-х годов и Вторую мировую войну. Эти события слишком убедительно показывают, как выглядел мир, забывший, что именно он утратил» [Грачев 2013: 486]. То есть, теперь важно дорожить самим следом, «…современный мир живет благодаря тому, что сохраняет следы утраченной совести, „пустое место" от нее. Достаточно всем забыть, что именно отсутствует, как произойдет катастрофа, распад структуры мира» [Грачев 2013: 485]. В рассказе «Дом стоял на окраине» пожилой художник бездарно оформляет конверты для пластинок. А молодожены покупают эти пластинки, не зная, что в их создании участвует сосед, живущий напротив. Люди разобщены, между ними нет эмпатии, нет органических связей, каждый погряз в своих заботах или обидах. «Вместо интеллигенции существует общество „цивилизованных людей", интересующихся дельфинами, автомобилями, погодой и отсталыми народами» [Грачев 2013: 497]. Грачев новаторски, параллельно с западными учеными-социологами (например, Ж. Бодрийяром, М. Маклюэном и пр.) подошел к развернутой характеристике общества потребления, в художественной литературе это было сделано впервые. И в то же время для Грачева было важно зафиксировать сложившуюся ситуацию как память об утраченном, запечатлеть этот исчезающий след. «Значащее отсутствие – последняя соломинка, связывающая современный мир с великим миром человеческой жизни и истории. Значит, первое, что необходимо сделать, – утвердить реальность значащего отсутствия, сделать ее всеобщим достоянием, отдать себе отчет в том, что мы врем в каждый миг нашей жизни, когда заменяем своими псевдоинтеллигентными действиями настоящую интеллигентность» [Грачев 2013: 495].

Образ старика-интеллигента, полустертого жизнью «увечного воина», которого ненавидит дворничиха, не замечают семьи молодоженов и преуспевающего художника-оформителя, обозначен штрихами, как «значащее отсутствие» целого класса. Он уже стар, его голос не слышен, а потому дом обречен как символ современного писателю общества.

Этот рассказ, как и прежние произведения, был художественным самовыражением, отвечающим собственному душевному состоянию Рида Грачева, был его остро переживаемой болью. В одном из недатированных рукописных отрывков зафиксировано это непреходящее ощущение писателя: «Доверяй только твоей тревоге. Это последний сигнал, получаемый тобой живым. Не заглушай ее, но и не усиливай. Иначе она станет самостоятельной…» [Арьев 2020: 207].

Жизненное кредо оставаться «живым» в любой ситуации, не поддаваться как рутине повседневности, так и ударам судьбы Грачев выразил в статье «Недобрая воля», опубликованной в февральском номере «Литературной газеты» за 1962 г.: «Поднимите тяжелый камень, лежащий на траве где-нибудь у ограды. Вы увидите обидное для травы зрелище: желтые стебельки распластались на земле. Эта трава будто забыла свой первоначальный смысл – быть тугой и зеленой, расти в небо. Но не вините траву, <…> нужно убрать камень. Пусть согнута трава, пусть она пожухла. Она имеет перед камнем огромное преимущество: она живая. Она поднимется и зазеленеет» [Цит. по: Арьев 2020: 208–209].

В рассказе «Снаббыт» (1961) такими «неживыми камнями» персонифицированно выступят советские учреждения, их руководители и функционеры. Страх перед ними главного героя Мухина, отца семейства, мужчины в расцвете сил, превращал его просто в «Снабсбыт», как принято было называть в советских учреждениях снабженцев. Это превращение живого

человека в функцию происходило всякий раз, как он оказывался рядом с начальством, даже если это была просто директорская дверь. Страх, испытываемый Мухиным, был необъясним и непреодолим. В тексте звучит почти дословная салтыковская цитата про Премудрого Пескаря: «Жить боитесь и умереть боитесь» [Грачев 2013: 329]. Выходом из этой ситуации, говорит Грачев в статье «Почему искусство не спасает мир» (1960-е гг., точная дата неизвестна), может быть «обратный ход»: «Страдаешь от потребностей, от учреждений, от машин – страдай от собственной бесчеловечности и никому не жалуйся на несчастье, выбирайся из ямы, в которую залез» [Грачев 2013: 480]. В борьбе с этим страхом герою рассказа помогает слияние с культурой и природой. Пушкинская строка, повторяемая одной из девушек в общежитии: «Румяной зарею покрылся восток» – создает эффект остранения – Мухин вдруг видит все по-другому, что заставляет его вдруг запеть и слиться со свежим ветром, снегом, запахом березового дыма из труб. В этот момент он почувствовал себя частью чего-то большего, чем заводское штатное расписание, и увидел сквозь производственные функции живых людей. Вот водитель и кондуктор, строго принимавшие его накануне в рейс, когда он уезжал в командировку. Но потом Мухин узнает, что они – муж и жена, что им негде жить, и они ночуют в автобусе. Образ кондуктора, вероятно, пришел в произведение из раннего стихотворения «Контролеру», где поэт увидел за функцией живого человека:

…И если бы не эти галуны,
не этих светлых пуговок охрана,
ты сам бы вспомнил,
как мы все родны,
родством вины,
родством
открытой раны [Грачев 2013: 410].

В столовой Мухина обслуживает неулыбчивая официантка, не берущая чаевых. Ее коллега-кассир поведала Мухину, что эта девушка – детдомовка, что ей не в чем сходить на танцы. Мухин оставляет для официантки деньги, чтобы она смогла повеселиться и, может быть, найти жениха…

Необходимо отметить типологическое сходство сюжетной ситуации рассказа «Снаббыт» с описанием состояния героев, их видения производства и иррационального страха перед ним в рассказе А. Платонова «Серега и я» (1920 г.): «Мастерская давила и ела наши души» [Платонов 2004: 161]. Описан похожий необъяснимый страх перед производственными функционерами: «Во всех людях он <Серега> видел мастеров и десятников, а я – не знаю кого, только боялся их» [Платонов 2004: 162]. Чтобы расстаться с прежними страхами и образом жизни, друзья решают бросить угнетающее производство и отправиться на Дон, т. е. к природе, но, проделав мысленный побег, остаются дома, рядом с книгами: «Пойдем к нам домой. Я тебе книжку прочту, там складные стихи» [Платонов 2004: 163]. Этими «складными стихами», формирующими душевное состояние героев и задающими идею эскапизма, является рефрен: «В селе за рекою потух огонек…»[1] из того же стихотворения, что и в рассказе «Снабсбыт». В работах Грачева не найдено упоминаний А. Платонова. Но неподдельность чувств героев при сходных внешних обстоятельствах и манера письма «сухой струей» (А. Платонов) рождает типологически сходные художественные решения. Хотя необходимо отметить, что наследование классической традиции шло разными путями: если «живое» Платонов видел непосредственно через А. С. Пушкина [см.: Спиридонова 1994: 348–360], то Грачев – преломленным через идейную призму «живой жизни» Ф. М. Достоевского, что имело биографическую основу. Именно с начала 1960-х гг. молодой писатель находится в дружеских отношениях с Г. М. Фридлендером[2], сотрудником ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), где он возглавлял группу по изданию собрания сочинений Ф. М. Достоевского. «Вечные вопросы» великого классика русской литературы станут главным объектом их обсуждений, источником споров, творческих поворотов и находок. Несмотря на многие

[1] Стихотворение «Вишня», приписываемое А. С. Пушкину, обозначается в его изданиях как dubia. Характерно, что ни А. Платонов, ни Р. Грачев в своих рассказах авторство цитируемых строк не указывают.

[2] Фридлендер Григорий Михайлович (1915–1995) – литературовед, примыкал к марксистскому течению Мих. Лифшица и Г. Лукача, доктор филологических наук, академик РАН. Руководитель академического издания ПСС Ф. М. Достоевского в 30 т., а также других академических изданий русских классиков.

разногласия как с Фридлендером, так и самим Достоевским, Грачев будет считать Достоевского опередившим свое время и задавшим нравственный эталон последующим поколениям: «Достоевский не равен Шекспиру – он неизмеримо выше его: Шекспир исправляет нравы царя, а Достоевский защищает Человека от царскости» [Грачев 2013: 478]. «Царскость», мертвенность, безнравственность – для Грачева были синонимами.

Мухин из рассказа «Снабсбыт» выполняет роль того самого героя, который «убирает камни» с живой, пусть и поникшей травы. Мысль Ф. М. Достоевского о «живой жизни» разворачивается Грачевым лицом к советской реальности. Заявления писателя против «нравственного одичания русских людей», замены «живого нравственного мертвым социальным», особенно, если это касается литературы, в разных формулировках громко звучат в его публицистике 1960-х годов. «Я обращаюсь к человеческой совести каждого причастного к литературному делу человека: речь идет не о пустяках. На нашем духовном поле сохнут бесплодные семена. Рядом, страдая от самих себя, произрастают плевелы. Никто из ныне пишущих не заслуживает эпитафии на могиле Достоевского[1]. Смысл титанической защиты и утверждения Человека в русской литературе перестал быть общественным фактом» [Грачев 2013: 481–482].

Первая половина 1960-х гг. была плодотворной, писатель интенсивно работал, но печатали его редко, издание сборника рассказов, стоявшего в плане издания 1963-го года издательства «Советский писатель», не состоялось из-за несогласия Грачева с замечаниями рецензента. Чтобы поддержать Грачева материально, переводчик Е. Г. Эткинд пригласил его к сотрудничеству в работе над книгой «Писатели Франции», где Грачеву принадлежит статья об А. де Сент-Экзюпери [Грачев 1964]. Здесь в полной мере проявился как переводческий, так и научный дар Грачева. «Кроме таланта доброты и дружбы, кроме поэзии, музыки, живописи, кроме таланта прозаика и дара влиять на людей так, что люди вдруг находили свой собственный дар, было у него дарование блестящего критика. Те два эссе на тему французской литературы, которые я читал позднее, когда пути наши увели нас друг от друга, являются одними из лучших, какие я знаю в русской литературе двадцатого века» [Крейденков 1986: 546]. Исследование феномена писательства продолжится Грачевым в статьях «Настоящий современный писатель», «Уроки Фолкнера», «О Мориаке-романисте». Если не принимать в расчет детали тщательного рассмотрения тонкостей мастерства каждого художника слова, то можно обобщить их его ранним стихотворением «Моцарт и Сальери», где вслед за великим предшественником он предложил версию понимания сути творчества:

Мне снился
Моцарт и Сальери
в расцвете сил.
Все было, как на самом деле,
творил он и боготворил,
себя
с Юпитером равняя,
и строил музыку,
как бог,
а после,
с алгеброй сверяясь,
не мог понять себя,
не мог.
И плакал от бессильной
злобы,
от нежности к своей
судьбе,
от бога в собственной особе
и черной зависти
к себе.
Не доверяя
общей мере,
себе в бокал
насыпал яд
и выпил -
Моцарт и Сальери
бокал
и умертвил себя.
Мне снился
Моцарт и Сальери
в расцвете
всевозможных сил.
Он был один.

[1] На памятнике, установленном на могиле Ф. М. Достоевского, высечены слова из Евангелия от Иоанна XII.24: «Истинно, истинно глаголю вам: аще пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Евангелие от Иоанна XII.24. Эта же фраза служит эпиграфом к роману «Братья Карамазовы».

А кто не верит,
тот не испытывал,
не жил (1962). [Грачев 2013: 412–413]

В одном из частных архивов [См.: Арьев 2020: 204] обнаружены недостающие фрагменты авторизованного перевода Грачева с французского «Мифа о Сизифе» А. Камю, который «стал источником нескольких мировоззренческих идей» [Савицкий 2002: 104]. Можно предположить, что образ камня, который нужно постоянно поднимать, чтобы обнажить и спасти жизнь, стал для Грачева метафорой всей жизни, потому его перевод во многом отходит от Камю, продолжая и развивая собственные темы. Это мысли писателя о преодолении самого себя и предначертанного удела через творчество волевыми усилиями.

Повесть «Адамчик» (написана в 1962 г.) была принята к печати в журнале «Юность» в 1964 году, но затем отвергнута цензурой без объяснения причин, хотя получила высокую оценку внутреннего рецензента В. Аксенова: «Маленькая повесть Рида Грачева продолжает великие гуманистические традиции русской литературы. В то же время она глубоко современна. Нужно обладать немалым писательским мужеством, чтобы выбрать такого героя – подростка, рабочего с матрацной фабрики. Существуют привычные, так сказать, уже маститые герои молодой литературы, геологи, альпинисты, рыбаки, трактористы, герои уже заслуженные, овеянные книжной романтикой, а вот такого героя, как Адамчик, что-то давно уже не было. <…> Повесть написана оригинально, живым ярким слогом. Это настоящая литература. Рид Грачев – один из самых талантливых молодых ленинградских писателей» [Цит. по: Иванов 2013: 31]. Заглавный герой повести в соответствии своему имени ведет себя как первочеловек. Не умея описать, сформулировать происходящее, он честно повторяет: «Ничего не понимаю». Этот же тип «непонимающего» героя Грачев увидел у А. С.-Экзюпери в «Маленьком принце»: «Маленький принц навещает планетки, где обитают одинокие существа – король и пьяница, тщеславный и бизнесмен, книжный ученый и фонарщик. Он не понимает никого из них: между его ощущением жизни и мертвой неподвижностью „взрослых“ – пропасть. <…> Маленький принц многого не понимает в „больших людях“, но главное, чего он не может понять, – это мертвое равнодушие к жизни и другим людям» [Грачев 1964]. По словам А. Ю. Арьева, это «установка, если разобраться, генерализующая типично экзистенциальные проблемы современного человека… „Не понимаю – следовательно, существую“. Проблема экзистенциальная. Ибо „понимаю“ в современном мире звучит как „соглашаюсь“. И уж конечно, „не протестую“. В свою очередь „не понимаю“ значит как минимум „тревожусь“» [Арьев 2020: 207]. Категория «непонимания» присутствовала во многих произведениях Грачева как важная составляющая личностного роста. Например, в рассказе «Посторонний» старший наставник дает мальчику совет: «Если молодому человеку в твоем возрасте что-нибудь непонятно, он должен откровенно признаться: „Не понимаю“» [Грачев 2013: 205].

Непонимание, сомнение Адамчика в окружающей действительности были залогом «живого», непосредственного ее восприятия, без учета пропагандистски выстроенной готовой модели, которая предлагалась с детства. Но подобный герой уже пережил свое время: эпоха оттепели подходила к концу…

«Увечный воин» русской культуры. Болезнь и творчество

В 1964 году начинается процесс над И. Бродским и Грачев, как человек из его круга, попадает под наблюдение властей. В 1965 году Грачева жестоко, до сотрясения мозга, избивают дружинники. По свидетельству Б. И. Иванова, этих стражей порядка курировал тот же сотрудник, чью подпись можно было ранее видеть под статьей «Окололитературный трутень» [Ионин 1963], направленной против Бродского. Это происшествие стало причиной первой госпитализации писателя в психиатрическую клинику. Вероятно, проявилась и наследственность. С этих пор его творческая жизнь разделится на больничную, где он находился под прессингом психотропных препаратов, и те внебольничные промежутки «свободы», в которых он мог писать. Рид Грачев пытался бороться с обстоятельствами. Идею приоритета живого над мертвенным, каменным искал как в собственной судьбе, так и в современной действительности. Открытых выступлений против советской власти он не делал из страха

оказаться в тенетах карательной психиатрии. Но вспыльчивость, этический и эстетический перфекционизм осложняли его существование.

Бунтовавший по любому поводу, не идущий ни на какие творческие компромиссы, Грачев отказывался печатать правленные цензурой произведения. Это стоило ему публикаций в солидных изданиях и обрекло на постепенное забвение. При жизни был опубликован только один небольшой сборник рассказов «Где твой дом» [Грачев 1967]. То, что сборник вышел сильно урезанным, надолго травмировало писателя. «Появление брошюры, совершенно не представляющей автора, контраст между сложившейся уже литературной репутацией и тем, что получил читатель, – все это сыграло тяжкую роль в судьбе Грачева, человека чрезвычайно тонкой душевной организации, нервного, уязвимого и знающего себе цену...» [Гордин 1994: 380]. Все больше проявлялись несговорчивость характера в общении с окружающими, бескомпромиссность в творчестве, нонконформизм общественных взглядов, что не позволило Грачеву не только обрести литературную известность, но даже сносно обустроить свой быт.

Не задалась семейная жизнь с Людмилой Кузнецовой. Ощущение бытового сквозняка и распадающихся отношений переданы в рассказе «Кошка и мы» (1967). Параллельно рассказу о семейном разладе повествуется о драме кошки, у которой все котята родились мертвыми. «Жена не спит. Она сидит на диване и говорит, говорит. И все, что она говорит, правда, и она права, и ей нечего возразить. <...> она хочет жить, «как все», и родить ребенка, и переехать в новую квартиру в новом доме, и получать деньги, и каждый день обедать» [Грачев 2013: 355]. Свои же душевные состояния автор в который раз доверил выразить природе: «Еще не раз после этого заворчит гром, с ясного неба, не раз нахмурится природа, честно и высоко сожалея обо мне, но не помогая, не будучи в силах мне помочь, и какой дождь прольется... какая будет гроза! Ведь это так несправедливо!» [Грачев 2013: 355]. В 1967 г. супруга писателя Л. Кузнецова подала на развод и навсегда изолировала от него сына.

Большие надежды по улучшению быта и судьбы своих книг Рид возлагал на вступление в Союз писателей. В кулуарах Союза Грачеву уже давно негласно отдавалось первенство. Не случайно он был принят туда единогласно, что почти не случалось в столь разобщенной среде, которую исследователь М. Золотоносов нелицеприятно обозначил как «гадюшник» [Золотоносов 2013]. Пройдя сложную процедуру многоэтапного отбора, получив единодушную поддержку маститых ленинградских писателей и ученых (его рекомендовали В. Ф. Панова, Ф. А. Абрамов, Г. М. Фридлендер), в 1978 г. он вошел в это престижное сообщество. Однако новый статус не принес ему ни возможности публикаций книг, ни материального благополучия.

Ужесточение цензуры не давало возможности печатать художественные произведения. Во второй половине 1960-х гг. писатель сосредоточился на публицистической деятельности. Будучи знатоком французской культуры, Грачев в подлиннике знакомился с художественными и философскими новинками, знакомство с Фридлендером ввело его в круг марксистских ученых, прежде всего М. Лифшица, отстаивавшего реалистические принципы в искусстве. Статьи и эссе Грачева, откликаясь на современные идейные тенденции, в то же время затрагивали тот же круг проблем, что и художественные произведения, обогащая и обнажая их смысл. В совокупности художественное и публицистическое наследие Грачева представляет целостную философско-эстетическая систему, нуждающуюся в специальном исследовании.

В конце 1960-х гг. пребывания Грачева в психиатрических клиниках становились все более продолжительными. Когда встал вопрос о пожизненной госпитализации в психоневрологический интернат, над ним оформила опекунство преподаватель Института Культуры В. Н. Кузьмина. Они были знакомы с начала 1960-х гг., но близкой дружбы между ними никогда не было. Как объясняет Валерия Николаевна, именно психологическая дистанция и позволила ей сделать этот непростой шаг, поскольку с близкими людьми Рид не мог выстраивать стабильных отношений. Благодаря Кузьминой писатель остался жить в своей квартире. Будучи погруженным в тяжелое психологическое состояние, своим непростым эмоциям Грачев давал выход через музыку, сутками напролет играя на пианино. «Он необычно хо-

рошо, не по-любительски играл… <…> Шопена он исполнял, передавая чувство душевной невесомости. Не просто легкости, но левитации и света. В его игре звучал тот же импрессионизм и быстрота образов, как и в его стихах. Ни до, ни после я уже не слышал такой интерпретации Шопена. Рид вкладывал в эту музыку богатство своей природы. Оттенял свет и легкость Шопена нотой особой печали – не польской, не парижской, а петербургской. Печаль звучала как неизбежность. Артист знал о ее сизифовой нескончаемости» [Крейденков 1986: 546]. Несмотря на высокий уровень исполнительского мастерства, непрерывное звучание пианино в панельном доме вызывало недовольство соседей, жалобы в милицию и новые госпитализации.

Друзья Грачева и поклонники его творчества в 1994 г. собрали деньги на издание сборника «Ничей брат» [Грачев 1994], но это не произвело на писателя никакого впечатления. Вероятно, ценность для него имели лишь собственные достижения. Кстати, в этом же 1994 г. чуть не стал для него роковым «квартирный вопрос»: черные риелторы выкрали писателя, заточили в частной загородной тюрьме, требуя подписать бумаги на отказ от квартиры. Но он объяснил, что в связи с недееспособностью не может этого сделать. Тогда стали разыскивать Валерию Николаевну, оставляя ей записки якобы от Грачева в дверях его квартиры. Не найдя опекуна и испугавшись публичной огласки (газета «Аргументы и факты» поместила заметку с фотографией пропавшего писателя), бандиты примерно через месяц отпустили изможденного пленника, который два дня добирался пешком, потому что у него не было денег. Своровать или попросить он не мог. Ступни были сбиты в кровь. Из-за заражения одну ногу пришлось ампутировать. Оказавшийся в инвалидном кресле в замкнутом пространстве, писатель все более уходил в свой мир и совсем перестал интересоваться миром внешним. Социальные изменения в стране – перестройка, гласность, отмена цензуры – уже никак не затронули его эмоций. Материально Грачева поддерживали друзья и знакомые, собирая ежемесячно по три рубля (это подробно описано в рассказе С. Д. Довлатова «Позвольте расписаться»).

До конца жизни он работал над записками (кстати, обладающими внутренней повествовательной стройностью и железной логикой), а также постоянно меняющимся рассказом, имевшим такие заглавия, как «Следствие» и «Некоторое время». По-прежнему самозабвенно играл на пианино и рисовал. Последними словами перед смертью были: «Где моя книга?».

Как выстраданная всей жизнью истина, как завещание звучат слова из его эссе «Значит, умирать?»: «Нам необходимо отказаться от всех личин, которые мы на себя напяливаем, необходимо прислушаться к боли, которую вызывает это действие. Необходимо отказаться от всех внутренних дрязг… Нужно отказаться от всех авторитетов, кроме авторитета любви, мы узнаем ее, стоит нам только освободить души от невероятного мусора, оставшегося после всех наших потрясений» [Грачев 2013: 534].

Значение творчества Рида Грачева нуждается в дальнейшем осмыслении. Необходимо показать «значащее отсутствие» этого художника в литературном процессе, его приоритет в таких темах, как репрессии, поднятые вскоре «лагерной» прозой, «быт и бытие» формирующегося общества потребления, развиваемые некоторое время спустя «городской прозой» и параллельно осмысляемые учеными-социологами, темы утраченной интеллигенции (объект активной борьбы Н. С. Хрущева), проблемы травматического формирования детской психики в условиях казенных детских учреждений. Особое значение для литературного наследия XX века имеет его поэтика, сочетающая «сухую струю» реализма с мощным эмоционально-психологическим подтекстом.

Литература

Арьев, А. Ю. Рид Грачев и «Миф о Сизифе» / А. Ю. Арьев // Звезда. – 2020. – № 5. – С. 204–220.

Битов, А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства : сб. эссе / А. Г. Битов. – Владивосток : Рубеж, 2007. – 527 с.

Голубовская, В. С. Вверх по лестнице – к Риду Грачеву / В. С. Голубовская // Октябрь. – 2013. – № 6. – С. 136–141.

Гордин, Я. А. Долгое отсутствие: Послесловие / Я. А. Гордин // Грачев Р. И. Ничей брат: Эссе, рассказы. – М. : Слово, 1994. – С. 379–380.

Грачев, Р. И. Антуан Де Сент-Экзюпери (1900-1944) / Р. И. Грачев. – Текст : электронный // Писатели Франции / сост. [и авт. предисл.] Е. Г. Эткинд. – М. : Просвещение, 1964. – URL: http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/pisateli-francii/antuan-de-sent-ekzyuperi.htm (дата обращения: 29.10.2021).

Грачёв, Р. И. Письмо заложнику : сочинения / Р. И. Грачёв. – СПб. : Журнал «Звезда», 2013. – 651 с.

Грачёв, Р. И. Сочинения / Р. И. Грачёв ; сост. В. Н. Кузьмина, Б. А. Рогинский. – СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга ; Журнал «Звезда», 2013. – 651 с.

Золотоносов, М. Н. Гадюшник. Ленинградская писательская организация: избранные стенограммы с комментариями. (Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов) / М. Н. Золотоносов. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 878 с.

Иванов, Б. И. Легенда шестидесятых – Рид Грачев / Б. И. Иванов // Грачев Р. И. Письмо заложнику. – СПб. : Журнал «Звезда», 2013. – С. 5–82.

Ионин, А., Окололитературный трутень / А. Ионин, Я. Лернер, М. Медведев // Вечерний Ленинград. – 1963. – № 251. – 29.11.

Крейденков, В. П. Рид Грачев / В. П. Крейденков // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны : в 5 т. Т. 5 / сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. – Ньютонвилл : Ориентал Резерч Партнерз, 1980–1986. –С. 546.

Платонов, А. П. Серега и я / А. П. Платонов // Сочинения. Т. 1. 1918–1927. Кн. 1: Рассказы. Стихотворения. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – С. 161–163.

Савицкий, С. История и мифы ленинградской неофициальной литературы / С. Савицкий – М. : Кафедра славистики Университета Хельсинки ; Новое литературное обозрение, 2002. – 152 с.

Спиридонова, И. А. Пушкин в творческой эволюции А. Платонова / И. А. Спиридонова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1994. – С. 348–360.

Юрьев, О. А. Неспособность к искажению. Рид Грачев: отвернувшийся Адам / О. А. Юрьев. – Текст : электронный // Новый мир. –2014. – № 8. – С. 177–185. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/8/nesposobnost-k-iskazheniyu.html (дата обращения: 29.10.2021).

References

Ar'ev, A. Yu. (2020). Rid Grachev i «Mif o Sizife» [Rid Grachev and "The Myth of Sisyphus"]. In *Zvezda*. No. 5, pp. 204–220.

Bitov, A. G. (2007). *Pyatoe izmerenie: Na granitse vremeni i prostranstva* [The Fifth Dimension: At the Boundary of the Time and the Space]. Vladivostok, Rubezh. 527 p.

Golubovskaya, V. S. (2013). Vverh po lestnitse – k Ridu Grachevu [Up the Stairs – to Reed Grachev]. In *Oktyabr'*. No. 6, pp. 136–141.

Gordin, Ya. A. (1994). Dolgoe otsutstvie: Posleslovie [The Long Absence: The Afterword]. In Grachev, R. I. *Nichei brat: Esse, rasskazy*. Moscow, Slovo, pp. 379–380.

Grachev, R. I. (1964). Antuan De Sent-Ekzyuperi (1900-1944) [Antuan De Sent-Ekzyuperi (1900–1944)]. /In Etkind, E. G. (Ed.). *Pisateli Frantsii*. Moscow, Prosveshchenie, 1964. URL: Grachev, R. I. (2013). *Pis'mo zalozhniku: sochineniya* [The Letter to Hostage: Essays]. Saint Petersburg, Zhurnal «Zvezda. 651 p.

Grachev, R. I. (2013). *Sochineniya* [Works]. Saint Petersburg, Soyuz pisatelei Sankt-Peterburga, Zhurnal «Zvezda». 651 p.

http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/pisateli-francii/antuan-de-sent-ekzyuperi.htm (mode of access: 29.10.2021).

Ionin, A., Lerner, Ya., Medvedev, M. (1963). Okololiteraturnyi truten' [The Loafer Near Literature]. In *Vechernii Leningrad*. No. 251. 29.11.

Ivanov, B. I. (2013). Legenda shestidesyatyh – Rid Grachev [The Legend of the Sixties – Rid Grachev]. In Grachev, R. I. *Pis'mo zalozhniku*. Saint Petersburg, Zhurnal «Zvezda», pp. 5–82.

Kreidenkov, V. P. (1980–1986). Rid Grachev [Rid Grachev]. In Kuz'minsky, K., Kovalev, G. (Eds.). *Antologiya noveishei russkoi poezii u Goluboi Laguny: v 5 t. Vol. 5*. Nyutonvill, Oriental Rezerch Partnerz, p. 546.

Platonov, A. P. (2004). Serega i ya [Serega and I]. In *Sochineniya. Vol. 1. 1918-1927. Book 1: Rasskazy. Stikhotvoreniya*. Moscow, IMLI RAN, pp. 161–163.

Savitsky, S. (2002). *Istoriya i mify leningradskoi neofitsial'noi literatury* [The History and Myths of Leningrad Unofficial Literature]. Moscow, Kafedra slavistiki Universiteta Hel'sinki, Novoe literaturnoe obozrenie. 152 p.

Spiridonova, I. A. (1994). Pushkin v tvorcheskoi evolyutsii A. Platonova [Pushkin in the Creative Evolution of A. Platonov]. In *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, pp. 348–360.

Yur'ev, O. A. (2014). Nesposobnost' k iskazheniyu. Rid Grachev: otvernuvshiisya Adam [The Inability to Distort. Reed Grachev: Adam Turned Away]. In *Novyi mir*. No. 8, pp. 177–185. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/8/nesposobnost-k-iskazheniyu.html (**Mode of access:** 29.10.2021).

Zolotonosov, M. N. (2013). *Gadyushnik. Leningradskaya pisatel'skaya organizatsiya: izbrannye stenogrammy s kommentariyami. (Iz istorii sovetskogo literaturnogo byta 1940–1960-h godov)* [The Hell-Hole. The Leningrad Writing Organization: Selected Transcripts with Comments. (From the History of Soviet Literary Life of the 1940–1960s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 878 p.

Данные об авторе

Колесникова Елена Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей литературы, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

E-mail: ekolesn@mail.ru.

Authors' information

Kolesnikova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Leading Researcher of Department of Contemporary Literature, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Science (Saint Petersburg, Russia).

УДК 821.161.1-3(Решетников Ф. М.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-19. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

АКТУАЛЬНОСТЬ РЕШЕТНИКОВА: СТИЛЬ ПИСАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА

Созина Е. К.
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/000-0002-7462-4153

Аннотация. В статье обосновывается тезис об актуальности творчества Ф. М. Решетникова, уральского писателя середины XIX века, для литературы XX столетия, включая ее современный период. Произведения Решетникова вызывали ожесточенную полемику в критике его времени, его метод определяли как «народный реализм» (Н. Шелгунов) и «ультрареализм» (П. Кропоткин), но порицали за бытописательство, обращенность к нерусским слоям населения, монотонность письма и пр. Современный ученый Б. М. Гаспаров вводит Решетникова в контекст предмодернистской литературы и сопоставляет его с А. Платоновым. Мы полагаем, что Решетников предвосхитил многие тенденции современной литературы, особенно той, что создается в Урало-Сибирском регионе. В его произведениях встречаются и находят художественное единство очерковый документализм и мифопоэтика, натурализм и еще не родившийся модернизм, обнажается экзистенциальность изображенной картины мира и художественного сознания самого автора. В работе осуществляется сопоставление текстов Решетникова и романа Р. Сенчина «Елтышевы» (2008): их роднит депрессивность повествования о вымирающей деревне, их герои помещаются на грани жизни и смерти, порой за чертой выживания. Обнаруживаются общие черты в поэтике Решетникова и драматургов «школы Коляды», включая самого Н. Коляду, Я. Пулинович и др. Сопоставляются приемы композиционной (монтажной) поэтики романа Решетникова «Где лучше?» и ранней пьесы Я. Пулинович «За линией» (2008). Своеобразная преемственность по отношению к Решетникову наблюдается в творчестве А. Сальникова: прослеживается жанрово-тематическая связь романов «Свой хлеб» Решетникова и «Опосредованно» Сальникова (2018), сходство в письме и стиле этих произведений, в опоре авторов на эпическую основательность изображаемого мира, «искупающую» чрезмерность описаний быта и повседневности героев. Таким образом, реалистическое письмо Решетникова, смыкающееся с натурализмом и позволяющее обнажить абсурдность и фантасмагоричность реальности, оказывается неожиданно востребовано в современном мире.

Ключевые слова: Ф. М. Решетников; Р. Сенчин; Я. Пулинович; А. Сальников; «ультрареализм»; экзистенциальный тип сознания; документализм; стиль

THE RELEVANCE OF RESHETNIKOV'S CREATIVE ACTIVITY: THE AUTHOR'S STYLE IN MODERN URAL LITERATURE

Elena K. Sozina
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/000-0002-7462-4153

Abstract. This article substantiates the thesis about the relevance of the works of F. M. Reshetnikov, a Ural mid-19th century writer, for the 20th century literature, as well as for modern creative writing. Reshetnikov's works caused fierce polemics among the critics of his time. His method was defined as "popular realism" (by N. Shelgunov) and "ultra-realism" (by P. Kropotkin) but the writer was criticized for describing everyday life, for turning attention to non-Russian ethnic minorities, for monotonous writing, etc. The modern literary critic B. M. Gasparov brings Reshetnikov into the context of pre-modernist literature and compares him to A. Platonov. The article argues that Reshetnikov anticipated many trends in modern literature, especially those created in the Ural-Siberian region. His works contain and artistically combine examples of documentary essayism and mythopoetics, naturalism and (as-yet-to-be-created) modernism and reveal certain existentialism of the worldview, exposing artistic consciousness of the author himself. This article compares Reshetnikov's texts with R. Senchin's novel "The Eltyshevs" (2008): they are linked by depressive and apathetic narration about a decaying village; their characters are placed on the verge of life and death, sometimes beyond the edge of survival. The study reveals common features between Reshetnikov's poetics and that of playwrights from the "Kolyada school", including N. Kolyada himself,

© Е. К. Созина, 2021

Ya. Pulinovich, and others. The article also compares the methods of compositional (montage) poetics in Reshetnikov's novel "Where Is It Better?" and in an early play by Ya. Pulinovich "Behind the Line" (2008). A certain continuity with Reshetnikov can be observed in the works of A. Salnikov: there is a genre-thematic connection between Reshetnikov's novel "One's Own Bread" and Salnikov's "Indirectly" (2018), there are similarities in the writing and in the style of these works, in the author's reliance on epic solidness of the depicted world which "atones" for excessive descriptions of everyday life and characters' routine. Thus Reshetnikov's realistic writing, while being close to naturalism and exposing absurdity and phantasmagoric nature of reality, suddenly finds demand in the modern world.

Keywords: F. M. Reshetnikov, R. Senchin, Ya. Pulinovich, A. Salnikov, "ultra-realism", existential type of consciousness, documentalism, style

Для цитирования: Созина, Е. К. Актуальность Решетникова: стиль писателя в современной литературе Урала / Е. К. Созина // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 219–229. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-19.

For citation: Sozina, E. K. (2021). The Relevance of Reshetnikov's Creative Activity: the Author's Style in Modern Ural Literature. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 219–229. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-19.

Ф. М. Решетников получил известность в свое время как писатель, сказавший новое слово в литературе реализма – создатель «народного романа» [<Салтыков-Щедрин> 1869], выразивший принципы «народного реализма» [Шелгунов 1871], обозначенного уральским ученым И. А. Дергачевым как «прагматический реализм» [Дергачев 2005: 29–30]. Писал он в эпоху, когда в литературе ценилась «правда жизни», изображение тех ее слоев и участков, которые прежде игнорировались высоким искусством[1]. По крайней мере, таковы были конвенции демократической литературы, и в этой среде – Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского – воспитывался Решетников как писатель. Но даже при наличии этой мощной «группы поддержки» этнические и социальные типажи, представленные в его творчестве, вызывали у современных ему критиков массу нареканий. Приведем лишь несколько характерных высказываний того времени, возникших, главным образом, по прочтении повести «Подлиповцы», изображавшей выход «в люди» бедняков коми-пермяцкой деревни из-под Чердыни. В. Г. Авсеенко, критик «Русского вестника», обвинял Решетникова в том, что он совсем не знал «настоящий русский народ, народ пахарей», а «ближайшее знакомство… имел с заволжскими инородцами, с мордвой, с черемисами, зырянами, с горнозаводскими бобылями, с выброшенными из духовного звания причетниками, почтальонами, с мелким приказным чиновничеством, словом, с самыми мутными слоями русского населения» [<Авсеенко> 1875: 687]. Чуть позже и С. А. Венгеров называл успех «Подлиповцев» недоразумением, т. к. писатель изобразил в этом «этнографическом очерке» «быт дикарей не русского происхождения»: «подлиповцы… – „пермяки", т. е. язычники-инородцы монгольского племени… они молятся „своим пермякским богам"…» и «в той же степени могут пригодиться для изучения быта русского народа, сколько папуасы, с которыми они стоят на одном уровне культуры» [Венгеров 1897–1904: 184–185]. С «папуасами Миклухи-Маклая» еще раньше сравнивал подлиповцев В. В. Чуйко [Чуйко 1890]. Эти расхожие мнения критиков-недоброжелателей, несущие отчетливые колонизаторские коннотации, использовал Н. В. Шелгунов, он писал о том, что «…В Решетникове нет ничего, что бы напоминало русскую литературу предшествовавшего периода. В сочинениях Решетникова все иное… Точно путешествуешь в новой незнакомой части света, в какой-нибудь Океании» [Шелгунов 1871: 1].

П. А. Кропоткин назвал способ письма Решетникова «ультрареализмом» [Кропоткин 1907: 355], и это вполне вязалось с особым зрением писателя, особым взглядом на жизнь, позволившим ему, как уже было сказано, открыть литературе неизведанные прежде уголки России и никогда не фигурировавших в ней жителей этой страны – ее внутренних регионов, казалось бы, давно освоенных и привычно

[1] Ср. высказывание самого Решетникова: «Наша литература должна говорить правду…» [Решетников, т. 6: 350].

считавшихся частью империи. Однако в контексте художественно-философского сознания XX в. его творчество обретает новое звучание и может быть отнесено к экзистенциальному типу, охарактеризовано с позиций онтологической эстетики М. Хайдеггера (см. [Созина 2009]). Стоит сказать о том, что Решетников стал не только родоначальником «народного реализма» и «народного романа» в русской литературе, но и предшественником многих писателей XX в., он определил ряд магистральных маршрутов позднейшей отечественной словесности. В одной из статей Б. М. Гаспаров сравнивает Решетникова с Андреем Платоновым и рассматривает его творчество с позиций модернизма. Он сопоставляет подлиповцев Решетникова с героями «Чевенгура», «Котлована», повести «Джан»: это жизнь на границе жизни и смерти, точнее, уже за пределами жизни, в некоей сумеречной зоне, что выражается в их речи – в ее подчеркнутом аграмматизме, потере причинно-следственных связей. Чисто ассоциативно, «по степени варварского ужаса» картина «вакханалии», данная у Решетникова в дневнике, напоминает ему портреты Иеронима Босха [Гаспаров 2014: 180–184]. Пожалуй, к этому можно добавить и наше замечание о кафкианском отсвете на сюжетах Решетникова.

Кафкианский абсурд бытия проглядывает за монотонным фиксаторским письмом Решетникова о героях, вечно ищущих, «где лучше», но так никогда и не обретающих искомого. Его подлиповцы находятся под гнетом административной системы, главная, да и единственная функция которой – «надзирать и наказывать» (по выражению М. Фуко), и финал их попыток прорваться к жизни из мира смерти – умирающей деревни Подлипной – предрешен, но они все равно проходят по всем кругам ада, попадая из кабака в тиски полиции, следствия, высиживая свой срок в полицейской камере, а затем вставая на дорогу бурлаков. Пила с Сысойкой возвращаются к тому, от чего они уходили, – к смерти, и недаром их путь начинается и замыкается образом пылающей печи, куда умершая, точнее, похороненная заживо дочь Пилы Апроська зовет и в конце концов забирает отца.

В повести Решетникова встречаются и находят некое художественное единство очерковый документализм и мифопоэтика, натурализм и еще не родившийся модернизм, обнажается экзистенциальность изображенной картины мира и художественного сознания самого автора[1]. Не случайно Б. М. Гаспаров полагал его творчество выходящим в XX век, не находящим себе места в литературе его эпохи. Гротескно-натуралистический стиль письма Решетникова характерен для многих современных авторов Урало-Сибирского региона. Здесь можно вспомнить Н. В. Коляду и взращенных им драматургов его школы «новой драмы» (А. Ю. Богачева, Я. А. Пулинович, В. В. Сигарев и др.), а также сибирского по происхождению писателя Р. В. Сенчина, ныне проживающего в Екатеринбурге. Его роман «Елтышевы» (2009) своей безнадежностью, чередой смертей, зафиксированных в сюжете, наконец, установкой автора на «правду жизни» и предельную простоту исходного материала весьма напоминает Решетникова. Развернем это сопоставление чуть подробнее.

Подлиповцы уходят из деревни, где им остается только умирать, в поисках лучшей жизни – «богачества». Деревня – вымирающее место, это неоднократно подчеркивает автор-повествователь: «Деревня Подлипная очень непривлекательна на вид», «Мало в этой деревне видится жизни. <…> не слышится веселого говора, не слышится песен, у всех точно какое-то горе, какое-то болезненное состояние. <…> Зимой еще хуже. Тогда все дома точно погребены снегом, на дороге целую неделю не видать следов человеческих… Так вот и кажется, что люди вымерли, или напала на них спячка» [Решетников, т. 1: 3–4]. И деревня, и ее жители, по замечанию Б. М. Гаспарова, словно заворожены «апатией и депрессией» [Гаспаров 2014: 187]. Стоит сказать, что именно это обстоятельство не устраивало многих критиков Решетникова: ни деревня, ни поселок/слобода у Решетникова не являются хоть сколько-нибудь идеальным местом (как требовалось по канонам народнической литературы). Жизнь рабочих, изображенная в его горнозаводских романах, ничем не лучше – она поражающе груба, жестока, исполнена неуважения к личности,

[1] А. В. Кубасов говорит о протоэкзистенциальном типе художественного сознания Решетникова [Кубасов 2017].

равнодушия и зависти людей, зачастую прямой враждебности их к друг другу – всем, кто не «я» и не «моё». В целом, Решетников вписывается в общую картину провинциального топоса с его законами социальной психологии, враждебными к личности, которая раскрывается в произведениях русской литературы всего XIX, да и XX века, по степени жесткости рядом с ним можно поставить Гл. Успенского, написавшего первую биографию Решетникова [<Успенский> 1971], и М. Горького, весьма уважительно, даже восторженно воспринявшего его произведения[1].

У Сенчина деревня не просто умирает – она уже находится в состоянии «послежизни», влачит некое посмертное существование (что также является одной из постоянных тем литературы последней трети XX в.), это выражено и в ряде лейтмотивных образов, и в авторском комментарии: «Но в целом деревня все та же – сонная, бедная, словно бы готовая вот-вот превратиться в горки трухи», «...тьма сгущалась все плотнее», «Еще и галки, все лето незаметно прожившие в осиннике, стали каждый вечер кружиться над крышами, суетясь и пронзительно, до слез тоскливо крича. Люди останавливались и смотрели на них; некоторые тихо и тоже со страшной тоской матерились...» [Сенчин 2009]. Вся эта жизнь, сведенная к борьбе за существование, гнетет, портит, гнет и умерщвляет еще живых людей, – нелепо и попусту погибает последний и наиболее жизнеспособный сын Елтышевых Денис, вернувшийся из заключения полным сил и веры в будущее.

Череда смертей сопровождает мир героев произведений Решетникова – таких смертей, после которых оставшимся в живых вроде бы и жить уже нечем и незачем. Такова, например, смерть в забое рабочего Токменцова из романа «Горнорабочие»: что будет с его семьей, оставшейся без кормильца, с обесчещенной дочерью, мы не знаем, т. к. роман «Горнорабочие» остался незаконченным. Погибают Пила и Сысойка, главные «подлиповцы», выведшие свои семьи из вымирающей деревни; умирает Пелагея Прохоровна, героиня лучшего романа Решетникова «Где лучше?»; на грани жизни и смерти автор оставляет персонажей большинства своих рассказов и очерков – Максю, Яшку, кумушку Мирониху... Однако если герои Решетникова – и повести «Подлиповцы», и романов «Глумовы» и «Где лучше?» – шли *ИЗ* деревни, то Елтышевы идут *В* деревню, потому что больше им некуда податься, это их последний приют, они ищут не *где им лучше*, а – *где им выжить*. «Необходимость жить дальше и есть главная елтышевская неприятность», – заметил критик Лев Пирогов [Пирогов 2009]. Поэтому вся история Елтышевых – это история умертвий, он гибнут один за другим, в финале остается одна женщина, когда-то жена и мать, но и ее уход обозначен в последней сцене.

В «Подлиповцах» Решетникова, его же очерке «Шилохвостов», ранних произведениях («Скрипач») обнаженность жизненного интереса людей, их сосредоточенность исключительно на самых простых, элементарных потребностях передается не только через выпуклое изображение физиологии жизни, но и через гротескные образы, где натурализм граничит с мистикой, поскольку зашкаливает градус реальности изображаемой картины. Тексты Решетникова оказываются близки к литературе хорора – чего стоит сцена похорон Апроськи («Подлиповцы»), когда ее похоронили заживо, и из зарытой могилы раздается стон очнувшейся женщины, а Пила с Сысойкой в ужасе убегают прочь. В романе Сенчина физиология жизни также доходит подчас до фантасмагории: такова, например, история о Юрке, которого похоронили в нелюбимых им кроссовках, и он приходит в снах к жене и дружку, просит, чтобы переобули. «Тот свет» к концу жизни оказывается пугающе близко и для Николая Михайловича Елтышева – он «стал не любить живых», завидует тем, кто умер, и уже вполне доверяет рассказам юркиной вдовы о посмертных блужданиях мужа и ее собственных в сновидениях. «Герои Сенчина едут в деревню, а попадают в страшный сон», – пишет о романе Андрей Мирошкин [Мирошкин 2009].

И все-таки нельзя не сказать о главном отличии семейной «саги» Сенчина от его классических предшественников, включая Решетникова (а критики к предшественникам Сенчина относили и Г. И. Успенского, и И. А. Бунина, и А. М. Горького). Герои уральского писате-

[1] В «Беседах о ремесле», говоря о своих писательских ориентирах, в первую очередь М. Горький назвал шестидесятников, а среди них – «мрачного» Решетникова [Горький 1980: 326].

ля XIX в. – жертвы обстоятельств, всего строя жизни, социальной действительности, причем социальное в лучших произведениях Решетникова доведено до экзистенциального слоя жизни. И тем не менее, все они, по выражению Н. Шелгунова, наделены «закаленной упругостью» [Шелгунов 1871: 19] – той самой волей к жизни, которой, по мысли упомянутого критика, лишены Елтышевы («...стремления жить лучше не хватает даже для того, чтобы просто жить» [Пирогов 2009]). Пила с Сысойкой уходят, однако остаются жить сыновья Пилы Павел и Иван, и живут лучше своих отцов: работают кочегарами на пароходе, пусть даже будущее их и неясно. После смерти Пелагеи Прохоровны любившие ее мужчины собираются вместе и вспоминают ее, она словно бы «живет» в их памяти. Таких случаев в произведениях Решетникова крайне немного, но они есть. Казалось бы, после Елтышевых тоже остается ребенок, сын убитого отцом Артема, да он носит другую фамилию и, скорее всего, никогда не узнает, что он – Елтышев, как бы не пыталась Валентина Викторовна в предсмертном рывке внушить это испуганному мальчишке. Елтышевы умирают – и никто не вспомнит и не пожалеет о них, не придет попрощаться – как никто не пришел попрощаться с Артемом, Денисом, не говоря об отце, Николае Михайловиче. Многозначительна, даже назидательна последняя фраза романа Сенчина – когда сползает, умирая, по ограде штакетника Валентина Викторовна, последняя из семьи: «Площадка садика, проулок были пусты. Помочь ей было некому» [Сенчин 2009].

Елтышев, глава рода в романе Сенчина, – и пассивная жертва обстоятельств (его лишают ведомственной квартиры, и он поехал в деревню, в дом тетки жены, будучи совершенно не привычен к деревенской жизни, даже не пытаясь найти другой вариант в городе), и в то же время сам виновник своих и общесемейных несчастий, и в прямом смысле преступник, палач своей семьи. Обыденность смертей, обыденность убийств – они происходят словно сами собой, словно нет других вариантов жизни. Эта модальность в изображении обыкновенного зла жизни, рождающей смерть, и смерть насильственную, роднит Сенчина с режиссером Андреем Звягинцевым, достаточно вспомнить фильмы последнего «Елена», «Нелюбовь», «Изгнание». Николай Михайлович Елтышев несет тьму и беспросветность в собственной душе, он беззащитен по отношению к злу и насилию как социальному, так и личному: неожиданно убивает соседа, обманувшего его, случайно – своего сына; лишь тетку Татьяну, похоже, он убивает вполне сознательно. Недаром он сделан автором милиционером и человеком неожиданно сильным, не ведающим пределов своей силы, и потому терпит наказание за преступления в той жизни, которую он не про-, а из-живает, в гибели последнего сына, надежды семьи: так деревня, сама насквозь криминальная, мстит убийце, вторгшемуся в их ряды. Здесь нет катарсиса, хотя трагедия есть, но она за рамками сознания героев. В то же время нельзя сказать, что вся вина у Сенчина перенесена исключительно на самого персонажа. Разрушительные процессы стимулирует социум: под прикрытием милицейского звания Николай Михайлович жил бездумно и равнодушно, и если бы его преступление не раскрылось, все продолжалось бы по-прежнему, он мог погубить еще немало людей. Затем его просто выдворяют из квартиры, по сути дела, государство кидает его – как и те семьи, которые оказались рядом с Елтышевыми в той же деревне: переселенцы из Тувы, с Урала. Каждый «выкручивается» как может, и перед лицом проблемы выживания все средства оказываются хороши.

Проза Решетникова депрессивна, исполнена драматизма, и это закономерно: сдвинулся с орбиты тот мир, который существовал в России веками. Писатель показывает исход мужиков из деревни, горнорабочих – из своих заводских уральских поселков, и в поиске «где лучше» эти люди исхаживают много пространства, исчерчивают страну своими путями-дорогами. В произведении Сенчина мы наблюдаем обратный процесс – замыкание городских людей в пределах деревни, превращающейся в криминальную зону, в место смерти и преступления. Поэтому мир, изображенный Сенчиным, устремлен в пустоту, за ним нет будущего. Перед нами предстают начало и конец индустриальной эры, захватившей Россию в середине XIX в. и истратившей себя к концу века XX-го.

Неожиданную преемственность с романами Решетникова обнаруживает, на наш взгляд,

и творчество современного уральского писателя, поэта А. Б. Сальникова. Казалось бы, характер их творческого дарования совершенно различен: в прозе Сальникова сильно игровое, карнавальное, а нередко и фантастическое начало, Сальников метатекстуален – как и «положено» прозе начала нового столетия. Решетников порой невыносимо серьезен и прямолинеен, что соответствует наклонностям отечественной классики XIX в. Но между романами «Свой хлеб» Решетникова (1870) и «Опосредованно» Сальникова (2018) связь в первую очередь жанровая и образно-тематическая: это роман о женщине, выбирающей свой путь в жизни и уже поэтому относимой к разряду «новых женщин», «новых людей», которых так любила изображать отечественная литература в XIX веке. «Новизна» Дарьи Андреевны в романе Решетникова «Свой хлеб» состоит в том, что она решает отказаться от замужества, уготованного ей отцом, отвергает привычные для девушки ее круга (чиновничья среда) способы жизни, вступая таким образом в конфликт с семьей, и вскоре после смерти отца уходит из дома, чтобы самой обеспечивать себя – иметь «свой хлеб». Она ни в коей мере не нигилистка, не радикалка – это обычная девушка, чуть более самостоятельная, решительная и внутренне свободная, нежели окружающие ее женщины, по отношению к ним она и выступает как «новая», «другая». К героине Сальникова это определение применимо весьма условно – скорее, она «особенная» женщина, хотя совершенно не в том смысле, который вкладывался в эту формулу в известном романе Н. Г. Чернышевского. Елена у Сальникова открывает в себе дар писания «стишков», оказывающих наркотическое действие на читателей и слушателей и в случае «передозировки» способных довести человека до смерти. Поэтому в обществе, в котором она живет, творчество строго карается законом. Но фантастический вымысел, введенный автором романа, не отрывает героев от мира житейской прозы, Елена живет как бы в двух пересекающихся мирах: в обыденном она жена и мать, учительница математики в школе, а в мире своего рискованного творчества она автор опасных для жизни текстов, вынужденная встречаться с криминалом и все время идти по грани. Временами она пытается оставить «стишки», но они находят ее сами. Именно обыденная явь повседневности – бесконечная возня с родственниками и их проблемами – держит Лену на поверхности жизни и не позволяет отдаться «приходу» или «холодку» (т. е. расстаться с жизнью). У героини Решетникова нет ничего, напоминающего увлечение Лены, но стоит обратить внимание на некоторые традиционные для литературы сюжетные повороты в судьбах обеих героинь. Дарья Андреевна становится швеей (ибо в XIX веке простой женщине без образования и связей трудно было найти иное место в жизни, хотя бы относительно обеспечивающее ее). Лена у Сальникова, когда от нее уходит муж, также некоторое время зарабатывает на жизнь шитьем. Обе героини в трудных жизненных коллизиях надеются прежде всего на себя, больше им надеяться не на кого.

Пожалуй, важная общая черта, сближающая Решетникова и двух современных прозаиков, о которых идет речь, Сенчина и Сальникова, – это их тяготение к быту, к изображению самой прозаической, самой, казалось бы, обыденной и непривлекательной стороны жизни, со всех сторон окружающей, даже засасывающей героев. Тяготением к долгому и прочному описанию быта, нудно тянущейся повседневности отличается стиль Сенчина – певца «серой паутины будней, мелких забот и горестей, бытописател<я> с редким (пусть и недобрым) чувством детали и характера» [Мирошкин 2009]. Но «бытовизм» Сенчина чаще всего социален: не случайно «метафорой национального упадка» назвал роман «Елтышевы» Л. Пирогов, а, например, в романе Сенчина «Дождь в Париже» (2018) герой оказывается в Париже исключительно для того, чтобы осуществить затяжную рефлексию над своей жизнью, для автора же это становится способом показать жизнь обычного человека в девяностые годы, обнажить проблемы, с которыми сталкивались люди, выразить свое отношение к власти. Распутывать «паутину» мелочей, в которой блуждают персонажи Сенчина, для читателя порой мучительно: слишком мала дистанция между героем и автором, между героем и читателем, нередко переживавшим похожие коллизии в суровые 1990-е гг., слишком обостренный, проникающий психологизм наряду с беспросветностью общего течения жизни, захваченной «политизированным» бытом, ха-

рактерен для письма Сенчина. Совсем иной интерес к быту у Сальникова, которого неоднократно упрекали в бытописательстве, якобы мешающем развитию его полудетективных, полуфантастических сюжетных историй. Так, по мнению Галины Юзефович, «Двум историям очевидно некомфортно под одной обложкой, они отказываются срастаться, и даже главная героиня разваливается на двух не слишком похожих друг на друга Лен – Лену-вдохновенную поэтическую наркоманку и Лену-мать, мачеху и жену» [Юзефович 2019]. На наш взгляд, бытовая линия жизни Сальникову прямо необходима, она придает его романам эпическую устойчивость, он сам откровенно любуется ею – этой обычной жизнью с чередой обедов и ужинов, обилием родственников, садов и огородов, где все так любят встречаться и устраивать совместные застолья; эта повседневность нужна автору, и она «спасает» его героев. В этом плане Решетникова можно поместить между Сенчиным и Сальниковым. В его эпоху бытописательство было постоянным уделом писателя-реалиста, и Решетников нередко превышал норму описаний быта, характерную даже для того времени, однако его бытописательство несло важную эпическую нагрузку: оно выступало выражением нескончаемого потока жизни, в который погружены его неприметные герои и который постоянно толкает их туда, «где лучше», – жизни, продолжающейся и после смерти действительно лучших из них. Письмо Сальникова отдаленно напоминает стиль Решетникова: вязкое, полное деталей и ненужных подчас подробностей, застревающее на каждой мелочи, так что психологизм и индивидуальность героини растворяются в обыденности, теряются – чтобы вновь возникнуть из этих мелочей, в шероховатом слове героини о себе, которое передает за нее автор. Вот примеры слога этих двух писателей, рассказывающих о неладах в семьях героинь:

«От всех этих сцен и разговоров у Дарьи Андреевны заболела и закружилась голова, точно она была в горячке. Она сразу увидела столько гадости в ее родне, что отцовский дом показался каким-то адом. Она уже не могла больше жить в нем, не могла, конечно, ехать ни к брату, ни к дяде. Ей хотелось поговорить с кем-нибудь, но она была одна: на сестру надеяться нечего. <…> И действительно, изо всей ее родни остается только один отец, который любит еще ее, которого, может быть, обкрадывают, обижают, смерти которого, может быть, все ждут» [Решетников, т. 5: 72].

«После того как аффект у старших в семье прошел, то есть перестали они по десять раз за вечер врываться к Лене в комнату с вопросом «что делаешь?», прекратили первыми бежать к телефону, к двери, устали выяснять, где и как долго пропадала Лена, тем более что нигде она особо не пропадала… Лена оказалась внезапно предоставлена сама себе. Некое отчуждение пролегло между нею и двумя другими членами семьи. Иногда Лена чувствовала себя едва ли не в школе, будто снова оказалась в своем классе» [Сальников 2018: 33].

Речь повествователя разомкнута в сферу сознания и речи героини, что выражается в нередких синтаксических инверсиях, пропусках логических связей, в доверительной интонации речи, словно повествователь лично знаком с героиней, она внутренне близка ему, и ему важно вызвать аналогичное отношение у читателя.

Роман Решетникова, начинаясь как семейный роман, по ходу сюжета нарушает эту модель: его героине мало быть просто в семье, она и замуж особо не стремится, так что в финале отправляется из провинции в Петербург, чтобы выучиться и стать акушеркой. Упомянем, что таким был путь жены Решетникова Серафимы Семеновны Каргополовой, уроженки г. Осы в Пермской губернии, приехавшей в Петербург и получившей там профессию акушерки (повивальной бабки). Аналогом творческого дара Елены («Опосредованно») становится в романе Решетникова неуемное стремление Дарьи Андреевны к самоопределению, осуществлению себя, толкающее ее «вон из дому и из этого города» [Решетников, т. 5: 306]. Роман Сальникова в завершение приводит-таки главную героиню к семейной модели, и даже с некоторыми «прибавками»: к ней возвращается бывший муж, рядом выросшие дети, она счастлива, а «стишки» остаются внутри нее – законами стихосложения она меряет свою жизнь и свои отношения с многочисленными родственниками, таков внутренний монолог Елены в финале романа. Таким образом, оба произведения говорят о женском самоопределении и женском счастье, в котором есть

и типологически общие черты, и своеобразие, определяемое эпохой, меняющейся жизнью. Роман Сальникова написан тяжеловесным, немного архаичным для начала XXI века языком, но, может быть, именно благодаря этому в нем удачно передаются метания женщины, ее неуспокоенность и невозможность для нее быть вне жизни и вне самой себя, женщины, для которой ее связь с родными людьми и их повседневностью осмысляется и навеки закрепляется в слове и образе.

Близость Решетникова сегодняшней литературе подчас обнаруживается в отдельных элементах его поэтики, в перекличках с произведениями нашего времени не только в области проблематики, языка и стиля. Роман «Где лучше?» открывается картиной, словно взятой из готового фильма. Экспозиция дана отрывочными, чисто «декорационными» фразами: «Зима. Небо заволокло тучами. Дует резкий ветер» [Решетников, т. 4: 5]. Первый кадр – шалаш полесовщика на большой дороге. Второй – приближающиеся к нему путники, их разглядывает полесовщик, они же даются в движении, словно в придвигающейся к нему (и к читателю-реципиенту) «камере», портреты путников даны по одной и той же схеме: «Впереди шел мужчина лет сорока восьми, с корявым широким лицом… <…> За ним шел человек лет двадцати восьми, с бледным привлекательным лицом… <…> Шагах в двух от него шла женщина лет двадцати, с румяным правильным лицом, карими глазами. <…> За женщиною шли рядом два мальчика…» [Решетников, т. 4: 5]. Воссоздающийся здесь образ – это образ не конкретного человека, но некоего общего движения, общего потока, захватившего крестьян и заставляющего их, будто подхваченными ветром, нестись по России. «Куда бог несет? – спросил, улыбаясь, полесовщик, глядя на лицо подошедшего мужчины. – Туда, где лучше» [Решетников, т. 4: 6]. Затем фигуры «ходоков» приближаются к нам и превращаются в заглавных персонажей романа. Эта композиционная поэтика монтажа, использованная автором в романе, вероятно, была связана с наклонностью Решетникова к драматургии – в юности он пробовал писать пьесы.

А вот как начинается ранняя пьеса Я. Пулинович «За линией» (2008), ее жанровое обозначение, данное автором, – киносценарий:

«Осень. Раннее утро. По размокшей, прокисшей от грязи дороге идут двое. Костя – мужчина в светлом пальто, и девочка лет пяти, одетая в цветную куртку и шапку-„буратино“. В руках у мужчины черный портфель и дорожная сумка, за плечами детский ярко-красный рюкзак.

<…> Мужчина и девочка проходят элеватор, магазин „Хозяюшка“ и сворачивают на заброшенную железную дорогу. Идут по рельсам. В ботинках чавкает грязь» [Пулинович 2008].

Мужчина приводит дочку в семью сестры, где и без того трое детей, а на подходе четвертый, и уходит. Через какое-то время он вернется – купит подарки дочери, прокатит ее на карусели и уйдет вновь, чтобы до конца пьесы уже не возвращаться. Действие пьесы (или предполагаемого фильма) посвящено детям – они все, вместе с взрослыми, живут «за линией» нормальной жизни, но они по-своему счастливы, родители любят их, и оставшаяся сиротой Алина, вспоминающая мать и постоянно ждущая отца, не одинока. Дети, как это и свойственно детям, постоянно совершают челночные перемещения – они бегают вдоль линии, по ту и другую сторону от нее, они в непрестанном движении, ограниченном, однако, локусом линии и ее за-пространством. В финале дом сгорает, семья остается без крова – им дает приют соседка, но ощущения безысходности нет. Наконец, вот последняя сцена, сопровождаемая ремаркой автора:

«**Лето**. По пыльной дороге бегут пятеро девочек, катят крылатый велосипед. Обгоревшие, раскрашенные всеми цветами крылья хлопают на ветру. Тут же несется Найда, путается у всех в ногах, лает. Девочки смеются. Позади всех бежит подросший Макся, на ходу ковыряясь в носу, что у него, кстати, очень ловко получается» [Пулинович 2008].

Здесь уже нет линии – есть дорога, и это примечательное изменение топографии движения персонажей. Мир «за-линии» оказывается не замкнут шпалами и рельсами, а в мир детей входит не только заброшенный и обжитый бомжами вагон, но и, пусть обгоревший, «крылатый велосипед». Обратим внимание на предлог «за», употребляемый автором. Героиня романа Решетникова, Пелагея Прохоровна, придя в Петербург и не найдя там достатка, помышляет: «Неужто за Питером люди

живут лучше?» [Решетников, т. 4: 249]. Смерть останавливает ее движение, да и дальше – *за* Питер – идти, казалось бы, некуда, все неутомимые ходоки Решетникова оседают в нем, но само их движение-бег по России предполагает возможность выхода вперед себя, заступание за черту, и значит – *за* Питер. У Пулинович уходят и иногда возвращаются, иногда нет, мужчины – женщина привязана к детям и дому. Но вот дома не стало – и дети, словно отпущенные на свободу, пускаются в свой путь «по пыльной дороге», теперь их вряд ли остановишь.

Нельзя не упомянуть, что Пулинович дает детям очень уральские имена: Макся, Окся… У Решетникова есть рассказ по имени героя – «Макся». «Трудная жизнь досталась Максе без отца, без матери и без родных», «много принял <он> горя» [Решетников, т. 1: 246], терпел «тиранство» в бурсе, служил звонарем, потом почтальоном, ездил по дорогам с почтой, пристрастился к водке, за буйство был уволен; из жалости его приютил «один станционный смотритель», но, по его словам, Макся «с ума сходит», так что финал его жизни и неизвестен, и вместе с тем предрешен. «Что будет потом с Максей – не знаю и разрешать этот вопрос предоставляю другим» [Решетников, т. 1: 278], – завершает рассказ автор-повествователь. Драматургическое творчество Я. Пулинович и А. Богачевой, обращенное к самым низшим, самым необеспеченным слоям населения – натуральным «мизераблям» и «париям», как называли их в XIX веке, «бомжам», как называют сегодня, продолжает эту линию, идущую от натуральной школы 1840-х гг. к Решетникову, сделавшему своими героями людей всеми презираемых и гонимых, часто бездомных, которых гонит по свету их сиротская судьба, но – людей же…

Преемственная связь с творчеством Решетникова в произведениях рассмотренных нами писателей пролегает в разных направлениях, на разных уровнях их творческого метода или письма. Своего рода гротескный реализм, граничащий с натурализмом, характерен для многих представителей новейшей литературы, для уральской словесности он специфичен вдвойне. Как известно, к «новым реалистам отнес себя сам Сенчин (Р. Сенчин «Новый реализм», 2007). Собственно, к этой же линии принадлежат и драматические произведения Я. Пулинович – фантасмагорические сцены, частые в ее пьесах, лишь усиливают гротескную реалистичность и жесткость авторской манеры; в этом ключе можно было бы охарактеризовать также тексты В. Сигарева, не затронутые в нашей статье. К метареализму следует отнести творчество А. Сальникова, обнаруживающее близкую Решетникову жесткость и суровость в изображении непоэтичной уральской действительности (отметим возрастание градуса этой суровости, в обыденной речи называемой «чернушностью», в фильме К. Серебренникова по роману Сальникова «Петровы в гриппе», 2020). Общей чертой упомянутых авторов может быть признан их нескрываемый интерес и симпатия к маленькому, незаметному, обычному человеку, в конце XIX в. ставшему «средним» человеком. Зачастую он предстает в их произведениях как маргинал, выброшенный на обочину жизни, потерявший все свои ориентиры и былые ценности, поэтому его существование происходит на самом низовом, поистине «трущобном» уровне. У Решетникова он всецело занят нескончаемым тяжким трудом; выживанием озабочены герои Сенчина, Батуриной, нередко и Пулинович, но даже в этой «борьбе за жизнь» (которую считал главной темой Решетникова М. Е. Салтыков-Щедрин) обнаруживаются ростки своеобразной идеальности или даже поэзии, некий «просвет бытия», говоря высоким слогом М. Хайдеггера. Поточность жизни, поглощаемой, но не поглощенной трудным, тяжелым бытом, дает эпическую основательность прозе писателей-реалистов, а сама однообразная жизненная повседневность с ее вечной заботой о хлебе насущном может быть представлена и как череда серых буден (произведения Р. Сенчина), и как повседневность, одушевленная авторским отношением к быту как к самой нужной и прямо необходимой стороне человеческой жизни (А. Сальников).

Указанные особенности художественного сознания находят выражение в способе повествования, в стилистике произведений писателей. «Трудолюбивым, но небрежным писателем» назвал Сенчина С. Беляков. И он же отмечал, что его стиль «максимально реалистичен, близок „правде жизни“» [Беляков 2011]. О «плохописи» Решетникова в его вре-

мя писали многие критики, сам Салтыков-Щедрин вычитывал и правил его лучший роман «Где лучше?» для публикации в журнале. Но следует помнить, что в определенные периоды развития литературы именно плохой, нарочито небрежный, простой стиль означивает сдвиг в содержании, указывает на новизну картины жизни, изображаемой автором. В прозе Сальникова порой возникает эффект намеренной усложненности стиля, поскольку в повествовании он стремится соединить свою точку зрения, свой кругозор с точкой зрения персонажей – их «окружение» (М. М. Бахтин) входит в зону авторского ви́дения, что связано с безусловной, хотя не всегда открытой, привязанностью автора к своим героям, с их общим опытом и отношением к жизни. Это не мешает «простоте» изложения в произведениях Сальникова, ведь он рисует своих героев как давних знакомцев, и так же коротко он «знаком» со своим читателем. Солидарный жизненный опыт объединяет героев и автора в произведениях Решетникова, но для него, даже при наличии искреннего сочувствия к персонажам, характерна безусловная дистанция между автором и изображаемым миром. Эта дистанция нарушается в ранних произведениях писателя (особенно в «Подлиповцах», где палитра авторского сочувствия к героям чрезвычайно разнообразна) и возрастает в романах и небольших рассказах, что можно объяснить установкой тогдашней реалистической литературы на объективизм и фактографичность и условиями работы самого писателя. Густая предметность и детальность письма, широкий охват изображаемого мира, драматическое, иногда прямо драматургическое построение сюжетных сцен, архетипическая насыщенность действия, экзистенциальное измерение смыслового пространства сюжета – все эти качества поэтики уральского писателя XIX века в преображенном виде перейдут в письмо авторов XX столетия и окажутся востребованы в современной литературе.

Литература

<Авсеенко, В. Г.>. Реальная беллетристика. Сочинения Ф. М. Решетникова. Изд. К. Т. Солдатенкова / В. Г. Авсеенко // Русский вестник. – 1875. – № 4. – С. 671–704.

Беляков, С. Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках / С. Беляков. – Текст : электронный // Урал. – 2001. – № 10. – URL: https://magazines.gorky.media/ural/2011/10/roman-senchin-neokonchennyj-portret-v-sumerkah.html (дата обращения: 15.10.2021).

Венгеров, С. А. Решетников Федор Михайлович / С. А. Венгеров // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): т. 1–6. Т. 6. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897–1904. – С. 182–191.

Гаспаров, Б. Платонов и Решетников / Б. Гаспаров // Quaestio Rossica. – 2014. – № 2. – С. 176–192.

Горький, М. О литературе / М. Горький. – М. : Советская Россия, 1980. – 480 с.

Дергачев, И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. / И. А. Дергачев. – Новосибирск : СО РАН, 2005. – 283 с.

Кропоткин, П. А. Идеалы и действительность в русской литературе / П. А. Кропоткин ; пер. с англ. В. Батуринского под ред. автора. – СПб. : Знание, 1907. – 368 с.

Кубасов, А. В. Художественно-документальная очерковая проза Ф. М. Решетникова / А. В. Кубасов ; Урал. гос. пед. ун-т. – [Б. м.] : Издательские решения, 2017. – 95 с.

Мирошкин, А. Бесплодная почва / А. Мирошкин. – Текст : электронный // Частный корреспондент. – 2009. – 14 окт. – URL: http://www.chaskor.ru/article/besplodnaya_pochva_11315 (дата обращения: 15.10.2021).

Пирогов, Л. Роман Сенчин. Ёлтышевы / Л. Пирогов. – Текст : электронный // Литературная газета. – 2009. – № 44. – URL: https://www.rulit.me/books/literaturnaya-gazeta-6249-44-2009-read-168032-25.html (дата обращения: 15.10.2021).

Пулинович, Я. За линией. (Три дня из маленькой жизни). Киносценарий / Я. Пулинович. – Текст : электронный // Урал. – 2008. – № 4. – URL: https://magazines.gorky.media/ural/2008/4/za-liniej.html (дата обращения: 15.10.2021).

Решетников, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 6 т. / Ф. М. Решетников ; под ред. И. И. Векслера. – Свердловск : ОГИЗ, 1936–1948.

<Салтыков-Щедрин, М. Е.>. Где лучше? Роман в двух частях Ф. Решетникова / М. Е. Салтыков-Щедрин // Отечественные записки. – 1869. – Т. 183, № 4. – С. 270–273.

Сальников, А. Опосредованно. Роман / А. Сальников // Волга. – 2018. – № 9–10. – С. 7–134.

Сенчин, Р. Елтышевы. Роман / Р. Сенчин. – Текст : электронный // Дружба народов. – 2009. – № 3, 4. – URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2009/3/eltyshevy.html (дата обращения: 15.10.2021).

Созина, Е. К. Индивидуальное и общее в судьбе и творчестве литератора-разночинца: размышления над прозой Ф. М. Решетникова / Е. К. Созина // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 1 (22). – С. 41–50.

<Успенский, Г. И.>. Некролог. Ф. М. Решетников / Г. И. Успенский // Отечественные записки. – 1871. – Т. 195, № 4. – С. 419–436.

Чуйко, В. В. Беллетрист-самородок. (По поводу нового издания сочинений Ф. М. Решетникова) / В. В. Чуйко // Наблюдатель. – 1890. – № 8. – С. 45–68.

Шелгунов, Н. Народный реализм в литературе. (Сочинения Ф. Решетникова. 2 части. СПб. 1869) / Н. Шелгунов // Дело. – 1871. – № 5. – С. 1–45.

Юзефович, Г. Автор «Петровых в гриппе» написал «Опосредованно» — роман про мир, где стихи считаются наркотиками / Г. Юзефович. – Текст : электронный // Медуза. – 2019, 2 февр. – URL : https://meduza.io/feature/2019/02/02/avtor-petrovyh-v-grippe-napisal-oposredovanno-roman-pro-mir-gde-stihi-schitayutsya-narkotikami (дата обращения: 15.10.2021).

References

<Avseenko, V. G.> (1875). Real'naya belletristika. Sochineniya F. M. Reshetnikova. Izd. K. T. Soldatenkova [Real Fiction. Works by F. M. Reshetnikov. Ed. K. T. Soldatenkov]. In *Russkii vestnik*. No. 4, pp. 671–704.

Belyakov, S. (2011). Roman Senchin: neokonchennyi portret v sumerkakh [Roman Senchin: Unfinished Portrait at Dusk]. In *Ural*. No. 10. URL https://magazines.gorky.media/ural/2011/10/roman-senchin-neokonchennyj-portret-v-sumerkah.html (mode of access: 15.10.2021).

Dergachev, I. A. (2005). *D. N. Mamin-Sibiryak v literaturnom protsesse 1870–1890-h gg*. [D. N. Mamin-Sibiryak in the Literary Process of the 1870s – 1890s]. Novosibirsk, Siberian Branch of RAN. 283 p.

Gasparov, B. (2014). Platonov and Reshetnikov [Platonov and Reshetnikov]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 176–192.

Chuyko, V. V. (1890). Belletrist-samorodok. (Po povodu novogo izdaniya sochinenii F. M. Reshetnikova) [Nugget Fiction Writer. (Regarding the New Edition of F. M. Reshetnikov's Works)]. In *Nablyudatel'*. No. 8, pp. 45–68.

Gor'ky, M. (1980). *O literature* [About Literature]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 480 p.

Kropotkin, P. A. (1907). *Idealy i deistvitel'nost' v russkoi literature* [Ideals and Reality in Russian Literature] / transl. by V. Baturinsky, ed. by the Author. Saint Petersburg, Znaniye. 368 p.

Kubasov, A. V. (2017). *Khudozhestvenno-dokumental'naya ocherkovaya proza F. M. Reshetnikova* [Fiction and Documentary Essay Prose by F. M. Reshetnikov] . [B. m.], Izdatel'skie resheniya. 95 p.

Miroshkin, A. (2009). Besplodnaya pochva [Barren Soil]. In *Chastnyi korrespondent*. 14.10. URL: http://www.chaskor.ru/article/besplodnaya_pochva_11315 (mode of access: 15.10.2021).

Pirogov, L. (2009). Roman Senchin. Yoltyshevy [Roman Senchin. Eltyshevs]. In *Literaturnaya gazeta*. No 44. URL: https://www.rulit.me/books/literaturnaya-gazeta-6249-44-2009-read-168032-25.html (mode of access: 15.10.2021).

Pulinovich, Ya. (2008). Za liniei. (Tri dnya iz malen'koi zhizni). Kinostsenarii [Behind the Line. (Three days from a Small Life). Screenplay]. In *Ural*. No 4. URL: https://magazines.gorky.media/ural/2008/4/za-liniej.html (mode of access: 15.10.2021).

Reshetnikov, F. M. (1936–1948). *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 tomakh* [Complete Works, in 6 vols.] / ed. by I. I. Veksler. Sverdlovsk, OGIZ.

<Saltykov-Shchedrin, M. E.> (1869). Gde luchshe? Roman v dvukh chastyakh F. Reshetnikova [Where is better? A Novel in two parts by F. Reshetnikov]. In *Otechestvennye zapiski*. Vol. 183. No. 4, pp. 270–273.

Sal'nikov, A. (2018). Oposredovanno. Roman [Indirectly. Novel]. In *Volga*. No. 9–10, pp. 7–134.

Senchin, R. (2009). Yeltyshevy. Roman [Eltyshevs. Novel]. In *Druzhba narodov*. No. 3, 4. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2009/3/eltyshevy.html (mode of access: 15.10.2021).

Sozina, E. K. (2009). Individual'noe i obshchee v sud'be i tvorchestve literatora-raznochintsa: razmyshleniya nad prozoi F. M. Reshetnikova [Individual and Common in the Fate and Work of a Common Writer: Reflections on the Prose of F. M. Reshetnikov]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (22), pp. 41–50.

Shelgunov, N. (1871). Narodnyi realizm v literature. (Sochineniya F. Reshetnikova. 2 chasti. SPb. 1869) [Popular Realism in Literature. (Works of F. Reshetnikov, in 2 parts. Saint Petersburg 1869)]. In *Delo*. No. 5, pp. 1–45.

<Uspensky, G. I.> (1871). Nekrolog. F. M. Reshetnikov [Obituary. F. M. Reshetnikov]. In *Otechestvennye zapiski*. Vol. 195. No. 4, pp. 419–436.

Vengerov, S. A. (1897–1904). Reshetnikov Fedor Mikhailovich [Reshetnikov Fedor Mikhaylovich]. In Vengerov, S. A. (Ed.). *Kritiko-biograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh (ot nachala russkoi obrazovannosti do nashikh dney), in 6 vols., vol. 6*. Saint Petersburg, tip. M. M. Stasyulevicha, pp. 182–191.

Yuzefovich, G. (2019). Avtor «Petrovykh v grippe» napisal «Oposredovanno» — roman pro mir, gde stikhi schitayutsya narkotikami [The Author of "Petrovs in the Flu" wrote "Indirectly" – a Novel about a World where Poetry is considered Drugs]. In *Meduza*. 02.02. URL: https://meduza.io/feature/2019/02/02/avtor-petrovyh-v-grippe-napisal-oposredovanno-roman-pro-mir-gde-stihi-schitayutsya-narkotikami (mode of access: 15.10.2021).

Данные об авторе

Созина Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий центром истории литературы, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620108, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

E-mail: elenasozina1@rambler.ru.

Authors' information

Sozina Elena Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Center for the History of Literature, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia).

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 372.881.161.1. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-20. ББК Ч426.819=411.2-24.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 10.02.01 (5.9.5)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФОНД РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ШКОЛЬНИКА

Купина Н. А.
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4154-7323

Аннотация. Выбор обозначенной в заглавии темы исследования мотивирован изменениями в языке, сдвигами в общественном сознании россиян, вызванными социальными катаклизмами. Проблемными являются вопросы о состоянии исторически сложившегося пласта прецедентных текстов как органической составляющей вербального кода русской культуры и закреплении единиц этого кода в языковом сознании старшеклассников. Целевая установка исследования направлена на доказательство следующей гипотезы: если специальный анализ текстов, ориентированных на массового адресата, подтвердит востребованность вербальных прецедентных единиц, то такие единицы должны быть использованы учителем-словесником как дидактический материал в процессе преподавания русского языка и литературы в средней школе. Объект исследования – извлеченные из газетных изданий (декабрь 2020 г. – июль 2021 г.) заголовки и заголовочные комплексы, сконструированные на основе готовых и трансформированных прецедентных текстов. В процессе двухэтапного интертекстуального анализа, проведенного с использованием процедуры аксиологической интерпретации языкового материала и в ориентации на особенности структурной организации языковой личности школьника, установлено, что в газетах регулярно используются единицы вербального прецедентного кода как действенные инструменты трансляции констант национальной культуры и средства организации внутрикультурного диалога. В статье описаны основные типы прецедентных единиц, сохраняющих живую связь с источниками: цитаты из произведений русской художественной литературы, имена авторов и персонажей, названия произведений, пословицы и поговорки. Выявлены технологии трансформации прецедентных, в том числе компрессированных, текстов, описаны лексические, а также грамматические – морфологические и синтаксические – замены. Характеристика исследуемого материала сопровождается разработкой методических рекомендаций и ориентированных на целевую аудиторию учебных, в том числе творческих, заданий. Подчеркивается, что интерпретация прецедентных текстов осуществляется учителем-словесником с учетом культурно-речевых и коммуникативных компетенций старшеклассников. Перспективные задачи: расширение индивидуального запаса единиц прецедентного культурного кода, формирование навыков использования этих единиц в устной и письменной речи учащихся.

Ключевые слова: аксиологическое содержание; вербальный код; национальная культура; культурный код; газетный заголовочный комплекс; дидактические материалы; интертекстуальность; константы культуры; прецедентные тексты; языковая личность школьника; методика преподавания русского языка

© Н. А. Купина, 2021

PRECEDENT TEXTS OF RUSSIAN CULTURE AND LINGUISTIC PERSONALITY OF A SCHOOLCHILD

Natalia A. Kupina
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4154-7323

Abstract. The choice of the topic of research can be attributed to the language changes and the shift in the Russian public consciousness caused by social cataclysms. Many problems need urgent solution, e.g. such as the state of the historically formed layer of precedent texts as an organic constituent of the verbal code of Russian culture and the acquisition of the units of this code by the linguistic consciousness of schoolchildren. The aim of the study is to prove the following hypothesis: should special analysis of the texts addressed to mass readers confirm the need for verbal precedent units, such units are to be used by a secondary school teacher as didactic material in the process of teaching the Russian language and literature. The scope of research includes newspaper headings and heading complexes (December 2000 – July 2021), created on the basis of ready-made and transformed precedent texts. A two-stage intertextual analysis conducted on the basis of the procedure of axiological interpretation of linguistic material and focused on the peculiarities of the structural organization of the schoolchild's linguistic personality has shown that newspapers regularly use units of the verbal precedent code as effective tools for translating constants of the national culture and as means of organization of intracultural dialogue. The article describes the main types of precedent units that maintain a live connection with their sources: quotations from Russian fiction, names of authors and characters, literature titles, proverbs and sayings. The study has revealed the technologies of transformation of precedent texts, including the compressed ones, and has described grammatical (morphological and syntactic) and lexical substitutions. The description of the research material is is accompanied by the development of methods guidelines and learner-centred training tasks, including creative ones, for the target audience. It is emphasized that interpretation of the precedent texts is performed by the Russian language and literature teacher taking into account the speaking, cultural and communicative competences of schoolchildren The future research may include expanding the scope of individual knowledge of the precedent cultural code units and formation of the skills of using these units in oral and written speech.

Keywords: axiological content; verbal code; national culture; cultural code; newspaper headline complex; didactic material; intertextuality; culture constants; precedent text; linguistic personality of schoolchildren; methods of teaching Russian

Для цитирования: Купина, Н. А. Прецедентный фонд русской культуры и языковая личность школьника / Н. А. Купина // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 230–240. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-20.

For citation: Kupina, N. A. (2021). Precedent Texts of Russian Culture and Linguistic Personality of a Schoolchild. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 230–240. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-20.

Введение

Социальные катаклизмы постсоветского времени обусловили сдвиги в общественном сознании россиян и изменения в сферах культуры и языка. По наблюдениям филологов, «потрясения в области языка оказались не меньшими, чем на полях сражений» [Водолазкин 2017: 254]. В то же время русский язык был и остается фундаментом культуры как «пространства смыслов, имеющих ценностное содержание, вырабатываемое человеком в процессе миропонимания, и кодов – знаковых систем, в которых используются материальные и формальные средства для означивания этих смыслов» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017: 50].

Специфику национального мировидения отражает вербальный код культуры, особым сегментом которого является исторически сложившийся пласт единиц – «прецедентных феноменов» [Гудков 1994], «хорошо известных… представителям национально-культурного сообщества», «актуальных в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане» [Красных 2002: 58], отсылающих к культурной памяти народа, активно функционирующих в речевом пространстве текущего времени [См.: Гудков, Красных, Захаренко, Багаева 1997: 106–118].

Выдвинутая гипотеза: если специальный анализ текстов, ориентированных на массового адресата, подтвердит востребованность вербальных прецедентных единиц, то такие еди-

ницы должны быть использованы учителем-словесником как дидактический материал в процессе преподавания русского языка и литературы.

Вошедшая в речевой оборот прецедентная единица употребляется как «текст в тексте» [Лотман 1981] и трактуется исследователями в аспекте интертекстуальности [Ильин 1989; Кузьмина 2011; Фатеева 2000 и др.]. Типологическое описание прецедентных единиц, составляющих вербальный код русской культуры, представлено в монографии «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. Прецедентными чаще всего становятся названия литературно-художественных произведений («Недоросль»); имена авторов (Фонвизин) и персонажей (Митрофанушка), общеизвестные цитаты («Не хочу учиться, хочу жениться»), имена государственных деятелей, ученых, мыслителей, библейские изречения, малые жанры фольклора – прежде всего пословицы, поговорки, загадки.

Возникает проблемный вопрос: почему все единицы вербального прецедентного кода называют текстами? Действительно, отдельно взятая пословица или загадка теоретически может быть интерпретирована как текст [См.: Ковшова 2019]. Однословные и оформленные как словосочетания прецедентные единицы в сжатой форме передают известное носителю культуры содержание и, следовательно, используются в устной и письменной речи как компрессированные (лат. *compressio* сжатие) тексты.

Изучение современного состояния прецедентного культурного кода способствует осознанию специфики концептосферы – «системы мнений и знаний человека о мире, отражающих его познавательный опыт на доязыковом и языковом уровнях» [Маслова 2004: 69]. Именно прецедентные тексты транслируют константы национальной культуры, т. е. концепты, «существующие постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов 2001: 84]. Осваивая прецедентные тексты, человек «сам входит в культуру» [Там же]. Последнее прежде всего касается формирующейся и развивающейся под руководством учителя-словесника языковой личности школьника.

Языковая личность выступает как «носитель определенных речевых предпочтений, знаний и умений, установок» [Матвеева 2010: 552], как типовой представитель национально-культурной общности, а также социальной группы, например, семьи, школы, дружеского круга, общественного объединения.

Для доказательства выдвинутой гипотезы к исследованию привлекаются материалы газет – традиционных средств массовой информации. Непосредственный объект интертекстуального анализа – заголовки и заголовочные комплексы, сконструированные на основе единиц вербального прецедентного кода. В ориентации на особенности структурной организации языковой личности школьника с применением процедуры лингвоаксиологического анализа устанавливается репертуар функций прецедентных текстов, в содержании которых отражаются константы национальной культуры.

На первом этапе исследования анализируются газетные заголовки и заголовочные комплексы, включающие готовые прецедентные тексты; на втором этапе рассматриваются заголовки и заголовочные комплексы, основу которых составляют преобразованные прецедентные тексты.

В ходе анализа извлечений из газетных публикаций прослеживается использование вербальных прецедентных знаков как инструментов трансляции культурно-значимых смыслов, свидетельствующее о социальной востребованности вербального кода национальной культуры и параллельно – о необходимости интерпретации единиц этого кода в контексте реального времени и в ориентации на коллективного целевого адресата, в том числе – на старшеклассников. Мотивируется актуальность использования прецедентных текстов как особого дидактического материала на уроках русского языка и литературы.

Цель исследования – опираясь на результаты интертекстуального анализа прецедентных единиц в их типологической определенности, очертить направления работы учителя-словесника, связанные с развитием языковой личности школьника, формированием у учащихся навыков адекватного восприятия и стратегически заданного внедрения прецедентных текстов в устную и письменную речь.

Языковая личность школьника и принципы интерпретации прецедентных текстов

С учетом специфики речевой деятельности носителя языка и производимых им тек-

стов вслед за Ю. Н. Карауловым [1987] выделяют три основных уровня языковой личности: 1) вербально-грамматический; 2) когнитивный; 3) прагматический.

Для языковой личности школьника особую значимость приобретают лексикон, т. е. запас слов, устойчивых сочетаний, выражений, а также умение автоматически реализовывать в связной устной речи и письменном тексте нормы грамматики (1); умение мыслить обобщенно, осознавать понятийные значения слов, на базе которых формулируются и аргументируются аксиологические суждения, отражающие специфику мировосприятия (2); осознание собственной коммуникативной цели и запросов адресата, умение разрабатывать программу речевого поведения в ориентации на достижение положительного коммуникативного результата (3). Добавим, что неотъемлемым параметром языковой личности школьника является креативная речевая способность, проявляющаяся в творческом использовании языка как системы возможностей.

Диагностика культурно-речевых и собственно коммуникативных компетенций носителя лингвокультуры проводится исследователями на основе анализа записей живой речи и письменных текстов с использованием процедуры речевого портретирования, позволяющей описать общенациональную языковую личность и ее варианты, в том числе языковую личность москвича [Китайгородская, Розанова 1999]; языковую личность уральца [Шалина 2009: 209–392]; языковую личность представителя определенного социального слоя [Крысин 2001]; члена внутризаводского рабочего коллектива [Купина, Шалина 2004] и др. Масштаб индивидуальной языковой личности прослеживается на материале словарей языка писателя [См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1–4, 1954–1961 и др.]. Отметим результативность диагностической процедуры анкетирования [См., например: Панарина 2017: 24–25]. Учитель-словесник и сами ученики периодически могут составлять анкеты. Вопросы должны быть ориентированы на целевую аудиторию. Например:

Вы знаете пословицу, которая начинается словами *Делу время?..* Если Вы ответили «знаю», продолжите высказывание до конца.

И какой же русский не любит быстрой езды? Этот вопрос сформулировал… (кто именно?)

Особенности языковой личности школьника устанавливаются учителем-словесником эмпирическим путем, предполагающим аналитический подход к устной речи учащихся, текстам их сочинений. Принцип учета реальной общекультурной и коммуникативно-речевой компетенции, культурной грамотности старшеклассников определяет направления интерпретации учителем прецедентных текстов, их источников, предметного, образного, аксиологического содержания. Важным является принцип осознания «парольного потенциала» [Слышкин 1999] прецедентного знака, употребление которого в речи способствует адекватной реакции адресата. Учебные задания, ориентированные на разработку диалогических единств, реплики которых организованы по принципу «пароль – отзыв», способствуют развитию коммуникативно-речевых умений учащихся.

Объективная востребованность единиц прецедентного вербального кода проявляется в их функционировании на газетной полосе. Специальные исследования обнаруживают, в частности, активное функционирование прецедентных имен писателей и имён персонажей известных художественных произведений «в современной российской массовой коммуникации» [Нахимова 2011: 36]. Обратимся в этой связи к заголовкам и заголовочным комплексам. Материал (декабрь 2020 – июль 2021 г.) извлечен из «Российской газеты» (Москва) и «Областной газеты» (Екатеринбург). Предмет анализа – собственно русские прецедентные единицы, составляющие ядро вербального кода лингвокультуры. Приведем типовой пример заголовочного комплекса[1]:

В Екатеринбурге бывший полицейский осуждён за продажу «мёртвых душ»

В уральской столице 32-летний сотрудник полиции оштрафован и отстранён от работы в МВД за продажу сведений о скоропостижных смертях граждан ритуальному агентству.

[1] В статье газетный заголовок выделяется заглавными буквами полужирным шрифтом; подзаголовок – светлым курсивом. Сохраняется орфография и пунктуация источника.

Ключевое словосочетание и соответствующее заглавие поэмы Н. В. Гоголя используется как компрессированный прецедентный текст, отсылающий читателя к произведению классической литературы. Возникает эффект интертекстуальности. Опознаваемый вербальный прецедентный знак (*мертвые души*) стимулирует формирование внутрикультурного диалога между автором газетной статьи и читателями, которые воспринимают газетный заголовок, «исходя не из буквального компонентного состава» [Карасик 2019] входящего в него прецедентного текста, а из возможности образной интерпретации содержания в контексте проживаемого времени и с опорой на хрестоматийный гоголевский сюжет. В общем виде можно выделить использование журналистами готовых и преобразованных прецедентных единиц.

Готовые прецедентные тексты в составе заголовков и заголовочных комплексов

Источниками готовых прецедентных единиц чаще всего являются произведения русской классической и советской литературы. Например, газетный заголовок конструируется на основе прецедентного вербального знака (*мертвые души*); подзаголовок вводит читателя в актуальную общекультурную ситуацию дня. Темпоральная перекличка акцентирует культурную значимость прецедентного текста. Упоминание фамилии героя поэмы Н. В. Гоголя формирует образную аналогию. Конкретизацию скандального сюжета, выходящего за границы российской действительности, находим в начальном абзаце газетной статьи:

Латвийские клерки вдохновились Чичиковым
В Брюссель продавали мёртвые души
НА СЕССИИ ОБСЕ… разразился громкий скандал. Латвийский правозащитник Эйнар Граудиньш рассказал собравшимся политикам и журналистам о мошеннической схеме получения латвийским правительством у Брюсселя миллионов евро на несуществующих беженцев.

Не угасает злободневность обладающих высокой частотностью пушкинских афоризмов, которые могут сопровождаться комментариями: **От Ромула до наших дней.** *Завершено создание учебного комплекса «История для экономиста».* Актуальным оказывается метафорическое высказывание о взаимопритяжении противоположностей: **Они сошлись – вода и камень**. Специальный комментарий в данном случае отсутствует.

Не исчезает эмоционально-эстетическая энергия русского поэтического слова. Так, в заголовках нередко используются цитаты из хрестоматийных произведений Н. А. Некрасова. Например: **Только не сжата полоска одна.** *Россия полностью обеспечит внешний и внутренний спрос на зерно*; **В горящую избу войдёт.** *Жительница села Репное спасла от пожара трёхлетнюю девочку*. Известная цитата из стихотворения А. Блока переключает внимание читателей на героические будни Великой Отечественной войны: *О чем бы наши читатели спросили дедов-фронтовиков?* **О доблестях, о подвигах…** Аналогичный вопрос учитель может адресовать школьникам перед встречей с ветеранами. В газетном заголовочном комплексе реализуется символический потенциал пастернаковского поэтического рефрена: **Свеча горела**. *Миллионы православных христиан встретили светлый праздник Пасхи*. Цитата емко презентует неповторимую индивидуальность поэта Серебряного века: **Изысканный бродит жираф**. *Открылась выставка Николая Гумилева*. На уроке внеклассного чтения можно познакомить старшеклассников с драматической биографией Н. Гумилева, обсудить текст стихотворения, обеспечить запоминание прецедентной цитаты (цитат).

Нередко заголовок конструируется на основе извлечения из авторской песни, включенного в контекст текущего момента: **Лучше гор могут быть только горы.** *Дагестан собрал фольклорные коллективы разных стран и народов*; **За запахом тайги.** *Регионам дадут деньги на переезд россиян к месту новой работы*; **Где твой чёрный пистолет?** *Жестче станут требования к приобретению и ношению оружия*. Необходимо отметить, что авторская песня, как и массовая песня советского времени, стала неотъемлемой составляющей отечественной художественной словесности. В походах, у костра, на дружеских посиделках песня дарит ощущения свободы, единения, независимости, романтического восприятия природы.

Прецедентные цитаты из песенных текстов обогащают запас вербального культурного кода языковой личности школьника. Не исключено, что в классе окажется сочинитель собственных песен, дарование которого следует поддержать.

Популярностью пользуются спроецированные на злобу дня цитаты из стихотворений для детей младшего возраста: **А У НАС ВОДОПРОВОД. ВОТ!** *Будем считать, что скважина у нас есть, она в коробе, утеплена и вполне может функционировать зимой. Дело за водопроводом*; **ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ.** *В России появилась новая профессия – цифровой куратор*; **МАМА – ПОВАР? ЧТО Ж ТАКОГО!** *Молодёжь сверит свои навыки со списком нужных профессий.* Два последних заголовочных комплекса учитель может использовать для беседы с учащимися о востребованных профессиях – традиционных и новейших.

Срезовый анализ газетных заголовков и заголовочных комплексов, ориентированных на массового читателя, позволяет судить о социокультурной и аксиологической значимости прецедентного цитатного фонда.

Выделим разработанную «Российской газетой» технологию, связанную с внедрением в сознание массового адресата цитат из произведений писателя:

ЧЕТЫРЕ ЦИТАТЫ ИЗ РАССКАЗОВ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

Что за шум, а драки нету?

Которые без денег – не ездют с дамами.

Человек любит похвалиться своими пороками. Это ужасно модно.

Любовь, как это ни удивительно, связана прежде всего с крупнейшими неприятностями.

Оставляя за пределами анализа наполнение выборки, отметим, что сама технология может быть использована в практике преподавания русской литературы. Завершая изучение отдельного произведения и литературного творчества автора, учитель может предложить задание: Составьте перечень цитат, которые вы будете употреблять в собственной речи. Перспектива – составление личного или коллективного «цитатника».

Национальным достоянием являются паремии – пословицы и поговорки, которые часто используются в заглавиях газетных статей.

НАЛОМАЛИ ДРОВ. *КС постановил изменить лесной кодекс*; **НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ.** *Волонтёры доставили несколько ящиков книг для ковидных больных, проходящих лечение в городской клинической больнице № 6*; **ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ.** *Свыше 150 состоятельных англичан на мощных спортивных автомобилях пронеслись ураганом по городам и весям Европы.*

Газетный заголовок может точно воспроизводить прецедентное заглавие художественного произведения. Лишь в отдельных случаях компрессированный прецедентный знак заключается в кавычки. Комментарий способствует формированию образной аналогии. Например: **Толстый и тонкий.** *В Россию пришли самый большой и самый маленький iPhone нового поколения.* Ср.: **Толстый и тонкий:** *Цифровой двойник покажет, сколько жира в организме*. Образные параллели обусловлены ситуацией и соответствующей предметной темой газетной статьи.

Обращает на себя внимание актуальность заглавий художественных произведений, не входящих в обязательную школьную программу, в том числе – пьес А. Н. Островского: **БЕСПРИДАННИЦА.** *КС разъяснил, как материально обеспечить внебрачного ребёнка*; **БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ.** *Конституционный суд запретил арестовывать имущество честных граждан*. В отдельных случаях прецедентное заглавие позволяет журналисту не только сконструировать ментально значимую аналогию, но и указать на событие, включенное в «биографическое время» (термин М. М. Бахтина) нашего современника. Например: **«ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ-2».** *Лётчик Роман Аранин пережил авиакатастрофу и стал социальным бизнесменом.* Ребята могут написать свою «Повесть о настоящем человеке», опираясь на личные наблюдения, а также истории из жизни родных и близких. Учитель предваряет соответствующее задание краткой аннотацией текста Бориса Полевого.

Адекватное восприятие прецедентных заглавий свидетельствует об эрудиции школьника, его включенности в национальную культуру. Учитель-словесник расширяет знания учеников о текстах художественной литературы, рассказывает школьникам о литературных новинках.

Преобразованные прецедентные единицы в составе газетных заголовков и заголовочных комплексов

Анализ отмеченной разновидности заголовков и заголовочных комплексов позволяет описать типовые креативные технологии, лежащие в основе трансформации единиц

вербального прецедентного кода. Распространенный способ трансформации – лексическая замена компонента прецедентного текста. Например, газетный заголовок **Ковид на скаку остановит** опознается по ассоциации с прецедентным высказыванием Н. А. Некрасова. Лексический ряд *коня – ковид* погружает читателя в эпоху коронавирусной действительности. Складывается образное представление об отважной женщине-медработнике, самоотверженно борющейся за жизнь больных и избавление от коварного вируса. Важно, что лексическая замена не нарушает грамматический, слоговой и интонационный облик прецедентной единицы. Газетный заголовок транслирует присущее некрасовскому тексту чувство восхищения и включенное в аксиологическую реальность чувство благодарности.

Лексическая замена при соблюдении условия узнаваемости первичного прецедентного знака способствует осознанию воспринимающим связи времен и актуальности текущего момента: **Пир во время ковида** (*чумы – ковида*); **Надо рукопись продать** (*можно – надо*); **Любви все возрасты покорны** (*покорны – попкорны*) – индивидуальное новообразование усиливает гиперболу и создает шутливо-иронический эффект. В отдельных случаях наблюдаем две и даже три лексические замены: **Умом non-fiction не объять** (*Россию – non-fiction*; *понять – объять*); **Сначала деньги, потом – работа** (*утром – сначала*; *вечером – потом*; *стулья – работа*). Слова-заменители вводят читателя в ситуацию проживаемого времени.

Интерпретация трансформированной прецедентной единицы требует учета фактора этической позволительности, нарушение которого приводит к вульгаризации одобряемого аксиологического содержания. Несоблюдение этических норм чаще всего связано с выхолащиванием духовного и подменой духовных ценностей материальными: **Человек – это звучит подло**; **Доход нам только снится**. Параллельно снижается авторитет писателя, произведения которого внесли вклад в развитие русской литературы. Так, в газетном заголовке **Как закупалась сталь** правый член лексического ряда (*закалялась – закупалась*) воспринимается как непозволительный лингвоцинизм, обесценивающий воспетые Николаем Островским юношескую отвагу, самоотверженность, одержимость руководящей идеей. Утрачивается метафорический смысл, заложенный первичным прецедентным текстом. Смысловая доля «деньги», закрепленная в прямом значении глагола *закупать*, утверждает противоречащий константам русской культуры приоритет материального.

Духовные ценности поддерживает замена топонима в строке из стихотворения А. Т. Твардовского: **Я погиб под Харбином** (*подо Ржевом – под Харбином*). *На территории Китая покоится прах 15 тысяч красноармейцев*. Подзаголовочный комментарий способствует созданию пространственной определенности передаваемой информации. Скорбь по погибшим героям, где бы ни покоился их прах, сохраняется в сердцах благодарных соотечественников. *Я*-реплика бойца, сложившего голову и *подо Ржевом*, и *под Харбином*, углубляет подтекст. Вопрос к школьникам: О чем и о ком думал отважный боец в последние минуты своей жизни?

Восприятие массовым адресатом трансформированного прецедентного текста, в соответствии с целевой установкой журналиста, должно сопровождаться стремлением читателя осмыслить предметную тему статьи: **Где лопата зарыта** (*собака – лопата*). *О споре Обломова и Штольца в сугробе*. В заголовочном комплексе использованы паремия и косвенная ссылка на произведение русской классической литературы. Тематические слова *лопата*, *сугроб* позволяют поднять проблему отношения горожан к расчистке снежных заносов. Бескорыстная работа добровольцев с лопатами противопоставляется отстраненному отношению к злободневной проблеме. Оживают образы героев романа И. А. Гончарова. В процессе изучения этого произведения преподаватель может использовать обозначенную в газетном заголовочном комплексе актуальную ситуацию текущего момента и провести беседу на тему: «Обломовы и Штольцы среди нас».

Источником лексической замены становится язык интернета [См.: Словарь языка интернета.ru 2016]. Например: **С миру по клику** (*по нитке – по клику*); **Ученье – сеть** (*свет – сеть*); **По секрету всему интернету** (*свету – интернету*) и др.

Лексическая замена внутри газетного заголовка, сконструированного на основе пословицы или поговорки, часто направлена на выделение предметной темы статьи. Замена проводится с установкой на культурно-фоновые знания целевого адресата: **ЕГЭ слезам не верит** (*Москва – ЕГЭ*) – тема публикации связана с эмоциональным восприятием школьниками и будущими абитуриентами результатов государственных экзаменов; **Гадание на генной гуще** (*на кофейной – на генной*) – оцениваются результаты новейших экспериментальных генетических исследований; **Время собирать шайбы** (*камни – шайбы*) – статья информирует о достижениях хоккеистов.

Нередко предметный смысл трансформированного прецедентного текста воспринимается только в составе заголовочного комплекса: **Голубь не тётка** (*голод – голубь*). *В центре Барселоны запрещают продажу семечек для кормления птиц*.

Лексическая замена может сопровождаться грамматической: **Василевский прекрасный** (*Василиса – Василевский*; *прекрасная – прекрасный*). *Российский вратарь помог действующему чемпиону НХЛ удачно начать новый сезон*.

Грамматическая, в том числе родовая, замена может быть самостоятельным способом трансформации прецедентной единицы, как, например, в газетном заголовке **Бегущий по волнам**. Подзаголовочный комментарий вводит предметную тему публикации: *Плавающий и летающий танк успешно испытан в море и субтропиках*. Образную функцию выполняет олицетворение, осознаваемое на основе сопоставления с первичным прецедентным текстом.

Один из приемов преобразования прецедентной единицы – мена числовой формы имени существительного: **Остапы Бендеры от благотворительности**. Замена формы единственного числа формой множественного (*Бендер – Бендеры*) мотивируется вставкой, позволяющей журналисту разработать тему мошенничества в период пандемии коронавируса. Ср.: **Герои нашего времени**.

Конструирование газетного заголовка нередко основано на мене предложно-падежной формы, закрепленной в прецедентном тексте: **Преступление без наказания** (*наказание – без наказания*); **Не тяните с резиной** (*резину – с резиной*). Используется также мена глагольной формы: **Думай о красе ногтей** (*думать – думай*).

Диалогическую функцию обеспечивает трансформация повествовательного прецедентного высказывания в вопросительное. Приведем отдельные примеры: **В лесу родится ёлочка?** Мена формы глагольного времени (*родилась – родится*) способствует разработке в статье проблемного вопроса, обозначенного в подзаголовке (<…> *о лесовосстановлении и нехватке саженцев*). Отмеченная креативная технология позволяет акцентировать проблемный характер разрабатываемой темы, включить в диалог массовую аудиторию. Еще один пример: официальная пропаганда добровольной массовой вакцинации в период вспышки коронавирусной инфекции не всеми гражданами воспринимается с пониманием. Обоснованным в этой связи является сформулированный в газетном заголовке вопрос: **Кнутом или пряником?** Ответ на заданный вопрос побуждает коллективного адресата не только оценить официальные запреты и поощрения, но и обсудить возможный коллективный, а также персональный аксиологический выбор и его основания.

Учитель может, например, адресовать ребятам вопросы: Что дороже денег? / А есть ли герои нашего времени? / Что посеешь – пожнёшь? / Ученье – сеть. Как быть? Организация дискуссионного клуба будет способствовать регулярному обсуждению злободневных проблем.

В учебной практике следует учитывать, что адекватное восприятие преобразованной прецедентной единицы предполагает узнавание первичного прецедентного текста и его источника; выделение языковых средств, обеспечивающих трансформацию; интерпретацию креативного эффекта трансформации с учетом эстетического и этического критериев.

Задача, связанная с развитием креативных речевых способностей школьников, – разработка творческих упражнений, направленных на использование технологий преобразования прецедентных текстов. Творческим упражнениям должны предшествовать задания аналитического типа. Возможен также путь от инициативного творческого опыта к его анализу [Купина 2014: 9–66].

Еще раз отметим, что проведенный срезовый анализ вербальных прецедентных единиц

в составе газетных заголовков и заголовочных комплексов ориентирован на педагогическую практику. Газеты входят в круг чтения учителя, однако не являются единственным источником дидактического материала. В процессе подготовки к занятиям целесообразно обращаться к сборникам афоризмов, составленным филологами [Векшин 2008; Душенко 2001; Королькова, Ломов, Тихонов 2004; Мокиенко, Сидоренко 1999; Серов 2005 и др.], а также к тематически систематизированным сборникам пословиц и поговорок [См., например: Стернин 1986].

Заключение

В процессе исследования была доказана выдвинутая гипотеза: регулярное использование на газетной полосе готовых и преобразованных прецедентных текстов подтверждает их социокультурную и собственно лингвистическую значимость. В СМИ активно употребляются прецедентные знаки, сохраняющие живую связь с источниками. Вербальный код русской культуры в действии обнаруживает аксиологическую и эстетическую актуальность прецедентных текстов, необходимость их освоения старшеклассниками.

Адекватное восприятие содержательного наполнения прецедентных единиц в составе медиатекстов предполагает наличие у носителей языка культурно-фоновых знаний, осознание констант национальной культуры в контексте аксиологической реальности.

Естественному вхождению учащихся в культуру способствует понимание ими не буквального, а образного и аксиологического смысла прецедентных текстов, включенных в многообразные ситуации текущего времени.

Интерпретация прецедентных текстов осуществляется учителем в ориентации на языковую личность школьника с учетом результатов диагностики культурно-речевых и коммуникативных компетенций учащихся. Целевая установка – расширение индивидуального запаса единиц вербального культурного кода, формирование навыков этически уместного и эстетически целесообразного использования, а также креативного преобразования прецедентных текстов в устной и письменной речи.

Литература

Векшин, Н. Л. Русский язык в афоризмах / Н. Л. Векшин. – М. : МГУ, 2008. – 184 с.

Водолазкин, Е. Г. Дом и остров, или Инструмент языка / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 384 с.

Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–118.

Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Гудков Д. Б. – М. : [б. и.], 1999. – 42 с.

Душенко, К. В. Большая книга афоризмов / К. В. Душенко. – М. : ЭКСПО-Пресс, 2001. – 1056 с.

Ильин, И. П. Стилистика интертекстуальности: Теоретические аспекты / И. П. Ильин // Проблемы современной стилистики : сборник научно-аналитических трудов. – М. : ИНИОН, 1989. – С. 186–207.

Карасик, В. И. Языковые мосты понимания / В. И. Карасик. – М. : Дискурс, 2019. – 524 с.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 263 с.

Китайгородская, М. В. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Русские словари, 1999. – 396 с.

Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.

Королькова, А. В. Словарь афоризмов русских писателей XVII–XX вв. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 2004. – 627 с.

Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–106.

Кузьмина, Н. А. Интертекст: тема с вариациями: феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Н. А. Кузьмина. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 271 с.

Купина, Н. А. Креативная стилистика: учеб. пособие / Н. А. Купина. – М. : Флинта: Наука, 2014. – 184 с.

Купина, Н. А. Современное просторечие: взгляд изнутри / Н. А. Купина, И. В. Шалина // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 7. – С. 23–62.

Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Текст в тексте. Труды по знаковым системам. Вып. 14. – Тарту : Тарт. ун-т, 1981. – С. 3–17.

Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д. : Феникс, 2010. – 562 с.

Мокиенко, В. М. Словарь крылатых выражений А. С. Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во СПбГУ ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.

Нахимова, Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Нахимова Е. А. – Екатеринбург : [б. и.], 2011. – 44 с.

Панарина, Н. С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности : автореф. дис. … канд. филол. наук / Панарина Н. С. – М. : [б. и.], 2017. – 26 с.

Серов, В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 852 с.

Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-составители М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков ; отв. ред. М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2017. – 192 с.

Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.

Словарь языка Пушкина. Т. 1–4 / под ред. В. В. Виноградова. – М. : ГИС, 1956–1961.

Слышкин, Г. Г. Парольный потенциал прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. / редкол.: В. К. Андреева, В. И. Карасик, Е. В. Мещерякова, О. В. Коротеева. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 26–31.

Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.

Стернин, А. А. Русские поговорки об общении. Серия «Дидактический материал» / А. А. Стернин. – Воронеж : Издание автора, 1996. – 34 с.

Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.

Черняк, В. Д. Крошка сын к отцу пришёл: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы / В. Д. Черняк, К. П. Сидоренко, Е. П. Носова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 216 с.

Шалина, И. В. Уральское городское просторечие: Культурные сценарии / И. В. Шалина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 444 с.

References

Dushenko, K. V. (2001). *Bol'shaya kniga aforizmov* [Big Book of Aphorisms]. Moscow, EKSPO-Press. 1056 p.

Chernyk, V. D., Sidorenko K. P., Nosova E. P. (2021). *Kroshka syn k ottsu prishel: Pretsedentnye imena i vyskazyvaniya iz detskoi literatury* [Little Son Came to His Father: Precedent Names and Sayings from Children's Literature]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. 216 p.

Fateeva, N. A. (2000). *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts]. Moscow, Agar. 280 p.

Gudkov, D. B. (1999). *Pretsedentnye fenomeny v yazykovom soznanii i mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Precedent Phenomena in Linguistic Consciousness and Intercultural Communication]. Avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. Moscow. 42 p.

Gudkov, D. B., Krasnykh, V. V., Bagaeva, D. V., Zakharenko, I. V. (1997). Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvanii [Some Features of Functioning of Precedent Statements]. In *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya*. No. 4, pp. 106–118.

Il'in, I. P. (1989). Stilistika intertekstual'nosti: Teoreticheskie aspekty [The Stylistics of Intertextuality: Theoretical Aspects]. In *Problemy sovremennoi stilistiki: sbornik nauchno-analiticheskikh trudov*. Moscow, INION, pp. 186–207.

Karasik, V. I. (2019). *Yazykovye mosty ponimaniya* [Language Bridges of Understanding]. Moscow, Diskurs. 524 p.

Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka. 263 p.

Kitaigorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1999). *Rech' moskvichei: kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [The Speech of Muscovites: Communicative and Cultural Aspect]. Moscow, Russkie slovari. 396 p.

Korol'kova, A. V., Lomov, A. G., Tikhonov, A. N. (2004). *Slovar' aforizmov russkikh pisatelei XVII–XX vv.* [Dictionary of Aphorisms of Russian Writers from the XVII to the XX Century]. Moscow, Russkii yazyk. 627 p.

Kovshova, M. L. (2019). *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok. Antroponimicheskii kod kul'tury* [Linguistic and Cultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs and Sayings. Anthroponymic Code of Culture]. Moscow, LENAND. 400 p.

Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (2017). *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [The Dictionary of Linguoculturological Terms]. Moscow, Gnozis. 192 p.

Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow, Gnozis. 284 p.

Krongauz, M. A. (Ed.). (2016). *Slovar' yazyka interneta.ru* [Dictionary of the Language of the Internet.ru]. Moscow, AST-PRESS KNIGA. 288 p.

Krysin, L. P. (2001). Sovremennyi russkii intelligent: popytka rechevogo portreta [Modern Russian Intellectual: The Speech Portrait]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1, pp. 90–106.

Kupina, N. A. (2014). *Kreativnaya stilistika* [Creative Stylistics]. Moscow, Flinta, Nauka. 184 p.

Kupina, N. A., Shalina, I. V. (2004). Sovremennoe prostorechie: vzglyad iznutri [Modern Vernacular: An Insight]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 7, pp. 23–62.

Kuz'mina, N. A. (2011). *Intertekst: tema s variatsiyami: fenomeny yazyka i kul'tury v intertekstual'noi interpretatsii* [Intertext: Theme with Variations: Phenomena of Language and Culture in Intertextual Interpretation]. Moscow, LIBROKOM. 271 p.

Lotman, Yu. M. (1981). Tekst v tekste [The Text in the Text]. In *Tekst v tekste. Trudy po znakovym sistemam*. Iss. 14. Tartu, Tartusskii universitet, pp. 3–17.

Maslova, V. A. (2004). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Minsk, TetraSistems. 256 p.

Matveeva, T. V. (2010). *Polnyi slovar' ligvisticheskikh terminov* [The Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don, Feniks. 562 p.

Mokienko, V. M., Sidorenko, K. P. (1999). *Slovar' krylatykh vyrazhenii A. S. Pushkina* [Dictionary of Popular Expressions of A. S. Pushkin]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, Folio-Press. 752 p.

Nakhimova, E. A. (2011). *Teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya pretsedentnykh onimov v sovremennoi rossiiskoi massovoi kommunikatsii* [Theory and Methodology of Cognitive-Discursive Research of Precedent Onyms in Modern Russian Mass Communication]. Avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. Ekaterinburg. 44 p.

Panarina, N. S. (2017). *Psikholingvisticheskoe modelirovanie mekhanizma realizatsii pretsedentnosti* [Psycholinguistic Modeling of the Mechanism for the Implementation of Precedence]. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Moscow. 26 p.

Serov, V. V. (2005). *Entsiklopedicheskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii* [Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. Moscow, Lokid-Press. 852 p.

Shalina, I. V. (2009). *Ural'skoe gorodskoe prostorechie: Kul'turnye stsenarii* [Ural Urban Vernacular: Cultural Scripts]. Ekaterinburg, Izdatel'svo Ural'skogo universiteta. 444 p.

Slyshkin, G. G. (1999). Parol'nyi potentsial pretsedentnykh tekstov [The Password Potential of Precedent Texts]. In Andreeva, V. K., Karasik, V. I., Meshcheryakova, E. V., Koroteeva, O. V. (Eds.). *Yazykovaya lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki*. Volgograd, Peremena, pp. 26–31.

Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt. 990 p.

Sternin, A. A. (1996). *Russkie pogovorki ob obshchenii* [Russian Proverbs about Communication]. Voronezh, Izdanie avtora. 34 p.

Vekshin, N. L. (2008). *Russkii yazyk v aforizmakh* [The Russian Language in Aphorisms]. Moscow, MGU. 184 p.

Vinogradov, V. V. (Ed.). (1956–1961). *Slovar' yazyka Pushkina* [Dictionary of Pushkin's Language]. Vol. 1–4. Moscow, GIS.

Vodolazkin, E. G. (2017). *Dom i ostrov, ili Instrument yazyka* [Home and Island, or Language Tool]. Moscow, AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi. 384 p.

Данные об авторе

Купина Наталия Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: natalia_kupina@mail.ru.

Authors' information

Kupina Natalia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

УДК 81›373.23. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-21. ББК Ш105.316.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 10.02.01 (5.9.5)

ТЕНДЕНЦИИ ВАРЬИРОВАНИЯ ВОКАТИВНЫХ ФОРМ В МОЛОДЕЖНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

Федотова Т. В.
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина (Краснодар, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8271-7202

Аннотация. Имена собственные активно реагируют на все процессы, происходящие в социуме. Антропонимы, как и любые другие имена собственные, являются своеобразными социальными знаками, отражающими изменения в жизни общества. В статье рассматриваются вокативные формулы, созданные на основе антропонимов, используемые в молодежной среде для выражения фатической функции. В процессе анализа обращений выявлены три основные вокативные формы, имеющие разную степень частотности и соответствующую зависимость в аспекте лингвистических и экстралингвистических причин. Так, гипокористическое имя наиболее нейтрально в плане выражения субъективной оценки, и в его использовании не наблюдается особых изменений. Квалитативные деминутивные обращения создаются с помощью таких словообразовательных средств, которые нетрадиционны для системы личных имен современного русского языка и являются результатом проявления языковой игры.

Квалитативные мелиоративные формы имени представлены как деривационными вариантами, так и набором иных форм изменения имени для выражения субъективной оценки. Результатом анализа является утверждение, что современные вокативные формы представляют собой итог речетворчества с позиции именующего субъекта, где эксплицируется целевая установка номинатора, его языковое чутье, творческие способности. Кроме того, разнообразие вокативных форм в устной коммуникации дает возможность выделить три аспекта в тенденции номинатора при образовании форм обращения: деривационный, слэнговый и ментальный, где анализируются в основном нерегулярные, нетрадиционные формы обращений. Каждый представленный аспект отражает функции онима и интенции номинатора при создании обращения. Причем деривационный аспект выступает в качестве сопутствующего другим аспектам, так как любая новая форма создания вокатива опирается в том числе и на словообразовательные и семантические возможности аффиксов русского языка.

Делается вывод о том, что нетрадиционные формы обращения свидетельствуют о формировании модных тенденций в данной области, которые связаны с такими факторами, как процессы интернационализации и глобализации; целевые установки и языковое чутье номинатора, особенности языкового речетворчества.

Ключевые слова: вокатив; деривация; языковая игра; ментальность; словообразовательные модели; речетворчество; молодежь; имена собственные; антропонимы

TRENDS IN THE USE OF VOCATIVE FORMS IN THE YOUTH LANGUAGE ENVIRONMENT

Tatyana V. Fedotova
Kuban State Agricultural University named after I. T. Trubilin (Krasnodar, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8271-7202

Abstract. Proper names actively respond to all processes taking place in society. Anthroponyms, like any other proper names, are peculiar social signs that reflect changes in society. The article discusses vocative formulas coined on the basis of anthroponyms, used in the youth environment to express the phatic function. While analyzing utterances containing direct address, the author distinguishes three main vocative forms with different degrees of frequency and displaying certain dependences in the aspect of linguistic and extralinguistic causes. Thus, the hypocoristic name is most neutral in terms of expressing subjective evaluation, and its use does not show any change. Qualitative deminative addresses are coined using such word-forming means, which are unconventional for the system of personal names of the modern Russian language and are results of a language game.

© Т. В. Федотова, 2021

Qualitative meliorative forms of the name are represented by both word formation variants and a set of other forms derived to express subjective evaluation. The result of the analysis is the statement that modern vocative forms represent the outcome of speech generation from the position of the naming subject, where the purpose of the nominator, their sense of language, and creative abilities are explicated. In addition, the variety of vocative forms in oral communication makes it possible to distinguish three aspects in the nominator's formation of direct address forms: derivational, slangy and mental, where mostly irregular, unconventional forms of address are analyzed. Each aspect presented reflects the functions of the onym and the intentions of the nominator while coining a direct address. And the derivational aspect supplements other aspects, since any new form of vocative relies, among other things, on the word-forming and semantic potential of the Russian affixes.

The article concludes that unconventional forms of direct address indicate the formation of fashionable trends in this area, which are associated with such factors as the processes of internationalization and globalization, target settings and sense of language of the nominator, and the specific features of speech generation.

Keywords: vocative; derivation; language game; mentality; word formation models; speech generation; youth; proper names; anthroponyms

Для цитирования: Федотова, Т. В. Тенденции варьирования вокативных форм в молодежной языковой среде / Т. В. Федотова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 241–248. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-21.

For citation: Fedotova, T. V. (2021). Trends in the Use of Vocative Forms in the Youth Language Environment. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 241–248. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-21.

Антропонимы в ономастическом поле любого языка с позиции системно-структурных отношений и связей выступают ядерными конституентами по признаку их частотности. Сюда относятся личные имена в их официальной, домашней, уменьшительно-ласкательной и увеличительно-уничижительной (аугментативно-пейоративной) формах, отчества, андронимы, патронимы, фамилии, прозвища, псевдонимы, клички, криптонимы, уличные фамилии и др. Каждый народ имеет свои традиции именования, выражающиеся в формульности антропонимов, их наборе у отдельного носителя и в целом в этносообществе, мотивах именования, структуре имени и т. п. [Мадиева, Супрун 2010: 96].

В то же время антропонимы являются наиболее востребованной частью ономастики для выполнения фатической функции. Причем функционирование личных имен собственных имеет свои аспекты в зависимости от сферы употребления.

Как известно, обращение относится к устойчивым знакам культуры социума, которое способно транслировать традиции использования в коммуникации вокативных формул. Использование имени собственного в качестве обращения в молодежной среде имеет свои особенности, связанные со всеми переменами, имеющими отношение к культурной среде социума.

Цель статьи – проанализировать вокативные формулы, используемые в молодежной среде для выражения фатической функции, с позиции влияния лингвистических и экстралингвистических факторов.

Актуальность исследования заключается в том, что в формах вокатива прослеживается взаимосвязь с различными сторонами молодежной культуры: самооценкой, речевым этикетом, тенденциям к сленговой коммуникации.

Обсуждение и результаты. Словник обращений для анализа включает результат опроса студентов Кубанского государственного аграрного университета, в основе которого находилось анкетирование, направленное на выявление всего спектра лингвистических и экстралингвистических факторов при использовании обращений в молодежной среде. Количество участников составило более 500 человек. Исследование собранного материала позволило выявить вокативные формы в различных аспектах функционирования.

Любые имена собственные, как правило, очень «чувствительны» ко всем изменениям, которые происходят в окружающей человека среде, результатом чего онимы выступают в качестве невольных регистраторов событий, имеющих место в общественной жизни [Врублевская 2016].

Данное утверждение можно отнести к любой сфере ономастики, будь то названия торговых заведений, прозвищ, кличек животных и т. д. Однако наблюдение за функционированием имен в сфере вокативов интересно в том

плане, что данная сфера имеет свою историю возникновения, которая связана с появлением звательного падежа (вокатива), традиционного для славянских языков и определяемого как «название предмета мысли (лица), к которому обращаются с речью» [Полонский 2001]. По мнению А. В. Полонского, будучи падежом, устанавливающим контакт между говорящим и воспринимающим речь, он реализует волю говорящего. Грамматическое значение звательного падежа реализуется в присущей ему особой синтаксической функции – обращения» [Полонский 2001].

По мнению многих исследователей, способность имени выступать в позиции обращения не может быть напрямую выведена из его значения, а является особым лексико-прагматическим маркером конкретной лексемы [Рыжова 1981, Янко 2010]. Интересная точка зрения на возникновение и функционирование звательной формы имени представлена в работе М. А. Даниэля «Звательность как дискурсивная категория» [Даниэль 2008], где автор рассуждает о специфичности звательных форм в плане отклонения их поведения от морфонологических и фонетических правил конкретного языка» [Даниэль 2008: 1]. В свою очередь, Л. В. Балашова анализирует обращения в аспекте метафоричности с установкой на речевой этикет в современном сленге [Балашова 2011].

В проведенном исследовании вокативных форм в молодежной среде в качестве базовой была принята точка зрения В. И. Супруна, где используется термин «гипокористическое имя», которое может служить обращением, использоваться для выражения фатической функции и является лингвистической фреквенталией или даже универсалией [Супрун 1995]. Кроме того, автор считает «гипокористическое имя идеальной вокативной формой, которая способна отражать древние фонетико-акцентуационные закономерности [Мадиева, Супрун 2010: 100].

В качестве основных терминов, характеризующих форму употребления того или иного имени в функции вокатива, в работе используются следующие обозначения имен: гипокористическое, квалититативное, аугментативное, деминутивное и пейоративное, а также их вариации: деминутивно-мелиоративное, аугментативно-пейоративное.

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской даются следующие определения: «Гипокористическое имя (личн.) – Имя, имеющее сокращенную форму основы или одну полную основу вместо двуосновной формы» [Подольская 1978: 70]; «квалитативное имя – Имя со значением любой субъективной оценки, образованное от полной или сокращенной основы; в т. ч. аугментативное, деминутивное и пейоративное имя» [Подольская 1978: 73]. Такие имена, как правило, функционируют в устной форме и являются неофициальными.

Вокативные формы, используемые современной молодежью, претерпели некоторые изменения. Анализ обращений дает возможность выделить три основных вокативных формы, имеющие разную степень частотности и соответствующую зависимость в аспекте лингвистических и экстралингвистических причин. Разберем более детально каждую вариацию таких форм.

Гипокористическое имя, являющееся, по мнению В. И. Супруна, идеальной вокативной формой, способной отражать древние фонетико-акцентуационные закономерности: бисиллабическое слово с пенультимативным ударением: Александр > Саня, Саша, Шура; Николай > Коля, Кока; Анна > Аня, Нюра, Нюся, Нюта, Лев – Лёва, Марк – Марик [Мадиева, Супрун 2010: 100]. Как правило, это наиболее распространенная и в то же время нейтральная в выражении субъективного отношения форма обращения.

В такой функции употребляются антропонимы, которые имеют сокращения имени до двух слогов: *Владислав – Влад, Слава; Станислав – Стас, Слава; Анжелика – Жели, Лика; Маргарита – Марго, Рита; Екатерина – Катя, Рина; Всеволод – Сева, Волод; Вероника – Вера, Ника; Ангелина – Геля, Лина*. Такое сокращение связано с экономией языковых средств для более удобного общения и в то же время «для различения призываемого и именуемого объекта» [Супрун 2000: 77]. В данном варьировании реализуются законы антропонимической аббревиации, которые не претерпели каких-либо существенных изменений за прошедшие десятилетия.

Несколько иная ситуации складывается в области обращений квалитативного харак-

тера. В данном случае субъективность оценки формируется благодаря словообразовательным средствам, являющимся своеобразными маркерами, а также благодаря условиям коммуникативной ситуации, в которой они употребляются [Мадиева, Супрун 2010: 100]. Интересен тот факт, что в качестве словообразовательных средств в речи молодежных обращений выступают сочетания, которые нетрадиционны для системы личных имен современного русского языка и которые в большей степени являются результатом проявления языковой игры.

Еще совсем недавно использование разных форм вокативов опиралось на закономерности образования гипокористических форм имени с использованием аферезиса, апокопы и синкопы, а также исторических чередований и воздействия детской (лепетной) речи: Иван > Ваня, Светлана > Света, Николай > Коля, Георгий > Жора, Евгений > Женя, Владимир > Володя, Вова, Сергей > Серёжа, Фёдор > Федя, Степан > Стёпа, Лариса > Лора, Тамара > Тома, Евдокия > Дуся, Анна > Анна, Нюра, Нюся, Людмила > Люда, Мила, Люся и пр. [Супрун 2015].

Деминутивно-мелиоративные формы имени представлены огромным набором как словообразовательных средств, а именно суффиксов, так и набором иных форм изменения имени для выражения субъективной оценки. Безусловно, при обращении реализуются в основном мелиоративные (положительно окрашенные имена (Полечка)) и деминутивные (уменьшительно-ласкательные имена (Полюшка)) антропонимы [Володина 2011: 245].

Наиболее распространенным является суффикс ***-очка/-ечка,*** который наблюдается практически в любой гипокористической форме: *Таточка, Алиночка, Темочка, Светочка, Полиночка, Верочка, Димочка, Майечка, Бэллочка, Ромочка, Севочка и др.*

Не менее распространенным является суффикс ***-ушк/-юшк*** или ***-уш/-юш***, который, как правило присоединяется к основе, оканчивающейся на мягкий согласный: *Танюшка, Полюшка, Кирюшка (от Киря), Валюшка, Владюша, Кристюша, Катюша, Илюша и др.*

Использование суффикса ***-к-*** может выполнять как деминутивную, так и пейоративную функции: *Полька, Ленка и др.* По этому поводу А. Вежбицкая отмечает, что в таких случаях очень важен контекст для определения квалитативности имени, поскольку некоторые суффиксы, считающиеся пейоративными, могут и не быть таковыми: суффикс -к(а), по ее мнению, обладает универсальным значением, т. к. в определенных ситуациях дериваты выражают нежность, дружеское отношение [Вежбицкая 1996: 137–138].

Эти суффиксы всегда были традиционными в плане выражения субъективной (положительной) оценки при образовании вокативной формы.

Современные вокативные формы с субъективной оценкой представляют собой результат речетворчества с позиции именующего субъекта, где эксплицируется целевая установка номинатора, его языковое чутье, творческие способности. По мнению О. В. Врублевской, одним из факторов может служить мода на номинативный процесс [Врублевская 2016]. Отсюда и разнообразие гипокористических вариантов, которые включают не только формы сокращения имени, но и использование абсолютно «чужих», с точки зрения образования русских вокативов, аффиксов.

Вот примеры некоторых вокативных форм.

Сергей – *Серёжа, Серый, Серго, Серёга, Сер*

Наталья – *Наташа, Таша, Тата, Туся, Натуся, Натулёк, Таточка, Тусичка, Тася*

Мария – *Маша, Маруся, Мася*

Ангелина – *Лина, Геля, Лика, Гелёк*

Инна – *Иннусик, Иннулька, Инка*

Варвара – *Варя, Варюшка, Варенка, Варварка*

Светлана – Света, Вета, Лана, Светуша, Светочка, Туся, Светик

Мила – Милёнок, Милунька

Михаил – *Миханикус, Майкл, Мишаня, Миха*

Марина – *Маруся, Мару, Марио, Морена, Морина, Манюня, Мариша*

Ольга – *Оля, Олушка, Олюша, Олёу, Ольчик*

Ирина – *Ира, Ирусик, Руля, Ириша, Ирэн, Руська*

Екатерина – *Катерина, Катя, Катюша, Кати, Карен, Катун, Тютя, Рина, Кэт, Катейка, Катруся, Катеныш*

Виталий – *Витас, Витусик*

Полина – *Поля, Полюшка, Полиночка, Полишка, Полюся, Палыч*

Глеб – *Глебушка, Глебчанский, Глебенок, Глебушочек*

Агата – *Агатик, Агатенок, Агатусик, Агаша, Агатышка*

Вероника – *Ника, Никуля, Верон, Никола, Никулек, Ничка, Веронуся, Никуся*

Дмитрий – *Дима, Димон, Димас, Дим-Димыч, Митяй, Митюша, Димасик*

Майя – *Майечка, Майюня, Майюша, Майчонок, Майок*

Маргарита – *Марго, Маргоша, Маргулин, Чита-Маргарита*

Тимур – *Тима, Тимка, Тимофей, Тэмир, Тим, Тимик*

Елена – *Лена, Ленка, Лекусик, Алёна*

Матвей – *Мотя, Матвейчук, Матвейка, Мотек*

Милена – *Милё, Миленьчо, Миль, Милька*

Ксения – *Ксюша, Ксюха, Ксю, Ксюменция, Ксюндель, Ксюня*

Руслан – *Рус, Русик, Русальченго, Рустик, Русяк, Русак, Русович*

Эдуард – *Эдо, Эдоша, Эдик, Эдулик*

Роман – *Ромчик, Романыч, Ромик*

Андрей – *Андрюша, Дрюня, Андрейка*

Всеволод – *Сева, Севка, Севок, Сема, Севыч, Севан, Севчанский, Севуля, Севушка, Севчик, Волод*

Как видно из примеров, список дериватов для образования квалитативных форм имени при обращении значительно расширился: ***-анск-*** (Глебчанский от Глеб, Севчанский от Сева), ***-чук*** (Матвейчук от Матвей), ***-ович*** (Русович от Руслан), ***-аныч*** (Романыч от Роман), ***-дзе*** (Вованидзе от Вова), ***-альченго*** (Русальченго от Руслан) ***-енций-*** (Ксюменция от Ксения), ***-ндель*** (Ксюндель от Ксения), ***-аникус*** (Механикус от Михаил); ***-улик*** (Эдулик от Эдик) и т. д.

Данные образования нельзя считать новыми и тем более регулярными формами в сфере создания квалитативных имен при обращении, они лишь отражают ономастическое словотворчество номинатора, связанное с тенденцией к необычному, даже в некоторой степени, модному направлению в онимообразовании. Так, И. В. Крюкова, отмечает, что в сфере современной антропонимии можно говорить не столько о моде на какие-либо конкретные имена, сколько о формировании модных тенденций [Крюкова 2015].

Нетрадиционные примеры эксплицируют три аспекта в тенденции номинатора при образовании обращения.

Деривационный аспект.

Этот аспект включает три словообразовательных модели при образовании вокатива:

– использование аффиксов, характерных для фамилий ***-ович, -чук, -анск***, ***-дзе***, причем фамилий иностранного происхождения. Так, ***-ич/-ович/-чук*** – белорусского происхождения; ***-анск*** – польского происхождения; ***-дзе*** – грузинского происхождения.

– создание обращения по аналогии с именем нарицательным, которое имеет нерегулярный аффикс. Например ***-енциj-*** служит для образования стилистически сниженных синонимов имен существительных, от которых они образованы (книженция, собаченция, старушенция, штукенция и т. п.) – *Ксюменция, Сашенция* и т. п.; ***-ёнок/ ёныш-*** служат для названия детенышей животных (тигренок, звереныш) – *Майчонок, Катёныш, Агатёнок* и т. п.;

– вокатив создается по аналогии с производящим словом с включением большей части производящей основы: *Ксюндель* по аналогии от крендель, пендель и т. п.; Механикус по аналогии от Механикус; *Русальченго* от Айвенго и т. п.;

– при двукорневом имени квалитативные формы создаются для каждого корня отдельно с применением суффиксов, достаточно регулярных для русского имятворчества:

Екатерина = Катя (*Катя, Катюша, Кати, Карен, Катун, Тютя, Кэт, Катейка, Катруся, Катеныш)* + Рина *(Ринок, Ринуся)*;

Вероника = Вера *(Верон, Верунчик, Веронуся)* + Ника *(Никуля, Никола, Никулек, Ничка, Никуся);*

Ангелина = Геля (Гелочка, Гелёк) + Лина *(Линуся, Линочка, Лика) и т. п.*

Данный аспект является основным для последующих аспектов, так как любая новая форма создания вокатива опирается в том числе и на словообразовательные и семантические возможности аффиксов русского языка.

Слэнговый аспект.

Вокативы, формируемые по принципу образования слэнговых номинаций, выполняют экспрессивную функцию. По мнению Л. В. Балашовой, при выборе единицы, типе характеризации с ее помощью собеседника, с одной стороны, уделяется внимание той концептуальной модели, с которой деривационно связан вокатив, а с другой – выбор во многом определяется коммуникативной ситуацией, социально-этикетными правилами, свойственными данной субкультуре [Балашова

2011: 269]. В то же время нельзя согласиться с ее точкой зрения относительно того, что в отличие от литературного (этикетного) общения, большинство слэнговых обращений содержит негативную экспрессию. Л. В. Балашова отмечает, что даже если общая тональность коммуникации воспринимается как нейтральная, дружеская, подобные вокативы отражают стремление говорящего доминировать над собеседником. В качестве примера: Ах ты наш тамагоча! (о человеке, который требует много заботы, внимания к себе) [Балашова 2011: 269].

В нашем случае слэнговые вокативы формируются в большей степени по фонетическому признаку, а не по лексическому. Если в слэнговом прозвище основное внимание при его образовании уделяется отличительным (негативным или положительным) признакам человека, чертам его характера, внешности и т. п., то в слэнговом обращении главным аспектом выступают фоносемантические особенности, задействуемые в ономастическом речетворчестве.

Как уже отмечалось ранее, такая форма лингвокреативного мышления представляет собой симбиоз языковых приемов (орфографических, словообразовательных, морфологических) с целью актуализации ассоциативного потенциала имени собственного, а также эстетический аспект (намерение номинатора привлечь внимание воспринимающего субъекта).

Вокатив, аналогичный слэнговому прозвищу, создается по звуковому совпадению с апеллятивами и именами собственными, которые использует номинатор по фонетической ассоциации, с ориентацией на свой словарный запас и эмоциональной рецепцией: Максим – *Макси, Максибон,* Максимэн; Настя – *Нэски*; Соня – *Санчоус (от анчоус)*; Валерия – *Валерианка*; Вика – *Вискас*; Лиза – *Лизун*; Костя – *Кость*; Женя – *ЖКХ, Женьшень*; Кирилл – *Кириешка, Крылышко, Кирпич, Килька, KillReal*; Вадим – *Видик*; Даниил – *Даниссимо*; Кристина – *Кристаллик*; Шура – *Шнурок*; Ангелина – *Ангелок*; Варвара – *Вареник, Варикоз, Варенье, Варежка*; Мила – *Милки Вэй*; Ольга – *Оливье, Оливка, Олень*; Екатерина – *Катангенс, Каток, Картошка, Котик, Катерок, Котёнок*; Полина – *Поляна*; Руслан – *Русь, русич* и др.

Данный аспект онимообразования во многом схож с образованием прозвищ с тем лишь различием, что прозвища, как правило, создаются от фамилий и редко употребляются в форме словообразовательных моделей, так и коннотации, используемые на основе определенных ассоциаций.

Ментальный аспект.

Ориентация современной молодежи на западные ценности нашла свое отражение и в форме обращений. Как справедливо отмечал В. Г. Костомаров, «этот дух сильнее всего в молодежных слоях, определяя их психологию, притязания, их вкус, в том числе языковой» [Костомаров 1999: 139]. В сфере имянаречения в результате переосмысления исторического культурного наследия, начавшегося в 90-е годы, произошли изменения, приведшие к возвращению старых, забытых имен [Володина 2009: 107]. В сфере же вокативных форм в молодежной коммуникации сложилась кардинально противоположная ситуация. Ценностная ориентация на западный мир диктует различные способы трансформации личных имен в функции обращения: София – *Сьюзи*; Анна – *Анчо, Анета*; Валерия – *Мерлен*; Евгений – *Юджин, Джексон, Джонатан, Джони*; Кирилл – *Керил*; Давид – *Дэйв*; Владимир – *Вольдемар*; Кристина – *Крис*; Александр – *Санчо, Санчез*; Сергей – *Серж*; Наталья – *Натэла*; Алина – *Алехандро*; Марина – *Маринэ*; Екатерина – *Кейт, Катрин, Кэт*; Виталий – *Витальяно*; Александра – *Сандра, Алехандра*; Вероника – *Николь, Николетти, Верона*; Маргарита – *Маргарэт*; Тимур – *Тамерлан*; Матвей – *Матэо, Мэтью, Мэтти*; Белла –*Изабель, Бель*; Милена – *Миленьчо*; Эдуард – *Эд, Эдвард, Эдуардо*; Роман – *Роммель, Романчо*; Илья – *Ильяс*.

Как отмечалось ранее, переход собственных имен (в данном случае из одной языковой среды в другую) наблюдается при установлении взаимосвязи черт определенного фольклорного, литературного, анимационнного, кинематографического героя с субъектом номинации. Чаще этот переход или преобразование исходного имени происходит на фонетическом сходстве имен [Федотова 2019: 20].

Кроме того, обращения на иностранный манер выражают и стремление к индивидуализации имени, к его единичности на фоне аналогичных имен. Например, очень распространенным стало имя Софья/София, соответственно, обращение Сьюзи уже позволяет

идентифицировать конкретного человека и получить отклик именно от того человека, к которому обращаются.

Заключение.

В процессе коммуникации человеку всегда приходится использовать различные формы обращения для успешной коммуникации. В лингвистических исследованиях обращение рассматривают как одно из главных универсальных средств, которое способствует установлению связи между высказываниями и субъектами общения. Социально-экономические изменения в стране, речевой этикет, языковая мода, ценностные ориентиры и т. п. сыграли свою роль в сфере формирования вокативных формул среди представителей молодежи.

В результате анализа ономастического материала, который используется молодежью в качестве обращений в процессе коммуникации, можно сформулировать следующие особенности создания данных форм речи:

– обращение входит в состав таких языковых средств, которые способны выражать как смысловые, так и экспрессивно-стилистические оттенки высказывания, и должны анализироваться в соотнесении с конкретной ситуацией общения [Ильясова 2018: 77];

– выбор той или иной формы вокатива зависит от совокупности прагматических параметров ситуации речевого общения, а именно: от статусно-ролевых отношений коммуникантов, от их личных взаимоотношений, их эмоционально-психического состояния [Фирдевс 2017: 75];

– уход от традиционных форм обращения свидетельствует о формировании модных тенденций в данной области, которые связаны с такими лингвистическими и экстралингвистическими факторами, как процессы интернационализации и глобализации; целевые установки и языковое чутье номинатора, особенности языкового речетворчества и т. п.;

– ассоциативно-деривационные связи в процессе создания вокативов отражают особенности речевого творческого потенциала современной молодежи;

– коммуниканты находятся в определенных отношениях друг с другом, следовательно, выбор формы вокатива отражает, с одной стороны, знания говорящего об именуемом, о его предпочтении в отношении конкретного обращения, с другой стороны, знания об определенных конвенциях употребления той или иной формы имени [Володина 2011: 246].

Литература

Балашова, Л. В. Речевой этикет в современном сленге (на материале метафорических обращений) / Л. В. Балашова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2011. – № 2–1. – С. 266–270.

Вежбицкая, А. Личные имена и экспрессивное словообразование / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 89–200.

Володина, Н. Ю. Современный именник: стратегии имянаречения / Н. Ю. Володина // Вестник БГУ. – 2009. – № 10. – С. 106–108.

Володина, Н. Ю. К вопросу об отношении вариативности среди имён собственных (антропонимов) / Н. Ю. Володина // Вестник ИрГТУ. – 2011. – № 2 (49). – С. 244–247.

Врублевская, О. В. Антропонимическая периферия как зона активности языковой моды / О. В. Врублевская // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2016. – № 2 (51).

Даниэль, М. А. Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез / М. А. Даниэль // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. – Москва, 2008.

Ильясова, Р. С. К вопросу об обращении в современном русском языке / Р. С. Ильясова // Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 3. – С. 72–78.

Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.

Крюкова, И. В. Научные подходы к исследованию модного имени / И. В. Крюкова // Ономастические науки. – 2015. – № 6. – С. 24–28.

Мадиева, Г. Б. Антропонимы как средство выражения национальной культуры / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Известия ВГПУ. – 2010. – № 6. – С. 96–102.

Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М. : Наука, 1988. – 199 с.

Полонский, А. В. Эготив, вокатив, номинатив: субъект и падежная парадигма / А. В. Полонский // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 3. – С. 46–51.

Рыжова, Л. П. Коммуникативные функции обращения / Л. П. Рыжова // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин, 1981. – С. 76–86.

Супрун, В. И. Сокращение имен как языковая фреквенталия / В. И. Супрун // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге. – Волгоград, 1995. – С. 56–57.

Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография / В. И. Супрун. – Волгоград, 2000. – 172 с.

Супрун, В. И. Обращение как отражение русской коммуникативной культуры / В. И. Супрун. – Текст : электронный // Наука. Мысль. – 2015. – № 11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-kak-otrazhenie-russkoy-kommunikativnoy-kultury.

Федотова, Т. В. Мотивационные и деривационные тенденции в образовании прозвищ современной молодежи / Т. В. Федотова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2019. – № 5. – С. 17–21.

Фирдевс, Б. К. Обращение в современном русском языке: виды и функции / Б. К. Фирдевс // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 4. – С. 74–76.

Янко, Т. Е. Обращения в структуре дискурса / Т. Е. Янко // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. – Москва, 2010. – С. 456–468.

References

Balashova, L. V. (2011). Rechevoi etiket v sovremennom slenge (na materiale metaforicheskikh obrashhenii) [Speech Etiquette in Modern Slang (Based on Metaphorical References)]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. No. 2–1, pp. 266–270.

Daniel, M. A. (2008). Zvatel'nost` kak diskursivnaya kategoriya. Neskol'ko gipotez [Voicefulness as a Discursive Category. Several Hypotheses]. In *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Issue 4. Moscow.

Fedotova, T. V. (2019). Motivatsionnye i derivatsionnye tendentsii v obrazovanii prozvishch sovremennoi molodezhi [Motivational and Derivational Trends in the Formation of Nicknames of Modern Youth]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 5, pp. 17–21.

Firdevs, B. K. (2017). Obrashchenie v sovremennom russkom yazyke: vidy i funktsii [Circulation in Modern Russian: Types and Functions]. In *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No. 4, pp. 74–76.

Il»yasova, R. S. (2018). K voprosu ob obrashchenii v sovremennom russkom yazyke [To the Question of Circulation in modern Russian]. In *Gumanitarnye i sotsial»nye nauki*. No. 3, pp. 72–78.

Kostomarov, V. G. (1999). *Yazykovoi vkus epokhi. Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media* [The Linguistic Taste of the Era. From Observations on the Speech Practice of the Mass Media]. Saint Petersburg, Zlatoust. 320 p.

Kryukova, I. V. (2015). Nauchnye podkhody k issledovaniyu modnogo imeni [Scientific Approaches to the Study of the Fashion Name]. In *Onomasticheskie nauki*. No. 6, pp. 24–28.

Madieva, G. B., Suprun, V. I. (2010). Antroponimy kak sredstvo vyrazheniya natsional»noi kul»tury [Anthroponyms as a Means of Expressing National Culture]. In *Izvestiya VGPU*. No. 6, pp. 96–102.

Podol»skaya, N. V. (1988). *Slovar» russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka. 199 p.

Polonsky, A. V. (2001). Egotiv, vokativ, nominativ: sub»ekt i padezhnaya paradigma [Egotive, Vocative, Nominative: Subject and Case Paradigm]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 3, pp. 46–61.

Ryzhova, L. P. (1981). Kommunikativnye funktsii obrashheniya [Communicative Referral Functions]. In *Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv*. Kalinin, pp. 76–86.

Suprun, V. I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [Onomastic Field of Russian Language and its Artistic and Aesthetic Potential]. Volgograd. 172 p.

Suprun, V. I. (1995). Sokrashchenie imen kak yazykovaya frekventaliya [Name Abbreviation as Language Frecventalia]. In *Kirillo-Mefodievskie traditsii na Nizhnei Volge*. Volgograd, pp. 56–57.

Suprun, V. I. (2015). Obrashchenie kak otrazhenie russkoi kommunikativnoi kul'tury [Conversion as a Reflection of Russian Communicative Culture]. In *Nauka. Mysl': elektronnyi periodicheskii zhurnal*. No. 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-kak-otrazhenie-russkoy-kommunikativnoy-kultury.

Vezhbitskaya, A. (1996). Lichnye imena i ekspressivnoe slovoobrazovanie [Personal Names and Expressive Word Formation]. In *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Moscow, pp. 89–200.

Volodina, N. Yu. (2009). Sovremennyi imennik: strategii imyanarecheniya [Modern Namesake: Naming Strategies]. In *Vestnik BGU*. No. 10, pp. 106-108.

Volodina, N. Yu. (2011). K voprosu ob otnoshenii variativnosti sredi imen sobstvennykh (antroponimov) [To the Question of the Relation of Variability among Proper Names (Anthroponyms)]. In *Vestnik IrGTU*. No. 2 (49), pp. 244–247.

Vrublevskaya, O. V. (2016). Antroponimicheskaya periferiya kak zona aktivnosti yazykovoi mody [Anthroponymic Periphery as an Activity Zone of Language Fashion]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*. No. 2 (51).

Yanko, T. E. (2010). Obrashcheniya v strukture diskursa [Appeals in the Discourse Structure]. In *Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh*. Moscow, pp. 456–468.

Данные об авторе

Федотова Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина (Краснодар, Россия).

Адрес: 350044, Россия, Краснодар, ул. Калинина, 13.

E-mail: Fedotova66@mail.ru.

Authors' information

Fedotova Tatyana Vasilyevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian and Speech Communication, Kuban State Agricultural University named after I. T. Trubilin (Krasnodar, Russia).

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА

УДК 821.111(73)-31(Драйзер Т.):811.161.1'255.2. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-22.
ББК Ш33(7Сое)6-8,44+Ш307. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03 (5.9.2)

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР – «СОВЕТСКИЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ КЛАССИК»

Панов С. И.
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7240-7219

Панова О. Ю.
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2520-120X

Аннотация. Советский литературный пантеон популярных и любимых в Советском Союзе иностранных классиков сложился в результате целенаправленной работы советских литературных институций. Анализ феномена «советского Драйзера» – писателя, которого в СССР 1920-х годов литературная критика характеризовала как «мелкобуржуазного индивидуалиста», но уже в первой половине 1930-х объявила крупнейшим американским писателем XX века и лучшим другом Советского Союза, позволяет вскрыть и проанализировать механизм возникновения такого феномена, как «советский зарубежный классик». Исследование, выполненное в духе историко-литературного и источниковедческого подхода, опирается на детальное рассмотрение советских переводных изданий Драйзера и издательской политики, принципы которой наиболее ярко представлены в 12-томном собрании сочинений 1950–1955 гг., критики (книг и статей в периодике), в которой отразилась динамика литературной репутации Драйзера в соответствии с изменениями идеологической линии и литературной политики. В статье использованы как опубликованные, так и архивные источники, включая переписку Драйзера с советскими редакторами, критиками, литературными институциями, периодическими изданиями, а также читательские отзывы на произведения Драйзера, собиравшиеся массовым сектором Гослитиздата в 1930-е гг.: в них рядовые читатели выражали свое мнение о взглядах и убеждениях американского писателя, делились впечатлениями об его романах, сюжетах и персонажах. Особое внимание уделяется принципам отбора драйзеровских сочинений, работе советских редакторов, составителей и издателей, представлявших Драйзера советской аудитории под «правильным» углом зрения. Рассматривается феномен советских текстов Драйзера (его публикации в советской прессе, которые не печатались в США и не были известны американской публике, советские инсценировки по произведениям Драйзера) и их роль в складывании советского драйзеровского канона. Анализ этого материала позволяет реконструировать методы, использовавшиеся агентами советского «поля литературы» для создания образа Драйзера, который заметно отличался от его образа и литературной репутации у него на родине.

Ключевые слова: американская литература; американские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературный канон; советская издательская политика; советский период; литературная критика; рецепции; советско-американские литературные связи; переводная литература; переводы

© С. И. Панов, О. Ю. Панова, 2021

THEODORE DREISER AS A "SOVIET FOREIGN CLASSIC"

Sergei I. Panov
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7240-7219

Olga Yu. Panova
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2520-120X

Abstract. The Soviet literary pantheon of foreign writers widely read and popular in the USSR was made up as a result of conscious focused efforts and purposeful work of Soviet literary institutions. The case study of Theodore Dreiser (who was criticized as a "petty-bourgeois individualist" in the 1920s but gained a reputation of the greatest twentieth-century American classic and the best friend of the Soviet Union by the early 1930s) allows the researchers to uncover and analyze the mechanism of emergence of such a phenomenon as "a Soviet foreign classic". The study carried out in the spirit of historico-literary and source-based approach involves in-depth exploration of Dreiser's Soviet translations and publishing strategy that culminated in the twelve-volume collected works published in 1950–1955, as well as detailed examination of literary criticism in periodicals and books that reflected Dreiser's growing reputation – obviously a response to the changing political agenda and ideological shifts. The paper is based on published materials and unpublished documents from the Russian archives, including Dreiser's correspondence with Soviet literary institutions, periodicals, editors, critics; the authors also use feedback from readers organized and gathered by Goslitizdat – reviews and comments made by "ordinary people" on Dreiser's views and beliefs, his novels, plots, characters and style. Special attention is paid to the principles of selection of Dreiser's works by editors and publishers who presented Dreiser to the Soviet readers in the "correct" perspective. The authors look at the phenomenon of Dreiser's Soviet texts – publications in Soviet press unknown to American audience and adaptations of Dreiser's works for stage and filming, made by Soviet dramatists and their role in the formation of the Soviet canon of Dreiser. Diving into this material helps to reconstruct the methods applied by agents of the Soviet "literary field" to create and convey a specific Soviet image of Dreiser, quite different from his image and reputation at home.

Keywords: American literature; American writers; literary creative activity; literary genres; literary canon; Soviet publishing policy; Soviet period; literary criticism; receptions; Soviet-American literary relations; translated literature; translations

Для цитирования: Панов, С. И. Теодор Драйзер – «советский зарубежный классик» / С. И. Панов, О. Ю. Панова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 249–262. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-22.

For citation: Panov, S. I., Panova, O. Yu. (2021). Theodore Dreiser as a "Soviet Foreign Classic". In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 249–262. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-22.

Проблема «воспитания» советского писателя и читателя, складывания «соцреалистического канона» с одной стороны, и различные аспекты советско-западных литературных связей (включая контакты, переписку, приезды, писательский активизм и культурную дипломатию, публикацию западных авторов в СССР, посвященную им литературную критику и т.д.), с другой, в последние десятилетия не раз привлекали внимание исследователей[1]. В этом контексте представляется заслуживающим внимания такой феномен, как апроприация иностранных авторов в советский литературный канон и конструирование фигуры «советского зарубежного классика».

Начиная с 1930-х, советская культурная политика была направлена на создание пантеона зарубежных писателей – «друзей СССР», прогрессивных писателей, борцов за мир, антиимпериалистов, очень популярных и близких советским людям. Это была иная близость, чем в дореволюционной России, когда в определенные эпохи иностранная, например, французская, литература являлась «своей»

[1] См. напр. [Добренко 1997; Добренко 1999; Диалог писателей 2002; Голубев 2004; Куликова 2013; Постижение Запада 2015; Дэвид-Фокс 2015] и целый ряд др. отечественных и зарубежных исследований.

(в том числе и в плане языка) для узкого слоя образованных читателей, ощущавших свою естественную, органичную принадлежность к европейской культуре. В советской стране мы имеем принципиально иной тип присвоения иностранной литературы и зарубежных авторов – выстраивание системы сближения во многом искусственными средствами; это был процесс управляемый и методично осуществлявшийся.

Основными составляющими «технологии» по превращению иностранного автора в особый тип писателя – «советского зарубежного классика» были: литературная критика; издательская политика; присутствие автора в советской прессе, на радио в театре и кино; включение в учебные программы средней и высшей школы; работа с читателем; контакты автора с советскими коллегами по цеху – писателями, критиками, а также с функционерами, представляющими советские литературные институции. В итоге в СССР возник особый тип писателя, который можно назвать «советским зарубежным классиком». Проект этот был в целом успешным и к 1950-м он полностью состоялся: миллионы советских читателей как «свою» литературу воспринимали творчество ряда иностранных писателей, в том числе романы Фейхтвангера, Роллана, Генриха Манна или Драйзера. На этом последнем примере мы постараемся проследить, как происходила кооптация современного зарубежного литератора в советскую культуру и включение в пантеон «советских зарубежных классиков».

Созданный в СССР образ Драйзера – «титана современной литературы» резко отличался от репутации писателя на родине. Молодой дипломат Андрей Громыко, прибывший на службу в США в 1939 г., был поражен, как громом, когда обнаружил, что его преподавательница миссис Топмсон, «бакалавр-филолог, специалист в области английского языка и американской литературы», не знает о существовании Теодора Драйзера, все книги которого были перечитаны А. А. Громыко в Москве [Громыко 1990: II: 380–381]. В 1963 г. советский исследователь Драйзера И. И. Анисимов выступил перед британской академической аудиторией со специальным докладом[1], в котором проанализировал парадоксальную ситуацию очень разного отношения к писателю в СССР и у него на родине, в Америке. В СССР это всеми любимый современный классик («дружба между Драйзером и советскими читателями – нерушимая дружба»), в США – неактуальный бытописатель, сданный в культурный архив («принадлежит далекому прошлому»). Факт «экспроприации» Драйзера Советским Союзом Анисимов расценивал как несомненную победу советской культуры.

Литературная критика: репутация и образ «классика»

Статус «советского зарубежного классика» предполагал обширную критику и обилие литературоведческих работ – десятки диссертаций, монографии, постоянно появлявшиеся журнальные и газетные статьи, которые тенденциозно формировали образ писателя и внедряли его в сознание советского читателя.

Образ Драйзера и его литературная репутация претерпевали в СССР значительные, порой весьма радикальные изменения. В 1920-е-начале 1930-х гг., когда Драйзер только пришел к советским читателям, его ценили за внимание к жизни угнетенных, за показ темных сторон капитализма, за систематичность, документальность, точность и масштабность в изображении общества; в качестве недостатков отмечались индивидуализм, натурализм (влияние Дарвина, Гексли и Спенсера) с его биологизацией общества и человека, жестким детерминизмом [Ланн 1930]; отмечалось, что критикуя капитализм, Драйзер, тем не менее, принимает его как систему. Книга «Драйзер смотрит на Россию» (1928), выпущенная им по возвращении из путешествия в Советский Союз (ноябрь 1927 – январь 1928) в то время была воспринята как подтверждение его репутации «мелкобуржуазного радикала». О том, как далеко было тогда восприятие Драйзера от почтения и восхищения, которым он был окружен со второй половины 1930-х гг., свидетельствует отчет сотрудника ВОКС – Всесоюзного общества культсвязи с заграницей, подводивший итоги пребывания Драйзера в Советском Союзе:

> Дрейзер… типичный буржуазный писатель со специфической мелко-буржуазной индвидуа-

[1] АРАН. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 140.

> листической идеологией, не желающей снисходить до глубокого анализа, явления, которые по своей новизне и противоречиям являются совершенно чуждыми его, Драйзера, мировоззрению <…> Драйзер слишком стар и болен для того, чтобы вникать в суть тех явлений, с которыми ему впервые приходится сталкиваться, это с одной стороны, с другой – он абсолютно ничего не смыслит в экономике и очень мало что в политике [Александров 1988: 372].

Отзвуки критики 1920-х гг. еще явственно слышны и в предисловиях С. Динамова к первому собранию сочинений Драйзера (1928–1933):

> Да, Теодор Драйзер в своих произведениях ставит те или иные общественные проблемы, в них сверкает его отрицание тех или иных сторон американского общества, он протестует, борется, кричит, негодует. Но основное – не это, хотя для нас он ценен именно социальным. Вглядываясь в действительность, Драйзер прежде всего видит в ней особь, индивида, человека <…> Его путь – от личности к среде. Он – не социальный романист. Или, вернее, социален постольку, поскольку его герои связаны с обществом, со средой, с эпохой <…> это индивидуальное у Драйзера не есть лишь психологическое, оно предстает у него в тесной слитности со средой, внешним миром, с «вещной» действительностью <…> В общественном смысле Драйзер – гигант, на коленях стоящий перед подавляющим его колоссальным капиталистическим зданием [Динамов 1929: 7, 12].

Однако линия на поддержку «революционных мелкобуржуазных» авторов[1], привлечение их в ряды союзников способствовала укреплению репутации Драйзера. Вторым немаловажным обстоятельством было «полевение» Драйзера вскоре после его поездки в СССР под влиянием начавшейся Великой депрессии. На рубеже 1920–1930-х в РАППовской критике он характеризуется как попутчик, констатируется его сближение с Советским Союзом. Красноречивы сами названия литературно-критических статей о Драйзере этого времени – «Травля Теодора Драйзера началась» (Динамов С. «Литературная газета». 1931. 27 окт.), «Теодор Драйзер на революционном пути» (Елистратова А. «На литературном посту», 1932. № 11. С. 39–41). О нем пишут, что он стал «революционным публицистом… острым критиком капиталистической системы и пламенным защитником СССР» [Динамов 1931: 98], отмечают его публикации в левой прессе (например, в органе компартии США «Daily Worker»), поддержку им стачек и забастовок, его «атаку на капитализм, социал-фашизм, религию и диктатуру банков и трестов» [Динамов 1932: 135] в книге «Трагическая Америка» (1931). Уже с 1933 года за Драйзером окончательно закрепляется репутация «друга СССР» и «современного классика», и к середине тридцатых он превращается в одного из самых надежных и последовательных друзей СССР. Литературная критика пишет не только о творчестве Драйзера, но не в меньшей степени уделяет внимание его общественной активности – освещались, например, его поездка в Харлан к бастующим шахтерам в составе писательской делегации (1931), участие в кампании за освобождение Тома Муни и т. д.

Однако тридцатые все же не были «безоблачными» в отношениях Драйзера и СССР – о чем свидетельствует документ Иностранной комиссии Союза писателей, подготовленный для внутреннего использования:

> В связи с разногласиями, которые были у Драйзера с редакцией журнала «Нью Массес» из-за опубликования его антисемитского письма, а также в связи с его некоторыми сомнениями в отношении нашего закона против абортов (он считал это подготовкой к войне), в переписке с ним был перерыв. Во время войны Драйзер сразу занял решительную позицию на поддержку внешней политики СССР. Письмо, присланное в Иностранную Комиссию Союза советских писателей, опубликованное в «Правде» в виде статьи «Заря на Востоке», является ярким выражением симпатии Драйзера к Советскому Союзу[2].

Действительно, после массива публикаций о Драйзере 1928–1934 гг. с 1935-го и до 1941 года о нем у нас почти не пишут – словно возник какой-то заговор молчания. Однако это не случайность: очевидно, что после обнародования в 1935 г. в журнале «Nation» переписки Драй-

[1] См. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. Опубл.: Правда. 1925. 1 июля; Известия. 1925. № 25–26.

[2] Справка Иностранной комиссии Союза советских писателей: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед.хр. 117.

зера и журналиста Хэтчинса Хэпгуда по еврейскому вопросу (что дало основания для обвинения Драйзера в антисемитизме), после высказываний Драйзера о Троцком, троцкизме, московских процессах[1], советская сторона заняла выжидательную позицию. Потом началась война – в ходе которой советская пресса не раз публиковала высказывания Драйзера в поддержку СССР[2].

Окончательно канонический образ Драйзера складывается после войны и после смерти писателя – в 1950-е гг. Вступление Драйзера в компартию в августе 1945 г. позволило представить его путь как постепенный процесс идейного роста и достижения зрелости, свидетельством наступления которой становится заявление о приеме в компартию США за несколько месяцев до смерти. Советская критика «воспользовалась финальным обстоятельством его жизни, чтобы представить всю его карьеру как постепенный триумф неизбежной истины. Драйзер предстал как писатель, на протяжении полувека тщательно собиравший целые горы доказательств, внимательно и целенаправленно изучавший их, с болью и трудом преодолевавший глубоко засевшие в нем буржуазные предрассудки… и в конце концов переживший блаженное просветление» [Brown 1962: 265]. Так в критике завершается создание биографической легенды Драйзера как пути от заблуждений к истине, от мелкобуржуазных предрассудков – к марксизму, социализму и коммунизму. Именно такой образ Драйзера предстает в диссертациях, статьях, книгах и учебниках 1940-х-1970-х гг.

Еще в 1930-х гг. Драйзер вошел и в учебно-педагогический канон. С. С. Динамов и И. И. Анисимов, преподававшие в 1930-е гг. в Институте красной профессуры, в своих лекционных курсах подробно останавливались на творчестве Драйзера[3], в учебниках истории зарубежной литературы XX века глава о Драйзере появляется уже 1934 г. («Драйзер и мелкобуржуазный индивидуализм», автор Н. М. Эйшискина) [Гальперина, Запровская, Эйшискина 1934: 289–300] – и так будет и в учебниках послевоенного времени.

Статус Драйзера как классика выражался во включенности в различные культурные программы (тематические вечера, дискуссии, публичные лекции[4]), проходившие в библиотеках, в редакциях журналов, на предприятиях, в клубах. Имя классика могло присваиваться улицам, культурным учреждениям, библиотекам[5].

Издательская политика: «наследие классика»

Издательская популярность – первый признак «советского зарубежного классика»: это огромные тиражи, постоянные переиздания, новые переводы. Р. Кеннел в своей мемуарной книге «Теодор Драйзер и Советский Союз» приводит цифры из журнала «Soviet Life» (август 1966): по состоянию на 1960-й год сочинения Драйзера были изданы в СССР на 15 языках; всего они переиздавались 170 раз, общий тираж превысил 12 млн. Последнее на тот момент 12-томное собрание сочинений (1950–1955) вышло тиражом в 200 тыс. экз. [Kennell 1969: 12].

Однако важно не только, в каком количестве, но также **что** и **как** издают**.** В СССР формируется свой корпус текстов Драйзера, производится селекция его произведений, причем процесс создания из Драйзера советского писателя наглядно отражает эволюцию советского книгоиздания от 1920-х к 1950-м и далее – к 1970-м.

Драйзер пришел к русскому читателю в середине 1920-х. В эпоху нэпа отчасти был восстановлен не разрушенный еще до конца революцией дух оперативного реагирования на новинки, отслеживания живого литературного процесса. В качестве автора «Американской

[1] См.: соответствующие материалы в: [Dreiser 2011: 176–188, 199, 209–212].

[2] См. напр. телеграммы и обращения Драйзера в «Известиях» (2 июля 1941), «Правде» (18 июля 1941), «Интернациональной литературе» (1941 №№ 7–8, 11–12, 1942 №№ 6,7, 11).

[3] См. лекции С. Динамова «Теодор Драйзер» (1935) и «Об американской литературе» (1936). (ГА РФ. Ф. Р5146. Оп. 2. Ед. хр. 46.), а тж. лекцию И. Анисимова о Драйзере (ГА РФ. Ф. Р5146. Оп. 2. Ед. хр. 20).

[4] См. напр.: Теодор Драйзер. Методические материалы к вечеру, посвященному 15-летию со дня смерти. М.: ВГБИЛ, 1960. 17 с.

[5] Так, например, Ближнеборисовской сельской библиотеке (Горьковская обл.) в 1960 г. присвоили имя Драйзера (к 15-летию его смерти), а его племянница Вера Драйзер отправила в дар библиотеке посылку с материалами о писателе, где были, в частности, несколько редких фотографий. Этому был посвящен целый ряд публикаций в горьковской и центральной («Литературная газета», «Литература и жизнь») прессе.

трагедии» Драйзер привлек внимание переводчиков и издателей, и «первой ласточкой» стала публикация в 1925 г. в ленинградском «Сеятеле» в переводе Марка Волосова двух сборников рассказов – «Охота на мужчину» и «Суд Линча и другие рассказы» (они были составлены на основе авторских сборников «Двенадцать американцев», «Освобождение и другие рассказы»). Еще через два года, в 1927 г., к творчеству Драйзера обратился один из гигантов нэповского книгоиздания – ленинградское частное издательство «Мысль», где вышли сборник рассказов («Необыкновенная история и другие рассказы», пер. Т.и В. Ровинских), романы «Сестра Керри» и «Дженни Герхард» (оба в пер. М. Волосова) и книга очерков «Краски Нью-Йорка» (пер.В.Стелецкого); эта же книга под названием «Нью-Йорк» в том же 1927 году появилась и в Гослитиздате в переводе П. Охрименко. Госиздат сумел перехватить инициативу, и дальнейшая судьба «советского Драйзера» оказалась в руках государственного книгоиздания.

К моменту приезда Драйзера в СССР у советских литературных функционеров – С. С. Динамова (уже вступившего в переписку с Драйзером), Осипа Бескина (на тот момент зав. отделом художественной литературы в Гослитиздте) уже возник к нему серьезный государственный интерес. Им было ясно, что Драйзер – крупная величина, «тяжеловес» мирового литературного рынка, и слава его как создателя «Американской трагедии» – не сиюминутная популярность. Динамов пришел в гостиницу к Драйзеру для личного знакомства 4 ноября 1927 г., в первый же день пребывания писателя в Москве [Драйзер 2019: 103], а еще через две недели, 17 ноября, Драйзер вместе с Динамовым и Рут Кеннел отправился в Госиздат и подписал эксклюзивный договор на издание всех его сочинений в СССР[1]. Это был поворотный момент в судьбе драйзеровских книг в нашей стране.

Заключение контракта с Драйзером пришлось на момент начала реализации госиздатовского проекта публикации собраний сочинений зарубежных писателей[2]. Результатом достигнутого с Драйзером соглашения стал выпуск в государственно-акционерном издательстве «Земля и фабрика» его первого собрания сочинений (1928–1933), подготовленного С. Динамовым.

В этом собрании, готовившемся серьезно и тщательно, снабженном солидным критическим аппаратом[3], уже была произведена селекция произведений Драйзера. Половину томов составляли шесть вышедших к тому времени романов; три тома были отведены под сборники рассказов («Освобождение», «Цепи», «Двенадцать американцев»); с запозданием и без номера, но вышел 8-й том (1933) с «Галереей женщин». Так и остались неизданными тома 1-й (с автобиографической «Книгой о самом себе»)[4] и 9-й, который планировали назвать «По Европе и Америке (Книга путешествий)» и включить в него три травелога: «Драйзер смотрит на Россию» (1928), «Сорокалетний путешественник» (A Traveller at Forty, 1913) – о первом европейском вояже по Англии, Франции и Германии осенью 1911 г. и «Каникулы индианца» (A Hoosier Holiday, 1916) – о путешествии по родному штату Индиана. Вероятно, причиной отказа от публикации тома были разногласия по поводу допустимости издания книги Драйзера о России. Два последних травелога у нас так и не были напечатаны; из русского травелога в советский период публиковались только фрагменты[5].

Хотя сам Драйзер был фактически отстранен от подготовки советского собрания сочинений, оно, тем не менее, делалось с установкой сохранить книги в том виде, в каком их задумал и выпустил автор; так, в собрании сочинений присутствуют оригинальные авторские

[1] См. запись об этом в: [Драйзер 2019: 104, 106]. Подробный и живой рассказ о том, как проходили переговоры и подписание соглашения см. в мемуарной книге Р. Кеннел [Kennell 1969: 58–60].

[2] К 1930 г., когда ЗИФ прекратил существование и был поглощен ОГИЗом (на базе ЗИФа было создано Госиздательство художественной литературы, ГИХЛ), вышли собрания пяти авторов: Драйзера, Джека Лондона (1928–1929, полн. собр. соч. в 24 т.), Анатоля Франса (1928–1930), Жюля Верна (1930, 6 т.) и Герберта Уэллса (1930, в 15 т.)

[3] Подробнее об издании первого собр. соч. Драйзера см.: [Панов, Панова 2015].

[4] Она вышла только в 1935-м и только в журнальном варианте – в «Интернациональной литературе»; отдельным изданием до сих пор не переиздавалась.

[5] Первая глава была опубликована в сборнике к 15-летию Октября «Глазами иностранцев. 1917–1932» (М.: ГИХЛ, 1932) под названием «Что я увидел в Советской России» в пер. Н. Кадишевой. На излете советской эпохи несколько глав (в пер. О. Кириченко) были помещены в «перестроечном» сборнике публицистики Драйзера «Жизнь, искусство и Америка» (1988) и в журнале «Вопросы литературы» с предисловием А. Н. Николюкина (1989, № 11). Полностью перевод был опубликован в 12-м томе собр. соч. в 1998 г. (изд-во Терра-Книжный клуб).

сборники рассказов, соответствующие американским изданиям. В следующем собрании сочинений (ГИХЛ, 1950–1955) его составитель и редактор И. Анисимов принципиально меняет подход – и общую картину драйзеровского творчества.

Работа над новым собранием началась в конце 1930-х. Работавший тогда в ГИХЛ И. Анисимов в качестве ответственного редактора списался с Драйзером, и тот со свойственной ему педантичностью составил подробный план нового советского собрания сочинений, а кроме того, выслал комплект книг для работы над изданием[1]. В ГИХЛ, между тем, составляли свой собственный план собрания, лишь отчасти совпадавший с авторским. Драйзера долго не уведомляли о ходе работ, и только в ответ на его очередной запрос в сентябре 1940 г. Анисимов отправил автору план издания, пояснив:

> Конечно, жаль, что в эту программу не вмещаются пьесы, но мы стеснены поставленными нам размерами <…> Конечно, жаль, что сюда не войдут такие вещи, как "A Hoosier Holiday" и "The Color of Great City" <…> но, повторяю, мы можем дать только самое существенное и необходимое[2].

Публикация собрания сочинений планировалась на 1942 г., однако из-за войны оно вышло позже на десять лет (1950–1955). В процессе его подготовки возрастает роль составителя и редактора и определяется основной вектор – движение от авторских сборников к тематическим подборкам и «миксам», когда составитель следовал в первую очередь не авторской воле, но советской издательской логике (это облегчалось тем обстоятельством, что СССР не подписывал международных авторских конвенций).

Драйзер предполагал, что в готовящемся собрании сочинений, помимо романов, по томам будут распределены также и сборники рассказов и публицистики, которые он воспринимал как оригинальные авторские книги. Однако в ходе подготовки собрания эти авторские книги не вызывают ни малейшего пиетета: они разбиваются, смешиваются, дробятся; рассказы или очерки переносятся, исключаются, тасуются по решению составителя, который становится фигурой чуть ли не более значимой, чем сам автор. Именно составитель в процессе подготовки книги производил отбор, оценку, цензуру, выступал как арбитр вкуса и полновластно распоряжался авторским материалом.

В этом процессе заметны несколько градаций: 1. выборочная публикация рассказов «из сборников»; 2. создание смешанных подборок – когда вместо авторских книг появляются «повести и рассказы»; 3. сокращаются или «демонтируются» по идеологическим соображениям сборники короткой прозы и публицистики (например, «Трагическая Америка», «Америку стоит спасать») – из них выбираются только отдельные рассказы или очерки. Таким образом, больше не формируются позиции «1 том = 1 авторский сборник». Наконец, 4-й шаг – создание новых огромных «произведений» Драйзера, не предусмотренных самим автором. Это касалось публицистики, которая занимает в собрании целых два тома.

Особое внимание к публицистике Драйзера в Советском Союзе было связано не в последнюю очередь с тем, что после «Американской трагедии» (1925) Драйзер не написал ни одного нового романа, и вообще создавал крайне мало художественной прозы, посвящая себя публицистике и документалистике. Даже посмертно изданные в СССР романы «Оплот» и «Стоик» были задуманы и в основном написаны еще на рубеже 1920–1930-х гг., а в последние месяцы жизни Драйзер только завершил работу над ними[3]. Таком образом, для советских редакторов и издателей публицистика Драйзера оказалась важнейшим материалом для выстраивания его образа как художника, идущего от «мелкобуржуазных» установок и заблуждений раннего периода (социал-дарвинизм, индивидуализм) к политической и писательской зрелости, выразившейся в овладении методом соцреализма и вступлении в компартию США. Тот факт, что Драйзер так и не смог выразить свои «идейно зрелые убеждения конца жизни» в новых художественных сочинениях, замалчивался; огромные усилия прилагались, чтобы выставить публицистику 1930–1940-х гг. как образ-

[1] Т. Драйзер – И. Анисимову. 27.12.1939 [Драйзер 1988: 331–334].

[2] И. Анисимов – Т. Драйзеру (б/д). АРАН. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 311.

[3] Начатые с Драйзером в 1945 г. переговоры об условиях издания последних романов «Оплот» и «Стоик» заканчивала уже вдова писателя Хелен Драйзер. См. ее переписку с М. Аплетиным: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1106, 1117, 1132.

цы соцреализма, показать, что в центре ее стоят «интересы масс» и она полна антиамериканской пропаганды. Этой политической и эстетической задаче выстраивания идеологически выдержанного наследия Драйзера и его идеальной биографии была подчинена развернувшаяся уже после войны работа советского редакционно-издательского аппарата по созданию советского драйзеровского публицистического канона.

Для выполнения этой задачи в советской издательской стратегии реальные публицистические книги Драйзера в их изначальном виде были не нужны – и объяснение этому лежит в области идеологии: не требовалось, чтобы у советского читателя возникал целостный образ Америки с «лишними» подробностями, чтобы у него появлялось, например, искушение сравнивать положение американского и нашего рабочего, или подозрение, что идеи Драйзера, если они и близки к социализму, представляют собой не «наш» социализм, а скорее, «социал-буржуазный». Для образа Драйзера – «советского американского публициста» собирались короткие тексты, написанные по заказу для советской прессы (боевитая советская «мелочовка»), которой отдавался приоритет перед крупными публикациями на американские темы.

Хорошо заметна разница между изданием публицистики Драйзера на его родине и в СССР. В собрании сочинений, подготовленном И. Анисимовым, за период 1930–1945 гг., т. е. за время советской апроприации Драйзера, представлено 57 текстов, подавляющее большинство которых были написаны по заказу советской прессы или же сконструированы советскими редакторами без ведома автора. В американское собрание публицистики Драйзера [Dreiser 2011] за тот же период были включены 32 работы. При этом в советском собрании отсутствует примерно половина работ, включенных в американское собрание; соответственно, около двух третей работ советского собрания нет в американском сборнике. Такое расхождение наглядно иллюстрирует различие «американского» и «советского» Драйзера-публициста.

И. Анисимов, подготовив собрание сочинений 1950–1955 гг., завершил формирование советского драйзеровского канона – в дальнейшем он практически не варьируется, а только упрощается и окончательно застывает (свидетельством тому – три 12-томных собрания сочинений в издательстве «Правда» 1955, 1973 и 1986 гг.). Серьезные изменения начинаются только в «перестроечных» изданиях – в самом конце советской эпохи[1].

«Драйзер всегда с нами»: живой классик и советская пресса

Драйзеровская публицистика была важна и per se – а не только как субститут «несозданных романов в духе соцреализма». Важным условием апроприации современного западного классика было его постоянное присутствие в периодике: появление его собственных публикаций, публикаций о нем и просто упоминание его имени.

Уже с начала 1930-х гг. Драйзер начинает активно привлекаться к работе в советской печати: его статьи, очерки и прочие образчики публицистики регулярно появляются в центральной прессе – в «Литературной газете», журналах («Интернациональная литература», «Октябрь», «Молодая гвардия» и др.). За пятнадцать лет сотрудничества с советской периодикой (1931–1945) Драйзер отдал дань всем жанрам, в которых обычно выступали в советской печати иностранные писатели. Это анкеты и опросы[2], поздравления (с Новым годом, с очередной годовщиной Октябрьской революции и т. д.), соболезнования, телеграммы и заметки к юбилеям[3] и т. д. В 1941–1942 гг. в «Правде», «Известиях», журнале «Интернациональная литература» было помещено несколько телеграмм с высказываниями Драй-

[1] Попытки пересмотра канона предпринимаются в годы «перестройки». В сборнике публицистики «Жизнь, искусство и Америка» [Драйзер 1988] заметно существенное обновление корпуса публицистики. Здесь впервые сокращен объем пропагандистских «просоветских» текстов, представлены многие ранние статьи, более 80 писем и опубликованы главы книги «Драйзер смотрит на Россию».

[2] Драйзер участвовал, например, в опросе об источниках побед в хозяйственном строительстве (Правда. 1931. 7 ноября), в анкете, посвященной I съезду советских писателей (Интернациональная литература. 1934. № 3–4), анкете в связи с Пушкинским юбилеем 1937 года (Известия. 1937. 1 февраля) и мн. др.

[3] См. напр.: его приветствие Советскому Союзу в связи с 25-летием Октябрьской революции (Интернациональная литература.1942. № 11. С. 113), новогоднее поздравление в разгар войны (Правда. 1943. 3 января), заметку «О Горьком» к очередной годовщине его смерти (Интернациональная литература. 1942. № 6. С. 120), соболезнование по поводу смерти А. Н. Толстого (Литературная газета. 1945. 3 марта) и т. д.

зера в поддержку СССР в связи с началом Великой отечественной войны[1]. Публиковались и эксклюзивные статьи и очерки по заказу советских изданий, и переводные статьи из западной прессы, а также письма, адресованные советским корреспондентам и литературным институциям; регулярно появлялись в советской прессе новостные сообщения о творчестве и общественной деятельности писателя. Существовал также разряд искусственно созданных публикаций на основе драйзеровских текстов, изначально не предназначавшихся для прессы.

Перепечатки драйзеровских статей из западной прессы появлялись в советской периодике как по инициативе советских издателей, так и по инициативе Драйзера: он присылал некоторые вышедшие публикации (в виде вырезок из периодики) или, отдавая статью в то или иное американское периодическое издание, одновременно отправлял ее и в СССР в виде машинописного текста. Случалось и так, что материалы, предназначенные для американской прессы, выходили не там, а в СССР, как, например, заметка «Заря на Востоке», написанная как ответ на анкету журнала «Common Sense», но вышедшая в «Правде» (26 октября 1939).

Советскую печать в целом не слишком интересовали статьи и высказывания Драйзера по насущным для Америки проблемам: католическая церковь и американское общество, критика Нового курса Рузвельта, школьное образование, женский вопрос, литературная полемика и проч. Замалчивались его выступления, идущие вразрез с советской политикой[2], не использовались материалы, посвященные СССР, но создававшиеся «не по заказу» – так, например, не нашли отклика в советской прессе многочисленные очерки и интервью о стране Советов, которые Драйзер во множестве давал по итогам своей поездки в СССР. Зато часто перепечатывались его выступления в органе компартии США – газете «Daily Worker» и прокоммунистическом еженедельнике «New Masses».

В случае с эксклюзивными материалами, писавшимися Драйзером для советской прессы, инициатива исходила исключительно от советской стороны. Драйзер в этом случае работал на заказ – и эта миссия в качестве «друга СССР» весьма его тяготила:

> Я получил ваше письмо от 25 ноября, но чувствую себя не в состоянии выполнить вашу просьбу. <…> Я охотно откликался бы на ваши просьбы, но пока я не увижу известной взаимности и признания моих услуг и нужд, я не чувствую склонности продолжать писать статьи и посылать телеграммы за свой счет и проч[3].

> «Известия» и «Правда» забрасывают меня телеграммами с просьбами о статьях объемом от 50 до 750 и даже 1000 слов. Они просят, чтобы я отвечал телеграфом. <…> Этого я делать не стану. Не могли бы Вы объяснить им, что это уж слишком, мне кажется, достаточно и того, что текст я предоставляю бесплатно[4].

Важную роль в апроприации Драйзера в советский классический канон сыграли советские «контрагенты» Драйзера – посредники между ним и советской прессой. С конца 1920-х и до 1936 г. в такой роли активнее прочих выступал С. С. Динамов – главный редактор журнала «Интернациональная литература», постоянный автор «Правды», член редколлегии «Литгазеты». Вначале он рекомендовал Драйзера в центральную прессу, а затем Драйзеру стали постоянно писать напрямую из редакций самых влиятельных советских газет. В итоге уже к середине 1930-х гг. Динамову как главреду «Интернациональной литературы» порой приходилось «бороться» с такими могучими соперниками, как «Правда» или «Известия» за то, чтобы добыть «эксклюзив» от Драйзера.

Для наращивания эффекта постоянного присутствия «зарубежного классика» в советской прессе существовали и «вспомогательные технологии», например, фабрикация публикаций из частно-деловой корреспонденции. Драйзер вел обширную переписку с М. Я. Аплетиным, зам. председателя Иностранной комиссии ССП, с С. С. Динамовым, позже –

[1] Телеграммы Т. Драйзера, опубл. в: «Известиях» и «Правде» 1941, 2 июля; в «Правде» 1941, 18 июля; в подборках «Интернациональной литературы» «Мастера культуры о разбойном нападении Гитлера на СССР» (1941. № 7–8. С. 192–197), «Деятели мировой культуры о войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков» (1941. № 11–12. С. 315–316).

[2] См. прим. 1 на с. 253.

[3] Т. Драйзер – в редакцию «Правды». 14 янв. 1933. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 226.

[4] Т. Драйзер – С. Динамову. 28 апр. 1937 [Драйзер 1988: 326].

с Т. А. Рокотовым, исполнявшим обязанности главреда «Интернациональной литературы» с 1937 г., и др. Некоторые из этих писем – иногда полностью, а чаще в виде фрагмента – публиковались в разных журнальных и газетных рубриках. Так, в советской прессе было широко растиражировано письмо Драйзера М. Аплетину с благодарностью за присланное ему подарочное издание «Слова о полку Игореве»[1]. В 1942 г. появился текст под названием «Ответ Теодора Драйзера красноармейцу»[2]. Для этой публикации был использован фрагмент письма Драйзера М. Аплетину в ответ на присланное из Иностранной комиссии военно-патриотическое стихотворение бойца Красной Армии, в котором упоминался Драйзер как друг и соратник СССР. Получив английский перевод этого образца самодеятельного творчества, Драйзер написал несколько приличествующих случаю благодарственных строк, которые и были превращены (путем «отрезания» начала и концовки драйзеровского письма) в послание американского классика некоему советскому солдату.

Таким образом в сознании читателя создавалось ощущение вовлеченности зарубежного писателя в советскую жизнь: писатель был в курсе событий, волновавших советское общество, высказывался по важным вопросам, делился с советскими людьми своими планами. Благодаря этому он был близок и понятен читателю – но эта близость была итогом целенаправленной работы советской литературно-идеологической машины.

Драйзер и советские читатели

Усилия по конструированию образа Драйзера как «зарубежного советского классика» принесли плоды уже в 1930-е гг.: именно так воспринимали автора «Финансиста» и «Американской трагедии» тогдашние рядовые читатели:

> Чрезвычайно написано мастерским художественным языком, роман («Гений». – *С.П., О.П.*) читал с захватывающим желанием, у Теодора Драйзера замечательный стиль, и как легко читается, это просто нет никаких слов выразить восхищение. Не подлежит никакому сомнению о том, что роман «Гений» читается широкими массами трудящихся <…> (Студент Немцев А. Л. 19 лет. Хабаровск, Далькрайисполком. 28 июля 1934 г.)

> Драйзер гений. Его мастерство передачи правды изумительно. Десятилетиями ждем мы таких писателей. Лучшая вещь – «Дженни Гергард» и «Сестра Керри», все вещи, «Гений», «Финансист», «Титан», да все, все прекрасно… В библиотеках держат по 5–7 экземпляров, но, увы, их не дождаться, Драйзер всегда в ходу. (Врач. 50 лет)[3].

Правильное воспитание читателя[4] было важным звеном в формировании канонической фигуры «советского зарубежного классика». В 1933–1936 гг. ГИХЛ печатал на своих изданиях просьбы присылать впечатления от прочитанной книги. Поступившие отзывы читателей обрабатывались и некоторые из них отбирались для печати в журнале ГИХЛ «Художественная литература». Обратная связь должна была демонстрировать все возрастающую власть канона над читательской аудиторией. Часто отзывы были совершенно сходны с тем, что писала советская критика о том или ином зарубежном авторе, – в них воспроизводились клише и общие места из предисловий и статей:

> Сегодня, т. е. 9/XI-36 г., я прочитал книгу автора Т. Драйзера «Американская трагедия». Я был глубоко потрясен жизнью американской молодежи, этой хваленой цветущей страны. Это, по-моему, рвущаяся молодежь из оков нищеты к самостоятельной жизни. Как я рад, что в нашей стране этого никогда не получится, ибо наша молодежь жизнерадостна, ей представлены все права на жизнь и труд. (Лепков Михаил Иванович, счетовод, Воронежская область, Михайловский совхоз)[5].

[1] Это письмо было напечатано в «Правде» и «Известиях» от 7 февраля 1941 г., а также в «Интернациональной литературе» (1941. № 2. С. 242).

[2] Впервые появилось в газете «Литература и искусство» (1942. 4 июля). Под таким названием с 1942 по ноябрь 1944 выходила «Литературная газета» после ее объединения с газетой «Советское искусство».

[3] РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 1, 4.

[4] О работе советских литературных институций с читателем см. [Добренко1997].

[5] РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 307. Л. 73.

> Нужно ли читать эту книгу в пролетарской среде? По-моему, нужно. <…> Роман Драйзера дает картину безвыходности, зверства, обмана, в котором находится индивидуалистическое капиталистическое общество. Он целиком разбивает иллюзии о капиталистической теории, что человек наживает капиталы благодаря способности, увертливости, сообразительности. Страна, строящая социализм, должна видеть закулисы капиталистического общества, что нам дает роман «Сестра Керри» (С. П. Хлебунин, Воронеж, рабфак при ВГУ)[1].

Именно такие читательские отклики в первую очередь отбирались для печати, чтобы создать картину идейно верного понимания западной литературы советским читателем. Однако в фонде ГИХЛ в РГАЛИ сохранились также и неопубликованные письма читателей, обращение к которым позволяет увидеть, что процесс рецепции зарубежных авторов, в том числе и Драйзера, далеко не сводим к воспроизводству общих мест из литературной критики и советских идеологических клише. Порой читатели обнаруживали в романах политические ошибки и требовали их исправить, не сомневаясь, что имеют право критиковать и наставлять и комментаторов, и переводчиков, и критиков, и издателей, и даже автора:

> Мальчик Каупервуд, беря пример от омара, всю свою работу проводит, осознав одно понятие – «сильный всегда поглощает слабого». Однако столь справедливое биологическое понятие в книге дается в буржуазном понятии, где Личность (скажем, Рокфеллер или Форд) в истории может играть роль. Таким образом, в книге идеализируется роль единиц. В этом книга для советского читателя не удовлетворительная. Советский читатель верить в успех эгоистично настроенного финансового дельца не может. Вернее, он верить в это будет, но понять это явление должен по советскому духу. Книга не тенденциозна, но, несмотря на это, кое-чего изображает правдиво. Часто повторяющиеся финансовые и биржевые заторы, банкротство крупных банков, гибель капиталистов… и ряд подобных явлений, характерных лишь для капиталистического общества, кое на что проливают свет, но не дают ясной перспективы обязательного краха капитализма.
>
> В этом отношении редакционная статья товарища Динамова не достаточна. Она является краткой комментарией содержания. Необходимо при печатании таких трудов давать большевистский анализ происходящим явлениям. Этого ждать от Теодора Драйзера мы не можем. Он заграничный писатель. Но от товарища Динамова требовать можем марксистского анализа и марксистского миропонимания. <…>
>
> Книга, захватывающая по содержанию, но зато лишена идеологического смысла, рождающего бодрость, и потому… она интересна лишь как заграничная книга. Учитывая содержание, которое может только развивать буржуазный эгоизм, считаю для массового распространения негодной без более основательного предисловия. (Ананьян, г. Петропавловск Карагандинской области, январь 1933)[2].

В этой «народной критике» более раннего времени слышны отзвуки критических пассажей о Драйзере второй половины 1920-х-самого начала 1930-х гг. Но уже в середине десятилетия отзывов, призывающих помнить, что Драйзер «не наш», «заграничный писатель», почти не встречается.

Нередко читатели усматривали параллели между сюжетом романа и событиями своей жизни. Такие отзывы, с одной стороны, отражают идеологию и менталитет эпохи, но в то же время представляют собой человеческие документы, показывающие, что драйзеровские книги стали для многих советских читателей любимым чтением, важной частью жизни и настоящей ценностью.

Популяризации классика среди советской аудитории способствовали экранизации и постановки. Однако отношения Драйзера с советским театром и кинематографом складывались непросто. Находясь в СССР, Драйзер с интересом знакомился с советской театральной жизнью – он посетил МХАТ, беседовал с К. С. Станиславским, отдал ему свою инсценировку «Американской трагедии» к которой мэтр проявил явный интерес. Однако надежды Драйзера, что спектакль по его знаменитому роману будет поставлен Станиславским,

[1] РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 13.
[2] Там же. Л. 6–7.

не оправдались, так как режиссера предупредили, что пьеса не пройдет цензуру. Рассерженный Драйзер, узнав об этом, не стал предлагать Станиславскому свою пьесу «Рука гончара» (*The Hand of the Potter*, 1918), которую тоже хотел видеть на сцене МХАТа [Драйзер 2019: 294–295; Kennell 1969: 43–44]. Драйзер посещал и другие театры, в том числе Камерный А. Я. Таирова и ГОСЕТ или ГЕКТ (бывший Еврейский камерный театр) [Драйзер 2019: 180; Kennell 1969: 48–49], куда также попытался отдать «Руку гончара» (поскольку действие этой пьесы происходит в еврейском гетто)[1], но и в этом случае его усилия не увенчались успехом.

Хотя Драйзер-драматург остался неизвестным в СССР (ни одна его собственная пьеса не была у нас ни опубликована, ни поставлена), но инсценировки по его произведениям делались в немалом количестве. Наиболее известной стала пьеса Н. Г. Базилевского (Блюмкина; 1897–1965) «Закон Ликурга» (1934) по роману «Американская трагедия». Спектакли по ней ставились И. П. Ворошиловым в ЦТСА (1950) и Г. А. Товстоноговым в Театре Ленинского комсомола (1951). Н. К. Вальяно сделал драматическое переложение романа «Титан» для Академического театра драмы им. А. С. Пушкина[2]. Популярностью у драматургов пользовался рассказ «Западня»: пьеса Э. Бородовского (1938)[3] и инсценировка Е. Е. Карповой (Белоцерковской) для Театра им. Моссовета (1960)[4] получили одобрение Главреперткома, а по сценарию В. Немоляева[5] был снят черно-белый фильм «Западня» (киностудия Мосфильм, 1965).

«Мое личное мнение дорогие товарищи, это – такой роман необходимо демонстрировать через кинофильмы»[6] – с этим пожеланием одного из читателей «Американской трагедии» советские культработники были полностью солидарны. Однако фильмы по драйзеровским книгам так и не стали частью советского кинематографа сталинского времени. Хорошо известна история неудавшейся попытки С. Эйзенштейна снять фильм по «Американской трагедии» в сотрудничестве с автором романа. Драйзер всецело одобрил сценарий, задуманные Эйзенштейном кинематографические решения и многого ожидал от этой киноверсии. Он долго не оставлял попыток уговорить Эйзенштейна вернуться к проекту, о чем свидетельствуют его письма советскому режиссеру[7]. Советская экранизация «Американской трагедии» появилась только на излете советской эпохи (многосерийный фильм Литовской киностудии, реж. М. Гидрис, 1981).

Драматургия была не единственной стороной творчества Драйзера, которая «не пригодилась» для создания советского драйзеровского канона. До сих пор остаются непереведенными и неизвестными у нас стихотворения Драйзера – его сборник «Настроения» (*Moods Cadenced and Declaimed*, 1926), эротический роман «Это безумие» (*This Madness*), опубликованный в «Cosmopolitan-International» (1929). Так и не вышли травелоги Драйзера, ждут (пере)издания его автобиографические книги – «Заря» (Dawn, 1931) и «Книга о самом себе» (1922). Публицистика Драйзера заслуживает того, чтобы быть представленной во всем многообразии ее тем и проблематики. То же касается и обширного эпистолярия, который у нас до сих пор опубликован скупо и фрагментарно.

Пересмотр советского драйзеровского канона, начатый в «перестроечном» издании публицистики Драйзера «Жизнь, искусство и Америка» (1988), так и не завершен, и воссоздание более цельного и исторически адекватного образа Драйзера и его наследия – задача, которую еще предстоит выполнить.

Литература

Александров, В. Теодор Драйзер в Советском Союзе. Архивные находки / В. Александров // Вопросы литературы. – 1988. – № 5. – С. 365–373.

[1] См. Р. Кеннел – Т. Драйзеру. 17.01.28. ОР ИМЛИ. Ф. 384. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 2.

[2] Вальяно Н. К. Титан. Сценическая композиция в 4 действиях по роману Т. Драйзера. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 1160.

[3] Бородовский Э. Западня. Трагикомедия в 1 действии. По мотивам рассказа Т. Драйзера. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 7. Ед. хр. 268.

[4] Карпова (Белоцерковская) Е. Е. Западня. Пьеса в 3 действиях 9 картинах по рассказу Т. Драйзера. РГАЛИ. Ф. 2921. Оп. 1. Ед. хр. 374.

[5] См.: РГАЛИ Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2269.

[6] А. И. Цикало, счетовод, 23 года. Отзыв о романе Т. Драйзера «Американская трагедия». 19 декабря 1934 г. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 307. Л. 102.

[7] См. письма Драйзера Эйзенштейну от 1927 г., 1 сент. 1931 г., 3 янв. 1937 г. [Драйзер 1988: 286, 298, 327–328].

Гальперина, Е. Курс западной литературы XX века. Т. I / Е Гальперина, А. Запровская, Н. Эйшискина. – М. : Учпедгиз, 1934. – 356 с.

Голубев, А. В. «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии / А. В. Голубев. – М. : ИРИ РАН, 2004. – 274 с.

Громыко, А. А. Памятное / А. А. Громыко. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – 1192 с.

Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века / сост. Т. В. Балашова. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 473 с.

Динамов, С. С. Предисловие / С. С. Динамов // Драйзер Т. Собр. соч. Т. 10 «Двенадцать американцев». – М. ; Л. : Земля и фабрика, 1929. – С. 7–12.

Динамов, С. С. Теодор Драйзер идет к нам / С. С. Динамов // Литература мировой революции. – 1931. – № 10. – С. 97–103.

Динамов, С. С. Теодор Драйзер продолжает борьбу / С. С. Динамов // Марксистско-ленинское искусствознание. – 1932. – № 5-6. – С. 135–138.

Добренко, Е. А. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры / Е. А. Добренко. – СПб. : Академический проект, 1999. – 557 с.

Добренко, Е. А. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. А. Добренко. – СПб. : Академический проект, 1997. – 321 с.

Драйзер, Т. Жизнь, искусство и Америка. Статьи, интервью, письма / Т. Драйзер ; сост. Ю. Палиевская. – М. : Радуга, 1988. – 416 с.

Драйзер, Т. Русский дневник / Т. Драйзер. – М. : ЭКСМО, 2019. – 432 с.

Дэвид-Фокс, М. Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921-1941 годы / М. Дэвид-Фокс. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 568 с.

Куликова, Г. Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов / Г. Б. Куликова. – М. : ИРИ РАН, 2013. – 370 с.

Ланн, Е. Л. Пробег по современной американской литературе / Е. Л. Ланн // Новый мир. – 1930. – № 10. – С. 198–202.

Панов, С. И. Послесловие к предисловию: материалы к истории (не)издания Драйзера в СССР / С. И. Панов, О. Ю. Панова. – Текст : электронный // Новые российские гуманитарные исследования. – 2015. – № 10. – URL: http://www.nrgumis.ru/articles/1957.

Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917-1941 гг. Исследования и архивные материалы / отв. ред. Е. Д. Гальцова. – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – 872 с.

Соцреалистический канон / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. – СПб. : Академический проект, 2000. – 1040 с.

Brown, D. Soviet Attitudes Toward American Writing / D. Brown. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1962. – 338 p.

Dreiser, T. Political Writing / T. Dreiser ; ed. J. Davies. – Urbana-Chicago-Springfield, IL : University of Illinois Press, 2011. – xxv+321 p.

Kennell, R. Theodore Dreiser and the Soviet Union, 1927-1945: A First-Hand Chronicle / R. Kennell. – New York : International Publishers, 1969. – 320 p.

References

Aleksandrov, V. (1988). Teodor Draizer v Sovetskom Soiuze. Arkhivnye nakhodki [Theodore Dreiser in the Soviet Union. Archival Discoveries]. In *Voprosy Literatury*. No. 5, pp. 365-373.

Balashova, T. V. (Ed.). (2002). *Dialog pisatelei. Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei XX veka* [Dialogue of Writers. From the History of the Twentieth-century Russian-French Cultural Connections]. Moscow, IMLI RAN. 473 p.

Brown, D. (1962). *Soviet Attitudes Toward American Writing*. Princeton, NJ, Princeton University Press. 338 p.

David-Fox, M. (2015). *Vitriny velikogo eksperimenta: Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuza i ego zapadnye gosti. 1921–1941 gody* [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 568 p.

Dinamov, S. (1929). Predislovie [Foreword]. In Dreiser, T. *Sobranie sochinenii. Vol. 10. Dvenadtsat' amerikantsev*. Moscow, Leningrad, Zemlya i Fabrika, pp. 7–12.

Dinamov, S. (1931). Teodor Draizer idet k nam [Theodore Dreiser Comes to Us]. In *Literatura mirivoi revolyutsii*. No. 10, pp. 97–103.

Dinamov, S. (1932). Teodor Draizer prodolzhaet bor'bu [Theodore Dreiser Continues His Struggle]. In *Marksistsko-leninskoe iskusstvoznanie*. No. 5–6, pp. 135–138.

Dobrenko, E. A. (1997). *Formovka sovetskogo chitatelya. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoi literatury* [The Making of the State Reader: Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 321 p.

Dobrenko, E. A. (1999). *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury* [The Making of the State Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 557 p.

Dreiser, T. (1998). *Zhizn', iskusstvo i Amerika. Stat'i, interv'yu, pis'ma* [Life, Art and America. Articles, Interviews, Letters]. Moscow, Raduga. 416 p.

Dreiser, T. (2011). *Political Writing* / ed. by J. Davies. Urbana-Chicago-Springfield, IL, University of Illinois Press. xxv+321 p.

Dreiser, T. (2019). *Russkii dnevnik* [Russian Diary]. Moscow, EKSMO. 432 p.

Gal'perina, E., Zaprovskaya, A., Eishiskina, N. (1934). *Kurs zapadnoi literatury XX veka* [A Course of the Twentieth-century Western Literature]. Vol. I. Moscow, Uchpedgiz. 356 p.

Galtsova, E. D. (Ed.). (2015). *Postizhenie Zapada. Inostrannaya kul»tura v sovetskoi literature, iskusstve i teorii. 1917–1941 gg. Issledovaniya i arkhivnye materialy* [Understanding the West: Foreign Culture in Russian Literature, Art and Theory, 1917–1941. Research and Archival Documents]. Moscow, IMLI RAN. 872 p.

Golubev, A. V. (2004). *«Vzglyad na zemlyu obetovannuyu»: iz istorii sovetskoi kul'turnoi diplomatii* ["A Look at the Promised Land": From the History of the Soviet Culture Diplomacy]. Moscow, IRI RAN. 274 p.

Gromyko, A. A. (1990). *Pamyatnoe* [Memorable]. Moscow, Politicheskaya literatura. 1192 p.

Gunther, H., Dobrernko, E. (Eds.). (2000). *Sotsrealisticheskii kanon* [Socialist Realist Canon]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 1040 p.

Kennell, R. (1969). *Theodore Dreiser and the Soviet Union, 1927–1945: A First-Hand Chronicle*. New York, International Publishers. 320 p.

Kulikova, G. B. (2013). *Novyi mir glazami starogo. Sovetskaya Rossiia 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov* [The New World Viewed by the Old World. Soviet Russia of the 1920–1930s Viewed by Western Intellectuals]. Moscow, IRI RAN. 370 p.

Lann, E. (1930). Probeg po sovremennoi amerikanskoi literature [Running Through Contemporary American Literature]. In *Novyi mir*. No. 10, pp. 198–202.

Panov, S. I., Panova, O. Yu. (2015). Posleslovie k predisloviyu: materialy k istorii (ne) izdaniya Draizera v SSSR [An Afterword to a Foreword: Materials on the (Non) Publishing of Dreiser's Works in the USSR]. In *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniya*. No. 10. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/1957.

Архивные источники:

АРАН. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 140.
АРАН. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 311.
ГА РФ. Ф. Р5146. Оп. 2. Ед. хр. 20, 46.
ОР ИМЛИ. Ф. 384. Оп. 2. Ед. хр. 14.
РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 117.
РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1106, 1117, 1132.
РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 268, 1160.
РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2269.
РГАЛИ. Ф. 2921. Оп. 1. Ед. хр. 374.

АРАН – Архив Российской Академии наук
ARAN – Archive of the Russian Academy of Sciences

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
GA RF – State Archive of the Russian Federation

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
RGALI – Russian State Archive of Literature and Arts

ОР ИМЛИ – Отдел рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького РАН
OR IMLI – Manuscript Division of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Данные об авторах

Панов Сергей Игоревич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.
E-mail: sergeipanov@mail.ru.

Панова Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская 25а; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов, комн. 969.
E-mail: olgapanova65@mail.ru.

Authors' information

Panov Sergei Igorevich – Candidate of Philology, Senior Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Panova Olga Yurievna – Doctor of Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Professor of Department of Foreign Literature of Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

УДК 821.111(73)-31(Драйзер Т.):791.43(Аллен В.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-23.
ББК Ш33(7Сое)5-8,444+Щ374.3(7)6-7. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03 (5.9.2)

WOODY ALLEN AND THEODOR DREISER: PARADOXES OF NEGATED AFFINITY

Olga Yu. Antsyferova
Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1219-0134

Abstract. The paper is intended to explore the nature of the intertextual and intermedial relations between Dreiser's novel *An American Tragedy* and Woody Allen's London "exilic trilogy", including *Match Point* (2005), *Scoop* (2006), and *Cassandra's Dream* (2007). Though little is in common between a socially oriented naturalist and a self-reflexive ironist playing with cultural constructs and mythologemes, the comparative approach, complemented with adaptation theory, intermedial and genre studies, allow to analyze cultural mechanisms working in this "negated affinity" (Allen never admits the influence of the outdated socialist writer). It is argued that in post-Dreiserian American culture the story of Clyde Griffiths, captured with extraordinary artistic power by the great naturalist, acquires the status of a mythologeme, and in this capacity sporadically emerges from the depths of the cultural subconscious. Woody Allen's three movies of the early 2000s exemplify it in different media and genre modes. *Match Point* and *Cassandra's Dream* stand apart from other Allen's films about premeditated and self-justified murders (*Crimes and Misdemeanors* (1989) and *Irrational Man* (2015) among them), featuring protagonists with manifest aspiration for social ascendancy. The findings of the research are relevant for literary history, clarifying the lasting significance of Dreiser's oeuvre, for theory of adaptation, highlighting the complicated character of Woody Allen's intertextuality, and for Culture Studies, demonstrating the work of mechanisms of cultural memory and their determinants.

Keywords: Theodore Dreiser; *An American Tragedy*; Woody Allen; London exilic trilogy; intertextuality; intermediality; adaptation; mythologeme; mechanisms of cultural memory; comparative studies

ВУДИ АЛЛЕН И ТЕОДОР ДРАЙЗЕР: ПАРАДОКСЫ ЭСТЕТИЧЕСКИХ РАСХОЖДЕНИЙ

Анцыферова О. Ю.
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1219-0134

Аннотация. В статье исследуется природа интертекстуальных и интермедиальных взаимодействий между романом Теодора Драйзера «Американская трагедия» и лондонской кинотрилогией Вуди Аллена («Матч-пойнт» (2005), «Сенсация» (2006) и «Мечта Кассандры» (2007)). Хотя само существование таких связей проблематично в силу категорического несходства старомодного и тяжеловесного писателя-натуралиста, с одной стороны, и иронист, чьи тексты пронизаны интертекстуальной игрой, декларирующего собственную асоциальность и нелюбовь к Драйзеру, с другой, сравнительный анализ в сочетании с теорией адаптации и жанровой теорией помогает изучить культурные механизмы, позволяющие предположить существование данной культурной преемственности. Запечатленная с незаурядной художественной мощью Драйзером история Клайда Гиффитса приобретает статус мифологемы, и в этом качестве на протяжении всего двадцатого века то и дело всплывает из глубин культурного бессознательного, заявляя о себе более или менее явными, порой самыми неожиданными интертекстуальными и интермедиальными перекличками с Драйзером. Лондонская кинотрилогия Аллена рассматривается как один из возможных примеров этого явления. Тема преступления и наказания является магистральной для Аллена. «Матч-пойнт» и «Мечта Кассандры» выделяются среди других алленовских фильмов на эту тему («Преступления и проступки» (1986), «Иррациональный человек» (2015)) тем, что протагонисты, замышляющие убийство, одержимы в них мечтой о богатстве и повышении своего социального статуса. Сравнительный анализ сюжетики, образов протагонистов и их ценностных ориентиров показывает, что в своей трактовке проблемы преступления и наказания в этих двух фильмах Аллен, сам того не признавая, следует за Драйзером. Результаты исследования релевантны для истории литературы, проясняя значение драй-

© О. Ю. Анцыферова, 2021

зеровского наследия для современности; для теории адаптации, проблематизируя природу алленовской интертекстуальности; для исследований современной культуры США, выявляя в ней работу механизмов культурной памяти.

Ключевые слова: Теодор Драйзер; «Американская трагедия»; Вуди Аллен; «лондонская трилогия»; интертекстуальность; интермедиальность; адаптация; мифологема; механизмы культурной памяти; компаративистика

Для цитирования: Анцыферова, О. Ю. Вуди Аллен и Теодор Драйзер: парадоксы эстетических расхождений / О. Ю. Анцыферова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 263–272. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-23.

For citation: Antsyferova, O. Yu. (2021). Woody Allen and Theodor Dreiser: Paradoxes of Negated Affinity. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 263–272. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-23.

Introduction. Dreiser's *An American Tragedy* and cinema

The history of cinematic versions of Theodore Dreiser's novel *An American Tragedy* (1925), similarly to the message of the novel itself, seems to correlate with the concept of mirage. It is an unattainable and unconscious longing for the mirage of wealth and luxury that guides Clyde Griffiths in the novel – not accidentally one of the early versions of its title was "Mirage". The plotline of Dreiser's attempts to film the novel during his lifetime is marked by the same illusory, fantasmatic character: the script by Sergei Eisenstein, approved by the author, was rejected by Hollywood (1930), the movie by Joseph von Sternberg (1931), where sociological motives were thoroughly underplayed, was fiercely rejected by Dreiser who tried to sue Paramount but lost the case. George Stevens' post-war film adaptation *A Place in the Sun* (1951), shifting the action into the early 1950s with their less rigid class stratification featured a tragic love-story and protagonist's desire to dissolve into cinema-induced fantasy. The story was poetically performed by Montgomery Clift and Elizbeth Taylor. Staying somewhat apart from *An American Tragedy* (though credited as an original source), *A Place in the Sun* was to become a cult film both for the intellectuals (Jean-Luc Godard included it into his *Histoire(s) du Cinéma* (1988–1998), and for the mass media audience, the epitome of which can be seen in the main character Vikar of the novel by Steve Erickson *Zeroville* (2007) and of the eponymous movie by James Franco (2019). Ericson's novel starts with the characteristic description of the protagonist: "On Vikar's shaved head is tattooed the right and left lobes of his brain. One lobe is occupied by an extreme close-up of Elizabeth Taylor and the other by Montgomery Clift, their faces barely apart, lips barely apart, in each other's arms on a terrace, the two most beautiful people in the history of the movies, she the female version of him, and he the male version of her" [Erickson 2007].

Presumably, the history of the relationship between Dreiser's text and cinema can be perceived as a hypostasis of Roland Barthe's "death of the author": appropriating a well-documented text of a real-historical author, cinema gradually and increasingly turned it into a space of intertextual play, from which the real author is eliminated and becomes a "mirage", visible only to readers familiar with Dreiser's novel [Antsyferova 2021].

The reputation of Dreiser as a writer is notoriously low. A year after *An American Tragedy* was published, the prominent American literary critic Edmund Wilson wrote, "Dreiser commands our respect, but the truth is he writes so badly that it is almost impossible to read him". The English critic F. R. Leavis remarked in passing that Dreiser wrote as if he did not have a native language, and Lionell Trilling in his influential essay "Reality in America" (1950) saw the critical "indulgence" of Dreiser as a case of American hostility to intellect itself" [Denby 2003].

However, in a strange way, Dreiser's legacy reminds of itself again and again, sometimes in the most unexpected intermedial contexts, the most recent of which might be three Woody Allen's films, which cannot but evoke associations with the novel *An American Tragedy* in everyone who is familiar with it, despite the fact that there are no obvious or hidden allusions to Dreiser's name both in the credits and in the films themselves. My argument is that the story of Clyde Griffiths, captured with extraordinary artistic power by Dreiser, acquires the status of a *mythologeme*

in American culture, and in this capacity throughout the twentieth century emerges now and then from the depths of the cultural subconscious. Woody Allen's three movies of the early 2000s – *Match Point* (2005), *Scoop* (2006), and *Cassandra's Dream* (2007) – are considered here as yet another illustration to this fact. The paper is intended to explore the nature of the intertextual and intermedial relations between Dreiser's novel and Allen's movies. Intertextuality is understood as a mechanism of cultural memory, which allows to suggest that the use of motives and *topoi*, presumably dating back to *An American Tragedy*, is cognate to a special mythological code in Allen's film art. To this end, comparative approach is applied, supplemented with adaptation and intermedial studies along with genre theory.

§ 1. Woody Allen and Dreiser: A Case of Negated Affinity. Woody Allen's Intertextuality

Understandably, Theodore Dreiser can hardly be listed among Woody Allen's favorites. There is a famous catchphrase coming back to Allen's book *Without Feathers* (1975). Van Gogh in the comic fantasy "If the Impressionists Had Been Dentists" complains to his brother Teo: "God! I have not even a penny left for 'Novocaine! Today I pulled a tooth and had to anesthetize the patient by reading him some Dreiser" [Allen 1991: 108].

Indeed, very little can be found in common between these two authors – a socially oriented naturalist drawing upon the raw unmediated life – and a self-reflexive ironist overtly playing with cultural constructs and mythologemes

If we choose to take Woody Allen's pronouncements at their face value, then we have to admit that his art is completely devoid of social meaning. "I'm one of those people that believes there's no social value in art," he confided to an interviewer in the 1970s, "I don't believe in art as a social force." [Guthrie 1978: 144]. Declarations like this immediately sweep Allen and Dreiser to opposite poles. However, one must take into account what William Hutchins calls "inconsistencies within his own self-presentation in interviews and his own writings" [Hutchins 2003: 360]. "At times, he frankly discusses literary authors with remarkable sophistication and aplomb, articulating a post-Sartre, post-Kafka, post-Beckett worldview and aesthetic. Particularly in the later years of his career, however, he has preferred to present himself as a street-smart 'regular guy' from a Brooklyn blue-collar family – one who was thrown out of college during his first year, finds reading a chore rather than a pleasure (and does it mainly 'to keep up with my dates'), ardently follows his favorite basketball team on television, plays jazz, and drinks beer" [Hutchins 2003: 361].

Such far-reaching and at the same time dubious self-declarations may have also something to do with the multiple and unstable self-identity of a Jewish American who looks at the world through "the prism of double and multiple meanings simultaneously held and accepted". Reflecting on American Jewish humor Stephen J. Whitfield gives relevant historical background: "Heinrich Heine, along with Ludwig Boerne, is credited with the invention of the German feuilleton, the casual humorous monologue in which Jews have excelled, from the Viennese café wits to S. J. Perelman and Woody Allen. Heine helped to transmit to Jews who came after him the pertinence of irony, the prism of double and multiple meanings simultaneously held and accepted. It is the natural response of a people poised between two worlds: one, the matrix of ghetto and shtetl – to which they can no longer return; the other, the civil society of the West – in which they could not be fully at ease" [Whitfield 1982: 196].

Bearing this in mind, the comparative analysis (or juxtaposition) of these two authors proves not entirely ungrounded. In the early 2000s, Woody Allen shot three films in a row that can be putatively traced to Dreiser's novel *An American Tragedy* (*Match Point* (2005), *Scoop* (2006), *Cassandra's Dream* (2007).

In one of his interviews Allen bluntly puts, "My heroes don't come from life, but from their mythology" and expands: "American mythologies are unbelievably colorful. If you live in the country, you like cowboys. Personally, I've never greatly cared for Westerns except for *Shane* which, for me, is a masterpiece. But all the others, *High Noon*, *My Darling Clementine*, *Red River*, I appreciate them, but they don't really concern me. But then, for city people like me, gangster films mean a lot, from *Key Largo* to *Little Caesar*. They're part of my heritage" [Ciment, Tobin 2016: 122]. I would admit that this thesis about mythological roots of his creations can hardly be related exclusively to Westerns or gangster films. Those are just a couple of examples of more numerous American mytho-

logemes shaping Woody's art, including Dreiserian tragic version of American dream (social climbing).

The complicated character of Woody Allen's intertextuality whether admitted or – which is more often – not admitted by the film director himself poses the problem of "unrecognized adaptation" referring to his films. German scholar Wieland Schwanebeck notes, "Tellingly, […] only one of [Allen's] films gives credit to a literary source: his 1972 portmanteau comedy, *Everything You Always Wanted to Know about Sex*, which is a satirical take on David Reuben's popular sex manual of the same name. At the same time, *Sleeper* (1973, cowritten with Marshall Brickman) is the first Allen film to have its premise based on a single identifiable work of literature: H. G. Wells's *The Sleeper Awakens*" [Schwanebeck 2014: 362]. The fact that Allen is rarely credited as an adaptor of somebody else's material, however, "has not prevented critics from identifying some continuous key influences" in Chekhov's plays, Bergman's films, George Bernard Shaw's "Pygmalion", Dostoevsky's novels etc." [Schwanebeck 2014: 362]

Drawing upon early 2000s' controversy whether adaptations are distinctive instances of intertextuality [Hutcheon 2006] or should adaptations be understood as films that contain "a deliberate invitation [to the audience] to read them as adaptations" [Leitch 2012: 94], Schwanebeck, sharing Leitch point of view, justly concludes that the majority of Allen's films certainly do not represent adaptations and "an awareness of the many intertextual connections and hypertextual elements derived from the literary canon running through Allen's work will help the viewer acknowledge the pastiche character of Allen's films and, by implication, help deconstruct some of the romantic ideology surrounding the auteur-figure" [Schwanebeck 2014: 363]. In case of Allen/Dreiser negated affinity by no means can we speak about *adaptations* of Dresier's novel especially if Woody (as we shall see) addresses his viewer to Dostoyevsky or – more distantly – to Greek tragedy as the main source of inspiration for him. But Dreiser, unrecorded, is here.

§ 2. Three Exilic Films of Woody Allen about Crime and Punishment

In early 2000s Woody Allen left the USA and started making films on European locations. Allen himself referred to rising production costs in New York, and his success with European audiences as reasons for his "cinematic exile". Unmentioned but implied is also his sexual-abuse allegation which undoubtedly harmed his reputation among American audience. Whatever the grounds, the result seemed fruitful as often happens with talented artists.

The American film critic John Douglas Macready suggests the term "exile" for this trans-Atlantic passage: "The iconic American film auteur appears to be in exile" [Macready 2013: 95]. Correspondingly, he puts forward the definition "exilic period" for this phase of Woody's oeuvre. The term seems appropriate for at least two reasons: Allen's films of the period were marked "by his frequent absence as a character and/or by settings or locations outside the United States […] The theme of exile is so pervasive, both externally and internally, that Allen's recent body of work might be understood as his exilic period" [Macready 2013: 96].

Whatever biographic and economic reasons for crossing the Atlantic might be, even more important at the time was Allens's expressed desire to make more serious films [Lax 2007: 184]. As a result, his exile opened "a new creative space in his cinema. This space is produced by an inherent tension in the exilic experience itself – a tension between being and becoming, leaving and returning, despair and hope […] By dislocating his cinema from the United States, and removing himself from the screen, Allen has produced the necessary tension in order to enter a new creative period in his work" [Macready 2013: 96].

Different as they are in terms of a genre, the three European films under study here – *Match Point, Cassandra's Dream,* and *Scoop* – are clearly united by the theme of crime and punishment (central for Dreiser's *American Tragedy* as well), though in *Scoop* it is rendered in the comic vein. All three can be analyzed as contextually and meaningfully close as it is a well-known practice with Allen to accompany a serious film with its comic counterpart, as if transposing one theme in different modes (another example – *Zelig*, 1983, and *Midsummer Night's Sex Comedy*, 1983).

§ 3. *Match Point*: crime and luck in an unfair world

In December 2005, reflecting on his recent film *Matchpoint* in the interview for *Vanity Fair*,

Allen stated: "It's a serious picture and I haven't done a serious picture in a long time. To me, it is strictly about luck. Life is such a terrifying experience – […] Well, the truth of the matter is, you don't make your luck. So I wanted to show that here was a guy – and I symbolically made him a tennis player – who's a pretty bad guy, and yet my feeling is […] – if the luck bounces your way, you know – you can not only get by, you can flourish in the same way that I felt Marty Landau could in *Crimes and Misdemeanors* [Allen's 1989 film – *O. A.*], where he killed that airline stewardess he was having the affair with, Anjelica Huston. If you can kill somebody – if you have no moral sense – there's no God out there that's suddenly going to hit you with lightning. Because I don't believe in God. So this is what was on my mind: the enormous unfairness of the world, the enormous injustice of the world, the sense that every day people get away with the worst kinds of crimes. So it's a pessimistic film, in that sense … I feel a cynic is what they call a realist – you know what I mean? Mark Twain was pessimistic. Freud was pessimistic. So what? That's just a point of view of life." [Biskind 2016: 175]. In another interview he clarified: "What I'm really saying [in Match Point], and it's not hidden or esoteric – it's just clear as a bell – is that we have to accept that the universe is godless and life is meaningless, often a terrible and brutal experience with no hope, and that love relationships are very, very hard, and that we still need to find a way to not only cope but lead a decent and moral life" [Lax 2007: 123–124].

Critics made a good job of tracing intertextual sources/parallels for *Match Point*. Thus, W. Scwnebeck recapitulates criticism finding the Dostoevskyan themes (and plot) of *Crime and Punishment* (e. g., O. Stuchebrukhov), and some motives of Patricia Highsmith's novel *The Talented Mr. Ripley* (E. Bronfen) [Schwanebeck 2014: 363]. An LA film critic Scott Foundas finely delineates the intertextual horizons of *Match Point*: "Chris Wilton is a Highsmithian cipher who adopts bits and pieces of others' personalities as he goes and, like *Crimes and Misdemeanors*' Dr. Judah Rosenthal, he's a man who will ultimately kill to protect his position in life. Yet if […] Judah was wracked with guilt over ordering the death of his mistress, there's barely a trace of compunction to be found in Wilton's steely, blue-eyed gaze and sotto voce Irish lilt" [Foundas 2016: 177].

It should be noted, though, that in *Match Point* Allen is extraordinarily explicit about the literary predecessor of his protagonist Chris Wilton. After Wilton has arranged to rent a flat in London, thus inaugurating this Irish poor boy's post-tennis effort to "make something of himself," Allen pictures him alone in his apartment, reading. The guy has two different books, each of the titles the viewer can plainly see: Dostoevsky's *Crime and Punishment* and *The Cambridge Companion to Crime and Punishment*. "Wilton apparently doesn't share his creator's antipathy to criticism", ironically comments Peter J. Bailey, putting his finger on this manifest allusion [Bailey 2016: 319].

Despite such misleadingly obvious authorial genealogy and despite the absence of references in *Match Point* to Dreiser's novel, I would suggest that there are some features resonating with Dreiser, and quite a number of reviewers do recognize it. Among the critics who pay homage to Dreiser's influence is W. Hutchins within his more general topic of viewing Woody Allen across the literary canon: "There are […] notable structural parallels with Theodore Dreiser's *An American Tragedy*: Chris Wilton, like Clyde Griffiths, is an ambitious social climber whose social ascendancy takes him into a world of corporate respectability; he too carefully plans the murder of his mistress (who has refused an abortion) in order not to lose his opportunities brought by a much wealthier woman he loves (and, in Wilton's case, has married); each concocts a devious ruse to make the death seem accidental (an interrupted drug robbery in *Match Point*, a drowning in *An American Tragedy*); in both cases, documents prove incriminating (Nola's diary, Roberta's letters). Of the two, however, only Clyde Griffiths is arrested, tried, convicted, and electrocuted for his crime; Chris Wilton, though obviously no less guilty, evades arrest because at a crucial moment an object happened to bounce one way rather than the other […] A universe in which such apparent inequity and injustice occur – when so much depends on the all-important but uncontrollable bounce of a certain small object, controlled only by chance, the logistics of randomness, and the law of gravity – is the epitome of the absurd. Whether Wilton goes on to any Raskolnikovian remorse of conscience is left for each viewer to imagine; there is very little if any indication that he will" [Hutchins 2013: 371–372]. Clearly, the moral message of *Match Point* is per-

ceived as ambiguous which corresponds with authorial intentions expressed in Allen's interviews.

Several critics noted similarities between Allen's film and *A Place in the Sun* (1951), George Stevens's film version of Theodore Dreiser's great naturalistic novel: "In both films a young man of little means and great ambition impregnates a girl who will stand in the way of a marriage to another woman with all the money and luxury in the world. The latter qualifies only as a slight exaggeration for Allen's film in light of the ostentatious and apparently endless wealth and luxury of the setting and world of *Match Point*" [Girgus 2013: 567]. The comparison with George Stevens' films goes along the lines of aserting drastic change in ethical and moral expectations: "In *A Place in the Sun*, the young man, George Eastman, as played by the amazing Montgomery Clift, ultimately will die in the electric chair. [...] the language and ethical view of the film condemns him for the evil and self-centeredness in his mind and his heart. [...] In *Match Point,* of course, Chris Wilton, the tennis pro played by Jonathan Rhys Meyers, gets away with the premeditated murder of his girlfriend, Nola Rice (Scarlett Johansson), who is pregnant with his child, and the planned murder of another innocent victim, Nola's neighbor, who was part of his scheme to make the murder look like the result of a burglary gone bad" [Girgus 2013: 567].

Though the final scenes of *Match Point* evoke associations with Greek tragedy ("the dead return like a Greek chorus to bemoan their fate and the living speak of the importance of luck") no catharsis is in store for the audience just as no repentance or atonement is expected from the protagonist. "In contrast, for all of its moralisms, rigid religiosity, cruel unfairness, and perversely punishing conscience, the film from the very middle of the last century, *A Place in the Sun*, also insists on the existence of a moral dimension to life and a transcendent ethical responsibility toward real people in society. *Match Point*, however, seems to insist on nothing, a void that fulfills Kristeva's vision of purposeless nihilism" [Girgus 2013: 568].

Surprisingly, the same tragic overtones lead Christopher J. Knight to completely different interpretation of the finale of *Match Point*. The critic is very definite about clear-cut moral message of the film: "Wilton, following the murders, is, like Macbeth, haunted by his victims' ghosts. They return; they take up residence in his conscience; and they will not let him rest, though he, like Judah in *Crimes and Misdemeanors*, still holds to the thought that this is possible. 'You can learn,' he says to the ghosts, 'to push the guilt under the rug and go on. You have to. Otherwise, it overwhelms you.' But the guilt does appear to undo, if not to overwhelm, him" [Knight 2013: 85].

Characteristically, the critic defines the late style of Woody Allen as *naturalistic*, bringing us back to Dreiser: "It is a naturalism that tends to place the viewer in a morally vexed space, for we find ourselves surprisingly anxious for the safety of the murderers themselves, be they Clyde Griffiths in *An American Tragedy*, Chris Wilton (Jonathan Rhys Meyers) in *Match Point*, or Ian (Ewan McGregor) and Terry Blaine (Colin Farrell) in *Cassandra's Dream*. And in *Match Point*, we are especially set up this way for the reason that the film's opening monologue, addressed to the audience, is spoken by Wilton" [Knight 2013: 84]. So, the dubious character of *Match Point finale* is ascribed to naturalist aesthetics, in other words – to Dreiser's legacy.

§ 4. *Cassandra's Dream*: crime and tragedy of moral sense

Filmed in the United Kingdom, *Cassandra's Dream* relates the story of two working-class brothers from South London, – Terry (Colin Farrell) who has a gambling addiction and Ian (Ewan McGregor), both longing for better life. The brothers buy a brand-new sailboat at a very low price and name it "Cassandra's Dream", after a greyhound that won Terry the money to buy the boat. Coming from blue-collar family, the brothers know nothing of Greek mythology (in contrast, probably, to any regular intellectual viewer of Allen's films who immediately decodes the signals) and are unaware of the ominous connotations of this name: as we know, Cassandra's prophecies of doom went unheeded by those around her. Both Terry and Ian badly need money – one to pay his gambling debts, the other – to finance his life with an actress he is in love with and to promote her career in Hollywood. To solve their financial problems, they ask their American uncle Howard, a successful plastic surgeon and businessman, for a help. He agrees to lend them a hand, but asks in return to murder someone for him. Eventually, the brothers succeed in carrying out the murder. However, Terry confides that he wants to turn himself in

to the police. Ian and uncle Howard agree there is no alternative but to get rid of Terry. Ian plans to poison his brother on the boat, but at the decisive moment he cannot bring himself to kill Terry. In the chaos, Terry knocks Ian down the steps into the cabin, accidentally killing him. The police later deduced after the unpremeditated murder Terry drowned himself. The last shot of the film features the boat "Cassandra's Dream", as beautiful as ever, despite the tragedies that happened on its board.

Cynthia Lucy is certainly right construing the main theme of *Cassandra's Dream* as that of **status** – "how it is gained, lost, and internalized with consequences that cut to the very core of identity and self-esteem" [Lucia 2008: 40]. Reflecting upon the category of status in *Cassandra's Dream*, Allen not accidentally cites: "In terms of the Greeks, themes of status *put morality to the test* [italics mine. – O.A.] to see just how far you'll go to achieve what it is that you want – the social climbing, the notoriety, the fame, the fortune. Whether it's *Macbeth* or some other work, it's a standard motivating factor" [Lucia 2008: 42].

In this interview to *Cineaste* in 2008, Allen contemplates upon the very different outcome for the brothers in *Cassandra's Dream* in comparison to protagonists of *Crimes and Misdemeanors* and *Match Point* who literally get away with murder, in other words – "is it largely a question of class – or one of conscience?" The artist again pessimistically and stoically insists that though he grew up "in a society and a culture where those who preached to us said that crime didn't pay and that the bad guy always wound up trapped in the end and the good guy triumphed" it was clear to him that life was not that way, and it works the same for all classes and strata. "So I always felt that, barring a heaven and a hell – a religious solution, which I did not believe in – and barring the fact that the bad guy does not always get caught, the only thing you have is your own sense of morality… It's not like a fairy tale; there is no penalty" [Lucia 2008: 42].

There is one more issue crucial for our argument. When asked if it is possible that the stories told in *Cassandra's Dream* and *Match Point* could be adapted to an American setting, explicitly answers: "It's not at all connected to that – that's just a chance byproduct. I wrote *Match Point* originally about an upper-class family in the Hamptons [a popular seaside resort in Suffolk County, New York – O.A.]. I made the switch to England where the social imperative gets magnified. The same is true of *Cassandra's Dream*. I wrote that and set it in England but I could have easily made it about two brothers living in Brooklyn, Queens, or Manhattan and an uncle with a proposition and with the same tragic events that occur, though status does get magnified in the more socially-conscious, class-conscious society of London" [Lucia 2008: 41]. Even for the author himself the stories told by Allen are perceived as typically American stories of success, sort of "Trilogy of Desire", where London setting is "a chance by-product".

For Allen "*Cassandra's Dream* is about fate. When asked how the theme of fate figures into the visual design of the film, the author characteristically recurs to the aesthetical discourse for many years connected with idea of determinism: "I thought the film should be shot *naturalistically* and that things should unfold in a simple narrative. It was not the kind of film that should have any stylization-it shouldn't have any dream sequences in it; it should be a *naturalistic* evolvement of that particular idea" [Lucia 2008: 42; italics mine – O.A.]. Conceived as a very serious film on the level of Greek tragedies, Allen chooses the discourse of naturalism to make it clear that the only hope in the unfair world is "your own sense of morality", in other words – conscience. "As Terry says to his brother Ian about the murder scheme – forced upon them by their uncle Howard, whose large business dealings will unravel if his associate is allowed to testify against him – "this is wrong, Ian, it's just wrong." [Knight 2013: 85].

On the whole, *Cassandra's Dream* proves to be a tragedy of Greek proportion. Ancient Greek tragedy overshadows the narrative about two brothers living in South London and striving for a better life. It is signaled by the references to Euripides, Medea, and Clytemnestra, as well as by the sailboat's prophetic name.

§ 5. *Scoop*: a comic interlude

I have mentioned already the way with Woody Allen to transpose the same theme into different genre registers (or modes). "Tragedy is a form to which I would ultimately like to aspire. I tend to prefer it to comedy. Comedy is easier for me. There's not the same level of pain in its creation, or the confrontation with issues or with oneself, or the working through of ideas". This statement, made in 1979, as if looks forward to *Match Point*

and *Cassandra's Dream*, for these two films figure, even more so than *Crimes and Misdemeanors*, as **tragedies**, wherein the hope for reconciliation – the hope that defines comedy – is experienced as tenuous [Knight 2013: 86]. For Allen, **tragedy's** form assumes a special appeal late in his career, for it allows him to pursue questions, philosophical and theological, that he conceives as more challenging than those presented by comedy.

The point should be made though that Allen does not entirely forego comedy – *Scoop* (2006) is largely comic, being also an exception in another sense. Woody returns as an actor and makes himself visually present on the screen as a comic character of magician Sid Waterman, aka "The Great Splendini", demonstrating the habitual Jewish American in-betweenness and adaptability, which culminates in the final scene of the film where Sid Waterman, Splendini, already dead and is now a passenger on the barge of death, continues performing for his fellow spirits the same magical gags and comedy routines he did in life.

In terms of genre, *Scoop* can be called romantic crime comedy, in terms of plotline it seems to have very little in common with the two serious films discussed earlier. It can be viewed as a comic interlude between them, and also as a playful paraphrase of *Match Point*, subtly hinting to crucial episode of Dreiser's *An American Tragedy* – to the episode of the attempted murder of a girl-mistress in a boat on a lake, the murder this time failed. (The girl turned out to be a good swimmer, and the attempt was also rigged by her). The irony to the situation adds the fact that the two parts – cruelly murdered Nola in *Match Point* and happily surviving and very resourceful Sondra Pransky – are played by the same Scarlett Johansson.

Conclusion. Dreiser or no Dreiser?

From this brief survey of Woody Allen's exilic London trilogy it might be deduced that Dreiser's pervasive presence in it is sensed by the majority of reviewers. The picture would be incomplete if we ignored another very categoric stance – the Socialist one. Joanne Laurier from *World Socialist Website* emphatically states: "Woody Allen directs *Match Point*: No Dreiser". Her juxtaposition of Woody Allen and Dreiser is definitely in favor of the latter. In largely sociological vein (vulgar sociological, I would call it) she claims, "In their effusive praise for the film, a section of the critics have invoked Dreiser's *American Tragedy* as the source material for *Match Point*. This is an unjustified slight against the great novel, which is a scathing indictment of a social mechanism that encourages dreams only to mercilessly use and destroy those who attempt to pursue them" [Laurier 2006]. Tracing *Matchpoint* to the real-life background, the socialist critic reminds her readers of the Scott Peterson case (Peterson was convicted in California in November 2004 of murdering his pregnant wife) and laments: "At the time of the Peterson conviction, the WSWS wrote: "Who is writing the Scott and Laci Peterson 'tragedy?' As far as we know, no one. America has no Dreiser today, or anyone resembling him – not even a Truman Capote, who attempted to trace certain pathological tendencies in American society following a cold-blooded killing in Kansas in 1959." [Laurier 2006]. So, the evocation of Dreiser's name in connection with Woody Allen' trilogy is considered an insult to the name of the great socialist writer.

I would rather remember another real-life case: all three Allen's films were shot around 2006 – the 100th anniversary of Gillet-Brown's case, which served as the main source for Dreiser's *American Tragedy*. This anniversary did not pass unrecognized by media. Thus, the *Journal News of Westchester, New York*, commemorated the centennial of the Gillette-Brown case, recalling both the murder trial and Dreiser's lawsuit a quarter of a century later [Merck 2007: 2]. Besides, on the eve of the hundredth anniversary of the 1906 case, a new opera based on it was given its world premiere. Composed by Tobias Picker with a libretto by Gene Scheer, *An American Tragedy* debuted at the Metropolitan Opera in New York on December 2, 2005" [Merck 2007: 6].

There is something ironical in this revisiting of Dreiser's novel in connection with the anniversary of the real-life Gillet-Brown's case he documented in his novel. Mandy Merck even derives the name of Woody Allen's *Match Point* character Chris (Wilton) from Chester (Gillet). As if there were no Dreiser's novel…But would anyone remember Chester Gillet today but for Clyde Griffiths?

The survey of critical reception of Woody Allen exilic London trilogy demonstrates that Dreiser's pervasive presence in it is sensed by the majority of reviewers, but almost none reflects upon the nature of this paradoxically negated affinity. Kate Marshall seems to be a telling exception hypo-

thesizing that "the persistent recasting of the novel [*An American tragedy*] throughout the twentieth century" highlights "its insistent techniques for rendering its own mediality: this is, in part, what its adaptations pick up on and reincorporate into the cinematic form" [Marshall 2013: 242]. The critic tends to consider Woody Allen's 2005 film *Match Point* as one of *An American Tragedy*'s "afterlives in the range of real and imagined film adaptations throughout the twentieth century" [Marshall 2013: 242].

I would foreground another aspect of the history of the relationship between Dreiser's text and cinema. In post-Dreiserian American culture the story of Clyde Griffiths, captured with extraordinary artistic power by the great naturalist, acquires the status of a mythologeme, and in this capacity emerges now and then from the depths of the cultural subconscious. Woody Allen's three movies of the early 2000s – *Match Point* (2005), *Scoop* (2006), and *Cassandra's Dream* (2007) – present yet another illustration to it.

Allen is very sociologically minded in *Match Point* and *Cassandra's Dream* dealing with socially meaningful themes of crime and punishment and also of social status and its cost. These themes are among permanent hot issues for Allen and cannot be limited to *Match Point* and *Cassandra's Dream*. Before them: in 1989 Allen shot *Crimes and Misdemeanors* about the dentist Judah Rosenthal who ordered the death of his now-unwanted mistress to preserve his family peace and who successfully gets away with the murder. In 2015 Allen returns to the same theme in *Irrational Man*. The protagonist – a university professor Abe Lucas experiencing a spiritual crisis – tries to overcome it by administering justice in his own very special way – by killing an unfair judge. The perfect murder leads him to another attempt at homicide – of his girl-friend who presses him to go to the police. But this time luck is against the protagonist: Abe, who has recently started enjoying life, attempts to kill Jill by pushing her into an elevator shaft, but stumbles backward and falls down the shaft to his death. The second murder is rather ironically prevented by the murderer's death.

Match Point and *Cassandra's Dream* stand apart in this cluster of Allen's "murder films". The two represent cinematic narratives where the protagonists are social climbers committing murders to achieve a better social status and prosperity. A very Dreiserian theme, indeed. No one else before the author of *The Trilogy of Desire* and *An American Tragedy* managed to explore with such artistic power the tragic side of American dream – yearning for money and social success. In his exilic films shot on London location Allen also renders this theme in tragic mode, specially underscoring that the setting of the films – whether European or American – does not matter much.

In his social analysis of crime and its moral consequences Woody Allen *volens nolens* follows Dreiser's footsteps.

References

Allen, W. (1991). If the Impressionists Had Been Dentists (A fantasy exploring the transposition of temperament). In *The Complete Prose of Woody Allen: Without Feathers. Getting Even. Side Effects*. New York, Wings Books, pp. 105–112.

Antsyferova, O. (2021). Cinematic Mirages of Theodore Dreiser. In *Literatura dvukh Amerik*. No. 11 *(to be published)*.

Bailey, P. J. (2016). *The Reluctant Film Art of Woody Allen*. Second edition. The University Press of Kentucky. 451 p.

Biskind, P. (2016). Reconstructing Woody. In Kapsis, R. E. (Ed.). *Woody Allen: Interviews*. University of Mississippi, pp. 161–175.

Ciment, M., Tobin, Y. (2016). Interview with Woody Allen: "My Heroes Don't Come from Life, but from their Mythology". In Kapsis, R. E. (Ed.). *Woody Allen: Interviews*. University of Mississippi, pp. 120–130.

Denby, D. (2003). The Cost of Desire. In *The New Yorker*. April 21. Vol. 79. Issue 9. URL: https://www.newyorker.com/magazine/2003/04/21/the-cost-of-desire (mode of access: 12.08.2021).

Ericson, S. (2007). *Zeroville. The first chapter*. URL: https://www.nytimes.com/2007/12/02/books/chapters/1st-chapter-zeroville.html (mode of access: 12.08.2021).

Foundas, S. (2016). Still a Working Stiff. In Kapsis, R. E. (Ed.). *Woody Allen: Interviews*. University of Mississippi, pp. 176–182.

Girgus, S. B. (2013). Afterword: The Abyss: Woody Allen on Love, Death, and God. In Bailey, P. J., Girgus, S. B. (Eds.). *A Companion to Woody Allen*. John Wiley & Sons Incorporated, pp. 559–573.

Guthrie, L. (1978). *Woody Allen: A Biography*. New York, Drake Publishers. 183 p.

Hutcheon, L. (2006). *A Theory of Adaptation*. London; New York, Routledge. 304 p.

Hutchins, W. (2013). Woody Allen and the Literary Canon. In A Companion to Woody Allen. In Bailey, P. J., Girgus, S. B. (Eds.). *A Companion to Woody Allen*. John Wiley & Sons Incorporated, pp. 359–380.

Knight, Ch. J. (2013). "Raging in the Dark": Late Style in Woody Allen's Films. In Bailey, P. J., Girgus, S. B. (Eds.). *A Companion to Woody Allen*. John Wiley & Sons Incorporated, pp. 73–94.

Laurier, J. (2006). *Woody Allen directs Match Point: No Dreiser*. URL: https://www.wsws.org/en/articles/2006/02/wood-f08.html (mode of access: 12.08.2021).

Lax, E. (2007). *Conversations with Woody Allen: His films, the Movies and Moviemaking*. New York, Knopf. 393 p.

Leitch, T. (2012). Adaptation and Intertextuality, or, What isn't an Adaptation, and What Does it Matter? In Cartmell, D. (Ed.). *A Companion to Literature, Film, and Adaptation*. Malden, Wiley-Backwell Publishing Ltd, pp. 87-104.

Lucia, C. (2008). Status and Morality in *Cassandra's Dream*: An Interview with Woody Allen. In *Cinéaste*. Vol. 33. No. 2 (SPRING), pp. 40–43.

Macready, J. D. (2013). A Difficult Redemption: Facing the Other in Woody Allen's Exilic Period. In Bailey, P. J., Girgus, S. B. (Eds.). *A Companion to Woody Allen*. John Wiley & Sons Incorporated, pp. 95–115.

Marshall, K. (2013). Dreiser's Stamping Room: Becoming Media in "An American Tragedy". In *NOVEL: A Forum on Fiction. Summer*. Vol. 46. No. 2, pp. 234–252.

Merck, M. (2007). *Hollywood's American Tragedies: Dreiser, Eisenstein, Sternberg, Stevens*. Bloomsbury Publishing Publishers. 172 p.

Schwanebeck, W. (2014). Oscar's Unrecognized Adaptations: Woody Allen and the Myth of the Original Screenplay. In *Literature/Film Quarterly*. Vol. 42. No. 1, pp. 359–372.

Whitfield, S. J. (1982). Laughter in the Dark: Notes on American-Jewish Humor. In Pinsker, S. (Ed.). *Critical Essays on Philip Roth*. Boston, G. K. Hall, pp. 194–208.

Данные об авторе

Анцыферова Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. 11, ауд. 190.

E-mail: olga_antsyf@mail.ru, o.antsyferova@spbu.ru.

Author's information

Antsyferova Olga Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Associate Professor of Department of History of Foreign Literature, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.111-4(Уортон Д.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-24. ББК Ш33(4Вел)5-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03 (5.9.2)

"PATHETIC" LITERARY CRITICISM IN THE ESSAYS BY JOSEPH WARTON: A COMPROMISE BETWEEN AUGUSTANISM AND PRE-ROMANTICISM

Oleg Y. Polyakov
Vyatka State University (Kirov, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9362-7720

Abstract. The article deals with the critical essays of an outstanding 18th century English writer Joseph Warton who is traditionally viewed only as the beginner of the revision of A. Pope's heritage and a pioneer of English Pre-Romanticism. Meanwhile, his publications in *The Adventurer* make it possible to study more thoroughly and objectively the sources and basic tenets of his aesthetic theory which is distinguished by heterogeneity and which reflects the transition state of English literary criticism in the mid-eighteenth century. The aim of this article is to make a comprehensive examination of Warton's essays in order to clarify the peculiarity of his critical method and define his role in the formation of English Pre-Romanticism. The research methodology rests on a modernized conception of 18th century English literary process, which approaches its development not from the point of view of its stadial character, but as a complex phenomenon, distinguished by a compromising character of the writers' and critics' aesthetic search and interpenetration of the leading literary trends. The paper analyses the genesis of Warton's literary theory and the specificity of his views on the mimetic nature of art in a broad context of ancient and English aesthetic ideas with focus on the basic elements of his conceptions of imagination, the sublime, and the pathetic. Warton's position in the ancient-modern controversy and his views on genre poetics are also considered. It is shown that the central place in the critic's aesthetics belongs to the category of the sublime, the conception of which was developed by him under the influence of Pseudo-Longinus, Quintilian and J. Addison. This conception determines his reception of biblical texts, Homer's and Shakespeare's works. Meanwhile, Warton's views go back to both Pseudo-Longinian and Horatian ideas which presuppose, respectively, the original and the universal in the artistic representation. These influences determine a compromise between neo-classical (Augustan) and pre-romantic approaches in his literary criticism.

Keywords: neo-classicism; pre-romanticism; the sublime; the pathetic; the ancient-modern controversy; the category of imagination; Joseph Warton; *The Adventurer*

«ПАТЕТИЧЕСКАЯ» КРИТИКА В ЭССЕИСТИКЕ ДЖОЗЕФА УОРТОНА: МЕЖДУ АВГУСТИАНСТВОМ И ПРЕДРОМАНТИЗМОМ

Поляков О. Ю.
Вятский государственный университет (Киров, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9362-7720

© О. Ю. Поляков, 2021

Аннотация. Статья посвящена анализу литературно-критических эссе видного английского писателя, публициста XVIII в. Джозефа Уортона, которого представляют, как правило, лишь в качестве зачинателя пересмотра ценности художественного наследия А. Поупа и одного из родоначальников предромантического движения в Англии. При этом корпус публикаций Уортона в журнале «Эдвенчерер» дает возможность более полно и объективно изучить истоки и фундаментальные положения его эстетической теории, отличавшейся гетерогенностью и отразившей состояние переходности в английской литературе и литературной критике середины XVIII в. Цель данной статьи – всесторонне рассмотреть эссеистику Дж. Уортона с целью уточнения особенностей его литературно-критического метода и определения его роли в процессе формирования английского предромантизма. Методология исследования опирается на обновленную концепцию английского литературного процесса XVIII в., которая представляет его не столько с позиций стадиальности, сколько как комплексный феномен, отличающийся компромиссностью идейно-художественных исканий писателей и критиков и взаимопроникновением ведущих литературных методов. В статье анализируются в широком контексте античной и английской эстетической мысли генезис эстетики Уортона и специфика его взглядов на миметическую природу творчества, рассматриваются основные положения его концепций воображения, возвышенного и патетического, проявленные в литературно-критических текстах журнала «Эдвенчерер», раскрываются позиция Уортона в споре «древних и новых» и его представления о жанровой поэтике. В ходе исследования показано, что определяющее значение в эстетике Уортона имеет категория возвышенного, представления о которой у него сложились под влиянием Псевдо-Лонгина, Квинтилиана и Аддисона и которая определяет особенности его рецепции библейских текстов, творчества Гомера и Шекспира. При этом литературная теория английского мыслителя восходит в равной мере к как к псевдо-лонгиновскому, так и к горацианскому началам, актуализирующим, соответственно, оригинальное и универсальное в художественной репрезентации, что обусловливает взаимодействие в его литературной критике классицистических (августианских) и предромантических подходов.

Ключевые слова: классицизм; предромантизм; возвышенное; патетическое; спор «древних и новых»; категория воображения; Джозеф Уортон; «Эдвенчерер»

Для цитирования: Поляков, О. Ю. «Патетическая» критика в эссеистике Джозефа Уортона: между августианством и предромантизмом / О. Ю. Поляков // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 273–283. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-24.

For citation: Polyakov, O. Y. (2021). "Pathetic" Literary Criticism in the Essays by Joseph Warton: a Compromise between Augustanism and Pre-Romanticism. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 273–283. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-24.

Introduction

Joseph Warton (1722–1800) was an outstanding man of letters who, after studying at Oxford, took up spiritual, pedagogical and literary career, that of a church rector, a schoolmaster and a poet. His most prominent achievement was made in the field of literary criticism: he is considered one of the precursors of Romanticism, a defender of genius, enthusiasm and poetic "fire". As a periodical critic of the 18th century, Joseph Warton deserves to be honoured together with J. Addison and R. Steele, S. Johnson and O. Goldsmith, although he is mostly known and merited as the author of the fundamental *Essay on the Genius and Writings of Pope* (1756–1782). His essays, published in the *Adventurer* (1752–1754), are outstandingly representative of the aesthetic search of his epoch concerned with the problems of original art and the sources of literary imitation, the categories of genius, the sublime, and the pathetic.

Joseph Warton tended to analyse particular literary texts, relying mainly on his own emotive response and general psychological attitudes rather than normative criticism, and his critical method, being descriptive and based on inductive empirical approach, anticipated significant changes in reviewing, associated with overcoming the neo-classical taste.

A complex study of J. Warton's essays is an actual matter, as it makes it possible not only to present his criticism in a wider context of aesthetic ideas of his time, but also to reveal border elements in his literary theory representative of the compromising character of English Neo-Classicism as a whole, which is seen in the interrelation of neo-classical, sentimental and pre-romantic poetics in it.

Considering J. Warton's periodical criticism an insufficiently studied issue, we aim to outline the aesthetic foundations of his reviewing by analysing the *Adventurer* essays in the context of the critic's predecessors' and contemporaries' opinions. We will consider the specificity of J. Warton's views on the mimetic nature of art, highlight his

conceptions of imagination, the pathetic, and the sublime, reveal his attitude to the ancient-modern controversy, genre theories of his time and characterize his contribution to the advancement of psychological and historical methods of criticism. Finally, relying on the provided data, we will focus on evaluating J. Warton's role in forming the theoretical basis of Pre-Romanticism in English literature.

Methodological framework of the study

The methodology of the study is based on the previous research of Joseph Warton's critical heritage and, more essentially, on the reconsidered conceptions of the eighteenth-century English literary evolution, which is seen nowadays not as a straightforward movement from Neo-Classicism to Pre-Romanticism, but as a complex phenomenon distinguished by heterogeneity of aesthetic basis and interpenetration of the leading literary trends. This approach was anticipated by the works of N. Frye, B. Bronson, and R. Wellek [Frye 1956: 144–152; Bronson 1968: 3–4; Wellek 1981, 1st ed. 1955: 30], and in Russian literary studies it was developed by O. Y. Polyakov [Polyakov 2003: 7–10].

The number of works, devoted to the *Adventurer* essays on literature, is rather scarce. In the late 19th and early 20th c. G. Saintsbury [Saintsbury 1904] and H. Beers [Beers 1926] forwarded the problem of "romantic" tendencies in J. Warton's literary criticism. H. Trowbridge studied the genesis of Warton's aesthetic theory and his conception of imagination on the material of his essays more profoundly [Trowbridge 1937]. Nevertheless, he did not consider the category of the pathetic in the critic's works published in the *Adventurer*.

In the 1930–1950s, several generalizing works on the history of criticism appeared, in which Warton's essays on Shakespeare were estimated. R. Wellek, in particular, marked their importance as one of the first specimens of a new kind of criticism, "probably, psychological" [Wellek 1981: 117]. A. Bosker, who appreciated the critic as a "defender of taste", relied on the *Essay on Pope*, leaving Warton's periodical essays without attention [Bosker 1953]. J. Atkins, who represented the development of the 18 c. English literary criticism as a steady movement towards romantic ideas, declared Warton one of the first apologists of original art, ignoring neo-classical elements of his aesthetics [Atkins 1951].

Then followed a break in studying J. Warton's critical heritage, which ended in the 1970s, when J. Pittock's book *The Ascendancy of Taste* was published. This work considers mainly aesthetic context of Warton's criticism [Pittock 1973]. Then J. Vance gave a brief survey of the *Adventurer* essays on literature and emphasized that, in spite of undervaluing Homer's *Iliad* and English Restoration comedy, Warton judged literary pieces objectively and contributed much to the eighteenth century Shakespearean and Miltonian criticism [Vance 1983].

In the 1990–2010s, J. Warton's works attracted attention of scholars only occasionally: mostly, his *Essay on the Genius and Writings of Pope* was referred to in surveys of the history of English neo-classical criticism [Nisbet, Rawson 2005] or in the studies of particular aspects of 18 c. English literary process, such as the classical reception in the national literature of the period [Hopkins, Martindale 2012] and the formation of the national literary canon [Kramnik 1997]. In Russia, J. Warton's criticism is predominantly viewed as an aesthetic source of Pre-Romanticism [Solov'eva 2005: 34–35; Lukov 2006: 160–161]. His periodical essays were once considered in the context of transformations of genre criticism in mid-18 c. England [Polyakov 2003: 129–155].

Undoubtedly, putting forward the issue of the sources of pre-romantic aesthetics in J. Warton's literary criticism may sound disputable, as it tends to ignore a long and fruitful tradition in English literary theory, which helped to promote new aesthetic values (original imagination, the sublime, etc.). Warton's conceptions were anticipated by T. Hobbes, J. Locke, J. Addison, D. Hume and M. Akenside, whose works were to become true sources of pre-romantic theory. Nevertheless, the most active shaping of new critical approaches occurred in the mid-eighteenth century, and from this point of view, J. Warton's works, especially his periodical publications, are of considerable interest.

Results and discussion

Joseph Warton was the author of the greater part of critical essays published in the *Adventurer* to which he started to contribute his papers after joining the famous Samuel Johnson's Club. The journal identified itself as a moral periodical, so Warton's essays are predominantly didactic, al-

though their ethical bias often gives way to aesthetic functions of literature, its subjective reception by the readers and psychological mechanisms of didactic effects.

Like S. Johnson, J. Warton was conscious of the succession of his periodical to J. Addison's *Spectator*, the archetypal model of didactic journalism, which led him to comparing his aesthetic views with those of the prominent Augustan. The *Spectator*'s critical essays encouraged J. Warton to reflect on artistic strengths of J. Milton's *Paradise Lost*, emotional aspects of tragedy, the ancient-modern controversy and the functions of criticism.

Warton's reception of Addison's criticism is often polemical. Summing up his publicist activities, he wrote in *Adventurer* 139 (1754) that criticism should perform social functions by correcting tastes of those who prefer "the tinsel of a Burletta" to "the gold of Shakespeare" [The British Essayists 25: 303].To achieve it, it must regain its high academic status which was lost when Addison declared his aim to bring "philosophy out of closets and libraries, schools and colleges, to dwell in clubs and assemblies, at tea-tables, and in coffeehouses" [*The Spectator*: 46]. Contemporary criticism, hasty and superficial, needs sophistication, so Warton demands that "literary subjects should be again introduced among the polite and gay", who would articulate their ideas "without laboring too much to disguise them like common prattle"; criticism "should be weeded of folly and impertinence, of common-place rhetoric, jingling phrases" [The British Essayists 25: 303]. This urge for rationalization, sophistication of critical discourse was not new (it was one of the aims of S. Johnson's periodical activity) and it was an important aspect of the self-reflection of criticism which recognized its significant socio-cultural mission. Men of letters were conscious of the fact that the massification of the basic categories of criticism, which was a result of its cooperation with periodicals, resulted in the bloom of pedantry mocked in the collective images of pseudo-critics, such as Dick Minim and Timothy Tittle.

It is quite understandable, then, that J. Warton turned to the most complicated aesthetic problems and issues of critical methodology. In particular, in *Adventurer* 49 (1753) he considered the works of Rapin, Le Bossu, Brumoy and Fenelon that had come to fashion among his contemporaries. Their treatises "administer great consolation to the indolent and incurious, to those who can tamely rest satisfied with second-hand language" and are ready to speak about the virtues of Greek and Roman classical works without reading the originals [*The Adventurer* 2: 107]. He demands that critics should scrupulously analyse texts, comprehend their "spirit and scale" and reveal authors' individual manners. Thus, it is obvious that he tends to a break with neo-classical critical techniques by making a shift from the general to the particular, from poetics and authoritative interpretations to the text *per se* and the personality of its creator. Besides, criticism of Neo-Classicism from the positions of the classics was a major liberating factor of the development of mid-eighteenth-century English literary theory. Turning to ancient literary heritage, not mediated by French interpretations, was characteristic of English criticism in 18 c. (Ch. Gildon, J. Addison, S. Johnson), thus confirming a comparatively autonomous development of the national literary thought.

J. Warton's concern with classical literature influenced his position in the ancient-modern controversy. He was convinced that ancient writers had surpassed new authors in epic poetry, yet he praised J. Milton as the author of *Paradise Lost* for "the sublime conceptions he has copied from the Book of God" and revealed convincingly the personages' psychology [The British Essayists 25: 226].

Warton regards that it is not the static scenes of Eden or episodes portraying celestial battles that should be praised most, but the depiction of Adam's and Eve's lamentations on being expelled from Eden, or Satan's speech at the beginning of Book IX, in which "his inextinguishable pride and fierce indignation against God, and his envy towards man are so blended with an involuntary approbation of goodness, and disdain of the meanness and baseness of his present undertaking" that one can consider it "the most natural, most spirited, and truly dramatic speech, that is, perhaps, to be found in any writer whether ancient or modern" [*The Adventurer* 3: 266]. This remark is evident of Warton's subtle critical vision and his ability to perceive the complexity of the epic characters. Like S. Johnson, he gives priority to the subjective response of critics who must "judge from their own sensations" and not to be "content to echo the decision of others" [*The Adventurer* 3: 265].

In the genre of tragedy the critic merits Shakespeare, Racine and Corneille who can compete

with Aeschylus, Sophocles and Euripides, and in the field of comedy he declares the superiority of Moliere over all ancient masters. The French playwright did not limit himself by portraying ordinary personages, he studied "the numberless varieties of human nature" [The British Essayists 25: 262], noticed their subtle distinctions and depicted them with an outstanding artistic talent, in particular, in the characters of Tartuffe, Alcestis and Garpagone. The critic states that Moliere's plays represent the true nature of the genre which he limits by the comedy of character, noting that its main traits are originality and individuality of the character type.

In this sense, plays written by Restoration comedians, especially those of W. Congreve, in which the protagonists go back to the trivial type of a libertine, are inferior to Moliere's comedies. Besides, their dramatic works are permeated with "false satire, ribaldry, obscenity, and blasphemy"; murderers, gamesters, knaves and spendthrifts are depicted in them with sympathy, "but a faithful husband is a dupe and cuckold, and a plain country gentleman a novice and a fool" [*The Adventurer* 3: 84].

Moral tendencies in J. Warton's criticism, his support of decorum and sophisticated style that witness his reception of neo-classical standards, are also evident in his remarks about satirical genres. He thinks that Boileau's and Pope's satires surpass those of ancient authors, Horace and Juvenal, as their poems are more exquisite and their ridicule is less straightforward. Warton claims that one of the achievements of the "new" masters of satire, not known in the ancient times, was the creation and development of heroic comical poem. N. Boileau, A. Pope and S. Garth, having travestied the high epic kind, provided their works with "dignity and gracefulness" [The British Essayists 25: 264].

The superiority of the new in the satirical and comical genres is explained in the *Adventurer* by socio-political reasons, by the fact that European monarchies used to cultivate secular communication which made private and public vices more evident to become an object of ridicule. It is important that Warton drew literary analysis beyond the limits of poetics by focusing on social determination of literary facts. Later, in his *Essay on the Genius and Writings of Pope*, he declared authoritatively that it is impossible to judge correctly about literature of the past without taking into consideration the "climate, country and age" that begot it.

Warton's historical thinking led him to the conclusion that ancient culture could not be restored and a blind imitation of the masterpieces of Antiquity would be fruitless. This motivated him to join the discussion of original and imitative art in which such prominent men of letters as S. Johnson and R. Hurd took part. Proper imitation, according to him, presupposes not borrowing the style of the ancient, not using their epithets or expressions, but "catching a portion of their spirit, and adapting their images and ways of thinking to new subjects" [The British Essayists, vol. 24: 300]. Specimens of such ideal imitations can be found in Racine's (*Phaedra, Iphigenia*) and Milton's (*Paradise Lost*) works.

Warton's interest in Racine is quite remarkable, for he considered the ability to portray characters, appealing to the spectators' sympathy, a major virtue of an author. Sensibility and the pathetic are the notions so often referred to in the *Adventurer* essays that one can conclude about the influence of sentimentalism on J. Warton. The critic considered the pathetic in a close connection with the sublime, the latter being a matter of concern of many thinkers who turned to Pseudo-Longinus. S. Monk notes that Warton's aesthetic views, as well as those of E. Young and R. Hurd, took shape in the process of revision of Neo-Classicism from the point of view of originality and imagination, the categories praised by the ancient critic [Monk 1960: 63]. Their immediate predecessors were D. Hume, M. Akenside, J. Bailey and R. Lowth. R. Hume in *A Treatise of Human Nature* (1739) considered the sublime from the point of view of its emotional impact and reflected on the functions of spacious properties of the objects influencing imagination. M. Akenside (*The Pleasures of Imagination*, 1744), following J. Addison, emphasized the significance of large-scale natural phenomena for evoking sublime feelings. J. Bailey (*An Essay on the Sublime*, 1747) deepened the tendency for liberating the sublime from rhetorical interpretations and separated this aesthetic category from the pathetic. Like T. Burnett, J. Dennis and J. Addison, he thought that observations of the impressive natural events lead one to the idea of the Creator's greatness.

Growth of the interest to the sublime (encouraged partly by the critical revision of Milton's he-

ritage) was connected with repeated attempts to comprehend the Bible from the point of view of Pseudo-Longinus's theory. The Holy Scripture was considered a specimen of high eloquence since the Middle Ages (St. Augustine). In the eighteenth century, J. Dennis (*The Grounds of Criticism in Poetry*, 1704) and J. Addison (*Spectator* essays on *Paradise Lost*, 1712) highlighted the role of the biblical imagery as a source of the sublime in Milton's poem. Ideas of Christianity, according to Dennis, have all the properties of Pseudo-Longinus's sublime ("tender response of the soul, power and duration of impression") [Dennis 1704: 73–89]. T. Blackwell in his *Sacred Classics* (1725) approached the Bible from the positions of Pseudo-Longinus's sublime in N. Boileau's interpretation. He viewed it as a just, majestic and marvelous idea that does not need ornamentation: the Christian ideas as such are able to cause admiration [Monk 1960: 78].

Warton was directly influenced by R. Lowth's views expressed in the book *The Sacred Poetry of the Hebrews* (1753). Like Bailey, Lowth distinguished the sublime from the pathetic, but he also saw their immediate connection and shifted attention from the object of perception to the aesthetic subject. The author of *The Sacred Poetry of the Hebrews* found the examples of the sublime in the Bible which he approached historically. He insisted that critics should consider literature of the past, taking into consideration social and natural circumstances of its development and individual manners of authors. In particular, Lowth explained the great expressiveness of biblical metaphors and similes by their organic connection with Palestinian scenery and the folk ways of life.

As we have already seen, J. Warton also recognized the influence of extra-literary factors on writers' works, but in his publicist practice he employed the idea of determinism not often. Like Lowth, he called the Bible one of the most sublime masterpieces which surpasses the most prominent works of ancient Greek literature, and emphasized, first of all, the perfection of its language. He devoted to it two *Adventurer* essays (Nos. 51 and 57, 1753) presented as a Pseudo-Longinus's manuscript found in the library of Benedictine monks at Lyons. This mystification was motivated by the fact that Pseudo-Longinus quoted *Five Books of Moses* as a specimen of elevated ideas.

In the first essay J. Warton focuses on the pathetic which he equals with the moving and whose examples he finds in the Books of Moses. In particular, he notes that the story of Joseph and his brothers is written "with so many little strokes of nature and passion, with such penetrating knowledge of human heart, with such various and unexpected changes of fortune […], as cannot be read without astonishment and tears", Aristotle himself would have preferred it to the story of Oedipus [*The Adventurer* 2: 126]. Drawing parallels between biblical materials and dramatic experience and poetics, Warton, probably, attempted to confirm the dignity of the sacred texts as facts of literature and, besides, like R. Lowth, he revealed his addiction to conventions of critical analysis (in *The Sacred Poetry of the Hebrews*, Lowth tried to distribute biblical texts between the departments of the traditional genre system). On the other hand, he made an accent on psychologism, on the dramatic devices that his contemporaries could borrow from the evangelists and ancient tragedians. In particular, he singled out portraying silence which can be "more affecting, and more strongly expressive of passion, than the most artful speeches" [*The Adventurer* 2: 127] (we see here the influence of Pseudo-Longinus' idea that a great utterance is an echo of the soul's greatness and not a result of linguistic sophistication). Warton noted that the silences of Aeschylus's Niobe, Sophocles' Deianira and Job's friends are the most expressive.

J. Warton disproved of those French neo-classical tragedies and English heroic plays in which the depiction of genuine, sincere feelings was substituted for by rhetorical devices. He saw the sources of the pathetic / the moving not in the abstract, but in the concrete, that which involves emotionally loaded and picturesque details appealing to the audience. Warton's thesis about the rhetorical efficiency of description has its origins in Quintilian's *Institutes of Oratory* in which he emphasized the concrete and detailed character of the utterance as a condition of the orator's expressiveness. In 18 c., as R. Wellek justly noted, Quintilian's theory was actualized due to the achievements of empirical philosophy with its special accent on sensual perception [Wellek 1981: 113]. Besides, in English literary criticism there existed a long tradition of appealing to Pseudo-Longinus who wrote in his treatise *On the Sublime* that a poet, creating visible images, evokes the "illusion of presence" in the readers [O vozvyshennom: 20]. J. Dryden, J. Dennis, L. Welsted, J. Addison, J. Hughes, A. Pope

and R. Hurd regarded this ability as a mark of a genius.

Analyzing the Old Testament from the point of view of detalization of style, Warton relied on the thesis of Quintilian's *Institutes of Oratory*. This is evident from the choice of quotations, a considerable part of which is concerned with the destruction of biblical cities. The critic admires "tender and affecting strokes", describing the devastation of Babylon and Tyre, desolation and famine. Evangelists selected "such adjuncts and circumstances upon each subject, as are best calculated to strike the imagination and embellish their descriptions" [*The Adventurer* 2: 128–129].

Warton also makes an accent on the characters' visions as a source of the sublime. He pays special attention to personification and simile as efficient devices of creating vivid images (*Adventurer* 57, 1753).

The critic's concern with using tropes as a vehicle of the sublime is suggestive of his following the traditional rhetorical understanding of this aesthetic category. At the same time, Warton states: "It is the peculiar privilege of poetry, not only to place material objects in the most amiable attitudes, and to clothe them in the most graceful dress, but also to give life and motion to immaterial beings; and form, and color, and action, even to abstract ideas, to embody the virtues, the vices, and the passions; and to bring before our eyes, or on a stage, every faculty of the human mind" [*The Adventurer* 2: 173–174]. The dynamic character of this definition of the functions of poetry reveals the author's dissatisfaction with neo-classical statics of aestheticized descriptions. J. Pittock justly supposes that Warton's words contain a key to overcoming the typical in poetic representation: a writer's pretence of originality would be groundless if he does not depict the changeability of human emotional states, the complexity of man's nature, by using nontrivial metaphors and comparisons among other devices [Pittock 1973: 138].

M. Abrams, commenting on Warton's definition, concludes: "Thus by the mid-century, what had been a purely rhetorical figure had become an act of creation [..] having its analogue in God's peopling of this world of which, naturally, the effect on the reader is a sublime astonishment and enlargement of soul. As a result, poetic personification, together with that fairy way of writing, was elevated to the highest achievement of poetic imagination" [Abrams 1981: 289]. Alas, the scholar does not take into consideration the contexts of *Adventurer's* criticism which make it evident that Warton did not break with the mimetic doctrine of art and with the traditional neo-classical conceptions of imagination as a faculty of visualization of images. This is convincingly confirmed by *Adventurer* essay No. 63 (1753), devoted to borrowings in A. Pope's works. The beginning of the essay seems to paraphrase *Rambler 121*: following S. Johnson, Warton complains that the number of original authors is rather small and the majority prefer to "creep tamely and cautiously in the track of their predecessors" [*The Adventurer* 2: 227]. On the other hand, he shares R. Hurd's thesis, articulated in his *Discourse on Poetical Imitation* (1751), that nature as an object of imitation is always uniform and unchangeable, so there will always be certain similarity in writers' works (this idea was also supported by S. Johnson in *Rambler* 125 and 136). Warton writes: "The objects material or animate, extraneous or internal, which they [writers – O. P.] all imitate, lie equally open to the observation of all, and are perfectly similar, [so] the first copier must be, perhaps, entitled to the praise of priority; but a succeeding one ought not certainly to be condemned for plagiarism" [*The Adventurer* 2: 228]. H. Trowbridge emphasizes that though Warton, like Hurd, reduces imitation to description, he provides its broadened interpretation which includes reflection, contemplation, comprehension of "internal essences", the world of human feelings [Trowbridge 1937: 77].

Generally, Warton follows neo-classical conceptions of mimesis, understanding it as imitation of the eternal and unchangeable in nature: in spite of numerous achievements in the field of science and art, evolution of material and spiritual conditions of human existence, a contemporary epic or dramatic writer "would find it difficult or impossible to be totally original, and essentially different from Homer and Sophocles. The causes that excite and the operations that exemplify the greater passions, will always have an exact coincidence, though perhaps a little diversified by climate or customs: every exasperated hero must rage like Achilles, and every afflicted widow mourn like Andromache; an abandoned Armida will make use of Dido's execrations; and a Jew will nearly resemble a Grecian, when almost placed in the same situation; i. e. the Ioas of Racine in his incompa-

rable "Athalia", will be very like Ion of Euripides" [*The Adventurer* 2: 228–229]. To prove this thesis, Warton appeals to the authority of N. Boileau and A. Pope, who expressed similar opinions in *The Art of Poetry* and *An Essay on Criticism*, and thus he leaves no doubts about his commitment to Neo-Classicism.

On the other hand, when the critic refers to Boileau [*The Adventurer* 2: 230], who stated that the freshest and the most unusual ideas are not those which were never uttered, but those which come to anyone's mind in similar situations, probably, he means not only the universal, but also the concrete, thus showing his involvement in the search in the 1740–1750s English poetry which, as N. A. Solovyova notes, was aimed at making the usual, common poetically significant and original [Solov'eva 1988:30].

To reduce Warton's aesthetic creed to neo-classical orthodoxy would be an unacceptable oversimplification, as his aesthetic theory is heterogeneous: its sources include the ideas of not only N. Boileau and A. Pope, R. Hurd and S. Johnson, but also those of J. Addison, which are of quite contradictory nature (especially, his theory of imagination, which influenced very much the formation of romantic views in England). In *Adventurer* 80 (1753), the great, unusual and beautiful, declared by the *Spectator* as sources of the pleasures of imagination, are presented as acknowledged and just criteria for judging the works of art. As such, they were promoted by actualization of Addison's ideas in M. Akenside's poem *The Pleasures of Imagination* which was very popular in England and which can be seen as a poetic periphrasis of the *Spectator*'s essays. This poem might spur Warton's interest in Addison's views.

Applying Addison's categories to Homer's works, J. Warton regards his *Iliad* as a sublime poem and the *Odyssey* a beautiful and "unusual" one; the former "resembles the river Nile, when it descends in a cataract that deafens and astonishes" an observer, and the latter is like the Nile, too, when "when its genial inundations gently diffuse fertility and fatness over the peaceful plains of Egypt" [*The Adventurer* 3: 89, 96].

Warton admires Homer's "boundless exuberance of imagination", his "unwearied spirit and fire" [*The Adventurer* 3: 90], emphasizes the variety of events in his poems, concreteness and detailing of descriptions, vivid pictures of customs and ways of ancient life, individualization of characters, dynamic plots and unexpected events. Alongside with it, to the majestic and tremendous in art, he opposes the pathetic, understood as the moving, which is "as strong an evidence of true genius as the sublime" [*The Adventurer* 3: 94]. He notes that Pseudo-Longinus in his treatise *On the Sublime* provided examples of expression of this aesthetic category in the descriptions of battles, elements, fantastic creatures, heroes' traits, whereas one needs not less genius to portray such simple and moving pictures as parting of Andromache with Hector, and "the tender circumstance of the child Astyanax starting back from his father's helmet and clinging to the bosom of his nurse", the description of an old man tenderly waiting for his son's return, not knowing that he was dead, the depiction of widows' suffering, etc.

Thus, we can single out several elements in the structure of artistic imagination, as Warton saw it. Firstly, as it was said above, he insisted authors use bright, vivid, picturesque metaphors seen by him as "one of the greatest efforts of the creative power of a warm and lively imagination" [*The Adventurer* 2: 174], and, consequently, he revealed his commitment to the traditional neo-classical understanding of imagination as a capacity for visualization of images.

Secondly, as R. Wellek justly observed, in the 18 c. this conception was gradually ousted by equaling imagination with associational activity of the mind, ability of a writer to evoke sympathy, compassion [Wellek 1981: 111], and such understanding of imagination, as we have already seen, was also shared by J. Warton. Therefore, relying on the traditional system of artistic methods, we can state that the neo-classical in his aesthetics is associated with the sentimental.

One more component of the category of imagination, as it is understood by J. Warton, ascends to J. Addison, who wrote in *Spectator* 419 about the "fairy way of writing" which is connected with using fantastic images in poetic works (fairies, witches, ghosts, etc.). Poetry, according to Addison, cannot limit itself by imitating the sensually perceived world; it must create its own worlds. Warton relied on this idea, developing his own conception of imagination in his essays devoted to Shakespeare's dramatic works.

The first advantage of the Elizabethan, praised in *Adventurer* 93 (1753), is his great fantasy that

distinguishes *The Tempest* especially in which Shakespeare "has carried the romantic, the wonderful, and the wild, to the most pleasing extravagance" [*The Adventurer* 3: 196]. The irrational, based on folklore, serves to an "expansion of imagination" and it does not need any justification from the positions of the traditional mimetic doctrine. But there is a personage in Shakespeare's drama that cannot be found in folk tales. Caliban is "the creature of his own imagination, in the formation of which he could derive no assistance from observation or experience" [*The Adventurer* 3: 225]. Characterizing this personage, the critic uses highly emotional adjectives: "brutal barbarity, unfeeling savageness, horrible delight", "fierce and implacable spirit". "The poet is a more powerful magician than his own Prospero: we are transported into fairy land; we are wrapt in a delicious dream, […] all around is enchantment", writes Warton, for whom an author's ability to strike the reader's imagination is more important than following the neo-classical principle of probability [*The Adventurer* 3: 203]. In many aspects, Warton is an innovator: he enriches critical discourse with new emotive lexis, he supports subjectivization of criticism and makes a special accent not on formal traits of drama, but on characters (in his *Tempest* essays though, they are analysed with reliance on traditional approach which presupposes considering their consistency).

M. G. Abrams is disposed to associate the beginning of worshipping Shakespeare with the essays on *The Tempest* [Abrams 1971: 275–276]. In any case, *The Adventurer*'s Shakespearean essays are a certain result of a long development of English Shakespearean criticism started by J. Dryden, who respected the Elizabethan not less than J. Warton.

Turning back to the sublime / the pathetic opposition, we can conclude that *The Tempest* belongs to the former category (although Warton finds in it many examples of "the moving" and "the natural", in particular in the character of Miranda), while *King Lear* to the latter one. Warton devoted several essays to *King Lear* which we will consider briefly below.

What is crucially important in these essays is a subtle analysis of Shakespeare's psychologism in describing Lear's madness, surpassing, according to Warton, "Euripides himself" with his Orestes. The basis of this analysis is formed by the idea that "absurd" standards of neo-classical criticism are inapplicable to Shakespeare's works. The critic notes that it is easy just to declare Lear's mental disorder "very natural and pathetic". But in this case the readers or spectators will not see the protagonist's "secret workings and changes of mind" [*The Adventurer* 4: 80] which vary from one cue to another and, consequently, must be considered in detail, with reliance on the text. That is why Warton pays attention to minute incidents, quotes much and follows the manifestations of Lear's insane mind which explain the reader the causes of his catastrophe. The critic reveals Shakespeare's intentions in the scenes portraying the pictures imagined by Lear (the trial of Goneril and Regan), and shows the playwright's vivid imagery and stylistic devices (unexpected metaphors, emotionally loaded repetitions). It is for the first time in English literary criticism that Warton analysed so profoundly a Shakespearean character, so we cannot agree with T. M. Raysor who thinks that his essays are written "in the manner of J. Hughes, pointing out beauties in the plays rather than analysing the motives of the characters" [Raysor 1927: 496].

Indeed, Warton's critical heritage is not free from errors caused by the authority of neo-classical standards. Among Shakespeare's "drawbacks" he lists violations of probability, decorum and unity of action. These errors cannot eclipse the strong sides of Warton as a critic, one of which is the subjective character of his literary analysis, breaking with the traditions of "impartial criticism", aesthetically distancing itself from a work of art. Warton is a "sensible" critic, ready to inform a reader that a literary piece caused his powerful excitement, floods of tears, and this, undoubtedly, witnesses of a certain shift in the critical standards which occurred under the influence of sentimentalism. H. Robinson called the "sincerity of feeling" the most striking trait of Warton as a critic of Shakespeare [Robinson 1932: 91]. To sum up, Warton's essays witness a gradual shift from deductive to inductive critical approaches, from mimetic to psychological method of literary analysis.

Conclusion

The tenets of J. Warton's literary theory, in spite of their heterogeneous character, are inspired by the category of the sublime which he associated directly with the pathetic and, relying on Pseudo-

Longinus and Quintilian, found its examples in the Bible. Being also influenced by J. Addison's conception of imagination, the critic applied his views to Homer's works and supported the irrational in Shakespeare's plays. His Shakespearean criticism tended to break with genre doctrines, as it focused on dramatic characters, their motive sphere and its realization in the texts, and the author's psychologism. This approach, as L. Damrosch put it, got "the criticism of drama off the dead center where it had rested since 16 c." [Damrosch 1972: 234]. The normative criticism was to give way to the "criticism of taste" which made a special accent on subjective analysis and the critic's intuition.

One cannot be but ambiguous when deciding conclusively on Warton's creed, as his views were contradictory enough. E. Gosse declared him a romanticist who anticipated Wordworth's and Coleridge's aesthetic views. G. Saintsbury wrote that "the spirit of time caught Warton", but he followed it "half-consciously" [Saintsbury 1904: 260]. H. Trowbridge agreed with this opinion, noting that Neo-Classicism limited his views and "controlled his taste" [Trowbridge 1937: 76]. This conclusion seems only partially true, as Warton's aesthetic views are compromising, their origins are connected both with Horatian and Longinian traditions which presuppose, respectively, the universal and the original in artistic representation. Warton as a critic, in spite of his praise of neo-classical drama and the accent on character types and didactic functions of literature, defends new values, "the pleasures of imagination", with much more enthusiasm. A close reading of his essays convinces us that he was a critic of Sense. Never were the sublime (with the exception of the *Spectator*) and the irrational, the fantastic as its sources supported so passionately in English periodicals before him. In J. Warton's, as well as T. Warton's and E. Young's works there appears "an idea of genuine poetry as a source of pleasure and beauty helping to explain human experience and enriching sensibility", which was important for "comparing the regular taste with susceptibility to the beautiful and the pathetic" [Solov'eva 1988: 32]. In general, we can conclude that J. Warton's periodical criticism anticipated such manifestos of pre-Romanticism as E. Young's *Conjectures on Original Composition* (1759) and R. Hurd's *Letters on Chivalry and Romance* (1762).

Литература

Луков, Вл. А. Предромантизм / Вл. А. Луков. – М. : Наука, 2006. – 683 с.

О возвышенном. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 149 с.

Поляков, О. Ю. Литературная критика в периодических изданиях Англии 1750-х гг. (проблема метода) / О. Ю. Поляков. – Киров : ВГГУ, 2003. – 182 с.

Соловьева, Н. А. История зарубежной литературы: Предромантизм / Н. А. Соловьева. – М. : Академия, 2005. – 272 с.

Соловьева, Н. А. У истоков английского романтизма / Н. А. Соловьева. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 232 с.

Abrams, M. H. The Mirror and the Lamp. Romantic theory and the critical tradition / M. H. Abrams. – London ; Oxford ; New York : Oxford University Press, 1971. – 406 p.

Atkins, J. English Literary Criticism. Seventeenth and Eighteenth Centuries / J. Atkins. – London : Methuen, 1951. – 383 p.

Beers, H. A. A History of English Romanticism in 18 Century / H. A. Beers. – London : Kegan and Paul, 1926. – 467 p.

Bosker, A. Literary Criticism in the Age of Johnson / A. Bosker. – Groningen ; Djakarta : J. B. Wolters, 1953. – 345 p.

Bronson, B. When Was Neo-Classicism? // Facets of the Enlightenment. – Berkeley : University of California Press, 1968. – P. 1-25.

Damrosch, L. Samuel Johnson and the Tragic Sense / L. Damrosch. – Princeton : Princeton University Press, 1972. – 280 p.

Dennis, J. The Grounds of Criticism in Poetry / J. Dennis. – London : Geo. Strahan, 1704. – 127 p.

Frye, N. Towards Defining an Age of Sensibility // English Literary History. – 1956. – Vol. 23. – P. 144–152.

Kramnik, J. B. The Making of the English Canon / J. B. Kramnik // Publications of Modern Language Association. – 1997. – Vol. 112, –No. 5. – P. 1087–1101.

Monk, S. H. The Sublime. A Study of Critical Theories in Eighteenth-Century England / S. H. Monk. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1960. – 250 p.

Pittock, J. The Ascendancy of Taste. The Achievement of Joseph and Thomas Warton / J. Pittock. – London : Routledge, 1973. – 230 p.

Raysor, T. M. The Study of Shakespeare's Characters in the Eighteenth Century / T. M. Raysor // Modern Language Notes. – 1927. – Vol. 42, No. 8. – P. 495–500.

Saintsbury, G. A History of Criticism and Literary Taste in Europe: Vol. 3 / G. A. Saintsbury. – Edinburgh : W. Blackwood and Sons, 1904. – 1748 p.

The Adventurer. – 5th ed. – London : A. Millar, 1766. – 4 vols.

The British Essayists: with prefaces, historical and biographical, by A. Chalmers. – London : J. Johnson et al., 1802–1803. – 39 vols.

The Cambridge History of Literary Criticism. Vol. 4: The Eighteenth Century / Ed by D. Nisbet, C. Rawson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 970 p.

The Oxford History of Classical Reception in English Literature. Vol. 1 / Ed. by D. Hopkins, C. Martindale. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 752 p.

The Spectator. Vol. 1. – Dublin : P. Wilson, 1755. – 324 p.

Trowbridge, H. Joseph Warton on the Imagination / H. Trowbridge // Modern Philology. – 1937. – Vol. 35, No. 1. – P. 73–87.

Vance, J. A. Joseph and Thomas Warton / J. A. Vance. – Boston : Twayne, 1983. – 152 p.

Wellek, R. A History of Modern Criticism 1750-1950. Vol. 1 / R. Wellek. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 368 p.

References

Abrams, M. H. (1971). *The Mirror and the Lamp. Romantic theory and the critical tradition*. London, Oxford, New York, Oxford University Press. 406 p.

Atkins, J. (1951). *English Literary Criticism. Seventeenth and Eighteenth* Beers, H. A. (1926). *A History of English Romanticism in 18 Century*. London, Kegan and Paul. 467 p.

Bosker, A. (1953). *Literary Criticism in the Age of Johnson*. Groningen, Djakarta, J. B. Wolters. 345 p.

Bronson, B. (1968). When Was Neo-Classicism? In *Facets of the Enlightenment*. Berkeley, University of California Press, pp. 1–25.

Centuries. London, Methuen. 383 p.

Century England. Ann Arbor, University of Michigan Press. 250 p.

Damrosch, L. (1972). *Samuel Johnson and the Tragic Sense*. Princeton, Princeton University Press. 280 p.

Dennis, J. (1704). *The Grounds of Criticism in Poetry*. London, Geo. Strahan. 127 p.

Frye, N. (1956). Towards Defining an Age of Sensibility. In *English Literary History*. 1956. Vol. 23, pp. 144–152.

Hopkins, D., Martindale, C. (Eds.). (2012). *The Oxford History of Classical Reception in English Literature*. Vol. 1. Oxford, Oxford University Press. 752 p.

Kramnik, J. B. (1997). The Making of the English Canon. In *Publications of Modern Language Association*. Vol. 112. No. 5, pp. 1087-1101.

Lukov, Vl. A. (2006). *Predromantizm* [Pre-Romanticism]. Moscow, Nauka. 683 p.

Monk, S. H. (1960). *The Sublime. A Study of Critical Theories in Eighteenth* Nisbet, D., Rawson, C. (Eds.). (2005). *The Cambridge History of Literary Criticism*. Vol. 4: The Eighteenth Century. Cambridge, Cambridge University Press. 970 p.

O vozvyshennom [On the Sublime]. (1966). Moscow, Leningrad, Nauka. 149 p.

Pittock, J. (1973). *The Ascendancy of Taste. The Achievement of Joseph and Thomas Warton*. London, Routledge. 230 p.

Polyakov, O. Yu. (2003). *Literaturnaya kritika v periodicheskikh izdaniyakh Anglii 1750-kh gg. (problema metoda)* [Literary Criticism in English Periodicals of the 1750s (the problem of method)]. Kirov, VGGU. 182 p.

Raysor, T. M. (1927). The Study of Shakespeare's Characters in the Eighteenth Century. In *Modern Language Notes*. Vol. 42. No. 8, pp. 495–500.

Saintsbury, G. A. (1904). *History of Criticism and Literary Taste in Europe*: Vol. 3. Edinburgh, W. Blackwood and Sons. 1748 p.

Solov'eva, N. A. (1988). *U istokov angliiskogo romantizma* [The Origins of English Romanticism]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 232 p.

Solov'eva, N. A. (2005). *Istoriya zarubezhnoi literatury: Predromantizm* [A History of Foreign Literature: Pre-Romanticism]. Moscow, Akademiya. 272 p.

The Adventurer. (1766). 5th ed. London, A. Millar. 4 vols.

The British Essayists: with prefaces, historical and biographical, by A. Chalmers. (1802–1803). London, J. Johnson et al. 39 vols.

The Spectator. (1755). Vol. 1. Dublin, P. Wilson. 324 p.

Trowbridge, H. (1937). Joseph Warton on the Imagination. In *Modern Philology*. Vol. 35. No. 1, pp. 73–87.

Vance, J. A. (1983). *Joseph and Thomas Warton*. Boston, Twayne. 152 p.

Wellek, R. (1981). *A History of Modern Criticism 1750-1950*. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press. 368 p.

Данные об авторе

Поляков Олег Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет (Киров, Россия).

Адрес: 610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: polyakoov@yandex.ru.

Author's information

Polyakov Oleg Yurievich – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching, Vyatka State University (Kirov, Russia).

УДК 81.111(73)-94(Хеллман Л.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-25. ББК Ш33(7Сое)63-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03 (5.9.2)

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В МЕМУАРАХ ЛИЛИАН ХЕЛЛМАН

Щербинина О. И.
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации (Москва, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2102-547X

Аннотация. В статье рассматриваются поездки Лилиан Хеллман в Советский Союз и репрезентация этого опыта в ее мемуарной прозе. В ходе исследования ставится вопрос о своеобразии автобиографического нарратива «московских глав» книги воспоминаний Хеллман «Незавершенная женщина». Историко-литературный подход, с позиций которого ведется данное исследование, обуславливает необходимость детальной реконструкции литературных контактов Хеллман с советскими институциями, партийными функционерами, деятелями культуры во время ее пребывания в СССР. В статье устанавливается, что советский круг общения американской писательницы за двадцать лет претерпел радикальную трансформацию. В 1940-х гг. Хеллман сблизилась с людьми, находившимися на верху советской партийной иерархии: с генералами на Белорусском фронте, заместителем наркома иностранных дел М. Литвиновым на приемах у посла А. Гарримана, А. Фадеевым и К. Симоновым во время их поездок в США. Знакомствам такого уровня способствовала ее высокая миссия культурного эмиссара времен Второй мировой войны. К 1960-м гг. симпатии Хеллман сместились в сторону диссидентского движения. Во многом благодаря Раисе Орловой из своего американского далека Хеллман узнавала о цензуре, политзаключенных, разного рода партийных перегибах. О финальной смене идеологических установок Хеллман можно судить по ее выступлению на IV съезде советских писателей, в ходе которого она требовала больших свобод для интеллигенции, диссидентов и правозащитников. Мемуарная проза Хеллман вкупе с впервые вводимыми в научный оборот материалами советской прессы, а также архивными документами, отложившимися в фондах РГАЛИ, открывают новую страницу в истории американо-советских связей военного времени и периода «оттепели».

Ключевые слова: американская литература; советско-американские контакты; травелог; мемуары; Лилиан Хеллман; «Незавершенная женщина»; Раиса Орлова; IV съезд советских писателей

SOVIET UNION IN LILLIAN HELLMAN'S MEMOIRS

Olga I. Shcherbinina
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2102-547X

Abstract. The article reconstructs Lillian Hellman's trips to the Soviet Union and the ways this experience was represented in her memoirs. The present study seeks to demonstrate how Hellman's autobiographical narrative of "The Unfinished Woman" differs from other left-wing memoirs written mainly by men primarily occupied with politics. The historico-literary approach adopted to conduct this research calls for a detailed reconstruction of Hellman's literary contacts with Soviet institutions, party functionaries, and cultural agents during her stays in the USSR. The article reveals that the Soviet circle of Hellman's acquaintances radically transformed from 1940s to 1960s. In the 1940s Hellman became close to the people who were at the top of the Soviet party hierarchy: she wined and dined with the Generals on the Belorussian Front, Deputy People's Commissar of Foreign Affairs M. Litvinov at receptions with Ambassador A. Harriman, and A. Fadeev and K. Simonov during their trips to the United States. The acquaintances of this level were facilitated by her high mission as a cultural emissary during the Second World War. By the 1960s Hellman had become attracted to the dissident movement. Casting her eyes on Russia from her American far away, she was informed by Raisa Orlova of censorship, political prisoners, and all sorts of party excesses. The final change in Hellman's views is testified by her speech at the IV Congress of Soviet Writers, when she publicly demanded greater freedoms for the intelligentsia, dissidents and human rights activists. The Soviet press materials as well as the archival documents deposited in the Russian State Archive of Literature, which are introduced into scientific circulation for the first time together with Hellman's memoir prose, open a new page in the history of American-Soviet relations during WWII and the period of the "Thaw".

© О. И. Щербинина, 2021

Keywords: American literature; Soviet-American contacts; travelogue; memoirs; Lillian Hellman; "The Unfinished Woman"; Raisa Orlova; IV Congress of Soviet Writers

Для цитирования: Щербинина, О. И. Советский Союз в мемуарах Лилиан Хеллман / О. И. Щербинина // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 284–290. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-25.

For citation: Shcherbinina, O. I. (2021). Soviet Union in Lillian Hellman's Memoirs. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 284–290. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-25.

В американской литературе левого толка жанр мемуаров является едва ли не самой популярной формой словесного искусства. К автобиографической прозе обращались как знаменитые писатели (Г. Фаст, Г. Хикс, Р. Райт), так и партийные функционеры (председатель КП США У. Фостер, редактор журнала *New Masses* Дж. Фримен и др.). Американские и отечественные исследователи не раз пытались классифицировать многообразие мемуарных сочинений, написанных левыми авторами, терминологически определяя их как «исповедальные антимемуары», «устные автобиографии», «обращение в коммунизм» [Barret 2008].

Автобиографическая проза Лилиан Хеллман (1905–1984) отличается от большинства мемуаров левых писателей-мужчин. Несмотря на то, что Хеллман симпатизировала СССР, оказывала поддержку просоветским организациям и объединениям, а следовательно, ей не были чужды потрясения, значительно деморализовавшие левое движение (XX Съезд партии, советско-югославский и венгерский конфликты), политические пертурбации занимают далеко не первое место в ее текстах. Как отмечает американская исследовательница Тереза Мей, в своем развитии в качестве мемуариста Хеллман «повторяет путь эволюции постмодернистской/постструктуралистской теоретической мысли в сфере автобиографического письма» [May 1999: 32]. В первой книге «Незавершенная женщина» (An Unfinished Woman, 1969) Хеллман находится в поисках самости (cohesive self), в «Пентименто» (Pentimento, 1973) на авансцену выходит многоголосие, а особенностью «Времени негодяев» (Scoundrel Time, 1976) оказываются эксперименты с исторической правдой. Подобные теоретические построения исследователей гендерной школы представляются небезынтересными, однако в данной статье мы будем придерживаться методологических установок историко-литературного подхода.

Поездки Хеллман в СССР и ее контакты с советскими литераторами освещаются только в книге «Незавершенная женщина». В двух «московских главах» Хеллман предстает как остроумный рассказчик: она мастерски сочетает жанры травелога и дневника, украшая текст хлесткими характеристиками, анекдотическими происшествиями, нетривиальными наблюдениями за особенностями национального русского характера. В художественную ткань мемуаров Хеллман включает как портреты эпизодического характера (сибирская учительница, влюбленная в Есенина, вечно пьяные финские торговцы, неназванный московский майор спецслужбист», так и персоналии исторического масштаба (М. Литвинов, С. Эйзенштейн, А. Гарриман).

Первый визит Хеллман в Москву состоялся в 1937 г., когда ее пригласили на театральный фестиваль по линии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Фестиваль 1937 г. был пятым в ряду подобных мероприятий. В газете «Правда» еженедельно печатались заметки о насыщенной культурной программе иностранных гостей, состоявшей, по большей части, из посещения постановок классических и советских пьес, таких как «На всякого мудреца довольна простоты» Островского, «Много шума из ничего» Шекспира, «Егора Булычева» Горького, «Года 19-го» И. Прута. Удивительно, но программа мероприятий не включала «Гамлета», о котором Хеллман пишет в своих мемуарах.

Фестиваль 1937 г. состоял из трех туров: первый (1–10 сентября) проводился в Москве, второй (11–15 сентября) в Ленинграде, третий – в Киеве, Харькове и Ростове [Три тура театрального фестиваля 1937]. Программа гостей была пошагово регламентирована и не выходила за рамки сталинского ритуала культпоказов. Поэтому неудивительно, что Хеллман, оказавшись в Москве в разгар партийных чисток, слышала о них только по слухам, циркулировавшим в кругах американских дипломатов, журналистов, бизнесменов, командированных в то время в СССР. На охочую до приключений

Хеллман театральный фестиваль не произвел впечатления. О нем в мемуарах мы находим лишь пару скупых строк, масштаб которых несопоставим с детализированным «испанским дневником» – воспоминаниями писательницы о поездке в Валенсию осенью 1937 г.

Вторая поездка Хеллман в Москву в 1944 г. была согласована на самом высоком уровне. Чтобы добраться до Москвы, писательнице пришлось пересечь всю Сибирь на малогабаритном самолете. Во время Второй мировой войны по этой авиатрассе, пролегающей через Чукотку, Колыму, Якутию, Красноярск, из Аляски перегоняли боевые самолеты по ленд-лизу [Быстрова 2016]. Стоит отметить, что попасть в Москву можно было и по менее опасному «персидскому коридору», пролегавшему через Иран. А вот тихоокеанский маршрут, по которому в 1941 г. до Москвы добирались Э. Колдуэлл со своей женой М. Брук, уже давно был перекрыт японцами.

В «Незавершенной женщине» Хеллман описывает поездку 1944 г. в подчеркнуто комическом тоне, заостряя внимание на бытовых и физиологических подробностях. В целом, описания телесных страданий (кусающие вши и клопы, холод и голод, невозможность принять душ и даже умыться) являются общим местом травелогов авторов, в разное время посетивших СССР. В этом отношении Хеллман пишет в традиции путевых заметок и дневников Т. Драйзера, Дж. Стейнбека, Д. Томпсон, П. Трэверс и др. Ее полушутливая и кокетливая манера подачи материала разительно отличается от похожих на социологические этюды, оснащенных громоздкими теоретическими построениями текстов Анны Луизы Стронг, Сидни и Беатрис Вебб, Юджина Лайонса. Так, вместо того чтобы размышлять о темпах индустриализации и достижениях социализма, Хеллман живописует свои мытарства в поисках слабительного, которое не сыщешь в сибирских больницах, и с гордостью докладывает об успехах своего самопровозглашенного переводчика Коли – механика экипажа, обращавшегося к ней «мисс Хелл» (Hell).

В московском аэропорту Хеллман встретил С. Эйзенштейн, сопроводивший ее в гостиницу «Националь». Вскоре писательница перебралась в особняк Второва по приглашению посла Аравелла Гарримана. Контакты Хеллман с американцами, пребывавшими в СССР, восстановлены зарубежными исследователями на основе личной переписки Хеллман с ее возлюбленным Джоном Мелби[1], дневниковых записей дочери посла Кэтлин Гарриман и его помощника Роберта Мейкледжона [Newman 1989].

По наблюдениям Хеллман, в Москве американцы жили своеобразным анклавом. Тем не менее, ее связи с русскими литераторами, деятелями искусства, партийными работниками оказались достаточно разветвленными. В круг общения Хеллман входили Р. Орлова, С. Эйзенштейн, К. Симонов, Владыкин, Н. Охлопков, Ф. Раневская, С. Бирман и др. С театральными деятелями Хеллман объединила работа над постановками ее пьес «Семья Фарелли теряет покой» (Watch on the Rhine, 1941) и «Лисички» (Little Foxes, 1939). О об этих спектаклях Хеллман лишь мимоходом упоминает в своих мемуарах, хотя в СССР премьерные показы стали большим театральным событием. В 1940-е гг. на советской сцене современная американская драматургия была представлена рудиментарно, поэтому «импортные» пьесы, а тем более регионалистская драма «Лисички», стояли особняком среди пропагандистских постановок патриотической направленности. Возможно, одна из причин того, что Хеллман обходит молчанием свою работу на советской сцене, кроется в своеобразной режиссерской трактовке, с которой автор не согласилась[2]. В письме Орловой Хеллман заявляет: «Продолжаю придерживаться своего мнения о “Страже” и должна сказать, что со мной согласны все возвращающиеся домой американцы и мои московские корреспонденты. Они считают спектакль веселой шуткой, но эта шутка мне не нравится по многим причинам» [Ф. 2548. Оп. 1. Ед. 134. Л. 1]. Среди московских корреспондентов Хеллман, не оценивших спектакль в исполнении труппы театра Ленинского ком-

[1] Джон Фермонт Мелби (1913–1992) – американский дипломат, несший службу в СССР с 1943 по 1945 г. В 1953 г. был освобожден от работы в Государственном департаменте США из-за связей с Хеллман, известной своими прокоммунистическими взглядами.

[2] Детальная история конфликта Хеллман и актрисы С. Бирман восстанавливается В. Н. Абросимовой в ее готовящейся к публикации книге «Раиса Орлова. Мосты (русско-американские литературные связи)».

сомола, мы находим Джона Мелби, который писал Хеллман: «Моя дорогая, что за неприятная женщина эта Бирман! Я никогда такого не видел. Она играла свою роль, как клоунесса с начала до конца, она кричала и завывала, ухмылялась и танцевала, пыталась залезть на стену, бросалась на книжные полки… думаю, что она считала Фанни двоюродной сестрой Ивана Грозного» [Newman 1989: 51].

Если о своих пьесах Хеллман практически не упоминает в мемуарах, то поездку на фронт в компании Раисы Орловой она описывает в мельчайших подробностях. 27 декабря Хеллман и Орлова сели в поезд, направлявшийся в Люблин через Киев. В целом путешествие заняло около двух недель – возвращение в Москву американской гостьи пришлось на 9 января. Поскольку иностранные писатели и журналисты нечасто посещали фронт, это событие получило освещение в американской прессе. Сразу после возвращения на родину Хеллман опубликовала заметку «Я видела русских на фронте» в журнале *Collier.* Как и в своих мемуарах, в статье она сетует на тяготы и лишения, преследующие путников в военное время: «За пять дней, в течение которых наш поезд медленно полз по опустошенной стране, …я поняла, что мыть руки снегом больно, а чистить зубы холодной заваркой не многим лучше. Я устала от рыбных консервов и застарелой колбасы, а огрызки хлеба были не младше и не свежее меня самой» [Hellman 1945]. С теплотой и приязнью Хеллман описывает военных, с которыми ей удалось повстречаться. Среди них она особо сблизилась с Виктором Черновым, погибшем в 1945 г. всего лишь спустя несколько дней после взятия Варшавы. Кроме того, в своих мемуарах Хеллман воскрешает образ Эммануила Казакевича (1913–1962), сопровождавшего ее и Орлову из Люблина. В 1945 г. он действительно служил в составе частей, занявших Варшаву, однако Хеллман ошибочно называет его майором, хотя дослужился Казакевич только до звания капитана. В мемуарах Хеллман аттестует Казакевича как «очаровательного молодого человека», который, как она узнала много лет спустя, «написал хороший роман после войны и умер в 1950-х гг. от рака». В СССР Казакевич обрел популярность еще в 1947 г. благодаря своей повести «Звезда» (1947), а также романам «Весна на Одере» (1949) и «Дом на площади» (1956).

Орлова, которой на тот момент было 27 лет, вспоминает об этой поездке следующим образом: «Первый человек из другого мира, мною действительно увиденный, – Лилиан Хеллман. Она приехала в конце 1944 года. Я ходила с ней по Москве, мы ездили в Ленинград (только что сняли блокаду), в Киев, на фронт. В Люблине были на заседании – первом – Крайовой рады народовой. Вечером – на приеме. Пустое барачное здание, длинные некрашеные столы. Таз капусты, таз картошки, снова таз капусты. И четверти водки между ними. Не четвертинки, а четверти. Хлеба не было совсем. Во главе стола сидели Берут, Гомулка – первое польское правительство… Она [Хеллман. – *О. Щ.*] оказалась очаровательным человеком, умница, остроумная, часто злая» [Орлова 2013: 132–133]. Сама Хеллман об этом заседании рады не упоминает ни в мемуарах, ни в журнальной статье.

Вскоре после поездки в Люблин Хеллман вернулась в Москву, откуда отправилась в Лондон через Каир. В письме Орловой от 16 марта 1945 г. она делилась новостями: «Я прочитала несколько лекций о Советском Союзе – в Тегеране, Лондоне, на авиабазах и здесь [в США. – *О. Щ.*]. Мне кажется, что интерес к вашей стране очень велик, и в основном симпатии на ее стороне… Я пошлю тебе несколько интервью со мной, несколько вырезок, а также несколько выступлений, направленных против меня» [Ф. 2545. Оп. 1. Ед. 134]. Действительно, по приезде в США Хеллман провела пресс-конференцию, в ходе которой заявляла: «Русские – вежливые, романтичные, прекрасные люди, ведущие пуританский образ жизни. Мы мало о них знаем и многое неправильно понимаем» [Russia Acclaimed by Miss Hellman 1945]. Соотечественников-американцев Хеллман удивила и более провокативными замечаниями, которые журналисты растиражировали на страницах газеты New York Times: «К людям искусства в России относятся, как к королям, со всеми полагающимися почестями и уважением; …русская музыка лучше американской, что не скажешь о литературе; …хотя Ленинград в ужасном состоянии, Лондон разрушен в два раза основательнее» [Там же].

События следующей главы мемуаров Хеллман происходят двадцать лет спустя – в 1966 г., когда она вновь направилась в Москву для работы над своей книгой воспоминаний. Хотя

советские контакты писательницы в период с марта 1945 по октябрь 1966 гг. никак не упоминаются в «Незавершенной женщине», архивные материалы позволяют констатировать их наличие. Например, в 1946 г. Хеллман встречалась с Константином Симоновым во время его поездки в США с Ильей Эренбургом и генералом Михаилом Галактионовым. Вместе они участвовали в митинге русско-советской дружбы, а потом Хеллман «устроила прием в честь советских писателей», где обсуждались вопросы советской и американской литературы [Котен 1984: 440]. До отъезда Симонова из Нью-Йорка Хеллман отправила ему доверенность, по которой он смог распоряжаться гонорарами, причитающимися ей за постановку пьес «Стража на Рейне» и «Лисички» в СССР. На эти деньги она просила купить сувениры, напоминающие ей о России, например, «народные вышиванки или вышитое сукно» [Ф. 1814. Оп. 9. Ед. 2414. Л. 2. Пер. мой – *О. Щ.*]. Кроме того, Хеллман снабдила Симонова одним из романов и сборником рассказов Дэшила Хеммета, рассчитывая на их публикацию в СССР. В сопроводительном письме Хеллман отмечала: «через Федесимова я перешлю другие книги Хеммета (сейчас уже поздно отправляться за ними в книжный магазин). Я рекомендую тебе прочитать рассказ «Ночная тень». Мне кажется, это настоящая жемчужина» [Там же. Л. 3. Пер. мой – *О. Щ.*]. Тем не менее, хлопоты Хеллман оказались напрасными: до советского читателя сочинения Хеммета так и не дошли.

Кроме Симонова, в США Хеллман встречалась с Александром Фадеевым, который прибыл в Нью-Йорк на Конгресс деятелей науки и культуры в защиту мира в 1949 г. Скандалы вокруг пребывания советской делегации начались буквально с первого дня, причем в одном из них Хеллман приняла непосредственное участие. 25 марта в отеле Уолдорф-Астория состоялся приветственный ужин, на котором журналист Норман Кейзинс заявил, что «американцы не хотят мира» ценой попрания свобод личности, несправедливости и беззакония, намекая таким образом на Советский Союз [Communist Activities 1950: 547]. Хеллман, в свою очередь, начала свою приветственную речь с совета Кейзинсу «обсуждать гостей после того, как они уйдут домой» [2000 Picket Opening 1949]. После мероприятия она извинялась перед А. Фадеевым в личном письме от 1 апреля 1949 г.: «Надеюсь, что всем вам еще удастся приехать вновь в более приятный и спокойный период, когда вы сможете получить удовольствие от нашей страны и нашего народа. Было огромной радостью ваше пребывание на небольшом вечере в прошлую субботу, но я крайне сожалею, если присутствие кого-либо из других гостей было нежелательным или неприятным для вашей делегации» [Ф. 631. Оп. 14. Ед. 1158. Л. 5].

И все-таки со временем спорадические контакты Хеллман с советским миром постепенно сходили на нет. С Орловой ее переписка и вовсе прекратилась с сентября 1945 г. Возобновился обмен письмами в 1964 г. по инициативе Орловой, и Хеллман сразу выразила желание вновь посетить СССР. В письме от 28 июля 1965 она делилась своими планами: «В сентябре или ноябре я, может быть, буду в Европе, и мне бы очень хотелось опять увидеть Москву. Думаю, что меня никогда не приглашали в СССР по обмену деятелей культуры по многим причинам. Но приглашение не имеет значения, я прекрасно могу приехать сама по себе… я надеюсь, что, если я действительно приеду, можно будет организовать какие-нибудь лекции или встречи».

Третья поездка в СССР состоялась через год. Текст мемуаров, посвященный московскому турне Хеллман 1966 г., отличается большей поэтичностью и меньшей остросюжетностью в сравнении с ее воспоминаниями о военном визите. Кроме ностальгических пассажей, Хеллман вводит в текст мемуаров традиционные для советских травелогов зарисовки достопримечательностей: Кремля, Красной площади, собора Василия блаженного, особняка Второва, в котором она жила двадцать лет назад.

Фактическая канва поездки в некоторых местах с трудом поддается восстановлению, поскольку Хеллман меняет или вовсе опускает ключевые имена. Приведем лишь несколько примеров. В «Незавершенной женщине» Хеллман пишет о некой супружеской паре Тане и Алексее. Алексей – бывший политзаключенный, в 1955 году возвратившийся из сибирских лагерей. Его окружение называет его «святым». В военное время он протестовал против перегибов, имевших место в отношении плененных немцев. В таком виде Хеллман представляет историю Льва Копелева – мужа Раисы,

а не некой Тани. В предисловии к американскому изданию книги Копелева «Хранить вечно» Хеллман почти дословно повторяет этот мемуарный пассаж: «в Москве Копелева называют святым. Такое прозвище мне показалось немного странным… Он был героем войны, выступившим против жестокости русских солдат в Германии» [Kopelev 1977].

Другую загадку представляет собой личность некого капитана К. Хеллман утверждает, что она познакомилась с ним еще в 1945 г., когда тот писал диссертацию об американских романистах. Свидевшись вновь, они долго разговаривали об американской литературе, обсуждали Мейлера, Фолкнера, Маламуда. Капитан К. рассказал Хеллман об осаде Бреста, в которой он участвовал, но попал в плен, после которого был сослан в сталинские лагеря. Из письма Орловой от 22 ноября 1966 г. следует, что об осаде Бреста Хеллман говорила с Копелевым: «Можешь ли ты сообщить мне какие-либо подробности об осаде Бреста? По-моему, Лев говорил мне об этом в тот вечер, когда упомянул имя Смирнова. Думаю, что смогу это использовать» [Ф. 2548. Оп. 1. Ед. 134]. Все это наводит мысль о том, что капитан К. – выдуманное лицо, ставшее ярким образом в «Незавершенной женщине».

Последний раз в Москву Хеллман возвратилась весной 1967 г., о чем она не упоминает в «Незавершенной женщине». Тем не менее, благодаря сохранившемуся в РГАЛИ отчету переводчицы М. Кореневой детали этого путешествия восстанавливаются с точностью по дням. Гвоздем программы в этот раз для Хеллман должно было стать выступление на открытии IV съезда советских писателей. Присутствовать на таком официозном мероприятии она согласилась с неохотой, поскольку к 1967 г. ее симпатии сместились в сторону диссидентского движения, объединявшего культурную и интеллектуальную элиту того времени. На самом съезде Хеллман докладывала: «Интеллигенты… могут сохранить свои былые надежды только в том случае, если, встречаясь, они честно обсуждают свои прежние ошибки и сегодняшние проблемы. И даже если интеллигенция – народ беспокойный и подчас с ней немало хлопот, несомненно то, что мало кто из интеллигентов хотел бы бросать бомбы… Без свободы интеллигенция испустит дух, а ее родине нечем будет дышать. Отсюда вывод: требование свободы есть мера истинного патриотизма. И вот из своего далека я поднимаю вместе с вами рюмку водки за мир и свободу для на всех» [Четвертый съезд писателей СССР 1968: 315–316].

В США появление «Незавершенной женщины» в 1969 г. ознаменовало начало «второй карьеры» Хеллман в мире литературы – уже в амплуа мемуариста, а не драматурга. Критики встретили книгу с энтузиазмом, отметив, что воспоминания такого видного автора, как Хеллман, могли оказаться намного объемнее, чем «112 страниц автобиографического текста, 97 страниц дневниковых записей, 68 страниц портретных зарисовок» [Lehmann-Haupt 1969]. Со временем, однако, появился внушительный массив монографий и статей, в которых Хеллман обвиняли в подмене фактов, украшательстве, и даже в откровенной лжи. Исследователи принялись за поиск несоответствий между «образом», созданным Хеллман в своих мемуарах, и ее реальной жизнью [Wright 1986].

На русском языке «Незавершенная женщина» до сих пор не переведена полностью, но в периодике время от времени появляются фрагменты этой книги [Хеллман 1991; Хеллман 2012]. С ростом интереса к теме литературных советско-западных контактов русские связи Хеллман все больше привлекают внимание отечественных исследователей. В качестве примера отметим лишь готовящуюся к публикации монографию В. Н. Абросимовой: в ней будет представлена полная комментированная переписка Хеллман с Орловой, с некоторыми перерывами длившаяся более тридцати лет. Таким образом, вкупе с архивными документами, мемуарные сочинения Хеллман оказываются для историков литературы важным документом эпохи военного времени и периода «оттепели».

Литература

Быстрова, И. В. СССР и США: сотрудничество на авиатрассе Аляска-Сибирь (1941-1945 гг.) / И. В. Быстрова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – № 1 (23). – С. 77–83.

Котен, Б. Три месяца рядом с ним / Б. Котен // Константин Симонов в воспоминаниях современников. – М. : Советский писатель, 1984.

Орлова, Р. Воспоминания о непрошедшем времени / Р. Орлова. – Харьков : Права людини, 2013. – 403 с.

Три тура театрального фестиваля // Советское искусство. – 1937. – 23 августа.

Хеллман, Л. Из дневника / Л. Хеллман // Ниагара. – 1991. – № 1. – С. 300–338.
Хеллман, Л. Неконченая женщина / Л. Хеллман // Современная драматургия. – 2012. – № 3. – С. 243–256.
Четвертый съезд писателей СССР. Стенографический отчет. – М. : Советский писатель, 1968. – 320 с.
Barret, J. R. Was the Personal Political? Reading the Autobiography of American Communism / J. R. Barret // International Review of Social History. – 2008. – Vol. 53, № 3. – P. 395–423.
Communist Activities among Aliens and National Groups: Hearings before the Subcommittee on Immigration and Naturalization of the Committee on the Judiciary, United States Senate, Eighty-first Congress, First Session, on S. 1832, a bill to amend the Immigration act of October 16, 1918, as amended. – U.S. Government Print. Office, 1950.
Hellman, L. I meet the front-line Russians / L. Hellman // Collier's: The national weekly. – 1945. – March 31.
Hellman, L. Three: An Unfinished Woman; Pentimento; Scoundrel Time / L. Hellman. – Boston, MA; Toronto : Little, Brown, 1979. – 726 p.
Kopelev, L. To Be Preserved Forever / L. Kopelev. – Philadelphia ; New York : Lippincott, Cop, 1977. – 268 p.
Lehmann-Haupt, Ch. The Incomplete Lillian Hellman / Ch. Lehmann-Haupt // New York Times. – 1969. – 30 June.
May, T. (Re)placing Lillian Hellman: Her Masculine Legend and Feminine Discourse / T. May // Journal of American Drama and Theatre. – 1999. – Vol. 11, № 2. – P. 17–41.
Newman, R. P. The Cold War Romance of Lillian Hellman and John Melby / R. P. Newman. – UNC Press Books, 1989. – 392 p.
Russia Acclaimed by Miss Hellman // New York Times. – 1945. – 2 March.
Wright, W. Lillian Hellman: The Image, the Woman / W. Wright. – NY : Simon & Schuster, 1986. – 507 p.
2,000 picket opening of 'peace' conference. – Text : electronic // Associated Press. – 1949. – March 26. – URL: https://www.stripes.com/news/2-000-picket-opening-of-peace-conference-1.27822 (mode of access: 10.05.2021).

References

Barret, J. R. (2008). Was the Personal Political? Reading the Autobiography of American Communism. In *International Review of Social History*. Vol. 53. No. 3, pp. 395–423.
Bystrova, I. V. (2016). SSSR i SShA: sotrudnichestvo na aviatrasse Alyaska-Sibir' (1941–1945 gg.) [The USSR and the USA: Cooperation on the Alaska-Siberia Airway (1941–1945)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 23. No. 1, pp. 77–83.
Chetvertyi s"ezd pisatelei SSSR. Stenograficheskii otchet [Fourth Congress of USSR Writers. Verbatim Record]. (1968). Moscow, Sovetskii pisatel'. 320 p.
Communist Activities among Aliens and National Groups: Hearings before the Subcommittee on Immigration and Naturalization of the Committee on the Judiciary, United States Senate, Eighty-first Congress, First Session, on S. 1832, a bill to amend the Immigration act of October 16, 1918, as amended. (1950). U.S. Government Print. Office.
Hellman, L. (1945). I Meet the Front-Line Russians. In *Collier's: The national weekly*. March 31.
Hellman, L. (1991). Iz dnevnika [From the Diary]. In *Niagara*. No. 1, pp. 300–338.
Hellman, L. (2012). Nekonchenaya zhenshchina [Unfinished Woman]. In *Sovremennaya dramaturgiya*. No. 3, pp. 243–256.
Hellman, L. (1979) *Three: An Unfinished Woman; Pentimento; Scoundrel Time*. Boston, MA, Toronto, Little, Brown. 726 p.
Kopelev, L. (1977). *To Be Preserved Forever*. Philadelphia, New York, Lippincott, Cop. 268 p.
Koten, B. (1984). Tri mesyatsa ryadom s nim [Three Months around Him]. In *Konstantin Simonov v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow, Sovetskii pisatel'.
Lehmann-Haupt, Ch. (1969). The Incomplete Lillian Hellman. In *New York Times*. 30 June.
May, T. (1999). (Re)placing Lillian Hellman: Her Masculine Legend and Feminine Discourse. In *Journal of American Drama and Theatre*. Vol. 11. No. 2, pp. 17–41.
Newman, R. P. (1989). *The Cold War Romance of Lillian Hellman and John Melby*. UNC Press Books. 392 p.
Orlova, R. (2013). *Vospominaniya o neproshedshem vremeni* [Recollections of Unpast Time]. Kharkov. Prava lyudini. 403 p.
Russia Acclaimed by Miss Hellman. (1945). In *New York Times*. 2 March.
Tri tura teatral'nogo festivalya [Three Rounds of the Theatre Festival]. (1937). In *Sovetskoe iskusstvo*. 23 August.
Wright, W. (1986). *Lillian Hellman: The Image, the Woman*. NY, Simon & Schuster. 507 p.
2,000 picket opening of 'peace' conference. (1949). In *Associated Press*. March 26. URL: https://www.stripes.com/news/2-000-picket-opening-of-peace-conference-1.27822 (mode of access: 10.05.2021).

Данные об авторе

Щербинина Ольга Ивановна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия). Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов.

E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru.

Author's information

Shcherbinina Olga Ivanovna – Postgraduate Student of Department of History of Foreign Literature of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

УДК 372.882. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-26. ББК Ч426.83.
ГРНТИ 14.25.07. Код ВАК 13.00.02 (5.8.2)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ «ЭСТЕТИКИ» В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКАМ

Литовская Е. В.
Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3578-9772

Аннотация. В России долгие годы не утихают разговоры об утрате литературоцентризма и кризисе чтения среди молодежи. Данная статья посвящена проблеме подросткового чтения, любительским интерпретациям классики в социальных сетях и тому, как можно интегрировать интернет-форматы в образовательный процесс.

Современный интернет предлагает большое количество форм интерпретации литературной классики, как профессиональных, так и любительских, в том числе созданных современными школьниками. При анализе данного контента становится очевидным ряд проблем, с которыми сталкиваются старшеклассники в процессе обучения и которые они стараются решить самостоятельно: недостаточные возможности для проявления креативности в рамках уроков, непонимание прагматической значимости литературы, усложненный и «сухой» язык изложения учебного материала, несоответствие тем для обсуждения интересам, возрасту, жизненному опыту учащихся и др.

Особое внимание уделяется малоизученному, но популярному в Интернете типу контента – литературным «эстетикам». Поскольку в период пандемии стала очень популярной эстетика «Dark Academia», мы посчитали нужным кратко ее охарактеризовать, прежде чем перейти к различным типам литературных «эстетик», целям и задачам их создания, их прагматической ценности при анализе литературных произведений и изучении биографий авторов, а также практическим рекомендациям для преподавателей, которые хотели бы поработать с «эстетиками» на своих занятиях.

Материалы исследования могут быть использованы как для разработки занятий по литературе, так и для дальнейшего исследования способов современной интерпретации классики.

Ключевые слова: школьная классика; социальные сети; интерпретация; литературоцентризм; преподавание литературы

LITERARY “AESTHETICS” TO HELP STUDENTS

Elizaveta V. Litovskaia
Hankuk University of Foreign Studies (South Korea, Seoul)
ORCHID ID: https://orcid.org/0000-0002-3578-9772

© Е. В. Литовская, 2021

A b s t r a c t . In Russia, for many years, society and media are talking about the loss of literary centrism and the crisis of reading among young people. This article will be devoted to the problem of school reading, amateur interpretations of school classics in social networks, problems of the school system which are trying to being solved by bloggers and ways of successful Internet formats incorporation into the educational process.

The modern Internet offers a large number of forms of interpretation of literary school classics, both professional and amateur, including those created by modern high school students. In a process of analyzing amateur content, we faced some problems that students are dealing with during their study and which they are trying to solve on their own: the lack of both an opportunity to show their creativity and understanding the pragmatic significance of literature, a very complex and "dry" language of presentation of educational material, topics for discussion that are not suited with student's interests, age and life experience etc.

The article focuses on a type of content called "aesthetics" which is almost unknown among the academic society but being extremely popular on the Internet nowadays. We've tried to describe rather succinctly the essence of this phenomenon and the constructive principles of the "aesthetics" post formation. Since the topic of literature has been actively developed in the segment of educational aesthetics and, in particular, starting to become very popular in the "Dark Academia" aesthetics society gowning its popularity during COVID-19 pandemic, we considered it necessary to briefly characterize this aesthetic basics before going into various types of literary "aesthetics", the goals and objectives of their creation, their pragmatic value in the analysis of literary works and the study of biographies of authors, as well as practical recommendations for teachers who would like to work with "aesthetics" in their classes.

The research materials can be used both for the development of literature classes and for further research on the ways of modern interpretation of the classics.

K e y w o r d s : school classics; social networks; interpretation; literary centrism; teaching literature

Д л я ц и т и р о в а н и я : Литовская, Е. В. Литературные «эстетики» в помощь школьникам / Е. В. Литовская // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 291–301. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-26.

F o r c i t a t i o n : Litovskaia, E. V. (2021). Literary "Aesthetics" to Help Students. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 291–301. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-26.

«Нечитающая молодежь»: постановка проблемы

Русская школьная классика на протяжении десятилетий объединяла носителей русской культуры вне зависимости от места проживания. Русская культура традиционно считалась литературоцентричной [См.: Турышева 2013], однако в последние десятилетия все чаще звучат испуганные голоса родителей и преподавателей: дети перестали читать, все время проводят у экранов компьютеров и телефонов и совершенно не хотят осваивать толстые классические романы. В утрате интереса к чтению винят слишком сложную школьную программу, требования к сочинениям на ЕГЭ, превращающие творческую работу в набор клише, телевидение, компьютерные игры и социальные сети. Но, возможно, существуют какие-то альтернативные формы интерпретации, которые старшее поколение списывает со счетов, считая слишком несерьезными и поверхностными?

Современную эпоху исследователи называют эпохой «постграмотности» [Маклюэн 2005], ее отличительными особенностями является то, что пользовательская компьютерная грамотность и вовлеченность в процесс виртуального общения преобладают над традиционной грамотностью, сетевое электронное общение – над общением реальным, а электронное чтение – над книжным [Гудова 2015]. Интернет меняет отношение к информации: получить быстрый ответ на интересующий вопрос прямо сейчас становится важнее, чем запомнить что-то навсегда. Современный человек оттачивает механизмы поиска информации в глобальной сети, в меньшей степени уделяя внимание чтению для удовольствия. Исследователи отмечают, что мы стали читать даже больше, чем наши предшественники, но изменилась парадигма чтения: медленное вдумчивое чтение для удовольствия сменилось прагматическим просмотровым, цель которого быстрый поиск ответа. Оно подходит для периодики и постов в соцсетях, но практически полностью нивелирует удовольствие от литературы, лишая «читательского приключения» [Барт 1989]. С этим связывают и увеличение интереса к литературе нон-фикшн, и его снижение к классике, так как «современные молодые люди

обращаются к чтению для получения, в основном, тех знаний, которые пригодятся в учёбе и карьере, а приобщение, например, к классике для них лишь трата времени. В итоге при высоко оцениваемой роли чтения в обществе наблюдается общая тенденция к снижению популярности чтения серьёзной художественной литературы как досугового вида деятельности» [Русских 2015: 236]. Досуг подростков и молодежи в большей мере связан с игровым Интернет-контентом [См: Раппопорт 2021], который больше адаптирован к темпу современной жизни: не требует постепенного «вхождения» и сосредоточения, а также может выступать «фоном» для других занятий, в отличие от чтения классики, требующей времени и концентрации.

Увеличение скорости потребления информации связано и с увеличением количества визуального и аудио-контента, которое привело к изменению типа восприятия информации – люди «текста» сменились «визуалами» с клиповым мышлением. С одной стороны, очевидный перевес в сторону более простого контента (как по «каналу» восприятия, так и по содержанию) можно воспринять как тревожный сигнал: современные школьники с большей вероятностью прочитают краткий пересказ или посмотрят экранизацию, чем прочитают объемный роман, а значит, лишат себя эстетического удовольствия. Однако, с другой стороны, соцсети предлагают молодым читателям больше возможностей для творчества, так как «если раньше центральным мотивом использования социальных сетей было общение, то сейчас главную роль играет самовыражение» [Дворянчиков 2021: 30].

Большинство старшеклассников активно присутствуют в Сети, создают свой контент, смотрят чужой, находят новые комфортные сообщества за пределами школы, где можно не бояться высказывать свою точку зрения, где нет осуждения условных авторитетных взрослых (родителей, учителей и др.). При этом объектом интереса таких сообществ может быть что угодно: от популярной музыкальной группы до античной философии. Интернет всегда стремился к внутренний тематической сегментации, так что любители чтения и книг быстро начали создавать свои сообщества на различных блог-платформах и в социальных сетях. «Книжный» интернет быстро поделился на «старших» и «младших», «авторитетных» и «любителей», «обзорщиков», «лекторов», «косплееров», «мемологов» и др. И если с контентом старшего профессионального сообщества литературных критиков, журналистов, преподавателей и создателей научпоп-контента все более или менее ясно, то младшее поколение любителей литературы демонстрирует новые способы интерпретации, которые могут оказаться полезными в преподавании литературы.

Даже поверхностное знакомство с «литературным» сегментом соцсетей показывает, что современные школьники не утратили интереса к литературе. При анализе данного контента можно сделать следующие выводы о предпочтениях читающих учеников: 1) школьникам хотелось бы проявлять свое творческое начало через интерпретацию текстов не только в форме традиционных сочинений, но и в более близких им форматах юмористических видео, мемов, эстетических подборок, иллюстраций, фанфиков и др. 2) подросткам хотелось бы сместить фокус анализа произведения с «анализа ради анализа» на «анализ с целью понять себя и окружающий мир». Различные формы «я-высказывания» (аналогии с персонажами, выражение своего отношения к поступкам героев, описание себя как читателя определенного типа текстов) составляют значительный объем «литературного» контента и становятся способами самоопределения для авторов и их читателей/зрителей; 3) школьникам интересен писатель как человек, чем обусловлено появление многочисленных субъективных вербально-визуальных интерпретаций образов творческих личностей.

Одна из задач преподавания литературы в школе – формировать у учеников навыки анализа и отбора информации, учить их выражать свои мысли по поводу прочитанного и показывать, что литература – это ключ к пониманию себя и окружающего мира. Современные школьники читают почти все время: нельзя игнорировать тексты, когда много времени проводишь в Интернете; но заинтересовать их классическими литературными текстами – задача более сложная. Безусловно, современный учитель существует в широчайшем культурном контексте (новые экранизации, театральные

постановки, выставки), находится в постоянном методическом поиске (форумы, курсы, конференции), однако предельная загруженность учителя словесности не позволяет ему знать абсолютно все: что-то остается в стороне, на периферии внимания. Полагаем, что именно так могут обстоять дела с «литературным» Интернет-контентом. Позволим себе предположить, что знакомство с ним может быть важно и полезно для ищущего учителя: иногда блогеры предлагают действительно хороший, интересный и удобный для использования контент, иногда предлагают новые формы интерпретации, которые бы помогли разнообразить учебный процесс и создать более творческую и свободную атмосферу на занятии.

Современный любительский «книжный» контент представлен разнообразными видеообзорами (юмористическими пересказами текста, пересказами с литературоведческими комментариями) и видеообъяснениями, фанфиками на литературной основе, косплеями, фанартом, мемами, игровыми личностными тестами, ролевыми онлайн-играми и др.

Некоторые форматы любительской интерпретации литературных произведений уже привлекли внимание исследователей (к примеру, достаточно хорошо разработана тема фанфикшена [См: Мокшина 2018; Самутина 2013; Четина 2015 и др.]), другие же остаются практически не изученными. К малоизученным формам можно отнести «эстетики», на которых мы сконцентрируем внимание во второй части данной статьи.

«Эстетики»: содержание понятия и история появления

«Эстетики» сложно назвать совсем новым для интернета форматом, но удивительно, что исследователи практически не обращаются к нему.

Появление и активное развитие «эстетик» в интернете связывают с расцветом блог-платформы «Tumblr» в середине 2010-х годов [Delgado 2021]. Именно этот сервис стал первым местом, где авторы обращались к изображениям (как оригинальным, так и скопированным из других источников), компонуя их в единой стилистике. Посты-«эстетики» изначально «выглядели как посты с десятком картинок, которые раскрывают персонажа, настроение или стиль» [Удинцев 2020] и были нацелены на тот сегмент аудитории, который предпочитает визуальный контент всем прочим.

Основным конструктивным принципом поста-«эстетики» служит сочетание визуальной, музыкальной, текстовой составляющих, призванных на эмоциональном и визуальном уровне передать атмосферу места, эпохи, произведения [См.: Aesthetics Wiki]. Визуальные фрагменты могут не быть исторически достоверны, но этого и не требуется, так как задача эстетической подборки – минимальными средствами воссоздать стиль и настроение произведения.

«Учебные эстетики»: романтизация классиков

«Эстетики» были призваны идеализировать и романтизировать разные исторические эпохи, модели поведения, увлечения и элементы повседневности. Процесс обучения быстро стал объектом «эстетизации». Первой учебной «эстетикой» стала «эстетика» «Studyblr» (*сочетание англ. Study (учиться) + Tumblr (название блог-платформы)*), которая формировала эстетизированный образ учебной рутины современных студентов: блогеры показывали красиво оформленные конспекты, делились фотографиями аккуратных рабочих мест, учебными советами и мотивирующими цитатами о том, как обучение поможет достичь успеха в жизни. Но постепенно от «Studyblr» начало отделяться принципиально новое направление «эстетики», которому – частично – современный интернет обязан интересом к классическим литературным текстам. Это направление получило название «Dark Academia» («Темная Академия»).

Представители «эстетики» «Dark Academia» вдохновлялись героями фильма «Общество мертвых поэтов» и персонажами романов Д. Тартт «Тайная история» и М. Л. Рио «Если бы мы были злодеями» – студентами элитных частных университетов Новой Англии, изучавших классическую литературу и древние языки. Эта эстетика начала быстро набирать популярность в 2020 году на фоне закрытия учебных заведений на карантин в связи с пандемией COVID-19 [Delgado 2021]. Интернет-пользователи связывают рост популярности не только с тем, что школьники и студенты хотели найти новый источник учебной мо-

тивации, уйти от учебной рутины и отдохнуть от постоянных учебных занятий в Zoom, но и с тем, что это стало обратной реакцией на практически полную аннигиляцию ценности гуманитарного образования, которое часто обвиняют в ненужности, непрактичности и элитарности (критика достигает своего пика в странах, где многим студентам необходимо после окончания университета найти работу, позволяющую выплачивать немалые образовательные кредиты) [См.: Mechalay 2021; Wong 2020 и др.]. Любители гуманитарных предметов и винтажной эстетики, вдохновленные литературой и фильмами, создают красивый миф о старинных элитных университетах и частных школах, о времени, когда люди учились ради знания, а не ради будущей карьеры, когда можно было вести интеллектуальные дебаты с одноклассниками и преподавателями, о маленьких учебных группах, изучающих непрактичные латынь и древнегреческий, о постановках шекспировских трагедий, о самозабвенной погруженности в предмет изучения, об эксцентричных преподавателях, влюбленных в свой предмет и формирующих вокруг себя сообщества поклонников, о вечерах, которые проводят за чтением и домашними заданиями в темных библиотеках, о мире, где искусство предлагают прочувствовать, а не проанализировать по модели, где профессора демонстративно отказываются от учебников, побуждая учеников открыто выражать свое мнение.

Последователи этой «эстетики» не только описали ее визуальный код, составили списки обязательных к ознакомлению фильмов и книг, хобби и привычек, предметов гардероба и интерьера, но и утвердили список ценностей сообщества: стремление к знаниям и интерес к самопознанию через литературу и искусство. Любовь к классической литературе стала опорным элементом эстетики. Постепенно к классикам античной и английской литературы начали добавляться и другие авторы, в том числе, и русские.

Русские поклонники эстетического направления быстро включились в процесс создания контента, и постепенно в русских «темноакадемических» и «stydyblr»-сообществах начали появляться посты, романтизирующие русскую историю и русскую литературу.

Русская литература в «эстетиках»

Если западные блогеры чаще обращались к романам с соответствующими визуальному коду «эстетики» современными экранизациями (например, «Анне Карениной»), то русскоязычные блогеры пошли дальше, сделав объектом «эстетизации» большую часть программы по литературе для старшеклассников (и не только). Наиболее часто среди постов-«эстетик» встречаются те, что посвящены произведениям Л. Н. Толстого («Война и мир», «Анна Каренина»), Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот»), М. Ю. Лермонтова (стихотворения и роман «Герой нашего времени»), А. С. Пушкина (стихотворения и роман в стихах «Евгений Онегин»), М. А. Булгакова («Мастер и Маргарита», «Морфий», «Собачье сердце»), а также стихотворениям поэтов Серебряного века (А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Маяковского, С. Есенина и др.). Посты-эстетики можно встретить в TikTok и Instagram, но из-за механизмов поиска удобнее всего, в итоге, оказывается соцсеть «Вконтакте», где контент создается преимущественно на русском и обладает русской литературной спецификой.

«Эстетики» часто оказываются разобраны по разным «учебным» и «темноакадемическим» сообществам, где эстетики персонажей и авторов смешиваются с учебными советами, подборками, посвященными «темноакадемическому» образу жизни, «эстетиками» зарубежных произведений и фильмов и др. Это в определенной мере затрудняет поиск конкретной информации для преподавателя, но соответствует идее последователей «академической эстетики»: литература – это часть жизни, один из возможных постоянно обновляющихся источников вдохновения наравне с живописью, историей, музыкой и др. Для облегчения поиска паблики могут вводить свою разветвленную систему тегов, или же – при отсутствии системы тегов – можно найти интересующую информацию через общий поиск по постам сообщества, набрав свой запрос (фамилию писателя, название произведения, имя героя и др.) в поисковой строке.

Среди известных нам пабликов для знакомства с «эстетиками» можно порекомендовать

следующие: «vive la littérature»[1] («эстетики» героев и произведений школьной классики), «Сокол ясный»[2] («эстетики» отдельных цитат), «votre excellence»[3] (эстетика героев, произведений, цитаты, эстетика писателей), «ich will schlafen»[4] (занимательные факты и эстетические подборки к поэтическим и прозаическим цитатам, а также цитатам о писателях (из воспоминаний, писем и др.)), «бес чувственный»[5]. Этот список, далеко не исчерпывающий, может помочь педагогу совершить первое знакомство с миром интернет-«эстетик».

Типы «эстетик» и возможности их использования в преподавании литературы

Среди постов-«эстетик» можно выделить два основных типа по объекту «эстетизации»: 1) «эстетика» персонажа/автора (несколько иной тип – альтернативная «эстетика» персонажа или автора (обычно перенесенная в современные реалии)), 2) «эстетика» произведения или цитаты.

Литературные «эстетики» становятся проводником в мир литературы для людей с преимущественно «визуальным» восприятием – тех, кому бывает сложно проникнуться атмосферой произведения без зрительного ряда. Визуальность классической подборки, посвященной персонажу или произведению, обычно содержит «говорящие» детали (например, «эстетика» Евгения Онегина, с точки зрения создателей паблика «vive la littérature»[6] представлена так: рука с пистолетом, детали мужского костюма-тройки, надпись «Rich boys don't have hearts» (У богатых мальчиков нет сердца) и мужчина, который что-то пишет на бумаге. Все отсылки узнаваемы: дуэль с Ленским, дендизм главного героя, достаточно жестокое по отношению к чувствам Татьяны письмо Онегина. Есть детали чуть менее очевидные, которые демонстрируют субъективное представление автора «эстетики» о чувствах персонажа (изображение мужчины, сидящего перед кладбищенским крестом, и мужчины, который валится с ног от переполняющих его эмоций). Сопровождает этот визуальный ряд трек группы «23» «С ума»: *На улице я вздрогну, как шальной / Шагал, спешил, но вдруг прирос. / Мне показалось, что в толпе людей / Сверкнул на миг огонь твоих волос… / То тень, то смех, походка или голос… / Все возникает в голове «на раз»» / Трезвею быстро. Миражи все тают – / Они ничто без света твоих глаз.* Кого же из призраков своего прошлого увидел герой, вопрос открытый и, как любая интерпретация, оставляющий зрителю пространство для размышления. То, как автор представляет себе героя, довольно традиционно: Онегин, любивший играть с чувствами других, сначала лишился друга, потом влюбленной в него девушки, затем герой раскаялся. Однако сама «эстетика» может вызвать дискуссию, стать предметом обсуждения: из-за чего же сильнее переживает герой, почему интерпретатор выбрал такую песню, какие строчки в песне лучше всего подходят герою и подходит ли эта музыка вообще – вопросов может быть много.

Конечно, обсуждение интерпретации не заменит полноценного анализа образа героя, но может дать школьникам пищу для размышлений. Обсуждение разных интерпретаций может стать частью классной работы: какие образы чаще встречаются в «эстетиках» по данному произведению и почему? какие детали можно было добавить к данной «эстетике»? в чем автор следует фактам, а где его субъективная позиция? как представляет героя автор поста? есть ли исследователи, которые разделяют точку зрения блогера? После того как желающие выскажут свое мнение, можно перейти к тому, что говорила о герое литературная критика, без опасений, что теперь ученики примут эту точку зрения как единственную верную и вообще не попытаются проинтерпретировать текст самостоятельно, мотивируя это тем, что есть авторитетная точка зрения. Обсуждать интернет-контент и выражать несогласие с блогером проще, чем спорить с Ю. М. Лотманом. Школьникам важно понять, что есть точка зрения исследователей, есть точка зрения учителя и есть их точка зрения – все они

[1] vive la littérature [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/vivelalitterature
[2] Сокол ясный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/sokol666yasniy
[3] votre excellence [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/votreexcellence
[4] ich will schlafen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/cstrm
[5] Бес чувственный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/youandmeeeeeeeeee
[6] vive la littérature [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/vivelalitterature

в равной степени имеют право на существование, если весомо аргументированы.

Создание собственной визуальной «эстетики» персонажа может быть и вариантом домашнего задания. Можно попросить учащихся при прочтении отмечать детали, которые характеризуют героя, а потом подобрать соответствующие изображения и/или музыку и объяснить свой выбор.

Создание «эстетики» произведения может выступать и в качестве «разминки» перед аналитическим «входом» в текст, и способом проверки знания текста. Подобная работа позволит преподавателю понять особенности восприятия текста учениками: какие приметы времени и пространства посчитали самыми важными, кого из героев посчитали главными и т. д. Подчеркнем, что это может быть не только визуальная эстетика, но и текстовое описание: набор деталей, краткое описание действий, описание места и времени.

Элементы работы над «эстетикой» произведения можно использовать и в процессе анализа текста. Если в начале занятия попросить учеников назвать по одному запомнившемуся им предметному образу, то можно на основании ответов создать вариант «ментальной карты» произведения, соотнести наблюдения ребят с наблюдениями профессиональных литературоведов. К этой «ментальной карте» можно будет в дальнейшем возвращаться и дополнять ее другими значимыми деталями, а позже ученики смогут использовать ее для того, чтобы вспомнить содержание текста, подготовиться к написанию сочинения или сдаче экзамена. Такой тип «эстетик» можно использовать для квиза на закрепление или повторение материала: ученикам предлагается определить произведение по набору деталей или убрать «лишние» образы из «эстетики» произведения. «Эстетики» могут быть удачны и как вариант креативного задания для литературного конкурса: побеждает участник, чья «эстетика» вызовет у наибольшего числа зрителей желание прочитать эту книгу.

Еще один популярный тип «эстетик» – это альтернативные, касающиеся писателей и персонажей. Чаще всего героя переносят в современный мир или другую популярную вселенную (мир популярной компьютерной игры, сериала, аниме, книги). Особым успехом у пользователей пользуется Modern! AU (современные альтернативные вселенные). Современные интерпретации личности писателей представлены «Вконтакте» не очень часто, но с некоторыми можно познакомиться в паблике «Посередине жизни в сумеречном лесу», если набрать в поисковой сторке «modern!au» (на момент написания статьи были представлены эстетики Н. Гоголя, Ф. Достоевского, И. Северянина, В. Маяковского, А. Чехова, С. Есенина). Например, так описывают современную эстетику Владимира Маяковского авторы паблика[1]: *modern!au владимир маяковский: в этом году сдает егэ / вселенски устал / любит красный цвет / переехал из горной провинции в петербург и стал самым популярным во всей школе / по нему страдает все параллель девушек старших классов / по ночам плачет под макса коржа / все классы ниже 11 называют его владимир владимирович / больше всего любит отсылать голосовые сообщения / кстати, он очень ОЧЕНЬ высокая шпала / на аве больше трех лет стоял ленин / потом лиля мягко предложила ему поставить собственные фотографии / теперь на его аве вк первосортный красавец, читающий книгу маркса / «лиль, а когда гулять?» «никогда, вов, я с осипом иду» / имеет паблик на пять тысяч «пощечина общественному вкусу» / ненавидит эмодзи / обожает пиджаки, красный цвет и брючные костюмы / фыркает при любом упоминании есенина / к нему у учеников и учителей два настроения: некоторые ненавидят, некоторые любят, но нейтралитета нет.*

В представлении личности писателя в школьном преподавании есть, как нам кажется, две крайности: первая – сухое изложение фактов, скупой набор дат и фактов; вторая – сакрализация образа писателя, экзальтация, превознесение, оперирование словами типа «великий», «гениальный». Ни то, ни другое не делает писателя ближе и интереснее.

Создание «альтернативных» эстетик может помочь десакрализовать личность писателя, по-настоящему заинтересовать учеников его жизнью и творчеством. Для создания «эстетики» нужно найти интересные факты о пи-

[1] Посередине жизни в сумеречном лесу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/veseliykinofilm?w=wall-154883769_1053

сателях (их привычки, хобби, круг общения, странности, домашние животные; литературные анекдоты о писателях), самостоятельно отобрать материал. Подобные задания позволяют познакомить учащихся с литературными сайтами, предлагающими достоверную информацию, – такими, как «Полка», «Арзамас», «Горький».

«Эстетики» дают большое пространство для творчества: можно подобрать плейлист любимой музыки героя, показать его любимые мемы, стиль одежды, сконструировать его инстаграм-аккаунт, выбрать любимые тиктоки и др. и объяснить этот выбор. С одной стороны, это будет самопрезентация ученика, но с другой – он получит возможность вжиться в роль описываемого героя, найти с ним что-то общее, не выходя сильно за границы своего комфортного инфополя. Подобная работа может вестись в рамках индивидуального или группового проекта, итоги проектной работы могут быть представлены либо в формате стенгазеты, чтобы с материалами могли ознакомиться учащиеся других классов, либо в Интернете.

Через допущение подобной игровой интерпретации можно донести до учеников важную мысль: классическая литература находится вне времени, она является продуктом своей эпохи, но в ней есть «избыток вечного». Идея «осовременить» образ писателя, текст и героев – это способ интерпретации, который имеет свои плюсы и свои минусы. Попытка рассказать о Пушкине на языке «мемов» кажется кощунственной только на первый взгляд, ведь если через «мемы» мы можем донести до школьников идею того, что «Пушкин – наше все» не потому, что так написано в учебнике, а потому, что он в свое время на простом и понятном его современникам языке написал очень остроумные тексты, это уже хорошо.

Выводы

Важное условие хорошей эстетики – интерес и уважительное отношение к объекту интерпретации. Сама идея визуализировать или создавать шутливые «современные» версии держится на том, что читатель или зритель знакомы с литературным героем, с произведением, автором. Создание «эстетик» – достаточно сложная аналитическая работа, которая требует времени, эстетического вкуса, выполнения определенных правил (скорее всего, среди интересных фактов о Пушкине, Маяковском и Есенине, найденных учениками, будут и «скандальные», и тут уже задача учителя – заранее определить правила: какую информацию можно использовать для урока прямо, на какую можно намекнуть, а что придется оставить для внеаудиторного обсуждения с друзьями и одноклассниками (как это и делали поколения школьников до них)).

Не стоит забывать о том, что «эстетики» – это интернет-жанр, ориентированный на подростка, молодого человека, и потому обладает рядом особенностей, которые преподавателю важно учитывать. Во-первых, он может содержать нежелательный контент (в частности, открытый или завуалированный BL-контент[1] и использование обсценной лексики – популярные «грехи» любительского контента, которые не обошли «эстетики» стороной). Преподавателю все же стоит просматривать материал заранее. Так как данные пабликов постоянно обновляются, то педагог никогда не может точно спрогнозировать, что именно решат опубликовать авторы паблика, не появится ли у них какой-то новый интерес, который может нарушить хрупкую экосистему паблика с «безопасным» контентом. Полагаем, что при работе с готовыми «эстетиками» все-таки лучше не давать ученикам полного доступа к материалам пабликов, а самостоятельно отбирать то, что может быть использовано для обсуждения в классе, уделяя больше внимания «эстетикам» как типу интерпретации, а не готовому материалу для обсуждения.

Поскольку авторы «эстетик» в интернете – студенты или старшеклассники, то представляется более закономерным использование такого материала при работе с учениками старших классов, к тому же произведения из программы 9–11 классов уже осмыслены интернет-пользователями и можно выбрать какие-то материалы для занятий из готового материала.

Так как комплекс нравственно-философских тем и проблем, поднимаемых в программе литературного образования старшей шко-

[1] Прим. BL (сокр. от англ. *boys love*) – собирательное название популярного жанра комиксов, новелл, сериалов, одной из тем которого являются любовные отношения между персонажами-мужчинами.

лы, не вполне совпадает с жизненным опытом юных читателей, то идея обращаться к «визуальному» или вербально-визуальному способу интерпретации представляется хорошим способом мотивировать школьников к выражению своего мнения о тексте через изображения, актуальные для них аналогии или игру (как в случае с «альтернативными эстетиками»). Также это, как отмечалось ранее, может служить одним из способов «разговорить» школьников, которые порой не очень хорошо связывают мысли в единый логичный нарратив, но при этом обладают образным мышлением: они могут рано «закрыть» для себя мир литературы, решив, что это «не для них» именно потому, что им трудно писать сочинения.

Так как задача курса литературы в школе – не только подготовить школьников к написанию сочинения, но и научить их выражать свои мысли, анализировать и по-разному интерпретировать тексты, то использование «эстетик» в учебном процессе может помочь им понять, что нет «правильной» и «неправильной» интерпретации, позволит развить творческие навыки и, возможно, даже найти себе новое интересное занятие, которое может стать профессией.

Создание разных типов «эстетик» задействует поисковые механизмы (умение работать с информацией в Сети, искать важные детали в тексте), способствует развитию аналитических способностей, умений синтезировать целое, а также быть внимательными к чужому слову – и к слову автора, и к слову одноклассника-создателя интерпретации.

Создание «эстетик» сближается с другим популярным способом любительской интерпретации – фанфикшеном, так как это тоже «определенная демократия чтения, реванш читателя, вырвавшего свое право на удовольствие из рук критика и издателя, а также из-под власти традиционно понимаемого автора» [Самутина 2013]. При создании «эстетики» ученик тоже примеряет на себя роль равного собеседника, вступающего в диалог с автором оригинального текста, становится участником «глобальной литературной игры» [Гусарова 2009].

Игра в творческую деконструкцию, когда текст разбирается на символические детали, на вроде бы незначительные визуальные элементы, когда герои перемещаются в новый контекст, когда мы ищем связь текста и чужой интерпретации, пытаясь понять, как текст прочитали другие люди, – все это может сформировать у учеников интерес к чтению и разговору о классических произведениях.

Использование «эстетик» и других форм интернет-интерпретации на занятиях, безусловно, не заменит форм анализа художественного произведения, которые используются преподавателями системно; конечно, использование литературных «эстетик» – это сфера частных приемов, но, как мы постарались показать, они могут стать дополнительным инструментом в работе учителя, позволяющим решать важные задачи: разнообразить виды работы на уроке, вовлекать в разговор о произведении большее число учеников, организовывать момент «входа» в текст и «выход» из него через создание собственной интерпретации.

Каждое новое поколение стремится пересказывать и интерпретировать вечные сюжеты на новый лад, ученики могут хвалить и ругать классику, но пока они готовы интерпретировать, делиться своей точкой зрения с другими, готовы эстетизировать процесс обучения и мечтать о том, что их мнение услышат и оценят другие, мечтать о своем «Обществе мертвых поэтов» или хотя бы сообществе интернет-знакомых, пока они хотят снимать видео, переодеваясь в писателей и героев, создавать фанфики и косплей, пока делают мемы, пока рассказывают другим о прочитанном, возмущаются или восхищаются поведением героев, преподавание литературы будет иметь смысл. А когда эти способы интерпретации отойдут и на их место придут какие-то другие, нужно будет вновь проявить чуткость и к меняющемуся миру, и к меняющимся детям. Кажется, это то, чему учит нас классика: быть гибкими, но сохранять ключевые идеи. Ведь классика – это та точка, к которой мы возвращаемся, и новый виток интереса к ней это доказывает.

Литература

Аскарова, В. Я. Изучение детского и юношеского чтения в эпоху цифровой реальности: актуальные исследовательские и проектные стратегии / В. Я. Аскарова, Л. Б. Зубанова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 5. – С. 93–102.

Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

Гудова, М. Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : дис. … д-ра культ. наук / Гудова М. Ю. – Екатеринбург : [б. и.], 2015. – 329 с.

Гусарова, А. Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики : автореф. дис. … канд. филол. наук / Гусарова А. Д. – Петрозаводск : Изд-во МарГу, 2009. – 25 с.

Дворянчиков, Я. В. Социальные сети как инструмент популяризации массовой культуры / Я. В. Дворянчиков, Е. С. Шепелева // Форум молодежной науки. – 2021. – № 2. – С. 29–33.

Маклюэн, М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн ; пер. И. О. Тюриной. – М. : Акад. проект ; Фонд «Мир», 2005. – 496 с.

Мокшина, Ю. Л. Фанфикшн как инструмент приобщения современных школьников к чтению классической литературы : дис. … канд. пед. наук / Мокшина Ю. Л. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. – 455 с.

Раппопорт, Р. В. Читай не хочу. Что мешает ребенку полюбить книги / Р. В. Раппопорт. – Москва : Individuum, 2021. – 256 с.

Русских, Е. В. Современное юношеское чтение и электронные ресурсы как способ приобщения к книге / Е. В. Русских // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 236–241.

Самутина, Н. В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта / Н. В. Самутина. – Текст : электронный // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12, №. 3. – С. 137–194. – URL: https://www.intelros.ru/pdf/socoboz/2013_3/SocOboz_12_3_07_Samutina.pdf (дата обращения: 10.05.2021).

Турышева, О. Н. Русский литературоцентризм в аспекте литературной рефлексии / О. Н. Турышева // Уральский филологический вестник. – 2013. – № 1. – С. 228–243.

Удинцев, Н. Посмотрите на последний инстаграм-тренд 2010-х – PicsArt эстетику / Н. Удинцев. – Текст : электронный // Afisha Daily. – URL: https://daily.afisha.ru/brain/14125-posmotrite-na-posledniy-instagram-trend-2010h-picsartestetiku/ (дата обращения: 20.05.2021).

Четина, Е. М. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах / Е. М. Четина, Е. А. Клюйкова. – Текст : электронный // Вестник Пермского ун-та. – 2015. – № 3 (33). – С. 95–104. – URL: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/kluikova/chetina_klyuykova.pdf (дата обращения: 10.05.2021).

Aesthetics Wiki. – URL: https://aesthetics.fandom.com/wiki/List_of_Aesthetics (mode of access: 20.11.2021). – Text : electronic.

Delgado, P. Dark Academia, a Troublesome Trend / P. Delgado. – Text : electronic // Institute of the Future of Education: Observatory. – September 28, 2021. – URL: https://observatory.tec.mx/edu-news/dark-academia-a-troublesome-trend (mode of access: 20.11.2021).

Mechaley, K. Dark Academia: promotion Equality or Elitism? / K. Mechaley. – Text : electronic // Mayfield Crier. – September 26, 2021. – URL: https://mayfieldcrier.org/3033/op-ed/dark-academia-promoting-equality-or-elitism/ (mode of access: 20.11.2021).

Wong, B. A. Why the Dark Academia trend hides a bad academic culture / B. A. Wong. – Text : electronic // Unpublished. – December 4, 2020. – URL: https://www.unpublishedzine.com/personal-essay-1/why-the-dark-academia-trend-hides-a-bad-academic-culture (mode of access: 20.11.2021).

References

Aesthetics Wiki. URL: https://aesthetics.fandom.com/wiki/List_of_Aesthetics (mode of access: 20.11.2021).

Askarova, V. Ya., Zubanova, L. B. (2018). Izuchenie detskogo i yunosheskogo chteniya v epokhu tsifrovoi real'nosti: aktual'nye issledovatel'skie i proektnye strategii [Learning Reading for Children and Young People in the Digital Age: Relevant Research and Design Strategies]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 5, pp. 93–102.

Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress. 616 p.

Chetina, E. M., Klyuikova, E. A. (2015). Fandomy i fanfiki: kreativnye praktiki na virtual'nykh platformakh [Fandoms and Fanfiction: Creative Practices on Virtual Platforms]. In *Vestnik Permskogo* universiteta. No. 3 (33), pp. 95–104. URL: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/kluikova/chetina_klyuykova.pdf (mode of access: 10.05.2021).

Delgado, P. (2021). Dark Academia, a Troublesome Trend. In *Institute of the Future of Education: Observatory*. September 28. URL: https://observatory.tec.mx/edu-news/dark-academia-a-troublesome-trend (mode of access: 20.11.2021).

Dvoryanchikov, Ya. V., Shepeleva, E. S. (2021). Sotsial'nye seti kak instrument populyarizatsii massovoi kul'tury [Social Networks as a Tool for Popularizing Mass Culture]. In *Forum molodezhnoi nauki*. No. 2, pp. 29–33.

Gudova, M. Yu. (2015). *Chtenie v epokhu postgramotnosti: kul'turologicheskii analiz* [Reading in the Post-Literacy Era: a Cultural Analysis]. Dis. … d-ra kul't. nauk. Ekaterinburg. 329 p.

Gusarova, A. D. (2009). *Zhanr fentezi v russkoi literature 90-kh gg. dvadtsatogo veka: problemy poetiki* [The Fantasy Genre in Russian Literature of the 90s. Twentieth Century: Problems of Poetics]. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Petrozavodsk. 25 p.

McLuhan, M. (2005). *Galaktika Guttenberga: Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg's Galaxy: The Formation of a Printing Man]. Moscow, Academicheskii proekt, Fond «Mir». 496 p.

Mechaley, K. (2021). Dark Academia: Promotion Equality or Elitism? In *Mayfield Crier*. September 26. URL: https://mayfieldcrier.org/3033/op-ed/dark-academia-promoting-equality-or-elitism/ (mode of access: 20.11.2021).

Mokshina, Yu. L. (2018). *Fanfikshn kak instrument priobshcheniya sovremennykh shkol'nikov k chteniyu klassicheskoi literatury* [Fanfiction as a Tool for Introducing Modern Schoolchildren to Reading Classical Literature]. Dis. … kand. filol. nauk. Saint Petersburg. 455 p.

Rappoport, R. V. (2021). *Chitai ne hochu. Chto meshaet rebenku polyubit' knigi* [Read – I Don't Want To. What Prevents a Child from Falling in Love with Books]. Moscow, Individuum. 256 p.

Russkikh, E. V. (2015). Sovremennoe yunosheskoe chtenie i elektronnye resursy kak sposob priobshcheniya k knige [Modern Youth Reading and Electronic Resources as a Way of Introducing the Book]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 236–241.

Samutina, N. V. (2013). Velikie chitatel'nitsy: fanfikshn kak forma literaturnogo opyta [Great Readers: Fanfiction as a Form of Literary Experience]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 12. No. 3, pp. 137–194. URL: https://www.intelros.ru/pdf/socoboz/2013_3/SocOboz_12_3_07_Samutina.pdf (mode of access: 10.05.2021).

Turysheva, O. N. (2013). Russkii literaturotsentrizm v aspekte literaturnoi refleksii [Russian Literary Centrism in the Aspect of Literary Reflection]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik*. No. 1, pp. 228–243.

Udintsev, N. (2020). Posmotrite na poslednii instagram-trend 2010-kh – PicsArt estetiku [Look at the Latest Instagram Trend of the 2010s – PicsArt Aesthetics]. In *Afisha Daily*. URL: https://daily.afisha.ru/brain/14125-posmotrite-na-posledniy-instagram-trend-2010h-picsartestetiku/ (mode of access: 20.05.2021).

Wong, B. A. (2020). Why the Dark Academia Trend Hides a Bad Academic Culture. In *Unpublished*. December 4. URL: https://www.unpublishedzine.com/personal-essay-1/why-the-dark-academia-trend-hides-a-bad-academic-culture (mode of access: 20.11.2021).

Данные об авторе

Литовская Елизавета Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея).

Адрес: HUFS Global Campus, 81, Oedae-ro, Mohyeon-eup, Cheoin-gu, Yongin-si, Gyeonggi-do, 17035.

E-mail: elizabethliter@gmail.com.

Author's information

Litovskaia Elizaveta Vladimirovna – Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea).

УДК 378.016:811.161.1. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-27. ББК Ш141.12-9-99.
ГРНТИ 14.35.07. Код ВАК 13.00.02 (5.8.2)

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИЗ ТУРКМЕНИСТАНА

Григорян А. А.
Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)
ORCID ID: https:// orcid.org/0000-0002-7674-3092

Попкова Е. Б.
Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)
ORCID ID: https:// orcid.org/0000-0002-7723-2972

Аннотация. На современном этапе актуальным становится определение статуса русского языка, а следовательно, и его изучения на постсоветском пространстве. В последние несколько лет наблюдается большой интерес со стороны молодого поколения бывших союзных республик к получению высшего образования в России. В связи с этим актуализируется проблема подготовки по русскому языку иностранных абитуриентов, поступающих в бакалавриат или магистратуру в вузы РФ.

Целью статьи являются рассмотрение основных факторов – лингвистических и экстралингвистических, препятствующих успешному обучению русскому языку как иностранному, и выработка методических рекомендаций по формированию коммуникативной компетенции у туркменских студентов.

Установлены экстралингвистические (положение русского языка в Туркменистане в постсоветский период и на современном этапе) и лингвистические (языковые – фонетические, лексические, грамматические, связанные с принадлежностью русского и туркменского языков к разным типологическим группам) факторы, препятствующие успешному обучению туркменских учащихся русскому языку как иностранному, а также определены психолого-педагогические особенности данной этногруппы. Выявлены типичные ошибки туркменских студентов в условиях взаимодействия родного и русского языков, разработаны методические рекомендации для успешного формирования языковых, речевых навыков и умений в каждом из аспектов языка и во всех видах речевой деятельности. Исследовательские материалы обобщены в таблице, даны методические рекомендации, которые могут быть использованы при разработке учебных комплексов не только для туркменской аудитории, но и представителей других тюркоязычных стран.

Эффективность обучения туркменских студентов вне языковой среды зависит от следующих факторов – установление своеобразия системы русского и их родного языков; учет особенностей восприятия и усвоения этих специфических черт туркменскими обучающимися; системная целенаправленная работа по фонетике, лексике, грамматике, видам речевой деятельности с учетом психолого-педагогических особенностей указанного контингента студентов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика преподавания русского языка, методика русского языка в вузе, образовательный процесс, туркменские студенты

TEACHING RUSSIAN LANGUAGE TO STUDENTS FROM TURKMENISTAN

Armine A. Grigoryan
South Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
ORCID ID: https:// orcid.org/0000-0002-7674-3092

Evgeniya B. Popkova
South Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
ORCID ID: https:// orcid.org/0000-0002-7723-297

© А. А. Григорян, Е. Б. Попкова, 2021

Abstract. At the present stage, the determination of the status of the Russian language, and, consequently, its study in the post-Soviet space is becoming urgent. In the last few years, there has been great interest on the part of the younger generation of the former Soviet republics in obtaining higher education in Russia. In this regard, the problem of Russian language training for foreign applicants entering bachelor's or master's degree programs at universities of the Russian Federation is becoming rather urgent.

The purpose of the article is to consider the main factors – linguistic and extralinguistic, which hinder the successful teaching of Russian as a foreign language, and to develop methods guides aimed at the formation of the Russian language communicative competence among Turkmen students.

The study reveals the extralinguistic (the position of the Russian language in Turkmenistan in the post-Soviet period and at the present) and linguistic (linguistic-phonetical, lexical, grammatical, related to the belonging of the Russian and Turkmen languages to different typological groups) factors that prevent the successful teaching of Turkmen students Russian as a foreign language, and characterizes the psychological and pedagogical specific features of this ethnic group. The authors dwell on the typical mistakes of Turkmen students in the process of interaction of the native and the Russian languages and suggest methods guides for the successful formation of language and speech habits and skills in each of the aspects of the language and in all types of speech. The research materials are summarized in the table, the methods guides can be used in the development of educational complexes not only for the Turkmen audience, but also for representatives of other Turkic-speaking countries.

The effectiveness of teaching Turkmen students outside the language environment depends on the following factors: taking into account of the uniqueness of the system of Russian and their native languages; emphasis on the peculiarities of perception and acquisition of these specific features by Turkmen students; systematic purposeful work on phonetics, vocabulary, grammar, types of speech, taking into account the psychological and pedagogical characteristics of the specified contingent of students.

Keywords: Russian as a foreign language; methods of teaching Russian; methods of teaching Russian at university; education process; Turkmen students

Для цитирования: Григорян, А. А. Обучение русскому языку студентов из Туркменистана / А. А. Григорян, Е. Б. Попкова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 302–315. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-27.

For citation: Grigoryan, A. A., Popkova, E. B. (2021). Teaching Russian Language to Students from Turkmenistan. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 302–315. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-27.

Введение. В настоящее время русский язык является одним из пяти востребованных языков мира. Русский язык изучают представители дальнего и ближнего зарубежья. Ежегодно в Россию приезжают тысячи иностранных граждан из самых разных стран мира с целью получения высшего образования на русском языке.

В современном мире развитые страны усиливают конкурентную борьбу за лидерство в области экономики, в сфере новейших технологий, в системе образования. Именно образование является одним из наиболее эффективных инструментов влияния, «мягкой силой», в основе которой заложены такие жизнеспособные компоненты как «сильный интеллектуальный потенциал, опыт и традиции национальной школы» [Orekhovskaya, Zamaraeva, Shikh, Galushkin, Platonova, Ishmuradova 2019: 156].

Федеральный проект «Экспорт образования» (сроки реализации 01.01.2019–31.12.2024) призван обеспечить конкурентоспособность российского образования на международном рынке образовательных услуг и способствовать вхождению Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству образования.

Одной из главных задач этого проекта является увеличение количества иностранных граждан, обучающихся в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, по программам высшего образования. К 2024 году этот показатель должен составлять 425 тысяч человек.

Южный федеральный университет как образовательное учреждение, которое привлекает студентов всего мира на обучение, накопил большой опыт в подготовке высококвалифицированных специалистов для зарубежных стран. Университет ведет обучение иностранных студентов с 1948 года. В настоящее время иностранные граждане обучаются в университете на образовательных программах высшего образования уровня бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры. В 2020–2021 учебном году в ЮФУ общее число иностранных

обучающихся по основным образовательным программам составляет более 2 000 человек из 77 стран мира.

Необходимо отметить, что в 2020–2021 учебном году увеличилось количество иностранных студентов из стран ближнего зарубежья, в частности из Туркменистана. Однако стоит отметить, что их уровень владения русским языком не высок – учащиеся из Туркменистана несмотря на то, что на родине они изучают русский язык с 1–2 класса по 9–10 класс, с каждым годом демонстрируют все более низкий уровень владения русским языком, что является следствием языковой политики в период становления Туркменистана как независимого государства.

Положение русского языка в Туркменистане. Согласно статье 12 Конституции независимой Республики Туркменистан государственным языком является туркменский язык. Статус русского языка в данном документе не определен [Русский язык в новых независимых государствах: результаты комплексного исследования 2008]. Однако в Средней Азии русский язык на протяжении более ста лет являлся языком межнационального общения. В Туркменистане на основании «Закона о языке» от 1990 года русский язык имел статус языка межнационального общения. В 1996 году этот статус был официально отменен [Русский язык в новых независимых государствах: результаты комплексного исследования 2008]. Русский язык стал вытесняться из всех сфер жизни туркменского общества. Русские по национальности не могут занимать государственные должности, это закреплено в законе «О подборе государственных руководителей и должностных лиц на государственную службу». Прекратила свою деятельность Академия наук Туркмении, большинство членов которой являлись русскими по национальности [Кудоярова 2009: 76; Кудоярова 2010: 71–72].

Ослабление позиций русского языка в Туркменистане также связано с сокращением русскоязычного населения в стране, с подавлением культурной деятельности оставшихся русских землячеств.

СМИ в стране ведут свою работу на туркменском языке. Российские газеты, журналы, телеканалы малодоступны для жителей страны. В крупных городах большинство населения пользуется спутниковыми антеннами, чтобы иметь возможность смотреть российские каналы. Современные русско-туркменские словари, книги на русском языке практически невозможно приобрести.

На наш взгляд, важнейшим фактором распространения того или иного языка является система образования. Важно уточнить, изучается ли русский язык в образовательных учреждениях Туркменистана, является ли этот предмет обязательным в школьных и вузовских учебных программах?

По мнению экспертов (Т. В. Кудоярова, Д. Э. Летняков и др.), русскоязычное образование в Туркменистане находится в упадке. С начала 2000-х годов почти все русские, а также совместные русско-туркменские школы преобразованы в туркменские, количество русскоязычных классов уменьшилось, сократилось количество часов русского языка, в вузах ликвидированы кафедры русского языка и литературы и обучение в высшей школе полностью переведено на туркменский язык [Кудоярова 2010: 72; Осьмухина 2017: 147].

Только в Ашхабаде функционирует единственная туркмено-российская школа им. А. С. Пушкина. По словам туркменских студентов, эта школа, несмотря на сложность поступления (большой конкурс, кроме этого, могут потребовать вступительные взносы), пользуется большой популярностью в стране. Для родителей и учащихся самым ценным в обучении в этой школе является возможность в дальнейшем получить образование в российском вузе [Хуторский 2006].

Таким образом, функционирование русского языка в Туркменистане очень ограничено. Произошло сжатие русскоязычного пространства, которое привело к сужению культурно-языковой сферы. Вследствие официальной языковой политики русский язык не является больше языком межнационального общения и рассматривается как иностранный язык.

В школах Туркменистана сократились так называемые «русские классы», классы, в которых все обучение ведется на русском языке, наблюдается недостаток учебной литературы на русском языке [Летняков 2015; Мамедов 2007: 319]. К тому же обучение русскому языку в современном Туркменистане ведется в условиях неязыковой среды. Как стало известно

из анкет, которые заполняли, туркменские студенты, в их родных городах, поселках, семьях очень редко говорят по-русски.

В настоящее время ситуация несколько стала изменяться – новое руководство Туркменистана определило три основных языка – при сохранении доминирования государственного языка английскому языку отводится роль языка инновационных технологий, а русский становится языком межнационального общения. Следствием данных изменений стало постепенное возвращение русского языка в туркменские средние учебные заведения. В специализированных школах русскому языку отводится 4 часа в неделю, в неспециализированных – 2 часа. В связи с этим остро встал вопрос нехватки квалифицированных кадров [Виноградов www.prometeus.nsc.ru; Осьмухина 2017][1].

Вышеперечисленные экстралингвистические факторы поясняют, почему туркменские студенты, прибывшие в Ростов-на-Дону для обучения в Южном федеральном университете, имеют невысокий уровень языковой подготовки.

Именно поэтому объектом исследования выбраны учащиеся из этой страны.

Целью статьи является рассмотрение основных факторов – лингвистических и экстралингвистических, препятствующих успешному обучению русскому языку как иностранному, и выработка методических рекомендаций по формированию коммуникативной компетенции у туркменских студентов.

Методы и материалы исследования. В ходе исследования были использованы диагностические методики, включающие анкетирование студентов (вопросы открытого и закрытого типа), тестирование для определения уровня владения русским языком, а также интервьюирование. Для получения теоретических данных применялся анализ источников и нормативно-правовых документов в сфере образования, а также элементы статистического метода. В эксперименте принимали участие студенты первого курса, прибывшие на обучение в Южный федеральный университет в 2020–2021 учебном году (всего 200 человек).

С целью установления причин такого невысокого уровня владения русским языком студентами из Туркменистана нами было проведено исследование, которое состояло из нескольких этапов:

1 этап: изучение литературы, интернет-ресурсов, посвященных положению русского языка в Туркменистане;

2 этап: проведение анкетирования среди туркменских студентов (всего 200 человек);

3 этап: проведение интервью с экспертами из числа преподавателей кафедры русского языка для иностранных учащихся, работающих с контингентом туркменских студентов (25 преподавателей);

4 этап: обработка и анализ результатов исследования, составление рекомендаций для преподавателей, работающих с указанным контингентом.

Результаты. Проанализировав результаты анкетирования туркменских студентов, мы определили социальный портрет среднестатистического туркменского учащегося, который прибывает на обучение в ЮФУ.

Это молодые люди в возрасте 18–24 лет, большинство которых проживает в Туркменистане в небольших поселках, селах. Лишь 7% из числа опрошенных приехали из больших городов (в частности из Ашхабада). 50% – это выходцы из семей служащих: родители работают учителями, врачами, инженерами. У других ребят в семье работает только отец (чаще всего это средний торговец), мама – домохозяйка, или родители не работают (на пенсии). Средний состав семьи – 5–7 человек.

При ответе на вопрос «в каком возрасте вы начали изучать русский язык?» 90% респондентов указали, что изучали русский язык с 7 лет, остальные – с 8 или 10 лет. Все опрошенные студенты изучали русский язык в школе на Родине, в течение 9–10 лет. На вопрос «сколько раз в неделю были занятия по русскому языку?» студенты ответили, что занятия проходили 2–3 раза в неделю. На вопрос «в школе русскому языку обучали русские преподаватели или туркменские?» респонденты указали, что в городских школах редко еще работают русские преподаватели, в сельских школах – только туркменские педагоги. Отвечая на вопрос «в последнем классе школы вы сдавали экзамен по русскому языку? Если да, то в каком формате?» большинство респондентов написали,

[1] Попутно отметим, что большая часть студентов из Туркменистана выбирает педагогическое направление (по результатам анкетирования).

что по окончании учебы в школе выпускной экзамен по русскому языку не сдавали, в аттестате проставлена текущая оценка. Те респонденты, которые сдавали экзамен в школе, отмечают, что экзамен проводился либо в письменной форме (написание диктанта, сочинения, грамматического теста), либо в устной форме (устные ответы по изученным темам). Необходимо отметить, что в аттестате у всех опрошенных студентов по русскому языку проставлены оценки «хорошо», «отлично».

На вопрос «почему вы выбрали российское образование?», 40% ответили, потому что российское образование одно из лучших в мире, 40%, указали, что российский диплом поможет найти хорошую работу. Остальные респонденты написали, что их родители (отцы, дедушки) ранее учились или служили в Москве.

На вопрос «почему вы выбрали именно ЮФУ?», большинство респондентов ответило, потому что посоветовали родители, или узнал об этом университете в социальных сетях.

Отвечая на вопрос «в вашем родном городе люди говорят по-русски в общественных местах?», большинство студентов указали, что это происходит иногда или очень редко. Часто используют русский язык как второй государственный язык в больших городах.

На вопрос «в вашей семье вы говорите по-русски?» только 8% респондентов ответили, что всегда. Остальные респонденты, указали, что говорят очень редко.

В ходе интервью с экспертами из числа преподавателей кафедры русского языка для иностранных учащихся, работающих с контингентом туркменских студентов, установлены психолого-педагогические особенности туркменских обучающихся.

По манере общения туркмены немногословны, вежливы и скрытны, в свой внутренний мир «чужих» не впускают, очень самолюбивы. Поэтому они крайне редко признаются, что что-то не поняли. Спрашивать у туркмена, справится он с чем-то или не справится, не рекомендуется, поскольку сказать «не справлюсь» для него значит потерять лицо. Вместо этого нужно задавать целенаправленные вопросы, связанные со знанием деталей, а объяснять нужно на очень наглядных примерах: у большей части туркменов конкретное, а не абстрактное мышление. В силу этих особенностей у студентов-туркменов возникают проблемы в говорении. Они неохотно рассказывают о себе, обсуждают проблемы, мало общаются со своими российскими одногруппниками. Туркменские учащиеся предпочитают выполнять упражнения письменно, писать задания на доске, читать и разбирать тексты про себя, хотят оставаться на комфортном уровне, где они все понимают. У учащихся необходимо развивать память, языковую догадку, прогнозирование, что будет способствовать обучению всем видам речевой деятельности. Преподаватели на занятиях рекомендуют использовать аудиовизуальный и сознательно-практический методы.

Следует обратить внимание на тот факт, что туркменские студенты неплохо владеют русским разговорным языком благодаря соседству с русскоговорящими людьми. Это дает возможность активно пользоваться русским языком в ежедневном общении. Однако владение студентом разговорным стилем общения вовсе не означает владение основами русской грамматической системы, научным или официально-деловым стилем.

На первом курсе в начале первого семестра иностранные студенты проходят входное тестирование по русскому языку. По результатам тестирования туркменские учащиеся демонстрируют пассивное владение языком: сформированы навыки ознакомительного чтения, технические навыки письма, способность восприятия звучащей речи (бытового содержания) на слух. В таких аспектах как правильная грамотная речь, понимание на слух научной речи (лекционного материала), выступление на семинарских, практических занятиях туркменские студенты испытывают значительные затруднения.

В свою очередь, владение разговорным стилем отражается на качестве и объеме словарного запаса. Студенты не обучены базовым общенаучным понятиям и практически не знают соответствующую абстрактную лексику. Неграмотная устная речевая деятельность отражается и на несоблюдении базовых грамматических норм русского языка, а также написании простых и сложных синтаксических конструкций, пунктуационных правил. Наблюдается нарушение фонетико-орфоэпических норм, связанное с отсутствием противопоставления согласных по твердости-мягкости и с фиксированным уда-

рением на последний слог в туркменском языке. Все это требует от преподавателя русского языка как иностранного использование специальных упражнений по всем аспектам языка и речи, направленных на выявление, коррекцию и обучение установленных несоответствий.

«Важную роль в процессе обучения играет обеспечение соответствующей учебной программой и методической литературой» [Brown H. Douglas 2006: 102]. Поэтому преподавателями кафедры была разработана новая учебная программа и новые методические пособия с учетом их использования в мононациональной (туркменской) аудитории. В учебно-методическом комплексе акцент в первую очередь делается на грамотной коммуникации в профессиональной сфере, а также формирование языковой личности, речь которой соответствует общепринятым нормам русского языка, отличается логичностью, ясностью, правильностью и выразительностью. Все это реализуется при комплексном изучении основных аспектов языка – фонетики, лексики, грамматики.

Первые трудности возникают на уровне произношения звуков и звукосочетаний. Как правило, для восприятия и воспроизведения русских звуков студенты используют известные им слуховые и произносительные навыки родного языка, то есть формирование артикуляционной базы в сознании учащихся происходит в условиях действия межъязыковой фонетической интерференции. Так как фонетические системы русского и туркменского языков существенно различаются, то студенты не могут правильно воспринимать слова на слух и правильно их произносить, что в свою очередь, сказывается на овладении грамотной русской литературной речи и значительно затрудняет работу по обучению грамматике, т. е. плохое произношение тормозит общеязыковое развитие студентов. Поэтому следует на среднем этапе обучения ввести корректировочный курс фонетики, чтобы постепенно устранить имеющиеся слухопроизносительные ошибки. Такой подход в дальнейшем облегчит обучающимся усвоение лексико-грамматического материала.

Особое внимание уделяется обучению грамматике в контексте сопоставления общих и дифференциальных признаков родного и иностранного языков. В грамматических системах русского и туркменского языков имеется множество расхождений, связанных с их отнесенностью к разным типологическим группам [Амичба 2005; Крючкова 2018]. В русском языке, принадлежащем к флективным языкам, активно используется префиксация, суффиксация, чередование звуков как средство выражения грамматических значений. Для морфологии туркменского языка, как и других тюркских языков, характерна агглютинация – присоединение к корневой морфеме в определенной последовательности аффиксов, имеющих словообразовательное или формообразующее значение.

Большую сложность у туркменских студентов вызывает грамматическая категория рода в русском языке. Известно, что категория рода охватывает не только имена существительные, но и прилагательные, числительные, некоторые разряды местоимений, формы прошедшего времени, сослагательного наклонения. Поэтому усвоение целого ряда явлений грамматики русского языка зависит от правильного определения рода существительного. В туркменском языке отсутствует грамматическая категория рода. Принадлежность к мужскому и женскому полу выражается на лексическом уровне, а не на морфологическом и синтаксическом уровнях. Поэтому распределение слов на мужской и женский род в туркменском языковом сознании связывается исключительно с биологической соотнесенностью [Сравнительная грамматика русского и туркменского языков 1974: 243]. Отсутствие категории рода вызывает трудности при изучении групп слов, обозначающих неживые предметы, природные и другие явления, абстрактные понятия. Ошибки в речи туркменских студентов также объясняются неизменяемостью имён прилагательных и указательных местоимений, отсутствием притяжательных прилагательных и кратких форм качественных прилагательных в родном языке (например, *этот девушка хорошо читает по-русски, новый студентка приехала из Китая, наш подруга заболел и др.*).

Большое количество глаголов русского языка передается в туркменском языке разными лексическими средствами – двух-, трехкомпонентными словосочетаниями (*бесе́довать – гүррүң этмек, гото́виться – тайярлык гөрмек, оцени́ть – баха бермек, постуча́ть – гапыны*

какмак, руководи́ть – ёлбаш чылык этмек и др.) [Русско-туркменский словарь 1956].

Существенно различается падежная система русского и туркменского языков, несмотря на их одинаковое количество и общность в значениях именительного (в туркменском языке – основного), родительного, дательного и винительного падежей. Однако в туркменском языке отсутствуют прямые аналоги творительного и предложного падежей русского языка. Для туркменского языка специфичными являются формы местного и исходного падежей [Грамматика туркменского языка 1970]. Грамматическое отличие русского и туркменского языков наиболее отчетливо выявляется в средствах выражения значений падежей. В русском языке этими средствами выступают флексии и предлоги [Щерба 1974], в туркменском – падежные окончания и послелоги [Макеева http]. Наиболее распространены в русском языке предлоги предложного падежа *в* и *на* с пространственным значением. Их правильный выбор в каждой конкретной ситуации может быть затруднён, что связано с разнообразием значений и оттенков в предложно-падежных конструкциях (например, *в театре/на концерте, в университете/ на площади, в Китае /на собрании, в Ростове-на-Дону/на Кубе, ехать на автобусе/ в автобусе/автобусом*).

Как мы уже отмечали, при входном тестировании туркменские учащиеся показывают пассивное владение русским языком во всех видах речевой деятельности. Наибольшие трудности наблюдаются в говорении, особенно в учебно-профессиональной сфере. В аудировании студенты демонстрируют навыки восприятия небольшого по объему текста с общим пониманием информации. Сложным представляется и чтение в связи с несформированностью соответствующих навыков. При письме учащиеся испытывают затруднения в оформлении писем официально-делового содержания.

С целью развития речевых навыков и умений и формирования речевой и коммуникативной компетенций экспертами проанализированы типичные ошибки туркменских студентов и разработаны методические рекомендации. Результаты работы приведены в таблице 1.

Обсуждения и результаты. Проанализировав полученные результаты исследования, мы можем предположить, что русский язык в Туркменистане утратил статус языка межнационального общения, второго родного языка. Это привело к изменению целей и задач его изучения в школах (русский язык изучается как иностранный язык), сокращению количества часов, отводимых на его преподавание, снижению воспроизводства высококвалифицированных преподавателей по русскому языку. Все это последствия процесса «туркменизации» страны после распада СССР. Современный Туркменистан перешел на латинский алфавит, отказавшись от кириллицы. Вследствие чего современная туркменская молодежь в меньшей степени испытывает культурную, историческую связь с Россией, чем старшее поколение. В сознании же российского академического сообщества ещё сохраняется стереотип, что все граждане современного Туркменистана на хорошем уровне владеют русским языком, и молодые люди этой страны могут легко и свободно осваивать программу высшего профессионального образования в России.

Хотя отмечаются некоторые изменения в лучшую сторону положения русского языка в Туркменистане. В первую очередь это связано с осуществлением долгосрочных совместных проектов между Россией и Туркменистаном.

Так как Туркменистан представляет собой закрытую страну, в настоящее время все эти процессы исследованы мало. Однако они представляют большой интерес для выявления специфики образовательной среды и могут оказать помощь российским учебным заведениям в организации учебного процесса со студентами из этой страны.

С учетом того, какое положение занимает русский язык в Туркменистане, российские эксперты обращают внимание на то, что, если абитуриенты из этой страны приезжают с очень слабой языковой подготовкой, им необходимо изучать русский язык на подготовительном факультете университета.

Важно отметить, что преподаватели русского языка в российских университетах, работая с представителями тюркоязычных стран, должны иметь представления о языковой системе родного языка студентов, знать особенности культуры данного народа. В то же время студентов так же необходимо знакомить с ценностями, обычаями, традициями русского на-

Таблица 1.
Обучение видам речевой деятельности

Вид речевой деятельности	Типичные ошибки	Рекомендации
Говорение	Слабо развиты навыки эффективного общения. Студентам сложно самостоятельно продуцировать связные, логичные высказывания в соответствии с предложенной темой, строить монологическое высказывание репродуктивного типа на основе прочитанного или прослушанного текста, вести диалог. Слабое знание русского речевого этикета	Включать работу над говорением в каждое занятие. Планировать беседы студентов в парах и группах, разыгрывать диалоги. Предлагать учащимся темы для составления собственного монологического высказывания (предварительно студенты могут написать план и рассказ, а в аудитории рассказать). Читать тексты, составлять планы текстов и передавать содержание прочитанного. Рекомендуется формировать коммуникативную компетенцию в рамках тем «Биография», «Семья», «Мой день», «Университет. Учеба», «Свободное время»
Аудирование	Учащимся трудно понимать на слух информацию, содержащуюся в монологическом, диалогическом высказываниях, вычленять тему, основную идею, главную и дополнительную информацию каждой смысловой части сообщения с достаточной полнотой, глубиной и точностью	Проводить целенаправленную, системную работу по аудированию в лингафонной лаборатории. Предлагать студентам аудиоматериалы для различения на слух звуков, слов, фраз. Учащиеся должны слушать небольшие учебные и аутентичные тексты и выполнять упражнения по прослушанному материалу без опоры на зрительное восприятие. Перед прослушиванием текста необходимо снять лексические и грамматические трудности, встречающиеся в тексте. Рекомендуется формировать навыки аудирования в рамках тем «Биография», «Семья», «Мой день», «Университет. Учеба», «Свободное время»
Чтение	Недостаточно отработана техника чтения, требуется корректировка произносительных навыков, слабо развиты навыки и умения, позволяющие воспринимать смысл текста (установление смысловых связей в тексте, восприятие его содержания)	Выбирать тексты с учетом изученного лексико-грамматического материала. Читать тексты на занятиях вслух. Развивать навыки анализирующего, изучающего чтения с многократным возвращением к разным частям текста, навыки прогнозирования, языковой догадки. При работе над текстом студентам предлагать предтекстовые упражнения, притекстовые и послетекстовые упражнения. Обязательно после чтения текста, учащиеся должны передать его содержание. Такая работать также будет способствовать развитию навыков всех видов речевой деятельности
Письмо	У студентов не сформированы навыки составления письменного монологического высказывания продуктивного характера на предложенную тему в соответствии с коммуникативной установкой. При составлении собственного письменного текста учащиеся допускают много грамматических ошибок, неправильно составляю предложения, нарушают логику изложения	Можно рекомендовать: написание диктантов, изложений, на основе прочитанного или прослушанного текста, сочинений на предложенную тему. При написании изложений и сочинений учащиеся сначала должны составить план. Выполнение упражнений на трансформацию: дописать текст, сократить или расширить фразу, текст, заменить предложения синонимическими конструкциями, соединить несколько предложений в одно

рода, на занятиях русского языка должен происходить взаимный обмен на межкультурном уровне. Студенты должны видеть перед собой высококвалифицированного, эрудированного, с широким кругозором преподавателя, который понимает их языковые особенности, особенности менталитета, который может объяснить различия между языковыми системами, который помогает преодолеть трудности в изучении русского языка, исправить типичные ошибки.

В совокупности все это будет способствовать повышению мотивации учащихся к изучению русского языка.

Преподаватели ЮФУ, получив опыт работы с туркменскими студентами, могут предложить своим коллегам следующие рекомендации:

1) студентов, поступивших на 1-й курс бакалавриата необходимо протестировать на уровень владения русским языком. С этой целью преподавателями кафедры русского языка для иностранных учащихся был разработан тест, который состоит из несколько частей. В соответствии с результатами тестирования студенты могут быть распределены на уровни А2, В1, В2. Тест может выполняться в онлайн-режиме на электронной платформе университета;

2) для студентов, которые демонстрируют недостаточный уровень владения русским языком (А2), необходимо организовать дополнительные занятия по русскому языку в рамках дополнительного профессионального обучения. В соответствии с учебным планом на 1-м курсе бакалавриата на занятия по иностранному языку отводится 3 часа в неделю, что является недостаточным. На дополнительные занятия необходимо выделить как минимум еще 3 часа в неделю;

3) на дополнительных занятиях предложить студентам целенаправленную работу по фонетике, лексике, грамматике, видам речевой деятельности с учетом психолого-педагогических особенностей указанного контингента студентов. Главная цель – восполнить пробелы школьной программы обучения;

4) на занятиях по русскому языку умело сочетать работу по всем аспектам языка, видам речевой деятельности с изучением текстов по специальности. Для решения этой задачи представляется эффективным тесное сотрудничество преподавателей русского языка и преподавателей, работающих на факультетах. Такое сотрудничество может осуществляться по нескольким направлениям:

– создание терминологических словарей по научным дисциплинам с целью формирования понятийного аппарата по профильным дисциплинам и овладения научным стилем речи, а также чтобы подчеркнуть общность нейтрального и научного стилей речи;

– составление адаптированных учебных пособий, включающих грамматические конструкции, характерные для научного стиля речи;

– подбор аудиотекстов по профилю будущей специальности учащихся;

5) планировать и проводить курсы повышения квалификации для преподавателей из Туркменистана с целью познакомить туркменских коллег с методикой преподавания русского языка как иностранного, с эффективными методами, приемами, традициями обучения, с университетской образовательной средой.

6) разрабатывать онлайн-курсы по русскому языку для детей, школьников, проживающих в Туркменистане.

При обучении русскому языку мы предлагаем туркменским обучающимся задания по фонетике, лексике, грамматике и видам речевой деятельности.

С целью совершенствования произносительных навыков мы рекомендуем на каждом занятии проводить фонетический тренинг в течение 10–15 минут. В качестве материала для отработки фонетики можно использовать не только отдельные звуки, слоги, слова, но и пословицы, поговорки, отрывки из произведений мастеров русской литературы. Такое построение занятий будет способствовать не только активизации и систематизации слухопроизносительных навыков, но и развитию социокультурной компетенции. В качестве примера приведем следующее задание.

Прослушайте отрывок из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Прочитайте, подражая диктору. Следите за правильным произношением твёрдых и мягких согласных.

…Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл – и вот сама
Идёт волшебница-зима,
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки Зимы…

Для расширения словарного запаса обучающихся важно на каждом занятии использовать задания, направленные на нахождение и анализ слов (синонимы, антонимы, паронимы), составление словосочетаний и предложений

из заданных слов, заполнение пропусков нужными лексическими единицами, определение значения нового слова по корневой морфеме и т. д. Приведем примеры заданий.

Задание. Определите значение глагола** учить **с приставками.

1. Мне нужно выучить текст доклада. 2. Сложно научить того, кто не хочет учиться. 2. Следует переучить стихотворение. 3. Важно заучить некоторые грамматические правила. 4. Обучить языку возможно только при большом желании. 5. Отучить опаздывать – дело нелегкое.

Задание. Составьте словосочетания с глаголами, употребив существительные, данные справа, и поставив их в нужной падежной форме.

выучить (что?) научить (кого? чему?) обучить (кого? чему?) отучить (от чего) переучить (кого? что?)	монолог, правило, тема, формула, статья дедушка, студент, сестра; письмо, арифметика иностранный студент, друг; язык, профессия плохая привычка, курение брат, ребенок; текст, урок, лекция

Задание. Продолжите ряд однокоренных слов (8–10 слов). Составьте с ними предложения.

Учить, учение, учитель, учеба, заучить…

Задание. Соедините близкие по значению слова и словосочетания.

переучить обучить отучить выучить	запомнить, усвоить обучить заново заставить отвыкнуть научить

Задание. Вместо точек вставьте глагол** учить **с приставкой.

1. Важно … ребенка нормам вежливости.

2. … языку невозможно, ему можно только научиться.

3. Для конференции нужно хорошо … доклад.

4. Умных людей трудно …

В обучении грамматике следует использовать задания, ориентированные в первую очередь на наблюдение над уже известной или новой грамматической темой. Обучающиеся должны научиться распознавать пройденный и новый материал, соотносить грамматическую форму со значением, находить место нового материала среди изученного ранее. Приведем примеры заданий.

Задание. Допишите окончания глаголов. Определите вид глаголов и образуйте видовую пару.

1. Я уч… новую тему. 2. Мы дела… это задание. 3. Они смотр… фильм. 4. Вы чита… книги о путешествиях? 5. Ты готов… обед? 6. Он заучива… грамматическое правило.

Задание. Ответьте на вопросы. Определите, когда происходит действие: вчера или сегодня?

Что делают студенты? Что вы учили в выходные? Что ты смотришь по телевизору? Что вы пишите? Что ты делал в пятницу? Что изучаем на уроке русского языка? Что читает твой брат? Что мы делаем дома? Что писали в тетради? Что ты смотрел в субботу?

Задание. Вставьте личные местоимения.

1. … читаем произведения А. С. Пушкина. 2. … пишу доклад по истории. 3. … смотришь новый сериал? 4. … выучили стихотворение? 5. … делаешь домашнее задание? 6. … повторяет глаголы.

Для развития навыков говорения мы предлагаем учащимся подготовить монологическое высказывание. На наш взгляд, задания, связанные с будущей профессией студентов, помогают не только развивать коммуникативные умения по русскому языку, но и в целом повышают мотивацию к изучению языка и культуры. Так как обучающиеся, с которыми работают наши преподаватели, готовятся стать учителями, то мы составили такое задание.

Подготовьте монологическое высказывание на тему «Моя будущая профессия – учитель», опираясь на следующие вопросы. Высказывание должно включать 12–15 предложений.

1. Почему вы выбрали профессию учителя? Кто вам посоветовал стать учителем?

2. В вашей семье есть родственники, которые работают учителями. Если да, то где и сколько времени они работают?

3. Как вы считаете, профессия учителя сложная? Почему?

4. Когда вы учились в школе, какие предметы вы любили больше всего? Почему?

5. В школе у вас были любимые учителя? Кто это? Расскажите, какими качествами обладают эти учителя.

6. Кто такой современный учитель? Какими качествами он должен обладать?

7. Где вы хотите работать после окончания университета?

Работая над чтением, мы уделяем внимание и технике чтения, и пониманию содержания, и структуре текста. Приведем пример заданий по чтению.

Задание. Прочитайте слова и словосочетания. Незнакомые слова посмотрите в словаре и запишите в тетрадь.

Глобальный
качественное образование
единый язык
исчезать / исчезнуть
беспрепятственно
понадобиться
мышечная память
развивать память
приоритетные предметы
оценивать
личность
затрагивать / затронуть
эрудированный
сочетать
добиваться / добиться
усваивать / усвоить
могущественная цивилизация

Задание. Составьте и запишите предложения со словами и словосочетаниями из предыдущего задания.

Задание. Прочитайте текст и ответьте на вопрос: с помощью каких форм работы педагоги смогут развивать детей?

Какой же будет система образования будущего? По моему мнению, она будет глобальной. Любой ученик сможет получать качественное образование независимо от того, где он живет. Все школьники вместе будут проводить разнообразные эксперименты и опыты.

Помимо этого, образование будущего будет на одном едином языке. Чтобы каждый ребёнок мог чувствовать себя по-настоящему дома в разных странах. В школах будут преподавать культуру различных государств и их политическое устройство. Исчезнут границы, и школьники смогут беспрепятственно посещать страны и набираться новых знаний. Такие визиты будут происходить в форме практических занятий по предмету, изучающему разные мировые культуры.

Школы будут открываться где-то в 11 часов, а занятия будут до 3 часов. Учиться все будут не 11 лет, а 14, но будет больше каникул. Предметы в школе будут практическими, тетрадки больше не понадобятся, ученики будут на каждом уроке ставить опыты, таким образом развивая свою мышечную память.

Каждый ученик получит возможность выбирать для себя приоритетные предметы и усиленно заниматься ими. Экзамены будут исключительно практическими, письменные экзамены уйдут в прошлое.

Отметок больше нет. Каждый сам себя оценивает. Оценивает свои силы и возможности. Самые умные ученики могут окончить школу досрочно и поступить в университет. Высшее образование бесплатное и доступно каждому.

Если мы говорим о школе будущего, то нельзя не затронуть личность учителя. Именно он является центральной фигурой, реализующей задачи, поставленные перед школой. Каким мне видится учитель? В первую очередь эрудированным в различных областях. Учитель, ограниченный только своим предметом, не будет интересен ученикам. Он должен уметь вести диалог с учениками, а с современными детьми это не так просто.

Успешно сочетая индивидуальную и коллективную работу, используя нетрадиционные формы работы, например, театральные постановки, интеллектуальные игры, творческие проекты, дискуссии, интернет-олимпиады, диспуты, педагоги смогут развивать детей. Можно добиться того, что дети будут усваивать гораздо больше информации, научатся работать с ней, научатся применять свои способности, а также знания и умения на благо общества. Именно такая система образования позволит сделать землян продвинутыми и создать на нашей планете самую могущественную цивилизацию за всю историю.

(Из школьного сочинения)

Задание. Напишите план текста с опорными словами и перескажите текст.

Отработав предложенный текст, преподаватель даёт письменное задание (переходим к работе над письмом). Пример задания по письму.

Задание. Напишите сочинение на тему: «Каким я вижу образование в моей стране через 20 лет». Сочинение должно включать 20 предложений.

Для отработки навыков аудирования мы предлагаем студентам просмотреть видеосюжет и выполнить задание.

Задание. Просмотрите видеосюжет. https://www.youtube.com/watch?v=2ve5xSY-Po_Q&t=109s. Russian Calendar with Stanislav Chernyshov: November 19th. Затем выполните тест. Отметьте правильный вариант ответа.

1. М. В. Ломоносов жил …	А) в 17 веке Б) в 18 веке В) в 19 веке
2. Михаил в 14 лет умел …	А) читать и считать Б) читать и писать В) читать и рисовать
3. В 19 лет Михаил решил …	А) жениться Б) работать в деревне В) уйти из дома в Москву
4. В Германии М. Ломоносов занимался …	А) физикой и геологией В) физикой и лирикой В) физикой и химией
5. В России М. Ломоносов написал диссертации …	А) по физике и химии Б) по химии и лирике В) по физике и философии
6. М. В. Ломоносов – автор проекта открытия …	А) школы поэзии Б) института русской грамматики В) московского университета

Вывод. Таким образом, необходимыми условиями эффективного обучения туркменских студентов русскому языку в пространстве российского вуза являются:

1) использование на занятиях русского языка как иностранного сознательно-сопоставительного метода;

2) учет особенностей восприятия и усвоения языковой системы русского языка туркменскими обучающимися;

3) системная целенаправленная работа по фонетике, лексике, грамматике, видам речевой деятельности с учетом психолого-педагогических особенностей указанной этногруппы.

В заключении отметим, что русский язык в Туркменистане на данном этапе изучается только как иностранный. Он утратил позиции языка межнационального общения. В связи с этим представляется целесообразным при поступлении в российский вуз определить уровень владения русским языком абитуриентов из Туркменистана, что позволит распределить учащихся с уровнем владения А1 на подготовительный факультет, с уровнем А2 – на обучение по дополнительным программам с целью повышения языковой подготовки до уровня В1. Такая система обеспечит учащимся успешное освоение программы высшего профессионального образования.

Подчеркнем, что русский язык для туркменских студентов является важным инструментом в приобретении коммуникативно-профессиональной компетенции и формировании бикультурной личности.

Литература

Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Издательство «ИКАР», 2009.

Амичба, Д. П. Формирование языковой компетенции студентов-иностранцев на начальном и продвинутом этапах обучения русскому языку / Д. П. Амичба // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти насучасному етапі: Міжпредметні зв'язки : зб. наук. праць. Вип. 9. – Харків : Константа, 2005. – С. 13–19.

Виноградов, А. В. О состоянии русскоязычного образования в Туркменистане / А. В. Виноградов. – URL: www.prometeus.nsc.ru. pdf (дата обращения: 23.09.2019). – Текст : электронный.

Грамматика туркменского языка. Т. 1 / под ред. Н. А. Баскакова, М. Я. Хамзаева, Б. С. Чарыярова ; Ин-т яз. и литературы им. Махтумкули. – Ашхабад : Издательство «Ылым», 1970.

Крючкова, Л. С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному : учеб. пособие / Л. С. Крючкова, Н. В. Мощинская. – М. : Флинта: Наука, 2018. – 480 с.

Кудоярова, Т. В. Русский язык в современной образовательной среде стран СНГ и Балтии : автореф. дис. … канд. пед. наук / Кудоярова Т. В. – М., 2009.

Кудоярова, Т. В. Русский язык в современной образовательной среде Туркменистана / Т. В. Кудоярова // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2010. – № 3. – С. 70–74.

Летняков, Д. Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии / Д. Э. Летняков // Политика. – 2015. – № 4 (79).

Макеева, И. Б. Учет особенностей туркменской культуры и языка при обучении РКИ студентов из Туркменистана / И. Б. Макеева. – URL: http://docplayer.ru/30443150-Uchet-osobennostey-turkmenskoykultury-i-yazyka-pri-obuchenii-rki-studentov-iz-turkmenistana.html.pdf (дата обращения: 03.09.2019).

Мамедов, Б. Б. Функционирование русского языка в Туркменистане / Б. Б. Мамедов // Материалы международной научно-практической конференции специалистов-филологов и преподавателей русистов по проблемам функционирования, преподавания и продвижения русского языка за рубежом. – М. : Федеральное агентство по образованию ; Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2007. – С. 319-321.

Осьмухина, О. В. Русский язык на постсоветском пространстве Средней Азии / О. В. Осьмухина // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации : сборник материалов II Международной научно-методической конференции-вебинара. – Курск : Курский государственный медицинский университет, 2017.

Русский язык в новых независимых государствах: результаты комплексного исследования. – М. : Фонд «Наследие Евразии», 2008.

Русско-туркменский словарь: 50 000 слов / под общ. ред. проф. Н. А. Баскакова и доц. М. Я. Хамзаева ; Акад. наук Туркм. ССР. Ин-т языка и литературы. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 880 с.

Сравнительная грамматика русского и туркменского языков. Фонетика и морфология / под ред. Н. А. Баскакова. – Ашхабад : Туркмен. изд-во, 1974. – 380 с.

Хуторский, А. В. Образовательное пространство СНГ – проблемы сравнительной педагогики / А. В. Хуторской. – М. : Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2006.

Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.

Brown, H. Douglas. Principles of Language Learning and Teaching / H. Douglas Brown. – Pearson Education, 2006. – URL: http://angol.uni-miskolc.hu/wp-content/media/2016/10/Principles_of_language_learning.pdf (mode of access: 03.09.2019). – Text : electronic.

Orekhovskaya, N. A. Russian language as a factor of soft power in cross-cultural communication: overcoming the crisis / N. A. Orekhovskaya, E. I. Zamaraeva, E. V. Shikh, A. A. Galushkin, R. I. Platonova, A. M. Ishmuradova. – Text : electronic // XLinguae. – 2019. – Vol. 12, No. 4. – P. 155–164. – URL: http://xlinguae.eu/issue-n_4_2019.html (mode of access: 03.09.2019).

References

Amichba, D. P. (2005). Formirovanie yazykovoi kompetentsii studentov-inostrantsev na nachal'nom i prodvinutom etapakh obucheniya russkomu yazyku [The Formation of the Linguistic Competence of Foreign Students at the Initial and Advanced Stages of Teaching the Russian Language]. In *Vykladannya mov u vyshchykh navchal'nykh zakladakh osvity nasuchasnomu etapi: Mizhpredmetni zv''yazky: zb. nauk. prats'*. Issue 9. Kharkiv, Constanta, pp. 13–19.

Azimov, E. G. Shchukin, A. N. (2009). *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching Languages)]. Moscow, Izdatel'stvo «IKAR».

Baskakov, N. A., (Ed.). (1974). *Sravnitel'naya grammatika russkogo i turkmenskogo yazykov. Fonetika i morfologiya* [Comparative Grammar of the Russian and Turkmen Languages. Phonetics and Morphology] (1974). Ashgabat, Turkmenskoe izdatel'stvo. 380 p.

Baskakov, N. A., Khamzaev, M. Ya., Charyyarov, B. S. (Eds.). (1970). *Grammatika turkmenskogo yazyka* [Grammar of the Turkmen Language]. Vol. 1. Ashkhabad, Izdatel'stvo «Ylym».

Baskakov, N. A., Khamzaev, M. Ya. (Eds.). (1956). *Russko-turkmenskii slovar': 50 000 slov* [Russian-Turkmen Dictionary: 50 000 words]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. 880 p.

Brown, H. Douglas. (2006). *Principles of Language Learning and Teaching*. Pearson Education. URL: http://angol.uni-miskolc.hu/wp-content/media/2016/10/Principles_of_language_learning.pdf (mode of access: 03.09.2019).

Khutorskoy, A. V. (2006). *Obrazovatel'noe prostranstvo SNG – problemy sravnitel'noi pedagogiki* [The Educational Space of the CIS – Problems of Comparative Pedagogy]. Moscow, Nauchno-vnedrencheskoe predpriyatie «INEK».

Kryuchkova, L. S. (2018). *Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Practical Method for Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, Flint, Nauka. 480 p.

Kudoyarova, T. V. (2009). *Russkii yazyk v sovremennoi obrazovatel'noi srede stran SNG i Baltii* [Russian Language in the Modern Educational Environment of the CIS and Baltic Countries]. Avtoref. dis. … kand. ped. nauk. Moscow.

Kudoyarova, T. V. (2010). Russkii yazyk v sovremennoi obrazovatel'noi srede Turkmenistana [Russian Language in the Modern Educational Environment of Turkmenistan]. In *Vestnik RUDN. Seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. No. 3, pp. 71–75.

Letnyakov, D. E. (2015). Rol' russkogo yazyka v postsovetskoi Tsentral'noi Azii [The Role of the Russian Language in post-Soviet Central Asia]. In *Politika*. No. 4 (79).

Makeeva, I. B. *Uchet osobennostei turkmenskoi kul'tury i yazyka pri obuchenii RKI studentov iz Turkmenistana* [Taking into Account the Peculiarities of Turkmen Culture and Language When Teaching Students from Turkmenistan to RFL]. URL: http://docplayer.ru/30443150-Uchet-osobennostey-turkmenskoykultury-i-yazyka-pri-obuchenii-rki-studentov-iz-turkmenistana.html.pdf (mode of access: 03.09.2019).

Mamedov, B. B. (2007). Funktsionirovanie russkogo yazyka v Turkmenistane [The Functioning of the Russian Language in Turkmenistan]. In *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii spetsialistov-filologov i prepodavatelei rusistov po problemam funktsionirovaniya, prepodavaniya i prodvizheniya russkogo yazyka za rubezhom*. Moscow, Gos. IRYa im. A. S. Pushkina, pp. 319–321.

Orekhovskaya, N. A., Zamaraeva, E. I., Shikh, E.V., Galushkin, A.A., Platonova, R. I., Ishmuradova, A. M. (2019). Russian Language as a Factor of Soft Power in Cross-Cultural Communication: Overcoming the Crisis. In *XLinguae*. Vol. 12. No. 4, pp. 155–164. URL: http://xlinguae.eu/issue-n_4_2019.html (mode of access: 03.09.2019).

Osmukhina, O. V. (2017). Russkii yazyk na postsovetskom prostranstve Sredney Azii [Russian Language in the post-Soviet Space of Central Asia]. In *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov i RKI: traditsii i innovatsii: sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii-vebinara*. Kursk, Kurskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet.

Russkii yazyk v novykh nezavisimykh gosudarstvakh: rezul'taty kompleksnogo issledovaniya [The Russian language in the new independent states: the results of a comprehensive study]. (2008). Moscow, Fond «Nasledie Evrazii».

Shcherba, L. V. (1974). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka. 428 p.

Vinogradov, A. V. *O sostoyanii russkoyazychnogo obrazovaniya v Turkmenistane*. [On the state of Russian-language education in Turkmenistan]. URL: www.prometeus.nsc.ru (mode of access: 23.09.2019).

Данные об авторах

Григорян Армине Азатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия).

Адрес: 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105.

E-mail: armine_1979@mail.ru.

Попкова Евгения Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия).

Адрес: 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105.

E-mail: evpopkova@yandex.ru.

Authors' information

Grigoryan Armine Azatovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian for Foreign Students, South Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

Popkova Evgeniya Borisovna – Candidate of Sociology, Associate Professor of Department of Russian for Foreign Students, South Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 82-93. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-28. ББК Ш380.0.
ГРНТИ 14.25.07. Код ВАК 13.00.02 (5.8.2)

ИТОГИ I ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДЕТСКАЯ И ПОДРОСТКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ, ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ИЗУЧЕНИЯ»

Полева Е. А.
Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4224-8456

Левченко М. Л.
Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4177-987X

Аннотация. В статье подводятся итоги I Всероссийской научно-практической конференции «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», посвященной актуальным проблемам развития художественной словесности и читательской культуры подрастающего поколения. Цель данной статьи – дать представление о работе конференции, специфике докладов, векторах диалога участников.

Ключевые слова: детская литература; подростковая литература; практики чтения; литературное краеведение; популяризация детского чтения; чтение детей; читательская деятельность; читательские интересы; всероссийские конференции; научно-практические конференции; возможности сетевых ресурсов

RESULTS OF THE FIRST RUSSIAN NATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE “LITERATURE FOR CHILDREN AND TEENAGERS: APPROACHES TO ANALYSIS, READING PRACTICES, AND REGIONAL CONTEXT OF STUDY”

Elena A. Poleva
Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4224-8456

Marina L. Levchenko
Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4177-987X

© Е. А. Полева, М. Л. Левченко, 2021

Abstract. The article contains a review of the results of the First Russian National Scientific-Practical Conference "Literature for Children and Teenagers: Approaches to Analysis, Reading Practices, and Regional Context of Study", focusing on the urgent issues of the development of the art of literature and the reading culture of the younger generation. The purpose of this article is to report about the outcomes of the conference, the specificity of the reports, and the vectors of the participants' dialogue.

Keywords: literature for children; literature for teenagers; reading practices; literary regional studies; popularization of children's reading, children's reading; readers' activity; readers' interests; all-Russian conferences; scientific-practical conferences; networking resource opportunities

Для цитирования: Полева, Е. А. Итоги I Всероссийской научно-практической конференции «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения» / Е. А. Полева, М. Л. Левченко // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 316–321. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-28.

For citation: Poleva, E. A., Levchenko, M. L. (2021). Results of the First Russian National Scientific-Practical Conference "Literature for Children and Teenagers: Approaches to Analysis, Reading Practices, and Regional Context of Study". In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 316–321. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-28.

Памяти Ольги Игоревны Плешковой

Современное литературоведение характеризуется подъёмом интереса к детской и подростковой художественной словесности. Вопросы развития детской литературы тесно связаны с проблемами методики её преподавания, приобщения к чтению детей не только старшего дошкольного и младшего школьного, но и подросткового возраста. В большей степени, в процесс изучения классической и современной литературы для тинэйджеров и их читательских практик включены исследователи из педагогических вузов разных регионов России (МГПУ, МПГУ, РГПУ им А. И. Герцена, УрГПУ, ТГПУ, АлтГПУ и др.). Один из трендов изучения книг для детей и подростков – взаимодействие в границах одного аналитического поля филологов, педагогов, библиотекарей, психологов, социологов, искусствоведов.

Отдельного внимания заслуживает изучение регионального текста детской литературы. Далеко не все авторы, создающие качественные, отвечающие требованиям художественной выразительности и соответствия возрастным потребностям аудитории произведения, занимаются самопродвижением (участие в литературных премиях, сетевые формы презентации творчества и пр.), чтобы стать заметными для центральных издательств. Поэтому они видны только локальной части читателей, как правило, не замечены или мало замечены критиками, их произведения не введены в научный обиход. Вместе с тем, анализ современной региональной литературы для детей и подростков позволяет, во-первых, увидеть общие черты и специфически-региональные особенности новейшей словесности, во-вторых, уточнить тенденции развития современной литературы для детей в контексте истории её развития.

Кафедра русской литературы Томского государственного педагогического университета на протяжении более 10 лет развивает научное направление «проблематика и поэтика детско-юношеской литературы и методика приобщения подростков к чтению». В русле этого направления были изданы коллективные монографии [Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1950–2010 годы) 2016; Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1850–2010 годы) 2019], осуществлены два грантовых исследования [Макаренко, Полева 2017; Полева 2019] произведений для детей и юношества писателей, биографически связанных с Сибирью, проведены несколько тематических научных конференций [Головчинер, Макаренко, Петров, Полева 2019; Полева, Ходина 2021]. За годы осуществления научных планов у коллектива существующего при кафедре с 2019 года «Сибирского научно-образовательного центра изучения детско-юношеской литературы и развития культуры чтения» сложились тесные связи с учёными из разных регионов России, прежде всего с заведующей лабораторией «Поэтика детской литературы» Алтайского государственного педагогического университета О. И. Плешковой, екатеринбургским исследователем

Е. В. Харитоновой, томским (а ныне санкт-петербургским) литературоведом и детским поэтом А. Н. Губайдуллиной.

I Всероссийская научно-практическая конференция «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», состоявшаяся 23–24 сентября 2021 года, – результат организаторских усилий литературоведов Томского государственного педагогического университета и сотрудников Иркутской деткой библиотеки им. М. Сергеева.

Конференция стала площадкой для взаимодействия специалистов из разных сфер изучения детско-юношеской литературы и организации читательских практик (литературоведов, преподавателей литературы, библиотекарей и детских писателей). Помимо основных тематических секций по детской литературе в рамках конференции были организованы научно-методологический семинар «Перспективы взаимодействия библиотек, НКО, вузов и школ в изучении и продвижении литературы для детей и подростков», творческие встречи с детскими писателями и поэтами.

Смешанный формат (очное / дистанционное участие) проведения мероприятия позволил объединить докладчиков и слушателей из Томска, Новосибирска, Кемерово, Иркутска, Курска, Екатеринбурга, Ставрополя, Сочи, Сургута, Якутска и Санкт-Петербурга.

Рабочую часть конференции открыл доклад Е. К. Макаренко (Томск) «Жанровое своеобразие исторического романа А. М. Волкова «Зодчие». Обращение к творчеству Александра Мелентьевича, выпускника Томского учительского института, связано со знаковой датой – юбилеем писателя в 2021 году. Евгения Константиновна представила впервые предпринятое в отечественном литературоведении исследование романа «Зодчие», выделив в тексте А. М. Волкова типологические черты, роднящие его с классической схемой исторического романа Вальтера Скотта (реальное историческое лицо в вымышленных обстоятельствах), а также обращение к концепции развития истории Виктора Гюго (историю творят «зодчие»).

Прозвучал ряд докладов, посвященных популярному среди подростков жанру фэнтези. Е. В. Харитонова (Екатеринбург) представила анализ мотивной структуры романа «Мия» Тамары Михеевой, уделив особое внимание образному и сюжетному воплощению вариантов семантически взаимосвязанных мотивов книги и чтения («девочка в библиотеке», «девочка за чтением», «искушение чтением»). Исследователь пришла к выводу, что чтение и книга в фантастическом мире романа Тамары Михеевой становятся запретной формой трансляции знания, тяга к которому определяет образ центральной героини и сюжетное развитие событий. В докладе Ю. О. Чернявской (Томск) анализировались образы стихий (земли, воды, воздуха) в фэнтезийном цикле Линор Горалик о Венисане, была выявлена их амбивалентная семантика. Архетипические образы стихий, с одной стороны, олицетворяют стремление главной героини цикла к свободе, обретению самости, перерождению; с другой стороны, рождают в ней чувство незащищенности, страха. Логичным продолжением темы стал доклад И. В. Ащеуловой (Кемерово) «Современное подростковое фэнтези: как и чему оно может научить». Ирина Владимировна говорила о ряде произведений (С. Лукьяненко дилогия «Недотепа» и «Непоседа», Ю. Лавряшина «Серебряный ключ», Ли Бардуго трилогия «Гриши» – «Тень и кость», «Штурм и буря», «Крах и восход»), на материале которых ею велась проектно-исследовательская работа со старшеклассниками. И. В. Ащеулова обозначила и педагогические риски, и потенциал обращения учителя к произведениям массовой / беллетристической природы для работы с подростковой аудиторией. Доклады о фэнтези вызвали оживлённую дискуссию участников конференции.

Жанровые, стилистические особенности современных произведений для детей и подростков о Великой Отечественной войне стали предметом осмысления в докладе И. В. Петрова (Екатеринбург). Особое внимание Илья Вадимович уделил методическому потенциалу работы с детективной повестью писательницы Наталии Волковой «Разноцветный снег», вошедшей short-list финалистов премии им. В. П. Крапивина. Докладчик аргументировал значимость изучения актуальной темы «исторической памяти» на материале не только классических текстов XX века, но и современных художественных произведений, адресованных подросткам и способствующих уста-

новлению содержательного межпоколенческого диалога. По мнению Ильи Вадимовича, образ понятной читателю-подростку тринадцатилетней героини и детективная жанровая формула в сочетании с глубоким ценностным планом произведения создают предпосылки для успешной реализации учителем воспитательного потенциала повести Н. Волковой.

Региональному тексту детской литературы Якутии был посвящен обзорный доклад О. И. Пашкевич (Якутск). В сообщении было представлено творчество Н. Е. Мординова, С. А. Попова (Тумат), И. И. Иннокентьева, И. В. Мигалкина и др. Смысловую доминанту произведений якутских авторов во многом определяет тема детства, связанная с изображением специфических социоэтнических и географических реалий севера России (малой родины). Обращение писателей к национальным образам и культуре малых народов Якутии, по мнению докладчика, обеспечивает концептуальную уникальность регионального текста якутской детской литературы.

Прозвучали два выступления о «школьной прозе». Е. А. Полева (Томск) анализировала мотив зверей и зверства в повести В. Железникова «Чучело». Исследователь обозначил лексико-сематические варианты мотива, развитие образов собаки, маски/чучела, функционирование оппозиционных пар хищник – жертва в системе персонажей, зверское (инстинктивное) – человечное (гуманное) в идейно-тематической структуре повести. С. Н. Колесова (Новосибирск) исследовала специфику изображения топоса школы в повести современных писателей А. Жвалевского и Е. Пастернак «Время всегда хорошее». Доклад Светланы Николаевны содержал и литературоведческий анализ, и методические рекомендации по организации исследовательской работы и решения обучающимися филологических задач.

М. Л. Левченко (Томск) обратилась к анализу темы детства в прозе современного российского автора – Дины Сабитовой, концептуальную линию творчества которой представляет тема сиротства. Анализ повести «Где нет зимы» подтвердил значимость исторического контекста для понимания трактовки Д. Сабитовой темы социальной незащищенности ребенка в России XX века и художественного воплощения национального образа сиротства.

Обзорный доклад Е. Ю. Ходиной был посвящен осмыслению индивидуально-авторских исканий вариантов синтеза иллюстрации и художественного вербального текста в креолизованных прозаических миниатюрах для детей издательской серии «Пестрый квадрат» (М. Есеновский, А. Гиваргизов, С. Седов и др.). По мысли выступающего, в основе творчества современных писателей обнаруживаются традиции русского авангарда. Доклад вызвал живую дискуссию по поводу специфики материала и сложности методологического аппарата для его исследования.

Значимую часть работы конференции составили методические доклады, анонсирующие результат практической работы по приобщению детей к литературному наследию. Е. Ю. Филякина говорила о потенциале различных методических форм работы с алтайскими сказками для формирования нравственных ориентиров у старших дошкольников. Неподдельный интерес и дискуссию у коллег-слушателей вызвал доклад Е. В. Гуляевой, учителя литературы школы № 30 г. Курска, «Организация чтения детской и подростковой литературы в практике работы учителя-словесника». Екатерина Витальевна поделилась методами приобщения к чтению школьников основной и старшей школы, доказавшими эффективность в процессе их апробации. Докладчик продемонстрировал результаты осмысления обучающимися художественных текстов, выраженные в современных проектно-творческих формах: буктрейлер, лэпбук, лонгрид.

Вопрос использования информационных возможностей медиасреды и сетевых ресурсов для популяризации чтения стал краеугольным в докладах участников-библиотекарей. Как отметили О. А. Алейникова и В. Н. Распопин (Новосибирск), сегодня главная миссия библиотек не меняется, а обретает новую форму и содержание, получает новый потенциал. Докладчики представили позитивный опыт формирования мотивации к чтению путем разработки онлайн-контента, продемонстрировали профессионально разработанные ресурсы Новосибирской областной детской библиотеки им. А. М. Горького – книжный путеводитель, видеогалереи, познавательные коллекции, буктрейлеры. Новосибирских докладчиков

поддержал коллектив Научной библиотеки Томского государственного педагогического университета. Э. З. Степаненко и Е. Г. Кадомец (Томск) рассказали о новых читательских практиках, внедряемых в работу в НБ ТГПУ. Виртуальные выставки, электронные каталоги, тематические книжные полки по запросу пользователя позволили библиотекарям усовершенствовать процесс поиска нужных источников и ресурсов, а организация тематических виртуальных конкурсов в немалой степени решает вопрос привлечения новой читательской аудитории.

Рабочую часть научно-методологического семинара, посвященного возможностям и перспективам взаимодействия библиотек, НКО, вузов и школ в изучении и продвижении литературы для детей и подростков, открыло выступление Е. А. Черных (Иркутск), библиотекаря сектора деловой и образовательной литературы МБУК города Иркутск «ЦБС» Информационно-досугового центра Библиотеки № 20 им. Е. А. Евтушенко. Елена Александровна резюмировала опыт использования технологий развития и продвижения семейного чтения в преемственности с социальными партнерами в рамках образовательной деятельности библиотек. Методически ценно, что доклад подробно и наглядно проиллюстрировал процесс подготовки, оформления и реализации проекта фестиваля поэзии иркутских писателей, где социальными партнерами и целевой аудиторией, вовлеченной в процесс популяризации чтения и реализации проекта, стали методический центр развития образования г. Иркутска, а также городские школы и гимназии.

А. Н. Немцева (Иркутск), заведующая организационно-методическим отделом по работе с детьми и юношеством Муниципального бюджетного учреждение культуры г. Иркутска «Централизованная библиотечная система», рассказала слушателям семинара о способах и целях визуализации литературного текста, объединив в своем выступлении традиционные и инновационные практики визуализации и обозначив перспективность данной методики как способа популяризации чтения среди детей и подростков в работе библиотечных систем.

Е. Ю. Ходина, аспирант кафедры русской литературы Томского государственного педагогического университета, главный библиотекарь ГБУК «Иркутская областная детская библиотека им. Марка Сергеева», поделилась опытом оформления и реализации грантовых инициатив в рамках сотрудничества библиотеки и НКО, предоставив участникам конференции ценную информацию о возможностях продвижения просветительских проектов посредством грантов.

Завершали работу первого и второго дня конференции творческие встречи с современными российскими писателями для детей – Дмитрием Сиротиным (Воркута, Москва) и Верой Лавриной (Кемерово). Участники конференции послушали авторское исполнение художественных текстов, получили ответы на вопросы, касающиеся творческой лаборатории писателей, их планов, источников для вдохновения, осмысления ими образа адресата детской книги. Встреча с писателями-практиками позволила поднять актуальные вопросы: сложностей регионального книгоиздания, способов продвижения на книжном рынке.

Обзор научных и методических докладов позволяет утверждать, что в приоритете у участников конференции – осмысление именно современной (рубежа XX–XXI веков) литературы для детей и подростков, актуальных форматов взаимодействия проводников в мир художественной книги (преподавателей, библиотекарей) и юных читателей. Содержательность работы конференции определяется широким спектром охваченных жанрово-тематических направлений детско-юношеской литературы и форм работы по приобщению к чтению подростков, вниманием к литературе разных регионов России.

Литература

Головчинер, В. Е. Итоги Восьмой Всероссийской с международным участием научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве: Детство в литературе и литература о детстве» / В. Е. Головчинер, Е. К. Макаренко, А. В. Петров, Е. А. Полева // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 3. – С. 286–290.

Макаренко, Е. К. Итоги и перспективы исследования современной сибирской литературы для детей и юношества (отчет по гранту РГНФ и Администрации Томской области) / Е. К. Макаренко, Е. А. Полева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 2 (179). – С. 128–134.

Полева, Е. А. Методические и методологические аспекты изучения сибирской и уральской литературы для детей: опыт регионов (по материалам круглого стола) / Е. А. Полева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (198). – С. 136–145.

Полева, Е. А. Итоги и перспективы I Всероссийской научно-практической конференции «Сибирская детская литература и практики чтения в Сибири» (Иркутск – Томск, 11–12 сентября 2020 г.) / Е. А. Полева, Е. Ю. Ходина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1 (213). – С. 139–145.

Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1950–2010 годы) : коллективная моногр. Т. 1 / Е. А. Полева [и др.] ; под ред. Е. А. Полевой. – Томск : Изд-во Том. ЦНТИ, 2016. – 198 с.; Т. 2 / Е. А. Полева [и др.] ; под ред. Е. А. Полевой, Е. К. Макаренко. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2016.

Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1850–2010 годы) : коллективная моногр. / Е. А. Полева [и др.] ; под ред. Е. А. Полевой. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2017.

Reference

Golovchiner, V. E., Makarenko, E. K., Petrov, A. V., Poleva, E. A. (2019). Itogi Vos'moi Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii «Russkaya literatura v sovremennom kul'turnom prostranstve: Detstvo v literature i literatura o detstve» [Results of the 8th All-Russian Scientific Conference with International Participation "Russian Literature in Modern Cultural Space: Childhood in Literature and Literature about Childhood"]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 286–290.

Makarenko, E. K., Poleva, E. A. (2017). Itogi i perspektivy issledovaniya sovremennoi sibirskoi literatury dlya detei i yunoshestva (otchet po grantu RGNF i Administratsii Tomskoi oblasti) [Results and Prospects of Studies of Modern Siberian Literature for Children and Youth (Report on the Grant of Russian Foundation for the Humanities and the Administration of Tomsk Region)]. In *Vestnik TGPU*. No. 2 (179), pp. 128–134.

Poleva, E. A. (2019). Metodicheskie i metodologicheskie aspekty izucheniya sibirskoi i ural'skoi literatury dlya detei: opyt regionov (po materialam kruglogo stola) [Methodical and Methodological Aspects of Studying Siberian and Ural Literature for Children's: Regional Experience (Based of Materials of the Round Table)]. In *Vestnik TGPU*. No. 1 (198), pp. 136–145.

Poleva, E. A., Khodina, E. Yu. (2021). Itogi i perspektivy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sibirskaya detskaya literatura i praktiki chteniya v Sibiri» (Irkutsk – Tomsk, 11–12 sentyabrya 2020 g.) [Results and Prospects of the First Russian National and Practical Conference "Siberian Children's Literature and Reading Practices in Siberia" (Irkutsk – Tomsk, September 11–12, 2020)]. In *Vestnik TGPU*. No. 1 (213), pp. 139–145.

Poleva, E. A. et al. (2016). *Sibirskaya literatura dlya detey i yunoshestva: tendentsii i kontekst razvitiya (1950–2010-e gg.)* [Siberian Literature for Children and Youth: Trends and Development Context (1950–2010s)]. Vol. 1 / ed. by E. A. Poleva. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo TsNTI. 198 p.

Poleva, E. A. et al. (2017). *Sibirskaya literatura dlya detey i yunoshestva: tendentsii i kontekst razvitiya (1850–2010-e gg.)* [Siberian Literature for Children and Youth: Trends and Development Context (1850–2010s)]. Vol. 2 / ed. by E. A. Poleva, E. K. Makarenko. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.

Данные об авторах

Полева Елена Александровна – проректор по научной работе, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия).

Адрес: 634061, Россия, Томск, ул. Киевская, 60.

E-mail: tspu-litera@yandex.ru.

Левченко Марина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия).

Адрес: 634061, Россия, Томск, ул. Киевская, 60.

E-mail: m-vilesova@mail.ru.

Authors' information

Poleva Elena Aleksandrovna – Vice Rector for Research, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia).

Levchenko Marina Leonidovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia).

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС
Том 26. 2021. № 4

Цена свободная

16+

Редактор *О. А. Адясова*
Верстка *А. Ю. Тюменцева*

Дата подписания в печать 27.12.2021. Дата выхода в свет 29.12.2021. Формат 70×100/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура Alegreya. Усл. печ. л. 25,80. Уч.-изд. л. 32,89.
Тираж 500 экз. Заказ 5288

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26